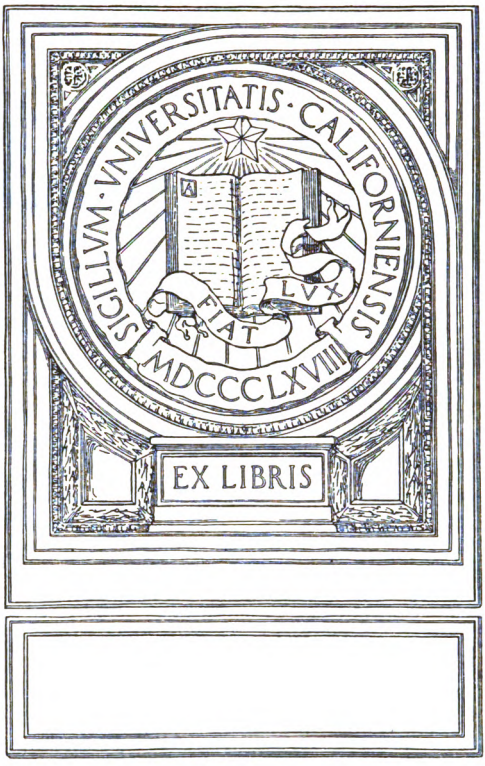
C-NRLF
B 598 651

Бобруйская
Публичная Библиотека
№ 6040
имени А. С. ПУШКИНА.



Годъ VI-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 27 января 1897 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1897:2
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТР.

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА ЗАПАДА ВЪ XVI ВѢКѢ. Профессора **Р. Виппера**. 1
СТИХОТВОРЕНІЕ. НА РАСПУТЬИ. (Изъ Моро). **О. Чюминой**. 11
ВЪ ЛЕДЯНОЙ ТУНДРѢ. (Изъ поѣздки къ чукчамъ). **А. Гедеонова** 13
ИСКУССТВО СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. **Гюйо**. (Пер. съ французскаго подъ редакц. **Л. Е. Оболенскаго**). 25
ЖИВАЯ ЖИЗНЬ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть первая. (Продолженіе). **И. Потапенко** 44
НАРОДНАЯ ПАРТІЯ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. **Эрн. Боггарта**. Переводъ съ нѣмецкаго **Л. Туганъ-Барановской**. 72
НОВѢЙШІЕ ФИНСКІЕ ПИСАТЕЛИ. Критическій этюдъ. **В. Фирсова**. 85
ПЕРЕЛОМЪ. Романъ **Эммы Брукъ**. Переводъ съ англійскаго **Л. Давыдовой**. (Продолженіе). 102
ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. (Продолженіе). **Ив. Иванова**. 128
КАРТИНКИ ВОЛЫНИ. **Н. Гарина**. 179
ВЪ ИНСТИТУТѢ ДЛЯ ЗАИКАЮЩИХСЯ. **В. Л—е**. . . . 205
СТИХОТВОРЕНІЕ. ПАМЯТИ НАДСОНА. (19 января 1887 г.). **В. Ладыженскаго** 215
СТИХОТВОРЕНІЯ. ПЕЙЗАЖИ. **Н. Селиванова** 216

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Полное собраніе сочиненій Н. И. Наумова.—Народники-бытописатели.—Послѣднія беллетристическія новинки.—Разсказы г. Ив. Бунина.—«Молохъ» г. Куприна.—Десятилѣтіе смерти Надсона. **А. Б.** 1
РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губерніи.—Прокаженные въ бурятскихъ улусахъ.—Женщина—волостной писарь.—Дѣятельность Сарапульскаго Комитета Общества трезвости. Двадцатипятилѣтіе дѣятельности народнаго учителя.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. (Некрологъ). 11

284284

СТР.

16. ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ ВЪ САРАПУЛѢ. (Письмо въ редакцію). **В. Л.** 22
17. **За границей.** Европейскій гордіевъ узелъ.—Голодъ и чума.—Американская университетская жизнь.—Пропаганда мира въ Европѣ и завѣщаніе Альфреда Нобеля.—Швабская деревня въ Кордильерахъ. 33
18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Humanitarian». — «Popular Science Monthly» 48
19. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Эмиль Дюбуа-Реймонъ.—Автоматическіе двигатели и ихъ научно философское и практическое значеніе. — Новыя перспективы въ физіологіи нервной системы и въ физіологической психологіи.—Чествованіе Герберта Спенсера.—25-лѣтіе проф. Ненцкаго. — **Научныя новости и мелочи:** Обсерваторія Lowell'я.—Мѣры для охраненія животныхъ въ Африкѣ.—Новая комета.—Новая зоологическая станція.—Рѣдкое завѣщаніе.—Брюссельская международная выставка въ 1897 г. Прив.-доц. **М. Гольдштейна.** 52
20. ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ЭМИЛЯ ДЮ-БУА-РЕЙМОНА. Прив.-доц. **Г. Челпанова** 73
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Исторія всеобщая.—Юридическія науки.—Философія и психологія. — Антропологія. — Естествознаніе.—Изъ иностранной литературы. **Ив. Ив.**—Новости иностранной литературы.—Новыя книги поступившія въ редакцію. 80

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

22. ФАРАОНЪ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ **Болеслава Пруса.** Переводъ съ польскаго **Е. А. Ганейзера.** (Продолженіе) 41
23. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Въ отрывкахъ изъ подлинныхъ работъ. **Д-ра Фридриха Даннеманна.** Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и дополненіями прив.-доц. С.-Петербургскаго университета **М. Ю. Гольдштейна.** (Продолженіе) 25
24. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VI-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** VI-й г. изд.

Выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ 25 листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. ОРИГИНАЛЬНАЯ: стихотворенія гг. Бальмонта, Ладыженскаго, Минскаго, П. Я.. О. Чюминой и др.; «Живая жизнь», общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ **И. Потапенко**; «Школяры», очеркъ **В. Дмитріевой**; «Изъ захолустной жизни», разсказъ **Л. Хлопова**; «Жертва вогула», очеркъ **П. Инфантьева**; «Намаялся», разсказъ **Н. Быстренина**; разсказы и очерки постоянныхъ сотрудниковъ журнала гг. Ев. Чирикова, Ульянова, Сѣрошевскаго, Савихина, г-жи Ю. Безродной, и др. ПЕРЕВОДНАЯ: «Переломъ», соціальный романъ изъ жизни современной Англіи въ переводѣ **Л. Давыдовой**; «Записки философа», **Роберта Гранта**, бытовые очерки изъ американской жизни; «Злой духъ», психологическій романъ **Іонаса Ли**, перев. съ норвежскаго **В. Фирсова**; «Данаиды», разсказъ **Эрнеста Вильденбруха**; «Узы», разсказъ **Э. Ожешко**; разсказы, очерки и повѣсти Ст. Жеромскаго, Б. Прусса, Киплинга, Ахо, Бурже и др

Отдѣлъ II. Научныя сочиненія и статьи. ОРИГИНАЛЬНЫЯ—ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ: «Дыханіе и жизнь», проф. **Бородина**; «Отправленіе и организація», проф. **Брандта**; «Алхимія и алхимики», прив.-доц. **Володкевича**; «Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ», **В. Агафонова**; «Эфиръ и спектръ»; **В. Агафонова**. ПО ЭТНОГРАФІИ: «Бытъ уральскихъ казаковъ», **Гр. Потанина**; «Изъ путешествія по Китаю», горн. инж. **В. Обручева**; «Поѣздка къ чукчамъ», **П. Гедеонова**; «Добрые обычаи и нравы», **Ф. Щербины**. ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ: «Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ», проф. **Виппера**; «Основныя гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II», **Гр. Джаншіева**; «Очерки изъ исторіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ XIX вѣка», проф. **С. Ѳ. Фортунатова**. ПО ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКѢ: «Шекспиръ и Бѣлинскій», монографія проф. **Стороженко**; «Глѣбъ Успенскій», критическій этюдъ **Ив. Иванова**; «Исторія русской критики», **Ив. Иванова**; «Хвощинская (Вс. Крестовскій псевд.)», по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ **М. Цебриковой**; «Эпосъ умирающаго языка», **Вѣры Джонстонъ** (Желиховской); «Новѣйшіе финскіе писатели», критическій этюдъ **В. Фирсова**. ПО СОЦІОЛОГІИ: «Факторы общественнаго развитія» (къ анализу экономическаго матеріализма), соціологическіе очерки **Людвига Крживицкаго**; «Прогрессъ и бѣдность», **Б. Эфруси**; «Развитіе представительныхъ учрежденій», по Каутскому **Л. Давыдовой**; «Рабочія кооперації въ Бельгіи», **Лид. К.**; «Союзы труда въ Англіи» по Сидней Веббу **Л. Давыдовой**. ПО ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ: «Къ ученію матеріализма» (отвѣтъ моимъ оппонентамъ), прив.-доц. **Челпанова**; «Свобода воли», прив--доц. **Челпанова**; «Энергетика (новый взглядъ на ученіе матеріализма), прив.-доц. **Гольдштейна**; «Безсмертіе» (о вѣчности жизни съ

точки зрѣнія современной біологіи), прив.-доц. Гольдштейна; «Объ измѣреніи психическихъ явленій», проф. Оршанскаго. ПУБЛИЦИСТИКА: «Голосъ провинціи въ вопросѣ о распространеніи университетскаго образованія въ Россіи» В. Сторожева; «Новыя женщины въ современной литературѣ», по Л. Гижицкой. Л. Давыдовой; «Изъ скандинавской жизни», М. Лучицкой; «Изъ культурной жизни мелкихъ народностей», очерки Л. Василевскаго; «Образованіе во Франціи», М. Б.; «Образованіе въ Швейцаріи», В. Агафонова; «Новый типъ американскаго университета» (Чикагскій университетъ), Тверскаго; «Отношеніе французскаго общества къ политикѣ», Н. В. Водовозова; «Изъ быта русскихъ студентовъ заграницей», Коврова и проч.

Переводныя и компилятивныя. «Исторія религіозныхъ воззрѣній въ древнемъ мірѣ», составленная по спеціальнымъ работамъ различныхъ иностранныхъ ученыхъ, подъ редакціей В. В. Лесевича; «Исторія естествознанія въ очеркахъ и картинахъ», д-ра Данемана, перев. прив.-доц. М. Гольдштейна; «Табориты», очеркъ изъ соціальной жизни Богеміи XVI в. К. Кауцкаго, перев. Л. Давыдовой; «Развитіе профессій», Спенсера, перев. съ англ. Т. Криль; «Введеніе въ Греціи и Римѣ политическаго строя», Моргана, перев. Шоуеръ; «Новалисъ», Карлейля; «Личность и идеи Гюйо объ эстетикѣ и этикѣ», Альфреда Фулье; подъ редакціей Л. Оболенскаго; статьи изъ текущей журналистики по различнымъ отраслямъ наукъ въ переводѣ постоянныхъ сотрудниковъ журнала г-жъ Л. Давыдовой, Э. Пименовой, Т. Криль, гг. Агафонова, Гольдштейна, Никольскаго, Пятницкаго и др.

Отдѣлъ III. Научная хроника. Желая предоставить читателямъ возможность слѣдить за современнымъ развитіемъ науки и техники, редакція нашла необходимымъ завести особый отдѣлъ—«НАУЧНАЯ ХРОНИКА», въ которомъ читатели найдутъ, въ общедоступномъ и легкомъ изложеніи, свѣдѣнія о современныхъ открытіяхъ, изслѣдованіяхъ и путешествіяхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Веденіе отдѣла принялъ на себя прив.-доц. спб. университета М. Ю. Гольдштейнъ.

Отдѣлъ IV. Разныя разности. Этотъ отдѣлъ распадается на два: «Русская жизнь» и «Иностранная жизнь». Въ первомъ помѣщаются свѣдѣнія о наиболѣе интересныхъ выдающихся событіяхъ изъ жизни нашей родины. Дополненіемъ къ нему служитъ сжатое изложеніе статей, заслуживающихъ особаго вниманія, изъ русскихъ журналовъ. Во второмъ помѣщаются такія же свѣдѣнія о жизни западно-европейскихъ и другихъ народовъ. Дополненіемъ къ нему служитъ пересказъ статей, особенно интересныхъ, изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ. Такимъ образомъ, читатели, не имѣющіе возможности слѣдить изо дня въ день за текущей жизнью по газетамъ и журналамъ, могутъ все-таки изъ этого отдѣла «Разныя разности» составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе объ общественной и интеллектуальной жизни нашей родины и за ея предѣлами. Источниками для составленія этого отдѣла служатъ многочисленныя русскія и иностранныя повременныя изданія.

Отдѣлъ V. Критическія замѣтки. Очерки выдающихся произведеній русской и переводной литературы.

Отдѣлъ VI. Библіографія. Въ виду цѣлей самообразованія, на библіографію въ журналѣ «МІРЪ БОЖІЙ» обращено особое вниманіе. Книги располагаются по спеціальностямъ, причемъ обзоръ ихъ составляется спеціалистами по каждой отрасли наукъ. Кромѣ разбора вновь выходящихъ сочиненій, дается, по возможности, указатель для литературы даннаго вопроса. Въ цѣляхъ большей полноты и систематизаціи, съ будущаго года выдѣляются всѣ иностранныя сочиненія въ особый отдѣлъ—«ИЗЪ МІРА СТАРОЙ КУЛЬТУРЫ», критическій подробный разборъ болѣе важныхъ трудовъ иностранныхъ писателей, причемъ предполагается обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на сочиненія, имѣющія культурно-общественное значеніе.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, входящія въ отдѣлъ библіографіи, какъ самостоятельная часть, составляются по лучшимъ библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, давая сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся заграницей новыхъ книгахъ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб.; безъ доставки 6 руб., за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, Литовская, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ столичныхъ и провинціальныхъ магазинахъ. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ четыре руб. и остальные три руб. къ 1-му іюля. Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изданія редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ“:

1. **Очерки по исторіи русской культуры. П. Милюкова.** Часть первая. **Изданіе второе.** Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

2. **Физическія явленія на земномъ шарѣ. Элизе Реклю.** Сокращеніе «Земли» того же автора, **сдѣланное имъ самимъ.** Переводъ съ французскаго 5-го изданія, и съ примѣчаніями и дополненіями **Д. А. Коропчевскаго.** Съ 118 рисунками въ текстѣ, съ прибавленіемъ словаря географическихъ именъ. Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкой 1 р. 75 к. Подписчики журнала «Міръ Божій», выписывающіе черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

3. **Письма объ эстетическомъ воспитаніи. В. Острогорскаго.** Изданіе II. Цѣна 40 к.

4. **Очерки пушкинской Руси. В. Острогорскаго.** Изданіе II. Цѣна 40 к.

5. **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ив. Иванова.** Жизнь, личность, творчество. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

6. **Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. И. Бородина.** Цѣна 1 р. 50 к.

7. **Основанія элементарной психологіи. Г. Компейрэ.** Перев. съ франц. подъ ред. прив.-доц. **Г. Челпанова.** Цѣна 80 к.

8. **Тайна богатой наслѣдницы.** Романъ **Вальтера Безанта.** Цѣна 80 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Новый иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

25 книгъ „ВСХОДЫ“. въ годъ.

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія въ среднія и низшія учебныя заведенія, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большого формата—отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ—въ два столбца, **съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ,** б) 15-го — небольшой книжкой — отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или много въ двухъ номерахъ, и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Программа журнала слѣдующая: Повѣсти и романы для дѣтей, оригинальные и переводные; стихотворенія; историческія повѣсти; сказки; историческія легенды; біографіи знаменитыхъ людей; очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и проч. Большое вниманіе будетъ обращено редакціей на ознакомленіе дѣтей съ Россіей,

ея исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія. Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей **А. Н. Анненская.**

Въ журналѣ **«ВСХОДЫ»** помѣщается ежемѣсячно: 1) **отдѣлъ для маленькихъ дѣтей** и 2) **для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.**

Кромѣ того, подписчики получатъ **книгу** беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, **въ видѣ безплатнаго приложенія.**

Въ 1896 году было напечатано:

I. Въ №№ журнала, выходящихъ въ 1-хъ числахъ каждаго мѣсяца: 1) **Беллетристика:** **Пожаръ на кораблѣ** — *К. Станюковича*, **Ужасный случай**—*Мамина-Сибиряка*, **Фрося и Пестрянка**—*В. Михеева*, **Смиренные**—*А. Коваленской*, **Милосердіе**—*Л. Черскаго*, **Неро**—*Алтаева*, **Удачный выстрѣлъ**—*В. Родича*, **Сироты**—*А. Смирновой*, **Нелло и Патрашъ** — *Уйда*, **Проклятое золото** — *Бернета Филлау*, **Бѣглецы** — *Кляреси*, **Бѣлка**—*А. Терье*, **Отецъ-Наркисосъ**—*Бекеласа*, **Отецъ и сынъ**—*Беннета*, и др.

II. **Историческіе разсказы, очерки, біографіи. Очерки изъ жизни средневѣковой Европы**—*А. Анненской*: 1) Изгнанникъ, 2) Изъ монастыря въ лагерь, 3) Рыцарь бѣлой розы, 4) Найденышъ. **Прежде и теперь**—*Д. Коропчевскаго*, очерки домашней жизни въ старое и наше время: 1) жилища, 2) мебель и утварь. **Невольники въ Америкѣ** (Памяти Гарріетъ Бичеръ Стоу)—*И. Петрова*. **Избраніе на царство перваго государя изъ дома Романовыхъ. Сапожникъ-миссіонеръ**—біографическій очеркъ *Л. Давыдовой*, **Другъ дѣтей Генрихъ Песталоцци**—*А. Анненской*, **Карлъ Линней**—*А. Нечаева*, и друг,

III. **Географія и этнографія. Ѣзда на собакахъ въ Сибири**—*В. Сѣрошевскаго*, **Въ Пескахъ**—*А. Ивашкевичъ*, **Очерки изъ жизни и исторіи земли**—*А. Нечаева*: 1) Черные брилліанты подземнаго царства. 2) Соляное царство. 3) Добываніе кристалловъ. 4) Жертвы подземнаго огня. 5) Подземные дворцы.

IV. **Естествознаніе. Птичьи гнѣзда**—д-ра зоологіи *А. Никольскаго*. **Разсказы изъ жизни животныхъ**—*Поля Бера*. Составлено по записямъ путешественниковъ. **Зоологическій садъ зимой: Орелъ-Чеглока. Первая охота на оленя. Устройство садика**—*Е. Симоновой*.

V. **На родинѣ и по чужимъ краямъ.** Полярная экспедиція Нансена.—Экспедиція Андрэ.—Восхожденіе на Эльбрусъ.—Ураганъ въ С.-Луи.—Священное дерево.—Замѣчательная обезьяна.—Ручная бабочка.—Несгораемое дерево.—Движущаяся гора.—Переполохъ въ Мадридѣ.—Оживленныя картины.—Поѣздъ желѣзной дороги, остановленный улитками.

Въ книжкахъ, выходящихъ 15-го числа каждаго мѣсяца и содержащихъ одно законченное произведеніе, было напечатано слѣдующее: **Голодовка у сѣвернаго полюса**, эпизодъ изъ одной научной экспедиціи. **По Фонвіелю**—*Э. Пименовой*. **Въ странѣ Чудесъ**, путешествіе по Индіи—*П. Маеля*. **Среди австралійскихъ дикарей**, путешествіе Лумгольца—излож. *Э. Пименовой*. **На южномъ берегу Крыма**—*М. Юрьевой*. **За правое дѣло**—Повѣсть изъ средневѣковой жизни. **Коломба. Воспоминанія одного американскаго школьника**—*Т. Белей-Ольдрича*. **Исторія одного мальчика**—*Альфонса Доде*, передѣлано авторомъ для дѣтей, въ 2 томахъ. **Клегъ Келли**. Романъ *С. Крокетта*, въ передѣлкѣ для дѣтей *А. Анненской* въ 2 т.

Въ отдѣлѣ для младшихъ братьевъ и сестеръ было напечатано между прочимъ: **Моя первая елка**—*А. Анненской*. **Аленушкина сказка.**—*Д. Мамина-Сибиряка*, **Финиковый садъ въ пустынѣ**—*Вагнера*. **Рыбьи гнѣзда**—*Л. Давыдовой*. **Вовка**—*Алтаева*. **Мишукъ**—*Р-ва*. **Изъ жизни въ лѣсу. Бѣлка. Ежи въ нашемъ саду. Разсказы** *Быковой* и пр.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ и по той же программѣ, какъ въ 1896 году.

Цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу **8** рублей. **Разсрочка допускается слѣдующая: 3** рубля при подпискѣ и **2** рубля къ 1-му мая.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, **которые уплатили подписную плату полностью.**

Адресъ: **С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, въ редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».**

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается.

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ П. Голяховскій.**

Общество, государство, культура Запада въ XVI вѣкѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о новомъ времени въ противоположность среднимъ вѣкамъ и философія исторіи, которой это понятіе служило.—Почему оно не удовлетворяетъ насъ?—Сомнѣнія въ возможности вообще научнаго изученія и построенія всемірной исторіи.—Новыя задачи, внесенныя соціологической постановкой исторической науки.

Минувшая работа научной и философской мысли оставляетъ въ наслѣдіе позднѣйшимъ поколѣніямъ извѣстную систему представленій и идей, закрѣпленную своеобразной терминологіей. Такимъ знакомъ научно-исторической работы за послѣдніе 100—150 лѣтъ остались привычные намъ со школьной скамьи историческіе заголовки и рубрики—«Средніе Вѣка», «Новое время», «Возрожденіе», «Реформація» и т. д. Подобные термины, когда-то символы живыхъ комбинацій мысли, потомъ остающіеся лишь въ качествѣ затвердѣлыхъ, механически повторяемыхъ рамокъ, надолго переживаютъ общее воззрѣніе, которое ихъ вызвало, переживаютъ методы и пріемы, посредствомъ которыхъ были сложены покрываемыя ими построенія. Но простыя имена, при своей живучести, способны превращаться въ умахъ какъ бы въ неоспоримые общіе факты. Термины сохраняютъ господство надъ историческимъ матеріаломъ: новыя впечатлѣнія, новонаблюденные факты продолжаютъ къ нимъ приспособляться; мало того, въ терминахъ стараются открыть новый смыслъ, имъ даютъ новыя истолкованія; вмѣсто того, чтобы спрашивать, удобно ли обозначенное ими дѣленіе, подходитъ ли оно къ такимъ-то выясненнымъ нами вновь причиннымъ рядамъ, мы склонны искать, въ какую категорію отнести новооткрытое явленіе или группу явленій, какъ пригнать ихъ къ готовой схемѣ. Такъ бываетъ до тѣхъ поръ, пока подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ задачъ, новаго философскаго взгляда, не наступитъ моментъ кризиса схемы, моментъ рѣшительнаго пересмотра общей исторической картины.

Въ настоящую пору многихъ не удовлетворяетъ унаслѣдованное построеніе всемірной исторіи, и въ особенности рубрика «Новаго времени», которое принято начинать съ возрожденія или реформаціи и противополагать «Среднимъ вѣкамъ». Чтобы опредѣлить цѣну для насъ этой періодизаціи, поучительно прежде всего справиться, когда, подъ вліяніемъ какихъ общихъ воззрѣній и для какой нужды были сложены эти группы и придуманы эти названія? Остаются ли для насъ обязательными прежніе мотивы? Или ихъ мѣсто заступили другія побужденія, которыя, однако, хорошо мирятся со старыми раздѣлами? Здѣсь оказывается прежде всего, что термины возникли гораздо раньше и безъ связи съ содержаніемъ вложенной въ нихъ потомъ формулы, что содержаніе это выработалось сравнительно весьма поздно.

Въ историческихъ обобщеніяхъ всегда болѣе или менѣе сказывается потребность выдѣлять эпоху своего поколѣнія или ближайшихъ къ нему поколѣній въ видѣ особаго новаго или новѣйшаго времени. Все дѣло въ томъ, насколько далеко вглубь отодвигаютъ его начало. У людей XVII и XVIII столѣтій сознаніе, что Европа живетъ въ послѣдніе вѣка какою-то особенною жизнью, было весьма интензивно. Между тѣмъ оно совершенно не сходилось съ традиціоннымъ и общепринятымъ раздѣленіемъ исторіи человѣчества на 4 періода по 4 всемірнымъ монархіямъ Даніилова пророчества; къ тому-же не могло не смущать, что послѣдній по пророчеству періодъ—римской имперіи—затянулся необычайно долго: научный классификаторъ чувствовалъ естественно необходимость провести въ немъ разграничительныя линіи. Подъ вліяніемъ этихъ потребностей и возникъ въ средѣ ученыхъ филологовъ, подъ вѣдомствомъ которыхъ скромно состояла исторія, терминъ «Средній вѣкъ» (у насъ еще Грановскій употреблялъ эту первоначальную, болѣе яркую форму; обычное теперь выраженіе «Средніе вѣка» представляетъ дальнѣйшее видоизмѣненіе, въ которомъ специфическій смыслъ термина ослабленъ и сведенъ на блѣдную хронологическую рамку). Созданный такимъ образомъ періодъ долженъ былъ служить къ тому, чтобы на одномъ концѣ отмѣтить гибель подлиннаго классицизма, а на другомъ—появленіе новой эры просвѣщенія, начавшейся со времени литературнаго воскрешенія классицизма. Ученые родоначальники термина руководились при его установленіи очень узкими, спеціальными мотивами: они думали при этомъ о возобновленіи въ эпоху, къ которой причисляли себя, чистой латыни послѣ господства латыни варварской, или «латыни средняго и низшаго вѣка». Къ понятію «вѣка» легко примыкала заимствованная ими у древнихъ аналогія историческихъ періо-

довъ и возрастовъ жизни: между современностью, періодомъ зрѣлости, и античнымъ міромъ, раннимъ возрастомъ человѣчества, какъ бы естественно помѣщался промежуточный возрастъ, «средній вѣкъ». Внѣшнее раздѣленіе эпохъ, принятое филологами-гуманистами, почти совпало съ построеніемъ исторіи сообразно церковно-протестантскимъ интересамъ: съ этой точкой зрѣнія тѣ же самые одиннадцать вѣковъ (отъ V до XVI) оказывались промежуточными между раннимъ христіанствомъ, не затемненнымъ іерархіей и традиціей, и его «возстановленіемъ».

Но, въ сущности, до конца прошлаго вѣка такія раздѣленія эпохъ имѣли спеціальный интересъ. Крупнѣйшіе универсалъ-историки (напр., Шлёцеръ) не подчинялись имъ и группировали данныя общей и мѣстной исторіи по другимъ признакамъ. Два крупныхъ направленія мысли придали хронологическимъ терминамъ «Средній вѣкъ» и «Новое время» ихъ современный смыслъ и фиксировали дожившее до насъ дѣленіе исторіи человѣчества на три великихъ періода.

Во-первыхъ, съ XVIII в. стало распространяться своеобразное представленіе о развитіи человѣческой «личности». Философія индивидуализма, или либерализма (если подъ либерализмомъ разумѣть не одну политическую программу, но цѣлую систему общихъ воззрѣній), выставила свою историческую формулу. Объявивши главной задачей культуры обоснованіе индивидуальной свободы, правъ человѣка, либерализмъ открывалъ свою историческую эпоху—Новую исторію—съ высвобожденія личности въ явленіяхъ Возрожденія и Реформаціи отъ давленія авторитета; враждебный церкви и аскетической морали, либерализмъ усматривалъ въ господствѣ католичества сокрушающій умственный и нравственный авторитетъ. Въ готовый уже терминъ «Средній вѣкъ» было вставлено теперь опредѣленное соціально-этическое содержаніе. Либерализмъ внесъ вмѣстѣ съ тѣмъ новое понятіе въ раздѣленіе эпохъ, заимствованное уже изъ сферы соціально-политическихъ отношеній. Онъ стремился искоренить общественное неравенство, сословныя привиллегіи, экономическія стѣсненія, ставившія преграду личной предпріимчивости; всѣ эти ненавистныя ему формы были собраны подъ именемъ феодализма. Крушеніе ихъ, правда, относилось только къ концу прошлаго вѣка и не совпадало съ окончаніемъ «Средняго вѣка», но для того, чтобы сблизить даты начала обоихъ освободительныхъ теченій, либерализмъ допустилъ въ качествѣ своего предшественника абсолютную монархію и помѣстилъ ее въ роли перваго противника феодальнаго порядка въ XVI и XVII вв.

*

Благодаря либеральной формулѣ, крайне невыгодно раздвинулось представленіе о феодализмѣ: феодализмъ былъ нѣкоторымъ образомъ оторванъ отъ опредѣленнаго историческаго мѣста, и типическія черты его стерты; вмѣсто того, чтобы разумѣть подъ нимъ своеобразный европейскій строй IX—XII вв., основанный на натуральномъ хозяйствѣ, крѣпостномъ трудѣ и сеньеріальной власти, въ категорію феодализма было отнесено также все, что потомъ, на почвѣ сословнаго государства съ XV по XVIII в. служило выраженіемъ соціальной іерархіи и соціальныхъ привиллегій, сепаратизма и аристократическихъ тенденцій въ политикѣ. Вслѣдствіе такой сплошной характеристики феодализма, растянутаго на десять вѣковъ, въ общей исторической картинѣ выпала, въ свою очередь, важная эпоха высвобожденія и матеріальнаго подъема низшихъ классовъ, которая какъ разъ приходилась до начала такъ-называемаго «Новаго времени», т. е., приблизительно, на XIII—XV вв. Наоборотъ, было упущено, что «Новое время» принесло весьма существенное матеріальное и отчасти правовое ухудшеніе участи этихъ классовъ. Однако, старая философско-историческая формула шагала черезъ этотъ промежутокъ, не замѣчая его, и шагала при помощи идеи непрерывнаго общаго прогресса.

Какъ бы то ни было, но, благодаря этимъ натяжкамъ, закрѣпилась распространенная и доселѣ формула, что средневѣковая жизнь состоитъ въ преобладаніи феодализма и католицизма, въ качествѣ началъ авторитета и іерархіи, а новое время заполняется отрицаніемъ этихъ началъ и вытѣсненіемъ ихъ во имя принциповъ личной свободы и равенства.

Чрезвычайно кстати для этой философіи исторіи пришелся терминъ Возрожденіе, который у филологовъ имѣлъ специфическій смыслъ возвращенія въ стилѣ и литературныхъ формахъ къ древнимъ образцамъ; въ исторіографіи XIX в. подъ этотъ терминъ подставили необыкновенно широкое понятіе о всестороннемъ разцвѣтѣ личной и общественной жизни. Въ концѣ концовъ подъ Возрожденіемъ всякій разумѣетъ все, что угодно: одинъ—жизненный оптимизмъ, другой — мораль, заключенную въ словахъ «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», третій—политическій и соціальный демократизмъ, четвертый—раціональную педагогію, пятый—даже появленіе денежнаго хозяйства и т. д. Но всюду въ этихъ представленіяхъ примѣшивается своеобразное пониманіе древности, которое уже идетъ отъ новой филологіи, отъ второго классицизма XVIII в.: это та мысль, что древній греко-римскій міръ—школа человѣчества, что личность достигла въ немъ полнаго и всесторонняго развитія; что только съ того момента, когда

среднеевропейскіе народы прошли эту школу, они созрѣли, или «возродились» для настоящей жизни.

Послѣднимъ звеномъ въ этой комбинаціонной работѣ послужила теорія прогресса, въ разныхъ направленіяхъ развитая Гердеромъ, Кондорсэ, Гегелемъ и Контомъ. Какъ ни различно смотрѣли всѣ они на общій ходъ и смыслъ историческаго процесса, какъ ни различно опредѣляли они характеръ эпохъ и законы ихъ смѣны, но общій результатъ ихъ построеній состоялъ въ томъ, что факты европейской исторіи были подняты на высоту міровыхъ переворотовъ и общечеловѣческой эволюціи. Надолго закрѣпилась та идея, что отъ вѣка пирамидъ или отъ Мараѳона и до нашихъ дней, отъ египетскихъ работъ въ Нильской долинѣ до современныхъ завоеваній европейской цивилизаціи на земномъ шарѣ развертывается великое непрерывное связное цѣлое, исторія человѣчества; что разумѣемая подъ этимъ именемъ группа, сначала небольшая, мѣстная, потомъ ставшая всесвѣтной, проходила по извѣстному плану, данному заранѣе или раскрывшемуся въ самомъ движеніи, въ опредѣленныя грани времени, опредѣленныя ступени прогрессирующаго развитія; что отдѣльныя народности вносили въ этотъ процессъ лишь спеціальные вклады, какъ бы исполняли спеціальныя партіи въ большомъ оркестровомъ концертѣ. Руководясь фактами движенія науки, моральныхъ и философскихъ идей, отчасти промышленной техники, направители всемірно-историческихъ конструкцій втискивали данныя другихъ рядовъ въ большія отвлеченныя рубрики, изъ которыхъ каждая играла роль послѣдовательной ступени въ развитіи принциповъ. Такъ какъ связывать посредствомъ принципіальныхъ девизовъ, пригонять факты частныхъ прерывающихся эволюцій подъ общую линію прогреса было не легко, то всемірная исторія постоянно трудилась надъ шлифованьемъ и подчисткой непослушнаго матеріала, постоянно вырабатывала и мѣняла отмѣтки къ эпохамъ, въ родѣ «подготовка движенія», «реакція мысли» и т. д. Въ развертывающейся исторической картинѣ послѣднимъ 3, 4 столѣтіямъ «Новой исторіи» была отведена особая роль: этотъ періодъ получилъ характеристику времени по преимуществу прогрессивнаго, времени лихорадочно быстраго усовершенствованія во всѣхъ сферахъ жизни.

Современная наука не знаетъ, что̀ дѣлать съ этимъ унаслѣдованнымъ канономъ. Съ одной стороны, ея вниманіе устремлено на такія явленія, которыя никакъ не укладываются въ старыя рамки, сработанныя для культурныхъ сюжетовъ. Въ самомъ дѣлѣ какъ, напр., примирить съ общимъ представленіемъ объ освободи-

тельномъ вліяніи реформаціи факты новаго прикрѣпощенія крестьянъ въ Германіи, совпадающіе хронологически съ религіознымъ расколомъ и реформой? Или, наоборотъ, какъ оторвать подъ фирмой «освобожденія личности» развитіе капитализма въ среднеевропейскихъ странахъ въ XVI в. отъ промышленныхъ тенденцій XV в., которыя привели къ торжеству денежныхъ силъ въ слѣдующемъ столѣтіи? Съ другой стороны, новая историческая наука изучаетъ движеніе въ предѣлахъ ясно очерченныхъ группъ, націй, государствъ, сословій и т. д. Самыя явленія духовной культуры, подъ бѣглымъ впечатлѣніемъ которыхъ прежде выводились смѣлыя и красивыя воздушныя линіи надъ земною обыденностью, самыя эти явленія новый изслѣдователь стремится привести въ тѣсную связь съ ближайшими соціальными и матеріальными условіями. Поколебалось и представленіе о непрерывномъ прогрессѣ, по восходящей линіи котораго старая философія исторіи располагала общественные и культурные факты. Конецъ культуры древняго міра представляется теперь многимъ вовсе не результатомъ прихода новыхъ народностей. Если здѣсь была возможна, помимо внѣшняго давленія, естественная смерть или, лучше сказать, переходъ къ низшему растительному существованію, послѣдовательная утрата признаковъ облика человѣческаго, отчего не допустить возможности аналогичнаго явленія для другихъ культуръ? На чемъ, дальше, основана увѣренность, что ни одна культура не погибаетъ окончательно, а должна служить естественной школой для послѣдующихъ? Историкъ соціальныхъ отношеній постоянно будетъ спрашивать себя, въ угоду чему, какому принципіальному идолу онъ долженъ включать въ общую категорію прогресса такія явленія, какъ, напр., упомянутую выше перемѣну въ положеніи нѣмецкаго крестьянина въ XVI в.?

Понятно то недовѣріе, съ которымъ многіе относятся, во-первыхъ, ко всякой философіи исторіи, а затѣмъ къ старой всемірной исторіи, построенной на идеѣ органическаго человѣчества, на понятіи о самостоятельности духовной жизни, о внутренней необходимости культурныхъ перемѣнъ и культурныхъ пріобрѣтеній, не только не зависящихъ отъ элементарныхъ условій жизни, но, наоборотъ, способныхъ произвольно организовать всю жизнь. Недовѣріе доходитъ до отрицанія всемірной или всеобщей исторіи, какъ научнаго цѣлаго; при этомъ болѣе или менѣе явно пробивается та мысль, что закономѣрность развитія можетъ быть изучаема только въ замкнутыхъ группахъ, только тамъ, гдѣ мы имѣемъ цѣльный процессъ; въ судьбѣ же Европы, а еще болѣе въ судьбѣ всѣхъ культурныхъ народовъ земного шара, говорятъ

сомнѣвающіеся, мы располагаемъ лишь суммой, случайнымъ сцѣпленіемъ моментовъ, принадлежащихъ различнымъ рядамъ и живымъ группамъ. Въ неопредѣленныхъ внѣшнихъ рамкахъ того, что называется эволюціей человѣчества, всемірно-историческимъ процессомъ, возможно лишь послѣдовательное систематическое описаніе или художественное воспроизведеніе картины прошлаго; наукѣ, поскольку она стремится къ открытію общихъ законовъ и общихъ нормъ, съ этимъ цѣлымъ дѣлать нечего.

Слѣдовательно, отъ прежней всемірной исторіи могутъ сохраниться лишь обрывки, лишь частныя задачи, которыя охватываютъ нѣсколько одновременныхъ или послѣдовательныхъ группъ, соединенныхъ по какому-либо общему интересу: таковы различныя международныя отношенія, промышленныя, дипломатическія, военныя, таково распространеніе національной литературы за предѣлами ея родины, такова исторія религіозныхъ и церковныхъ отношеній, какъ системы, стоящей надъ многими народностями и т. д.

Не трудно видѣть однако, что утраченный принципъ единства всеобщей исторіи замѣнился другимъ, что она сохранила свой научный характеръ, больше того, что сосредоточеніе интереса на эволюціи болѣе тѣсныхъ группъ ввело всеобщую исторію въ новую научную фазу. Эту фазу, пришедшую на смѣну философско-исторической, можно назвать *соціологической*. Историческая наука становится болѣе абстрактной; ея тенденція все болѣе направляется къ тому, чтобы подмѣчать общія черты въ эволюціи общественныхъ группъ, чтобы изучать роль постоянныхъ факторовъ, чтобы, на основѣ наблюденія аналогичныхъ моментовъ, выяснять нормальный ходъ развитія этихъ группъ. Такой перемѣнѣ цѣлей и пріемовъ историческаго изученія чаще даютъ другую формулировку: именно новые методы, пріемы абстрагированія, общія комбинаціи и аналогіи, добытыя путемъ сравненія эволюціонныхъ моментовъ отдѣльныхъ группъ, отводятъ въ кругъ особой науки, соціологіи, оставляя исторіи только конкретное описаніе, только классификацію матеріала. Можно возражать, что это раздѣленіе искусственно, что оно проводится, такъ сказать, только на бумагѣ: въ дѣйствительномъ обиходѣ науки не существуетъ и невозможно такое распредѣленіе труда и такая послѣдовательность, чтобы лишь по установленіи конкретныхъ рядовъ наступало пользованіе ими для сравненія, для абстракціи; оба пріема постоянно переплетаются и дополняютъ другъ друга. Во всякомъ случаѣ, сущность перемѣны въ пользованіи историческимъ матеріаломъ, въ построеніи историческаго цѣлаго остается та же, куда бы ни относить новый методъ: центръ тяжести историческаго интереса

лежитъ въ данную минуту не въ изученіи событій, не въ изученіи единичнаго, особеннаго, исключительнаго, а въ изученіи типическаго, въ наблюденіи повторяемости, правильности, въ выдѣленіи постоянныхъ, возвращающихся элементовъ.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что общество въ его національно политической организаціи, какъ группа наиболѣе сплоченная, прочная, интензивная въ своей сознательной жизни, можетъ всего удобнѣе служить органической единицей въ сравнительномъ изученіи, можетъ дать матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ разрѣзовъ. На самой терминологіи отражается эта перемѣна интереса и метода: терминъ «Средніе вѣка», дискредитированный въ качествѣ имени великой общечеловѣческой эпохи, переходитъ съ извѣстнымъ правомъ въ область изученія исторіи отдѣльныхъ народностей и становится обозначеніемъ нѣкотораго типическаго періода въ развитіи народной жизни; въ этомъ смыслѣ терминъ этотъ фиксируется на болѣе тѣсной эпохѣ жизни германскихъ и романскихъ народовъ, приблизительно, отъ VIII до XII в.; въ этомъ смыслѣ говорятъ о греческомъ, египетскомъ средневѣковьѣ, какъ эпохахъ древней греческой, египетской исторіи, напоминающихъ въ соціальномъ и культурномъ отношеніи упомянутые вѣка въ исторіи среднеевропейскихъ народовъ. Даже такія составныя и обширныя группы, какъ греко-римскую древность, современный историкъ склоненъ разсматривать въ качествѣ матеріала для типа своего рода и въ смыслѣ сложной международной культурной системы ставитъ въ параллель новоевропейскому.

Такимъ образомъ, въ наше время всеобщая исторія постепенно обращается въ изученіе историческихъ типовъ и типическихъ соотношеній. Задача ея состоитъ или въ выясненіи общаго пути, общихъ нормъ, въ которыхъ совершается жизнь аналогичныхъ общественныхъ группъ въ ихъ цѣломъ составѣ, или въ выясненіи повторяющихся взаимоотношеній, какъ, напр., развитіе государственнаго порядка въ связи съ эволюціей общественныхъ формъ и т. п. При такой постановкѣ научныхъ задачъ матеріалъ можетъ быть привлекаемъ въ очень различныхъ рядахъ и разрѣзахъ. Типъ новоевропейской націи, новоевропейскаго государства (приблизительно, съ IX—XII вв. начиная) важенъ, какъ наиболѣе сложный, богатый по содержанію и представленный въ значительномъ числѣ особей, развивавшихся въ близкихъ, сходныхъ условіяхъ и непрерывныхъ взаимныхъ сношеніяхъ; отсюда совпаденіе въ жизни новоевропейскихъ націй аналогичныхъ моментовъ и періодовъ. Изученіе такихъ моментовъ и періодовъ и представляетъ наилучшій путь къ выясненію общаго типа и общихъ свойствъ

его развитія. Съ этой точки зрѣнія, напр., удобно брать такія эпохи въ исторіи западноевропейскихъ народовъ, какъ XVI в. Будемъ ли мы этотъ вѣкъ называть эпохой реформаціи или отмѣтимъ его по другой чертѣ, заимствованной изъ экономической или политической исторіи, задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ общихъ сцѣпленіяхъ или въ одновременныхъ, повторяющихся въ разныхъ странахъ явленіяхъ открыть основныя черты европейскаго общественнаго типа и особенности того поворота, который онъ прошелъ въ крупный періодъ своего развитія. Конечно реформація или открытіе океаническихъ путей и всемірная торговля представляютъ собой нѣкоторый общій результатъ для европейской системы народовъ и государствъ; конечно, сложившіяся въ это время отношенія своеобразно связали отдѣльныя историческія группы въ новыя, болѣе общія соединенія, или развили между ними новые антагонизмы, но первый вопросъ, который намъ важно выяснить, состоитъ въ томъ, какимъ образомъ европейскія общества могли придти къ сходнымъ результатамъ въ соціальной, политической и культурной сферѣ. Именно эти черты аналогичнаго развитія западныхъ обществъ составляютъ, главнымъ образомъ, то цѣлое, которое мы называемъ исторіей Европы.

Поэтому, возможно такое построеніе общей исторіи Европы въ предѣлахъ крупныхъ эпохъ, какъ бы мы изучали движеніе одной изъ входящихъ въ ея составъ группъ, пополняя данными развитія другихъ. Преимущество такого сводnаго изученія сходныхъ группъ будетъ заключаться въ томъ, что мы будемъ располагать большимъ количествомъ примѣровъ, большимъ выборомъ моментовъ, которые всѣ вмѣстѣ не встрѣчаются въ каждомъ отдѣльномъ рядѣ, въ движеніи отдѣльной группы, или не всюду отличаются одинаковой яркостью. Такъ мы изучаемъ раннюю колоніальную политику на Испаніи, образованіе новаго общества и развитіе національно-монархической политики на Англіи XVI в.; паденіе крестьянской самостоятельности въ XVI в. происходитъ только въ Германіи, но оно играетъ извѣстную роль въ общей исторіи Западной Европы, какъ наиболѣе послѣдовательный и рѣзкій результатъ экономическихъ перемѣнъ, одинаковыхъ для большей части Европы.

Въ послѣдующихъ очеркахъ предполагается выяснить съ этой точки зрѣнія основные факты развитія западноевропейскихъ народовъ въ періодъ необыкновенно богатаго и разносторонняго разцвѣта ихъ жизни въ XVI в. Первая задача будетъ состоять въ томъ, чтобы опредѣлить, каковы были общіе моменты обще-

ственнаго, политическаго и умственнаго развитія европейскихъ націй къ началу XVI в.

Не указывая здѣсь многочисленныхъ работъ въ области соціологическаго метода, поскольку изъ соціологіи стремятся создать особую абстрактную науку, отмѣтимъ обширную статью *Лампрехта* (подъ заглавіемъ «Was ist Kulturgeschichte?» въ «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Neue Folge I, 2, 1896), въ которой переходъ къ изученію нормъ, типическихъ явленій разсматривается, какъ характерная черта, какъ новый фазисъ современной исторической науки. Къ сожалѣнію, Лампрехтъ сводитъ совершенно ясную разницу старой и новой постановки научно-историческихъ задачъ на болѣе смутную противоположность индивидуалистической и коллективистской конструкціи и еще далѣе на противоположность интереса къ политическимъ и интереса къ культурнымъ явленіямъ. Говорить нечего, что послѣднія два различія не покрываются первымъ: можно интересоваться состояніями больше, чѣмъ событіями, массами больше, чѣмъ личностями, и все-таки видѣть въ историческомъ ходѣ лишь единственный общій процессъ, фазы котораго не повторяются и который подлежитъ лишь конкретному изученію. Много остроумной критики по адресу разнообразныхъ системъ философско-исторической классификаціи и построенія общей исторіи въ книгѣ *Оттокара Лоренца*, «Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben kritisch erörtert» I, 1886, II, 1891. Но собственная попытка Лоренца открыть въ періодѣ жизни поколѣнія или группы послѣдовательныхъ поколѣній «естественную» основу для разграниченія эпохъ и для опредѣленія существенныхъ смѣнъ и фазъ въ развитіи историческихъ народовъ, конечно, не можетъ быть признана удачной: періодъ исторической жизни поколѣнія, который можетъ вовсе не совпадать съ періодомъ его физической жизни, граница между поколѣніями и т. д., все это остается совершенно неизвѣстнымъ.

Профессоръ Р. Виппер.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА РАСПУТЬИ.

(Изъ Моро).

Влекомый свѣтлой красотою,
Онъ къ ней отыскивалъ пути,
Онъ думалъ, тѣшася мечтою,
Путемъ избранниковъ пойти.

Богини рыцаремъ по праву
Себя считая—за нее,
Повсюду, въ честь ея и славу,
Ломалъ онъ хрупкое копье.

Въ блестящемъ весь вооруженьѣ
Онъ на турнирахъ гарцовалъ,
И въ честь богини—пѣснопѣнья,
Какъ миннезингеры, слагалъ.

Онъ долго тѣшился прекрасной
Мечтой несбыточной своей,
Но кто-то вдругъ, рукою властной,
Сорвалъ покровъ съ его очей.

И въ тотъ же мигъ, при громкомъ смѣхѣ,
Увидѣлъ онъ, стыдомъ объятъ:
На пышной мантіи—прорѣхи
И мишуру картонныхъ латъ.

И понялъ онъ, что безоруженъ
Предъ славнымъ подвигомъ стоитъ,
Что никому въ бою не нуженъ
Картонный мечъ его и щитъ.

Что пѣсни силою побѣдной
Онъ никого не вдохновитъ,
Что тѣнью призрачной и блѣдной
На перепутьѣ онъ стоитъ.

Душа смятеніемъ объята...
Какъ быть ему? Куда идти?
Къ былому нѣтъ ему возврата,
И нѣтъ къ грядущему пути.

О. Чюмина.

Въ ледяной тундрѣ.

(Изъ поѣздки къ чукчамъ).

Это было въ началѣ ноября 1894 года.

Полярныя сумерки уже надвинулись, солнце уже не показывалось съ недѣлю, а здоровенный, жесточайшій морозъ расправилъ свои ледяныя крылья и вмѣстѣ съ тьмой покрылъ чернымъ, печальнымъ покровомъ мрачный лѣсъ, бѣлоснѣжную поверхность земли и все видимое окрестъ пространство.

Холодно и жутко. Это не тотъ бодрящій, хорошій морозъ, на которомъ любо дышать, лицо румянится, который знобитъ немного тѣло, но душѣ даетъ какое-то особенное веселье и пріятную теплоту.

О, нѣтъ! Этотъ морозъ колетъ, рѣжетъ, щиплетъ, студитъ каждый вашъ палецъ до ногтя, забирается въ кровь, въ мозгъ и сердце, производя страшную жгучую боль и вызывая изъ груди тяжелый, прерывистый кашель.

На усахъ, бородѣ, бровяхъ и рѣсницахъ, отъ мгновенно замерзающаго пара дыханія, образуется снѣговая куржа, совершенно преображая, до неузнаваемости, ваше лицо.

Нѣсколько осѣдланныхъ, малорослыхъ якутскихъ лошадей были наготовѣ. Онѣ понуро стояли, привязанныя къ столбу, покорно подставивъ свои бока поднимавшемуся вѣтру, вздувавшему ихъ густую, длинную шерсть.

— Ну, готово, — сказалъ мой проводникъ, почтенный якутъ,—одѣвайся. Сегодня сдѣлаемъ тридцать верстъ. Тамъ, на озерѣ должны быть *жители*, у нихъ и заночуемъ.

Одѣвъ мѣховые сапоги (торбаса) поверхъ двухъ паръ волчьихъ чулокъ, натянувъ на себя оленьи, мѣхомъ вверхъ, шаровары, а затѣмъ длинную рубаху изъ тѣхъ же оленьихъ шкуръ съ капюшономъ, я обернулъ шею длиннымъ, змѣистымъ ошейникомъ, искусно собраннымъ изъ хвостовъ полярной бѣлки, взялъ въ руки шапку и рукавицы.

Якуты чинно сѣли, затѣмъ старшій изъ нихъ, хозяинъ дома, всталъ, а за нимъ и всѣ остальные.

Присутствующіе набожно крестились, шепча якутскія слова, ничего общаго съ христіанской молитвой не имѣющія.

Мы вышли. Лошади были навьючены. Оставалось сѣсть и поѣхать.

Полярная ночь сгущалась, хотя былъ только третій часъ дня, и на небѣ стали вырисовываться звѣзды.

Мы въѣхали въ узкую лѣсную тропу. Тишина и безмолвіе. Изрѣдка хруснетъ въ лѣсу что-то отъ движенія поднявшагося звѣря или зашуршитъ снѣгъ отъ упавшей вѣтки, да гдѣ-то вдали каркнетъ полярная ворона.

А стужа стала донимать. Гнѣвный холодъ, казалось, и не думалъ щадить.

— Далеко ли до жилья?—спрашиваю своего проводника.

— Еще только половину проѣхали,—флегматично отвѣчаетъ онъ, покачиваясь на сѣдлѣ, и продолжаетъ импровизировать свою пѣсню:

„Русскій человѣкъ уменъ, у якута умъ коротокъ; у женщины волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Хорошо умному человѣку: онъ будетъ почетенъ и богатъ... Лѣсъ молчитъ, озеро молчитъ, кони идутъ... Я ѣду съ русскимъ, умнымъ, богатымъ и почетнымъ господиномъ. Пріѣдемъ къ жителямъ, будемъ ѣсть масло, струганину и пить чай. У русскаго тоёна есть сахаръ,—онъ дастъ мнѣ кусочекъ...“

Я слушаю пѣніе якута, а вмѣстѣ съ тѣмъ мысли мои далеко-далеко отъ дѣйствительности. Думаю о предпринятомъ путешествіи, сравниваю природу сѣвера съ родными полями и нивами, вспоминаю объ иной жизни, иныхъ людяхъ и иныхъ интересахъ, а холодъ дѣлаетъ свое дѣло и прерываетъ цѣпь моихъ мечтаній.

— И что меня понесло въ эту проклятую тундру? Не вернуться ли? — думаю я, трясясь въ высокомъ якутскомъ сѣдлѣ.

Но, чу! залаяла собака, а ночную тьму вдругъ, какъ по волшебству, освѣтилъ цѣлый снопъ свѣта изъ открытой трубы якутскаго жилья.

— Пріѣхали,—говоритъ проводникъ.— Иди въ домъ. А я лошадей уберу. Сахаръ внести ли?—робко спрашиваетъ онъ.

Я раскрылъ маленькую, узкую дверь, изъ куска коровьей шкуры, и вошелъ въ небольшую, грязную юрту.

При видѣ моемъ обитатели юрты всполошились.

— Окси! (восклицаніе удивленія). Русскій пріѣхалъ... господинъ...

Мгновенно большой мѣдный чайникъ очутился у огня, а старуха-якутка стала суетиться, ежеминутно выбѣгая на дворъ.

Она поставила на столъ большую деревянную тарелку, до верху полную струганины, и другую, уложенную правильно нарубленными кусочками мерзлаго масла.

— Кушай, господинъ русскій, — сказала она, сложивъ руки и низко кланяясь.

Мы съ проводникомъ принялись съ жаромъ уничтожать это сырье, послѣ чего старуха поставила двѣ до ужаса грязныя чашки, намѣреваясь налить въ нихъ чай.

— Вытри, старуха, чашку,—сказалъ я, брезгливо осматривая ее.

Старуха взяла чашку, лизнула ее языкомъ по всѣмъ направленіямъ снаружи и внутри и, поднявъ край своей верхней рубахи, тщательно вытерла.

— Теперь хорошо,—сказала она, иронически улыбаясь.— Я знаю: русскіе любятъ, чтобъ все было чисто...

Чай выпитъ. Пріятное тепло разливается по тѣлу; забыты всѣ невзгоды сегодняшняго дня, и мнѣ дѣлается стыдно за свое малодушіе, за то, что, разъ рѣшившись на трудную экскурсію, я въ первый же день иду вспять. Точно холодъ и тьма, голодъ и неудобства для меня новы и я уже не притерпѣлся къ нимъ.

Здѣсь, у якутовъ, мы выработали планъ нашего путешествія. Мы рѣшили пробраться раньше въ тундру восточную, къ рѣчкамъ Большой и Малой Чукочамъ, а затѣмъ, перерѣзавъ ихъ, идти на западъ, посѣтить чукчей западной тундры, побывать въ русскомъ поселкѣ у устья рѣки Алазеи, откуда до берега океана 10 верстъ.

Опять потянулась дорога, опять безконечныя озера, непроходимые лѣса. День за днемъ все тоже и тоже.

Но вотъ лѣсъ рѣдѣетъ, становится мельче. Стройная, широковѣтвистая лиственница, фантастически убранная снѣгомъ и капризомъ мороза, смѣнилась низкорослыми, жидковѣтвистыми тонкими, далеко другъ отъ друга стоящими, съ крючкообразно-загнутыми верхушками деревцами, мѣстами она стелется уже по землѣ. Наконецъ, пропадаетъ всякій признакъ растительности, и глазамъ открывается безграничное, однообразно-мертвенное пространство тундры. Точно саваномъ одѣ-

лась природа; точно могильная тишина окутала насъ, когда мы стали углубляться внутрь ея.

Морозъ страшный. Онъ, что называется, трещитъ, но небо необыкновенно лазурно и ясно. Дыханіе, замерзая у самаго рта, окутываетъ насъ цѣлымъ облакомъ пара, производя вокругъ странное шуршаніе, на подобіе тронутаго вилами сѣна. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Кругомъ мертвая тишь и широкое лицо волнообразно-холмистой, страшной, какъ безбрежный океанъ, тундры съ полнѣйшимъ отсутствіемъ слѣдовъ жизни и дороги. Только кое-гдѣ торчатъ одинокіе сопки-холмы, остроконечные, какъ головы сахару, кое-гдѣ попадаются, точно оазисы въ пустынѣ, возвышенные островки съ глубокими залежами торфа, намекающаго на иное прошлое тундры. И странное впечатлѣніе производятъ поднимающіеся отъ этихъ островковъ въ высь къ ясному небу тонкія, ровныя, какъ столбы и ничѣмъ не колеблемыя струи дыма. Это горитъ торфъ, и мой проводникъ увѣряетъ, что это горѣніе вѣчно, что дыма иногда бываетъ не видно за вѣтромъ и непогодой, но что внутри этихъ островковъ неизсякаемый источникъ жара и огня. Онъ увѣряетъ также, что въ тундрѣ, ближе къ морю, есть горы, исторгающія по временамъ огонь и дымъ, причемъ чувствуется легкое колебаніе почвы, и приписываетъ это подземному богу (алара абагы); онъ говоритъ, что въ этихъ горахъ промышленники мамонтовой кости не разъ находили желѣзо въ сплавленномъ видѣ.

Дорогу перерѣзываетъ безчисленное множество слѣдовъ дикихъ оленей и ихъ спутниковъ, степныхъ волковъ. Все разнообразіе заключается въ томъ, что откуда-то вдругъ, точно изъ-за куста, вынырнетъ олень и, какъ шальной, бросится опрометью отъ насъ, граціозно неся на своей головѣ громадные, вѣтвистые рога. И снова мы одни въ необъятномъ, неизмѣримомъ пространствѣ, по утрамъ тонущемъ въ густой мглѣ-туманѣ. Куда ни бросишь взоръ, всюду безконечный снѣжный океанъ, въ немъ какъ бы потерялись небо и земля; точно Божественная рука Творца не коснулась этой части вселенной и она пребываетъ еще въ хаотическомъ состояніи.

Чувствуется какой-то суевѣрный страхъ, чувствуешь, что находишься въ полной власти всесильной, неизмѣримо-грозной и непонятной, какъ сфинксъ, природы. Самъ себѣ кажешься ничтожнѣйшей снѣжинкой, которую ей ничего не стоитъ взять и смѣшать съ остальнымъ снѣжнымъ пространствомъ. Холодный, жесткій мракъ леденитъ умъ, члены нѣ-

мѣютъ отъ усталости, все тѣло пробираетъ насквозь дрожь, она какъ будто въ крови, во внутренностяхъ.

Мы уже недѣлю въ пути. У насъ семь лошадей, нагруженныхъ товаромъ, который везетъ мой пріятель, якутъ, для чукчей, а отчасти съѣстными припасами, заключающимися въ маслѣ и рыбѣ.

Мы ночуемъ по брошеннымъ на берегу озеръ промышленнымъ балаганамъ, гдѣ готовимъ кипятокъ на дровахъ, оставляемыхъ запасливыми жителями сѣвера у жильевъ, кой-чѣмъ закусываемъ и, несмотря на нетопленый, щелистый домъ, прекрасно засыпаемъ.

На десятый день мы приближались къ озеру Кругомата. Здѣсь цѣлая группа громадныхъ озеръ, богатыхъ прекрасной, крупной и жирной рыбой и издавна влекущихъ къ себѣ якутовъ. Озера эти, расположенныя въ очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, иногда, въ зависимости отъ обилія тающихъ снѣговъ, отъ количества выпадающихъ дождей и весенняго разлива рѣкъ, соединяются и представляютъ тогда море, по которому плаваетъ инородецъ въ своей утлой лодочкѣ.

На высокомъ крутомъ берегу Кругоматы стоитъ крохотная, низкая, на половину вросшая въ землю, избушка. Входъ въ нее низокъ и узокъ. Здѣсь мы уже застали нѣсколько человѣкъ промышленниковъ: всѣ они пріѣхали на собакахъ, одни мы рискнули двинуться на лошадяхъ, надѣясь на хорошій подножный кормъ, представляющій въ тундрѣ мелкую, травяную поросль, которую лошади выкапываютъ изъ-подъ снѣга и очень любятъ за ея солоноватый вкусъ.

Въ избѣ было холодно и тѣсно, приходилось ступать по человѣческимъ ногамъ. Въ ней жила семья промышленника, состоявшая изъ трехъ взрослыхъ и двухъ дѣтей, да кромѣ насъ двухъ, еще четыре человѣка пріѣзжихъ.

Никогда не забуду, что перенесъ я на берегу этого озера, гдѣ мы были заперты пургой на пять дней.

Къ вечеру непогода загнала къ намъ еще человѣкъ до десяти промышленниковъ и въ нашей норѣ образовалась каша; протянуть ноги нечего было и думать, всѣ сидѣли на корточкахъ и въ такомъ положеніи спали. Было отчаянно холодно, паръ стоялъ въ воздухѣ, о томъ, чтобы снять верхнее платье никто и не помышлялъ, всѣ были въ торбасахъ и рукавицахъ, нашу пищу по прежнему составляла мерзлая рыба. Спасалъ горячій чай; я ужъ его не жалѣлъ и поилъ своихъ невольныхъ товарищей вдоволь. Якуты

же, при свѣтѣ рыбьяго жира, какъ ни въ чемъ не бывало, играли въ карты: имъ это положеніе было въ привычку.

Всѣ пять сутокъ пурга безумствовала, и я не разъ опасался, что нашу игрушечную избенку, которая казалась одинокимъ грибомъ на широкой полянѣ, вѣтеръ расшатаетъ, сорветъ и разбросаетъ по озеру. Но избушка на диво устояла, и, промучившись въ ней пять сутокъ, мы снова тронулись въ обратный путь, на западъ, такъ какъ на Кругоматѣ мы узнали, что чукчей здѣсь дожидаться незачѣмъ, что, будучи на полпути къ рѣчкѣ Чукочей, они вернулись къ океану, благодаря полученнымъ свѣдѣніямъ, что по берегу моря появилось невидимо сколько песцовъ.

Итакъ мы опять трясемся на нашихъ усталыхъ лошадяхъ. Съ пріятелемъ якутомъ мы часто бесѣдуемъ о томъ, о другомъ, но чаще всего о „тамошней, далекой сторонѣ“, т. е. о „городѣ Россія“.

Однимъ утромъ, поглядывая на облачное небо, онъ спросилъ меня:

— А знаешь ли ты, господинъ Александръ, какой сегодня день? Рождество сегодня вечеромъ начнется. Хорошо бы чукчей найти: отдохнуть бы... А пожалуй, что найдемъ. *Ду*? *). Помните, что сказалъ намъ поторговщикъ, котораго мы встрѣтили позавчера? По этому разсчету мы должны сегодня доѣхать до той рѣчки, гдѣ чукчи. Развѣ снялись? И тогда найдемъ. Здѣсь я бывалъ не разъ: вотъ ужъ 20 лѣтъ хожу въ тундру — видишь, безъ тунгуса — одинъ путь угадываю. Только бы пурга намъ не помѣшала. А то найдемъ...

Найдемъ въ таборѣ чукчей?—думаю и я, и не замѣчаю, что мой пріятель пріунылъ, что вокругъ меня картина начинаетъ постепенно мѣняться, пока меня не выводитъ изъ задумчивости какой-то странный, зловѣщій свистъ.

— Бѣда!—говоритъ мой товарищъ.—Пурга идетъ. Бѣда! дороги нѣтъ. Куда поѣдемъ?

Бѣлый вихорь показался сразу, окутавъ все видимое облаками снѣговой пыли. Взбушевалась страшная стихія, загудѣлъ буйный вѣтеръ. Яростно и пронзительно понеслась съ жалобнымъ воемъ и стономъ ледяная пыль. Мететъ она и вѣетъ. Порой кажется, что нѣтъ ни неба, ни земли, ни воздуха, ни пространства; порой страшный свистъ прорѣжетъ

*) Непереводимое якутское слово, означающее вопросъ: такъ ли, ладно ли?

воздухъ, на минуту онъ прояснится, глянетъ хмурое, бѣлое небо, и кажется, что облако устремится на облако, туча грянетъ на тучу—они сталкиваются, ударяютъ другъ друга, грохочутъ и шипятъ, а вѣтеръ сердито воетъ, стонетъ и бушуетъ, и несутся куда-то стремглавъ снѣжныя массы...

«Домового ли хоронятъ,
«Вѣдьму-ль замужъ отдаютъ?».

А тьма все гуще, все темнѣе. Лошади бродятъ, поминутно останавливаются, или, отбрасываемые въ сторону бѣшенымъ вихремъ, скользятъ по обнаженной отъ снѣга, гладкой, какъ зеркало, поверхности озера.

Мнѣ положительно дѣлается страшно. Чувство полной безпомощности, полной зависимости отъ этой необузданно-дикой тундры туманитъ мозгъ и вызываетъ болящую грусть за человѣка, заброшеннаго и отданнаго во власть непреоборимаго урагана.

Сколько времени продлится пурга? Кто можетъ это сказать? Можетъ быть, до завтрашняго утра стихнетъ, а можетъ статься, и надолго затянется.

Боязнь отбиться отъ проводника — потерять послѣднюю надежду на спасенье — заставляетъ меня просить его привязать поводъ моей лошади къ его сѣдлу, что онъ охотно исполняетъ. Всѣ надежды, всѣ помыслы мои устремлены на него. Я лихорадочно слѣжу за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ поворотомъ его коня.

— Ничего, не бойся, — утѣшаетъ онъ меня. — Можетъ быть, встрѣтимъ какого-нибудь промышленника. Чукча или тунгусъ найдетъ намъ дорогу. А не то — гдѣ-нибудь выберемъ край озера и заночуемъ до утра. Не бойся, не замерзнешь. Я тебя укутаю.

Мы останавливаемся. Якутъ пристально всматривается въ черную бездну, силясь что-нибудь разглядѣть, но и его опытный глазъ ничего не различаетъ въ этомъ хаосѣ дикихъ завываній снѣжной бури.

— Слѣзай, господинъ, съ коня, — покорно говоритъ онъ. — Дальше нельзя идти. Здѣсь будемъ лежать. Мимо этого озера идетъ дорога на рѣчку, а на рѣчкѣ этой должны быть чукчи.

Развьючивъ коней, мы сгрудили сѣдла, нашу поклажу и съ помощью двухъ, захваченныхъ съ собою тонкихъ жердей,

на которыя натягиваемъ двѣ большія оленьи шкуры, защищаемъ себя отъ непогоды.

Теперь надо отрыть снѣгъ, достать изъ-подъ него мелкую древесную поросль и вырубить огня. Мой проводникъ дѣлаетъ все это ловко и быстро. Но предательскій, бѣшеный вѣтеръ мгновенно срываетъ нашу защиту, а мокрый тальникъ не горитъ, а тлѣетъ.

Зги не видать, шумъ подавляющій, вѣтеръ реветъ, буря хлещетъ, а между тѣмъ, якутъ отвернулъ свой капюшонъ и, приставивъ ухо къ подвѣтренной сторонѣ, чутко прислушивается къ чему-то.

— Человѣкъ ли идетъ, дикій ли олень бѣжитъ,—подумалъ онъ вслухъ, и на лицѣ его мгновенно изобразилась радость.

— Люди идутъ,—рѣшилъ онъ безповоротно,—чукчи.

— Отчего же я не слышу?—робко спрашиваю я.—Нѣтъ, ничего. Никто не идетъ...

Мнѣ хочется слышать противорѣчіе, хочется, чтобъ меня убѣждали, хотя я твердо увѣренъ, что мой вожакъ не ошибется и не скажетъ такихъ „большихъ словъ“, по выраженію якутовъ, какія сказалъ онъ мнѣ сейчасъ.

— Смотри! Видѣлъ? Что-то зачернѣло... Слава Богу,—крестится якутъ.—Должно быть недалекъ и таборъ. О, Господи помилуй! Большой Господинъ (Богъ) съ небесныхъ облаковъ послалъ намъ спасенье для праздника.

Но глазъ мой не зорокъ, я все-таки ничего не вижу и лишь въ моментъ, когда трое маленькихъ санокъ съ чукчами равняются съ нами, я убѣждаюсь, что это не фантазія, не галлюцинація воображенія якута.

Передній чукча остановилъ своего оленя и слѣзъ съ саней.

— Здорово,—сказалъ мой якутъ.

— Здорово. Лежите?

— Лежимъ.

— Куда идете?

— Къ вамъ идемъ, чукчей ищемъ.

— Кга,—сказалъ дикарь.—Не знаю, какъ дойдемъ. На лошади нельзя. Наши тутъ, должно быть, недалеко. Коней надо бросить. Пурга стихнетъ, придемъ за кладью. А водку не оставляй,—прибавилъ онъ, обращаясь къ якуту, признавъ въ немъ расхожаго купца.

— Э-эй,—какъ-то сладострастно протянулъ онъ,—хо-

рошо бы теперь водки, да трудно налить. Ну, садись верхомъ на санки,—пригласилъ онъ меня.—Русскій?

— Да, русскій.

— Не знаю дороги. Дороги нѣту. Волка не видно, значитъ и наши далеко. Десять верстъ будетъ.

Мы тихо двинулись на-ощупь. Замѣтно было, что передовой чукча не твердо увѣренъ, какое надо взять направленіе. Пройдя съ версту, онъ остановилъ оленя, быстро соскочилъ съ саней, ногами разгребъ снѣгъ и, припавъ ничкомъ на землю, ощупывалъ что-то рукой. Пролежавъ такъ нѣсколько секундъ, онъ поднялся, посмотрѣлъ вокругъ себя и, доставъ трубку, раскурилъ ее. Теперь онъ имѣлъ ужъ вполнѣ спокойный видъ. Это было замѣтно по его увѣренному тону и по постороннему, для данныхъ обстоятельствъ, разговору, который онъ началъ со мной черезъ переводчика якута.

— Русскій!—сказалъ онъ,—ты море видѣлъ, былъ на морѣ?

— Видѣлъ.

— На тундру похоже?

— Очень. Вода и небо.

— Берега нѣтъ, не видно?

— Берега нѣтъ,—отвѣчалъ я неохотно, не будучи расположенъ къ разговору, въ то время, какъ зубы мои выдѣлывали трели, и я безпрестанно дулъ на руки, силясь согрѣть ихъ.

— Какже дорогу находятъ?—не отставалъ дикарь.

Я, какъ умѣлъ, удовлетворилъ любопытству его, разсказавъ о компасѣ, о стрѣлкѣ, неизмѣнно указывающей на сѣверъ.

Чукча обрадовался, какъ ребенокъ. Энергично схвативъ меня за рукавъ, онъ жестомъ пригласилъ меня встать съ саней.

— Нагнись,—сказалъ онъ мнѣ,—ощупай траву.

Я повиновался, но ничего не понялъ.

Тогда къ намъ пришелъ на помощь мой проводникъ. Оказалось вотъ что. Благодаря преобладающимъ сѣвернымъ вѣтрамъ въ тундрѣ, трава имѣетъ постоянный уклонъ къ югу.

— Видишь, это значитъ полуденная сторона, а вотъ эта значитъ полуночная, здѣсь солнца восходъ, а здѣсь закатъ. Теперь рѣчка, на которой мы стоимъ, находится на полуночной сторонѣ. Вотъ туда и поѣдемъ.

И мы, дѣйствительно, круто повернули въ сторону. Олени дружно бѣжали, чуя близость дыма. И не далѣе, какъ черезъ

часъ, мы были на берегу извилистой, съ высокими берегами рѣчки, надъ которой чернѣли чукотскія палатки, а передъ ними курился дымъ отъ разложенныхъ костровъ, дрова для которыхъ находятъ на берегу рѣки, куда приноситъ ихъ вешнимъ бурнымъ теченіемъ и половодьемъ, Богъ вѣсть, откуда и изъ какихъ странъ.

Кто пойметъ мою радость, мое довольство и гордость, когда, поднявъ оленій завѣсъ, я очутился въ палаткѣ, ярко освѣщенной громаднымъ лучемъ свѣта, шедшимъ со сковороды, на которой лежалъ большой кусокъ оленьяго жира, а вмѣсто фитиля, скрученный въ видѣ жгута, полярный мохъ?!

Вокругъ огромныхъ размѣровъ чайника, изъ котораго валилъ густой паръ, сидѣли на шкурахъ, поджавъ подъ себя ноги, чукчи, женщины и дѣти.

Молча, не говоря ни слова, я принялся согрѣвать себя кипяткомъ, густо сдобреннымъ кирпичнымъ чаемъ.

Замѣтно было, что мои новые знакомцы уже давно занимались чаепитіемъ. Это было видно потому, что нѣкоторые изъ нихъ сбросили съ себя мѣховую одежду, оставшись нагими. Но велико было мое изумленіе, когда разливавшая чай хозяйка спустила и съ себя мѣховую рубаху, обнаживъ тѣло по поясъ, а когда жаръ и духота стали нестерпимы и когда и я разоблачился, оставшись въ одномъ бѣльѣ, она быстрымъ, привычнымъ движеніемъ освободилась отъ широчайшихъ мѣховыхъ шароваръ, набросивъ себѣ ихъ на ноги.

— Водка есть?—спросилъ меня высокаго роста чукча, очевидно хозяинъ, у котораго на выбритой головѣ торчалъ клочекъ волосъ.

— У меня водки нѣтъ.

— Нѣтъ?—удивленно и вмѣстѣ печально переспросилъ чукча.—Зачѣмъ же ты пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ познакомиться съ вами, посмотрѣть на васъ.

— Водка есть,—отвѣтилъ мой якутъ.—Я торгую. А онъ такъ ѣдетъ самъ, безъ торговли.

— Ну, давай. Сегодня большой праздникъ. Сегодня *Христосъ:* надо пить и ѣсть.

Онъ крикнулъ на одну изъ своихъ женъ и та принесла нѣсколько блюдъ съ кушаньями.

Тутъ была: оленина съ моржовымъ жиромъ и морскими водорослями или капустой, замороженный костный мозгъ оленя, оленьи языки и просто сало и еще нѣсколько изысканныхъ чукотскихъ блюдъ, а также питье изъ мяснаго сока

со снѣгомъ, который чукчи пьютъ черезъ просверленную оленью кость или лебяжье крыло. Напитокъ очень вкусный и охлаждающій *).

Тогда мой пріятель досталъ бутылку и подалъ ее чукчѣ. Долго глядя на посуду съ любимымъ напиткомъ, тотъ налилъ рюмку и подалъ ее мнѣ. Я взялъ ее въ руки, прихлебнулъ отвратительной жидкости и передалъ ему обратно рюмку, которую онъ поочередно подносилъ всѣмъ домашнимъ, не обдѣливъ и дѣтей, которыя также страстно охочи до спирта, какъ и женщины.

Когда рюмка обошла весь рядъ, когда хозяинъ выпилъ и свою долю, долго и молча смакуя вкусъ любимаго напитка, мой проводникъ налилъ еще бутылку и церемонія угощенія опять повторилась съ меня. Я наотрѣзъ отказался.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ чукча,—*небо затуманилось*!.

Оказалось, я навлекъ его гнѣвъ.

Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

А въ это время, когда я еще не успѣлъ раскаяться въ своей неосторожности, молодая чукчанка погасила свѣтильню и въ юртѣ воцарился мракъ и тишина.

Не знаю, сколько времени мы просидѣли бы такъ, если бы якутъ не посовѣтовалъ мнѣ согласиться выпить рюмку до дна, что я и выразилъ черезъ него.

Тогда, дико вскрикнувъ, чукча приказалъ освѣтить юрту и, держа надъ головой рюмку, сказалъ что-то и, въ знакъ примиренія со мною, вылилъ себѣ на голову водку.

Всѣ: мужчины, женщины, дѣти были пьяны, въ юртѣ смрадъ и духота. Голыя женщины дико выли пѣсни, очень напоминавшія завываніе волка.

Я одѣлся и вышелъ.

Пурга прекратилась. Ночь сіяла блескомъ крупныхъ звѣздъ. Небо было такъ ясно, какъ только это бываетъ на сѣверѣ.

Чудный видъ сѣвернаго сіянія приковывалъ взоръ своими дивными, холодными чарами.

Но воображеніе было все-таки далеко отсюда, отъ этихъ ужасныхъ мѣстъ, дикихъ людей, и рисовало картину болѣе

---

*) Чукчи ѣдятъ также мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу съ тонкимъ слоемъ сала, тальничій листъ, заквашенный въ тюленьемъ жиру, и кожу тальничьихъ корней съ кислымъ нерпячьимъ жиромъ.

скромной, но близкой и понятной природы, а сердце жаждало общества болѣе близкихъ, дорогихъ людей...

Я провелъ у чукчей 10 дней, казавшихся мнѣ вѣчностью. Все это время они пьянствовали, забросивъ хозяйство. Женщины не варили пищи, подростки и работники не берегли оленей. Такъ продолжалось, пока водка не изсякла у торговца.

Отсюда, нанявъ тунгуса, я на оленяхъ доѣхалъ къ русскому населенію при впаденіи р. Алазеи въ океанъ и въ 10 верстахъ отъ него. Но ѣхать на самый океанъ я перерѣшилъ, такъ какъ самый берегъ его не представляетъ ничего интереснаго: снѣжныя равнины безъ конца—вотъ и все.

Океанъ интересенъ верстахъ въ 50, во 100 отъ берега, гдѣ начинаются ледяныя горы-великаны, да къ концу іюля, когда береговая линія оттаиваетъ верстъ на 10.

Не стану передавать подробностей обратной дороги, тѣмъ болѣе, что боюсь утомить читателя и злоупотребить его вниманіемъ. Скажу лишь, что, когда, спустя три слишкомъ мѣсяца я снова увидѣлъ лѣсъ, я почувствовалъ нѣчто, очень схожее съ чувствомъ мореплавателя, увидѣвшаго, наконецъ, землю послѣ долгаго созерцанія неба и воды!..

А. Гедеоновъ.

ИСКУССТВО СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Пер. съ французскаго подъ редакц. **Л. Е. Оболенскаго**).

ЛИЧНОСТЬ И ИДЕИ ГЮЙО.

(Введеніе **Альфреда Фуллье**, члена французской академіи).

«Любимая книга,—говоритъ Гюйо,—подобна открытому взору, котораго не можетъ сомкнуть сама смерть и гдѣ, въ свѣтовомъ лучѣ, постоянно заставляетъ себя видѣть глубочайшая мысль человѣческаго существа». Хотѣлось бы, чтобы нижеслѣдующія страницы, выбранныя нами изъ самыхъ прекрасныхъ и безсмертныхъ страницъ, въ которыя Гюйо вложилъ особенно много своего сердца, были для всѣхъ этой любимой книгой, были этимъ открытымъ взоромъ, который сомкнуть не можетъ смерть. Кромѣ того, Гюйо принадлежитъ къ числу такихъ писателей, читая которыхъ невозможно не полюбить ихъ: вѣдь, самъ онъ любилъ все великое и ему посвятилъ всю жизнь свою.

Жанъ-Мари Гюйо родился въ Лавалѣ, 28 октября 1854 г. Первой руководительницей его образованія была мать, сочиненіе которой о воспитаніи, вышедшее подъ псевдонимомъ Г. Брюно, пользуется всеобщей извѣстностью. Впослѣдствіи онъ продолжалъ свои занятія подъ моимъ руководствомъ, и они связали меня съ нимъ, какъ отца съ сыномъ, а затѣмъ я сталъ его вторымъ отцомъ. Онъ обнаруживалъ страстную жажду труда и необыкновенную мощь преждевременнаго развитія. Съ раннихъ лѣтъ поэзія и философія были его страстью: Корнелль, Гюго и Мюссе, Платонъ, Эпиктетъ и Кантъ первые возбудили его энтузіазмъ. Еще юношей онъ близко ознакомился съ греческой философіей, наполнившей его тѣмъ «божественнымъ жаромъ», о которомъ Платонъ говоритъ въ Парменидѣ: θεία ὁρμή. Получивъ семнадцати лѣтъ ученую степень кандидата словесности (licencié ès lettres), онъ перевелъ *Руководство* Эпиктета и страстно увлекся великой моралью стоиковъ. Онъ слѣдовалъ ей въ теченіе всей жизни, но умѣрялъ ее своей радостной любовностью, своей экспансивной добротой къ другимъ, которая не допускала, — какъ допускали стоики, — любить безъ привязанности. Девятнадцати лѣтъ онъ, по блестящему конкурсу, получилъ отъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ премію за сочиненіе объ утилитарной морали отъ Эпикура

до современной англійской школы. Въ слѣдующемъ (1874) году ему былъ порученъ курсъ философіи въ лицеѣ Кондорсе.

Къ несчастію, въ это время, какъ бы раненный избыткомъ труда, онъ почувствовалъ первые признаки того прогрессивнаго ослабленія, которое должно было мало-по-малу уничтожить его физическія силы, но никогда не могло понизить его силы моральныя или ослабить его умственную плодовитость. Онъ былъ принужденъ отправиться на югъ, сперва въ По и Біарриць, а затѣмъ въ Ницду и Ментонъ,—искать для себя болѣе благопріятной атмосферы, чѣмъ парижская. Пребываніе у Средиземнаго моря дало ему на нѣсколько лѣтъ какъ бы отсрочку, возродило его силы и надежды и позволило ему предпринять рядъ большихъ сочиненій. Это былъ періодъ безпрерывной дѣятельности и непрестаннаго прогресса. Въ этотъ моментъ, не смотря на ослабленное здоровье, для него наступила эпоха полной зрѣлости, той зрѣлости, которая опредѣляется не возрастомъ, а силой таланта. Была напечатана его «Мораль Эпикура» и «Современная англійская мораль», дающая такую сильную и краснорѣчивую критику утилитаріанизма. Вскорѣ появились «Стихотворенія философа» и «Задачи современной эстетики». Затѣмъ идутъ труды исключительно философскіе. Въ «Очеркѣ морали» онъ пытается установить понятіе морали высшей, чѣмъ кантовское, которое, по его мнѣнію, недостаточно объясняло идеи обязанности и самопожертвованія. Въ своемъ капитальномъ сочиненіи «l'Irréligion de l'Avenir», онъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ, какія фундаментальныя и неразрушимыя идеи можно почерпнуть изъ религіи и что именно составляетъ, такъ сказать, ея душу. Эта книга полна возвышенныхъ вдохновеній, но ея заглавіе не всегда понималось правильно. Она вызвала въ печати живые споры; всѣ отдавали дань абсолютной искренности автора и глубоко моральному характеру его сочиненія. Вскорѣ послѣ этого написано имъ соч. «Искусство съ соціологической точки зрѣнія», поражающее массой новыхъ и оригинальныхъ идей; наконецъ, «Воспитаніе и наслѣдственность»—трудъ не менѣе замѣчательный по своей психологической проницательности и нравственной высотѣ. Два послѣднихъ сочиненія, какъ и «Генезисъ идеи времени», могли быть напечатаны только послѣ смерти Гюйо *).

Господствующая идея, развиваемая и проводимая Гюйо въ ея главныхъ слѣдствіяхъ, есть идея *жизни*, какъ общаго начала или принципа—искусства, морали и религіи. Оплодотворяющей теоріей всей его системы является слѣдующая мысль: жизнь, въ ея правильномъ пониманіи, заключаетъ уже въ самой *интенсивности* своей, начало естественнаго *расширенія*, *плодотворности*, *благодѣтельности*. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что нормальная жизнь естественно согласуетъ въ себѣ какъ индивидуальную, такъ и соціальную точки зрѣнія, противоположность которыхъ (лишь болѣе или менѣе кажущаяся) составляетъ подводный камень

*) Подробный анализъ всѣхъ сочиненій Гюйо сдѣланъ мною въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Мораль, искусство и религія по Гюйо». Добавлю къ этому, что у Colin долженъ появиться его полный «Курсъ чтенія для употребленія въ школахъ», который составляетъ часть «Перваго года текущаго чтенія».

утилитарныхъ теорій объ искусствѣ, морали и религіи. По его мнѣнію, величайшая задача XIX вѣка, задача, которой и самъ онъ желалъ служить, должна именно состоять въ томъ, чтобы «выставить ярко *соціальную* сторону человѣческой *личности* и вообще живого существа»,—сторону, которая не была узнана матеріализмомъ прошедшаго столѣтія подъ формой эгоизма. Если бы была указана эта соціальная сторона индивидуальной жизни, то вся совокупность жизни была бы обоснована на прочномъ базисѣ искусства и морали. XVIII столѣтіе завершилось эгоистическими теоріями Гельвеція, Волнея, Бентама, соотвѣтствующими еще весьма наивному матеріализму Ла-Меттри и даже Дидро; XIX столѣтіе расширило науку. Съ одной стороны, понятіе о матеріи утончается все больше и больше во взглядахъ людей науки, а механизмъ, уподобляемый механизму часовъ, которымъ Ла-Меттри надѣялся объяснить жизнь, становится все болѣе и болѣе безсильнымъ для такой цѣли. «Съ другой стороны, индивидуумъ, котораго считали изолированнымъ, замкнутымъ въ своемъ изолированномъ механизмѣ, оказался существенно проницаемымъ для вліяній со стороны другихъ, солидарнымъ съ другими сознаніями и руководимымъ чувствованіями *не личными*. Теперь нервная система уже считается мѣстомъ явленій, основа которыхъ выходитъ далеко за предѣлы индивидуальнаго организма *Надъ индивидуальностью* господствуетъ *солидарность*. Ограничить однимъ живымъ тѣломъ эстетическую, моральную или религіозную эмоцію такъ же трудно, какъ ограничить теплоту или электричество однимъ тѣломъ: явленія физическія и умственныя одинаково способны къ распространенію и заразительности. Факты симпатіи, нервной или душевной, становятся извѣстными все больше и лучше; факты «внушенія» и гипнотическаго вліянія начинаютъ изучаться научно. Болѣзненные случаи, поддающіеся болѣе легкому наблюденію, перейдутъ мало-по-малу въ явленія нормальнаго вліянія различныхъ мозговъ другъ на друга, а потому и взаимнаго вліянія разныхъ сознаній. Ближайшему будущему предстоитъ сдѣлать открытія, еще недостаточно формулированныя, но, вѣроятно, столь же важныя въ моральной области, какъ открытія Ньютона и Лапласа въ звѣздномъ мірѣ, а именно—тяготѣнія чувствованій и волъ, солидарность умовъ, проницаемость сознаній» *). Будетъ основана научная психологія и соціологія, какъ XVII в. основалъ физику и астрономію. Соціальныя чувствованія окажутся сложными явленіями, производимыми по большей части притяженіемъ или отталкиваніемъ нервныхъ системъ, подобно астрономическимъ явленіямъ; соціальная наука, въ которую входитъ значительная часть морали, эстетики, религіи, сдѣлается «болѣе сложной астрономіей». Наконецъ, она броситъ новый свѣтъ «даже на самую метафизику». Такова великая надежда, господствующая въ произведеніяхъ Гюйо.

Въ разныхъ сочиненіяхъ его сверкаютъ высокія достоинства мыслителя и писателя, прославившія его имя. Они всецѣло про-

*) «Искусство съ соціалогической точки зрѣнія», Введеніе.

никнуты тѣмъ качествомъ, которое въ философіи является самымъ главнымъ, а именно—безусловной искренностью. Гюйо безстрашно изслѣдовалъ всѣ вопросы, устраняя какія бы то ни было предрѣшенія, кромѣ одного: обязанности ставить себя передъ лицомъ истины, какъ «вѣрующій ставитъ себя передъ лицомъ Бога». До конца онъ сохранилъ самоотреченіе.

Le vrai, je sais, fait souffrir;
Voir, c'est peut-être mourir;
N'importe! ô, mon oeil, regarde! *)

Если искренность является вдохновительницей истинной философіи, то она же вдохновляетъ и великое искусство. Соединенная съ силой мысли и привязанностью сердца, она вздетъ за собою неизбѣжно, съ точки зрѣнія стиля, два господствующихъ впечатлѣнія, смотря по тому, представляютъ ли вопросы большую или меньшую важность и величіе: прежде всего, это—впечатлѣніе естественной прелести, напоминающее какъ бы прозрачность прекрасной души, открывающей себя для взоровъ такой, какова она есть; далѣе, если горизонтъ становится шире съ высотой самыхъ вопросовъ, то получается впечатлѣніе возвышеннаго, порождаемое тѣмъ, что мы, какъ бы поднявшись на высоту, чувствуемъ себя лицомъ къ лицу съ безконечной тайной. Два этихъ впечатлѣнія, по единодушному мнѣнію критиковъ, часто выносятся изъ произведеній Гюйо. Ему принадлежитъ рѣдкая честь считаться въ числѣ тѣхъ писателей, которые въ свои лучшія мгновенія какъ бы возвышаются надъ собою, возбуждая естественно и безъ усилій чувство «возвышеннаго».

Особое значеніе его произведеній, признанное не только во Франціи, но и заграницей, зависитъ отъ того, что ни одинъ философъ не умѣлъ лучше его отражать сомнѣнія и надежды, мысли и вдохновенія своего времени. Даже тѣ, на чьи идеи онъ считалъ себя обязаннымъ нападать, не могли отдѣлаться отъ чувства привлекательности, возбуждаемаго этой душой, проникнутой широкими симпатіями и взявшей своимъ девизомъ: все любить, чтобы все понять.

Всякій другой, быть можетъ, тщеславился бы своими достоинствами, но Гюйо относился къ нимъ съ истинно философской скромностью. Именно потому-то, говорилъ онъ, что философія знаетъ, какъ многое ей невѣдомо, она не можетъ утверждать наобумъ, и ей приходится относительно многихъ пунктовъ оставаться въ сомнѣніи и тоскливомъ ожиданіи, «уважая тѣ зародыши истины, которые должны разцвѣсти только въ далекомъ будущемъ».

Его труды, уже и безъ того многочисленные и плодотворные, казались ему незначительными сравнительно съ тѣмъ, что онъ надѣялся сдѣлать. Въ послѣдніе годы жизни все улыбалось ему,—радости раздѣленной любви, радости семейныя и родительскія,

*) Я знаю, что истина заставляетъ страдать;
Что увидѣть часто можетъ значить—умереть;
Пусть такъ! Но, око мое, смотри!
Изъ «Vers d'un phylosophe»: La douce mort.

возрастающій успѣхъ его сочиненій; будущее было для него полно обѣтованій.

Единственной черной точкой на его горизонтѣ было расшатанное здоровье, уже давно грозившее ему. Какая горечь должна была подниматься въ его сердцѣ въ теченіе послѣдней болѣзни, длившейся пять мѣсяцевъ, когда онъ видѣлъ, что жизнь и силы уходятъ съ каждымъ днемъ. Но онъ не допускалъ, чтобы его горе видѣли другіе. Онъ только о томъ и заботился, чтобы скрывать свои страданія и печальныя предчувствія и не огорчить своихъ близкихъ. Трудно обладать большей силой души, болѣе радостной кротостью передъ страданіемъ, передъ лицомъ самой смерти, которую онъ, по его словамъ, ожидалъ, готовый къ ея призыву: «иди за мной». Гюйо умеръ въ Ментонѣ 31 марта 1888 г., 33 лѣтъ.

На мраморѣ его памятника вырѣзаны слѣдующія слова, взятыя изъ его послѣдней книги и являющіяся какъ бы его собственнымъ голосомъ, исходящимъ изъ могилы, голосомъ, громко возвѣщающимъ отзвукъ вѣчныхъ истинъ:

«Кто жилъ истинно — живетъ потомъ; кто кажется умершимъ — на самомъ дѣлѣ только приготовляется къ возрожденію. Понимать и желать лучшаго, стремиться къ осуществленію чуднаго идеала, это значитъ—звать за собою, вести за собою всѣ поколѣнія, которыя придутъ послѣ насъ. Высочайшія вдохновенія наши, кажущіяся наиболѣе тщетными, оказываются какъ бы волнами, которыя, имѣя возможность дойти до насъ, пойдутъ дальше насъ и, быть можетъ, объединяясь и расширяясь, взволнуютъ міръ. Я вполнѣ увѣренъ, что все, что во мнѣ есть лучшаго, переживетъ меня. Быть можетъ, ни одна изъ моихъ грезъ не потеряется; другіе возьмутъ ихъ и будутъ вновь грезить ими послѣ меня, пока эти грезы не осуществятся когда-нибудь. Вѣдь, только силой своихъ умирающихъ волнъ морю удается дать форму своимъ берегамъ и тому безмѣрному ложу, въ которомъ оно движется».

ПРЕДИСЛОВІЕ А. ФУЛЛЬЕ.

Гюйо изложилъ свои идеи объ искусствѣ въ двухъ серьезныхъ произведеніяхъ: «Задачи современной эстетики» и «Искусство съ соціологической точки зрѣнія».

Послѣднее вышло въ свѣтъ только послѣ его смерти, въ 1894 г.

Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій Гюйо разсматриваетъ три вопроса, имѣющихъ въ наше время особенный интересъ: 1) Дѣйствительно ли основа искусства состоитъ въ пріятной забавѣ, доставляемой воображеніемъ и вымысломъ, — какъ думали Шиллеръ и Спенсеръ? 2) Что будетъ въ грядущемъ съ искусствами и поэзіей, которымъ, на первый взглядъ, какъ будто угрожаетъ современная наука и промышленность? 3) Какова будущность стиха и въ чемъ состоятъ его истинные законы?

I. Когда Гюйо приступилъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ, господствовала теорія, сводившая искусство и самую красоту къ пріятному упражненію тѣхъ способностей человѣка, которыя связаны съ возникновеніемъ въ насъ представленій.

Гюйо показалъ, что, при воззрѣніи на искусство, какъ на удовольствіе отъ созерцанія и забавы,—при стремленіи уничтожить въ немъ интересъ къ добру, истинѣ и пользѣ, создаются условія, благопріятствующія появленію у однихъ—дилеттантства, а у другихъ — поклоненія исключительно внѣшней формѣ; такимъ образомъ, не признается серьезная и, такъ сказать, *жизненная* сторона великаго искусства и литературы.

II. Въ соч. «Искусство съ соціологической точки зрѣнія» мы находимъ новую и оригинальную мысль.

Гюйо показываетъ въ немъ, что по самой природѣ своей искусство есть явленіе вполнѣ *общественное*. Онъ изслѣдуетъ по порядку основы эстетическаго чувства (эстетической эмоціи) и генія, роль симпатіи въ критикѣ, идеализмъ и реализмъ, введеніе философскихъ и общественныхъ идей въ современный романъ и поэзію, затѣмъ изучаетъ истинные законы стиля, какъ средства выраженія и орудія симпатіи, разсматриваетъ декадентскую литературу и, наконецъ, общественную и моральную роль искусства. По его мнѣнію, *красоту* составляетъ та широко разлитая жизнь, которая проявляется въ предметахъ, находя сочувственный откликъ въ нашей собственной жизни. *Красота въ искусствѣ есть интенсивное и сочувственное выраженіе жизни*. Такимъ образомъ, искусство «общественно» не только по своей цѣли и результатамъ, но и по самой сущности своей, по тому закону, который лежитъ въ его основѣ: состоитъ этотъ законъ въ разлитіи или распространеніи лучей симпатіи, вдохновляющей художника, и которой онъ вдохновляетъ другихъ; чтобы создать великое художественное произведеніе, нужно жить единой жизью со всѣми существами и выражать эту жизнь посредствомъ элементовъ, заимствованныхъ у дѣйствительности. Но жить въ *другомъ*—не значитъ ли *любить*? Такимъ образомъ, истинный художникъ не тотъ, кто созерцаетъ жизнь, а тотъ, кто любитъ и сообщаетъ другимъ свою любовь. Отсюда Гюйо дѣлаетъ выводъ, что основой эстетической эмоціи является чувство солидарности и всеобщей симпатіи. Когда эта возвышенная мысль дастъ свои плоды, тогда исчезнетъ болѣзненная, шаткая литература, противуобщественная и по принципу, и по проявленіямъ, тогда на ея мѣсто возникнетъ литература, полная жизни и силы, способная вести общество не къ разложенію, а къ дальнѣйшему развитію.

Бэконъ сказалъ, что искусство, это — человѣкъ, дополняющій природу,—homo additus naturae, но тогда можно будетъ сказать, что искусство есть общественная жизнь, распространенная на всю природу и, такимъ образомъ, дѣлающаяся какъ бы новой религіей.

I.

Поэзія.

Мечта, связанная неразрывно съ надеждой, даетъ высочайшее наслажденіе, служа звеномъ между отдаленными идеалами и окружающей дѣйствительностью, между небомъ и землей. И самая прекрасная мечта въ этомъ родѣ — *поэзія*. Она похожа на тотъ свѣтовой столбъ, который трепещетъ на морской глади при восходѣ Сиріуса; эта молочно-серебристая дорожка, разстилающаяся по трепетнымъ волнамъ, соединяетъ однимъ лучомъ безпредѣльно-далекій Сиріусъ съ нашимъ міромъ черезъ безконечное пространство небесъ и моря.

Особое свойство искусства состоитъ въ томъ, что оно безъ всякихъ объясненій, безъ всякихъ «доказательствъ» внѣдряетъ въ души нѣчто неопровержимое. И это потому, что чувство преобладаетъ надъ всѣми другими нашими способностями. Вы считаете себя ученымъ, безстрастнымъ и чуждымъ заблужденій искателемъ истины, но вы полюбили и плачете, какъ ребенокъ; пусть протестуетъ вашъ разумъ, пусть онъ приводитъ неопровержимые доводы, и все-таки онъ не можетъ сдержать вашихъ слезъ. Пусть ученый смѣется надъ слезами поэта, и, тѣмъ не менѣе, даже въ самой холодной душѣ всегда готовы пробудиться и откликнуться тысячи отзвуковъ; случайно мелькнувшая мысль способна вызвать безконечный рядъ другихъ, выплывающихъ изъ нѣдръ сознанія. И всѣ эти мысли, безмолвныя до тѣхъ поръ, образуютъ безчисленный хоръ, могущественно звучащій въ вашей душѣ. Въ немъ вы слышите все, что когда-то думали, чувствовали, любили...

Истиннымъ поэтомъ можетъ назваться лишь тотъ, кто пробуждаетъ эти голоса.

Наука состоитъ изъ опредѣленнаго количества идей, которыми сполна овладѣло наше мышленіе. Она имѣетъ цѣлью побѣду и успокоеніе ума. Поэзія, наоборотъ, создается возникновеніемъ множества чувствъ и мыслей, осаждающихъ разумъ, который не можетъ сразу охватить ихъ. Она представляетъ вѣчное внушеніе и вѣчное возбужденіе. Поэзія есть стремленіе заглянуть въ туманную, подвижную и безконечную основу вещей. Человѣкъ напоминаетъ рудокопа въ глубинѣ шахты: для него освѣщено только то небольшое пространство, которое непосредственно окружаетъ его; все остальное—темно и неизвѣстно. Однако, игнорировать все, кромѣ

этого тѣснаго, освѣщеннаго круга, въ которомъ мы движемся, стремиться ограничить только имъ свой кругозоръ и не вспоминать объ ускользающей отъ насъ безпредѣльности, это значитъ самимъ задувать трепетное пламя лампочки рудокопа.

Поэзія является расширеніемъ науки въ томъ, что этой послѣдней неизвѣстно. Нашъ умъ обновляетъ свои силы въ понятіи безконечнаго, черпаетъ въ немъ свою энергію, свои вдохновенія. Такъ корни деревьевъ все глубже и глубже проникаютъ въ почву, чтобы извлекать изъ нея соки, необходимые для роста вѣтвей, которыя все шире и шире раскидываются въ свободномъ воздухѣ подъ сводомъ безконечнаго неба. Какая-нибудь астрономическая теорема даетъ намъ умственное удовлетвореніе, но взглядъ на безконечное небо возбуждаетъ нѣчто въ родѣ смутной тревоги, возбуждаетъ желаніе, неудовлетворяемое знаніемъ и создающее поэзію неба. Люди науки постоянно стремятся удовлетворить нашей любознательности, отвѣтить на наши вопросы, тогда какъ поэтъ чаруетъ насъ самымъ вопросомъ. Цѣлью науки служитъ исканіе отвѣта посредствомъ разсужденія или опыта, а высочайшей цѣлью поэзіи является чувство или предчувствіе, при помощи воображенія. Слѣдовательно, наука и въ особенности философія навсегда останутся поэтическими, во-1-хъ, благодаря чувству, порождаемому великими, уже познанными фактами и великими, уже открывшимися горизонтами, во-2-хъ, благодаря предвкушенію еще неизвѣстныхъ, но не менѣе великихъ фактовъ и безконечныхъ горизонтовъ, которые можно только предчувствовать по смутнымъ очертаніямъ, возникающимъ изъ таинственнаго полумрака.

Кромѣ того, вдохновенія отъ науки и философіи—вѣчно стары и вѣчно новы, такъ какъ видъ міра измѣняется для человѣка въ каждую новую эпоху. Эти эпохи, или циклы, напоминаютъ путешественника, ѣдущаго вокругъ земли: надъ его головой поднимаются новыя звѣзды, которыя затѣмъ для него исчезаютъ, такъ что познать все разнообразіе неба онъ можетъ только въ концѣ пути.

Современное научное представленіе о мірѣ такъ же эстетично, какъ и древнее ошибочное представленіе о немъ. Философская идея всемірнаго развитія (эволюціи) очень близка къ другой идеѣ, составляющей основу поэзіи,—къ идеѣ о міровой жизни.

Само небо теперь уже не представляется неподвижной твердью: оно движется и живетъ. Въ безконечномъ пространствѣ небесъ, кажущихся неподвижными, происходятъ драмы, подобныя земнымъ драмамъ. Въ безпредѣльномъ лѣсу звѣздъ, говоритъ астрономъ Джанссенъ, есть и молодые побѣги, и взрослыя деревья, и черные пни старыхъ дубовъ. У звѣздъ есть свой возрастъ, бѣлыя

и голубыя звѣзды,—напр., Сиріусъ,—молоды, полны блеска и высшаго каленія; красноватыя звѣзды, — Арктуръ и Антаресъ,—уже старѣются, близятся къ угасанію, какъ желѣзо, переходящее отъ бѣлаго каленія къ красному. И въ «безконечномъ» совершается эволюція. Показывая намъ ее повсюду, наука только замѣняетъ совершенно относительную красоту древнихъ понятій о мірѣ, новой красотой, ближе подходящей къ окончательной истинѣ,—къ тому, что астрономы называютъ «абсолютнымъ небомъ». Но вѣчныя сокровища поэзіи особенно свойственны философіи, такъ какъ наука постоянно не въ силахъ овладѣть ими: въ концѣ ея великихъ открытій всегда возникаетъ снова вѣчная и всемірная тайна, которая, какъ темная ночь, облегаетъ нашъ небольшой освѣщенный кругъ. Вотъ это-то сознаніе нашего невѣдѣнія, являющееся однимъ изъ результатомъ высшей философіи, будетъ оставаться вѣчно тѣмъ чувствомъ, которое, вмѣстѣ съ другими, вдохновляетъ поэзію.

Сегодня вечеромъ я услышалъ въ ночной тишинѣ голосокъ ребенка, раздавшійся изъ-за бѣлаго полога колыбели. Ребенокъ часто грезитъ вслухъ, произноситъ обрывки фразъ, а сегодня у него вырвалось маленькое словечко: «почему?» Бѣдный, дѣтскій вопросъ, на который никогда не получится отвѣта! Ребенка снова охватили его грезы, и вновь наступила великая тишина ночи... Также и мы,—тщетно мы спрашиваемъ: «почему?» Нашъ вопросъ никогда не получитъ окончательнаго отвѣта. Но если тайна не можетъ быть уяснена вполнѣ, мы, тѣмъ не менѣе, не въ силахъ отрѣшиться отъ созданія представленій объ основѣ вещей; мы не въ состояніи не отвѣчать себѣ на вопросы, о которыхъ природа хранитъ мрачное молчаніе. Это представленіе о сущности или основѣ явленій, когда оно дается въ формѣ отвлеченной, называется метафизикой: и наоборотъ, въ формѣ образной, оно—поэзія. Вотъ почему всѣ великіе поэты нашего вѣка отличаются присутствіемъ въ нихъ особаго чувства, — чувства соціальной и религіозной миссіи искусства; если иногда это чувство внушаетъ имъ нѣчто въ родѣ наивной гордости, оно, тѣмъ не менѣе, само по себѣ справедливо.

Если поэты будутъ считать себя только чѣмъ-то въ родѣ ювелировъ, чеканящихъ изъ поддѣльнаго золота маленькіе кубки-брелоки, въ которыхъ мы не найдемъ ни одной капли свѣтлаго вина мысли, — сама поэзія станетъ лишь формой, призракомъ, тѣломъ безъ души. Она умретъ.

II.

Художественная эмоція и ея соціальный характеръ.

I. Въ примитивномъ состояніи искусства, поэзія, живопись и скульптура начинали всегда съ изображенія одушевленныхъ предметовъ. Только гораздо позднѣе они посвящаютъ себя воспроизведенію неодушевленной среды, служащей ареной этимъ живымъ существамъ. Даже и теперь въ каждомъ литературномъ описаніи и художественномъ воспроизведеніи, насъ трогаетъ только человѣкъ или та сторона природы, которая напоминаетъ человѣка. Такимъ образомъ, художественная эмоція есть эмоція общественная, такъ какъ художникъ, сближая нашу жизнь съ чужой жизнью, похожей на нашу, заставляетъ насъ переживать эту послѣднюю. Поясним наглядным примѣромъ изъ другой области: физику нужно наэлектризировать проволоку, но онъ не можетъ непосредственно прикоснуться къ ней. Какъ же быть? Есть средство возбудить токъ и въ ней, въ желаемомъ направленіи: для этого къ первой проволокѣ приближаютъ другую, въ которой электрическій токъ уже циркулируетъ, и первая тотчасъ же электризируется посредствомъ *индукціи*. Проволока, которую нужно наэлектризировать безъ прикосновенія, т. е. сообщить ей издали вибраціи въ заранѣе опредѣленномъ направленіи, это—публика, т. е. каждый изъ насъ, составляющій ея массу. Цѣль поэта или художника заключается въ томъ, чтобы, приблизивъ къ нашей жизни другую жизнь, которой мы можемъ симпатизировать, *возбудить въ насъ эту иную жизнь*. Мы видимъ, стало быть, и здѣсь *косвенное* возбужденіе *посредствомъ индукціи*. Всѣ искусства, въ основѣ своей, — ничто иное, какъ различные способы конденсаціи (сгущенія) индивидуальной эмоціи для того, чтобы она могла непосредственно передаться другимъ, т. е. сдѣлать въ нѣкоторомъ родѣ *обобществленной*. Такъ, напримѣръ, я растроганъ видомъ печали, изображенной, положимъ, на извѣстной картинѣ Ари Жеффера «Солдатская вдова»; это значитъ, что прекрасное воспроизведеніе показало мнѣ, какъ душа этой женщины была понята другой душой, проникшейся ея горемъ, и такимъ образомъ, не смотря на физическія препятствія, установилась связь моральнаго общенія между геніемъ и печалью, которой онъ симпатизируетъ. Значитъ, здѣсь воплощено и живетъ на моихъ глазахъ единеніе, общность душъ, призывающее и меня принять въ немъ участіе, и я вступаю въ этотъ союзъ всѣми силами моего ума и сердца. Тотъ интересъ, который возбуждаютъ въ насъ произведенія искусства, является

результатомъ связи или общенія, устанавливающагося между нами, художникомъ и изображенными лицами. Это—новое общество, въ которомъ сочетаются и любовь, и удовольствіе, и страданіе, и вся судьба...

Такимъ образомъ, мы видимъ въ искусствѣ расширеніе общества посредствомъ чувства на всю природу, на все, что существуетъ въ ней, и даже на то, что мы считаемъ превышающимъ природу или, наконецъ, признаемъ существами фиктивными, созданными нашимъ воображеніемъ. Значитъ, *художественная эмоція соціальна по своей сущности*; результатомъ ея является расширеніе ирдивидуальной жизни, ея невольное слитіе съ жизнью болѣе широкой и универсальной. *Высочайшая цѣль искусства состоитъ въ произведеніи эстетической эмоціи, имѣющей социальный характеръ.* Искусство отвлекаетъ индивидуумъ отъ его собственной индивидуальности, поднимаетъ его выше ея. Удовольствія чисто личныя, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ элементъ безличный,—непродолжительны; наоборотъ, удовольствіе, которое обладало бы вполнѣ универсальнымъ характеромъ, было бы вѣчно. Вотъ почему искусство, какъ и мораль, должны искать опоры въ томъ, что никогда не погибнетъ: въ отрицаніи эгоизма,—отрицаніи, совпадающемъ съ расширеніемъ самой жизни.

II. Истинный художникъ не долженъ смотрѣть на вещи, *какъ художникъ*, и чувствовать ихъ спеціально-художественнымъ образомъ; онъ долженъ смотрѣть на нихъ и чувствовать ихъ, какъ человѣкъ общественный, благожелательный; безъ этого условія, ремесло, убивая въ немъ чувство, приведетъ его къ тому, что отниметъ у его произведеній жизнь, а жизнь-то и образуетъ прочное основаніе всякой красоты.

Одинъ изъ недостатковъ, отличающихъ каждаго, кто усвоиваетъ себѣ исключительно художественную точку зрѣнія, состоитъ въ томъ, что такой человѣкъ становится неспособнымъ видѣть или чувствовать что-нибудь, кромѣ явленій, которыя кажутся ему легко воспроизводимыми въ искусствѣ и удобными для непосредственнаго перенесенія въ область вымысла (фикціи). Мало-по-малу искусство начинаетъ для него преобладать надъ реальной жизнью. Каждый разъ, какъ его душой овладѣваетъ какое-либо чувство, онъ относитъ его къ той практической цѣли, которая связана съ интересами его искусства; онъ уже чувствуетъ не для того, *чтобы чувствовать*, а для того, чтобы *утилизировать* свое чувство и перевести его на языкъ искусства. Онъ пріобрѣтаетъ сходство съ профессіональнымъ актеромъ, у котораго каждый жестъ и каждое слово теряютъ свой инстинктивный характеръ и стано-

вятся мимикой; такъ, напр., Тальма, когда умеръ его сынъ, старался воспользоваться даже крикомъ своей искренней печали и прислушивался къ своимъ рыданіямъ. Но разница между художникомъ и актеромъ та, что этотъ послѣдній, постояннымъ изученіемъ самого себя съ точки зрѣнія своего искусства, измѣняетъ, главнымъ образомъ, свои жесты и интонацію, тогда какъ художникъ можетъ измѣнить даже свои чувства и извратить свое сердце. Флоберъ,—художникъ до мозга костей, гордившійся этимъ,—выражаетъ подобное состояніе съ удивительной точностью: по его словамъ, только тотъ рожденъ для искусства, для кого явленія міра съ того момента, какъ они имъ восприняты, представляются преобразившимися какъ бы для роли иллюзіи, подлежащей описанію, и до такой степени, что все существующее, даже его собственная жизнь, должно казаться ему лишеннымъ всякой другой цѣли, А по моему мнѣнію, наоборотъ,—личность, съ подобной организаціей, непригодна для искусства, такъ какъ для того, чтобы дать жизнь во всей ея силѣ, нужно *вѣрить* въ нее; нужно сперва почувствовать то, что чувствуютъ обыкновенно въ жизни, прежде, чѣмъ задавать себѣ вопросы о томъ, для чего это пригодится, стараясь утилизировать свое собственное существованіе. Такой пріемъ удерживаетъ человѣка на внѣшней или поверхностной сторонѣ явленій, потому что въ нихъ онъ замѣчаетъ только одни *эффекты*, которые можно схватить и передать; при этомъ природа отожествляется съ музеемъ и даже, если нужно, музей предпочитается природѣ.

Великое искусство видитъ въ жизни и природѣ не иллюзію, а реальность; оно съ особенной глубиной чувствуетъ въ нихъ не то, что легче дается человѣческому искусству, а наоборотъ, то, что всего труднѣе перевести на языкъ искусства и перенести въ его область. Нужно сперва понять, насколько жизнь разливается шире искусства, чтобы съумѣть перенести въ искусство какъ можно болѣе жизни.

III.

Реализмъ и идеализмъ.

I. Въ литературѣ, какъ и въ философіи, идеализмъ и реализмъ, взятые отдѣльно, не вѣрны. И тотъ, и другой выражаютъ одну изъ сторонъ человѣческой жизни, эта сторона у многихъ можетъ становиться господствующей, почти исключительной и потому имѣетъ право также болѣе или менѣе исключительно вдохновлять

нѣкоторыя произведенія искусства. На Миланскомъ соборѣ, въ числѣ одиннадцати тысячъ статуй, покрывающихъ его, какъ цѣлое каменное населеніе, серафимы кажутся такими же живыми, почти движущимися, какъ и горгоны; и ангелы, и звѣри на зданіи занимаютъ совершенно опредѣленное мѣсто въ этомъ обществѣ созданій искусства, которое является лишь образомъ нашего человѣческаго общества; прохожій требуетъ отъ всѣхъ нихъ только одного: они должны казаться живыми подъ солнцемъ, сверкающимъ на ихъ полированномъ мраморѣ, какъ на настоящемъ тѣлѣ.

Moïse, pour l'autel, cherchait un statuaire;
Dieu dit: «il en faut deux»; et dans le sanctuaire
Conduisit Oliab avec Bélisèel:
L'un sculptait l'idéal et l'autre le réel *).

Всѣ типы, прослѣженные писателемъ,—будетъ ли онъ идеалистъ, или реалистъ,—прекрасны не одинаково, а пропорціонально тому, насколько они полны жизнью. Мы видѣли, что жизнь есть единственный принципъ и истинное мѣрило прекраснаго; низшая, т. е. растительная или животная, жизнь менѣе прекрасна, чѣмъ жизнь высшая, моральная или интеллектуальная. Но повторяю еще разъ, важна здѣсь именно жизнь, и лучше изобразить *живого* урода,—несмотря на неустойчивый и временной характеръ всякаго уродства,—чѣмъ представить намъ идеалъ въ безжизненной фигурѣ, составленной изъ абстрактныхъ линій, въ родѣ линій треугольника или шестиугольника. Черезчуръ исключительный матеріализмъ въ искусствѣ можетъ быть признакомъ безсилія, но смутный или черезъ-чуръ условный идеализмъ хуже всякаго безсилія: онъ—остановка на полдорогѣ, ошибка въ направленіи, безсмыслица и настоящая измѣна прекрасному!..

Всякое искусство есть усиліе воспроизвести что-нибудь въ улучшенномъ видѣ. Примитивное искусство пыталось украшать дѣйствительность; часто оно извращало ее; современное искусство стремится къ большей глубинѣ при ея воспроизведеніи. Въ то время, какъ теперешніе анатомы употребляютъ для своихъ рисунковъ простую фотографію или фотогравюру, имѣя въ виду мельчайшую точность въ воспроизведеніи природы, анатомы XVI, XVII и даже XVIII вѣковъ,—ученые, а не художники,—заботились въ

*) «La Légende des siècles».
«Моисей для алтаря искалъ скульптора;
Богъ сказалъ: «здѣсь надо двоихъ»,—и въ святилище
Ввелъ Оліаба вмѣстѣ съ Белизеелемъ:
Одинъ изваялъ идеалъ, другой—дѣйствительность».

своихъ рисункахъ только о нѣкоторомъ приближеніи, представляющемъ эстетическій эффектъ и внѣшнюю симметрію; они изображали артеріи, вены и ихъ устья такъ, чтобы ихъ общій видъ казался наиболѣе удобнымъ. Подобная фантазія особенно разъигрывалась у нихъ при изображеніяхъ мозга; они наивно полагали, что расположеніе извилинъ полосатаго тѣла и желудочковъ подчинено нѣкотораго рода случайности; они были увѣрены, что можно исправлять природу, такъ какъ, по невѣдѣнію, считали несомнѣннымъ глубокій детерминизмъ, связывающій всѣ предметы и явленія; отсюда имъ казалось, что какая нибудь мелочная частность имѣетъ значеніе для всего міра и что, измѣнивъ, напр., кривизну какой-нибудь мозговой извилины, можно измѣнить направленіе всей человѣческой жизни. Эстетика природы заключается не въ той или другой частной фигурѣ, но въ соотношеніи всѣхъ фигуръ и рисунковъ, изображающихъ предметы, и вотъ почему подобныя поправки могутъ быть чудовищнымъ извращеніемъ съ точки зрѣнія цѣлаго. Нельзя уподобляться тому рисовальщику, который желалъ бы улучшить и упростить развѣтвленія мозговыхъ извилинъ Кювье съ тою цѣлью, чтобы онѣ производили пріятное впечатлѣніе на глазъ.

Прекрасное никогда не было абсолютно *простымъ*, оно—всегда *упрощенное сложное*; всегда оно состояло изъ нѣсколькихъ руководящихъ формулъ, облекающихъ въ знакомые и глубокіе термины чрезвычайно различные образы и идеи. Значитъ, идеализмъ плохихъ классическихъ писателей, состоявшій въ насильственномъ ограниченіи прекраснаго небольшимъ числомъ бѣдныхъ идей и образовъ, строгостью линій, преувеличенной симметріей и исправленіемъ всякихъ отступленій природы отъ геометрическихъ формъ, былъ полнѣйшимъ заблужденіемъ.

«Идеалъ,—справедливо говоритъ Аміель,—не долженъ стоять черезчуръ высоко надъ дѣйствительностью, если хотятъ, чтобы онъ имѣлъ несравненныя преимущества въ борьбѣ за существованіе». Художники и романисты, какъ и моралисты, должны запомнить эти слова. Идеалъ можетъ быть пригоднымъ даже для искусства лишь на столько, на сколько онъ уже есть въ дѣйствительности, т. е. наступаетъ или осуществляется въ ней; «возможное» есть ни больше, ни меньше, какъ «дѣйствительное», но еще работающее для своего воплощенія. Идеалъ, какъ говоритъ дальше Аміель, это голосъ, изрекающій, какъ Мефистофель, предметамъ и существамъ свое «нѣтъ»: «Нѣтъ, ты еще не готовъ, ты еще не полонъ, ты еще не совершенъ, ты еще не составляешь послѣдняго выраженія твоей собственной эволюціи». Но, доба-

вимъ мы, необходимо, чтобы и дѣйствительность не отказала идеалу въ своемъ согласіи съ нимъ, чтобы она не сказала ему: «Нѣтъ, я тебя не знаю; нѣтъ, ты мнѣ чуждъ и потому безразличенъ; нѣтъ, ты фальшивъ». То есть, необходимо, чтобы идеалъ и дѣйствительность взаимно проникались другъ другомъ и въ своемъ основаніи разрѣшались въ двухъ соотносительныхъ положеніяхъ.

Всѣ знаютъ стихъ Мюссе:

Malgré nous, vers le ciel il faut lever les yeux *).

Этотъ стихъ могъ бы быть формулой идеалистической эстетики. Зола даетъ намъ совершенно противоположную формулу: одинъ изъ героевъ, въ которомъ онъ олицетворяетъ литературный споръ, полулежалъ однажды на травѣ; дѣло было лѣтомъ, въ деревнѣ.

«Онъ упалъ на спину и простиралъ руки въ траву, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ землю». Онъ начинаетъ говорить смѣясь и шутя, но кончаетъ слѣдующимъ крикомъ пламеннаго убѣжденія: «О, добрая земля! возьми меня, ты общая мать, единственный источникъ всякой жизни! Ты вѣчная, безсмертная! Въ тебѣ обращается душа міра, эта живая сила, проникающая даже въ камни и дѣлающая деревья нашими огромными, неподвижными братьями! Да, я хочу потеряться въ тебѣ: вѣдь, это тебя я чувствую здѣсь, подъ моими членами, охватывающую и воспламеняющую меня! Ты, ты одна, будешь первой силой въ моемъ произведеніи, будешь его средствомъ и цѣлью, безмѣрнымъ алтаремъ, въ которомъ всѣ предметы одушевляются дыханіемъ всего существующаго! И нужна ли особая душа для каждаго изъ нихъ, когда есть эта великая душа!..»

Погрузиться въ землю, тогда какъ другіе мечтаютъ подняться въ небеса, — вотъ поистинѣ два противоположныхъ взгляда въ искусствѣ и въ жизни; но эта противоположность такъ же условна, какъ противоположеніе надира и зенита, лежащихъ всегда на продолженіи одной и той же линіи.

Если рыть землю все глубже и глубже, снова увидишь небо. Современные натуралисты хотѣли бы, какъ и великій античный натуралистъ, Лукрецій, обожать одну только богиню земного плодородія, смѣшивая въ одномъ и томъ же культѣ символическіе образы Венеры и Цибелы; но Цибела, для своихъ древнихъ почитателей, была неразлучна съ Ураномъ (небомъ); и мы должны помнить, что древняя богиня объята и оплодотворена небомъ, что она теряется въ немъ и что земля, для своего движенія впередъ,

*) «Помимо воли, надо поднимать взоръ къ небесамъ».

должна отдаться волнамъ тончайшаго эфира, должна волноваться всѣми невидимыми движеніями этого божества, которое такъ близко и такъ далеко въ одно и то же время.

II. Первое, что необходимо для художника, это—способность *видѣть*. Но это—не все. Готье говоритъ: «Не многіе изъ людей *видятъ*. Напр., изъ двадцати пяти лицъ, входящихъ сюда, не болѣе трехъ различаютъ цвѣтъ бумаги. Возьмите, положимъ, г-на X; онъ не замѣтитъ, круглый ли это столъ, или квадратный... Вся моя сила въ томъ, что я принадлежу къ числу людей, для которыхъ *существуетъ видимый міръ*». Все это прекрасно; однако, видимый міръ существуетъ и для любого оцѣнщика, прекрасно различающаго и обои, и круглые или квадратные столы. Важна тутъ личная точка зрѣнія, съ которой *видятъ*, важенъ тотъ уголъ, подъ которымъ является видимый міръ, и, необходимо добавить, важенъ способъ, какимъ то *невидимое*, которое каждый носитъ въ себѣ, смѣшивается съ видимымъ.

Глаза—великіе распрощики; они спрашиваютъ у каждой вещи: что ты такое? «Что ты можешь разсказать мнѣ, старое дерево, нависшее надъ хижиной? Что ты говоришь мнѣ, маленькій букетикъ, забытый на окнѣ?» Я хочу знать исторію того, что вижу. Въ каждомъ существѣ мнѣ больше всего нравится то, что выходитъ за предѣлы даннаго мгновенья, въ которое я созерцаю его,—что лежитъ впереди и позади его, что вводитъ меня въ его особую жизнь. Великое искусство состоитъ въ томъ, чтобы уловить и представить *душу вещей*, то-есть, то, что связываетъ данный индивидуумъ со всѣми остальными, и каждую часть мгновенья съ цѣлымъ періодомъ.

У души вульгарной вульгаренъ и взглядъ, банально и самое искусство. Такимъ образомъ, каждый наблюдатель носитъ съ собою и въ себѣ нѣчто изъ того міра, который онъ наблюдаетъ. Такъ какая-нибудь звѣзда притягиваетъ къ себѣ всю космическую пыль, встрѣчающуюся въ пространствѣ на ея пути. Quot capita, tot astra (Сколько головъ, столько звѣздъ). Въ этомъ внутреннемъ тяготѣніи каждый предметъ занимаетъ свое особое мѣсто, опредѣляемое богатствомъ той *системы* идей, къ которой онъ присоединяется. То, что кажется самымъ великимъ, можетъ становиться самымъ ничтожнымъ, а самое ничтожное—самымъ великимъ; съ измѣненіемъ мѣста у перваго, мѣняется мѣсто у второго.

Представить эстетически міръ или человѣчество, не значитъ воспроизвести ихъ пассивно по случайному настроенію или чувству; нѣтъ, это значитъ—соподчинить ихъ взаимно по отношенію

къ основной точкѣ опоры, т. е. къ оригинальному «я» автора, которое само, въ свою очередь, должно быть, по возможности, самымъ полнымъ, хотя и сжатымъ, выраженіемъ міра и человѣчества. Если авторское «я» состоитъ изъ скопленія исключительныхъ и рѣдко встрѣчающихся идей, недостаточно связныхъ и систематичныхъ, если въ немъ нѣтъ, наконецъ, подобія полнаго «микрокосма», его произведенія могутъ удивлять или восхищать (прекрасное, по мнѣнію Боделэра, тожественно съ восхищающимъ), но они — скоропреходящи. Удивленіе или восхищеніе держится долго лишь въ томъ случаѣ, если оно заставляетъ долго размышлять, т. е. если имъ вызывается рядъ мыслей, слѣдующихъ длинной цѣпью другъ за другомъ, и приводящихъ къ болѣе или менѣе синтетическому *общему* построенію (понятію). Если вы хотите вызвать во мнѣ удивленіе, вы должны предварительно сами обладать способностью философскаго удивленія передъ вселенной, которое, по словамъ Платона, есть источникъ философіи. Умѣнье удивляться это—особенность мыслителя; умѣнье удивлять другихъ и поражать ихъ на минуту, это—искусство паяцовъ. То, что, удивляя, чаруетъ насъ и что истинно-прекрасно, не представляетъ совершенной новизны, а даетъ только новизну *правды*, и чтобы воспринять эту новизну, нужно имѣть болѣе или менѣе синтетическій, уравновѣшенный умъ, оригинальность котораго состоитъ не въ односторонности или ненормальности, а въ бо́льшей полнотѣ, чѣмъ у другихъ, въ бо́льшей гармоніи съ глубочайшей реальностью, а отсюда и въ способности воспроизводить ее передъ нами со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Байронъ сказалъ:

Are not the mountains, waves, and skies a part
Of me and my soul, as I of them?
(Развѣ горы, волны и небеса не составляютъ части
Моей души, какъ и я—ихъ?)

По словамъ Бэкона: Ars est homo additus naturae, художникъ понимаетъ природу съ полуслова; или, говоря правильнѣе, въ немъ она понимаетъ сама себя. Искусство выражаетъ то, о чемъ природа лишь невнятно лепечетъ; оно кричитъ ей: «вотъ то, что ты желала сказать!»

Въ итальянскихъ музеяхъ нѣкоторыя античныя статуи помѣщены на невысокихъ тумбахъ (цоколяхъ); хранители, по своему вкусу, поворачиваютъ ихъ и показываютъ съ разныхъ сторонъ, подвергая освѣщенію ту или другую часть, и вводя въ тѣнь остальныя части. Подобнымъ же образомъ искусство поступаетъ съ дѣйствительностью. Если бы было возможно наложить другъ на друга произведеніе искусства и тотъ предметъ, который оно

изображаетъ, чтобы этимъ способомъ опредѣлить наглядно, вполнѣ ли они взаимно совпадаютъ, то мы замѣтили бы, что они различаются постоянно нѣсколькими сторонами; если бы предметъ и его изображеніе были тожественны, математически согласны, искусства не существовало бы. Но, съ другой стороны, если бы они были совершенно несходны, если бы нельзя было привести ихъ какимъ бы то ни было способомъ къ совпаденію, въ такомъ случаѣ искусство оказалось бы никуда негоднымъ. Необходимо, чтобы оба образа совпадали, по меньшей мѣрѣ, въ существенныхъ пунктахъ; но необходимо также, чтобы въ произведеніи художника заключалась иная оріентировка, чтобы оно было освѣщено новымъ свѣтомъ. Одинъ туристъ сказалъ мнѣ на вершинѣ горы, въ тотъ моментъ, когда разсвѣтъ сверкнулъ яркими точками на остріяхъ самыхъ выдающихся вершинъ: «Вы присутствуете при нѣкоторомъ подобіи творенія». Это-то твореніе свѣтомъ предметовъ, которые являются совершенно иными при различныхъ лучахъ, и есть созданіе искусства.

IV.

Отличіе истиннаго реализма отъ тривіализма.

Правильно понятый реализмъ представляетъ совершенную противоположность тому, что можно бы назвать *тривіализмомъ*; онъ состоитъ въ томъ, чтобы сообщить изображеніямъ обычной жизни всю ту силу, какая нужна для ясности ея контуровъ, но съ устраненіемъ вульгарныхъ, утомительныхъ и часто отталкивающихъ ассоціацій. Такимъ образомъ, истинный реализмъ отдѣляетъ (диссоціируетъ) реальное отъ вульгарнаго; поэтому-то онъ и составляетъ весьма трудную сторону искусства; вѣдь, дѣло идетъ о томъ, чтобы отъискать поэзію въ такихъ фактахъ или вещахъ, которыя иногда кажутся намъ совсѣмъ не поэтичными ужъ просто потому, что въ нихъ эстетическая эмоція сглажена привычкой. У той улицы, по которой я хожу ежедневно и на которой я, такъ сказать, сосчиталъ каждый камень, есть своя поэзія, но заставить меня почувствовать ее гораздо труднѣе, чѣмъ поэзію какой-нибудь маленькой итальянской или испанской улицы или какого-нибудь уголка чужихъ странъ. Вѣдь, въ первомъ случаѣ нужно придать свѣжесть ощущеніямъ поблекшимъ, нужно найти новое въ томъ, что старо, какъ ежедневная жизнь, нужно изъ привычнаго извлечь непредвидѣнное, а единственнымъ средствомъ для этого служитъ болѣе глубокій захватъ реальнаго,—захватъ, иду-

щій дальше той внѣшней стороны, на которой привыкъ останавливаться нашъ взоръ; для этого необходимо поднять или прорвать то покрывало, которое образуется изъ спутанныхъ и смутныхъ нитей нашихъ ежедневныхъ, будничныхъ ассоціацій и мѣшаетъ видѣть предметы такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Поэтому, реалистическое искусство не труднѣе ли того, которое старается возбудить нашъ интересъ фантастическими элементами? Этому послѣднему приходится *творить* меньше, такъ какъ фантастическіе образы могутъ увлекать насъ своими случайными сочетаніями, какъ въ сновидѣніяхъ, тогда какъ для того, кто исходитъ только изъ дѣйствительности, поэзія и прекрасное почти никогда не даются, какъ случайное сочетаніе: они являются здѣсь *открытіемъ*, произведеннымъ съ сознательнымъ намѣреніемъ, являются организованной групировкой изученныхъ данныхъ опыта, которыя прежде были смутными и спутанными; однимъ словомъ, это всегда нѣчто новое, подмѣченное тамъ, гдѣ раньше *смотрѣли* всѣ, *не видя* его. Реальная и общая жизнь, это—скала Аарона, спаленная солнцемъ и утомляющая взглядъ, но въ ней есть точка, ударивъ въ которую, можно заставить вырваться живой источникъ, ласкающій взоръ, освѣжающій тѣло и окрыляющій надежды цѣлаго народа. Но для этого нужно ударить именно въ эту точку, а не около нея; нужно умѣть чувствовать прохладу живой воды сквозь грубый и неблагодарный камень.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

На другой день, раньше всѣхъ поднялась матушка. По долголѣтней привычкѣ, она вышла во дворъ, чтобъ заняться обычнымъ хозяйствомъ. Она сдѣлала два-три приказанія на счетъ коровъ и телятъ, но затѣмъ вдругъ лицо ея покрылось тѣнью и она замолкла, тихо отошла къ камышевой изгороди, оперлась на нее руками и заплакала. Она думала о томъ, что все это теперь ни къ чему. Какое теперь хозяйство? Зачѣмъ? Можетъ быть, черезъ недѣлю придется все продать и переселиться въ городъ, къ родственникамъ, и жить у нихъ изъ милости на хлѣбахъ. Вотъ къ чему привели эти тридцатилѣтнія хлопоты, болѣзни, огорченія. Ахъ, жизнь!

Въ это время, солнце поднялось изъ за низенькаго сарая и разбудило Глѣба. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ мать. Тотчасъ въ головѣ его мелькнула мысль, что она плачетъ; онъ наскоро одѣлся и вышелъ изъ палисадника, гдѣ была его постель.

— Мамаша, успокойтесь,—проговорилъ онъ искреннимъ голосомъ.—Вѣдь, этого, измѣнить нельзя...

— Нельзя, сыночекъ, нельзя!—задумчиво промолвила матушка, вытирая слезы фартукомъ.—Нельзя! такъ хотѣлъ Богъ!

— Ну, значитъ, надо покориться.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

— И покоряюсь, покоряюсь... Что-жъ мнѣ остается? Покоряюсь...

Слезы опять полились изъ ея глазъ. Ему сдѣлалось больно и онъ не зналъ, что̀ сказать ей въ утѣшеніе. Онъ чувствовалъ, что единственное, что могло бы утѣшить мать, это твердое заявленіе съ его стороны, что онъ раздумалъ и возьметъ приходъ. Онъ читалъ ея мысли и понималъ тотъ печальный взглядъ, которымъ она обводила дворъ съ сараями, домашней птицей, скотомъ и со всѣмъ, что было въ этомъ дворѣ. „Вотъ,—думала она,—если бы у меня былъ сынъ, какъ слѣдуетъ, какіе бываютъ сыновья у другихъ счастливыхъ матерей, онъ кончилъ бы курсъ, жснился бы и попросилъ архіерея, чтобы назначили его на тотъ самый приходъ, гдѣ онъ родился и выросъ, гдѣ тридцать лѣтъ жилъ его отецъ, гдѣ у него есть старое, насиженное гнѣздо. И архіерей снизошелъ бы и исполнилъ, и все бы пошло по старому, не пришлось бы со слезами разставаться съ каждой вещицей, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенной. Въ этомъ домѣ и остались бы жить, и я хозяйничала бы по старому да тутъ бы и жизнь свою кончила...“

Онъ зналъ, что такія мысли должны наполнять ея голову, и зналъ, что слѣдовало ему отвѣтить, чтобъ совершенно утѣшить ее. Онъ долженъ бы подойти къ ней и сказать: „мамаша, не плачьте, я передумалъ; все будетъ такъ, какъ вы хотите. Вотъ мнѣ осталось два экзамена, я ихъ выдержу и сейчасъ же попрошу приходъ, а вы ищите мнѣ невѣсту. Я надѣюсь, что преосвященный снизойдетъ къ нашему положенію и назначитъ меня въ то самое село, гдѣ я выросъ, гдѣ у насъ есть хозяйство.“

И какъ бы лицо ея просвѣтлѣло послѣ этихъ словъ! Во сколько бы разъ уменьшилось ея вдовье горе!

И все же онъ этого не сдѣлалъ; онъ этого не могъ сдѣлать.

Всталъ и отецъ Серафимъ. Онъ тоже вышелъ во дворъ. Матушка вытерла слезы и привѣтствовала его. Горничная возилась съ самоваромъ; тутъ же, около крыльца, гдѣ отъ дома падала длинная тѣнь, она готовила столъ. Все дѣлалось такъ, какъ прежде, какъ всегда, какъ будто ничто не измѣнилось. Появились продукты деревенскаго благополучія: сливки, масло, пышный хлѣбъ. Но это были остатки обезпеченной жизни. А скоро все это прекратится.

„Да,—думалъ про себя Глѣбъ,—я, должно быть, очень дурной сынъ, у меня, по всей вѣроятности, черствое сердце.

Вѣдь какъ, въ самомъ дѣлѣ, должно быть тяжело ей и какъ легко утѣшить ее! Нѣсколько искреннихъ словъ — вотъ и все.“ Но въ томъ-то и дѣло, что онъ искренно не можетъ сказать этихъ словъ.

— А вы такъ рано встаете, молодой человѣкъ?—промолвилъ отецъ Серафимъ,—это хорошо, это хорошо. Вы, значитъ, могли бы жить въ деревнѣ. Въ деревнѣ поневолѣ рано встаешь. А я, знаете, что придумалъ. Вотъ вы окончите ваши экзамены да и пріѣзжайте къ намъ погостить. У меня домъ большой, вѣдь я одинъ съ дочкой, я вдовецъ. А? Какъ вы думаете?

— Благодарю васъ!—отвѣтилъ Глѣбъ, кланяясь.

— Значитъ, пріѣдете?

— Благодарю васъ... Я не знаю, каковы будутъ наши обстоятельства.

— Да каковы бы ни были, все-таки пріѣзжайте.

— Конечно, онъ пріѣдетъ! — отвѣтила за него Ирина Власьевна, которая, по своимъ соображеніямъ, имѣла основаніе желать этой поѣздки для сына:—почему же ему не пріѣхать? Это даже очень пріятно, и онъ только долженъ быть благодаренъ.

— А коли хотите, даже лошадей пришлю. Прямо въ семинарію. Когда вы кончите ваши экзамены?

— Одинъ послѣ завтра, еще одинъ черезъ три дня, а потомъ черезъ два дня актъ...

— Ну, вотъ и все! Значитъ, черезъ недѣлю. Вотъ черезъ недѣлю я и пришлю лошадей. А обстоятельства... Что же вамъ въ нихъ? Пока вы еще не стали на ноги, о матери вашей и сестрѣ долженъ отецъ Лаврентій позаботиться. А вы пріѣзжайте, молодой человѣкъ, непремѣнно пріѣзжайте; большое удовольствіе доставите, очень даже большое удовольствіе.

„Они хотятъ женить меня!“—подумалъ Глѣбъ, но тутъ же вспомнилъ вчерашній разговоръ съ Варварой Серафимовной и прибавилъ:—„но съ нею это не опасно“.

Скоро вышли и дѣвушки. Дневной свѣтъ еще болѣе оттѣнилъ на лицѣ Варвары Серафимовны свѣжесть, молодость и ту дѣтскую простоту, которая сразу отличала ея лицо отъ другихъ; и это была не только молодость по лѣтамъ, въ глазахъ ея свѣтилась какая-то необыкновенная нетронутость, какъ въ глазахъ ребенка, которому еще незнакомы ни зависть, ни вражда.

Она подала ему руку.

— Вамъ хорошо спалось?—спросила она его.

— Да... Хотя я поздно заснулъ и рано всталъ.

— И ничего не снилось?

— Ровно ничего,—отвѣтилъ онъ.

— А мнѣ всю ночь снилась вчерашняя луна. Я каталась на лодкѣ. Вы гребли, Груня правила рулемъ, а я просто наслаждалась ночью.

— Вотъ, видите, молодой человѣкъ, какую вы побѣду одержали!—замѣтилъ, шутя, отецъ Серафимъ:—ужъ она видитъ васъ во снѣ.

Глѣбъ смутился, а Варя сказала просто:

— Почему же побѣду? Мы не сражались съ Глѣбомъ Назарычемъ, папа!

— Ну, да, вѣдь я пошутилъ. А вотъ, Варенька, Глѣбъ Назаровичъ обѣщалъ пріѣхать къ намъ погостить.

— Въ самомъ дѣлѣ? — живо спросила Варя и по глазамъ ея было видно, что это ей пріятно.

— Я не обѣщалъ, Варвара Серафимовна. Мнѣ было бы пріятно... Но я еще не знаю!—съ великимъ смущеніемъ сказалъ Глѣбъ.

— Пріѣзжайте, пожалуйста!—попросила Варя:—только у насъ скучно. Воды нѣтъ, степь и степь... колодцы да журавли, жара и пыль...

— Вотъ ты и напугала его,—перебилъ ее отецъ Серафимъ.—А совсѣмъ уже не такъ плохо. У насъ большой садъ. Тѣни много, цвѣты есть. Теперь сливы поспѣваютъ. Вы увидите, что не такъ у насъ плохо, какъ она говоритъ.

Гости напились чаю и затѣмъ собрались уѣзжать. Варя на прощанье сказала Глѣбу:

— Такъ если не боитесь соскучиться—пріѣзжайте.

Глѣбъ смущенно поклонился и ничего не отвѣтилъ. Скоро они уѣхали, и Глѣбъ тоже сталъ собираться въ городъ.

Сборы были тяжелые. У матери былъ какой-то безпомощный видъ.

— Что теперь будетъ, что теперь будетъ? — поминутно восклицала она. Она говорила, что теперь ужъ она не хозяйка. Надъ нею виситъ какая-то угроза, придутъ и скажутъ: уходи и надо все бросать, продавать за безцѣнокъ и уходить. А могло быть иначе, могло все остаться по прежнему, какъ было. Такъ-то люди сами не знаютъ, что съ собой дѣлаютъ. Родители болѣютъ, страдаютъ, убиваются, жилы

изъ себя вытягиваютъ, чтобы воспитать дѣтей, а дѣти потомъ о нихъ и не думаютъ, а только о своихъ фантазіяхъ. Вотъ какія нынче времена настали,—должно быть, послѣднія времена.

— Мамаша, все уладится, все будетъ хорошо,—говорилъ Глѣбъ и чувствовалъ, что въ словахъ его есть какая-то фальшь. Что будетъ хорошо? какъ уладится? Развѣ по совѣсти онъ можетъ что-нибудь пообѣщать имъ? Ничего. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ утѣшать:

— Дядя пріѣдетъ, привезетъ немного денегъ, поговорите, потолкуете съ нимъ.

Ирина Власьевна махнула рукой.

— Что дядя? Какъ бы тамъ ни было, какъ бы ни хотѣлъ онъ быть добрымъ, а все же онъ чужой, мы ему не то, что свои. У него своихъ заботъ довольно, а за своей заботой чужая кажется пустякомъ...

— Ну, вотъ что, мамаша,—наконецъ, рѣшительно сказалъ Глѣбъ: — вы не убивайтесь, дайте кончить экзаменъ, тамъ все опредѣлится. У меня теперь въ головѣ путаница.

— Точно—путаница, я и говорю, что путаница,— подтвердила Ирина Власьевна, даже чуть-чуть усмѣхнувшись при этомъ. Не легко было почерпнуть въ этихъ словахъ надежду на что-нибудь, но въ ея положеніи нужна была хоть соломенка и она ухватилась за эту соломенку. Она какъ бы допускала мысль, что Глѣбъ еще не такъ твердъ въ своемъ рѣшеніи и можетъ передумать.

Онъ ѣхалъ въ городъ одинъ. Мысли врывались въ его голову съ такой настойчивостью, что отъ нихъ у него болѣлъ черепъ. Онъ ощущалъ ихъ какъ будто посредствомъ осязанія. Казалось, онъ чувствовалъ боль отъ ихъ безпокойнаго движенія въ его мозгу. Два направленія, два міра соперничали на перебой другъ передъ другомъ, выставляя передъ нимъ свои доводы, каждый въ свою пользу, рисуя цѣлыя картины и всячески стараясь перетянуть его на свою сторону. Онъ потерялъ власть надъ собой, онъ уже не могъ руководиться своими думами и, какъ челнокъ, подбрасываемый волнами, то подымаетъ свой носъ высоко, направивъ его въ небо, то вдругъ круто опускаетъ его внизъ, какъ будто собираясь нырнуть на дно моря,—онъ перескакивалъ съ одной точки зрѣнія на другую. Рисовалась ему картина жизни, о которой мечтали мать и сестра. Ихъ настойчивость понятна. Развѣ легко разстаться съ тѣмъ, надъ чѣмъ работалъ всю

жизнь?.. Всѣ эти сараи, коровники, скотъ, птица, садикъ,— все это, конечно, пустяки, но мать, она своимъ трудомъ создавала каждый уголокъ въ этомъ домѣ. Она была хозяйкой, она всю жизнь чувствовала себя царицей этого маленькаго царства. И, вотъ, стоитъ ему только поддаться ихъ убѣжденію и все останется по старому. Архіерей навѣрно согласился бы оставить за нимъ приходъ отца. Архіерей у нихъ снисходительный, добрый, вникающій, ему только надо разсказать въ чемъ дѣло, и онъ пойметъ. И тогда ничто не измѣнилось бы, не было бы ни слезъ, ни укоровъ, ни проклятій. И онъ на минуту вообразилъ себя поддавшимся убѣжденіямъ матери и сестры. Что жъ тутъ мудренаго—надѣть рясу и служить,—онъ не видѣлъ въ этомъ никакого затрудненія; онъ ничего не имѣлъ противъ рясы, онъ не придавалъ значенія внѣшности. Но вотъ, одна подробность: вѣдь надо жениться, — передъ этимъ онъ остановился въ недоумѣніи. Можетъ быть, онъ не знаетъ жизни, можетъ быть, это въ немъ сказывается молодость и неопытность, какъ говоритъ отецъ Серафимъ, но онъ не можетъ такъ поступить... Вѣдь, онъ знаетъ, какъ это дѣлается, и представляетъ себѣ всю картину. Дядя пороется въ памяти и вспомнитъ, что въ селѣ такомъ-то, у такого-то батюшки есть дочь, а можетъ быть, и двѣ и три—тѣмъ лучше, больше выборъ, и пояснитъ: у него хорошій приходъ, при томъ же онъ и землю засѣваетъ, столько-то десятинъ, значитъ, и деньги есть, а слѣдственно, можно будетъ взять тысченку — другую на первое обзаведеніе. Этихъ свѣдѣній будетъ совершенно достаточно. Дядя возьметъ наемный экипажъ, они сядутъ вдвоемъ и поѣдутъ. Ну, вотъ, они пріѣхали. Дѣвицы прячутся, наряжаются, а появившись, краснѣютъ и конфузятся. Въ сущности, въ душѣ онѣ уже радуются, онѣ понимаютъ, что пріѣхалъ женихъ. Начинаются общіе разговоры. Сидятъ всѣ вмѣстѣ часа три и толкуютъ Богъ знаетъ о чемъ, что никого не интересуетъ. Это дѣлается для приличія. Нельзя же сразу людямъ, которые никогда до сихъ поръ не видали другъ друга, начать переговоры о женитьбѣ. Но и это время даромъ не прошло, и дядя успѣлъ уже кое о чемъ пошептаться съ родителями. Тутъ незамѣтно его оставляютъ съ глазу на глазъ съ дѣвицами, онъ дѣлаетъ выборъ, знакомится, сближается. У нея оказывается что-нибудь особенно красивымъ и привлекательнымъ, — глаза хороши или ротикъ, или коса до земли,— у каждой женщины есть что-нибудь привлека-

тельное, и онъ все будетъ смотрѣть на то, что у нея лучше всего, чтобъ обмануть себя и въ какіе-нибудь полчаса оказаться влюбленнымъ. А между тѣмъ, надо торопиться: скорѣй, скорѣй, время дорого. Это говоритъ взглядъ дяди, который случайно заходитъ сюда. Онъ уже переговорилъ съ родителями и тихонько сообщаетъ ему на ухо: тысячу рублей, да пару лошадокъ выторговалъ, а у нея полный гардеробъ, бѣлья двѣнадцать перемѣнъ и еще кое-что. Дѣвица съ образованіемъ, кончила епархіальное, даже на фортепіанахъ играетъ; чего думать? объясняйся! И вотъ, они вдвоемъ. Какъ-то всѣ вдругъ исчезли и онъ, словно подъ вліяніемъ какого-то внушенія, торопливо объясняется; не договаривая фразъ и путаясь, онъ разсказываетъ, въ чемъ состоитъ его цѣль, знакомитъ съ своими данными, называя приходъ и доходность его и дѣлаетъ предложеніе. Дѣвица, конечно, ссылается на родителей, а родители предложеніе принимаютъ, потому что выдать дѣвицу замужъ всегда пріятно, всегда облегченіе для семьи. А черезъ три дня ихъ вѣнчаютъ. Съѣзжается весь уѣздъ, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ. Все это шумно, весело, но потомъ, потомъ... Цѣлая жизнь съ человѣкомъ, котораго совсѣмъ не знаешь. Жизнь пополамъ, интимная близость съ существомъ, которое, быть можетъ, думаетъ и чувствуетъ какъ разъ наоборотъ. Большинство, конечно, примиряется, потому что ничего больше не остается дѣлать. Люди кое-какъ приспособляются другъ къ другу, потому что передъ ними стоитъ стѣна, черезъ которую никакъ не пройдешь... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! никогда на это онъ не пойдетъ. А планы и мечты, а стремленіе расширить свои познанія, объять умомъ весь міръ, всю вселенную? Они заглохнутъ въ будничныхъ мелочахъ, въ заботахъ о хозяйствѣ. Все это такъ далеко, такъ безконечно далеко отъ источника мысли, весь этотъ мутный, тусклый, невѣжественный міръ. И представляется ему другая картина.

Онъ одинъ въ маленькой комнаткѣ, среди жалкой, скудной обстановки, одинъ съ своими книгами, съ своими думами. Онъ плохо ѣстъ и пьетъ, но душа его свободна. Онъ встрѣчается съ людьми, съ такими же, какъ и онъ, ищущими познаній и мучащимися вѣчнымъ ненасытнымъ вопросомъ: какъ и почему? Каждая новая вещица что-нибудь прибавляетъ къ его внутреннему міру, каждая прочитанная страница открываетъ передъ нимъ новый уголокъ вселенной. И вѣдь, этому нѣтъ границъ,—природа безпредѣльна. И его во-

ображеніе рисуетъ ему какое-то фантастическое существо, стоящее въ центрѣ вселенной. Его глаза видятъ безконечно далеко, проникаютъ внутрь всего, все для него прозрачно и ясно—и оно понимаетъ значеніе всѣхъ явленій. И такое существо представляется ему идеально счастливымъ и великимъ. Оно не связано никакими земными заботами, его ничто не можетъ огорчить и обидѣть, потому что оно знаетъ причину и сущность всего, отъ самаго ничтожнаго явленія до самаго грандіознаго. Да развѣ въ природѣ есть ничтожное и великое? Въ ней есть только законы, по которымъ она существуетъ, и все въ ней одинаково важно...

Вотъ и городъ, начались знакомыя улицы. Онъ на минуту заѣхалъ къ дядѣ. Его разспрашивали о матери и сестрѣ, о ихъ настроеніи, хотя и безъ того могли знать, что имъ не можетъ быть весело. Потомъ его оставляли обѣдать, но онъ торопился. Ему надо было приготовиться къ экзамену, догнать товарищей.

— Ну, а я завтра съѣзжу къ нимъ, — сказалъ отецъ Лаврентій,—и кое-что свезу. Такъ, деньжонокъ немного!

Потомъ онъ отвелъ его въ сторону и прибавилъ конфиденціально:

— А на счетъ тысячи рублей ты не безпокойся, Глѣбъ, я отдамъ, очень даже скоро отдамъ. Ну,—продолжалъ онъ громко:—что, не передумалъ, нѣтъ? Ну, это дѣло твое. Конечно, я ничего не говорю. Разное бываетъ... Вотъ, напримѣръ, графъ Сперанскій изъ простого званія... да, впрочемъ, мы уже объ этомъ говорили... Въ какіе большіе люди вышелъ... Это случается. Но все-жъ таки, говорю я, надо подумать.

Въ этомъ родѣ отецъ Лаврентій могъ говорить очень долго, но его перебила тетка; оказалось, что она тоже уже знала тайну Глѣба, и ей захотѣлось и съ своей стороны высказаться.

— А я такъ вполнѣ одобряю твое намѣреніе, Глѣбъ,— сказала она.—Куда какъ лучше быть свѣтскимъ, чѣмъ духовнымъ.

Но Глѣбъ никакъ не могъ послѣ этого заявленія считать, что пріобрѣлъ новую союзницу; онъ зналъ, что у тетушки совсѣмъ особенная точка зрѣнія.

Отецъ Лаврентій былъ беззаботнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ съ радостью встрѣчалъ всякаго собѣдника, готовъ былъ закормить его и залить виномъ. У него,

какъ и у матушки, былъ хорошій вкусъ и потому въ домѣ у нихъ водились всегда изысканныя закуски и тонкія вина. Любилъ отецъ Лаврентій и одѣться богато, насколько это было доступно его званію. Онъ всегда носилъ шелковую рясу, бѣлые воротнички, а зимой у него была прекрасная пышная шуба и бобровая шапка, которая славилась во всемъ городѣ. Матушка занимала почтенное мѣсто среди городскихъ красавицъ. Она очень сохранилась, была моложава, обладала пышнымъ тѣломъ и задорнымъ взглядомъ. Общество духовныхъ лицъ она только сниходительно терпѣла, а предпочитала свѣтское общество; у нихъ въ домѣ толпились офицеры, чиновники, учителя, всѣ за нею ухаживали, всѣ говорили ей любезности. Отецъ Лаврентій взиралъ на это снисходительнымъ окомъ. Онъ твердо былъ увѣренъ въ своей женѣ— и имѣлъ на это полное основаніе,— а про любезность и ухаживаніе говорилъ:—„это пустое, это ничего не означаетъ. Оно даже пріятно. Вотъ, напримѣръ, самъ я. по своему званію, не могу сопровождать мою супругу туда и сюда. А почему бы ей не ходить въ театръ или на балъ, или на какой-нибудь тамъ вечеръ,—вѣдь она не монахъ!“

Вотъ въ этихъ-то случаяхъ и были полезны услуги кавалеровъ и ухаживателей. А матушка была большая охотница до всякихъ развлеченій и никакъ не могла угомониться, не смотря на свои за сорокъ слишкомъ лѣтъ. Но что такое сорокъ лѣтъ, хотя бы и съ большимъ хвостикомъ; что за дѣло до нихъ, если она еще свѣжа, моложава и красива? И значительная доля того, что зарабатывалъ отецъ Лаврентій на своемъ прекрасномъ приходѣ, шла на ея наряды, которыми она блистала въ обществѣ. Случалось даже, что и не хватало его заработковъ, и оттого у отца Лаврентія всегда были долги. Но онъ этимъ не тяготился и довольно искусно сводилъ концы съ концами. Жили они между собой удивительно мирно. Никогда никто не видалъ, чтобы они ссорились. Никто не видалъ даже ихъ печальными. Они были вполнѣ довольны другъ другомъ и совершенно счастливы.

Вотъ съ какой точки зрѣнія Антонина Михайловна (такъ звали матушку) предпочитала свѣтскихъ людей духовнымъ, и вотъ почему Глѣбъ, не смотря на ея поощреніе, не могъ считать ее своей союзницей. Если бы онъ разсказалъ ей свои планы во всѣхъ подробностяхъ и выяснилъ ей настоящую ихъ сущность, то она, конечно, первая пришла бы въ ужасъ. Отъ его стремленій повѣяло бы на нее скукой.

Онъ простился съ родственниками и поѣхалъ въ семинарію. Когда онъ покидалъ свой экипажъ, Стратонъ спросилъ его: когда же пріѣзжать за панычемъ?

Глѣбъ не зналъ, что отвѣтить на это. Онъ сказалъ: да вѣдь теперь все перемѣнится, Стратонъ, и я не знаю, гдѣ мы будемъ черезъ недѣлю... Дядя пріѣдетъ, и тогда все выяснится.

Прежде всего онъ явился къ инспектору и заявилъ ему о своемъ возвращеніи. Инспекторъ зналъ о его намѣреніи избрать свѣтскую карьеру. Онъ сказалъ:

— Теперь, Щедротовъ, вы, должно быть, перемѣнили ваше намѣреніе и будете просить приходъ?

— Нѣтъ, отецъ инспекторъ, я все-таки хочу продолжать ученіе,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Но вамъ трудно будетъ содержать мать и сестру.

— Что дѣлать? Я все-таки буду учиться.

— Какъ вы, однако, настойчивы, Щедротовъ!—замѣтилъ инспекторъ.

Въ своемъ классѣ Глѣбъ засталъ всѣхъ товарищей за греческими переводами. Только Лозовскаго здѣсь не было. Самъ онъ не могъ сразу приняться за занятія. Вся эта тяжелая исторія, которую онъ только-что пережилъ, такъ сильно отвлекла его отъ школьныхъ интересовъ, что ему надо было прислушаться и присмотрѣться, вообще оріентироваться.

Онъ пошелъ въ садъ и встрѣтилъ тамъ Лозовскаго, который задумчиво ходилъ по главной аллеѣ, усыпанной пескомъ.

— А, ты вернулся,—разсѣянно промолвилъ Лозовскій, увидѣвъ его.—Ну, что же, неужели оказалась правда? Дѣйсвительно отецъ твой умеръ?

— Да, оказалась правда. Я пережилъ много тяжелаго.

— Да, конечно, это, должно быть, тяжело!—по прежнему разсѣянно замѣтилъ Лозовскій, но, кажется, онъ не испытывалъ особеннаго сочувствія къ товарищу.

— А ты,—обратился къ нему Глѣбъ,—кажется, не въ духѣ? У тебя такой видъ, какъ будто не я, а ты потерялъ отца.

Лозовскій сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу:

— Отца у меня нѣтъ!—рѣзко и отрывисто отвѣтилъ онъ,—и потому потерять его я не могъ. Но я потерялъ самое важное послѣ отца.

— Что же это можетъ быть?

— Ты тогда уѣхалъ, а я отправился на экзаменъ съ

полной увѣренностью. Я еще никогда такъ не былъ увѣренъ въ себѣ. И представь себѣ, попался мнѣ билетъ пустячный. Сейчасъ могу разсказать его на пятерку. Но вздумалось архіерею задать мнѣ вопросъ посторонній и совсѣмъ непредвидѣнный, хотя, въ сущности, тоже пустой. Я спутался, не сообразилъ, замялся и пробормоталъ какую-то чепуху. Это было такъ странно, что ректоръ и вся коммисія выпучили на меня глаза. Кажется, я даже сконфузилъ ихъ всѣхъ, потому что они рекомендовали меня архіерею, какъ лучшаго ученика. И вотъ они начали меня выручать разными дополнительными вопросами и намеками. Тогда меня это взбѣсило. Знаешь, я этого терпѣть не могу, когда подсказываютъ или наводятъ на мысль. Въ этомъ есть что-то унизительное. Ну, я взялъ и упорно замолчалъ и мнѣ поставили тройку.

— И это тебя повергло въ печаль?—спросилъ съ изумленіемъ Глѣбъ.

— Еще бы. Чепурный получилъ пятерку, у него до сихъ поръ выходитъ круглая пятерка. И въ такомъ случаѣ его пошлютъ въ академію на казенный счетъ, а не меня. А я, если меня не пошлютъ въ академію, я застрѣлюсь...

Глѣбъ засмѣялся, но это вышло не кстати. У Лозовскаго было блѣдное лицо, а глаза блестѣли зловѣщей рѣшимостью. Онъ сказалъ рѣзко и желчно.

— Ты напрасно смѣешься. Это—цѣль моей жизни; ты понимаешь, что значитъ цѣль жизни? Это все—все, что есть у человѣка, изъ за чего стоитъ жить. Я всегда былъ бѣднякомъ. Мой отецъ—дьячекъ, да и то давно уже умеръ. Но это ничего не значитъ. Я все-таки всегда чувствовалъ себя выше другихъ. Я никогда не могъ поставить себя наряду съ товарищами. У нихъ у всѣхъ какія-то плоскія головы. Впрочемъ, это вѣдь у большинства людей. Вообще я замѣтилъ, что среди людей сильно преобладаетъ посредственность. Я говорю это тебѣ потому, что тебя считаю выше другихъ. Тебя и, пожалуй, еще Стрѣтенскаго, хотя въ немъ есть что-то мнѣ противное. Я считаю, что имѣю право на лучшую долю. Что такое Чепурный? Тупица, зубрило и больше ничего, и вотъ онъ поѣдетъ въ академію. Почему? Я намѣтилъ себѣ карьеру. Я рѣшилъ кончить академію съ отличіемъ, чтобъ меня оставили при ней. Я хочу быть профессоромъ... А можетъ быть... Можетъ быть, я приму монашество...

— Что?—съ непритворнымъ изумленіемъ спросилъ Щедротовъ.

— Чему жъ ты удивился?

— Зачѣмъ же монашество?—спросилъ Глѣбъ.

— Зачѣмъ?—Затѣмъ, чтобъ достигнуть высшаго духовнаго сана.

— Но у тебя никогда не было расположенія къ монашеству.

— Почемъ ты знаешь? Я никогда не высказывалъ своихъ взглядовъ. А между тѣмъ, я думаю, что быть монахомъ, это—великое дѣло. Кто любитъ людей, для того это, можетъ быть, и трудно. Но я не знаю, за что ихъ любить. Я чувствую себя выше ихъ, я могу относиться къ нимъ только снисходительно. Нѣтъ, ты ошибаешься, Щедротовъ, монахъ, это—свободное существо. Душа его одинока, а одиночество, вѣдь это—свобода. Онъ можетъ взирать на міръ съ высоты своего великаго одиночества. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ пороковъ и грязи, въ которыхъ тонутъ люди. Я говорю объ истинномъ монашествѣ, о дѣйствительномъ отреченіи отъ того, что называется мірской суетой. Вокругъ него—чистая атмосфера, ясная, прозрачная, сквозь которую онъ видитъ истину.

— Но ты говорилъ,—промолвилъ Глѣбъ, не соглашавшійся съ нимъ, но и не считавшій себя въ правѣ спорить по такому вопросу,—ты говорилъ что если тебя не пошлютъ въ академію, то ты самъ поѣдешь, что пѣшкомъ пойдешь.

— Да. Но это очень трудно. У меня вѣдь нѣтъ ничего, ровно ничего. Я не знаю, какъ ты можешь быть спокоенъ. У тебя отецъ умеръ и твои планы должны рухнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не отступлюсь отъ своихъ плановъ,—возразилъ Глѣбъ.—Они вовсе не рухнули. Почему? При отцѣ, правда, мнѣ было бы легче ихъ совершить, а безъ него это трудно. Но развѣ трудно значитъ невозможно?

— Не знаю. Но у меня одно страшное желаніе, чтобъ этотъ Чепурный провалился по греческому языку, да такъ провалился, чтобъ и головы не было видно. Это мое единственное спасеніе.

— Ну, вотъ видишь, на чемъ ты основываешь свою жизнь, а еще говоришь о томъ, что ты выше другихъ и о какой-то высокой сферѣ для твоей души. Чепурный провалится или нѣтъ, вѣдь это случайность.

— Да вѣдь и то случайность,—съ жаромъ возразилъ Лозовскій,—что я получилъ тройку. Вѣдь я знаю предметъ. Я не заслуживалъ этой тройки.

— Тѣмъ больше, тѣмъ больше! надо основать свою жизнь

на чемъ-нибудь болѣе прочномъ. Вотъ у меня умеръ отецъ, это печальный случай, вѣдь онъ могъ и не умереть. Но для моихъ плановъ это ничто, потому что они основаны на другомъ.

— На чемъ же это?—иронически спросилъ Лозовскій.

— На рѣшимости упорнымъ трудомъ достигнуть цѣли.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Буду въ продолженіе года учителемъ въ духовномъ училищѣ. Прикоплю хоть сотню рублей и поѣду въ Кіевъ или Харьковъ, или Одесу... Вѣдь ты могъ бы сдѣлать то же самое. Только всего на годъ пришлось бы отложить твои планы.

— Цѣлый годъ!—промолвилъ, какъ бы размышля про себя, Лозовскій.

— Для цѣлой жизни!—въ тонъ ему отвѣтилъ Глѣбъ.

Лозовскій замолчалъ и долго они ходили, задумчиво и тихо шагая по аллеѣ. Вдругъ Лозовскій повернулся къ Глѣбу, остановился и протянулъ ему руку.

— Знаешь что, Щедротовъ,—промолвилъ онъ съ какимъ-то особенно теплымъ выраженіемъ:—я ужасно радъ, что поговорилъ съ тобою. Ты и представить себѣ не можешь, какъ я радъ! Я никогда не думалъ, что найду въ тебѣ такую поддержку. Странно, я даже не могу опредѣлить, въ чемъ дѣло, чѣмъ ты собственно повліялъ на меня. Но у меня какъ-то вдругъ прошла вся напряженность и я совсѣмъ не испытываю ни злобы, ни отчаянія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это глупо зависѣть отъ какой-то тройки! Надо зависѣть только отъ самого себя. Не правда ли? Когда есть на плечахъ голова и если она не глупа, то всегда добьешься всего, чего хочешь.

И онъ крѣпко пожалъ руку Щедротову.

V.

Для Глѣба остальные экзамены прошли довольно удачно, и онъ могъ кончить въ первомъ разрядѣ. Это было все, чего онъ желалъ. Но Лозовскому не повезло. Его соперникъ Чепурный, дѣйствительно обыкновенный зубрила, ничего не знавшій и не хотѣвшій знать, кромѣ учебниковъ, получилъ пятерку и въ среднемъ выводѣ послѣ экзаменовъ всѣ преимущества были на его сторонѣ. Ректоръ, питавшій расположеніе къ уму и выдающимся способностямъ, всегда отличалъ Лозовскаго и думалъ, что въ академіи, гдѣ учебное дѣло поставлено гораздо шире, чѣмъ въ семинаріи, и къ обученію относятся не такъ формально, онъ сразу выдвинется. По-

этому побѣда Чепурнаго, достоинства котораго для ректора не были тайной, огорчила его. Онъ пригласилъ къ себѣ Лозовскаго и началъ съ того, что попросилъ его садиться. Уже это означало особенное расположеніе. Ректоръ зналъ характеръ Лозовскаго, его нервность, несдержанность и способность къ порывистымъ выходкамъ и былъ удивленъ, что теперь у него такой сравнительно спокойный видъ.

— Дѣло въ томъ, Лозовскій,—проговорилъ ректоръ, стараясь придать своему голосу наиболѣе мирный и успокоительный тонъ,—дѣло въ томъ, что мнѣ приходится сообщить вамъ не совсѣмъ пріятную вѣсть. Но вы, конечно, уже сами знаете. Вѣдь намъ приходится держаться цифръ. Мы ничего въ нихъ не можемъ измѣнить. Я знаю, что, по существу, по способностямъ, по умственному развитію, вы гораздо болѣе достойны быть посланнымъ въ академію на казенный счетъ, чѣмъ Чепурный. Но неумолимыя цифры дали средній выводъ въ его пользу.

— Да, я знаю это, отецъ ректоръ,—отвѣтилъ Лозовскій совершенно спокойно:—что дѣлать? значитъ, не повезло.

— Ну, вотъ, я очень радъ, что вы такъ благоразумны. Значитъ, вы оставили мысль объ академической карьерѣ?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ,—возразилъ Лозовскій.

— Но, сколько мнѣ извѣстно, у васъ нѣтъ своихъ средствъ, чтобы отправиться на свой страхъ.

— Конечно, нѣтъ.

— На что же вы разсчитываете?

— Буду работать, отецъ ректоръ. Поработаю годъ, можетъ быть, два, можетъ быть и три, а тамъ все-таки своего достигну.

— Это мнѣ очень нравится, Лозовскій. Настойчивое достиженіе своихъ цѣлей, это—чрезвычайно важное качество характера, это большое достоинство!—съ живостью промолвилъ ректоръ, и его лицо выражало полное сочувствіе Лозовскому.—Я, съ своей стороны,—продолжалъ онъ,—постараюсь облегчить вашу задачу, я найду вамъ уроки, вѣдь это очень важно, не правда ли? Я найду вамъ хорошіе уроки, хорошо оплачиваемые.

— Я буду очень вамъ благодаренъ!—отвѣтилъ Лозовскій, поднявшись.

Ректоръ простился съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ. Глѣбъ тоже долженъ былъ отправиться къ ректору. Ректоръ и его принялъ ласково.

— Что прикажете, Щедротовъ?—спросилъ онъ, и тоже пригласилъ его сѣсть.

— Вы обѣщали мнѣ похлопотать, чтобъ меня оставили въ духовномъ училищѣ,—промолвилъ Щедротовъ.

— Такъ вы, значитъ, не хотите взять приходъ?—спросилъ его ректоръ:—теперь священники нужны у насъ въ губерніи и преосвященный сейчасъ же васъ рукоположилъ бы. Кстати, вамъ и прихода не надо искать. Вамъ охотно дали бы приходъ вашего отца.

Глѣбу показалось страннымъ, что ректоръ такъ опредѣленно заговорилъ съ нимъ о приходѣ и сталъ проводить мысль, которую высказывала ему мать. У него промелькнула въ головѣ догадка, не заходилъ ли къ ректору отецъ Лаврентій и не попросилъ ли его косвеннымъ образомъ содѣйствовать образумливанію молодого человѣка.

— Нѣтъ,—сказалъ Глѣбъ,—я не разсчитываю просить рукоположенія. Я хотѣлъ бы учиться.

— Странно,—замѣтилъ ректоръ,—обыкновенно воспитанники бываютъ рады получить сразу мѣсто священника и учительскія мѣста берутъ только по нуждѣ. У васъ, можетъ быть, есть какія-нибудь особенныя причины?

— Я еще не составилъ себѣ опредѣленныхъ плановъ,—довольно не твердо отвѣчалъ Глѣбъ, такъ какъ онъ не имѣлъ въ виду откровенно объяснять все ректору.

Но ректоръ чувствовалъ въ его словахъ нетвердость и какую-то недоговоренность и началъ допытываться.

— Мнѣ почему-то кажется, Щедротовъ, что у васъ, напротивъ, есть очень опредѣленные планы, а вы только не хотите быть искреннимъ со мной. По всей вѣроятности,—прибавилъ онъ съ чуть замѣтной горечью,—я не заслужилъ вашего довѣрія.

Глѣбу стало неловко. Онъ почувствовалъ себя какъ бы виноватымъ передъ ректоромъ, который, въ сущности, ничѣмъ не вызвалъ съ его стороны недовѣрія, и онъ объяснилъ ему все.

— Да, это правда, отецъ ректоръ, я дѣйствительно составилъ себѣ уже планъ. Я хочу поступить въ университетъ.

— Да? вотъ какъ? И это серьезно?

— Это очень серьезно, отецъ ректоръ.

— Какая же цѣль? Почему вы предпочитаете свѣтскую карьеру?

— Я не думаю сдѣлать какую-нибудь опредѣленную карьеру,—отвѣтилъ Глѣбъ,—а просто у меня есть охота учиться и знать.

— Что-жъ, это почтенно, это заслуживаетъ уваженія!— промолвилъ ректоръ.

Въ этомъ уважаемомъ человѣкѣ, занимавшемъ очень видный постъ и носившемъ на своей груди множество всевозможныхъ орденовъ и крестовъ, какимъ-то чудомъ совмѣщались два человѣка. И оба были недурные люди. Какъ частный человѣкъ, онъ былъ широко образованъ, не только въ богословскомъ отношеніи, но и въ обще-литературномъ, съ гуманными взглядами, мягкій, терпимый, готовый все понять, все объяснить и весьма склонный во многихъ случаяхъ дѣлать уступки въ сторону либерализма; онъ понималъ и признавалъ горячія побужденія молодости, ея увлеченія и даже заблужденіе. Но какъ ректоръ, онъ былъ формалистъ, строго придерживался программы и требовалъ отъ воспитанниковъ, чтобы они не уклонялись отъ правилъ, начертанныхъ свыше. Мѣсто его было исключительно, какъ потому, что давало ему прекрасное обезпеченіе, такъ и по особенно почетному положенію въ городѣ и въ епархіи; онъ дорожилъ имъ и, чтобъ сохранить это положеніе, онъ не видѣлъ другого пути, какъ строгій формализмъ. Въ началѣ своей ректорской дѣятельности онъ пробовалъ быть въ своей должности тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ частной жизни. То было золотое время для семинаристовъ. Ихъ пускали въ гости и позволяли возвращаться къ полуночи, имъ позволяли даже ходить въ театръ съ особаго разрѣшенія начальства и, разумѣется, только на извѣстныя пьесы. Въ самой семинаріи устраивались ученическіе спектакли, на которые допускались родители: мужчины и дамы; бывали даже танцы въ рекреаціонномъ залѣ. Ученикамъ старшихъ классовъ позволялось брать книги изъ частной библіотеки. Одно время издавался даже рукописный журналъ и поощрялись попытки писать литературныя статьи. Учитель словесности свободно говорилъ о Бѣлинскомъ, добирался даже до Добролюбова. Семинаристы съ увлеченіемъ читали статьи Писарева и не скрывали этого отъ начальства, а начальство смотрѣло на это безъ поощренія, но сквозь пальцы. Но это принесло дурные плоды. Въ семинаріи было замѣчено развитіе свѣтскаго духа и воспитанники поголовно начали покидать духовное званіе и шли въ университетъ. На ректора стали смотрѣть косо и онъ принялся спасать свое пошатнувшееся положеніе. Тогда-то именно въ немъ образовался другой человѣкъ, другая личность: ректоръ. И онъ съумѣлъ совмѣстить ее съ своей коренной личностью.

Но Глѣбъ уже не былъ воспитанникомъ, онъ считался уже кончившимъ курсъ, „дѣйствительнымъ студентомъ богословія“ и потому ректоръ говорилъ съ нимъ, какъ съ частнымъ человѣкомъ. Онъ сказалъ Глѣбу:

— Я только одно скажу вамъ, Щедротовъ. Стремленіе къ наукѣ похвально, объ этомъ не можетъ быть спора; оно свидѣтельствуетъ о возвышенномъ духѣ; но лишь при условіи, что это стремленіе серьезно. Я говорю по опыту. Было время — и не такъ давно — когда множество нашихъ воспитанниковъ устремлялись въ университетъ; но что же? Изъ десяти, быть можетъ, одинъ только выходилъ истиннымъ дѣятелемъ — науки ли, другой ли какой общественной дѣятельности, медицины, педагогіи, юриспруденціи и прочее. А остальные переходили съ факультета на факультетъ, сами не зная, чего хотятъ, увлекаясь непонятыми идеями или портя свою жизнь. И вышли они жалкими профессіональными людьми. Изъ-за этого не стоило ломать карьеры. Вы, если не ошибаюсь, будете держать экзаменъ?

— Да, экзаменъ зрѣлости! — отвѣтилъ Глѣбъ.

— Это очень вѣдь трудно. Къ нашимъ воспитанникамъ особенно строго относятся; строже, чѣмъ ко всѣмъ постороннимъ. Но вы надѣетесь выдержать?

— Конечно, я уже два года усердно готовлюсь.

— Это дѣлаетъ вамъ честь и свидѣтельствуетъ о томъ, что вы серьезно приступаете къ дѣлу. Я вамъ выхлопочу мѣсто въ духовномъ училищѣ и желаю вамъ удачи въ вашихъ намѣреніяхъ. Почемъ знать, можетъ быть, это ваше призваніе?!

Щедротовъ поблагодарилъ и вышелъ. Конечно, и ректоръ далеко не такъ понималъ его намѣренія, какъ онъ самъ, но все же это было уже безъ сравненія выше и отца Лаврентія, и его матушки. Глѣбъ разстался съ ректоромъ просвѣтленный и ободренный.

На другой день былъ торжественный актъ. Пріѣхалъ архіерей, раздавали награды; Глѣбъ ничего не получилъ, но онъ и не разсчитывалъ. Лозовскій былъ объявленъ вторымъ ученикомъ, получилъ наградныя книги, но въ академію послали Чепурнаго. Архіерей сказалъ слово, обращаясь, главнымъ образомъ, къ тѣмъ воспитанникамъ, которые предназначали себя къ священству. Онъ говорилъ объ обязанностяхъ пастыря по отношенію къ овцамъ.

Послѣ акта Лозовскій подошелъ къ Глѣбу и горячо обнялъ его.

— Видишь, какъ я философски принялъ! — промолвилъ онъ.—Это все благодаря тебѣ. Ты первый сказалъ мнѣ здоровое слово, которое освѣжило мою голову. Ты куда отправишься?

— Я не знаю,—отвѣтилъ Глѣбъ.—У меня такія перемѣны. Схожу къ дядѣ, узнаю.

— Мнѣ тоже некуда. У меня есть мать, но она живетъ изъ милости у одного дьякона, дальняго родственника, за восемьдесятъ верстъ отсюда.

— Я близокъ къ этому,—промолвилъ Глѣбъ.—Можетъ быть, и моей матери придется жить у родственника изъ милости.

Онъ думалъ въ это время о приглашеніи отца Серафима, но сказать объ этомъ Лозовскому почему-то не рѣшался. Ему очень хотѣлось поѣхать туда, но, можетъ быть, тамъ уже забыли о немъ и вовсе не желаютъ его видѣть.

Они стояли у окна. Глѣбъ увидѣлъ проѣзжавшій мимо оконъ экипажъ, въ которомъ ему померещилось что-то знакомое, но онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ его видѣлъ. Онъ присмотрѣлся. Лозовскій замѣтилъ это.

— Ты что это наблюдаешь?—спросилъ онъ.

— Не могу понять, чей это экипажъ; я гдѣ-то его видѣлъ!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

Щедротовъ указалъ на улицу.

Лозовскій усмѣхнулся.

— Ахъ, это родственный экипажъ!

— Какъ родственный?

— У меня есть дальній родственникъ, по отцу, очень дальній,—отецъ Серафимъ...

— Онъ тебѣ родственникъ?

— А ты его знаешь?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ Лозовскій.

— Недавно познакомился. Онъ былъ у насъ... Какъ это странно, однако. Ты родственникъ, а я...

— А ты что?

— А я приглашенъ къ нему погостить на недѣльку!..

— Гм... Не поздравляю... Это будетъ скучная недѣлька... Значитъ, ты ѣдешь?

— По всей вѣроятности, это за мной прислали. Онъ обѣщалъ прислать лошадей. Я, право, не рѣшилъ еще. Но какъ-то неловко, когда прислали лошадей... Послушай, вотъ

мысль: поѣдемъ вмѣстѣ! Если ты родственникъ, то тебѣ можно ѣхать безъ приглашенія.

— Дѣйствительно—вотъ мысль! — иронически воскликнулъ Лозовскій: — но мысль неудачная. Что я буду тамъ дѣлать? Если бы еще одинъ старикъ, на него можно бы не обращать вниманія, но тамъ есть дѣвица и при томъ дѣвица съ культомъ.

— Какъ съ культомъ?—почему-то краснѣя спросилъ Щедротовъ.

— Во всемъ домѣ все дѣлается для нея. Она — единственная. Старикъ поклоняется ей ежечасно, она у него, какъ сказочная царица, получаетъ все по щучьему велѣнію. Ну, и вообще я не люблю слишкомъ продолжительно вращаться въ обществѣ особъ женскаго пола. Въ моемъ характерѣ есть что-то аскетическое. Не даромъ я мечтаю о монашествѣ. Я не люблю женщинъ. Я считаю ихъ существами низшими...

Но Глѣбъ въ это время вовсе не былъ склоненъ вести теоретическіе споры. Въ другое время онъ, конечно, горячо вступился бы за женщинъ, которыхъ, впрочемъ, совсѣмъ не зналъ. Онъ сдѣлалъ бы это просто изъ инстинктивнаго рыцарства. Но теперь его занимала эта новая мысль: повезти Лозовскаго съ собой. Вѣдь онъ будетъ все время испытывать неловкость, а присутствіе Лозовскаго, какъ родственника, да и вообще какъ третьяго лица, смягчитъ эту неловкость. И онъ началъ усиленно убѣждать товарища. Лозовскій всячески упирался, но затѣмъ рѣшилъ, что ему. въ сущности, все равно, куда ни поѣхать. Онъ ничѣмъ не былъ связанъ; кстати ему некуда было дѣваться, а не хотѣлось сразу приниматься за дѣло послѣ утомительнаго мѣсяца экзаменовъ, и онъ согласился. Рѣшено было, что они заѣдутъ сперва къ дядѣ, только на минуту, потомъ въ деревню, переночуютъ дома у Глѣба и затѣмъ поѣдутъ къ отцу Серафиму.

Пришелъ сторожъ, обыкновенно сидѣвшій за воротами, и сообщилъ, что пріѣхали за Щедротовымъ. Это появленіе сторожа въ эти дни повторялось каждые четверть часа. То и дѣло за кѣмъ-нибудь пріѣзжали. Лозовскій и Щедротовъ отправились въ канцелярію, но бумаги еще не были готовы, имъ выдали отпуски. Затѣмъ они простились съ товарищами.

Ихъ классъ представлялъ теперь совсѣмъ особенное зрѣлище. Была всего только одна группа, состоявшая изъ дюжины молодыхъ людей. Всѣ стояли у окна и горячо обсу-

ждали достоинства различныхъ приходовъ. Многіе успѣли побывать въ консисторіи и узнать, какія существуютъ мѣста.

— Ну, ужъ это извините, — съ паѳосомъ возражалъ кому-то одинъ изъ товарищей.—Краматоровку я даже очень хорошо знаю. Тамъ четырнадцать лѣтъ служилъ священникъ Подобострастовъ. Теперь его перевели въ городъ. Такъ онъ за это время въ банкъ положилъ восемь тысячъ рублей, а семья у него большая. Такъ, кажется, ясно, что приходъ не дурной; на плохомъ приходѣ такихъ денегъ собрать нельзя.

— Да, но тамъ два священника, а ужъ это несчастье!— возражали ему.

— Почему несчастье?

— А потому что два священника вѣчно ссорятся между собою.

— Такъ ты не ссорься, вотъ и все. Я ни съ кѣмъ не способенъ поссориться. Почему? съ какой стати? У каждаго своя седьмица. Я свою отслужилъ, служи ты. Вотъ и все! А доходъ пополамъ...

— Нѣтъ,—съ увлеченіемъ говорилъ третій,—отъ Широкой Балки я откажусь. Это покорно благодарю. Мнѣ говорилъ дьякъ тамошній... У нихъ въ кружкѣ больше двѣнадцати рублей за недѣлю не бываетъ. Извольте-ка прожить на эти деньги. Нѣтъ, ужь лучше я полъгода безъ мѣста просижу и буду ждать, пока освободится что-нибудь получше, а такого мѣста не возьму. Вѣдь засядешь, а потомъ ужъ оттуда и не выберешься...

Лозовскій выразительно посмотрѣлъ на Глѣба, а затѣмъ, улучивъ минуту, когда они были въ другой сторонѣ класса, сказалъ ему:

— Помнишь, архіерейское слово на счетъ пастуховъ? Вотъ они, братецъ ты мой, пастухи, собирающіеся пасти своихъ овецъ.

Въ корридорѣ, когда они уже направлялись къ выходу, имъ попался Стрѣтенскій. Онъ шелъ очень быстро и дѣловито.

— Ну, что, Глѣбъ Назаровичъ, не передумалъ? держимъ экзаменъ?—спросилъ онъ.

— Я никогда не передумаю!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Черезъ годъ?

— Не раньше.

— Ну, смотри, не надуй, а то одному какъ-то страшно. А потомъ куда?

— Ты же знаешь, на естественный.

— Все-таки по старому? Вотъ чепуха! Вѣдь это ни къ чему! По моему только и стоитъ поступать на юридическій. Это поприще широкое. Можно даже министромъ сдѣлаться.

— Ты вотъ что,—иронически замѣтилъ Глѣбъ:—ты на этотъ счетъ поговори съ моимъ дядей...

— А что?

— Онъ тебѣ про Сперанскаго разскажетъ. Очень поучительно.

Стрѣтенскій махнулъ рукой и убѣжалъ.

У Стрѣтенскаго были свои средства. Его отецъ занималъ хорошее положеніе въ соборной церкви, онъ привыкъ къ обезпеченной жизни и, среди неуклюжихъ семинаристовъ, имѣлъ видъ свѣтскаго человѣка. Онъ изящно одѣвался, ѣздилъ на лошадяхъ въ изящномъ экипажѣ своего папаши, всегда былъ при деньгахъ. Многіе у него брали въ займы и ему доставляло удовольствіе дать бѣдному товарищу рубль—другой.

Вынесли чемоданы и они сѣли въ экипажъ отца Серафима. Это былъ экипажъ, болѣе правдоподобно устроенный, чѣмъ тотъ, въ которомъ ѣздило семейство Глѣба. Онъ походилъ на городской, только былъ сколоченъ грубѣе. При немъ были рессоры и верхъ его былъ откидной и складывался, и ѣхать въ немъ было очень удобно.

VI.

У отца Лаврентія Глѣбъ узналъ, что священникъ на мѣсто отца его еще не назначенъ. Отецъ Лаврентій пустилъ въ ходъ свое вліяніе у благочиннаго, а благочинный у архіерея, хлопоча, чтобы не торопились назначать священника и въ деревню временно назначенъ былъ іеромонахъ, который исполнялъ всѣ требы. Онъ только вѣнчать не могъ, но лѣтомъ въ деревнѣ не женятся, а работаютъ, а въ случаяхъ крайней нужды можно было обращаться въ какой-нибудь сосѣдній приходъ.

— Чувствуется мнѣ во всемъ этомъ,—говорилъ Глѣбъ, когда они ѣхали по степной дорогѣ,—что противъ меня ведется цѣлая кампанія и что они задались цѣлью женить меня. Пустили въ ходъ всѣ шансы—и благочиннаго, и даже самого архіерея. Это, конечно, лестно, но удовольствія мнѣ не доставляетъ. Очевидно, они хотятъ до послѣдней возможности беречь приходъ на тотъ случай, что я таки запутаюсь въ какихъ-нибудь женскихъ сѣтяхъ и нечаянно женюсь. И,

очевидно, дядюшка, не смотря на свое удивленіе передъ Сперанскимъ, играетъ тутъ роль главнаго рычага.

— Тебя это бѣситъ?—спросилъ Лозовскій.

— О, нѣтъ, нисколько! Меня это только смѣшитъ.

— А меня взбѣсило бы. Вѣдь, въ сущности, это величайшее покушеніе на твою личность.

— Да, но это кажется, то, что въ законахъ называется „покушеніемъ съ негодными средствами".

— Во-первыхъ, это безразлично. Дѣло не въ средствахъ и не въ результатахъ. Если бы я былъ безапелляціоннымъ судьей, я каралъ бы за покушеніе точно такъ же, какъ и за совершенный проступокъ. Важенъ не результатъ, не фактъ, а намѣреніе.

— А я никакъ не каралъ бы ни за то, ни за другое!— отвѣтилъ Глѣбъ.

— Это по добротѣ сердечной, что ли?

— Нѣтъ, не по добротѣ, а по справедливости, и, пожалуй, по здравому смыслу. Человѣкъ не бываетъ золъ безъ причины. Если его не раздражаютъ, онъ добръ. Кричимъ мы, когда намъ сдѣлаютъ больно. Значитъ, если онъ проявляетъ зло, его не карать надо, а устранить причину зла.

— Эту теоріюя знаю, но она мнѣ не нравится,—возразилъ Лозовскій. — Это какая-то возня съ человѣкомъ, а онъ вовсе не стоитъ такой возни. Впрочемъ, я остался бы равнодушенъ если бы на моихъ глазахъ ихъ всѣхъ перестрѣляли.

— Кого?

— Людей, конечно.

— Что они тебѣ сдѣлали?

— Они раздражаютъ меня своею пошлостью, своей мизерностью. Вотъ ректоръ, напримѣръ, обѣщалъ мнѣ уроки, самъ вызвался и, конечно, онъ увѣренъ, что я питаю къ нему благодарность. Но за что? Вѣдь это онъ дѣлаетъ изъ тщеславія, чтобы мы, его бывшіе воспитанники, говорили— какъ онъ гуманенъ и добръ, какъ тонко чувствуетъ высокія побужденія и тому подобное.

Они всю дорогу оживленно спорили. Лозовскій говорилъ нервно, и видно было, что такое суровое отрицаніе съ его стороны было не рисовкой и фразой, а дорого ему обходилось.

— Я полжизни отдалъ бы тому, — съ глубокимъ убѣжденіемъ заявлялъ онъ, — кто доказалъ бы мнѣ, что людей стоитъ любить. Тогда не такъ было бы досадно жить на

свѣтѣ. А то живешь, борешься и чувствуешь себя одинокимъ. Точно въ пустынѣ...

Дома Глѣбъ нашелъ нѣкоторыя перемѣны. Тонъ недавней печали былъ значительно смягченъ и пониженъ. Мать уже не плакала. У нея на лицѣ только осталась плачевная мина, да опухшія вѣки. Это оттого, что она слишкомъ долго и непрерывно горевала. Груня принялась разомъ ухаживать за братомъ и за Лозовскимъ. Она не разобрала, какъ слѣдуетъ дѣла, и вообразила, что Лозовскій, какъ всякій семинаристъ, только что кончившій курсъ, присматриваетъ себѣ невѣсту, и на всякій случай старалась. Впрочемъ, ухаживаніе ея выражалось довольно однообразно и несложно и все состояло въ усиленномъ предложеніи пищи и питья.

— Пожалуйста,—говорила она, почти любовно заглядывая ему въ глаза,—что же вы такъ мало ѣдите?

И она подкладывала въ его тарелку огромные куски, хотя Лозовскій ѣлъ довольно исправно.

Лозовскій принималъ ея любезность съ великой осторожностью, съ опаской. Оставшись какъ-то наединѣ съ Глѣбомъ, онъ, тихонько, смѣясь, сказалъ ему:

— Пожалуйста, Глѣбъ Назаровичъ, разочаруй твою сестру, объясни ей, что я не женихъ и никогда имъ не буду. А то, право, она расточаетъ мнѣ столько вниманія, что мнѣ это совсѣмъ не по заслугамъ.

Впрочемъ, говорилъ онъ это добродушно и при этомъ смѣялся, а Глѣбъ понималъ, что онъ въ сущности правъ.

Когда Глѣбъ заглянулъ въ спальню, Груня обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Вѣдь, это твой товарищъ, Глѣбъ? Онъ тоже кончилъ?

— Кончилъ,—отвѣтилъ Глѣбъ,—и даже очень хорошо: вторымъ ученикомъ кончилъ.

— А онъ зачѣмъ же пріѣхалъ? — спросила она, и въ этомъ вопросѣ слышался другой, дополнительный: не за тѣмъ ли, чтобы жениться? Но, она, конечно, этого не прибавила.

— Да мы вмѣстѣ съ нимъ ѣдемъ къ отцу Серафиму.

— А что же, можетъ быть, онъ сватается къ Варѣ?

— Ну, нѣтъ, онъ ни къ кому не сватается,—отвѣтилъ Глѣбъ. — Онъ хочетъ ѣхать въ академію и разсчитываетъ даже въ монахи поступить.

— Въ монахи?—съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ спросила Груня.

— Ну, да, въ монахи.

— Зачѣмъ же?

— Ну, просто такъ, хочетъ быть монахомъ. Когда-нибудь архіереемъ будетъ.

— Странный человѣкъ!—съ глубокимъ разочарованіемъ произнесла Груня, и съ этой минуты можно было замѣтить, что вниманіе ея къ товарищу брата значительно ослабѣло.

Въ домѣ была таинственная личность—монахъ, который исполнялъ обязанности священника. Они уже провели дома часа три, а онъ все еще сидѣлъ въ кабинетѣ и не выходилъ оттуда. Ирина Власьевна шепотомъ, осторожно кивая головой на дверь кабинета, сообщила нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ.

— Присланъ на время...—отрывисто говорила она.—Отдаетъ намъ половину доходовъ. Если бы такъ и всю жизнь, то слава Богу... Смирный... Покушать любитъ, страсть! Просто и не знаю, гдѣ ему рыбу доставать. Еще слава Богу, что раки любитъ, а раковъ у насъ сколько угодно. То же и напитки потягиваетъ... Наливка моя ему очень понравилась. Ужъ я его ублажаю. Ужъ такой онъ спокойный, спасибо ему, цѣлый день сидитъ себѣ въ кабинетѣ, его и не слышно, какъ будто его и нѣтъ. Только и проявляется, когда закуску подадутъ...

Лозовскій видимо интересовался монахомъ и съ нетерпѣніемъ посматривалъ на дверь кабинета, поджидая его. Наконецъ, онъ вышелъ и болѣе всего удивилъ матушку. Она еще ни разу не видала его такимъ. Обыкновенно онъ являлся въ затасканномъ полукафтанѣ, въ скуфейкѣ и только четки въ его рукахъ были признакомъ его монашескаго достоинства; а тутъ онъ вышелъ въ высокомъ клобукѣ съ длинными черными крыльями, и въ черной рясѣ.

Глѣбъ тотчасъ же подошелъ къ нему и взялъ у него благословеніе. Лозовскій подчинился этому примѣру, хотя смотрѣлъ при этомъ скептически.

Онъ былъ довольно старъ, лицо—съ рѣденькой бородкой, незначительное, выцвѣтшее, небольшого роста, худой и болѣзненный.

— Вотъ мой сынъ, Глѣбъ!—представила матушка,—а это его товарищъ, господинъ...

— Лозовскій!—сказалъ за нее Глѣбъ, замѣтивъ что она запнулась.

— Садитесь, батюшка, выпейте чайку, закусите,—продолжала Ирина Власьевна.

— Благодарю!—какимъ-то сѣренькимъ, жалостнымъ го-

лоскомъ отвѣтилъ монахъ, — я воздержусь... не такъ давно пообѣдалъ... Ужъ это будетъ излишнее. Не надлежитъ монаху вкушать чрезмѣрно.

Ирина Власьевна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него. Въ ея взглядѣ было явное недовѣріе. Воздержаніе было не въ его обычаѣ. Впрочемъ, онъ раздумалъ и согласился выпить стаканъ чаю съ кусочкомъ хлѣба.

Лозовскій внимательно всматривался въ его лицо и думалъ о томъ, что въ этомъ лицѣ нѣтъ ничего возвышеннаго и духовнаго. Обрюзглое, съ какимъ-то пессимистическимъ выраженіемъ, подавленное, жалкое, оно вызывало къ его обладателю чувство жалости. Лозовскій пододвинулся къ нему и началъ свои изслѣдованія.

— Вы, батюшка, изъ монастыря?—спросилъ онъ.

— Изъ Воздвиженскаго, Приднѣпровскаго... Только давно, лѣтъ семь уже оттуда!—отвѣтилъ монахъ.

— А теперь же вы откуда собственно?—допрашивалъ Лозовскій.

— Я приблудный! — съ какой-то жалостной усмѣшкой промолвилъ монахъ.

— Какъ приблудный?

— Да, такъ. Живу въ архіерейскомъ домѣ, при архіерейской церкви. Но не по штату, а такъ. Какъ-то назначили меня взамѣну штатнаго іеромонаха... онъ ревматизмомъ страдалъ и поѣхалъ лѣчиться на крымскій лиманъ. Ну, пожилъ я шесть недѣль, а потомъ и остался. Отъ монастыря отвыкъ, попросилъ преосвященнаго, онъ позволилъ. Вѣдь, мнѣ немного нужно: жилье, да пища, да одежонка. Жилье и пищу мнѣ даютъ, а на одежонку самъ заработаю.

— Развѣ вы не скучаете по монастырю? васъ не тянетъ?

— Нѣтъ, не тянетъ. Можетъ быть, это и грѣхъ такъ монаху говорить, а только не тянетъ. Въ монастырѣ на меня тоска находитъ. За восемнадцать лѣтъ не могъ совсѣмъ привыкнуть. Тамъ всякій въ себя углубленъ, а я не могу. Мнѣ все хочется говорить. Увижу что новое, такъ сейчасъ и высказать надо. А тутъ все-таки въ городѣ—то тотъ придетъ, то другой.

— А до монашества вы чѣмъ были?

— Я изъ простого, изъ мѣщанскаго званія. Былъ грамотнымъ человѣкомъ, торговалъ съ братомъ моимъ младшимъ кожами.

— Что же васъ толкнуло въ монастырь? — безпощадно допрашивалъ Лозовскій.

— Толкнула меня бѣда, такая бѣда, что едва ли съ кѣмъ другимъ случалась. Женился я на красавицѣ, а братъ мой младшій... лукавый его попуталъ... воспылалъ онъ страстью къ моей женѣ и сталъ сманивать ее вмѣстѣ съ нимъ убѣжать. А жена, хотя въ чувствѣ ему и отвѣтствовала, но Бога боялась и не хотѣла законъ нарушить. Потому что это великій грѣхъ. А ужъ ежели грѣхъ въ домѣ заведется, то изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Изъ маленькаго грѣха дѣлается большой. Грѣхъ, онъ, какъ комъ снѣжный, растетъ и растетъ, или какъ нарывъ—изъ маленькаго и незамѣтнаго дѣлается большимъ и болѣзненнымъ. И воспылалъ братъ мой до той степени, что и разумъ потерялъ, и однажды, когда я изъ дома отсутствовалъ, случилась эта самая бѣда; пришелъ онъ къ женѣ моей, сталъ требовать, чтобы она съ нимъ ушла въ далекую сторону, а какъ она сдѣлала ему отказъ, то онъ взялъ и зарѣзалъ ее, а самъ... самъ тутъ же удавился!—тихо, едва слышно прибавилъ іеромонахъ.—О, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!

И онъ боязливо перекрестился, даже слегка оглянувшись. Очевидно, онъ испытывалъ теперь отголосокъ того ужаса, который пережилъ въ тѣ времена, четверть вѣка тому назадъ. Онъ продолжалъ:

— И вотъ, когда родной братъ такимъ манеромъ погубилъ жену мою и себя, я въ первое время какъ бы окаменѣлъ и совсѣмъ потерялъ вкусъ къ жизни. Ничто мнѣ не было мило, ничто не привлекало. Такъ, живу и какъ бы не живу. Ну, а потомъ Богъ меня спасъ, пришелъ я въ себя и сталъ искать выхода для своей больной души, но нигдѣ не находилъ его и подумалъ: тамъ, въ монастырѣ найду.

— Почему же вы поступили именно въ монастырь? Чувствовали ли вы себя большимъ грѣшникомъ, или такъ, душа ваша рвалась къ Богу?—спросилъ Лозовскій.

— Всѣ мы должны стремиться къ Богу!—поучительно, но довольно холодно и безъ особеннаго чувства сказалъ монахъ.—Не знаю, почему. Такъ, мнѣ казалось, что тамъ иной міръ, не похожій на здѣшній, а какъ въ здѣшнемъ мнѣ было плохо, то я и пошелъ въ другой. А теперь я приблудный. Обязанностей у меня нѣтъ никакихъ. Такъ, когда кто болѣнъ, замѣщаю. Иногда и по деревнямъ меня посылаютъ, ежели какой священникъ долженъ уѣхать. Тогда половину дохода получаю и изъ этой половины половина идетъ въ кружку архіерейской церкви для тамошняго причта, а изъ

остального себѣ одежонку справляю. Вотъ и здѣсь такимъ манеромъ служу. Что-жъ, оно хотя и не въ монастырѣ, а все же послушаніе.

Разсказывая такимъ образомъ, онъ незамѣтно для самого себя снялъ клобукъ и положилъ его на столъ, причемъ голова его оказалась совершенно лысой, разстегнулъ рясу, придвинулся поближе къ столу, машинально налилъ себѣ рюмку водки, выпилъ, закусилъ и началъ ѣсть жареную рыбу. Потомъ, увлекшись своимъ разсказомъ, онъ потянулся къ наливкѣ и выпилъ рюмку-другую. Но затѣмъ какъ бы спохватился.

— Вотъ и соблазнъ! — наставительно по отношенію къ самому себѣ промолвилъ онъ и покачалъ головой:—монаху грѣхъ такъ неумѣренно питаться. Что подѣлаете! слабость человѣческая!

Переставъ ухаживать за Лозовскимъ, Груня не уменьшила своей нѣжности къ Глѣбу. Онъ никакъ не могъ понять, откуда это взялось. Еще такъ недавно она гнѣвалась и косилась на него.

Послѣ ужина, передъ тѣмъ, какъ разойтись, молодые люди объявили, что завтра рано утромъ выѣзжаютъ. Лозовскаго и Глѣба помѣстили въ палисадникѣ, такъ какъ ночь была теплая и тихая, и они, лежа въ прохладныхъ постеляхъ подъ одѣялами и глядя на звѣздное небо, долго не могли прекратить бесѣду. Лозовскій, по своему странному направленію ума, все возвращался къ монашеству. Его страшно интересовала эта форма жизни.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—это не то, это не то. Какой онъ монахъ, когда онъ на каждомъ шагу погружается въ грязь мірскую? Монахъ долженъ быть изолированъ. Съ міромъ онъ соприкасается только внѣшнимъ образомъ. Онъ самъ, это—цѣлый міръ. Онъ враждебенъ міру и міръ ему враждебенъ. Онъ долженъ смотрѣть на него съ высоты своей чистоты и безупречности. Тотъ, кто живетъ въ этой суетѣ, не можетъ быть безупреченъ. Борьба за существованіе—грязное дѣло. Монахъ не борется за существованіе и не долженъ бороться и потому онъ можетъ быть безупречнымъ.

Глѣбъ слушалъ его поверхностно и думалъ совсѣмъ о другомъ. Звѣздное небо говорило ему о великой тайнѣ природы,—тайнѣ, на которой держится все мірозданіе, и онъ мечталъ о томъ, какъ въ недалекомъ будущемъ, путемъ упорнаго непрестаннаго труда, эта тайна начнетъ передъ нимъ разъясняться. Въ то время, какъ Лозовскій, возвышая голосъ,

горячо говорилъ объ истинномъ монашествѣ, онъ впадалъ почти въ состояніе грезы, блаженной грезы, которая незамѣтно перешла затѣмъ въ сонъ.

— Развѣ ты не согласенъ со мной?—спросилъ Лозовскій послѣ какой-то горячей тирады на свою тему.

Отвѣта не получилось. „Спитъ!“ сказалъ самъ себѣ Лозовскій и тоже очень скоро заснулъ.

Рано утромъ, когда они проснулись, уже былъ готовъ чай съ обычными прелестями, какія полагаются въ деревнѣ. Оказалось, что Груня встала раньше ихъ, еще до солнца, сама поставила самоваръ, сама приготовила столъ и вообще обнаружила необычную заботливость.

— Какъ? ты уже встала?—спросилъ Глѣбъ, знавшій, что у нея не было привычки вставать такъ рано.

— Это я для тебя, Глѣбъ, только для тебя!—загадочно отвѣтила Груня.

Монахъ еще не вышелъ. Онъ позволялъ своимъ старымъ костямъ долго нѣжиться въ постели. Чай выпили безъ него.

Когда лошади были уже готовы, Груня улучила минуту, когда Глѣбъ былъ одинъ въ комнатѣ, порывисто подбѣжала къ нему, положила обѣ руки ему на плечи и промолвила горячо, умоляющимъ голосомъ:

— Глѣбъ, милый, женись на Варѣ! Ради Господа, женись! Передумай! Возьми приходъ нашъ, папашинъ приходъ. Господи, какъ это хорошо будетъ! Женись, Глѣбъ, Варя такая красавица!

— Полно, Груня, что ты говоришь?—съ изумленіемъ промолвилъ Глѣбъ.

— Ахъ, такъ это-жъ такъ будетъ хорошо!

— Это не дѣлается вдругъ, Груня!

— Не вдругъ... не надо вдругъ. А только брось ты это ученіе. Обѣщай, обѣщаешь?

— Постой, Груня, пусти меня! Я ничего не могу обѣщать тебѣ... Я... я еще самъ не знаю!—прибавилъ онъ, желая смягчить свой отвѣтъ. Она, разочарованная, отошла отъ него. Послѣ этой сцены Глѣбъ понялъ, почему она была такъ нѣжна и такъ ухаживала за нимъ.

Они выѣхали.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НАРОДНАЯ ПАРТІЯ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Эрн. Богарта.

Переводъ съ нѣмецкаго.

За предѣлами Сѣв.-Амер. Соедин. Штатовъ обыковенно говорятъ только о двухъ политическихъ партіяхъ въ Америкѣ — о республиканцахъ и демократахъ. Между тѣмъ, въ Америкѣ существуетъ еще третья партія, о возникновеніи, развитіи и значеніи которой я и хочу поговорить въ настоящей статьѣ. Партія эта, называющаяся народной, или партіей «популистовъ» (Peoples Party), въ первый разъ выступила на избирательную арену во время выборовъ президента въ 1892 г., и благодаря ей, въ первый разъ за 36 лѣтъ, въ избирательной коллегіи были поданы голоса за третьяго кандидата.

Въ началѣ народная партія представляла союзъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ организацій, которыя въ то время существовали, и членами ея были почти исключительно сельскіе хозяева. Впослѣдствіи она объединила подъ своимъ знаменемъ другіе недовольные элементы, но главную силу ея и до сихъ поръ составляютъ сельскіе хозяева. По составу она нѣсколько напоминаетъ «Союзъ сельскихъ хозяевъ» (Bund der Landwirthe) въ Германіи. Но программа и цѣли народной партіи скорѣе приближаются къ программѣ германской рабочей партіи, хотя она охватываетъ какъ разъ тотъ классъ населенія, который нѣмецкой рабочей партіи до сихъ поръ еще не удалось привлечь на свою сторону, а именно, классъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ, крестьянъ. Причина этого факта станетъ намъ понятна, если мы прослѣдимъ возникновеніе и развитіе американской народной партіи.

Народная партія существуетъ всего 5 лѣтъ; какъ мы уже упоминали, она возникла въ 1891 г. и первоначально представляла союзъ различныхъ сельскохозяйственныхъ организацій. Чтобы лучше понять ея характеръ, мы должны вкратцѣ разсмотрѣть

важнѣйшія изъ этихъ организацій, входящихъ въ составъ ея. Наиболѣе значительной изъ нихъ, какъ по числу членовъ, такъ и по своему вліянію, былъ «Союзъ фермеровъ» (The Farmers Alliance). Къ нему мы и перейдемъ теперь.

«Союзъ фермеровъ» возникъ въ 1879 г., въ штатѣ Техасъ, и поставилъ себѣ задачей борьбу со спекуляціей земли и скотомъ. Эти спекуляціи составляли, и до сихъ поръ составляютъ, главное затрудненіе для сельскаго хозяйства въ Техасѣ, и понятно, что фермеры прежде всего организовали союзъ для самозащиты противъ эксплуатаціи спекулянтовъ. Союзъ ихъ первоначально не имѣлъ политическаго характера и ставилъ себѣ скорѣе педагогическія цѣли. Первый параграфъ его устава гласилъ:

«Союзъ фермеровъ будетъ стремиться къ распространенію хозяйственныхъ знаній среди сельскаго населенія, безъ всякаго участія въ политикѣ, и будетъ имѣть въ виду общее объединеніе земледѣльческихъ классовъ».

Союзъ влачилъ довольно жалкое существованіе до 1887 г., когда онъ соединился съ другимъ крупнымъ «Союзомъ фермеровъ» въ Луизіанѣ. Въ 1888 г. къ нимъ присоединилась третья организація подъ названіемъ «Земледѣльческое колесо» (The agricultural wheel), которая имѣла свои развѣтвленія въ большинствѣ южныхъ штатовъ. «Колесо» было основано также вслѣдствіе недовольства сельскихъ хозяевъ на югѣ мѣстными хозяйственными условіями. Въ южныхъ штатахъ Сѣв. Америки повсемѣстно господствуетъ обычай, въ силу котораго мелкіе землевладѣльцы или арендаторы заранѣе запродаютъ урожай купцамъ въ обмѣнъ на кормъ для скота, или на сѣмена. При этомъ съ нихъ взимаются необыкновенно высокіе проценты и фермеры постоянно изнываютъ подъ гнетомъ долговъ, отъ которыхъ почти нѣтъ надежды освободиться. Результатомъ явилось порабощеніе сельскаго населенія, положеніе котораго еще болѣе ухудшалось въ неурожайные годы.

Новая организація, возникшая путемъ объединенія этихъ трехъ союзовъ, насчитывала около 1.000.000 членовъ, и охватывала собою 18 штатовъ. Первое общее собраніе ея происходило въ С. Луи въ 1889 г.; тамъ было избрано правленіе и измѣненъ одинъ изъ параграфовъ первоначальнаго устава, гласившій, что членами союза могутъ быть только представители бѣлой расы. Съ этого времени въ число членовъ могли вступать и негры *). Кромѣ того, на общемъ собраніи была выработана новая политическая программа,

*) Доступъ въ члены теперь воспрещенъ только банкирамъ, юристамъ и скупщикамъ.

которая впослѣдствіи легла въ основаніе программы народной партіи. Главныя требованія ея имѣли соціальный характеръ и указывали на расширеніе дѣятельности союза, до сихъ поръ ограничивающейся чисто педагогическими и хозяйственными задачами.

Въ это же время въ С. Луи происходило также годовое собраніе «рыцарей труда» — въ то время самой могущественной и вліятельной рабочей организаціи въ Соедин. Штатахъ *). По предложенію союза, было устроено совмѣстное засѣданіе этихъ двухъ организацій, на которомъ присутствовали представители отъ союза земледѣльцевъ и отъ союза рабочихъ. Рыцари труда приняли программу, выработанную фермерами, и на собраніи было рѣшено, что обѣ эти организаціи совмѣстно будутъ «ходатайствовать передъ конгрессомъ объ измѣненіи законовъ соотвѣтственно требованіямъ ихъ программы». Далѣе было постановлено слѣдующее: «Мы будемъ выбирать на государственныя должности только такихъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать, что они будутъ стремиться проводить въ законодательство требованія, высказанныя въ нашей программѣ, не поддаваясь вліянію другихъ партій».

Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ фермеры въ различныхъ частяхъ союза организовались политически, и заявили о своихъ требованіяхъ на выборахъ. Въ 1889 г. фермеры въ штатѣ Массачузетсѣ потребовали изданія законовъ противъ фабрикаціи маргариноваго масла, и это требованіе ихъ было принято; въ слѣдующемъ году они потребовали у кандидатовъ на государственныя должности обѣихъ старыхъ партій, чтобы были изданы законы противъ продажи маргарина вообще. Требованіе это опять-таки достигло своей цѣли, и, ободренные этимъ, фермеры организовали постоянный союзъ, называющійся «Національная лига фермеровъ» (National Farmers League). Союзъ этотъ быстро распространился по другимъ штатамъ, въ особенности на западѣ. Въ южныхъ штатахъ негры тоже начали организоваться подъ руководствомъ одного бѣлаго, но ихъ союзъ подъ названіемъ «Національный союзъ цвѣтныхъ фермеровъ» (The National colored Farmers Alliance) преслѣдуетъ болѣе воспитательныя, чѣмъ политическія цѣли. Въ настоящее время этотъ союзъ насчитываетъ около полутора милліоновъ членовъ. Въ то же время въ Иллинойсѣ было основано «Общество взаимопомощи фермеровъ» (The Farmers Mutual Benefits Association), которое также быстро распространилось по другимъ штатамъ. Это было тайное общество, но оно преслѣдовало тѣ же цѣли, какъ и другія общества фермеровъ.

*) О «Рыцаряхъ труда» см. «Міръ Божій» августъ 1895 г., «Заграницей»: «Экономическіе вопросы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ», стр. 233.

На слѣдующемъ собраніи союза въ 1890 г. во Флоридѣ къ нему присоединились всѣ только-что упомянутыя общества, и въ программу его были включены новыя требованія, придающія ему болѣе крайній характеръ. На томъ же собраніи было выяснено, что отъ старыхъ партій трудно ждать какой-либо успѣшной дѣятельности, и что фермеры отнынѣ должны посвятить всѣ свои силы на созданіе новой, самостоятельной партіи. Въ этомъ году, какъ и въ предшествующихъ, сторонники союза вели энергичную избирательную борьбу въ юго-и сѣверо-западныхъ штатахъ. Успѣшнѣе всего эта борьба прошла въ штатахъ Георгіи и Канзасѣ. Въ Канзасѣ прежнее республиканское большинство въ 80.000 голосовъ было низведено до 8.000, и изъ 7 депутатовъ въ нижнюю палату 5 было выбрано изъ среды фермеровъ.

На собраніи во Флоридѣ выяснилось, что многіе члены изъ южныхъ штатовъ высказывались противъ образованія новой политической партіи, между тѣмъ западные и сѣверо-западные штаты очень стоятъ за нее. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса 22-го февраля 1892 г. въ Сенъ-Луи было созвано собраніе представителей всѣхъ «организацій производителей», и здѣсь сторонники новой партіи одержали верхъ. Значительнымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено, что депутаты, избираемые союзомъ, должны держаться въ сторонѣ отъ другихъ партій и быть независимыми отъ нихъ. Старыя партіи подверглись самой строгой критикѣ, и тутъ же было постановлено готовиться къ предстоящимъ выборамъ президента и выставить своего кандидата на президентскій постъ. Новая партія получила названіе «народной партіи».

Лѣтомъ того же года, въ Омахѣ (штатѣ Небраскѣ) было созвано первое собраніе представителей народной партіи, на которомъ присутствовало 1.347 уполномоченныхъ делегатовъ отъ разныхъ рабочихъ и земледѣльческихъ ассоціацій. На этомъ собраніи была выработана партійная программа, которая почти не отличалась отъ послѣдней программы «Союза фермеровъ», и были намѣчены кандидаты въ президенты и вице-президенты Соединенныхъ Штатовъ.

Въ предъидущемъ году различныя фермерскія ассоціаціи, принимавшія участіе въ избирательной борьбѣ, достигли блестящихъ результатовъ. Они избрали 3-хъ представителей въ сенатъ и 3-хъ въ нижнюю палату, а также и нѣсколько другихъ лицъ въ управленіе отдѣльныхъ штатовъ. Ободренные этими результатами, фермеры, объединенные теперь подъ знаменемъ народной партіи, мужественно начали готовиться къ президентскимъ выборамъ 1892 г,

Въ первый же годъ своего политическаго существованія народная партія достигла почти безпримѣрнаго въ новѣйшей исторіи успѣха,

который возбудилъ живѣйшія опасенія среди другихъ партій. При общей суммѣ въ 12.154.542 голоса на долю народной партіи пришлось 1.122.045 голосовъ, т.-е. почти столько, сколько было подано за Абрагама Линкольна при выборѣ его въ президенты. Въ каждомъ штатѣ союза были поданы голоса за ихъ кандидатовъ. Въ штатахъ Колорадо, Канзасѣ и Невадѣ они получили абсолютное большинство, въ Дакотѣ и Орегонѣ—относительное большинство, и въ концѣ концовъ въ избирательной коллегіи за ихъ кандидата въ президенты было подано 22 голоса. Это было въ первый разъ съ 1856 г., что въ избирательной коллегіи были поданы голоса за третьяго кандидата. Голоса эти почти исключительно принадлежали представителямъ сельскихъ округовъ юга и запада. Количество представителей фермеровъ въ нижней палатѣ увеличилось съ 3-хъ до 11-ти, а въ верхней палатѣ (или сенатѣ) они завоевали себѣ 5 сенаторскихъ мѣстъ. Въ 4-хъ штатахъ ими были избраны и губернаторы.

Но въ послѣдующіе годы значеніе и популярность народной партіи начали уменьшаться: объясняется это отчасти ихъ злоупотребленіями только-что пріобрѣтенной властью (въ особенности въ Канзасѣ и Колорадо), отчасти же необычайными урожаями 1891 и 1892 годовъ, значительно улучшившими положеніе фермеровъ. Народная партія съ самаго начала была, главнымъ образомъ, партіей недовольныхъ. Возростаніе благосостоянія было самымъ тяжелымъ ударомъ, какой можно было ей нанести. Многіе члены ея опять вернулись къ старымъ консервативнымъ партіямъ, и въ концѣ концовъ въ рядахъ ея остались только «крайніе» элементы. На выборахъ послѣднею осенью она потеряла господство въ Канзасѣ и Небраскѣ, бывшихъ прежде самыми сильными оплотами новаго движенія. Но что партія, во всякомъ случаѣ, далеко не умерла, показываютъ послѣдніе выборы въ іюнѣ, когда популисты въ Орегонѣ выбрали цѣлый рядъ своихъ кандидатовъ на разныя государственныя должности.

Въ настоящее время въ конгрессѣ засѣдаютъ 7 популистовъ въ нижней палатѣ и 6—въ верхней, что является рѣшительнымъ регрессомъ по сравненію съ 1892 г.

Разсмотримъ теперь программу народной партіи, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, во что она вѣритъ и къ чему стремится.

Въ южныхъ и западныхъ, по преумуществу земледѣльческихъ, штатахъ господствуетъ мнѣніе, что законы въ Соединенныхъ Штатахъ составляются, главнымъ образомъ, въ интересахъ людей, не чисто ведущихъ свои денежныя дѣла, и въ этомъ и заключается главная причина концентраціи громадныхъ состояній.

Популисты особенно возстаютъ противъ слѣдующихъ явленій: 1) неравномѣрнаго податнаго обложенія; 2) акціонерныхъ компаній (трэсты) и монополій; 3) золотого денежнаго обращенія.

По поводу перваго пункта они возстаютъ противъ того, что наиболѣе тяжелые налоги падаютъ на землю, главную и почти единственную собственность сельскихъ хозяевъ; между тѣмъ какъ акціи, государственныя бумаги и долговыя обязательства почти совсѣмъ не облагаются налогами.

Что касается монополій, то популистское воззрѣніе на нихъ сводится къ слѣдующему: такъ какъ государство признаетъ своей обязанностью защищать гражданъ отъ людей, злоупотребляющихъ своей физической силою и отнимающихъ у нихъ кошельки съ деньгами, то оно въ такой же мѣрѣ обязано защищать ихъ отъ людей, злоупотребляющихъ своей финансовой силой и извлекающихъ изъ нея необыкновенныя выгоды во вредъ другимъ. Поэтому они требуютъ учрежденія контроля надъ монополіями и, далѣе, предлагаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывается необходимымъ для данной цѣли, чтобы государство сдѣлалось собственникомъ всѣхъ монопольныхъ предпріятій и завѣдывало бы ими, напр., винной монополіей, табачной и сахарной, желѣзными дорогами и т. п. Такъ какъ это же является первой ступенью въ планѣ государственныхъ реформъ Беллами, то сторонники его, называющіе себя націоналистами, въ большинствѣ случаевъ также являются приверженцами популистовъ.[1]

Но главное вниманіе популистовъ всегда привлекалъ къ себѣ денежный вопросъ. Принципъ, лежащій въ основѣ всѣхъ популистскихъ финансовыхъ плановъ, заключается во введеніи государственныхъ бумажныхъ денегъ.

Для полнаго пониманія основныхъ принциповъ партіи популистовъ намъ лучше всего обратиться къ ихъ программамъ. Для этой цѣли я возьму программу, выработанную въ Омахѣ, которая и до сихъ поръ признается всей партіей. Тамъ, подъ заголовками «финансы», «пути сообщенія» и «земля» выставляется 10 требованій отъ государства, и имъ предшествуетъ введеніе, въ которомъ въ мрачныхъ краскахъ описываются злоупотребленія и несправедливости, представляющія главный предметъ борьбы со стороны народной партіи.

Въ отдѣлѣ финансовъ прежде всего требуется уничтоженіе такъ-называемыхъ національныхъ банковъ и выпускъ государственныхъ бумажныхъ денегъ. Какъ общее правило, популисты возстаютъ противъ всякихъ банковъ вообще, разсматривая ихъ какъ одно изъ средствъ капиталистовъ для угнетенія и эксплуа-

таціи неимущихъ классовъ. Дѣло въ томъ, что въ западныхъ и южныхъ штатахъ Сѣверной Америкѣ, гдѣ популистское движеніе получило особенно широкое развитіе, денежный процентъ стоитъ очень высоко, и они приписываютъ это явленіе вліянію частныхъ банковъ. Если же государство возьметъ на себя выпускъ бумажныхъ денегъ, то, полагаютъ они, большая часть всѣхъ этихъ золъ отпадетъ сама собою.

Далѣе они требуютъ, чтобы выпускаемыя государствомъ бумажныя деньги распредѣлялись черезъ государственное казначейство съ платежомъ не болѣе 2-хъ процентовъ въ годъ. Въ 1890 года съ этимъ планомъ выступилъ президентъ союза фермеровъ, и за него съ восторгомъ ухватились члены изъ южныхъ и западныхъ штатовъ; съ тѣхъ поръ онъ былъ включенъ въ партійную программу. Проектъ этотъ, въ общихъ чертахъ, заключался въ слѣдующемъ.

Государство должно учредить во всѣхъ сельскихъ округахъ государственные складочные магазины, гдѣ хозяева могли бы складывать хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты, закладывая ихъ государству, причемъ размѣръ ссуды долженъ достигать 75 процентовъ цѣнности продуктовъ. Деньги, потребныя для этого, государство должно получать при помощи выпуска бумажныхъ денегъ на сумму 100 милліоновъ долларовъ, а въ случаѣ надобности, и еще большую; но за такіе займы государство должно взимать въ годъ только два процента. Квитанція, которую получаютъ сельскіе хозяева за сдачу своего хлѣба, можетъ быть продаваема, какъ и всякій товарный документъ такого рода. Всѣ выгоды этого плана доставались сельскимъ хозяевамъ, и только они одни, по мнѣнію популистовъ, имѣли право требовать какихъ-нибудь особыхъ законовъ, обезпечивающихъ имъ извѣстныя преимущества, такъ какъ интересы остальныхъ классовъ общества уже достаточно ограждались закономъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что этотъ планъ, отличающійся большой неясностью, былъ включенъ въ партійную программу только послѣ продолжительныхъ споровъ, и въ настоящее время число его сторонниковъ среди популистовъ все уменьшается.

Второе требованіе популистовъ въ отдѣлѣ «финансовъ» заключается въ «свободной и неограниченной чеканкѣ серебра и золота при установленіи легальнаго отношенія между ихъ цѣнностями, какъ 16 къ 1».

Въ-третьихъ, они требуютъ, чтобы количество средствъ обращенія (денегъ) въ Соединенныхъ Штатахъ было быстро увеличено до 50 долларовъ на душу населенія. Это требованіе нахо-

дится въ тѣсной связи съ первымъ и ставитъ предѣлъ выпуску бумажныхъ денегъ. Какъ выразился одинъ изъ сторонниковъ популистской партіи, «они не желаютъ ни новаго неба, ни новой земли, а только больше денегъ», что показываетъ, насколько популисты плохо знакомы съ основными положеніями политической экономіи. Дѣло въ томъ, что значительное увеличеніе количества денегъ повлечетъ за собой крайнее вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, и за тѣ же 50 долларовъ фермеры будутъ получать столько же товаровъ, сколько теперь за 25 (если допустимъ, что теперь приходится 25 на душу).

Въ-четвертыхъ, популисты требуютъ прогрессивнаго подоходнаго налога. Въ этомъ требованіи своемъ они безусловно правы, потому что при существующей системѣ податного обложенія большая часть національнаго дохода въ штатахъ извлекается съ помощью покровительственнаго тарифа, отъ котораго сельскіе хозяева получаютъ весьма малую выгоду, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не получаютъ никакой выгоды; а между тѣмъ, именно въ тѣхъ штатахъ, гдѣ народная партія насчитываетъ наибольшее количество сторонниковъ, почти единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ является налогъ на имущество, который ложится только на личную и недвижимую собственность. Вся та часть личной собственности, которая легко можетъ быть скрыта, напр., акціи, долговые документы и другія денежныя бумаги, составляющія имущество богатыхъ людей среди городского населенія, такимъ образомъ почти совсѣмъ освобождаются отъ налога, а имущество сельскихъ хозяевъ, состоящее, главнымъ образомъ, изъ машинъ, построекъ и т. под., чрезмѣрно обременено налогами. Это обстоятельство всегда нужно имѣть въ виду, потому что оно объясняетъ намъ причину недовольства и озлобленія сельскихъ хозяевъ въ южныхъ и западныхъ штатахъ противъ капиталистовъ восточныхъ штатовъ. Чтобы устранить эту вопіющую несправедливость, популисты, поддерживаемые рабочими союзами, и требуютъ введенія общаго подоходнаго налога.

Пятое требованіе популистовъ гласитъ: «мы полагаемъ, что богатство народа, поскольку возможно, должно оставаться въ рукахъ самого народа, и поэтому требуемъ, чтобы въ будущемъ всѣ государственные и національные доходы употреблялись только на расходы, необходимые для бережливаго и честнаго управленія страною». Это требованіе расходится со всѣми остальными требованіями партіи, потому что популисты постоянно настаиваютъ на расширеніи дѣятельности государства во всѣхъ областяхъ, а слѣдовательно, и увеличеніи государственныхъ расходовъ. Они тре-

буютъ также увеличенія государственныхъ пенсій и другія употребленія государственныхъ суммъ, которыя несовсѣмъ согласуются съ политикой «бережливости».

Въ-шестыхъ, они требуютъ устройства депозитныхъ государственныхъ банковъ въ связи съ почтовыми учрежденіями.

Въ отдѣлѣ «Транспортъ» высказываются слѣдующія требованія:

Желѣзныя дороги, также какъ и телеграфы, телефоны и почтовыя учрежденія, должны быть собственностью государства (въ Штатахъ они принадлежатъ частнымъ компаніямъ, создавая тѣ огромныя состоянія, которымъ удивляются въ Европѣ).

Эти требованія мы находимъ во всѣхъ программахъ, вырабатывавшихся популистской и рабочей партіями за послѣднія 30 лѣтъ. Сельскіе хозяева въ Америкѣ особенно страдаютъ отъ дороговизны путей сообщенія; поэтому они и требуютъ, чтобы государство взяло въ свои руки желѣзныя дороги, и этимъ положило конецъ монополіи частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній.

Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ народная партія состоитъ изъ сельскихъ хозяевъ и защищаетъ ихъ исключительные интересы, и въ какой мѣрѣ въ составъ ея входятъ другіе элементы. При возникновеніи своемъ народная партія была логическимъ продолженіемъ союза фермеровъ. Эта организація, бывшая сначала обществомъ, преслѣдующимъ образовательныя цѣли и проповѣдующимъ идеи мира и благоволенія ко всѣмъ людямъ, постепенно отказалась отъ своихъ первоначальныхъ принциповъ, и попробовала достигнуть своихъ цѣлей съ помощью политической борьбы. Первыя попытки его были успѣшны, и вслѣдствіе этого фермеры начали искать болѣе широкаго поприща для своей дѣятельности. Въ результатѣ образовалась новая политическая партія, которая нѣсколько расширила прежнюю программу, перестала быть представительницей однихъ только земледѣльческихъ интересовъ, и привлекла на свою сторону другіе элементы, между прочимъ, и часть городскихъ рабочихъ.

Тотъ фактъ, что рыцари труда прислали своихъ уполномоченныхъ на собраніе народной партіи въ С. Луи, могъ бы дать поводъ думать, что представители рабочихъ вполнѣ солидарны съ популистской программой. Но въ дѣйствительности этотъ фактъ является скорѣе личнымъ дѣломъ нѣкоторыхъ вожаковъ рабочихъ, чѣмъ оффиціальнымъ союзомъ рабочихъ съ фермерами для политическихъ цѣлей. Къ тому же, рыцари труда не имѣли такого большаго значенія среди рабочихъ, чтобы ихъ поступки могли считаться типичными для всего рабочаго класса. Гораздо болѣе ха-

рактернымъ для огромной массы американскихъ рабочихъ являются заявленія «Союза американскихъ рабочихъ»,—новой организаціи, объединяющей всѣ профессіональные рабочіе союзы, и въ особенности союзы такъ называемыхъ «необученыхъ» рабочихъ. На собраніи въ Нью-Іоркѣ, въ декабрѣ 1895 г., союзъ этотъ рѣшительно заявилъ, что «его дѣятельность не будетъ имѣть никакого отношенія къ дѣятельности какихъ бы то ни было политическихъ партій—какъ демократической и республиканской, такъ и соціалистической и популистской». Несмотря на такое отношеніе организованныхъ рабочихъ къ политическимъ партіямъ, нельзя все-таки отрицать, что многіе рабочіе являются членами народной партіи. Во время послѣднихъ выборовъ партія эта пріобрѣла наибольшее количество сторонниковъ въ городахъ, между тѣмъ какъ въ деревнѣ она потерпѣла значительныя потери. Первоначальные крупные успѣхи народной партіи въ большой степени объясняются скорѣе недовольствомъ старыми партіями, чѣмъ вѣрой въ правильность основныхъ принциповъ, защищаемыхъ новою партіею. Въ настоящее же время промышленные рабочіе и вообще городское населеніе имѣютъ почти столькихъ же представителей въ народной партіи, какъ и сельское населеніе, такъ что она уже не можетъ разсматриваться, какъ представительница интересовъ одного, опредѣленнаго класса населенія.

Объяснить причины, вызвавшія то движеніе, которое привело къ образованію народной партіи, не легко, потому что каждая отдѣльная причина будетъ недостаточна для объясненія столь широко распространившагося всеобщаго недовольства. Но такъ какъ движеніе это въ началѣ сосредоточивалось преимущественно въ сельскомъ населеніи, то мы прежде всего попробуемъ указать на причины недовольства среди сельскихъ хозяевъ, и нужно замѣтить, что въ 1889 г., т. е. въ томъ году, когда началось вышеупомянутое движеніе, сельскіе хозяева имѣли полное основаніе быть недовольными.

Главная причина неудовлетворительнаго положенія сельскаго хозяйства въ то время было общее пониженіе цѣнъ, которое замѣчалось повсемѣстно за послѣднія 20 лѣтъ. Хотя въ общемъ послѣдствія такого пониженія цѣнъ могутъ быть признаны выгодными, все-таки нельзя отрицать, что для отдѣльныхъ производителей оно часто является крайне невыгоднымъ и даже губительнымъ. Прежде всего отъ такого пониженія цѣнъ страдаетъ сельское населеніе; городскіе рабочіе нетолько не терпятъ отъ него никакого убытка, но даже извлекаютъ непосредственную выгоду какъ разъ изъ того факта, который былъ наиболѣе губи-

тельнымъ для сельскаго населенія, а именно, изъ дешевизны пищевыхъ продуктовъ. Удешевленіе ихъ было вызвано въ значительной степени усовершенствованіемъ техники производства, и оно отозвалось различнымъ образомъ на различныхъ классахъ населенія. Для сельскаго населенія было ощутительно только вздорожаніе денегъ, а не удешевленіе товаровъ и вслѣдствіе этого понятны ихъ требованія объ увеличеніи количества денегъ.

Чтобы лучше уяснить себѣ этотъ вопросъ, мы должны выяснить, какимъ образомъ удешевленіе продуктовъ отзываются, съ одной стороны, на фабричномъ производствѣ, съ другой стороны—на сельскомъ хозяйствѣ.

Въ фабричномъ производствѣ удешевленіе продуктовъ объясняется усовершенствованіями техники производства, которыя заключаются въ пріобрѣтеніи лучшихъ машинъ, различныхъ аппаратовъ, сокращающихъ процессъ работы, въ замѣнѣ мелкаго производства крупнымъ и въ усиленіи раздѣленія труда. Въ сельскомъ хозяйствѣ, наоборотъ, главная причина удешевленія производства была совсѣмъ другая: это было открытіе новыхъ земель и новыхъ источниковъ дохода. Конечно, и здѣсь попадаются исключенія; но какъ общее правило этотъ фактъ и даетъ намъ искомое объясненіе.

Понятно, что въ этихъ двухъ отрасляхъ производства измѣненія въ способахъ производства и цѣнахъ на продукты различнымъ образомъ отразились на производителяхъ. Въ промышленности процессъ этотъ всѣми ощущается одинаково, и производители мало-по-малу могутъ приспособиться къ его послѣдствіямъ. Иначе обстоитъ дѣло съ земледѣліемъ. Открытіе новыхъ источниковъ для добыванія пищевыхъ веществъ, правда, удешевляетъ производство, но владѣльцы прежнихъ источниковъ для добыванія тѣхъ же веществъ не извлекаютъ себѣ никакой пользы изъ этого. Если въ Дакотѣ производятся огромныя количества пшеницы, то цѣна ея понижается такъ же, какъ если бы поля Англіи и Америки вдругъ стали давать усиленный урожай; но такъ какъ въ дѣйствительности на этихъ поляхъ произростаетъ столько же пшеницы, сколько и раньше, то фермеры и землевладѣльцы не получаютъ никакого возмѣщенія за пониженную цѣну. Въ этомъ фактѣ и заключается объясненіе сельскохозяйственнаго кризиса, о которомъ въ послѣдніе годы такъ много говорятъ во всей Европѣ и который былъ причиной возрожденія протекціонистской политики во Франціи, Германіи и другихъ странахъ европейскаго континента. Усовершенствованія земледѣльческой техники не покрываютъ убытковъ, причиняемыхъ

сельскому хозяйству низкими цѣнами. Если хозяинъ-собственникъ земли, то онъ самъ несетъ эти убытки, и зачастую въ концѣ концовъ, оставляетъ свою землю и посвящаетъ себя какому-нибудь другому занятію. Если же онъ арендуетъ землю, то, вслѣдствіе пониженія цѣнъ, естественно будетъ добиваться пониженія ренты, и убытки опять-таки лягутъ на землевладѣльца. Если землевладѣлецъ, къ тому же, еще имѣетъ какіе-нибудь долги, то уплата ихъ будетъ для него все труднѣе и труднѣе, по мѣрѣ того, какъ будутъ уменьшаться его денежные доходы. Въ такомъ именно положеніи находятся многіе сельскіе хозяева въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки.

Въ этихъ фактахъ мы отчасти находимъ также объясненіе недовольства, господствующаго среди сельскихъ хозяевъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и возникновенія «Партіи сторонниковъ серебра» (Silver Party) и «Народной партіи», являющихся симптомами этого недовольства. Пониженіе цѣнъ пшеницы и другихъ продуктовъ было вызвано огромнымъ увеличеніемъ производства въ тѣхъ странахъ, которыя раньше не входили въ составъ мірового рынка. Это вызвало сильныя затрудненія среди сельскихъ хозяевъ. Раньше фермеръ за одну мѣру пшеницы получалъ долларъ, который онъ употреблялъ на уплату процентовъ или откладывалъ въ сберегательную кассу; теперь для полученія доллара онъ долженъ продать двѣ мѣры пшеницы. Неудивительно поэтому, что онъ, не понимая истиной причины наступившей перемѣны, надѣется повысить цѣны на продукты въ Соединенныхъ Штатахъ съ помощью свободной чеканки серебра или увеличенія количества бумажныхъ денегъ.

Мы должны принять во вниманіе еще одно обстоятельство, объясняющее недовольство сельскихъ хозяевъ въ Америкѣ: пониженіе цѣнъ за послѣдніе годы еще усилилось общимъ кризисомъ, періодически повторяющимся черезъ извѣстное время. Колонизація и присоединеніе новыхъ земель въ Соединенныхъ Штатахъ никогда не шли равномѣрно и непрерывно. Начало колонизаціи какого-нибудь участка всегда знаменовалось кипучей дѣятельностью, проводились желѣзныя дороги и устраивались биржевыя спекуляціи; а затѣмъ слѣдовалъ періодъ застоя и кризисъ. Это особенно рѣзко проявилось въ земледѣліи. За послѣднія 10 лѣтъ населеніе постоянно стремилось въ западные штаты, занимало новые участки и производило множество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ которыхъ еще не ощущалось настоятельной потребности. Доказательствомъ можетъ служить огромный приростъ населенія на западѣ въ концѣ 80-хъ годовъ и быстрое развитіе

желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ наступилъ періодъ застоя,—кризисъ, всегда сопровождающійся пониженіемъ цѣнъ, что вызвало недовольство и волненіе среди сельскихъ хозяевъ, заставившія ихъ объединиться подъ знаменемъ народной партіи. Наступившая затѣмъ реакція и повышеніе цѣнъ значительно ослабили эту партію, и можно думать, что въ будущемъ она, вѣроятно, приметъ другой характеръ, или даже совсѣмъ исчезнетъ съ политической сцены.

На послѣднихъ выборахъ президента въ 1896 г. народная партія уже не выставляла своего кандидата въ президенты, а вотировала за кондидата демократической партіи—Брайана, сторонника свободной чеканки серебра.

Переживетъ ли народная партія послѣднюю избирательную борьбу и удастся ли ей сохранить свою самостоятельность—на этотъ вопросъ отвѣтитъ ближайшее будущее. Несомнѣнно только, что она уже съиграла большую роль въ политическомъ развитіи американскаго запада. Она первая заговорила о тяжеломъ положеніи фермеровъ, протестовала противъ монополій и пробудила новыя мысли въ той части населенія, которая, какъ общее правило, не принимаетъ участія въ политической жизни, а именно среди мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Несмотря на незрѣлость и неопредѣленность нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ программы, ихъ требованія были также приняты и значительной частью рабочихъ классовъ. Вообще, если даже въ ближайшемъ будущемъ эта партія утратитъ свое независимое политическое существованіе, то съ ея значеніемъ и вліяніемъ все-таки еще долгое время придется считаться.

Л. Туганъ-Барановская.

НОВѢЙШІЕ ФИНСКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Критическій этюдъ.

I.

Финскій народъ всегда отличался склонностью къ поэтическому творчеству, и кто читалъ хотя бы отдѣльные отрывки изъ *Калевалы*, могъ убѣдиться, насколько сильна, своеобразна и глубока поэзія этого на видъ столь мало впечатлительнаго народа. А вѣдь русскимъ читателямъ, за весьма немногими исключеніями, приходится судить о «Калевалѣ» лишь по далеко не точнымъ переводамъ, потому что финскій языкъ, съ его своеобразными и богатыми флекціями, вообще не поддается вполнѣ художественному переводу *). Вторымъ памятникомъ древней финской поэзіи служитъ сборникъ старинныхъ лирическихъ произведеній народа, называемый *Кантелетаръ*. Нѣкоторыя пѣсни этого сборника, какъ по яркости поэтическихъ образовъ, такъ и по чистотѣ языка, могутъ быть отнесены безспорно къ наивысшимъ образцамъ человѣческаго творчества. Есть основаніе предполагать, что лучшія пѣсни «Калевалы» и «Кантелетаръ» сложены финскимъ народомъ очень давно, еще въ бытность финновъ въ пріуральскихъ земляхъ, и подверглись лишь нѣкоторымъ передѣлкамъ гораздо позднѣе, когда состоялось уже переселеніе въ суровую страну гранита и озеръ, когда началась упорная борьба съ природой уже не за счастіе и радости, а за простое сохраненіе самой жалкой жизни, когда творчество народной фантазіи окрасилось глубокой печалью.

Потомъ пришли шведы, которые до XII ст. сами были крайне некультурны, но въ отличіе отъ тихихъ, миролюбивыхъ финновъ были вдобавокъ воинственны, жестоки и деспотичны. Началось насильственное насажденіе христіанства. Обычаи и древніе идеалы

*) Единственный полный переводъ «Калевалы» г. Бѣльскаго напечатанъ въ «Пантеонѣ литературы» 1888 г.

народа топтались въ грязь, все національно-финское стало считаться варварскимъ, языческимъ, и народные пѣвцы подвергались гоненію. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ возвышенная финская поэзія перестала развиваться и надолго притаилась въ душѣ порабощеннаго народа.

Къ этому періоду относится начало процвѣтанія *заклинаній* (Loitsurunot), т. е. мистическихъ пѣсенъ, которыми финскіе колдуны старались заклинать безчисленныя народныя бѣдствія. Колдуны *) и ихъ пѣсни всегда имѣли значеніе среди финновъ, какъ и среди родственныхъ имъ прочихъ тюркскихъ народовъ. Но особенное усиленіе суевѣрія бываетъ обыкновенно результатомъ нравственнаго гнета порабощеннаго народа, какъ усиленіе нетрезвости большею частью является результатомъ экономическаго гнета... Какъ бы тамъ ни было, а подъ вліяніемъ средневѣковыхъ шведовъ фины промѣняли свою возвышенную народную поэзію на мрачныя пѣсни колдуновъ и цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ финская муза молчала.

Но времена перемѣнились. Шведы цивилизовались и ихъ природное мужество, гордость и достоинство получили болѣе гуманное направленіе. Вмѣсто кровавыхъ набѣговъ на сосѣднія страны, явилось неудержимое движеніе впередъ по пути прогресса и самосовершенствованія. Вмѣсто борьбы съ другими народами, идеаломъ скандинавовъ стала побѣдоносная борьба съ мракомъ и враждебными силами природы, и тѣ же шведы, которые когда-то были только угнетателями финновъ, которые раздавили ихъ своимъ невѣжественнымъ отношеніемъ ко всему національно-финскому и этимъ пріостановили дѣйствительное развитіе народа, повели ихъ впередъ къ общечеловѣческому свѣту, который ничего не обезличиваетъ, но содѣйствуетъ лишь возвышеннымъ стремленіямъ.

Съ начала XVIII ст. въ Финляндіи началась дружная борьба сперва съ неблагопріятными условіями природы, потомъ съ нравственными потемками, господствовавшими въ странѣ. Осушались болота, пролагались хорошія дороги, учреждались народныя школы и постепенно выработались болѣе нормальныя отношенія между

---

*) На академической художественной выставкѣ 1896 г. была прекрасная картина выдающагося финскаго художника г. А. Эдельфельдта «Финская заклинательница, поющая стихи». Суровая фигура старухи, охваченной божественнымъ вдохновеніемъ, проникнута мрачнымъ пафосомъ. Картина, по яркости и силѣ выраженія, можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ поэзіи заклинаній, о которыхъ русскіе знали еще въ древности, на что указываютъ наши лѣтописи, гдѣ нерѣдко упоминаются знаменитые финскіе колдуны. *Прим. ред.*

шведскими помѣщиками и финскими мужиками. Изъ абовскаго университета *) стали распространяться финскіе священники, происходившіе частью изъ народа и явившіеся дѣйствительными защитниками его. Наконецъ (1734) появилось новое законодательство, оградившее крестьянское сословіе отъ всякаго произвола и давшее представителямъ сословія въ ландагѣ дѣйствительное значеніе.

Но глубоко укоренившееся недовѣріе финновъ къ пришлымъ завоевателямъ мѣшало общему дѣлу, и усилія шведовъ давали лишь слабые результаты. Только съ начала текущаго столѣтія народъ какъ бы ожилъ и сталъ довѣрчивѣе принимать культуру отъ «шведскихъ господъ», какими все еще оставались для финновъ привилегированные классы, состоящіе изъ шведовъ и ошведившихся финновъ.

Понемногу начинали приносить плоды усилія шведскаго элемента въ странѣ, направленныя къ просвѣщенію народа.. Въ тридцатыхъ годахъ появился Эліасъ Ленротъ, человѣкъ изъ народа, хотя шведскаго происхожденія. Это былъ первый финляндскій интеллигентъ, занявшійся изученіемъ финской народной поэзіи, и его усиліями собраны сохранившіяся въ памяти народа пѣсни *Калевалы* (1835 г.), *Кантелетаръ* (1840 г.); ему же принадлежитъ много серьезныхъ изслѣдованій о народныхъ поговоркахъ, повѣрьяхъ, заклинаньяхъ и проч. Съ этого началось возрожденіе финскаго творчества.

Въ 1847 г. появилась первая оригинальная комедія на финскомъ языкѣ «Волшебникъ» Петра Ганникайнена, вещь сама по себѣ незначительная, не удержавшаяся въ театрѣ до нашихъ дней. Но самый фактъ появленія на сценѣ финской оригинальной комедіи имѣлъ огромное воспитательное значеніе, такъ какъ сразу ободрилъ финскую народную партію къ дальнѣйшимъ попыткамъ въ томъ же родѣ, и на финскомъ языкѣ начали появляться сочиненія Шекспира, Шиллера, Рунеберга, а также нѣсколько новыхъ оригинальныхъ пьесъ.

Впрочемъ, все это были лишь попытки, и настоящій расцвѣтъ новаго финскаго творчества относится къ шестидесятымъ годамъ, когда реформы Императора Александра II отозвались и на Финляндіи подъемомъ всѣхъ силъ страны, и когда созывомъ перваго послѣ присоединенія Финляндіи сейма (1863 г.), ей было возвращено начинавшее уже падать довѣріе къ будущему **). Быстро

*) Послѣ большого пожара, уничтожившаго зданія университета, онъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ (1827 г.).

**) Съ 1809 по 1863 г., не смотря на сохранявшуюся въ странѣ конституцію, сеймы не созывались. вслѣдствіе чего законодательства не было и оставались въ силѣ самые устарѣлые законы.

стали тогда умножаться финскіе литераторы, писавшіе по всѣмъ отраслямъ знанія и создававшіе одно періодическое изданіе за другимъ. Наконецъ, появился и первый финскій романистъ *Алексисъ Киви* (1834—1872 г).

Дѣйствительная фамилія Киви была Стенваль. Какъ и Леннротъ, онъ былъ сыномъ простого ремесленника изъ офинившагося шведскаго рода; какъ и тотъ, онъ поздно началъ учиться (на 17-мъ году), но работалъ съ такой энергіей, что въ шесть лѣтъ подготовился ко вступленію въ университетъ. Къ сожалѣнію, здоровье его оказалось настолько надорваннымъ, что онъ не въ силахъ былъ окончить курса. Онъ успѣлъ написать только нѣсколько превосходныхъ драматическихъ сочиненій, изъ которыхъ лучшимъ считается драма «Kullervo» (1860 г.), и одинъ романъ «Seitsemän veljestä» (Семь братьевъ, 1870 г.), до настоящаго времени остающійся лучшимъ беллетристическимъ сочиненіемъ на финскомъ языкѣ. Въ томъ же году, когда вышелъ въ свѣтъ его единственный романъ, Киви сошелъ съ ума и два года спустя умеръ въ убѣжищѣ для неизлѣчимыхъ душевно-больныхъ.

Киви былъ настолько крупной литературной величиной, что, несмотря на малочисленность его сочиненій, онъ явился создателемъ особой школы финскихъ писателей. Его отличительныя литературныя черты: восторженное отношеніе къ значенію просвѣщенія для блага финскаго народа; горячій финскій патріотизмъ, но безъ ненависти къ сосѣднимъ народамъ; выборъ исключительно народныхъ сюжетовъ для своихъ беллетристическихъ сочиненій; чрезвычайная простота какъ фабулы, такъ и формы изложенія; художественная отдѣлка языка и формы сочиненія; нѣкоторая тенденціозность, достаточно замаскированная, чтобы не ронять художественныхъ достоинствъ сочиненій. Всѣ эти черты сдѣлались отличительными для цѣлой школы, о которой мы будемъ еще говорить подробнѣе. Теперь же упомянемъ о другомъ мастерѣ, тоже создавшемъ свою школу въ финской литературѣ, почти одновременно съ Киви.

Это былъ Піетари Пейваринта, простой саволакскій мужикъ, который сломалъ однажды ногу и, лежа въ постели, вздумалъ отъ скуки написать свою автобіографію подъ названіемъ «Elämäni» («Моя жизнь», 1870 г.). Это сочиненіе, не имѣвшее ни малѣйшихъ художественныхъ достоинствъ, произвело, однако, на читателей неизгладимое впечатлѣніе. Такого правдиваго изображенія крестьянской жизни во всей ея сѣренькой неприглядности, въ то же время со всѣмъ ея ничѣмъ не прикрашеннымъ, ни въ чемъ неопоэтизированнымъ трагизмомъ—не давалъ еще никто. Для этого Киви

и его школа слишкомъ дорожили красотою формы, а реалисты шведской партіи слишкомъ плохо знали финскій народъ. Между тѣмъ, именно такое фотографически вѣрное изображеніе народной жизни, притомъ исходящее отъ самихъ мужиковъ, было больше всего кстати во время начинавшагося въ странѣ всесторонняго обновленія устарѣлыхъ порядковъ и для партійныхъ цѣлей быстро окрѣпшей партіи финомановъ *).

Книга Пейваринта имѣла колоссальный успѣхъ и вызвала подражанія. Явились такіе же, едва грамотные писатели, какъ и онъ. Постепенно образовалась цѣлая школа народныхъ новеллистовъ, которые нашли себѣ сильную поддержку и пріютъ въ финскихъ газетахъ и слѣпо подражаютъ Пейваринта, заботясь только о правдивости разсказа и ни въ грошъ не ставя прочія условія художественнаго творчества. Такимъ образомъ, Пейваринта сдѣлался основателемъ своеобразной и очень полезной школы финскихъ новеллистовъ.

Сами по себѣ сочиненія Пейваринта не имѣютъ какихъ-либо литературныхъ достоинствъ. Ихъ значеніе, какъ и всего, что создается этой школой, чисто этнографическое. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать огромнаго дарованія у человѣка, который безъ всякаго образованія и безъ всякой посторонней помощи могъ выработать особый видъ этнографическихъ очерковъ, достаточно любопытныхъ, чтобы заинтересовать читателей и въ высшей степени соотвѣтствовавшихъ запросамъ времени.

Піетари Пейваринта родился въ 1827 г., въ бѣдной деревушкѣ, гдѣ имѣть удовлетворительную пищу въ теченіе круглаго года считалось почти несбыточной мечтой. Родители выучили его читать, а письму онъ научился отъ сверстниковъ, потому что для содержанія школы его деревня была слишкомъ бѣдна, а нынѣшнихъ подвижныхъ народныхъ школъ тогда еще не было. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста онъ былъ уже чернорабочимъ; двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ онъ женился на такой же бѣдной дѣвушкѣ, каковы были всѣ его голодавшія родственницы. Но онъ былъ отличный и очень умный работникъ, вслѣдствіе чего ему охотно давали всякую работу, и постепенно онъ скопилъ столько, что могъ купить, хотя съ большимъ долгомъ, крошечный участокъ земли, на которой собственноручно сложилъ себѣ избу. Въ этой избѣ онъ зажилъ со своей быстро умножавшейся семьею. Радостей въ его жизни почти не бывало. За то голодалъ онъ часто и подолгу, съ горя напивался иногда до пьяна, при чемъ билъ жену,

*) Сторонниковъ признанія финскаго языка въ Финляндіи государственнымъ и заклятыхъ враговъ шведскаго элемента.

послѣ чего терзался угрызеніями совѣсти, и жизнь становилась еще мрачнѣе.

Въ то время начиналось уже быстрое распространеніе газетъ и брошюръ среди народа. Пейваринта съ увлеченіемъ схватился за чтеніе, смутно сознавая, что долженъ же найтись выходъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ находился финскій мужикъ, и что этотъ выходъ надо искать въ просвѣщеніи. Впослѣдствіи случай натолкнулъ его на писательскую дѣятельность, а сограждане стали выбирать его депутатомъ въ сеймъ и на разныя выборныя должности, вслѣдствіе чего матеріальное положеніе семьи Пейваринта значительно поправилось, хотя никогда не достигло сколько-нибудь обезпеченнаго существованія.

Кромѣ своей автобіографіи, Пейваринта написалъ нѣсколько разсказовъ изъ народнаго быта и нѣчто въ родѣ сборника размышленій подъ заглавіемъ *Elämän havainnoita* («Наблюденія жизни»). Замѣчательно, что, не смотря на все имъ пережитое Пейваринта является завзятымъ оптимистомъ, смѣло глядитъ на будущее, которое рисуется ему въ свѣтлыхъ краскахъ, и говоритъ о несчастіяхъ народа съ печалью, но безъ всякой горечи, безъ всякаго уныній. Ни минуты въ продолженіе всей жизни Пейваринта не сомнѣвался, что будущность принадлежитъ мужикамъ, а не господамъ, и что теперь уже близокъ конецъ испытаній финскаго народа. Къ шведской партіи Пейваринта питалъ больше презрительнаго равнодушія, чѣмъ ненависти. Въ шведахъ онъ видѣлъ побѣжденныхъ враговъ. Къ Россіи онъ не высказывалъ особеннаго расположенія, но всегда считалъ русскихъ природными союзниками финновъ противъ «шведскихъ господъ».

Пейваринта еще живъ, но уже очень старъ и больше не пишетъ.

II.

Киви и Пейваринта, какъ представители предшествовавшаго поколѣнія, сошли со сцены, и на ихъ мѣсто появилась цѣлая фаланга финскихъ писателей, которые дѣлятся на двѣ школы, но во всемъ, что касается финской партіи работаютъ съ рѣдкимъ единодушіемъ и дружно ведутъ свой народъ впередъ.

Обѣ школы имѣютъ много общаго и отнюдь не враждуютъ между собою. Различіе между ними, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что послѣдователи Киви, какъ эстетики и сторонники высшаго образованія, придаютъ большое значеніе художественной отдѣлкѣ своихъ сочиненій, избѣгаютъ чисто этногра-

фическихъ сюжетовъ и ближе къ скандинавской партіи, которая, во всякомъ случаѣ, располагаетъ главнѣйшими интеллигентными силами страны, а потому считается «кивистами» все еще необходимой для общаго блага Финляндіи; послѣдователи же Пейваринта упрямо пренебрегаютъ художественными сторонами литературнаго дѣла, совершенно равнодушны къ высшему образованію и чуждаются всего шведскаго съ прирожденной ненавистью, не разбирая ни хорошаго, ни худого и пренебрегая даже явными благами для народа, если эти блага преподносятся «шведскими господами».

Обѣ школы демократичны и не берутъ для своихъ сочиненій иныхъ темъ, какъ сюжеты изъ народнаго быта. Но послѣдователи Киви, большею частью, происходятъ изъ привилегированныхъ сословій, получили университетское образованіе и живутъ господами, въ чемъ не видятъ ни малѣйшаго противорѣчія своимъ демократическимъ убѣжденіямъ. Послѣдователи Пейваринта исключительно мужики, получившіе лишь самое элементарное образованіе, и какъ бы ни измѣнялись ихъ обстоятельства, живутъ мужиками, пренебрегая всѣмъ, что напоминаетъ господъ.

Что касается формы, обѣ школы почти исключительно придерживаются повѣствовательнаго рода литературы, причемъ послѣдователи Киви допускаютъ и обширный объемъ сочиненій, не пренебрегая ни романомъ, ни длинной повѣстью, тогда какъ мужики почти исключительно пишутъ коротенькіе этнографическіе очерки, которые не вполнѣ правильно называютъ новеллами.

Есть еще одна общая черта у всѣхъ новѣйшихъ финскихъ писателей, не исключая обоихъ основателей школъ. Связующею нитью во всѣхъ финскихъ беллетристическихъ сочиненіяхъ является прославленіе успѣховъ культуры въ финскомъ народѣ и горячій призывъ къ дальнѣйшему движенію впередъ. Въ этомъ отношеніи всѣ финны прогрессисты; только интелигентные послѣдователи Киви смотрятъ на дѣло шире и смѣло требуютъ самаго широкаго примѣненія своего принципа, тогда какъ мужики, со свойственной крестьянамъ осторожностью и подозрительностью лишь недавно освободившихся отъ гнета людей, боятся высшихъ проявленій культуры, какъ чего-то «господскаго». Романъ Киви «Семь братьевъ» ничто иное, какъ поэтическое изображеніе благотворнаго вліянія культуры на первобытнаго человѣка, и въ этомъ отношеніи Киви является образцомъ для всѣхъ финскихъ писателей. Но каждый разрабатываетъ идею по своему и со своей точки зрѣнія; притомъ, далеко не всѣ (даже изъ послѣдователей Киви) раздѣляютъ его оптимистическую восторженность. Такъ, нѣкото-

рые подмѣтили, что народъ склоненъ усваивать лишь наружныя формы цивилизаціи, и безпощадно обличаютъ это нежелательное явленіе; другіе выставляютъ на свѣтъ остатки варварства и осмѣиваютъ предразсудки; третьи скорбятъ объ утратѣ народомъ своихъ поэтическихъ обычаевъ и стараются доказать, что многіе обычаи не только могли бы вполнѣ ужиться съ новѣйшей культурой, но представили бы еще извѣстный оплотъ противъ распространяющагося въ народѣ крайняго матеріализма.

Вообще, какъ уже было сказано въ началѣ этого очерка, финскіе писатели чрезвычайно правдивы и всегда изображаютъ народъ безъ прикрасъ. Въ этомъ отношеніи послѣдователи Пейваринта идутъ дальше своихъ интеллигентныхъ единомышленниковъ и рисуютъ иногда весьма грубыя картины. Кивисты слишкомъ восторженные поклонники эстетики и возмутительныхъ сюжетовъ избѣгаютъ, вслѣдствіе чего финскій мужикъ въ ихъ изображеніи выходитъ симпатичнѣе. Но прикрашивать истину вымышленными чертами не станетъ ни одинъ финскій писатель, такъ какъ подобныя прикрасы осмѣиваются критиками обѣихъ партій и противорѣчатъ народной гордости. «Мы не настолько дурны, чтобы нуждаться въ искаженіяхъ истины!» писалъ одинъ финскій критикъ, съ презрѣніемъ отвергая преувеличенныя похвалы иностранцевъ финнамъ по поводу послѣдней выставки.

Финскіе новеллисты не лишены тонкаго юмора, благодаря которому они умѣютъ забавно разсказывать о всякихъ обыденныхъ «происшествіяхъ» въ деревнѣ. Но они охотнѣе описываютъ печальныя явленія, полагая, что прежде всего надо освѣтить темныя стороны жизни и что горе ярче характеризуетъ человѣка, чѣмъ радости. Бѣдность изображается во всѣхъ ея видахъ, но всегда какъ послѣдствіе самыхъ простыхъ причинъ, каковы: неурожаи, слишкомъ большая семья, пьянство, преступленія, грубость нравовъ, эмиграція и проч. О высшихъ сословіяхъ финскіе писатели говорятъ мало, но почти всегда насмѣшливо или съ горечью. Больше всего ихъ раздражаетъ пренебреженіе ученыхъ къ невѣждамъ и непониманіе правящихъ классовъ ими же управляемаго народа.

Есть и свои отрицательныя стороны. Изложеніе почти всегда растянуто и размѣры разсказа рѣдко соотвѣтствуютъ содержанію. Впрочемъ, такова вѣдь и рѣчь финскаго мужика, который никогда не умѣетъ выражаться кратко. Въ выборѣ сюжетовъ финскіе беллетристы тоже не выказываютъ особенной находчивости и замѣтно страдаютъ отсутствіемъ критическихъ способностей. Притомъ они не богаты красками, не блещутъ смѣлостью воображенія и заду-

манную идею проводятъ съ такою упрямою настойчивостью, что часто получается совсѣмъ излишняя тенденціозность.

Всѣ эти недостатки, главнымъ образомъ, присущи школѣ Пейваринта, хотя и послѣдователи Киви не вполнѣ ихъ чужды. Но надо оговориться, что финская литература такъ молода и такъ быстро совершенствуется, что такіе недостатки позволительно считать лишь временными. Во всякомъ случаѣ, уже теперь есть представители обѣихъ школъ, достигшіе высокаго художественнаго развитія, свободные отъ этихъ недостатковъ. Однако, пока еще такіе мастера остаются исключеніями и сказаннаго измѣнить не приходится.

III.

Первымъ представителемъ школы Киви и вообще наиболѣе талантливымъ изъ современныхъ финскихъ писателей неоспоримо является *Іуханни Ахо* (Іоганнъ Брофельдтъ), который, несмотря на свою молодость, успѣлъ уже прославиться далеко за предѣлами отечества и какъ по литературному значенію въ странѣ, такъ и по рѣдкому художественному дарованію стоитъ совершенно особнякомъ.

Г. Ахо родомъ изъ Саволакса (Эстерботніи), какъ и Пейваринта. Онъ родился въ 1861 г., и его отецъ, старый пробстъ Брофельдтъ, до сихъ поръ еще служитъ настоятелемъ большого сельскаго прихода. Молодой писатель получилъ отличное общее образованіе, которое закончилъ на философскомъ факультетѣ гельсингфорскаго университета, и очень рано началъ сотрудничать въ финскихъ и шведскихъ газетахъ народной партіи. Еще студентомъ онъ былъ однимъ изъ основателей газеты «*Päivalehti*», а въ настоящее время состоитъ редакторомъ газеты «*Uusi Kuvalehti*», которая считается весьма важнымъ органомъ финской партіи.

Въ ранней молодости г. Ахо былъ подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ сочиненій Киви, что обвинялся въ слѣпомъ подражаніи. Теперь онъ давно отдѣлался отъ всякаго посторонняго вліянія и совершенно самобытенъ, хотя строго придерживается основныхъ требованій школы, во главѣ которой очутился. Талантъ г. Ахо по преимуществу лирическій. Но онъ очень вдумчивъ, развилъ въ себѣ наблюдательность самаго трезваго реалиста и потому отнюдь не злоупотребляетъ своими лирическими порывами. Его финскій языкъ такъ хорошъ и литературенъ и такъ сильно разнится отъ языка всѣхъ предшествовавшихъ финскихъ писателей, что г. Ахо приходится считать создателемъ нынѣшняго литературнаго финскаго

языка. Отмѣтимъ еще, что ему не чужда сатира, что составляетъ совершенное исключеніе среди финновъ, которые обладаютъ юморомъ, но никакъ не сатирическимъ талантомъ.

Въ творческомъ отношеніи г. Ахо большой мастеръ улавливать самые тонкіе оттѣнки душевныхъ настроеній и создавать небольшія, чрезвычайно яркія картинки какъ изъ народнаго быта, такъ и чисто описательныя. За то эпическое повѣствованіе ему не дается, вслѣдствіе чего въ большомъ романѣ, гдѣ приходится изображать жизнь во всей ея шири и во всей сложности послѣдовательныхъ событій, онъ теряется въ мелочахъ и не умѣетъ поддерживать непрерывности общаго повѣствованія.

Охотнѣе всего онъ изображаетъ простыхъ людей въ самой незатѣйливой обстановкѣ, но съ тонкимъ анализомъ ихъ чувствъ и побужденій; замысловатые сюжеты его не увлекаютъ. Способность изображать природу въ короткихъ, удивительно яркихъ описаніяхъ онъ довелъ до виртуозности.

Г. Ахо росъ среди народа какъ разъ въ разгаръ финскаго народническаго движенія и сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ финской партіи. Отыскивая свои идеалы среди народныхъ массъ, онъ проникся многими особенностями саволакскихъ крестьянъ и усвоилъ себѣ ихъ стоическое міровоззрѣніе. Отсюда его непосредственность, удивительная оригинальность и способность анализировать такія чувства, какихъ въ большинствѣ случаевъ привилегированныя сословія не понимаютъ.

Г. Ахо выступилъ на литературное поприще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и сразу имѣлъ огромный успѣхъ. Его первые два разсказа: «*Siihen aikaan kuin isä lampun osti*» (Когда отецъ покупалъ лампу) и «*Rautatie*» (Желѣзная дорога), въ которыхъ съ неподражаемымъ юморомъ изображается переполохъ, вносимый культурой въ неподвижное существованіе первобытныхъ людей, вошли во всѣ финскія хрестоматіи. Послѣ этого онъ написалъ много превосходныхъ разсказовъ, собранныхъ въ два сборника: «*Lastuja*» («Стружки», 2 тома), двѣ большія повѣсти и романъ «*Papin tytär*» съ продолженіемъ подъ заглавіемъ «*Papin rauva*» («Дочь священника» и «Жена священника») *). Особенно хороши его мелкіе разсказы, вошедшіе во второй томъ «Стружекъ». Въ своемъ единственномъ романѣ г. Ахо менѣе увлекателенъ, хотя, несмотря на безхитростность сюжета—простое описаніе одной неудавшейся женской жизни, какихъ тысячи, романъ читается съ интересомъ и подкупаетъ удивительной правдивостью.

*) Русскій переводъ напечатанъ въ «Русск. Вѣстн.» 1895 г. подъ заглавіемъ «Въ глуши Финляндіи».

Г. Брофельдтъ (Ахо) принадлежитъ къ наиболѣе вліятельнымъ людямъ финской партіи и очень полезенъ странѣ своимъ спокойнымъ отношеніемъ къ самымъ жгучимъ политическимъ вопросамъ. Онъ врагъ всякихъ междоусобицъ, имѣетъ примирять партіи и очень разсудительно относится въ Россіи. Но это—не спокойствіе равнодушія, не разсудительность индифферентизма, а самообладаніе и оптимизмъ истиннаго демократа, нисколько не сомнѣвающагося въ силахъ своей партіи и не придающаго значенія несвойственному демократіи фрондерству.

Какъ въ литературномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи значеніе г. Ахо все еще поднимается. Его сочиненія уже цѣликомъ переведены на шведскій языкъ, а многія изъ нихъ появлялись также на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и русскомъ *). Читателямъ «Міра Божьяго» онъ знакомъ по разсказу «Отверженный», напечатанномъ въ іюнѣ и іюлѣ 1896 г., и небольшой вещицѣ въ февральской книгѣ прошлаго года.

IV.

Изъ прочихъ писателей и писательницъ школы Киви можно упомянуть слѣдующихъ.

Юго Пейонен (Juho Peijonen), священникъ, обладающій большимъ повѣствовательнымъ дарованіемъ и знатокъ финскаго народа, изъ котораго происходитъ. Теологическій факультетъ былъ не особенно полезенъ для развитія его таланта и съузилъ его кругозоръ. Тѣмъ не менѣе, его мелкіе разсказы, собранные въ два тома подъ общимъ заглавіемъ «*Kertoelmia*» («Разсказы»), и довольно большая повѣсть «*Vaihdokas*» («Промѣна») читаются съ большимъ интересомъ, изобилуютъ юмористическими сценками и даютъ весьма цѣнный этнографическій матеріалъ. Разсказъ «Въ голодный годъ» лучшее изъ всего, что онъ написалъ, и признается наиболѣе талантливымъ изъ многочисленныхъ сочиненій на эту печальную тему.

Очень пріятнымъ повѣствователемъ можно еще назвать *Сантери Ингмана*, который обладаетъ особеннымъ талантомъ легко и занимательно излагать самыя серьезныя научныя свѣдѣнія. Эта способность г. Ингмана тѣмъ болѣе цѣнна, что онъ докторъ философіи и человѣкъ чрезвычайно свѣдущій, въ особенности въ

*) Нѣкоторые изъ разсказовъ І. Ахо въ русскомъ переводѣ были напечатаны въ «Вѣстн. Европы».

области исторіи. Какъ популяризаторъ науки, онъ не имѣетъ соперниковъ. Какъ бллетристъ, онъ значительно слабѣе.

Мина Кантъ—главнымъ образомъ драматическая писательница, но пишетъ и небольшія новеллы изъ крестьянской жизни. Къ сожалѣнію, это очень неровный талантъ, вслѣдствіе чего не существуетъ ни одного сочиненія, въ которомъ она выдержала бы одинъ общій тонъ. Почти всегда у нея тонко прочувствованныя страницы смѣняются аляповатыми сентиментальностями, и все въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе чего-то вымученнаго. Но это очень образованная и начитанная женщина, умѣющая въ каждомъ разсказѣ сообщать своимъ читателямъ полезныя свѣдѣнія или давать пищу для размышленія.

Аркидъ Іернефельтъ прославился своимъ романомъ «Родина», но не относится къ писателямъ разсматриваемыхъ школъ, потому что пишетъ хотя и по-фински, но не для народа. Его романъ положительно бы выигралъ, если бы появился на шведскомъ языкѣ. За то своимъ появленіемъ въ финской литературѣ этотъ романъ знаменуетъ, что она уже окрѣпла, разрослась и не служитъ только интересамъ одной демократической партіи. Къ послѣдователямъ Киви его, однако, нельзя причислить.

Финскій лирикъ *І. Эрко* написалъ небольшую повѣсть въ духѣ Киви, а именно «*Uskovainen*» («Вѣрующій»). Повѣсть очень недурна, написана съ большимъ чувствомъ и не безъ философской глубины. Разумѣется, нельзя еще назвать г. Эрко новеллистомъ, но такъ какъ онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не остановится на первомъ опытѣ, увѣнчавшемся полнымъ успѣхомъ, то мы сочли необходимымъ упомянуть и его.

V.

Изъ представителей второй школы прежде всего слѣдуетъ назвать г. *Алькіо*, который по силѣ таланта и по значенію въ финской литературѣ относится къ своимъ сотоварищамъ, какъ Ахо относится къ прочимъ послѣдователямъ Киви. Трудно даже причислить Алькіо къ школѣ Пейваринта, настолько онъ въ художественномъ отношеніи выше самого основателя школы. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ вѣрный представитель своей школы.

Дѣйствительное имя г. Алькіо—Алексисъ Филяндеръ. Ему тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ и родомъ онъ изъ окрестностей Вазы, гдѣ живетъ, занимаясь сельской торговлей. Но это отнюдь не кулакъ. Наоборотъ, онъ—вѣрный союзникъ бѣднѣйшихъ классовъ общины, въ которой является очень вліятельнымъ лицомъ.

Въ юности онъ не получилъ школьнаго образованія, но съ энергіей истаго эстербтонійца самоучкой добился нѣкоторыхъ познаній, много читалъ и теперь наиболѣе просвѣщенный изъ послѣдователей Пейваринта. Онъ дѣятельнѣйшій членъ общества трезвости, основалъ нѣсколько кружковъ для самообразованія, часто выступаетъ въ роли народнаго оратора и редактируетъ небольшую газету для юношества «*Pyrkija*».

Насколько онъ талантливъ, видно уже по его быстрому совершенствованію въ художественномъ отношеніи. Его первыя повѣсти были блѣдны и до нельзя растянуты. Но съ каждымъ новымъ произведеніемъ его очень плодовитаго пера, въ немъ проявлялось все больше и больше художественной твердости, выборъ сюжета становился глубже и опредѣленнѣе, стиль пріобрѣталъ больше выразительности, растянутость и многословіе исчезали. Въ его новѣйшемъ романѣ «*Puukkojunkkarit*» *) онъ является уже такимъ мастеромъ въ изображеніи народной жизни, что узнать въ немъ расплывчатаго автора первыхъ сочиненій нѣтъ никакой возможности. Его послѣдніе два разсказа «*Отецъ въ Америкѣ*» и «*Изъза короба*» **) обладаютъ еще большими художественными достоинствами и могутъ служить залогомъ, что самоучка-писатель далеко еще не остановился въ своемъ развитіи.

Алькіо много читаетъ, говорятъ, изучилъ даже нѣмецкій языкъ и, благодаря своей удивительной даровидности, не замедлитъ опередить многихъ изъ своихъ ученыхъ сотоварищей. Но именно такое неудержимое стремленіе къ высшему развитію и къ наукѣ неминуемо перетянетъ его на сторону интеллигентныхъ послѣдователей Киви, чему можно только порадоваться.

Болѣе типичнымъ, хотя и менѣе талантливымъ представителемъ школы «мужиковъ-новеллистовъ», является *Kaupis Heikki* (вѣрнѣе Heikki Kaupinen), который тоже поднялся до положенія признаннаго писателя изъ низшихъ общественныхъ слоевъ. Онъ былъ батракомъ въ пасторатѣ Брофельдта, когда сыновья стараго пастора выучили его самому главному изъ знаній писателя, а именно грамотѣ. Правда, учителя были не первые встрѣчные; старшій изъ этихъ учителей называется теперь Іуханни Ахо. Но и ученикъ, которому было уже девятнадцать лѣтъ, оказался настолько необыкновеннымъ, что вскорѣ сдалъ установленный закономъ экзаменъ и прямо изъ батраковъ перешелъ на должность

*) Непереводимое слово, выражающее приблизительно: герои ножа. «Puukko» финскій ножъ, которымъ эстерботнійцы злоупотребляли не мало.

**) «Міръ Божій» № 2, 1896 года, «Изъ финскаго быта».

народнаго учителя, а нѣсколько лѣтъ спустя былъ назначенъ директоромъ воспитательнаго заведенія для испорченныхъ мальчиковъ.

Хейки началъ свою писательскую дѣятельность съ маленькихъ разсказовъ, въ которыхъ слѣпо подражалъ своему бывшему учителю и покровителю. Опытъ, разумѣется, былъ неудаченъ. Но вскорѣ онъ сознался, что съ успѣхомъ можетъ писать только въ духѣ Пейваринта и другихъ мужиковъ-писателей, послѣ чего пересталъ подражать кому бы то ни было и сталъ писать этнографическіе очерки безъ всякахъ претензій. Теперь сочиненія Хейки довольно популярны и могутъ служить характерными образцами достоинствъ и недостатковъ школы народныхъ новеллистовъ. Онъ пишетъ растянуто, не умѣетъ соразмѣрять отдѣльныя части повѣствованія и путаетъ разсказъ совершенно ненужными и неотносящимися къ дѣлу вводными сценами, или пускается въ наивныя разсужденія о имъ же разсказанномъ обстоятельствѣ. Но все, что онъ сообщаетъ о народѣ, имѣетъ силу первоисточника, проникнуто величайшей искренностью и западаетъ въ душу читателя, какъ все безъискусственное и не бьющее на эффектъ.

Лучшія сочиненія г. Хейки: «*Vija*» (имя собственное), «*Kirottua työtä*» («Проклятая работа») и «*Laara*» (прозвище), всѣ три появившіяся отдѣльными изданіями. Содержаніемъ всѣхъ этихъ повѣстей служитъ изображеніе тяжелыхъ условій, въ которыхъ все еще находится финская женщина. Особенно удачна вторая повѣсть («Проклятая работа»), въ которой разсказывается о крестьянской дѣвушкѣ, единственной дочери богатаго мужика, который любилъ ее, какъ зѣницу ока, но держалъ точно въ теремѣ, желая уберечь отъ всякаго зла. Старикъ презиралъ просвѣщеніе и называлъ умственный трудъ «проклятой работой». Но изъ тщеславія онъ не захотѣлъ оставить дочь неграмотной, а просвѣщеніе не замедлило разбить стѣнки терема, такъ какъ дѣвушка вошла въ переписку со своимъ возлюбленнымъ и добилась своего счастія, которое отецъ считалъ несчастіемъ. Всѣ выведенныя лица обрисованы вѣрно. Особенно хороша психологическая разработка типа стараго самодура. Если бы не присущее автору утомительное многословіе, повѣсть была бы одной изъ лучшихъ на финскомъ языкѣ.

Изъ прочихъ послѣдователей Пейваринта можно упомянуть *Мерилайнена*, *Лизи Терво* (писательницу), *Сиссаласа* и *Кіэстиса* (псевдонимъ г. І. Кокко). Но говорить о каждомъ изъ нихъ не стоитъ, такъ какъ все сказанное о г. Хейки относится и къ нимъ,

только талантливости у нихъ гораздо меньше и совершенствованія у нихъ почти не замѣтно.

Отто Туоми (Хегблюмъ) и *Тейво Паккала* подаютъ больше надеждъ, но написали еще очень мало и заняты преимущественно газетной работой, которой и отдаютъ всѣ свои силы.

VI.

Финскіе поэты въ настоящее время немногочисленны и по достоинству стоятъ несравненно ниже прозаиковъ. Дѣло въ томъ, что Финляндія переживаетъ эпоху сильнаго демократическаго движенія, причемъ выдвинуто на первую очередь столько важныхъ насущныхъ вопросовъ, что на искусство для искусства не остается ни времени, ни охоты. Стихотворная же форма поэзіи рѣдко уживается съ тенденціозностью, которая всегда появляется въ литературѣ такой эпохи, вслѣдствіе чего стихотворство у финновъ не процвѣтаетъ.

Однако нѣсколькихъ народныхъ поэтовъ можно назвать.

Пааво Короненъ (1775—1840) жилъ еще до начала нынѣшняго движенія и былъ чѣмъ-то въ родѣ крестьянскаго трубадура. Онъ ходилъ изъ деревни въ деревню, воспѣвая преимущественно въ экспромптахъ событія дня или добрыя старыя времена, когда нравы финновъ были чище и шведское вліяніе, не смотря на гнетъ, слабѣе. Если бы Короненъ родился двумя столѣтіями раньше, онъ былъ бы однимъ изъ народныхъ колдуновъ-поэтовъ и, вѣроятно, имѣлъ бы огромное вліяніе на крестьянъ. Теперь же его дѣятельность не имѣла какого-либо значенія и сборникъ его стиховъ (Korhosen runot. 1848) читается лишь для забавы.

У Коронена было цѣлыхъ 18 послѣдователей, антологическія сочиненія которыхъ составляютъ весьма объемистый томъ. Но эти пѣвцы были нужны только на богатыхъ крестьянскихъ свадьбахъ и знакомиться съ ихъ произведеніями нужно только этнографу.

Въ шестидесятыхъ годахъ имѣли уже обще-литературный интересъ лирическія произведенія слѣпого пѣвца *Калліо* (S. G. Berg), который не былъ замѣчательнымъ версификаторомъ, но обладалъ большимъ чувствомъ. Немного позднѣе появились лирическія стихотворенія г. *Оксанена* (А. Альквиста) въ отдѣльномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ «Искры» (Säkeniä). Стихи Оксанена довольно безцвѣтны, но написаны хорошимъ языкомъ, а главное, проникнуты патріотизмомъ, вслѣдствіе чего большею частью переложены на музыку и очень популярны. Третьимъ современнымъ фин-

скимъ поэтомъ является г. *Krohn*, человѣкъ очень образованный и владѣющій стихомъ въ совершенствѣ. Но г. Кронъ по происхожденію нѣмецъ, финскій языкъ изучилъ случайно и всегда останется чуждъ своеобразному народу, который принужденъ былъ выдвинуть собственныхъ мужиковъ писателей, настолько ему ненавистна всякая интеллигенція изъ иноплеменниковъ.

Пааво Кайандеръ—посредственный лирическій поэтъ, но хорошій пореводчикъ англійскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ на финскій языкъ. *Крамсу* употребляетъ стихотворную форму для популяризаціи въ народѣ отечественной исторіи, которую сообщаетъ въ видѣ балладъ. *Казиміръ Лейно* (Ленбомъ) начинающій поэтъ съ большимъ дарованьемъ, но съ неопредѣлившимся еще направленіемъ.

Изъ поэтовъ, писавшихъ для театра, надо упомянуть *Карла Бергбома*, *Роберта Кильяндера* и въ особенности *Эвалда Янсона* (р. въ 1844 г.). Трагедіи послѣдняго имѣютъ постоянный успѣхъ среди финновъ и вполнѣ серьезны, хотя нѣсколько холодны.

По каждому отдѣлу финской литературы мы назвали лишь наиболѣе выдающихся или наиболѣе популярныхъ изъ современныхъ писателей. Въ дѣйствительности ихъ гораздо больше и число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Писать по-фински, главнымъ образомъ для народа, считается теперь въ Финляндіи такимъ патріотическимъ дѣломъ, которымъ не пренебрегаютъ наиболѣе выдающіеся люди страны. Кто не можетъ писать оригинальныхъ сочиненій—переводитъ со шведскаго или съ другихъ языковъ; ученые пишутъ популярныя статьи и брошюры; почти всѣ грамотные люди такъ или иначе содѣйствуютъ обогащенію финской литературы. Результатомъ всѣхъ этихъ усилій является необычайно быстрый ростъ финской литературы, которая ожила лишь тридцать лѣтъ тому назадъ, но уже теперь на столько богата, что финны средняго образованія вполнѣ могутъ обходиться безъ знанія иностранныхъ языковъ. Лѣтъ черезъ двадцать не нужно будетъ постороннихъ языковъ и финнамъ съ университетскимъ образованіемъ, такъ какъ уже теперь довольно много профессоровъ природные финны, а научныя сочиненія усердно переводятся съ нѣмецкаго и со шведскаго. Тогда маленькая Финляндія, общее число жителей которой лишь около 2.400.000 человѣкъ, опередитъ культурную Швецію, которая до сихъ поръ не можетъ обходиться безъ нѣмецкаго языка ни на одномъ изъ своихъ факультетовъ.

Въ заключеніе считаемъ полезнымъ сообщить о числѣ издающихся на финскомъ языкѣ періодическихъ изданій.

Политическихъ газетъ	36
Журналовъ религіозныхъ	5
» литературныхъ	3
» сельскохозяйственныхъ	4
» медицинскихъ	1
» педагогическихъ	2
» техническихъ	2
» народныхъ	13
» иллюстрированныхъ	4
» сатирическихъ	1
» издав. учеными обществ.	8
Всего	79

Эти свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ статистическаго отчета за 1894 годъ *). Съ тѣхъ поръ народилось еще нѣсколько журналовъ. Шведскихъ періодическихъ изданій въ Финляндіи уже теперь значительно меньше, чѣмъ финскихъ (66).

В. Фирсовъ.

*) «Statistisk Årsbok för Finland utgifven af statistiska centralbyrån». Hels., 1894.

ПЕРЕЛОМЪ.

Романъ Эммы Врукъ.

Перев. съ англійскаго Л. Давыдовой.

*(Продолженіе *).*

Глава V.

Когда Онора и Литтльтонъ вернулись черезъ веранду въ гостиную, они нашли тамъ ректора, ожидающаго ихъ. Литтльтонъ подмѣтилъ въ лицѣ старика выраженіе надежды, отъ которой ему стало какъ-то не по себѣ.

Онора сняла шарфъ и отбросила его въ сторону. Литтльтонъ поспѣшилъ начать незначительный разговоръ съ ректоромъ, но всѣ его замѣчанія свидѣтельствовали о томъ, что мысли его были далеко. Онора была очень блѣдна, и все ея недавнее оживленіе, вызванное присутствіемъ Литтльтона, исчезло: нарядное платье болѣе не шло къ ней.

Она взяла работу и молча сѣла на диванъ. Лесли чувствовалъ себя все болѣе и болѣе неловко. Ректоръ переводилъ глаза съ одного сумрачнаго лица на другое. Гдѣ же тутъ счастливые взгляды и яркій румянецъ влюбленной парочки? Старику сдѣлалось грустно. Ему вспомнилась былая любовь къ матери Оноры, это время простого, безоблачнаго счастія. Между тѣмъ разговоръ велся лѣниво и съ трудомъ поддерживался всѣми тремя собесѣдниками. Онора была настолько недовольна и отцомъ, и Лесли, что въ данную минуту нисколько не думала о своихъ обязанностяхъ хозяйки дома; сознаніе полной неудачи, крушенія всѣхъ надеждъ подавляло ее. Она молча дѣлала крестики на своемъ вышиваніи и не слушала того, что теперь говорилъ Лесли: въ ушахъ ея все еще звучали тѣ горькія истины, которыя онъ го-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

ворилъ ей въ саду. Къ тому же, ей было досадно за свое платье. Такіе пустяки бываютъ иногда мучительнѣе серьезныхъ непріятностей, и потерпѣть неудачу, будучи одѣтой въ нарядный туалетъ, гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ простомъ домашнемъ платьѣ. Онора положительно ненавидѣла себя за то, что ей вздумалось надѣть это платье.

Зналъ ли м-ръ Литтльтонъ, что это было самое лучшее, самое красивое ея платье? Она прикрыла подоломъ свои ноги, обутыя въ шелковые чулки и вышитыя туфельки, и молила судьбу, чтобы онъ ихъ не замѣтилъ.

Литтльтонъ говорилъ съ ректоромъ и думалъ о томъ, насколько всякая попытка объяснить Онорѣ свои взгляды была бы безполезна, и насколько они далеки другъ отъ друга по своему міросозерцанію.

«Насколько я понимаю, между нами не можетъ быть никакой точки соприкосновенія»,—думалъ онъ.—«Она вся олицетвореніе эгоизма, а я стремлюсь отъ него освободиться».

Онора не имѣла никакого желанія принимать участіе въ вечерней бесѣдѣ. Утомленная волненіемъ и нѣсколькими почти безсонными ночами, она не долго посидѣла въ гостиной, потомъ извинилась передъ гостемъ и ушла къ себѣ.

Удаленіе ея немного смутило обоихъ мужчинъ. Они сидѣли нѣкоторое время молча, прислушиваясь къ ея удаляющимся шагамъ и мягкому шелесту шелковыхъ юбокъ, и съ замѣшательствомъ смотрѣли другъ на друга. Лесли чувствовалъ себя величайшимъ преступникомъ, достойнымъ, по меньшей мѣрѣ, смертной казни.

Ректоръ наклонился къ своему гостю.

— Она разсказала вамъ все, Литтльтонъ?—началъ онъ торопливымъ шопотомъ.—Мой дорогой, юный другъ, посмотрите, закрыта ли дверь?

Лесли поднялся и, невольно улыбаясь, на цыпочкахъ подошелъ къ двери, чтобы какъ слѣдуетъ притворить ее.

— Да, она разсказала мнѣ,—отвѣтилъ онъ, возвращаясь къ своему прежнему мѣсту у камина.

Ректоръ посмотрѣлъ на него съ неопредѣленнымъ выраженіемъ ожиданія и безнадежности въ глазахъ. Литтльтонъ покачалъ головой.

— М-ръ Кэмбаль,—сказалъ онъ,—она не понимаетъ.

Ректоръ вздохнулъ. Лицо его стало серьезнѣе и какъ будто старше. Старая рана, которую онъ давно уже считалъ залѣченной, снова заболѣла. Когда-то онъ страстно желалъ и просилъ у

Бога сына, думая воспитать изъ него священника. Лесли подсѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Духовная сторона всего этого для нея непонятна, — сказалъ онъ.

— Я старался оградить ее до тѣхъ поръ, пока было возможно. А теперь оказывается, что я предлагаю кусокъ мяса грудному младенцу.

— О, нѣтъ! — сказалъ Лесли почти весело. — Не бойтесь за свою дочь. Въ началѣ все это, вѣроятно, просто ошеломило ее, но я убѣжденъ, что она при всякихъ обстоятельствахъ съумѣетъ справиться и съ собой, и съ жизнью.

Голосъ его звучалъ нѣсколько жестко при этихъ словахъ.

— Надѣюсь, вы не поссорились съ Онорой?—быстро спросилъ ректоръ.

Лесли нервно теребилъ свою бородку.

— Долженъ сознаться, что я, повидимому, впалъ въ немилость у миссъ Кэмбаль, — сказалъ онъ.—Боюсь, что я, можетъ быть, слишкомъ волновался и даже... былъ рѣзокъ. Я не могъ не выразить ей моего страстнаго сочувствія къ вамъ, м-ръ Кэмбаль.

— Да, все это очень грустно, — сказалъ старикъ. — А между тѣмъ, я, по матери ея, знаю, насколько женщины способны къ самому глубокому проникновенію въ духовный міръ, къ пониманію того, что лежитъ за предѣлами грубой, матеріальной оболочки. Я вспоминаю ея нѣжную руку, которая постоянно вела меня къ высшимъ задачамъ и стремленіямъ.

Невольный вздохъ Лесли былъ единственнымъ отвѣтомъ на слова ректора.

— Ваше одобреніе и сочувствіе, Литтльтонъ, я разсматриваю, какъ неожиданный даръ неба. Отъ души благодарю васъ за него. Путь мой не лежитъ во мракѣ; онъ полонъ свѣта и радости, но все-таки человѣкъ ищетъ сочувствія отъ другихъ людей.—Онъ съ любовью посмотрѣлъ на Лесли.

Онора въ это время раздѣлась, бросилась на постель и плакала безнадежными слезами обиды и безсилія. Въ первый разъ ей приходилось плакать отъ жалости къ самой себѣ, и она ненавидѣла себя за эти слезы. Кромѣ того, она была разсержена до послѣдней степени.

Одинъ великій французъ замѣтилъ, что каждый человѣкъ создаетъ себѣ, болѣе или менѣе безсознательно, извѣстное представленіе о самомъ себѣ и подходящей для себя обстановкѣ. Между этимъ представленіемъ и дѣйствительностью часто существуетъ большое несходство, но самъ человѣкъ этого не замѣ-

чаетъ. Онора безсознательно всегда рисовала себѣ свою фигуру, граціозно двигающуюся въ нарядной гостиной. А теперь гостиная исчезла, и Онорѣ казалось, что она потеряла самое себя.

— Гдѣ я? Что со мной случилось?—думала бѣдная дѣвушка, обливая слезами свою подушку. — Неужели же все кончено? Неужели я должна быть никѣмъ? должна быть такой, какъ всѣ?

Это было слишкомъ тяжелымъ ударомъ для тщеславной Оноры. Но она призвала на помощь всю свою гордость, и рѣшила не поддаваться отчаянію, а придумать какой-нибудь исходъ, который бы изумилъ тѣхъ двухъ предателей, сидящихъ теперь внизу и, навѣрное, разсуждающихъ объ ея несовершенствахъ.

Большинство гиртонскихъ и ньюнгэмскихъ студентокъ, по окончаніи университетскаго курса, обыкновенно принимаются за «исканіе мѣста». Онорѣ стало ясно, что этотъ обыкновеннѣйшій, избитый путь является теперь единственнымъ, открытымъ для нея. Несмотря на все ея негодованіе и возмущеніе, несмотря на горькія слезы, которыми она въ теченіе всей ночи обливала свою подушку, у нея хватило характера принять окончательное рѣшеніе. Ей оставалось одно утѣшеніе, и утѣшеніе немалое. Объявивъ свое рѣшеніе, она заставитъ Лесли уважать ее и восхищаться ею, и, кромѣ того, онъ и отецъ, навѣрное, будутъ смущены, когда воочію увидятъ, до чего они ее «довели».

При этой мысли Онора нѣсколько повеселѣла.

За чаемъ на слѣдующее утро всѣ чувствовали себя неловко. Лесли мгновенно смягчился, увидѣвъ измѣнившееся лицо Оноры, на которомъ ясно отражались слѣды слезъ и безсонной ночи. Въ такомъ видѣ она показалась ему безконечно-привлекательнѣе, чѣмъ вчера за обѣдомъ. Онъ поспѣшилъ заявить, что уѣзжаетъ сегодня утромъ. Онора, которая передъ тѣмъ, какъ сойти внизъ, съ яростью засунула его карточку въ нижній ящикъ письменнаго стола, выслушала это заявленіе съ каменнымъ спокойствіемъ.

— Такъ скоро?—замѣтила она вѣжливо, приподымая одну бровь.

Ректоръ торопливо предложилъ ему сухарей.

Послѣ завтрака Лесли ушелъ къ себѣ, и слышно было, какъ онъ собираетъ вещи и запираетъ сакъ-вояжъ. При этихъ звукахъ Онора опять почувствовала страстное желаніе расплакаться, но сдержалась и, вмѣсто этого, сдѣлала строгій и совершенно неожиданный выговоръ горничной, вслѣдствіе чего та начала проливать слезы. Когда Лесли пришелъ прощаться, она встрѣтила его съ тѣмъ же спокойнымъ лицомъ, какъ и за завтракомъ.

Литтльтонъ виновато взглянулъ на нее и въ смущеніи засунулъ руки въ карманы, чѣмъ окончательно заслужилъ ея презрѣніе.

— Можетъ быть, вы передъ отъѣздомъ пожелаете узнать, къ какому рѣшенію я пришла?—сказала она.

Глаза Лесли приняли самое искательное выраженіе.

— Я бы очень хотѣлъ,—началъ онъ.

— Вѣрнѣе было бы сказать, то рѣшеніе, къ которому я была вынуждена,—сказала Онора холодно.—Я уѣзжаю отсюда.

— Въ самомъ дѣлѣ? Благодарю васъ за то, что вы мнѣ сообщили это.

— Я буду жить своимъ заработкомъ.

Лицо Лесли просвѣтлѣло и на немъ появилось новое, непонятное для нея, выраженіе.

— Именно такъ вы и *должны* были поступить, Онора,—сказалъ онъ со злополучною прямотою.—На это я и надѣялся и былъ убѣжденъ, что вы придете именно къ такому рѣшенію. Вы, конечно, сдѣлаетесь учительницей?

Въ эту минуту Онора ненавидѣла его такъ, какъ до сихъ поръ не ненавидѣла ни одно человѣческое существо.

— Конечно,—подтвердила она съ горечью.

— Ну что жъ,—ласково сказалъ ненавистный молодой человѣкъ, протягивая ей руку и очевидно не подозрѣвая дѣйствія своихъ словъ.—Я могу только надѣяться, что ваше рѣшеніе окажется благотворнымъ и для васъ, и для другихъ. Надѣюсь, вы сообщите мнѣ, гдѣ и какъ вы устроитесь. Меня это такъ интересуетъ. Меня можно найти по старому адресу.

— Благодарю васъ,—сказала Онора.

Литтльтонъ быстро выпустилъ изъ рукъ ледяные пальчики, неохотно протянутые ему.

Глава VI.

Въ то же лѣто извозчичій экипажъ, въ которомъ сидѣла Онора со своимъ багажемъ, остановился передъ мрачнымъ сѣрымъ домомъ на одной изъ лондонскихъ улицъ. Онора была назначена учительницей и помощницей начальницы въ одной изъ высшихъ школъ для дѣвочекъ, и, такъ какъ начальница въ это время была больна, то на обязанности молодой дѣвушки лежало замѣнить ее и организовать занятія въ школѣ. Онора поморщилась, увидя свое будущее обиталище, и съ блѣднымъ лицомъ сошла съ извозчика. Дверь ей открыла молодая, бойкая горничная, которая привѣтствовала новоприбывшую съ простодушнымъ дружелюбіемъ, свойственнымъ прислугѣ изъ лондонскаго простонародья. Онора взглядомъ остановила потокъ ея рѣчей, и когда всѣ вещи были

внесены и извозчикъ отпущенъ, ледянымъ тономъ попросила провести ее въ комнаты, предназначенныя для помощницы начальницы.

Двѣ комнаты, отведенныя для новой учительницы, были довольно уютны, но малы. Онора съ тоской подумала о зеленой гостиной, въ которой, по крайней мѣрѣ, было просторно. Но въ школѣ всѣ просторныя комнаты, очевидно, были заняты безчисленными ничтожествами, называемыми ученицами, и она должна была довольствоваться этими каморками.

Послѣобѣденный чай былъ принесенъ ей горничной, въ дешевомъ бѣломъ передникѣ и чепчикѣ, напомнившей Онорѣ прислугу на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, и это обстоятельство еще болѣе усилило ея мрачное настроеніе духа.

Затѣмъ случился инцидентъ, который казался Онорѣ иллюстраціей ея вѣроятнаго будущаго. Не успѣла она выпить послѣднюю каплю чая (1 ш. 10 пенсовъ за фунтъ), какъ дверь ея комнаты отворилась, и въ нее заглянула головка разгоряченной, запыхавшейся молодой дѣвушки. Шляпа этой странной незнакомки съѣхала на бокъ и волосы были сильно растрепаны. Онора съ окаменѣвшимъ лицомъ ждала объясненія. Молодая дѣвушка, казалось, и не подозрѣвала, чего отъ нея ждутъ.

— Вы, вѣроятно, миссъ Кэмбаль?—воскликнула она.—Позвольте узнать, будутъ ли перемѣнены часы уроковъ математики въ первомъ классѣ?

Онора узнала затѣмъ, что это была учительница математики, миссъ Маргарита Гендерсонъ. Она была лондонской уроженкой, воспитывалась въ университетскомъ колледжѣ и по происхожденію принадлежала къ низшимъ слоямъ средняго класса. Она хорошо окончила курсъ по математикѣ и положительно имѣла талантъ къ преподаванію своего предмета.

Когда дѣловой разговоръ былъ конченъ, и миссъ Гендерсонъ удалилась, Онора приложила руку къ сердцу и мрачно посмотрѣла ей вслѣдъ:

— Какъ *я* буду выносить общество такихъ вульгарныхъ особъ?—думала она.

Прошла недѣля, и недовольство Оноры своимъ положеніемъ все возрастало. Ей приходилось получать указанія и совѣты отъ цѣлаго собранія филистеровъ, называемаго «педагогическимъ совѣтомъ», среди членовъ котораго не было ни одного человѣка съ ученой степенью. Кромѣ того, ей приходилось выслушивать мелочныя жалобы и опасенія назойливыхъ родителей, по большей части принадлежащихъ къ мелкой буржуазіи, и говорившихъ на простонародномъ лондонскомъ нарѣчіи; каждая изъ родительницъ

имѣла свои особенные взгляды на образованіе своего чада, и каждая по своему понимала задачи школы. Онора приходила въ настоящее отчаяніе отъ этихъ разговоровъ.

Но молодая учительница обладала блестящими способностями къ работѣ и ея университетскія занятія пріучили ее добросовѣстно и точно выполнять все, за что она бралась. Единственное, на что Онора не была способна, это—сидѣть сложа руки и признавать себя побѣжденной. Она рѣшила бороться, и даже здѣсь, въ этой чуждой, непріятной для нея средѣ, добиться успѣха и занять видное положеніе.

Уже во время перваго семестра она могла убѣдиться, что достигла своей цѣли. Начальница школы умерла, и педагогическій совѣтъ выбралъ Онору ея замѣстительницей.

Ей самой, впрочемъ, на одинъ періодъ ея жизни не казался такимъ безплоднымъ и пустымъ. Не смотря на свое быстрое повышеніе, она предсгавляла себя жертвою нужды и несправедливости; будучи занятой съ утра до вечера, она ненавидѣла самый процессъ своей работы, или, по крайней мѣрѣ, увѣряла себя, что ненавидитъ его.

Было и еще одно обстоятельство, которое съ достаточной очевидностью выяснилось Онорѣ въ теченіе этого перваго семестра. Преподаватели школы вовсе не были склонны окружать ее тѣмъ фиміамомъ лести, къ которому она привыкла въ Гиртонѣ. Всѣ они были поглощены своей работой и семейными дѣлами, и когда занятія въ школѣ кончались, тотчасъ же расходились по домамъ, группами въ два-три человѣка. Ихъ дружескія отношенія и внѣшняя жизнь, казалось, уже были вполнѣ установлены до ея пріѣзда, и никто не дѣлалъ ни малѣйшей попытки сблизиться съ нею.

Въ серединѣ перваго семестра своей педагогической дѣятельности Онора впервые познала смыслъ слова «одиночество».

— Я совершенно одинока,—сказала она себѣ однажды, и странное, непривычное ощущеніе тоски поднялось въ ея душѣ.

Она постаралась убѣдить себя, что это одиночество было только доказательствомъ ея превосходства надъ окружающими. Занятія въ школѣ недавно кончились, и она стояла у окна, наблюдая за уходомъ послѣдней, нѣсколько запоздавшей учительницы. Это была молодая дѣвушка, лѣтъ около 23-хъ. Когда она исчезла изъ виду, Онора сѣла и стала думать о ней.

Молодую дѣвушку звали Люцилла Деннисонъ. Она преподавала англійскій языкъ, исторію, политическую экономію, и т. д. Въ университетѣ она занималась «нравственными науками», а Онора презирала эти науки. Она ни за что на свѣтѣ не хотѣла признаться себѣ, что Люцилла ее заинтересовала.

По мнѣнію Оноры, въ ней не было ровно ничего замѣчательнаго. У нея была очень тонкая, худощавая фигура, пушистые темные волосы, сѣрые глаза и легкій румянецъ на щекахъ. Она очень много работала и говорила мало, мягкимъ спокойнымъ голосомъ, который Онора легко могла бы покрыть своимъ голосомъ, яснымъ и металлическимъ.

Но въ ней было еще что-то, кромѣ спокойствія и молчаливой энергіи. Въ иныя минуты Онору тревожило мечтательное выраженіе ея глазъ; а иногда ей казалось, что въ нихъ мелькаетъ насмѣшливый огонекъ.

Короче сказать, Онора невольно составила себѣ высокое мнѣніе о характерѣ этой молчаливой дѣвушки. А между тѣмъ, эта самая Люцилла, повидимому, была особенно дружна съ Маргаритой Гендерсонъ, добродушныя манеры и простонародный акцентъ рѣчи которой мѣшали Онорѣ видѣть въ ней что-либо, кромѣ олицетворенія вульгарности.

Въ одинъ прекрасный день Онорѣ случайно пришлось узнать, какое мнѣніе о ней имѣетъ весь этотъ ничтожный педагогическій мірокъ, ради котораго она отказалась отъ академическаго изящества Гиртона. Однажды она невольно услышала черезъ открытую дверь разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Она думала, что въ комнатѣ никого нѣтъ, но вдругъ услышала за дверью голоса, и первыя же слова привлекли ея вниманіе. Извѣстно, что подслушивающій никогда не слышитъ ничего хорошаго о себѣ, и Онорѣ, дѣйствительно, пришлось услышать весьма непріятныя вещи.

— Отъ миссъ Кэмбаль, конечно, нечего ожидать никакого сердечнаго отношенія къ дѣлу.

Это говорилъ голосъ Маргариты Гендерсонъ.

— Такъ и не разсчитывайте на нее. Смотрите на нее, какъ на отрицательную величину, нѣсколько видоизмѣняющую общія условія, и постарайтесь не обращать на нее вниманія.

Этотъ рѣзкій приговоръ былъ произнесенъ сухимъ, спокойнымъ голосомъ Люциллы Денисонъ.

Услышавъ голоса, Онора прежде всего хотѣла удалиться. Но узнавъ, что дѣло касается ея и что Люцилла была одной изъ говорившихъ, она осталась. Она успокаивала свою совѣсть тѣмъ, что въ данномъ случаѣ никому не повредитъ, кромѣ себѣ самой, и только теперь она поняла, до какой степени ее интересуетъ мнѣніе Люциллы о ней.

— Я могла бы такъ поступить,—отвѣчала миссъ Гендерсонъ,—если бы дѣло касалось меня одной. Но отъ этого страдаютъ и дѣвочки. Флора, напримѣръ, положительно испортилась за этотъ семестръ.

Миссъ Кэмбаль не вноситъ никакой оригинальности въ свою работу. Она во всемъ придерживается рутины. Школа просто погибнетъ, если это будетъ такъ продолжаться. Младшія дѣвочки уже опустились, въ особенности Флора. Она болѣе всѣхъ страдаетъ отъ отсутствія миссъ Форбсъ. Миссъ Форбсъ была незамѣнима по своему личному вліянію на дѣтей и по своей педагогической изобрѣтательности.

Миссъ Форбсъ была прежняя начальница школы, предшественница Оноры.

— Да, это, конечно, очень печально. Если бы не вредъ, который она приноситъ дѣтямъ и школѣ, я-бы находила миссъ Кэмбаль очень любопытной, комической фигурой.

— Старшія ученицы въ этомъ отношеніи лучше поставлены,— продолжала миссъ Гендерсонъ.—Онѣ не нуждаются въ личномъ вниманіи или заботѣ, — по крайней мѣрѣ, не въ такой степени, какъ малыши. Но даже и онѣ...

Миссъ Гендерсонъ не договорила, и Онора, не видя, ясно представила себѣ пожатіе ея плечъ, послѣдовавшее за этими словами.

— Я боюсь,—согласилась Люцилла,—какъ бы всѣ наши старанія не оказались совершенно безплодными...

— Вся бѣда въ томъ,—продолжала миссъ Гендерсонъ со своимъ рѣзкимъ лондонскимъ акцентомъ,—что у насъ во главѣ школы поставлена восковая кукла, и, конечно, мы съ вами вдвоемъ не можемъ поддержать школу на прежней высотѣ.

— Нѣтъ, не можемъ, при всемъ нашемъ желаніи,—сказала Люцилла,—особенно принимая во вниманіе ту массу спеціальной работы, которая лежитъ на каждой изъ насъ. Я никогда еще не встрѣчала,—прибавила она медленнѣе,—до такой степени неотзывчиваго и неспособнаго человѣка, какъ миссъ Кэмбаль...

Онора повернулась и молча убѣжала къ себѣ въ комнату. Каждое слово изъ только-что услышаннаго разговора уязвляло ее въ самое больное мѣсто. Она сѣла, закрыла руками горящее отъ волненія лицо, и горькія слезы выступили на ея глазахъ.

Между тѣмъ Люцилла и Маргарита отправились домой.

Люцилла жила въ большомъ домѣ, полномъ маленькихъ, дешевыхъ квартиръ. Она жила одна, безъ прислуги, сама управляясь со своимъ небольшимъ хозяйствомъ, и была рада одиночеству, потому что оно давало ей возможность посвящать всѣ вечера работѣ.

Въ комнаткахъ ея царилъ образцовый порядокъ, но въ нихъ было такъ мало мебели, что «обстановка» въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ этого слова, можно сказать, совершенно отсут-

ствовала. Тѣмъ не менѣе, все было очень мило прибрано и имѣло уютный видъ. Люцилла была одарена чисто женской способностью придавать изящество и красоту всѣмъ житейскимъ мелочамъ. Теперь она неслышно двигалась по комнатѣ, приготовляя себѣ ужинъ. Кончивъ ужинать, она прибрала все, зажгла лампу и сѣла отдохнуть передъ работой.

Отдыхать для Люциллы значило мечтать. Она сидѣла, откинувшись на креслѣ, свѣтъ лампы падалъ на ея пушистые волосы, оставляя лицо въ тѣни. Мечты Люциллы не были обычными мечтами молодыхъ дѣвушекъ. Она не мечтала о семьѣ, о мужѣ, о своей любви къ нему. Вѣроятно, вѣянія новаго времени нѣсколько видоизмѣнили неподвижныя черты идеала добраго стараго времени. Люцилла никогда не рисовала себѣ своего будущаго, какъ безмятежную жизнь счастливой и любимой жены. Въ мечтахъ ей рисовалась неустанная борьба, рука объ руку съ товарищами-борцами, борьба противъ зла и несправедливости, царящихъ въ мірѣ. Сама она при этомъ представлялась себѣ довольно ничтожной величиной и личныя ея надежды были не велики. Но ея отреченіе отъ обычнаго, будничнаго счастья и жажда самопожертвованія имѣли глубокіе корни въ ея натурѣ. Она ничего не принимала на вѣру и во всемъ старалась сама разобраться.

Это пытливое и вдумчивое отношеніе къ жизни и придавало порою ея глазамъ то странное выраженіе, которое было подмѣчено Онорой. Но при этомъ у нея была также удивительная способность къ самоотреченію, способность къ страстному, беззавѣтному увлеченію. Эту сторону своей натуры она, впрочемъ, постоянно сдерживала. Извѣстное чувство мѣры, порядка проникало все ея существо.

Отдохнувъ съ часъ, она сѣла къ столу и начала заниматься. Свѣтъ лампы отбрасывалъ дрожащія тѣни на стѣны и потолокъ и ярко освѣщалъ только одинъ уголъ комнаты, тотъ, гдѣ стояли книжныя полки, на которыхъ красовались книги въ пестрыхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами.

Прошло около 20-ти минутъ, когда на лѣстницѣ послышались чьи-то шаги. Люцилла подняла голову и, держа перо въ рукѣ, стала прислушиваться. Шаги были довольно твердые, но слишкомъ неправильные для мужчины.

На мгновеніе лицо дѣвушки зардѣлось и въ глазахъ ея мелькнуло ожиданіе; но оно скоро исчезло, потому что по мѣрѣ приближенія шаговъ стало ясно, что они не могутъ быть мужскими.

Кто-то постучался въ ея дверь. Люцилла открыла дверь и очутилась лицомъ къ лицу съ Онорой Кэмбаль.

Онора очень измѣнилась съ того времени, когда ея цвѣтущій видъ заставлялъ ректора вспоминать стихи Горація. Тяжелая повседневная работа сдѣлала ея равнодушной къ заботамъ о прическѣ и о платьѣ. Въ эту минуту она запыхалась отъ усталости, взобравшись наверхъ къ Люциллѣ. На лицѣ ея было непривычное въ немъ выраженіе смущенія, которое совершенно измѣнило его. Увидя ее, Люцилла не могла сдержать легкаго сарказма, блеснувшаго въ ея глазахъ, и невольной, чуть замѣтной улыбки. Онора отстранилась отъ нея, и двѣ слезы, неожиданныя и непрошенныя, скатились по ея щекамъ!

Люцилла закрыла дверь и предложила Онорѣ сѣсть. Она выглядѣла блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она.

— Я слышала каждое слово, которое вы говорили обо мнѣ сегодня, въ классной комнатѣ,—объявила Онора съ полной честностью.

Люцилла покраснѣла, но не дѣлала попытки оправдаться. Онорѣ показалось, однако, что ея сѣрые глаза глядѣли уже не такъ строго, и сарказмъ въ нихъ исчезъ.

— Повидимому, вы считаете, что я не исполняла своихъ обязанностей,—продолжала она.

— Напротивъ, вы исполняли ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Сухой тонъ этой похвалы былъ хуже всякаго порицанія.

— Въ чемъ же тогда вы обвиняете меня?

— Я не обвиняла васъ. Безукоризненное поведеніе всегда считается очень похвальнымъ.

Какъ ни непріятенъ былъ этотъ разговоръ Онорѣ, во всякомъ случаѣ ей легче было выслушивать замѣчанія посторонняго человѣка, чѣмъ недавнія внушенія Литтльтона, у себя дома.

— Пожалуйста, будьте откровенны со мной, такъ же откровенны, какъ вы были сегодня въ классѣ съ миссъ Гендерсонъ,—сказала она, дѣлая усиліе надъ собой.

Люцилла смущенно провела рукой по щекѣ.

— Мнѣ кажется, нѣтъ на свѣтѣ ничего безполезнѣе такого безукоризненнаго поведенія,—проговорила она.

— Помогите мнѣ,—сказала Онора, все болѣе и болѣе волнуясь.—Я была такъ одинока все это время.

Люцилла мягко посмотрѣла на нее.

— Вы позволите мнѣ сказать вамъ правду, сказать все, что я думаю?—спросила она.

— Конечно,—быстро отвѣчала Онора, въ то время, какъ въ

душѣ ея промелькнуло непріятное воспоминаніе о м-рѣ Литтльтонѣ.— Я и не ожидаю, и не желаю ничего, кромѣ правды.

— Видите, мнѣ кажется, самое важное, самое необходимое во всякомъ дѣлѣ, это—гуманное отношеніе къ людямъ.

— Развѣ у меня его нѣтъ?

— Нѣтъ, у васъ какая-то ходульная гуманность.

— Увѣряю васъ, вы ошибаетесь. А впрочемъ, можетъ быть, это происходитъ отъ того, что я не люблю своей работы.

— Я думаю, что вы, въ данномъ случаѣ, ошибаетесь. Сама работа вамъ, какъ будто, очень нравится.

Онора съ удивленіемъ услышала эти слова, но они убѣдили ее. Сама работа ей, дѣйствительно, нравилась.

— Вамъ не нравится вся наша обстановка, нашъ составъ учительницъ. Вы стараетесь обособиться отъ насъ, дать намъ почувствовать свое превосходство. И, конечно, вы очень много теряете благодаря этому.

Онора въ душѣ считала, что она имѣетъ право считать себя выше своихъ сотоварищей по школѣ. Мать ея находилась въ родствѣ съ пэрами, а дѣдушка по отцу принадлежалъ къ мелкому земельному дворянству. Но она ничего не сказала. Есть вещи, которыми мы гордимся въ глубинѣ души, но боимся выговорить ихъ во всей ихъ пошлости.

— И, конечно, учительницы не могутъ быть довольны такимъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ себѣ.

— Не думаю, чтобы я намѣренно поступала такимъ образомъ,—сказала Онора осторожно.—Но я часто чувствовала себя очень одинокой.

— Потому что вы не хотите снизойти до насъ, простыхъ смертныхъ. Вы ищете отличія, обособленія. А простые смертные отплачиваютъ вамъ тѣмъ, что не обращаютъ на васъ вниманія.

— Можетъ быть, вы не знаете,—начала Онора, смущенно,— что я не предполагала работать на этомъ поприщѣ ради заработка.

Строгій маленькій профиль Люциллы не смягчился при этомъ признаніи.

— А!—сказала она.—Такъ вотъ что васъ огорчаетъ?

Онора съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Знаете, вы производите впечатлѣніе человѣка, находящагося подъ какимъ-то гнетомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Маргарита Гендерсонъ всячески старалась оправдать васъ потому что она увѣряла, что у васъ какое-то горе.

Онора покраснѣла отъ негодованія. Ей казалось ужъ очень обиднымъ быть оправдываемой миссъ Гендерсонъ.

— И на основаніи этого своего предположенія, она взяла на себя часть вашей работы и дѣлала ее въ теченіе всего семестра. Маргарита удивительно добрая дѣвушка.

— Неужели?—спросила Онора, сухо.

— Конечно, не нужно говорить съ ней объ этомъ, потому что она очень деликатна и ненавидитъ, когда говорятъ объ ея добрыхъ дѣлахъ.

— Я, значитъ, все это время пользовалась ея благодѣяніями?

— Но я бы все это исправила, если бы была на вашемъ мѣстѣ. Она дѣлала ту работу, которую, по настоящему, должны были бы дѣлать вы, а между тѣмъ, она и такъ завалена своимъ дѣломъ.

— Конечно, я постараюсь уладить все это.

— И, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я обратила бы вниманіе на Флору. А то, какой толкъ людямъ, если каждый будетъ спасать свою душу и не заботиться о другихъ?

— Я все это улажу,—повторила Онора, щеки которой сдѣлались пунцовыми отъ волненія и оскорбленной гордости.

— Что касается вашего несчастія, то почти всѣмъ намъ приходится испытывать нѣчто подобное, и многіе даже гордятся этимъ, и считаютъ необходимость трудиться—своего рода привиллегіей.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно. Назовите вещь другимъ именемъ, и она сама измѣнится. Помните, Шекспиръ сказалъ, что если дать розѣ другое названіе, то и цвѣтъ ея измѣнится.

— Мнѣ самой иногда кажется, что работа въ школѣ мнѣ, въ сущности, нравится,—начала Онора,—но все-таки, я мечтала совсѣмъ о другой дѣятельности.

— Что касается меня, то я добровольно выбрала самую простую, обыкновенную дѣятельность.

— Вы хотите сказать, что у васъ нѣтъ никакихъ высшихъ стремленій?

Улыбка освѣтила лицо Люциллы.

— У меня свои стремленія,—сказала она.

— Я была очень честолюбива, — сказала Онора, не понявшая смысла ея словъ.

— Но мнѣ кажется, что такое честолюбіе не имѣетъ большой цѣны.

Онора молча приняла эту критику. У нея была та благородная гордость, которая умѣетъ выслушивать неблагопріятные от-

зывы. Люцилла, конечно, ничего не знала о ней, но ея сужденіе было произнесено увѣреннымъ тономъ и свидѣтельствовало объ ея проницательности. Къ тому же, подъ вліяніемъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, Онора успѣла охладѣть къ своимъ прежнимъ мечтамъ о работѣ надъ греческими миѳами, и эти мечты отходили уже въ область воспоминаній.

— Разскажите мнѣ о *вашихъ* стремленіяхъ,—сказала она.

Люцилла смутилась, и глаза ея невольно обратились къ одному предмету, стоявшему на ея письменномъ столѣ. Онора посмотрѣла въ ту же сторону и увидѣла, что предметъ, къ которому обратились взоры Люциллы, былъ не что иное, какъ фотографическая карточка.

— Ну, конечно. Дѣло всегда сводится къ какому-нибудь мужчинѣ,—подумала она съ неудовольствіемъ.

Люцилла, повидимому, не торопилась разсказать ей о своихъ стремленіяхъ. Послѣдовало небольшое молчаніе, во время котораго она сидѣла съ опущенными глазами, между тѣмъ какъ Онора мрачно разглядывала портретъ. Сердце Люциллы билось сильнѣе обыкновеннаго. Видъ этого портрета всегда приводилъ ее въ волненіе, онъ затрогивалъ самую чувствительную струну въ ея сердцѣ.

Кромѣ портрета, было еще нѣчто, привлекшее къ себѣ вниманіе Оноры. Это было распятіе. Оно не было сдѣлано изъ очень красиваго или дорогого матеріала и, по всей вѣроятности, было куплено по дешевой цѣнѣ въ какомъ-нибудь заграничномъ городѣ. Но въ немъ была наивная красота, которая дается глубокой вѣрой артиста и его преклоненіемъ передъ величіемъ сюжета. Внизу, подъ словами «Ecce Homo» («Се Человѣкъ»), помѣщалась слѣдующая надпись:

«Вотъ что Я сдѣлалъ для тебя.
Что сдѣлалъ ты для Меня?»

Видъ этого распятія, въ простенькой комнатѣ трудящейся дѣвушки, поразилъ Онору, какъ безмолвный упрекъ. Передъ нею вдругъ встала старческая фигура отца и вспомнились его рѣчи о жертвѣ и смиреніи. Неужели же здѣсь, у образованной, вполнѣ современной Люциллы она встрѣтитъ тѣ же идеи, которыя казались ей такими устарѣвшими, отжившими?

Она перевела глаза съ распятія на портретъ, стоявшій подъ нимъ, и въ то же время думала о другомъ портретѣ. Она вспомнила карточку Лесли Литтльтона, которая лежала теперь кверху ногами въ одномъ изъ ящиковъ ея письменнаго стола, въ деревнѣ. Желая отдѣлаться отъ этого воспоминанія, она встала и подошла

къ портрету, чтобы поближе разсмотрѣть его. Лицо показалось ей замѣчательнымъ. Она подумала, что это, должно быть, портретъ какого-нибудь выдающагося человѣка. Портретъ былъ снятъ почти въ профиль, черты лица были рѣзкія и энергичныя, особенно ротъ и подбородокъ придавали ему выраженіе силы, между тѣмъ какъ верхняя часть—глаза и лобъ освѣщали все лицо неожиданнымъ выраженіемъ идеализма и душевной мягкости. Это была голова убѣжденнаго борца—мужественнаго, сильнаго и въ то же время гуманнаго; его наружность, въ общемъ, производила впечатлѣніе спокойнаго благожелательства.

— Кто это?—спросила Онора.

— Это?—повторила Люцилла, вставая съ мѣста и подходя къ ней, безсознательно желая выиграть время, для чего — неизвѣстно. — Это портретъ одного изъ выдающихся людей нашего времени.

Она говорила о немъ, какъ о человѣкѣ, пользующемся всеобщей извѣстностью. Онора не любила признаваться въ незнаніи чего-либо, поэтому и теперь не стала больше разспрашивать. Она начала надѣвать перчатки и, все еще преслѣдуемая воспоминаніемъ о портретѣ Литтльтона, проговорила:

— Хорошо было бы, если бы мы могли обходиться совсѣмъ безъ мужчинъ.

Люцилла улыбнулась.

— Это значительно упростило бы жизнь,—сказала она,—хотя не знаю, было ли бы такое упрощеніе желательнымъ. Помните, что отцы церкви говорили про «красивое зло», называемое женщиной?

— Трусы!—возразила Онора.—Они дѣлали женщину козломъ отпущенія за всѣ свои грѣхи.

Онора, естественно, чувствовала озлобленіе противъ отцовъ церкви.

— Это правда. Но мы не должны теперь впадать въ ту же ошибку. Нужно рѣшить этотъ вопросъ какъ-нибудь иначе.

Упоминаніе объ отцахъ церкви снова привлекло вниманіе Оноры къ распятію. Она взглянула на него и сказала смущенно:

— Я очень удивилась, увидя у васъ распятіе.

Люцилла посмотрѣла на него съ благоговѣніемъ.

— Я всегда стараюсь хранить этотъ образъ въ моей душѣ,— сказала она спокойно.—Онъ воплощаетъ для меня всѣ страданія человѣчества и указываетъ идеалъ, къ которому надо стремиться.

— Я боюсь, что не совсѣмъ понимаю васъ. Все это кажется мнѣ какимъ-то мистицизмомъ.

— Развѣ вы не понимаете? Вѣдь я одна изъ тѣхъ, которые, можно сказать, пользуются всѣми благами цивилизаціи. Это, конечно, вещь очень пріятная. Но вѣдь сколько людей гибло и до сихъ поръ гибнетъ въ борьбѣ за то, чтобы пріобрѣсти тѣ же знанія и ту же возможность пользоваться тѣмъ, что дѣлаетъ жизнь такой прекрасной и что доступно столь немногимъ! И эта борьба проходитъ сквозь всю исторію человѣчества! И теперь вездѣ происходитъ то же самое. Пойдите въ любую улицу Восточнаго Лондона, и вы невольно задумаетесь надъ этими вопросами. Мы, получившія образованіе и достигшія высшихъ ступеней культуры, мы несемъ огромную отвѣтственность передъ тѣми, которыя ничего этого не имѣютъ.

Онора задумалась. Она тоже всегда считала себя «достигшей высшихъ ступеней культуры», но какая разница была между ея взглядами на это и взглядами Люциллы.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, откуда у васъ берутся такія мысли, такое странное отношеніе къ жизни,—сказала она наконецъ.

Люцилла не сразу отвѣтила, а потомъ проговорила уклончиво:

— Нѣкоторыя мысли приходятъ сами собою.

Но Онора замѣтила, что при этихъ словахъ она невольно дотронулась до портрета и водила мизинцемъ взадъ и впередъ по рамкѣ.

— Мнѣ такъ трудно было разобраться въ жизни послѣднее время,—сказала Онора.—Всѣ мои планы неожиданно рушились и вообще меня преслѣдовали неудачи.

Люцилла посмотрѣла на красивое лицо своей собесѣдницы, внезапно смягчившееся подъ вліяніемъ новаго настроенія. Она заговорила ласковымъ, веселымъ голосомъ.

— Да, хорошо было бы, если бы существовалъ какой-нибудь «Путеводитель жизни», не правда ли? Но, къ сожалѣнію, такого путеводителя не существуетъ. Впрочемъ, можетъ быть, вы захотите пойти какъ-нибудь вечеромъ со мною къ моимъ друзьямъ, тамъ вы услышите разныя, новыя для себя вещи?

— Конечно, я пойду съ большимъ удовольствіемъ, — сказала Онора. Она нагнулась и поцѣловала Люциллу въ щеку.

Глава VII.

Этотъ разговоръ съ Люциллой Денисонъ знаменовалъ собою поворотный пунктъ въ жизни Оноры.

Когда она проснулась на другой день и вспомнила измѣнившееся къ ней отношеніе Люциллы, ей вдругъ стало свѣтлѣе на

душѣ. Она такъ привыкла къ общей холодности и равнодушію, что мысль объ этой новой дружбѣ почти пробудила въ ней привычное, прежнее чувство радости жизни. Рѣшившись избавиться отъ своего добровольнаго одиночества, Онора сразу почувствовала новый интересъ къ своему дѣлу. Она стала размышлять надъ «реформами», которыя необходимо предпринять въ школѣ и это совершенно поглотило ея помыслы.

«Прежде всего»,—думала она, одѣваясь,—«нужно пригласить къ себѣ всѣхъ учительницъ и разузнать, что онѣ собою представляютъ. Вѣдь это та армія, съ которой мнѣ придется дѣйствовать».

Онора по натурѣ не была мелочной, и, рѣшившись на что-нибудь, она смѣло и великодушно шла къ своей цѣли, безъ всякихъ заднихъ мыслей и ложнаго стыда. Но среди учительницъ ея робкое приглашеніе къ чаю и на частное совѣщаніе вызвало большое смущеніе: никто не зналъ, какъ отнестись къ этой новости, пока не разнесся слухъ, что Люцилла принимаетъ сторону миссъ Кэмбаль.

Когда, наконецъ, великое событіе свершилось и всѣ собрались у Оноры, Люцилла, по просьбѣ Оноры, открыла засѣданіе. Маргарита Гендерсонъ была избрана предсѣдательницей маленькаго митинга. Онора, съ разгорѣвшимися щеками и сверкавшими отъ возбужденія глазами, сѣла рядомъ съ нею. Напротивъ помѣстились шесть учительницъ, нѣсколько смущенныхъ и съ любопытствомъ ожидающихъ, что будетъ. Передъ Люциллой были поставлены двѣ свѣчки, и она начала говорить, сначала застѣнчиво, а потомъ все болѣе и болѣе воодушевляясь.

Она сообщила собравшимся учительницамъ, что въ школѣ предполагается ввести серьезныя нововведенія. Въ ихъ школѣ, какъ и во всякомъ учебномъ заведеніи, приходится отдавать извѣстную дань рутинѣ, принимая во вниманіе общепринятыя идеи, требованія родителей, установленныя программы, и проч. Поскольку дѣло касается этой рутины, занятія въ ихъ школѣ обставлены превосходно. Но въ то же время въ ней чувствуются извѣстные пробѣлы, и каждая изъ учительницъ не можетъ не сознавать, что она не даетъ ученицамъ всего, что бы слѣдовало. Бѣда въ томъ, что преподаваніе ведется исключительно по выработаннымъ шаблонамъ, и учительницы не вносятъ въ него ничего индивидуальнаго. Рутинная работа, конечно, полезна, потому что сообщаетъ дѣтямъ извѣстныя знанія и пріучаетъ ихъ къ труду; но главная задача школы заключается не въ этомъ, а въ томъ, чтобы воспитывать дѣтей, подготовить ихъ къ *жизни*.

По мнѣнію Люциллы, главный недостатокъ рутиннаго преподаванія заключается въ томъ, что оно не пріучаетъ дѣтей думать о вопросахъ, непосредственно касающихся жизни и поведенія каждаго человѣка, не даетъ имъ понятія о нравственныхъ и общественныхъ обязанностяхъ.

Онора говорила сейчасъ же послѣ Люциллы и высказала свое полное согласіе съ ея взглядами. Чтобы пополнить тотъ пробѣлъ, о которомъ только-что шла рѣчь, она предложила устроить въ каждомъ классѣ рядъ уроковъ въ родѣ тѣхъ, которые даются въ нѣмецкихъ школахъ подъ названіемъ «Heimatskunde» (Отчизновѣдѣніе). Общій планъ этихъ уроковъ долженъ быть обсужденъ сообща всѣми учительницами, а затѣмъ каждой изъ нихъ будетъ предоставлена свобода вести свой курсъ совершенно самостоятельно, и освѣщать его съ своей точки зрѣнія. Новый предметъ преподаванія будетъ называться «Англійскіе граждане» и будетъ заключаться въ сообщеніи дѣтямъ различныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ они могутъ составить себѣ понятіе о томъ обществѣ, гдѣ имъ приходится жить, получить матеріалъ для оцѣнки поведенія и дѣятельности людей.

Тутъ одна изъ учительницъ, съ лицомъ, напоминающимъ маленькую птичку, спросила, какого рода вопросы будутъ затрагиваться на этихъ урокахъ.

— Мнѣ кажется,—отвѣчала Онора,—что прежде всего нужно заботиться о томъ, чтобы брать только простые и понятные вопросы. Мы должны стараться развить въ дѣтяхъ способность къ составленію правильныхъ сужденій, а не навязывать имъ нашихъ собственныхъ теорій. Поэтому, мы должны касаться только тѣхъ вопросовъ, которые доступны уровню ихъ развитія.

— Да,—подтвердила Люцилла.— Мы не должны говорить имъ, что мы сами думаемъ о такомъ-то и такомъ-то вопросѣ, а дать имъ возможность самимъ обдумать его—когда они достигнутъ такого возраста, что начнутъ интересоваться общими вопросами.

— Я думаю, напримѣръ,—сказала Онора,—что вопросъ о кастовой или сословной гордости былъ бы прекрасной темой для урока въ женской школѣ.

— Вы бы, вѣроятно, стали выяснять положеніе всѣхъ сословій въ общей жизни націи?—замѣтила учительница съ птичьимъ личикомъ, въ волненіи приподымаясь со своего мѣста.

— Да, и такой вопросъ вполнѣ подошелъ бы подъ общую тему о гражданкѣ.

— Мнѣ кажется, это было бы очень хорошо,—сказала одна изъ учительницъ, съ блѣднымъ задумчивымъ лицомъ.—Это пріі-

учило бы дѣтей съ уваженіемъ относиться ко всѣмъ людямъ, безъ различія сословій, или, по крайней мѣрѣ, предрасположило бы ихъ къ такому отношенію.

— Конечно!—воскликнула Люцилла.—Вспомните только высокомѣрное выраженіе лица нѣкоторыхъ изъ нашихъ дѣвочекъ, которымъ рѣшительно нечѣмъ гордиться, кромѣ хорошихъ доходовъ ихъ батюшекъ!

— Я сказала, — продолжала Онора, — что каждая изъ насъ должна сама разработать этотъ курсъ по собственному усмотрѣнію. Наши преподавательницы математики и логики, повидимому, уже намѣтили себѣ кое-какіе вопросы и отъ нихъ мы будемъ ожидать образцовыхъ курсовъ. Теперь я бы попросила остальныхъ тоже высказаться по этому вопросу. Можетъ быть, кто-нибудь предложитъ еще какую-нибудь тему для такихъ уроковъ.

Возбужденіе охватило все маленькое общество. Оказалось, что у каждой учительницы были свои идеи, которыми онѣ теперь спѣшили подѣлиться съ остальными. Этотъ вечеръ ознаменовалъ собою начало общаго оживленія дѣятельности школы. Вскорѣ всѣ признали необходимымъ собираться вечеромъ разъ въ недѣлю, для совмѣстнаго обсужденія всей программы. Совѣщанія эти происходили въ комнатѣ Оноры, и, послѣ дѣловыхъ переговоровъ, всѣ отдыхали за чаемъ со сладкими пирожками и за веселой болтовней.

Онора, къ изумленію своему, замѣтила, что ея прежнее мрачное настроеніе сразу исчезло и началась новая жизнь. Каждое утро она просыпалась съ радостнымъ чувствомъ и готовилась къ интересному трудовому дню. Она вскорѣ сдѣлалась одной изъ самыхъ замѣтныхъ, выдающихся начальницъ школы въ Лондонѣ. Она любила власть и съ удовольствіемъ пользовалась ею въ томъ узкомъ кружкѣ, въ который ее забросила судьба. Аскетизмъ и самопожертвованіе были совершенно чужды ея натурѣ; но въ ней было много энергіи, способности къ иниціативѣ, и ей нравилось прилагать свои силы къ полезному дѣлу. Она горячо принялась за работу, и работа закипѣла въ ея рукахъ.

— Развѣ это не удивительно, — сказала она однажды Люциллѣ,—что нѣсколько такихъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ мы всѣ, имѣютъ въ своихъ рукахъ такое чудное дѣло! Я никогда не представляла себѣ, чтобы оно могло быть такъ интересно, такъ захватывающе интересно! Мнѣ кажется, во мнѣ точно происходитъ какая-то ломка, и я дѣлаюсь другимъ человѣкомъ.

— Такъ оно и есть,—подтвердила Люцилла.

Онѣ сидѣли въ комнатѣ Оноры и были заняты составленіемъ

какихъ то списковъ; но работа была не спѣшная и обѣимъ хотѣлось отдохнуть.

— Видите, — начала Люцилла, разсѣянно мокая перо въ чернила,—въ этомъ и заключается нашъ методъ: сообразоваться со своими убѣжденіями во всемъ, что дѣлаешь; прежде всего дѣлать ближайшее дѣло, а не разбрасываться во всѣ стороны. Это и дѣлаетъ насъ такими сильными.

Онора съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Ей показалось, что Люцилла на память цитируетъ чьи-то слова.

— Люцилла, о чемъ вы говорите? Кто это мы? Что значатъ ваши слова?—спросила она.

Люцилла покраснѣла и улыбнулась.

— Это моя тайна,—сказала она уклончиво.

Онора молча посмотрѣла на нее; потомъ она вспомнила портретъ друга, стоявшій на письменномъ столикѣ Люциллы. Въ немъ, очевидно, заключалась разгадка всѣхъ этихъ тайнъ. Она бросила перо, отодвинула въ сторону бумаги и подсѣла къ Люциллѣ.

— Люцилла!—начала она, обнявъ ее за талію и ласкаясь къ ней,—я не могу вынести сознанія, что есть какія-то тайны, которыхъ я не знаю. Будьте милочка, разскажите мнѣ!

— Кто говоритъ про тайны? Начальница школы должна быть выше такихъ вещей,—отвѣчала Люцилла, смѣясь.

— Но я не выше. Въ особенности въ часы, когда нѣтъ занятій. Я любопытна, какъ всѣ женщины.

— Вы ставите себя на одну доску со «всѣми женщинами»! Я считала, что вы получили 6-ю награду по классическимъ языкамъ, и вообще представляете нѣчто возвышенное.

— Нѣтъ!—сказала Онора весело, закидывая руки надъ головой и вытягиваясь на стулѣ.—Все это прошло. Я просто 24-хъ-лѣтняя дѣвица, Онора Кэмбаль. И мнѣ хочется разбросать всѣ эти книги и бѣгать взапуски по рекреаціонной залѣ. Люцилла, хотите, съиграемъ съ вами въ пятнашки, а потомъ вы мнѣ откроете свою тайну?

— Я готова играть въ пятнашки, но тайны вамъ не открою,— сказала Люцилла.

— Ну, я велю подать кофе со сладкими пирожками? Тогда, надѣюсь, вы скажете!

— Ни въ какомъ случаѣ.

Люцилла встала и начала кружиться по комнатѣ. Но Онора тоже вскочила, поймала ее и крѣпко сжала въ своихъ сильныхъ рукахъ. Маленькая Люцилла была совершенно безпомощной передъ ней.

— Теперь вы скажете,—говорила Онора, смѣясь.

— Сжальтесь надо мной,—кричала Люцилла. — Гдѣ ужъ мнѣ съ вами бороться! Вы меня задушите — и кончено.

— Люцилла,—сказала Онора торжественно,—позвольте напомнить вамъ, что вы *обѣщали* мнѣ разсказать все. Да-съ, милостивая государыня, когда я пришла къ вамъ въ первый разъ. А обѣщанія должны быть выполняемы.

— Пустите меня,—сказала Люцилла,—а тамъ, посмотримъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — продолжала она, освободившись,— надо вамъ сказать, что теперь уже поздно. Я не забыла своего обѣщанія, но мы такъ увлеклись своими школьными реформами, что пропустили время. А въ началѣ будущаго семестра, т. е. осенью, вы все узнаете.

Этимъ Онора пока должна была удовольствоваться.

Глава VIII.

Въ началѣ осени, когда занятія въ школѣ возобновились, Люцилла сообщила какъ-то Онорѣ, что представился благопріятный случай, и она можетъ вечеромъ свести ее, куда обѣщала.

— Великолѣпно. Куда же мы пойдемъ?

— А вотъ увидите. Къ чему торопиться и предупреждать событія?

Онора чувствовала нѣкоторое возбужденіе, когда очутилась вмѣстѣ съ Люциллой въ большой, еще на три-четверти пустой залѣ, которая, однако, быстро наполнялась публикой. Это было первое развлеченіе, которое она позволила себѣ со времени своего пріѣзда въ Лондонъ; кромѣ того, Люцилла выдержала характеръ и не проронила ни одного слова о томъ, что здѣсь будетъ происходить. Онора съ любопытствомъ осматривалась кругомъ.

— Не особенно блестящее общество,—думала она,—но попадаются славныя лица.

Несмотря на вліяніе Люциллы и на свое измѣнившееся отношеніе къ школѣ, Онора все еще оставалась прежней Онорой. Люцилла вызвала къ дѣятельности лучшую часть ея натуры, но она не измѣнила ея взглядовъ. Онора все еще держалась прежняго мнѣнія о томъ событіи, которое заставило ее уѣхать изъ дому. Ея отношенія съ отцомъ ограничивались правильнымъ обмѣномъ писемъ—нѣжныхъ со стороны старика, почтительныхъ— съ ея стороны.

Разглядывая публику, быстро наполнявшую залъ, она подмѣтила на лицахъ какую-то общую черту, съ нѣкоторыми исключеніями, конечно. Это было выраженіе умственной энергіи, или, по

крайней мѣрѣ, возбужденія и полное отсутствіе скуки на лицахъ; многіе казались усталыми, но вялыхъ, апатичныхъ лицъ совсѣмъ не было. Кромѣ того, Онору поразили близкія, товарищескія отношенія, установившіяся между всей этой публикой. Но вообще трудно было опредѣлить, къ какому общественному классу принадлежатъ собравшіеся здѣсь люди: пиджаки съ претензіями на послѣднюю моду встрѣчались рядомъ съ рабочими блузами. Послѣ непродолжительнаго осмотра, Онора пришла къ убѣжденію, что во всякомъ случаѣ все это люди «не изъ общества».

Когда онѣ вошли, эстрада была еще пуста, и не привлекла къ себѣ вниманія Оноры. Но вдругъ размышленія ея были прерваны мужскимъ голосомъ, который объявилъ собраніе открытымъ и предложилъ лектору начать свое чтеніе.

Относительно этого голоса не могло быть никакого сомнѣнія. Онора вздрогнула, какъ будто надъ самымъ ухомъ ея раздался выстрѣлъ, и ея широко раскрытые глаза въ ужасѣ обратились къ эстрадѣ.

Голосъ принадлежалъ Лесли Литтльтону. Она увидѣла его самого, стоящаго прямо передъ нею на эстрадѣ, за столомъ; онъ, очевидно, изображалъ предсѣдателя собранія. Взгляды ихъ встрѣтились, и она замѣтила выраженіе комическаго недоумѣнія, блеснувшаго въ его глазахъ.

Онора, внѣ себя отъ удивленія и негодованія, откинулась на спинку своего стула. И Лесли, и она —оба невольно вспомнили ихъ послѣднее свиданіе въ саду ректората, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оба съ трудомъ сдерживали волненіе, вызванное этой неожиданной встрѣчей.

— Кто это предсѣдательствуетъ? — прерывающимся голосомъ спросила она у Люциллы.

— Лесли Литтльтонъ,—былъ отвѣтъ.

— *Лесли* Литтльтонъ!—повторила Онора.—Вы его знаете?

— Знаю.

— Гдѣ мы находимся? Что это за собраніе? Должно быть какой-нибудь религіозный митингъ?

Люцилла слегка засмѣялась.

— Мы на обыкновенной лекціи для простыхъ, трудящихся людей,—сказала она.

Онора прикусила губу. Сообщеніе это не доставило ей особеннаго удовольствія, хотя, если бы митингъ былъ религіозный, ей было бы еще непріятнѣе.

Лекція началась, но Онора въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ничего не видѣла и не слышала. Она опять стала разсматривать публику, и тѣ самыя люди, которые раньше казались ей славными,

теперь представлялись ей совсѣмъ иными. Обернувшись, затѣмъ, къ эстрадѣ, она увидѣла Лесли на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ; онъ облокотился на столъ и сидѣлъ съ ощущенными глазами, комкая въ рукахъ кусочекъ бумаги.

«Конечно, ему теперь стыдно за самого себя», думала Онора со злобою.

Въ волненіи отъ этой неожиданной встрѣчи, Онора пропустила вступительную часть лекціи («О факторахъ общественнаго развитія»), теперь стала прислушиваться къ ней и смотрѣла на оратора.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, небольшого роста, худощавый, съ характерной красивой головой. Его манеры, голосъ, выговоръ, обличали въ немъ вполнѣ культурнаго человѣка, и Онора это сейчасъ же замѣтила. Она замѣтила въ немъ также знакомыя замашки бывшаго студента.—«Это одинъ изъ людей, вполнѣ увѣренныхъ въ себѣ», подумала она. Но, кромѣ того, въ немъ было еще что-то, совершенно новое для Оноры. Онъ былъ не только прекраснымъ ораторомъ, ясно и красиво излагавшимъ свой предметъ, но всѣ слова его были проникнуты непоколебимой вѣрой. Рѣчь его дышала искренностью и глубокимъ убѣжденіемъ. Для дѣвушки, привыкшей къ сухой дидактической манерѣ и осторожнымъ оговоркамъ кэмбриджскихъ профессоровъ, эта искренность рѣчи была совершенной новостью. То умственное свойство, которое называется убѣжденностью, рѣдко встрѣчается среди оффиціальныхъ жрецовъ науки и представляетъ нѣчто отличное отъ ученой эрудиціи. Онорѣ до сихъ поръ не приходилось слышать ничего подобнаго, и она поневолѣ слушала теперь со вниманіемъ. Кромѣ того, у лектора попадались оригинальныя замѣчанія, полныя юмора, оживлявшія его изложеніе.

Онора слушала и дивилась.

Ее поражало странное сходство взглядовъ, высказываемыхъ этимъ человѣкомъ, со взглядами ея отца. Въ сущности, оба они приходили къ тому же самому выводу, но приходили иными путями. Этотъ фактъ привелъ Онору въ сильнѣйшее возбужденіе. Какимъ образомъ отецъ ея могъ натолкнуться на такія нелѣпыя, безсмысленныя идеи? Яркая краска залила ея щеки, и она съ негодованіемъ посмотрѣла сперва на Лесли, потомъ на Люциллу.

— Это заговоръ,—думала она въ бѣшенствѣ.—Они подстроили все это, чтобы заставить меня придти сюда и слушать всю эту ерунду.

Не смотря на краснорѣчіе и искренность оратора, доводы его нисколько не убѣждали Онору. Она удивлялась, какъ публика можетъ сидѣть смирно и не выражать никакого негодованія по

поводу тѣхъ возмутительныхъ вещей, которыя онъ говорилъ. Ей было досадно, что человѣкъ, высказывающій такіе взгляды, показалъ себя въ то же время не бездарнымъ невѣждою, а талантливымъ и образованнымъ человѣкомъ. Его знанія по исторіи и экономическимъ наукамъ были такъ же основательны, какъ его разсужденія были неумолимы. Въ нихъ не было пустой декламаціи. Къ крайнему своему сожалѣнію, Онора должна была признать это.

— Кто этотъ лекторъ?—шепотомъ спросила она Люциллу.

— Его зовутъ Поль Шериданъ.

— Ну, конечно. Это и есть тотъ самый человѣкъ, карточку котораго она видѣла у Люциллы.—Она посмотрѣла на него съ новымъ интересомъ.

Какъ она раньше не узнала его?

Остальную часть лекціи она прослушала молча и не поднимая глазъ, боясь встрѣтиться взглядомъ съ Лесли.

По окончаніи лекціи начались пренія. Во время преній попадались очень умныя и дѣльныя замѣчанія со стороны немногихъ, но большинство, какъ всегда, не отличалось особеннымъ краснорѣчіемъ. Спорящія стороны очень кипятились и воодушевленіе часто замѣняло доказательность возраженій. Иногда спорящіе увлекались и переходили на личную почву; тогда Литтльтонъ вступалъ въ свои обязанности предсѣдателя, звонилъ въ маленькій колокольчикъ и призывалъ къ порядку.

Онорѣ опять поневолѣ пришлось восхищаться лекторомъ. Онъ удивительно умѣло руководилъ преніями, дѣлалъ быстрыя и остроумныя возраженія, терпѣливо выяснялъ по нѣсколько разъ одно и то же и все время сохранялъ полное самообладаніе. Его выясненія понравились Онорѣ даже больше самой лекціи. Да, такого человѣка трудно было презирать!

Однажды она искоса взглянула на Люциллу. Къ удивленію ея, Люцилла сидѣла съ опущенными глазами и на блѣдномъ лицѣ ея было грустное выраженіе. Онора ожидала увидѣть ее довольной и торжествующей.

Когда пренія кончились, публика начала расходиться, и Онора тоже поднялась со своего мѣста; она разсчитывала, что Лесли теперь подойдетъ къ ней поздороваться. Но онъ не появлялся, только м-ръ Шериданъ подошелъ къ Люциллѣ. Люцилла воспользовалась случаемъ, чтобы представить его Онорѣ. Сойдя съ эстрады, м-ръ Шериданъ совершенно утратилъ свою недавнюю воинственность; теперь онъ былъ очень спокоенъ, скроменъ и сдержанъ. Застѣнчивость, соединенная съ даровитостью и силой характера, имѣетъ свою привлекательность, и Онора нѣсколько смягчилась, увидя его такимъ скромнымъ и даже какъ будто робкимъ.

При ея возбужденномъ состояніи, Онора не могла скрыть неудовольствія, вызваннаго въ ней лекціей Шеридана, и оно ясно отразилось на ея лицѣ. Тотъ понялъ и поспѣшилъ откланяться, съ самой милой улыбкой извиняясь за тѣ слова, которыя ей больше всего были непріятны.

— Невѣжа!—сказала она себѣ, когда онъ ушелъ.

Все еще продолжая стоять, она нетерпѣливо оглядывала толпу. Наконецъ, она увидѣла Литльтона, стоящаго посреди залы, спиной къ ней, и оживленно разговаривающаго съ какой-то толстой дамой. Онора, конечно, рѣшила, что его оживленіе было напускнымъ.

— Пойдемте, — сказала она Люциллѣ. — Здѣсь убійственно жарко.

На улицѣ возбужденіе ея улеглось и смѣнилось упадкомъ силъ. Она слѣдовала за Люциллой по тротуару къ углу, гдѣ останавливались омнибусы, поминутно увозящіе съ собою цѣлыя массы пассажировъ, которыя постоянно смѣнялись новыми. Здѣсь обѣ дѣвушки остановились и молча стояли другъ подлѣ друга, ожидая, вмѣстѣ со всѣми, свободнаго мѣста въ омнибусѣ. Люцилла все еще была блѣдна и молчалива

— Миссъ Денисонъ!

Онора оглянулась и увидѣла сзади нихъ мужчину, приподнимающаго шляпу и протягивающаго руку Люциллѣ. Его смуглое лицо, имѣющее иностранный характеръ, было ясно видно, при мерцающемъ свѣтѣ уличныхъ фонарей. Онъ былъ высокаго роста, со стройной и даже изящной фигурой. Онорѣ онъ показался привлекательнымъ, но она вообще ненавидѣла иностранцевъ, и ей нравились только мужчины съ строго выраженнымъ англійскимъ типомъ.

— А, м-ръ Д'Оверно! Это вы?

Люцилла нѣсколько смущенно и даже, какъ показалось Онорѣ, неохотно протянула ему руку. Въ то же время на лицѣ ея отражалось сдерживаемое волненіе.

— Вы однѣ? Не могу ли я помочь вамъ? Можетъ быть, вы позволите мнѣ проводить васъ?

Онъ говорилъ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ съ почти незамѣтнымъ акцентомъ.

— Благодарю васъ. Я здѣсь съ одной подругой, и нашъ омнибусъ сейчасъ пріѣдетъ.

— Вы были тамъ?

Иностранецъ вырозительнымъ жестомъ указалъ на улицу, откуда онѣ только что вышли.

— Да. Мы слушали Поля Шеридана.

Иностранецъ пожалъ плечами, быстро отступилъ на нѣсколько шаговъ и покачалъ своей красивой головой,—потому что онъ былъ красивъ. Онора теперь вполнѣ убѣдилась въ этомъ—удивительно красивъ, особенно въ данную минуту, съ презрительнымъ выраженіемъ, освѣтившимъ все его лицо.

— Я бы хотѣла, чтобы вы лучше поняли насъ,—я хочу сказать, м-ра Шеридана. Вы и онъ идете къ одной цѣли. Только пути ваши...

— Различны?—М-ръ д'Овернэ улыбнулся; рядъ бѣлыхъ зубовъ блеснулъ подъ его усами.—Я вѣрю *вамъ*, миссъ Денисонъ.

Удареніе на словѣ *вамъ* какъ бы исключало м-ра Шеридана. Къ удивленію Оноры Люцилла снова поблѣднѣла и стала грустнѣе.

— Я бы хотѣлъ убѣдить васъ придти къ намъ, хоть разъ,—продолжалъ онъ.

— Можетъ быть, я и приду когда-нибудь, — тонъ ея былъ торопливъ и нервенъ. — Но я такъ занята теперь. Онора, вотъ нашъ омнибусъ.

Молодой человѣкъ исчезъ, и обѣ дѣвушки съ трудомъ пробрались въ переполненный омнибусъ и заняли тамъ мѣста.

— Этотъ французъ, повидимому, не особенно высокого мнѣнія о м-рѣ Шериданѣ,—сказала Онора.— Но, по правдѣ сказать, Люцилла, сегодняшній лекторъ, кажется, довольно равнодушенъ къ мнѣнію другихъ о немъ.

Люцилла ничего не отвѣчала; Онора отвернулась къ окну и смотрѣла на неясныя фигуры, двигающіяся по улицамъ. Вотъ какое-то одинокое существо прислонилась къ ярко-освѣщеннымъ окнамъ увеселительнаго заведенія и, очевидно, борется съ желаніемъ войти туда; вотъ какая-то перешептывающаяся парочка идетъ по тротуару; вотъ пьяная дѣвушка танцуетъ подъ звуки шарманки, посреди равнодушной толпы, проходящей мимо; вотъ нищая считаетъ мѣдяки, стоя подъ фонаремъ и держа за руку ребенка съ большими вытаращенными глазами. Попадались и болѣе спокойныя, довольныя лица. Вдругъ она схватила Люциллу за руку. Двое мужчинъ проталкивались впередъ среди пѣшеходовъ. Болѣе широкоплечій изъ нихъ былъ Литтльтонъ, болѣе худощавый—Шериданъ. Обѣ дѣвушки смотрѣли имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ глазъ, потомъ Онора отвернулась отъ окна.

— Я хорошенько не знаю, кого мнѣ хочется выдрать за уши—меня самое, Лесли, или этого лектора,—думала она.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

(*Продолженіе* *).

IX.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на исторію русской литературы бросается въ глаза въ высшей степени оригинальный фактъ. Вся исторія съ XVIII-го вѣка до нашего времени рѣзко дѣлится на два періода, будто на двѣ главы совершенно разнаго характера и содержанія. Одну можно бы назвать россійско-европейская словесность, другую—русская литература. Одна—развитіе западныхъ литературныхъ школъ на русской почвѣ, другая—вся сплошь занята *національной* школой, до такой степени своеобразной и независимой, что рядомъ съ ней неизбѣжно исчезаютъ всякія соображенія о внѣшнихъ вліяніяхъ и руководствахъ.

Ровно въ теченіе столѣтія—отъ петровской реформы до двадцатыхъ годовъ слѣдующаго вѣка—наши писатели говорили на русскомъ языкѣ по-французски или по-нѣмецки, все равно, какъ французскіе классики полагали своей гордостью на французскомъ языкѣ писать по-гречески и по латыни. Это означало родное слово вкладывать въ чужія формы и заставлять служить темамъ и мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ народной жизнью и будничной современной дѣйствительностью. Такое оранжерейное искусство перекочевало по всѣмъ странамъ Европы, но нигдѣ оно не имѣло такой любопытной и неожиданной судьбы, какъ у насъ.

Всюду оно встрѣчало необыкновенно сильнымъ отпоромъ появленіе новыхъ художественныхъ направленій, вступало съ ними въ шумный бой, и то исчезало со сцены, то снова разцвѣтало, хотя бы и блѣднымъ цвѣтомъ. Такъ, напримѣръ, было во Франціи. Классицизмъ, разбитый было мѣщанской драмой и сентиментализмомъ, воскресъ при первой имперіи и разсчитывалъ заполонить литературу при реставраціи. Ничего подобнаго нѣтъ въ на-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

шихъ лѣтописяхъ. Не только классицизмъ, но всѣ другія, даже болѣе жизненныя школы, завяли и умерли какъ-то внезапно, будто отъ дуновенія какого-то смертельнаго для нихъ вѣтра. Стоило появиться Грибоѣдову, классицизмъ оказался навсегда похороненнымъ, явился Пушкинъ—всѣ счеты покончены съ романтизмомъ, началъ писать Гоголь—быстро и навсегда установился русскій національный реализмъ, ни по происхожденію, ни по художественнымъ задачамъ не прикосновенный къ европейскому направленію.

Въ результатѣ, основныя эстетическія ученія западныхъ литературъ остались для нашего искусства чисто внѣшними фактами, будто случайно набѣжавшими волнами. Столѣтнее существованіе не закрѣпило за ними никакихъ правъ на историческую прочность и даже не создало въ нихъ силъ для сколько-нибудь замѣтной борьбы. Достаточно одного произведенія, единоличнаго протеста даровитаго поэта, чтобы цѣлая школа мгновенно распалась, перешла въ область преданій или, самое большее, стала предметомъ педантическаго культа архивныхъ аристарховъ.

Чѣмъ объясняется такое совершенно исключительное явленіе во всей европейской литературной исторіи?

Вопросъ непосредственно приводитъ насъ къ общей оцѣнкѣ такъ-называемыхъ западныхъ вліяній на литературное развитіе русскаго общества.

Самый пышный разцвѣтъ этихъ вліяній падаетъ на екатерининскую эпоху. На Западѣ въ это время происходила ожесточенная борьба классицизма съ новыми художественными и общественными идеями. На смѣну салонной аристократической публики шло третье сословіе и требовало болѣе реальнаго и свободнаго искусства. Удары старымъ теоріямъ наносились со всѣхъ сторонъ,—въ философіи, въ политикѣ, въ эстетикѣ, и на столько успѣшно, что къ сторонникамъ новшествъ постепенно приставали убѣжденнѣйшіе классики, въ родѣ Вольтера, и, скрѣпя сердце, принимались писать чувствительныя драмы и мѣщанскія трагедіи.

Борьба не могла ограничиться Франціей, быстро перешла границы и вызвала талантливѣйшаго критика даже въ самой скромной и спокойной литературѣ—въ нѣмецкой. Лессингъ превратился въ усерднаго ученика Дидро и сталъ во главѣ блестящаго періода германскаго творчества. Именно въ этотъ моментъ и наши авторы съ особеннымъ усердіемъ стали учиться у Вольтера и энциклопедистовъ. Въ первомъ ряду учениковъ числилась сама императрица.

Но посмотрите, въ чемъ заключалось это ученье и какіе плоды выросли на русской почвѣ отъ западныхъ сѣмянъ?

Въ то время, когда во Франціи искусство Расина подвергается

сплошному осмѣянію, даже Вольтеръ поднимаетъ руку на классическія трагедіи и издѣвается надъ шаблонностью и пустотой ихъ содержанія, у насъ именно классицизмъ въ самой уродливой формѣ находитъ преданнѣйшихъ послѣдователей. Какимъ-то чудомъ русскіе писатели минуютъ дѣйствительно современныя теченія западной литературы, и сосредоточиваютъ всѣ свои сочувствія на отжившихъ формахъ и развѣнчанныхъ идеяхъ. Ни Дидро, ни Мерсье, ни Бомарше, ни Лессингъ не удостоиваются чести попасть въ число нашихъ учителей; мѣсто это занимаютъ Буало и другіе, еще болѣе ископаемые охранители классическаго Парнасса. Даже Гриммъ, оффиціальный корреспондентъ Екатерины, авторитетнѣйшій собиратель литературныхъ новостей и признанный судья, не производитъ на русскихъ читателей никакого впечатлѣнія ядовитѣйшими замѣчаніями о «нелѣпой любви» расиновскихъ трагедій. Освободительное движеніе проходитъ мимо нашихъ соотечественниковъ и они ухитряются наложить на себя оковы ниспровергнутаго педантизма какъ разъ въ самую живую и свободную эпоху западнаго искусства.

И вспомните, какими курьезами, по истинѣ достопамятными противорѣчіями и странностями сопровождается первое сколько-нибудь значительное *вліяніе* европейской литературы на русскую!

Во главѣ отечественнаго классицизма стоитъ Сумароковъ.

Самъ по себѣ это отнюдь не жалкій, забитый стихокропатель, въ родѣ Тредьяковскаго. Напротивъ, у него есть и характеръ, и чувство личнаго достоинства, и «любленіе къ стихотворству», для своего времени довольно безкорыстное, даже похожее на сознаніе писательскаго значенія. Сумароковъ не способенъ, подобно автору *Телемахиды*, взять *безчестье* за кровную обиду и состоять на роли шута у знатнаго мецената. Онъ даже не прочь вступить въ пререканія съ московскимъ градоначальникомъ за независимость своей музы, открыто заявить, что не домогается его милостей и на поприщѣ поэзіи ставитъ себя выше вольможи...

Для екатерининской эпохи это своего рода гражданскій подвигъ. тѣмъ болѣе, что раздражительный драматургъ у самой государыни вызвалъ заявленіе видѣть лучше представленіе страстей въ его драмахъ, чѣмъ въ его письмахъ... Такой черты нѣтъ въ біографіи ни Расина, ни Корнеля.

Но именно жесточайшая буря поднята была Сумароковымъ какъ разъ во славу Расина — противъ новѣйшей литературной школы, въ лицѣ Бомарше. Сумароковъ не вынесъ представленія мѣщанской драмы *Евгенія*, и вздумалъ искать защиты у самого престола. Противниками россійскаго Вольтера оказывалась не только

московская администрація, но вся *публика* старой столицы. Это—фактъ достопамятный. Впослѣдствіи мы оцѣнимъ его историческій смыслъ.

Сумароковъ незадолго до своего московскаго пораженія обратился съ посланіемъ къ «фернейскому патріарху», по его мнѣнію, надежнѣйшему столпу классицизма. Вольтеръ находился въ усерднѣйшей перепискѣ съ Екатериной, обмѣнивался съ ней самыми отважными комплиментами, часто ничѣмъ не уступавшими образцовому придворному тону, и письмомъ Сумарокова воспользовался для лишнихъ царедворческихъ изліяній по адресу своей высокой поклонницы.

Естественно, въ Фернэ нашлось полное сочувствіе восторгамъ Сумарокова предъ Расиномъ, раздалось энергичнѣйшее негодованіе на новую драму, на *мѣщанскія имена* ея героевъ. Драматурги объявлялись бездарными аферистами, оставившими писать трагедіи по неспособности, и ихъ произведеніямъ давалось остроумное прозвище «незаконнорожденныхъ пьесъ»—*ces pièces bâtardes*...

Легко представить восторгъ Сумарокова. Самъ всеобщій учитель царей и вельможъ считалъ честью соглашаться «во всемъ» съ русскимъ писателемъ!.. Естественно послѣ такого по истинѣ королевскаго посвященія, Сумароковъ уже безповоротно вообразилъ себя Юпитеромъ россійскаго литературнаго Олимпа и совершенно потерялъ мѣру въ самохвальствѣ и авторской гордости.

А между тѣмъ, и письмо Вольтера, и чувства его ученика выходили сплошнымъ обморачиваніемъ и недоразумѣніемъ. Весь эпизодъ изумительно краснорѣчивъ и поучителенъ вообще для точнаго представленія о томъ, какъ и чему наши литераторы учились у Европы.

Сумароковъ безукоризненно зналъ французскій языкъ,—Вольтеръ и въ этомъ отношеніи не преминулъ ему сказать очень эффектную любезность,—но никакія силы, очевидно, не могли внушить соревнователю Расина *понимать* какъ слѣдуетъ французскія книги, отнюдь не головоломныя, а тѣ же вольтеровскія пьесы.

Правда, опредѣлить точно эстетическую теорію Вольтера не особенно легко: здѣсь постоянно прирожденный классикъ борется съ современникомъ Дидро и Бомарше, т. е. писателей, стяжавшихъ славу не трагедіей, а драмой. Но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію лицемѣріе Вольтера, когда онъ Расина именуетъ превосходнѣйшимъ писателемъ и возмущается мѣщанствомъ новыхъ пьесъ.

Письмо къ Сумарокову написано въ февралѣ 1769 года, но еще въ пятидесятыхъ годахъ Вольтеръ настоятельно доказывалъ не-

обходимость сліянія трагическаго съ комическимъ, сцены «трогательныя до слезъ» признавались особенно цѣнными и умѣстными, такъ какъ и сама жизнь переполнена контрастами. Вольтеръ не желалъ только сплошной слезливости и требовалъ смѣха рядомъ съ чувствами. Это и значило защищать новый жанръ, тѣмъ болѣе, что тотъ же Вольтеръ одобрялъ драму Дидро.

Мало этого. Въ томъ же году, когда Сумароковъ получилъ письмо изъ Фернэ, авторъ письма въ предисловіи къ трагедіи *Гебры* высказывалъ слѣдующія истины, повидимому, не оставлявшія камня на камнѣ въ классическомъ святилищѣ:

«Чтобы легче внушить людямъ доблести, необходимыя для всякаго общества, авторъ выбралъ героевъ изъ низшаго класса. Онъ не побоялся вывести на сцену садовника, молодую дѣвушку, помогающую своему отцу въ сельскихъ работахъ, офицеровъ, изъ которыхъ одинъ командуетъ небольшой пограничной крѣпостью, другой служитъ подъ его командой; наконецъ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ простой солдатъ. Такіе герои, стоящіе ближе другихъ къ природѣ, говорящіе простымъ языкомъ, произведутъ болѣе сильное впечатлѣніе и скорѣе достигнутъ цѣли, чѣмъ влюбленные принцы и мучимыя страстью принцессы. Достаточно театры гремѣли трагическими приключеніями, возможными только среди монарховъ и совершенно безполезными для остальныхъ людей».

Вотъ до какихъ выводовъ договаривался восторженный почитатель Расина и его искусства «изображать любовь трагически», какъ выражалось фернейское посланіе!

И Вольтеръ практически слѣдовалъ своимъ новымъ убѣжденіямъ уже потому, что только они и могли спасти его славу драматурга у публики восемнадцатаго вѣка.

Ничего этого не знаетъ русскій классикъ и до конца своей дѣятельности изнываетъ мучительнымъ желаніемъ «явить Россіи театръ Расиновъ».

И просвѣщенные современники отдаютъ должное этой мукѣ. Для нихъ авторъ *Хорева*, *Семиры* и прочихъ умилительныхъ и столь же утомительныхъ школьныхъ упражненій на реторическія темы—«наперсникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ!..» И самъ этотъ наперсникъ не знаетъ, какимъ аршиномъ и измѣрить свои заслуги предъ отечествомъ, и выраженіе Ломоносова о немъ «бѣдное свое риѳмачество выше всего человѣческаго знанія ставитъ», нисколько не преувеличиваетъ дѣйствительности.

И все это происходило у насъ именно въ то самое время, когда Вольтеръ велъ такую поучительную бесѣду съ Мармонтелемъ.

Начинающій писатель явился къ патріарху за совѣтомъ на

счетъ своихъ первыхъ литературныхъ шаговъ. Вольтеръ указалъ ему на театръ, какъ на самый вѣрный путь къ славѣ. Мармонтель откровенно объяснилъ свое полное незнаніе жизни, незнакомство съ обществомъ, неумѣнье создавать характеры.

— Ну, такъ сочиняйте трагедію,—былъ отвѣтъ.

Юноша послѣдовалъ совѣту, и оказался не хуже другихъ.

Однимъ словомъ, жанръ Расина отживалъ свои дни и утрачивалъ послѣдній кредитъ, и будто отъ смертной агоніи на родинѣ искалъ спасенія въ странѣ скиѳовъ. Никакіе современные уроки не могли увлечь первенствующаго писателя дѣйствительно новыми художественными задачами. Онъ фатально, будто потерявъ глаза и смыслъ, устремлялся въ дебри стараго педантизма и угощалъ своихъ современниковъ давно испортившимися продуктами классической кухни. Даже пребываніе въ Петербургѣ главы новой драмы, Дидро, не образумило «наперсниковъ Буаловыхъ», и они, въ глухотѣ и слѣпотѣ къ литературному прогрессу, остаются до конца достойными соревнователями своихъ соотечественниковъ-крѣпостниковъ, пожалуй, еще лучше Сумарокова владѣвшихъ французскимъ діалектомъ, но не французскими идеями.

Именно идеями. Не было бы особенной бѣды, если бы Сумароковъ проглядѣлъ *форму* литературы, и вообще если бы наши писатели совсѣмъ миновали слезливую и мѣщанскую драму, какъ жанръ.

Но вопросъ получалъ совершенно другое значеніе въ связи съ *содержаніемъ* новой формы.

X.

Вольтеръ, мы видѣли, въ трагедіи счелъ необходимымъ дать мѣсто простому солдату, въ другихъ пьесахъ онъ выводитъ крестьянъ и крестьянокъ: это логическое слѣдствіе измѣны Расину. Драма—демократическое явленіе, точнѣе буржуазное, но изъ нея не исключался и народъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Она въ литературѣ то же самое, чѣмъ впослѣдствіи явились принципы 1789 года въ политикѣ. И заимствовать форму драмы, значило сбросить съ себя обязанность писать о привилегированныхъ и только ради нихъ приблизиться къ національной дѣйствительной жизни и, насколько доступно литературному таланту и слову, открыть пути общественному развитію, идеямъ личной и народной свободы.

Можно подумать, мы слишкомъ многаго требуемъ отъ русскаго ученика французскихъ писателей XVIII вѣка. Нисколько. Предъ ними прошли годы, когда опаснѣйшая изъ названныхъ нами идей,

народная свобода, могла получить доступъ въ ихъ произведенія. Положимъ, эти годы промелькнули будто предразсвѣтный сонъ и притомъ не обѣщая утра даже въ отдаленномъ будущемъ, все-таки съ подлинными питомцами европейскихъ вліяній немыслимы были бы такія, напримѣръ, сцены.

Авторъ *Наказа* въ либерализмѣ устремляется даже дальше тѣхъ писателей, чьи книги переписываетъ, вопреки Монтескьё безусловно возмущается пытками и религіозными преслѣдованіями и достигаетъ поразительнаго эффекта: сочиненіе государыни и правительницы громадной, на европейскій взглядъ, совершенно варварской страны осуждается на сожженіе во Франціи... И что же? Дровъ въ этотъ костеръ могли бы подложить самые усердные поклонники Вольтера, и одинъ изъ первыхъ—его корреспондентъ.

Сумароковъ рѣшительно возсталъ въ защиту крѣпостного права, и не по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ; это было бы еще извинительно для екатерининскаго подданнаго. Нѣтъ. Въ отзывѣ Сумарокова на мечтательныя идеи императрицы читаемъ: «Нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ».

И дальше слѣдовало доказательство еще болѣе «національное». Освободить крестьянъ невозможно, иначе пришлось бы угождать слугамъ. Да и не нужна никакая свобода: среди помѣщиковъ и крестьянъ царствуетъ любовь и миръ.

Когда это говорилось, у Екатерины еще не успѣлъ остыть, извнѣ по крайней мѣрѣ, философскій азартъ, и она на рѣчи Сумарокова отвѣтила убійственной критикой:

«Изображеніе въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело».

Очень зло и мѣтко, но не на всегда. Скоро придетъ время, и сама Екатерина будетъ разсуждать о крѣпостныхъ порядкахъ буквально по «изображенію» своего поэта. Все-таки ея замѣчаніе не теряетъ своего значенія вообще для характеристики сумароковскаго и вообще русскаго европеизма.

Сумароковъ и его соотечественники умѣли даже у свободнѣйшихъ мыслителей прошлаго вѣка извлекать непремѣнно тѣневую сторону, предразсудки—личные или національные и пропускать самую сущность авторскаго міросозерцанія. Напримѣръ, Сумароковъ очень точно вычиталъ у Вольтера—*Шекспира непросвѣщеннаго*, но совершенно проглядѣлъ прогрессивныя идеи своего учителя во всѣхъ направленіяхъ, даже въ художественной литературѣ, съ непоколебимой гордостью водворялъ на русской сценѣ расиновъ геній, конечно, до послѣдней степени поблекшій и из-

мельчавшій, съ легкимъ сердцемъ изрекалъ смертный нравственный приговоръ цѣлому народу даже при полномъ оффиціальномъ поощреніи совершенно другихъ воззрѣній!

Писатель, слѣдовательно, мнящій себя россійскимъ Вольтеромъ въ литературѣ, въ дѣйствительности дѣвственный россійскій крѣпостникъ и на истинно-европейскій взглядъ XVIII-го вѣка всесовершеннѣйшій скиѳъ и варваръ. Послѣдствія этого недоразумѣнія не ограничатся общими идеями. Писатель, защищающій рабство и отрицающій у громаднаго большинства своихъ соотечественниковъ человѣческій образъ, самъ лично получитъ возмездіе сторицей за свою же проповѣдь.

Онъ осуждаетъ себя на такое же рабство предъ всякой внѣшней силой. Онъ лишаетъ себя единственнаго условія, при какомъ осуществимо достоинство писателя, вообще умственнаго работника, не стремится создать для себя *публику* внѣ сословій и привилегій. Онъ остается лицомъ къ лицу съ знатнымъ меценатствомъ и приговариваетъ себя къ участи паразита, вмѣсто высокаго назначенія народнаго просвѣтителя.

Именно къ этой цѣли стремилась французская литература, современная Сумарокову, именно Вольтеръ напрягалъ всѣ усилія, пускался даже въ торговыя и финансовыя предпріятія, лишь бы обезпечить свою независимость какъ писателя и аристократическое меценатство съ неизбѣжнымъ писательскимъ паразитствомъ замѣнить популярностью и широко-общественнымъ вліяніемъ ума и таланта.

Вольтеръ достигъ своего идеала. Въ Россіи, конечно, успѣхъ представлялъ несоизмѣримыя трудности, но для насъ важно не практическое осуществленіе идеи, а сама идея. Ея-то и не разглядѣла наша «классическая» литература, и, соревнуя Расину на сценѣ, наши драматурги считали для себя вполнѣ удовлетворительнымъ и общественную роль поэтовъ Людовика XIV. Даже больше. Все равно, какъ въ поэзіи Сумароковъ, при всѣхъ стараніяхъ, не могъ достигнуть стихотворческаго искусства своего образца, такъ и въ дѣйствительности роль русскаго классика оказывалась тѣмъ ниже, чѣмъ русское крѣпостническое барство первобытнѣе и притязательнѣе аристократизма французскихъ маркизовъ.

Таковъ смыслъ и культурные плоды ранняго воздѣйствія Европы на русское общество. Выводы совершенно ясны. Прежде всего это воздѣйствіе, *исторически* и *нравственно—реакція*, сравнительно съ самой наглядной европейской современностью. Въ результатѣ, оно вмѣсто того, чтобы полагать первую существеннѣйшую основу всякаго прогресса—сближать классы и сословія, по крайней мѣрѣ, въ

области идеала,—создастъ новую пропасть между европейски-просвѣщеннымъ господиномъ и безнадежно-дикимъ рабомъ. Въ области литературы европейская школа на русской почвѣ безусловно отрицательное явленіе. Классицизмъ, и теоріей, и практикой, явился первымъ средостѣніемъ между искусствомъ и національной жизнью, между писателями и народомъ. Дѣятельность русскихъ классиковъ только въ одномъ отношеніи положительна и для развитія литературы значительна: выработкой языка. Дальше мы подробнѣе объяснимъ этотъ вопросъ. Теперь для насъ достаточно общихъ заключеній, устанавливающихъ границы русскаго ранняго европеизма.

Онѣ по истинѣ самобытны. Изъ указаннаго нами правила можно отыскать и исключенія. Несомнѣнно, Радищевъ и Новиковъ лучше понимали Европу XVIII-го вѣка, чѣмъ Сумароковъ и Фонвизинъ. Но мы пока говоримъ собственно о литературныхъ, художественныхъ вліяніяхъ, а не политическихъ и философскихъ. Предъ нами—эстетическія школы, а не идейные символы и общественныя системы. И вотъ, вмѣшательство-то этихъ школъ въ исторію русской литературы—отрицательный моментъ въ развитіи національнаго творчества. Сама по себѣ западная литературная школа не вноситъ ни въ сознаніе общества, ни въ дѣятельность писателя ничего прогрессивнаго и просвѣтительнаго. Напротивъ. Она играетъ ту же роль, что́ и всякое нашествіе, иноземное завоеваніе: запруживаетъ источники оригинальнаго роста національныхъ силъ.

Если даже на родинѣ французскій классицизмъ занялъ положеніе, враждебное и презрительное къ народу, иной судьбы онъ не могъ имѣть и въ другой средѣ. Онъ, кромѣ того, доказалъ, что усвоеніе литературной формы отнюдь не является неизбѣжнымъ условіемъ совершенствованія содержанія и цѣлей искусства. Чисто-эстетическій прогрессъ не сообщаетъ литературѣ ни болѣе благороднаго нравственнаго смысла, ни болѣе жизненной общественной силы. Ради этихъ результатовъ требуется другая почва—сближеніе литературы не съ какой бы то ни было теоріей, а съ дѣйствительностью, не съ иноземной школой, а съ родной жизнью.

Только съ этого момента начинается литература, какъ историческая и культурная сила. Только отъ этой черты можно считать періоды ея дѣйствительнаго развитія. Вся предшествующая эпоха то же самое, что́ обученіе простому искусству говорить и понимать чужой говоръ. Усвоиваются отдѣльныя слова, грамматическія правила, извѣстная красота рѣчи, но отсюда еще очень далеко до всесторонняго мышленія на извѣстномъ языкѣ. Для русскихъ писателей этотъ путь оказался не особенно длиннымъ. Но послѣ классицизма предстояло господство еще другихъ школъ,

болѣе совершенныхъ въ художественномъ и идейномъ смыслѣ. Именно это совершенство и подтвердитъ нашъ взглядъ на русскій литературный европеизмъ.

XI.

Чувствительное и мѣщанское направленіе съ теченіемъ времени, конечно, должно было смѣнить классицизмъ и на русскомъ Парнасѣ. Это произошло уже въ то время, когда революція подводила практическіе итоги просвѣтительной литературѣ. Мѣщане со сцены перешли въ представительное собраніе и съ изумительной быстротой на первыхъ порахъ осуществили самыя смѣлыя мечтанія поэтовъ третьяго сословія.

Привилегіи исчезли, родовитое дворянство само отказалось отъ вѣковыхъ сословныхъ преимуществъ, и національное собраніе повторило съ точностью и эффектомъ рѣчи и подчасъ даже сценическую игру героевъ изъ мѣщанской драмы.

Въ самый разгаръ этихъ событій французскую столицу посѣтилъ глава русскаго сентиментализма и талантливѣйшій пѣвецъ поселянъ и простыхъ горожанокъ.

Это былъ двадцатитрехлѣтній юноша, превосходно образованный, владѣвшій главнѣйшими европейскими языками, начитанный въ ихъ литературахъ и, вдобавокъ, впечатлительный, умный и очень даровитый.

Онъ отправился заграницу и для услады чувствительнаго сердца, и для утѣхи любознательному уму. Онъ, повидимому, совершенно культуренъ и никоимъ образомъ не обозвалъ бы знаменитѣйшихъ французскихъ энциклопедистовъ бульварными шарлатанами, презрѣнными стяжателями и эгоистами, ни разу, вѣроятно, не почувствовалъ желанія перестрѣлять «почтальоновъ-скотовъ», и не пришелъ бы въ смертный ужасъ, увидѣвъ въ театрѣ солдата рядомъ съ начальствомъ.

Нѣтъ. Все это, перечувствованное и пересказанное авторомъ *Недоросля*, недоступно будущему историку *Бѣдной Лизы*. Онъ коротко и ясно заявитъ своимъ соотечественникамъ: «Пусть Виргиліи прославляютъ Августовъ, пусть краснорѣчивые льстецы хвалятъ великодушіе знатныхъ, я хочу хвалить Флора Салина, простого поселянина!..» И дѣйствительно восхвалитъ.

Пока онъ умиляется предъ «счастливыми швейцарами», погружается въ сладкую меланхолію у памятника Руссо, и убѣжденъ въ очень красивой и трогательной истинѣ: «Цвѣты грацій украшаютъ всякое состояніе». Это очевидно изъ блаженнѣйшаго со-

стоянія «просвѣщеннаго земледѣльца», когда онъ сидитъ «на мягкой зелени съ нѣжной своей подругою» и не хочетъ завидовать счастью даже «роскошнѣйшаго сатрапа».

Сцена, дѣйствительно, очень поэтическая, тѣмъ болѣе, что просвѣщенный поселянинъ предполагается отдыхающимъ послѣ «трудовъ и работы», слѣдовательно, настоящій образованный крестьянинъ, чуть не за сохой читающій *Письма русскаго путешественника.*

И вотъ такой-то восторженный поэтъ очутился лицомъ къ лицу съ самыми громкими трибунами «поселянъ», т.-е. французскаго народа. Одно изъ *писемъ* помѣчено: *Парижъ, 18 мая 1789 года*, т. е. написано въ первые дни послѣ открытія генеральныхъ штатовъ. Путешественникъ надолго остался въ Парижѣ и имѣлъ полную возможность воспринять и оцѣнить какія угодно впечатлѣнія и въ какомъ угодно количествѣ.

Что же получилось въ результатѣ?

Мечтатель, способный приходить въ восторгъ отъ швейцарской свободы, впадать въ глубокомысліе по поводу женевскаго философа, въ Парижѣ оказывается Іереміей революціи. Всѣ его сочувствія—*по ту сторону*, т. е. къ старой французской монархіи. При ней «все блаженствовало»,—таково убѣжденіе чувствительнаго русскаго странника. Онъ ухитряется отыскать какого-то аббата изъ очень распространенной породы салонныхъ паразитовъ и разгуливаетъ съ нимъ по парижскимъ улицамъ, оплакивая минувшее «благоденствіе».

Опять очень любопытное явленіе. Именно эти аббаты, не имѣвшіе ничего общаго ни съ церковью, ни съ духовными обязанностями, патентованные сплетники аристократическихъ гостиныхъ и при счастливыхъ обстоятельствахъ—«друзья дома», еще при Людовикѣ XV вызывали глубочайшее отвращеніе у современниковъ. Напримѣръ, одинъ изъ министровъ, маркизъ Даржансонъ, отнюдь не атеистъ и не радикалъ, въ своихъ запискахъ писалъ даже особую главу подъ такимъ названіемъ: «О скандалѣ. Уничтожить (éteindre) смѣшную породу свѣтскихъ людей, именуемыхъ аббатами...»

И просвѣщенный россіянинъ, полъ-вѣка спустя, не находитъ въ Парижѣ ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ бесѣда съ подобнымъ обломкомъ навсегда похороненнаго прошлаго. Онъ съ упоеніемъ слушаетъ росказни аббата о салонахъ, насмѣшки надъ энциклопедистами, а рѣчи Мирабо считаетъ пустой болтовней и не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ грубой сварливой запальчивости.

Зачѣмъ французы перестали думать «о памятникахъ любви и нѣжности!»—вотъ самое настоящее сердечное горе русскаго наблюдателя. Зачѣмъ исчезли «цвѣты» изящныхъ обществъ и пало «священное дерево» подъ ударами «дерзкихъ»—такова политика нашего философа. А житейская мудрость еще проще. «Я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій», признается авторъ, и дальше единственное въ своемъ родѣ изліяніе чувствъ:

«Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностью! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной, смотрѣлъ на твои волненія съ чистою душою, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море...»

И вы напрасно стали бы искать болѣе или менѣе цѣнныхъ и просто фактическихъ свѣдѣній о необыкновенной эпохѣ и исключительныхъ людяхъ. Ничего меланхолическій, скромно-эпикурействующій пастырь не видалъ и не понялъ. Надъ его головой могли гремѣть какіе угодно громы, подъ ногами колебаться земля,—онъ ни на одну минуту не прервалъ бы своихъ воздыханій о любви, о нѣжности, о граціяхъ, о цвѣтахъ. Имѣло-ли послѣ этого смыслъ учиться иностраннымъ языкамъ, читать французскихъ писателей и нѣмецкихъ философовъ, если въ Парижѣ 89 года можно было не знать ничего, кромѣ удовольствій, а въ Германіи Лессинга и Канта считать «истиннымъ философомъ того, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ?»

Рѣшительно не вышло бы никакого изъяна ни для удовольствій, ни для уживчивости, если бы ни Руссо, ни Гёте не были извѣстны даже по именамъ будущему россійскому исторіографу. Онъ научился единственному искусству у заграничныхъ учителей, и то какъ и для чего научился! Онъ умѣетъ безъ конца растекаться въ чувствительномъ лиризмѣ, поминутно обращаться къ сердцу, природѣ, человѣческому счастью и прочимъ, не менѣе опредѣленнымъ и трогательнымъ предметамъ, впослѣдствіи онъ воспоетъ Лизу, непремѣнно *бѣдную* во всѣхъ смыслахъ слова. Все это несомнѣнные отголоски чувствительности и народности новой французской литературы.

Но опять, будто по волшебству, исчезъ ея живой духъ, и Флоръ Силинъ ни единой чертой не напоминаетъ буржуазныхъ и демократическихъ героевъ западной драмы. Онъ, скорѣе, пейзанъ г-жи Помпадуръ, на красныхъ каблучкахъ, въ разноцвѣтныхъ лентахъ и съ вѣчной любовной пѣсенкой на устахъ...

Опять про русскаго писателя можно съ полнымъ правомъ повторить рѣчь Екатерины: «изображеніе въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело».

Именно въ мысляхъ. Потому что, кто же, съ нѣкоторой связью въ мысляхъ, изъ всей революціонной бури могъ извлечь опереточнаго аббата и при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ французской исторіей, додуматься до идеи о всеобщемъ благоденствіи подъ властью Бурбоновъ! Кто, наконецъ, могъ проглядѣть великій культурный смыслъ философской и литературной борьбы въ Германіи, и какую угодно истину предпочесть молчалинской добродѣтели!..

Очевидно, требовалась незаурядная власть воображенія надъ самымъ, повидимому, убѣдительнымъ краснорѣчіемъ жизни и логики.

И что послѣ этого означали потоки слезъ, пролитыхъ русскимъ авторомъ и его читательницами надъ прудомъ Симонова монастыря! Какой смыслъ могла имѣть смѣхотворная идиллія о просвѣщенномъ поселянинѣ и доброй поселянкѣ!.. Ничего, кромѣ все той же лжи, какую вносилъ въ литературу и классицизмъ, того же рокового пренебреженія къ правдѣ и дѣйствительности. Все равно, какъ высокопросвѣщенный классическій піита именно въ своемъ «просвѣщеніи» и своей школѣ черпалъ лишнія основанія отрицать у «нашего народа» благородныя чувствія, точно также пѣвецъ сельскихъ нѣжностей считалъ свой гражданскій долгъ вполнѣ уплаченнымъ послѣ сентиментальныхъ воркованій о невиданныхъ міромъ земледѣльцахъ и ихъ подругахъ. Непосредственно отъ бумаги, залитой реторическими слезами, можно было вполнѣ свободно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства перейти къ крѣпостнической практикѣ, т. е. просто къ торговлѣ и мѣнѣ непросвѣщенными поселянами и не столь нѣжными поселянками. Такой именно путь и совершалъ нашъ путешественникъ.

Это даже не противорѣчитъ вообще психологическимъ законамъ. Литературныя упражненія, эстетическія волненія и книжное краснорѣчіе отнюдь не влекутъ къ реальнымъ послѣдствіямъ въ жизни, если только не та же жизнь подсказала мотивы и идеи краснорѣчія. Напротивъ, работа надъ бумагой дѣлаетъ человѣка постепенно почти совершенно равнодушнымъ къ человѣческой кожѣ, и онъ перестаетъ различать свои впечатлѣнія отъ своихъ поступковъ, игру своей фантазіи отъ дѣйствительности. Всѣ предметы преобразовываются и даже мѣняютъ свои подлинныя имена. Мужикъ замѣняется мужичкомъ, деревня — сельскимъ раемъ, помѣщикъ—добрымъ бариномъ, бѣдствія однихъ и роскошь другихъ переводятся очень изящнымъ стилемъ — скромный хлѣбъ труженика и избытокъ богачей.

Все какъ слѣдуетъ, и чувствительный поэтъ, только что воспѣвшій Флора Силина, азартно будетъ защищать народное раб-

ство, потому что, вѣдь, то поселянинъ, а эти—просто мужики. Сказка никогда не сойдется съ былью, но именно поэтому и доставитъ не мало утѣхъ просвѣщеннымъ любителямъ цвѣтовъ и грацій.

Но исторія сентиментализма въ Россіи представила и еще другія, не менѣе любопытныя явленія.

Съ классицизма нечего было спрашивать *дѣятельной* мысли: онъ по самой сущности — литература застоя и «благоденствія». Не то чувствительная школа. На Западѣ она по происхожденію и по смыслу—*протестъ*. У самыхъ скромныхъ французскихъ чувствительныхъ драматурговъ, въ родѣ Лашоссэ—одного изъ родоначальниковъ новой драмы—уже обнаруживается ея основная задача.

Сначала вопросъ идетъ о правахъ чувства. Они выше сословныхъ предразсудковъ и случайностей фортуны. Они сами по себѣ источникъ счастья и основа человѣческаго достоинства. Даже если примѣнить эту истину только къ любви и браку, старая семья—вся разсчетъ и предразсудокъ — неминуемо рушится и, слѣдовательно, пробивается первая брешь въ вѣковое зданіе привилегій и родовыхъ преимуществъ.

Но, вполнѣ послѣдовательно, права чувства можно распространить и дальше, на какую угодно область общественныхъ явленій. Гдѣ несправедливость, гдѣ существуютъ униженные и оскорбленные, тамъ и поприще для чувства и для чувствительной литературы. И французскіе драматурги, а за ними Лессингъ и Шиллеръ, быстро перенесли на сцену рѣшительно всѣ современные вопросы политики, церкви, сословныхъ отношеній. У нѣмцевъ не всѣ эти мотивы развились съ одинаковой полнотой, но у французовъ XVIII-го вѣка сцена превратилась въ настоящую парламентскую трибуну, и партеръ въ теченіе десятилѣтій игралъ роль самаго отзывчиваго и добросовѣстнаго митинга *).

Для насъ собственно важенъ общій выводъ: чувство въ европейской литературѣ явилось необыкновенно живой нравственной и общественной силой и именно этимъ своимъ достоинствомъ стяжало новой литературѣ громадную популярность.

При старой французской монархіи всюду было сколько угодно жертвъ, и католическая церковь соперничала съ государствомъ и дворянствомъ въ умноженіи ихъ числа и отягощеніи ихъ участи. Естественно, художественная литература, независимо отъ какихъ бы то ни было философскихъ воздѣйствій, неминуемо распространила свою власть на всю исторію и на все настоящее Франціи,

---

*) См. нашу книгу: *Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка.*

просто потому, что была воодушевлена гуманностью, состраданіемъ и справедливостью. Она хотѣла быть только нравственной, и немедленно стала политической, и именно драмѣ и сценѣ философы обязаны распространеніемъ своихъ идей среди низшихъ классовъ публики.

Въ какой же роли является чувство у насъ?

Въ совершенно неузнаваемой. Оно будто измѣнило свою природу, утратило нервы и кровь и лишилось всякой человѣческой чуткости. Съ нимъ совершилось то же самое превращеніе, какое испыталъ библейскій богатырь, побывавъ въ рукахъ языческой блудницы: онъ утратилъ силу и достоинство и сталъ презрѣнной игрушкой въ нечистыхъ рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не игра мирно-пастырское созерцаніе величайшаго историческаго переворота и развѣ не чудовищная метаморфоза европейскихъ идей въ слѣдующемъ ученіи русскаго философа?

Всякое общество священно уже потому, что существуетъ. «Самое несовершеннѣйшее» должно вызывать у насъ изумленіе своей «чудесной гармоніей». «Вѣкъ златой» возможенъ всюду, при всевозможныхъ условіяхъ, такъ какъ для счастья необходима только добродѣтель. Высшая мудрость—полнѣйшая тишина и покорность судьбѣ. Пусть все идетъ на свѣтѣ по закону инерціи: человѣкъ обязанъ не покидать своего поста—мирнаго пастыря, смотрящаго съ горы на бурное море, или еще лучше, находчиваго сибарита, умѣющаго вырывать цвѣты удовольствія изъ самой пасти Сциллы и Харибды.

И вы не думайте, будто это говоритъ юношеская неопытность, молодое, неосмысленное, хотя, можетъ быть, и доброе сердце. Нѣтъ. Всѣ эти идеи и картины лягутъ въ основу окончательной исторической философіи Карамзина и будутъ вдохновлять его на всѣхъ поприщахъ ученаго, поэта, публициста.

Движеніе XVIII вѣка, повидимому, столь ему близкое и извѣстное лично, получитъ краткую и энергическую оцѣнку: всѣ эти философы и политики «скучали и жаловались отъ скуки». Не болѣе. Чего же хлопотать намъ о разныхъ «либералистахъ» и идеологахъ: у насъ все тихо и мирно, больше ничего не требуется и мы должны «благодарить небо за цѣлость крова нашего».

И чувствительный рыцарь «Бѣдной Лизы» и Флора Силина не остановится ни предъ какими средствами отстоять свои «святыни», т. е. крѣпостничество и бюрократію во всей ихъ патріархальной неприкосновенности. Онъ двинетъ всѣ рессурсы своего краснорѣчія и отнюдь не сентиментальныхъ передержекъ противъ Спе-

ранскаго, относительно Александра I повторитъ исторію Сумарокова съ Екатериной, т. е. заявитъ себя непримиримымъ врагомъ реформаторскихъ мечтаній молодого государя и благородныхъ совѣтовъ его ближайшихъ друзей. Бывшій поклонникъ «счастливыхъ швейцаровъ» начнетъ теперь издѣваться надъ республиками и конституціями, хотя бы это были даже Англія и Америка, Бонапарта возвеличитъ въ ущербъ Вашингтону и свои чувствительные навыки пуститъ въ ходъ уже не затѣмъ, чтобы воспѣть «просвѣщеннаго земледѣльца», а изобразить россійскаго дворянина во образѣ отца и патріарха.

Таковъ русскій представитель той самой литературной школы, какая во Франціи олицетворялась Дидро и Мерсье, въ Германіи зажгла гражданскимъ огнемъ юношеское сердце Шиллера и драмами поэта подняла всю молодежь до тѣхъ поръ будто политически-заснувшей страны.

Разъясненія излишни: слишкомъ краснорѣчивы факты! Они показываютъ, какъ мало внутренняго, нравственнаго прогресса въ смѣнѣ европейскихъ школъ на сценѣ русской литературы. Мы дальше оцѣнимъ заслуги Карамзина предъ русскимъ языкомъ—заслуги очень почтенныя, но мы теперь же должны запомнить, что собственно литературное направленіе здѣсь не при чемъ. Классики также не мало поработали для русскаго слога, но то исторія грамматики и стилистики, а не литературы.

Въ литературномъ смыслѣ сентиментализмъ остался такимъ же отрицательнымъ явленіемъ въ нашемъ отечествѣ, какъ и классицизмъ, еще даже въ сильнѣйшей степени.

Классицизмъ рѣзко и открыто, по уставу своего ордена, отвращалъ негодующіе или презрительные взоры отъ національной дѣйствительности и являлъ жестокосердіе и аристократизмъ убѣжденій въ силу своей художественной сущности, какъ привилегированной литературы. Это—искренній и честный врагъ правды, жизни и народа.

Не то сентиментализмъ.

Въ его репертуарѣ явились разные Силины и Лизы, поселяне и поселянки, зазвучали томные восторги предъ «бѣдностью» и «безвѣстностью», подчасъ даже предъ швейцарами-республиканцами... Можно подумать, дѣло повернуло противъ «Августовъ» и «знатныхъ» на пользу «всякаго состоянія» и даже «земледѣльца»...

Ничуть не бывало, въ результатѣ одна феерическая декорація и праздная игра писательскаго «изображенія», въ сущности обманъ и лицемѣріе. Да, иначе нельзя оцѣнить *нравственныя* качества карамзинскаго художества, и не надо пространныхъ доказательствъ,

чтобы подобное литературное явленіе признать болѣе плетворнымъ и порочнымъ, чѣмъ первобытно-откровенный классицизмъ.

Сентиментализмъ россійскихъ повѣстей и драмъ сослужилъ крайне печальную службу общественной нравственности нашихъ предковъ.

Онъ оказался для нихъ такимъ же удобнымъ, спасительнымъ средствомъ, какимъ искони вѣковъ обряды и разное ханжество являются у людей, въ дѣйствительности невѣрующихъ и жестокихъ.

Поплакать надъ чувствительной пьесой, пережить легкую нервную встряску надъ «трогательной» книгой—то же самое, что для ханжи выполнить извѣстный обиходъ «святаго человѣка». И любопытно, что какъ разъ строжайшее выполненіе внѣшнихъ предписаній религіи закаляетъ сердце лицемѣра и ожесточаетъ его природу. Даже въ русской комедіи прошлаго вѣка извѣстенъ типъ богомольной барыни, безпощадной именно во время молитвы, жестокой съ своими слугами непосредственно послѣ набожныхъ и будто бы проникновенныхъ настроеній.

То же самое съ театральной и книжной чувствительностью. Всплакнувъ надъ *Бѣдной Лизой*, иной «отецъ и патріархъ» считалъ свой долгъ человѣколюбію сполна уплаченнымъ и могъ, пожалуй, даже приналечь на патріархальныя экзекуціи надъ подданными за то, что эти подданные такъ мало походили на героевъ сентиментальнаго автора и, слѣдовательно, не заслуживали «цвѣтовъ грацій», т. е. пощады своему человѣческому званію.

Въ результатѣ, нравственное вліяніе сентиментализма отнюдь не можетъ считаться благодѣтельнымъ въ нашей литературѣ и въ нашемъ обществѣ. Онъ по существу продолжалъ дѣло классицизма, т. е. еще больше углублялъ пропасть между литературнымъ словомъ и культурнымъ прогрессомъ, чисто-художественными увлеченіями и долгомъ писателя предъ своимъ народомъ. Постепенно создавался особый классъ эстетиковъ, риторовъ, маскарадныхъ лицедѣевъ на мотивы манерной граціи и слезливаго празднословія, и отчужденность между народомъ и тонко-просвѣщенными господами росли съ каждымъ новымъ шагомъ европеизма на русской почвѣ.

Въ крѣпостной практикѣ это явленіе отразилось разцвѣтомъ особаго класса аристократовъ, изъ лакейской среды, бурмистровъ, управляющихъ, вообще посредниковъ между бариномъ-европейцемъ и дикаремъ-мужикомъ. Потому что баринъ сталъ слишкомъ изященъ и цивилизованъ, чтобы лично имѣть дѣло съ своими «вассалами», и французская образованность русскихъ и «феодаловъ»

возымѣла совершенно для Европы неожиданныя послѣдствія: отягчила гнетъ, лежавшій на закрѣпощенной массѣ, и еще глубже унизила народъ предъ первымъ единственно-просвѣщеннымъ сословіемъ.

Мы, конечно, не намѣрены подобные результаты приписывать именно европейскимъ вліяніямъ: мы говоримъ о преобразованіи этихъ вліяній въ русской средѣ, точнѣе—о вырожденіи европейской культуры въ высшемъ русскомъ обществѣ. Снова повторяемъ, вырожденіе не безусловно, бывали и настоящіе, прямые ученики европейской цивилизаціи. Но предъ нами литература и ея даровитѣйшіе, по крайней мѣрѣ, самые видные дѣятели. И они-то оказываются достойными соотечественниками тургеневскаго энциклопедиста и англомана, не выносившаго даже одного вида мужика. Очевидно, русская европействующая литература сама по себѣ не заключала никакихъ сѣмянъ просвѣщенія и гуманности, оставалась однимъ изъ украшеній барскаго комфорта и еще ярче оттѣняла помѣщичью теплицу отъ мужицкой избы, привиллегированное тунеядство и эгоизмъ отъ крестьянскаго труда и неисчислимыхъ жертвъ.

Сентиментализмъ смѣнился третьей и послѣдней школой—романтической. Плоды ея въ нашемъ климатѣ еще оригинальнѣе: это одна изъ самыхъ своеобразныхъ комедій вообще въ исторіи человѣчества.

XII.

Мы видѣли, чѣмъ романтизмъ былъ на Западѣ, — ожесточенной войной противъ старыхъ преданій аристократической литературы. Но этого мало. Романтизмъ не ограничился искусствомъ, его юношеская страсть борьбы захватила вопросы исторіи, какъ науки, идеалы отдѣльной личности, какъ члена общества. Всѣ эти задачи неразрывно связаны и вытекали изъ общаго неукротимаго стремленія къ свободѣ и оригинальности въ творчествѣ и въ жизни.

Мы знаемъ, эту свободу скоро подчинили *законамъ*, заключили въ теорію и формулу, но самая идея не могла остаться совершенно безплодной. Послѣ классиковъ, пустословившихъ по гречески хотя и на родномъ языкѣ, романтизмъ потребовалъ *національности* въ искусствѣ, на мѣсто античныхъ героевъ и ископаемой исторіи выдвинулъ на сцену прошлое новыхъ европейскихъ народовъ, не отступая предъ самыми первобытными его источниками, предъ средними вѣками. Новые поэты хотѣли быть дѣйствительно національными и народными. Современныя событія

какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому желанію. Наполеоновскія войны подняли глубочайшіе слои національнаго бытія всѣхъ народовъ, призвали на сцену исторіи именно націи и народнымъ силамъ отдали рѣшеніе грандіозной борьбы всей Европы съ французскимъ цезаремъ.

Въ результатѣ совершенно долженъ былъ измѣниться характеръ поэзіи и исторіи. Ученые принялись изучать народную старину, собирать народныя пѣсни, сказанія, въ своихъ работахъ центръ тяжести перенесли на раскрытіе вѣковой народной жизни и выясненіе роли массъ въ великихъ событіяхъ прошлаго. Часто наука и поэзія здѣсь шли рука объ руку, вдохновляя другъ друга, снабжая взаимно идеями и матеріаломъ. Напримѣръ, изъ самаго ранняго французскаго романтизма извѣстенъ любопытнѣйшій фактъ воздѣйствія поэта на ученаго.

Поэтъ — Шатобріанъ, ученый — Огюстэнъ Тьерри. Историкъ впослѣдствіи разсказывалъ, какъ онъ рѣшилъ свое призваніе.

Ему было всего пятнадцать лѣтъ. Онъ учился въ школѣ и хуже всего зналъ исторію по крайне плохимъ и бездарнымъ учебникамъ. Однажды вечеромъ, уединившись въ школьной залѣ, Огюстэнъ читалъ поэму Шатобріана *Мученики*. Здѣсь, по обычаю автора, до чрезвычайности много треска и блеска и неисчерпаемое море пустозвонной мнимо-религіозной реторики. Но рядомъ встрѣчались картины, свидѣтельствовавшія о несомнѣнной чуткости романтическаго поэта къ средневѣковой народной старинѣ.

Между прочимъ, описывались франки. Для юнаго читателя этотъ таинственный народъ былъ извѣстенъ только по имени ничего отчетливаго ни въ нравахъ, ни въ національномъ характерѣ завоевателей Галліи учебники не сообщали. И вдругъ, поэма рисуетъ дикій, но величественный и грозный строй неукротимыхъ воиновъ, покрытыхъ звѣриными шкурами, лѣсомъ копій и съ громовой бранной пѣсней на устахъ. Пѣсня приводилась здѣсь же дословно...

Тьерри не выдержалъ впечатлѣнія, вскочилъ съ мѣста и, ходя изъ угла въ уголъ, принялся повторять громкимъ, восторженнымъ голосомъ военный гимнъ варваровъ.

Красота и своеобразная сила картины съ этихъ поръ навсегда завоевали будущій великій талантъ ученаго и писателя. И уже достаточно этой заслуги, чтобы обезсмертить романтизмъ и въ поблекшихъ для насъ искони фальшивыхъ лаврахъ Шатобріана оставить хотя бы одинъ зеленѣющій цвѣтокъ.

До послѣднихъ дней западными историками не забыты роман

тическія національныя увлеченія и ихъ великое значеніе для новой науки. Въ увлеченіяхъ часто обнаруживалось не мало уродливаго смѣшного и жалкаго. Иные фанатики мечтали о самомъ подлинномъ воскрешеніи старыхъ бардовъ и давно погребенной дѣйствительности. Но хористы неизбѣжны при всякомъ зрѣлищѣ, и чѣмъ оно грандіознѣе, тѣмъ ихъ больше. Они не помѣшали первымъ нѣмецкимъ романтикамъ, въ родѣ Шиллера, стать первыми трибунами народа, его свободы и достоинства, и новѣйшимъ нѣмецкимъ историкамъ именно съ этой эпохой связывать освобожденіе своей науки изъ тьмы филологическихъ кабинетовъ и дипломатическихъ канцелярій для широкаго поприща общенаціональнаго просвѣщенія и блага.

Впослѣдствіи французскій романтизмъ XIX вѣка остался вѣренъ своимъ началамъ и Гюго требовалъ безусловно національныхъ, мѣстныхъ и историческихъ красокъ въ драмѣ. Результаты не соотвѣтствовали энергіи принципа, и мы знаемъ почему, но смыслъ романтической школы съ того самаго момента, когда впервые было произнесено и опредѣлено г-жей Сталь самое слово *романтизмъ* и до послѣднихъ его отголосковъ въ нашемъ столѣтіи оставался неизмѣннымъ: *l'esprit de la liberté*, по выраженію той же писательницы, т.-е. самобытность, оригинальность, національная и личная борьба противъ всего нивеллирующаго банальнаго и безличнаго.

Въ нравственномъ мірѣ отдѣльнаго человѣка романтическая стихія выразилась въ высшей степени любопытнымъ мотивомъ—*разочарованіемъ*. До сихъ поръ не написана ни культурная, ни психологическая исторія этого явленія, а между тѣмъ врядъ ли еще какимъ *нравственнымъ* фактомъ такъ краснорѣчиво характеризуется новое время, какъ разочарованіемъ.

Съ самаго начала и особенно съ теченіемъ времени къ этому настроенію новаго человѣка пристало неисчислимое множество всевозможной мелочи и пошлости. Въ обществѣ рѣшительно всѣхъ европейскихъ народовъ протекали цѣлыя десятилѣтія, сплошь заполоненныя разочарованными и равнодушными. Трудно и вообразить, сколько литературныхъ произведеній всевозможныхъ жанровъ посвящено этой изумительной эпидеміи, не поддававшейся, повидимому, никакому цѣлебному средству, даже самому вѣрному и сильному—смѣху. И до сихъ поръ кое-гдѣ, въ укромномъ и затхломъ захолустьѣ все еще поблескиваетъ старая мишура и смущаетъ простодушные взоры.

Въ чемъ же тайна такого единственнаго успѣха?

Отвѣтъ очень простой. Разочарованіе—это вѣдь неудовлетво-

ренность, вообще недовольство окружающей жизнью, критика на нее, хотя бы молчаливая, страданія за ея уродства и презрѣнность, хотя бы и никому невѣдомыя и непонятныя. А кто недоволенъ и критикуетъ, тотъ, предполагается, стоитъ *выше* предмета критики, и разочарованіе, слѣдовательно, ничто иное, какъ тоска по идеалу, жажда чего-то исключительно благороднаго и сильнаго. Разочарованный — своего рода искупительная жертва пошлаго и бездушнаго міра.

И это справедливо.

Возьмите разочарованіе въ жизни и поэзіи его подлинныхъ, искреннихъ исповѣдниковъ, вы непремѣнно откроете именно эти страданія избранной натуры, ея органическій протестъ во имя личной свободы и человѣческаго достоинства противъ общественной косности и стадности.

Совершеннѣйшее воплощеніе разочарованія—байронизмъ. Этого и слѣдовало ожидать. Самая яркая протестующая личность должна была явиться на почвѣ исконной политической свободы и нравственной независимости. Байронъ—великобританецъ до послѣдняго нерва своего вѣчно-возмущеннаго организма, хотя именно на немъ съ небывалой послѣдовательностью оправдалась истина: никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ.

О Байронѣ точнѣе будетъ сказать не въ отечествѣ, а въ родномъ обществѣ, т.-е. въ англійской аристократіи. Она никогда не поступалась и не поступится ни своими правами, ни своимъ достоинствомъ, но поведетъ борьбу съ соблюденіемъ традицій и прецедентовъ. Это капитальный фактъ всей англійской политической и общественной исторіи, и его-то нарушилъ Байронъ съ безпримѣрной отвагой и запальчивостью.

Трудно было наслѣднику «бѣшенаго Джэка» и цѣлаго ряда другихъ, не болѣе смиренныхъ предковъ, дѣйствовать «въ границахъ» и съ соблюденіемъ всѣхъ обрядностей самой сложной въ мірѣ британской внутренней политики. Но это не значило, будто мятежный лордъ порвалъ всѣ національныя связи въ своей революціонной дѣятельности. Напротивъ. Онъ остался лордомъ со всѣми его даже предразсудками и со всѣмъ традиціоннымъ комизмомъ.

Онъ, подобно какому-нибудь самому заурядному, всю жизнь безмолвному наслѣдственному законодателю, кичится своей знатностью и весьма часто заставляетъ насъ подозрѣвать, ужъ не защищаетъ ли онъ *личную независимость* во имя *своей власти*. Онъ изнываетъ по славѣ Наполеона и носится съ не особенно зрѣлой идеей, что его имя и бонапартовское оказываются съ то-

жественными иниціалами. Это стоитъ гордости Шатобріана, когда тому довелось имѣть квартиру въ той самой мѣстности, гдѣ когда-то обиталъ Бонапартъ.

Все это жалкая суета суетъ, тѣмъ болѣе мелкая, чѣмъ серьезнѣе сущность байронизма.

А она—полная противоположность бонапартовской славѣ.

Байронъ единственный въ первой четверти нашего вѣка вѣрный преемникъ просвѣтительныхъ идей. Онъ подлинный ученикъ Руссо, но не фанатическій. Съ женевскимъ философомъ у него общаго только дѣйствительно положительные и разумные идеалы человѣчества: благородная, независимая личность, преисполненная ненависти ко всякому лицемѣрію и стаднымъ инстинктамъ, личность, жертвующая счастьемъ своему достоинству.

Въ этомъ мотивѣ настоящій *культурный* смыслъ байроновской поэзіи. Предъ нами разочарованіе не во имя отрицанія, а извѣстнаго идеала, правда, не вполнѣ опредѣленнаго въ подробностяхъ, но яснаго и увлекающаго въ цѣломъ.

Недаромъ наши поэты, Пушкинъ и Лермонтовъ, нашли въ поэзіи и даже личности Байрона нравственную опору для себя въ некультурной, заносчивой средѣ такъ называемаго «свѣта». Пушкинъ въ біографіи англійскаго поэта почерпнулъ не малое ободреніе для своей поэтической дѣятельности, непонятной и даже унизительной въ глазахъ окружающаго общества. И это нравственное вліяніе байронизма на лучшихъ русскихъ людей неизмѣримо важнѣе и глубже, чѣмъ литературное, до сихъ поръ совершенно незаслуженно занимающее столько мѣста въ русскихъ представленіяхъ о творчествѣ Пушкина и особенно Лермонтова.

Таковы основныя стихіи западнаго романтизма. Всѣ названные нами поэты и множество другихъ быстро стяжали обширную извѣстность среди нашихъ писателей и даже читателей. Мы увидимъ, романтизмъ сильно занималъ русскую критику и одно время волновалъ журналистовъ сильнѣе, чѣмъ всѣ политическіе вопросы. Что же вышло въ результатѣ этой популярности и этихъ волненій?

XIII.

При одномъ звукѣ *романтизмъ* всѣмъ на память непремѣнно приходитъ прежде всего имя Жуковскаго. Онъ единогласно признанъ даровитѣйшимъ, даже единственнымъ идеальнымъ романтикомъ и у современниковъ, и у потомства. Онъ «родился романтикомъ»—говоритъ о немъ Пушкинъ. И это справедливо, но всякія прирожденныя наклонности требуютъ пищи и поощренія, для

души Жуковскаго все это нашлось въ нѣмецкой поэзіи. Онъ питомецъ нѣмецкаго романтизма по преимуществу, т. е. творчества Шиллера и германскихъ бардовъ эпохи Наполеона.

Мы знаемъ, ихъ вдохновеніе неудержимо, часто слѣпо стремилось воскресить вѣковую національную старину своей родины, они именно мнили себя новѣйшими наслѣдниками средневѣковыхъ бардовъ и рыцарей и свой историческій патріотизмъ часто доводили до театральной тевтономаніи.

Но старина блистала не одной національностью и народностью. Въ глубинѣ столѣтій, не отличавшихся умственнымъ свѣтомъ, жило много темныхъ преданій и неразгаданныхъ, запутанныхъ происшествій. Темнота здѣсь означала буквально темноту мысли, неразгаданность создавалась легковѣріемъ и наивнымъ воображеніемъ...

Но развѣ для восторженныхъ чтителей старины во имя ея «священныхъ сѣдинъ» и національной страсти, допустимы такія прозаическія объясненія? Нѣтъ, темнота—это таинственность, неразгаданность, выспренняя недоступность, нѣчто, превышающее силы обыкновеннаго человѣческаго разсудка и требующее романтической фантазіи и спеціальнаго чувства.

Въ результатѣ одновременно съ положительнымъ и жизненнымъ ядромъ романтизмъ пріобрѣлъ также свой хвостъ—изъ «туманности» и «неопредѣленности» основныхъ недостатковъ романтизма, по мнѣнію Гёте.

Теперь послѣдователямъ романтиковъ предстояло или ограничиться точно національными и историческими задачами, т. е. ясной, оригинальной поэзіей или дать волю мечтамъ и снамъ и погрузиться въ міръ призраковъ и чудесъ.

Жуковскій выбралъ послѣдній путь.

Національность въ его поэзіи ограничилась весьма сомнительными созданіями въ родѣ Свѣтланы, Людьмилы, если и русскихъ, то съ крѣпкой примѣсью космополитическаго «вѣчно женственнаго» элемента. Герои нашего романтика гораздо ближе походятъ на просвѣщенныхъ земледѣльцевъ и нѣжныхъ подругъ Карамзина, чѣмъ на подлинныхъ русскихъ людей. Въ сущности, Жуковскій поэтъ карамзинскаго сентиментализма, только съ примѣсью разной международной чертовщины.

Вотъ въ ней-то и выразился русскій романтизмъ, какъ плодъ нѣмецкихъ вліяній. Жуковскій могъ вполнѣ серьезно разсказывать о привидѣніяхъ, будто лично ему знакомыхъ, и мы не знаемъ до какихъ предѣловъ могла доходить любимая идея поэта: «*мы, не должны смущаться сердцемъ*... мы должны *вѣрить*, *вѣрить* и

мрить». Такъ подчеркиваетъ самъ Жуковскій, очевидно особенно настаивая на покоѣ и вѣрѣ.

Да, *покоѣ*. Это всеобъемлющая черта въ характерѣ нашего романтика. На Западѣ именно романтики поднимали особенно много шуму подчасъ ради даже самого шума, это они по преимуществу бурные геніи, герои «стремленія и натиска»... А у насъ о романтическомъ поэтѣ Гоголь могъ написать такія строки:

«Благоговѣйная задумчивость, которая проносится сквозь всѣ его картины, истекаетъ изъ того грѣющаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься тише во всѣхъ своихъ порывахъ и какою-то тайною замыкаются твои собственныя уста».

Замѣчательно, сентиментализмъ изъ дѣятельной общественной силы превратился у насъ въ идиллическое усладительное лганье, романтизмъ изъ школы реформы и борьбы сталъ меланхолическимъ сибаритскимъ созерцаніемъ. Духъ жизни и энергіи, будто по какому-то роковому закону отлеталъ отъ европейскихъ литературныхъ ученій, и русскіе ученики умѣли заимствовать въ большинствѣ случаевъ *отстой* каждаго движенія, а не его цвѣтъ и силу. Они часто предпочитали становиться подъ знамя второстепенныхъ иноземныхъ учителей, даже не различая звѣздъ разныхъ величинъ и не проникая въ смыслъ дѣятельности самихъ вождей.

Сумароковъ, Карамзинъ, Жуковскій—по содержанію, а первые два и по формѣ своихъ произведеній, несомнѣнно, стояли ближе къ Мармонтелямъ, Жанлисамъ, Тикамъ, чѣмъ къ Вольтерамъ, Дидро, Шиллерамъ. Пушкинъ такъ оцѣнивалъ русскій классицизмъ:

«Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки—грибы, выросшіе у корней дубовъ»...

Это не во всемъ объемѣ примѣнимо къ русско-нѣмецкому романтизму, и притомъ Жуковскій не мечталъ быть оригинальнымъ поэтомъ, славу свою ограничивалъ усвоеніемъ русской литературѣ чужихъ произведеній. Но тамъ, гдѣ сказывались его личныя наклонности къ творчеству, отъ западнаго романтизма оставались лишь, по выраженію Гоголя, «страсть и вкусъ къ призракамъ и привидѣніямъ нѣмецкихъ балладъ».

И что особенно любопытно, національныя стремленія романтизма на русской почвѣ дали совершенно неожиданные плоды. Жуковскій силенъ и знаменитъ именно способностью перелагать красоту и духъ иноземнаго творчества на русскій языкъ, т. е. проникаться мотивами чужого вдохновенія. Жуковскій часто пре-

восходитъ переводимыхъ поэтовъ изяществомъ и поэтичностью языка, но муза остается все-таки зарубежной богиней и нашъ даровитѣйшій романтикъ—только переводчикъ.

О другихъ идеяхъ романтизма нечего и говорить. Онѣ цѣликомъ покрываются изреченіями идиллическаго героя, грека Эсхила:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средству—
И горесть, и радость—все къ цѣли одной.
Хвала жизнедавцу—Зевесу!

Что̀ это значитъ, подробнѣе объяснено въ швейцарскомъ письмѣ, путемъ такъ-называемой «горной философіи».

Философъ созерцаетъ страну, гдѣ когда-то совершались великіе физическіе перевороты, и приходитъ почти къ карамзинскому идеалу: сидѣть спокойно на горѣ и глубокомысленно взирать на волнующееся внизу море... Мы говоримъ *почти*, потому что личная природа Жуковскаго гораздо гуманнѣе и благороднѣе, чѣмъ сердце и умъ сентиментальнаго ритора, и онъ готовъ признать извѣстныя права за прогрессомъ. Но только пусть они осуществляются сами собой, а человѣкъ долженъ неутомимо работать и благодушно пользоваться жизнью «на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ»... Повѣрьте, убѣждаетъ нашъ оптимистъ, при какихъ угодно условіяхъ всякому можно быть *справедливымъ*, а «въ этомъ его человѣческая свобода». Очевидно, это карамзинская *добродѣтель*, совершенно будто бы довлѣющая для человѣческаго счастья и всевозможныхъ идеаловъ.

У Жуковскаго въ теченіи всей жизни не поднималась рука на защиту крѣпостного права, какъ его мыслилъ авторъ *Бѣдной Лизы*; напротивъ, трудно отыскать среди современниковъ болѣе искренне-сердечнаго и дѣйствительно *хорошаго человѣка*, чѣмъ нашъ романтикъ. Но съ высоты «горной философіи» онъ судитъ объ европейской исторіи и жизни совершенно въ духѣ своего лицедѣйствующаго современника. Для него событія сорокъ восьмого года не болѣе, какъ буйство черни, хотя онъ лично можетъ наблюдать германское движеніе, и послѣдній выводъ его буквально московитскій, патріотическій въ смыслѣ *Исторіи государства Россійскаго*.

А между тѣмъ, еще въ 1822 году, подъ вліяніемъ пребыванія въ Европѣ, Жуковскій освобождаетъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ то же время ведетъ войну съ цензурой за слѣдующіе стихи Шиллера:

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren—

«человѣкъ созданъ свободнымъ, и свободенъ, даже если бы родился въ цѣпяхъ». Цензура не пропускаетъ этихъ строкъ, и поэтъ не печатаетъ всего перевода.

И смыслъ шиллеровскихъ словъ — подлинный романтизмъ въ области общественныхъ вопросовъ. Сорокъ восьмой годъ также одна изъ страницъ романтической исторіи, при всѣхъ его увлеченіяхъ и крайностяхъ. Можно было не признавать его во всѣхъ подробностяхъ, но зачеркивать однимъ взмахомъ пера — значило краснорѣчивѣйшую дѣйствительность Германіи приносить въ жертву призракамъ и туманамъ ея юродствовавшихъ бардовъ.

Легко представить, что должно было произойти въ русскомъ обществѣ съ другимъ романтическимъ мотивомъ—разочарованіемъ. Нравственная сущность его даже не коснулась русскаго сознанія, но за то съ необыкновенной переимчивостью и поэты, и ихъ публика усвоили хвостъ байронизма, т. е. все каррикатурное, лубочно-эффектное и эгоистическое. И вполнѣ естественно.

Высшее общество объявило «якобинцемъ» Жуковскаго за только что приведенные стихи Шиллера, какъ же оно послѣ этого могло *понять* байронизмъ?

На помощь пришелъ самъ же Байронъ съ его аристократическими причудами, съ маскарадными мистификаціями, съ головокружительными любовными приключеніями, и со всевозможнымъ психопатизмомъ его героинь—то искреннихъ въ своемъ «безуміи», то еще чаще позировавшихъ въ интригующей роли жертвъ знаменитаго и «фатальнаго» человѣка.

Всей этой пустяковиной и фокусничествомъ отнюдь не исчерпывался байронизмъ, но русскимъ ли недорослямъ было отдѣлять грязь отъ золота? Что ярче бросалось въ глаза, и особенно что̀ являлось доступнѣе и не налагало никакихъ умственныхъ усилій и нравственныхъ обязательствъ, то и хваталось обѣими руками.

Въ результатѣ литература и общество принялись щеголять въ новой формѣ лжи и лицемѣрія, ничѣмъ не уступавшей праздному чувствительному нытью ранней школы. Жуковскій очень остроумно выразился о стихахъ одного изъ самыхъ бойкихъ русскихъ романтиковъ—Языковѣ: его поэзія—«восторгъ, никуда не обращенный».

То же самое можно сказать и о противоположныхъ настроеніяхъ: тоска, ни на чемъ не основанная и ни къ чему не стремящаяся.

Москвичъ такъ же удобно щеголялъ въ гарольдовомъ плащѣ, какъ и во французскомъ кафтанѣ. Даже еще удобнѣе. Мрачный, меланхолическій видъ, «змѣящаяся», многозначительно-горькая

улыбка окончательно освобождали его отъ всякой практической дѣятельности, кромѣ уловленія женскихъ сердецъ. Вѣдь онъ презираетъ окружающій міръ и людей, чего же ему дѣлать здѣсь? Достаточно, если онъ будетъ удостоивать «людское стадо» созерцанія своей особы!

И съ какимъ усердіемъ русская литература въ теченіе десятилѣтій живописуетъ блѣдныхъ поручиковъ разныхъ, преимущественно декоративныхъ войскъ! Сколько тратится изобрѣтательности, чтобы выдумать фамилію возможно болѣе зловѣщую въ родѣ Тамарина, Анчарова! Сколько надо изворотливости описать все ту же трафаретную фигуру «интересными» красками и заставлять «говорить молчаніе», такъ какъ герою вообще не полагается разговорчивости, а только въ торжественныхъ случаяхъ «открывать душу».

А сколько изведено стиховъ и риѳмъ на слова *тоска, отчаяніе, презрѣніе!* И до послѣднихъ дней все еще россійскіе юнцы время отъ времени бряцаютъ по ржавымъ струнамъ и разсчитываютъ собрать публику на пошлый, давно заигранный фарсъ.

Но въ извѣстной средѣ понятіе о пошлости совсѣмъ другое, и тамъ, гдѣ театральныя слезы раньше сходили за истинное чувство, гусарское разочарованіе являлось несомнѣннымъ героизмомъ, исключительностью натуры. Героизмъ рѣшительно никого не безпокоилъ. Два стиха Шиллера, сравнительно съ сотней Тамариныхъ и Грушницкихъ, цѣлая революція, «страшный либерализмъ», по мнѣнію «свѣта». И этихъ стиховъ не терпятъ, не допускаютъ всего *десятка словъ*, но превосходно уживаются съ самыми «фатальными» гарольдами.

Очевидно, и въ романтизмѣ среди русскаго общества разыгралась только новая комедія на старую тему—лицемѣрія, безсилія и неразумія. Русскіе читатели западныхъ поэтовъ умѣли совершенно обезвредить и облагонамѣрить самыхъ, повидимому, неукротимыхъ романтиковъ. Нужна была по-истинѣ на рѣдкость затхлая и мертвая атмосфера, чтобы байронизмъ низвести до уровня перваго встрѣчнаго недоросля! Но требовался также и не совсѣмъ обычный строй души, чтобы изъ цѣлой литературной школы извлечь какъ разъ ея отрицательныя стороны и даже, на мѣстѣ талантливѣйшаго и серьезнѣйшаго поэта, того же Жуковскаго, весь романтизмъ свести къ идиллическимъ классикамъ и разной «чертовщинѣ».

«Онъ святой, хотя родился романтикомъ», выражался Пушкинъ о пѣвцѣ Свѣтланы. Это *хотя* достойно вниманія. Его можно приставить ко всякому русскому поэту, пересаживавшему иноземъ-

мые цвѣты въ свое отечество. Сумароковъ—крѣпостникъ, хотя считалъ себя ученикомъ Вольтера, Фонвизинъ — типичный московскій баринъ и россійскій дворянинъ, хотя преслѣдовалъ злонравіе и создалъ мудраго и любвеобильнаго Стародума, Карамзинъ-сладкопѣвецъ—благонадежнѣйшій рыцарь «старой» Россіи, пожалуй, даже Московіи...

Мы называемъ только генераловъ нашей западнической литературы, о рядовыхъ нечего и говорить, насколько они зависѣли отъ того или другого литературнаго направленія. Всѣ неизбѣжно попадали въ общее теченіе вмѣстѣ съ самой публикой. Она была не менѣе писателей «просвѣщенна», но не могла допустить и мысли, чтобы просвѣщеніе нанесло какую-нибудь поруху чину, званію и состоянію человѣка голубой крови и бѣлой кости. О русскихъ меценатахъ даже съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ можно повторить рѣчь, сказанную Вольтеромъ по поводу философскихъ увлеченій знатныхъ господъ европейцевъ.

Эти господа, принимая у себя литераторовъ и болтая съ ними о разныхъ опасныхъ вещахъ, по словамъ Вольтера вообще отнюдь не противника благородныхъ покровителей, такъ думали про себя:

«У насъ сто тысячъ экю ренты, и, кромѣ того, почести. Мы не желаемъ всего этого лишиться ради нашего удовольствія. Мы раздѣляемъ ваши взгляды, но мы заставимъ васъ сжечь при первомъ же случаѣ, чтобъ научить васъ, какъ высказывать свои мнѣнія».

И подобная угроза въ устахъ русскихъ философовъ являлась еще менѣе шуточной, чѣмъ во Франціи. Радищевъ и Новиковъ доказали, что значило въ самый разгаръ западническихъ вліяній на русскую литературу и аристократическое общество не умѣть высказывать своихъ мнѣній.

Державинъ, напримѣръ, умѣлъ.

Онъ отлично зналъ, какую собственно роль играетъ поэзія въ глазахъ современной публики: не болѣе, какъ роль лимонада, напитка очень пріятнаго и даже сладостнаго въ лѣтнюю жару. Но кто же станетъ ради этого оказывать особый почетъ или просто цѣнить производителей прохладительныхъ напитковъ!

Они нисколько не важнѣе и не почтеннѣе, чѣмъ всякій другой поставщикъ житейскаго комфорта: поваръ, обойщикъ, даже просто лакей.

И Тредьяковскій можетъ быть вполнѣ свободно побитъ, Сумароковъ—спеціально натравленъ на другого писателя, Фонвизинъ съ удовольствіемъ будетъ потѣшать петербургскіе салоны шутовскимъ изображеніемъ своихъ собратьевъ—литераторовъ.

И вдругъ такіе-то господа посмѣютъ обезпокоить «законныя права» своихъ читателей и поощрителей! Вышло бы нѣчто совершенно противоестественное, «революціонерное», какъ выражались просвѣщенные бригадиры и чувствительныя совѣтницы.

Въ результатѣ, всѣ литературныя школы у насъ оказывались просто *школьничаньемъ*, потому что надъ ними тяготѣла одна неизмѣримо болѣе существенная и вліятельная школа,—школа современной общественной жизни. Чего стоили какой-нибудь сентиментализмъ или романтизмъ, когда баринъ писалъ и баринъ же читалъ? Баринъ не въ смыслѣ происхожденія, а строго-опредѣленной психологіи. И ко всѣмъ періодамъ нашей *школьной литературы* одинаково примѣнимо мѣткое сужденіе Гоголя о началѣ XIX-го вѣка:

«Поверхностная эпоха не могла дать богатаго содержанія нашей поэзіи: одно общесвѣтское стало ея предметомъ, и она сдѣлалась сама похожею на умнаго и ловкаго свѣтскаго человѣка, когда онъ сидитъ въ гостиной и ведетъ разговоръ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы повѣдать душевную исповѣдь свою или подвинуть другихъ на какое-нибудь важное дѣло, но затѣмъ, чтобы просто повести разговоръ и пощеголять умѣньемъ вести его обо всѣхъ предметахъ».

Это необыкновенно проницательно и вѣрно: «не затѣмъ, чтобы повѣдать *душевную исповѣдь*» и не для какихъ-либо жизненныхъ цѣлей, а просто ради нервнаго возбужденія, ради разговорнаго процесса.

«Я воспою Флора Силина», «я разсѣю въ монологахъ своихъ трагедій множество нравоучительныхъ истинъ и меня за это похвалитъ даже французскій журналъ» *), «я изображу съ негодованіемъ жестокую помѣщицу», «я воспою русскаго молодца и русскую красавицу», но все это «не ведетъ къ послѣдствіямъ».

Въ салонѣ примутъ всѣ эти шалости пера и произойдетъ точь-въ-точь сцена изъ гоголевской повѣсти.

Свѣтская барыня въ мастерской художника замѣчаетъ этюдъ мужика, приходитъ въ экстазъ и взываетъ къ дочери:

— Ахъ, мужичокъ! Lise, Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри! мужичокъ!..

Совершенно такъ же она закричитъ, отыскавши въ лѣсу грибъ,

---

*) Въ парижскомъ «*Journal étranger*», въ 1755 году помѣщена сочувственная статья о «*Синевѣ и Труворѣ*», переведенной на французскій языкъ кн. Долгоруковымъ. Трагедія восхвалялась особенно за нравственныя сентенціи.

въ модномъ журналѣ—интересную прическу, въ веселой газетѣ—новый рецептъ притираній...

Очевидно, русской литературѣ никогда бы не стать ни литературой, ни русской, если бы она осталась на пути европейскихъ школъ и отечественнаго аристократизма. Предстояла настоятельная необходимость порвать и со школами, и съ обществомъ: это одинъ и тотъ же актъ прогресса и онъ въ дѣйствительности совершился одновременно, въ жизни и дѣятельности однихъ и тѣхъ же людей.

XIV.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ нашей литературѣ поднялъ много шуму вопросъ о поколѣніяхъ, *Отцы* и *дѣти* надолго, можно сказать, до послѣднихъ дней, стали на очередь дня и заняли первое мѣсто въ высшей публицистикѣ. Два даровитѣйшихъ писателя отозвались на злобу цѣлымъ рядомъ произведеній, одно изъ нихъ навсегда дало кличку самому явленію, въ другомъ авторъ, Писемскій, обобщалъ его въ слѣдующихъ яркихъ, но правдивыхъ словахъ:

«Ни одна, вѣроятно, страна не представляетъ такого разнообразнаго столкновенія въ одной и той же общественной средѣ, какъ Россія. Не говоря ужъ объ общественныхъ сборищахъ, какъ, напримѣръ, театральная публика или общественныя собранія, на одномъ и томъ же балѣ, составленномъ изъ извѣстнаго кружка, въ одной и той же гостиной, въ одной и той же, наконецъ, семьѣ, вы постоянно можете встрѣтить двухъ-трехъ человѣкъ, которые имѣютъ только нѣкоторую разницу въ лѣтахъ и уже, говоря между собою, не понимаютъ другъ друга».

Эта картина стала чисто-русскимъ жанромъ, но она не особенно древняго происхожденія. Семейная и общественная гармонія царствовала у насъ нерушимо въ теченіе долгихъ вѣковъ, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи, приблизительно, въ концѣ первой четверти, на сценѣ появились отцы и дѣти, съ трудомъ понимающіе другъ друга.

Фактъ вполнѣ опредѣленно отмѣченъ современникомъ и пріуроченъ къ эпохѣ отечественной войны. Русскимъ войскамъ впервые пришлось свести близкое знакомство съ Европой не по книгамъ только, а по личнымъ продолжительнымъ наблюденіямъ. Раньше вся Европа для русскаго человѣка начиналась и кончалась въ Парижѣ. Это своего рода Мекка для тонко просвѣщенныхъ подданныхъ Екатерины, и въ то же время патентованное царство всевозможныхъ удовольствій. Именно они-то и заставляли

даже «семипудовыхъ» скиѳовъ совершать довольно сложное путешествіе. Но за то цѣль достигалась всегда и всенепремѣнно. Мы видѣли, Карамзинъ съумѣлъ взять съ Парижа обычную дань даже во время революціи.

Теперь, по слѣдамъ Наполеона, отправилось въ Европу не мало людей совершенно другого сорта. Ихъ, еще молодыхъ и сильныхъ, не успѣло растлить отечественное воспитаніе на рабскихъ хлѣбахъ. Общеевропейская смута сблизила съ Россіей нѣсколькихъ иностранцевъ иной породы, чѣмъ Вральманы и Гильоме, изъ Германіи—Штейна, изъ Франціи—Сталь и множество простыхъ офицеровъ наполеоновской арміи изъ третьяго сословія, не имѣвшихъ ничего общаго съ авантюристами и космополитическими паразитами.

Любопытно было прислушаться къ впечатлѣніямъ этихъ людей, не имѣвшихъ основаній ни ненавидѣть Россію, какъ націю, ни льстить ей. Впечатлѣнія у всѣхъ оказались почти тожественны.

Плѣнные французы смѣялись надъ русскими, не умѣвшими ни говорить, ни писать на родномъ языкѣ. Штейнъ подражательность иностранцамъ считалъ одной изъ злѣйшихъ язвъ русской жизни, а г-жа Сталь, довольно неожиданно для петербургскихъ и московскихъ европейцевъ, не находила, повидимому, словъ достойно изобразить пустоту, малообразованность и низкій умственный уровень высшаго русскаго общества. Вѣковая погоня за тонкимъ просвѣщеніемъ, екатерининскій либерализмъ привели къ самому удивительному результату; г-жа Сталь убѣждена, что въ атмосферѣ русскихъ салоновъ «нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди здѣсь не пріобрѣтаютъ никакой охоты ни къ умственному труду, ни къ практической дѣятельности».

Отъ взоровъ иностранцевъ не скрылся основной недугъ нашаго отечества — крѣпостное рабство, и Штейнъ находилъ неизбѣжнымъ освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Вообще, въ эпоху народнаго возбужденія по всѣмъ странамъ Европы и у насъ послышались рѣчи, на повалъ бившія чувствительное прекраснодушіе московскихъ патріотовъ и петербургскихъ лицемѣровъ.

И нашлись слушатели для этихъ рѣчей.

Это не были особенно знатные господа: тѣ, напротивъ, и теперь остались вѣрны себѣ, Бонапарта отожествили съ революціей, а революцію вообще со всякой дѣятельной общественной мыслью. Здравый смыслъ пріютился у людей, менѣе чиновныхъ и взысканныхъ фортуной, чѣмъ фамусовскій Максимъ Петровичъ,— у своего рода разночинцевъ среди знати.

Впослѣдствіи изъ ихъ среды выйдутъ геніальные писатели.

Они своей карьерой, нерѣдко даже трагической участью докажутъ свою оторванность отъ «столбового» дворянства, хотя всѣ они будутъ носить благородныя фамиліи, даже болѣе благородныя, чѣмъ князья Тугоуховскіе, полковники Скалозубы, семьи Хлестовыхъ и Фамусовыхъ. Только благородство на этотъ разъ осуществится не въ ловкомъ прислуживаніи на родинѣ и не въ увеселительныхъ поѣздкахъ за иноземнымъ просвѣщеніемъ, а въ уничтоженіи ветхаго человѣка во имя независимой мысли и дѣятельнаго гуманнаго чувства.

Эти опасные мотивы ворвались въ вихрь салонныхъ сплетень и пошлостей какъ-то сразу, будто новое нашествіе.

Современникъ разсказываетъ:

«Я видѣлъ лицъ, возвращающихся въ Петербургъ послѣ отсутствія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и выражавшихъ величайшее изумленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ разговорѣ и поступкахъ столичной молодежи. Казалось, она пробудилась для новой жизни и вдохновлялась всѣмъ, что было благороднаго, чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности привлекали вниманіе свободой и смѣлостью, съ которой они высказывали свои мнѣнія, весьма мало заботясь,— говорили они въ общественномъ мѣстѣ, или въ салонѣ, были слушателями—сторонники или противники ихъ ученій» *).

Эти ученія заключались въ первомъ пробужденіи національнаго сознанія и народническаго чувства. До сихъ поръ русскіе дворяне чувствовали себя русской націей только, если можно такъ выразиться, по иностранному вѣдомству. Они гордились побѣдами надъ турками и прочими народами, обширными завоеваніями, знаменитыми полководцами, но по вопросамъ внутренней политики это было *сословіе*, а не *нація*. И французскій дипломатъ при Екатеринѣ даже и мысли не могъ допустить, чтобы въ нашемъ отечествѣ когда-либо образовалась цѣльная единая нація, какъ государственное тѣло.

Оффиціальный историографъ и публицистъ подтверждалъ эту мысль, освящая вѣковыя пропасти между русскими классами и сословіями.

Но борьба съ Наполеономъ силою вещей оказалась не сословной, а національной, и въ Россіи даже болѣе, чѣмъ на Западѣ. Крѣпостному мужику требовалось, несомнѣнно, больше нравственныхъ усилій возстать на иноземнаго врага, чѣмъ нѣмецкому бюргеру, и недаромъ г-жа Сталь была поражена именно движеніемъ русскаго народа.

*) *La Russie et les Russes*, par N. Tourgueneff. Bruxelles, 1847, I, 66.

Нашлись и соотечественники, способные воспринять великій историческій смыслъ эпохи, и гвардейскіе офицеры, столь смущавшіе «очаковскихъ» старичковъ, были первыми русскими по чувству, по духу, по идеаламъ и даже по языку. Восклицаніе Чацкаго—«умный, добрый нашъ народъ» не имѣло ничего общаго съ небылицами о просвѣщенномъ земледѣльцѣ и его нѣжной подругѣ. Тамъ свѣтскій праздный разговоръ, здѣсь «душевная исповѣдь», настоящее личное чувство. Тамъ самодовольство чистаго господина, самолюбованіе чувствительной ханжи, здѣсь искренняя страстная любовь къ родинѣ и жгучая тоска объ ея несовершенствахъ.

Сравните карамзинское патріотическое самохвальство, эту изумительную, по истинѣ варварскую мысль, будто «Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ», съ фактами сплошныхъ или злобныхъ, или презрительныхъ чувствъ иностранцевъ къ русскимъ, вы оцѣните всю громадность шага, сдѣланнаго молодежью послѣ наполеоновскихъ войнъ.

«Европа уважаетъ»... и это въ то время, когда искреннiе доброжелатели Россіи, въ родѣ Сталь и Штейна, находили доброе слово какъ разъ о предметѣ, невѣдомомъ гордому патріоту Московіи и совершенно не входившемъ въ разсчеты европейскихъ критиковъ нашего отечества.

Народъ,—вотъ слово, котораго одного было бы достаточно для увѣковѣченія перваго русскаго молодого поколѣнія, оставившаго пути своихъ отцовъ.

Всякое уклоненіе съ торной дороги ведетъ къ жертвамъ, и жертвы приносились. Онѣ, на современный взглядъ, можетъ быть не особенно героичны, но для всей дореформенной эпохи онѣ — истинные гражданскіе подвиги.

Вспомните, еще товарищъ Лермонтова объяснялъ военную карьеру поэта крайне низменнымъ общественнымъ положеніемъ гражданскихъ чиновниковъ. Для нихъ иного названія и не существовало, кромѣ «подъячіе». Пренебречь военнымъ мундиромъ значило бросить въ лицо современному «свѣту» жестокій вызовъ и собрать надъ своей головой бурю насмѣшекъ, презрѣнія и даже ненависти. Могло быть и хуже. Дворянинъ, съ минуты появленія на свѣтъ предназначенный для выпушекъ и петличекъ, становится политически неблагонадежнымъ, разъ онъ пренебрегаетъ скалозубовской философіей.

И такіе смѣльчаки являются.

Одинъ поступаетъ на службу въ уголовную палату, другой—въ надворный судъ, третій уѣзжаетъ въ деревню, читаетъ книги

и даже берется учить грамотѣ крестьянъ, а кто остается въ столицахъ, тотъ не пропускаетъ случая поднять на смѣхъ психопатическихъ барышень, поклонницъ военной формы, и, что̀ ужаснѣе всего, самихъ героевъ!

Очевидно, отцы не понимаютъ своихъ дѣтей и это взаимное отчужденіе гораздо глубже и напряженнѣе, чѣмъ впослѣдствіи междоусобица старенькихъ романтиковъ съ молодыми позитивистами. Здѣсь приходилось разрывать гораздо болѣе многочисленныя и крѣпкія связи съ прошлымъ, на каждомъ шагу подвергать риску свое *личное* счастье въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Вѣдь еще не народилась новая дѣвушка, Маріанны принадлежали отдаленному будущему, и надворный судья одновременно подвергался обвиненію со стороны отцовъ въ неблагонадежности и даже якобинствѣ, а у дочерей встрѣчалъ или недоумѣніе, или просто отвращеніе.

А это многаго стоило. Общественный протестъ безпрестанно превращался въ біографическую драму для непокорнаго сына, усложнялъ и безъ того не легкую задачу благороднаго поколѣнія.

Разрывъ не имѣлъ бы серьезныхъ послѣдствій, если бы ограничился единичными запальчивыми представленіями въ салонахъ, исключительнымъ подвижничествомъ избранныхъ людей—на службѣ или въ деревнѣ. Великій смыслъ явленія быстро выяснился и упрочился въ полномъ преобразованіи литературы.

XV.

Новой молодежи, отметавшей сословныя и свѣтскія преданія общества, естественно было совершенно измѣнить старыя отношенія къ «искусствамъ творческимъ, прекраснымъ».

Уже эти слова въ устахъ Чацкаго звучатъ знаменательнымъ чувствомъ—все равно, какъ и его рѣчь о народѣ. Такъ не будетъ выражаться читатель, поглощающій страницы стиховъ, будто прохладительный напитокъ, на досугѣ, между другими, болѣе существенными развлеченіями. Очевидно и здѣсь исчезаетъ старое эпикурейское бездушіе, свѣтскій формализмъ, и литература становится словомъ живымъ, насущнымъ хлѣбомъ дѣйствительно просвѣщенной мысли.

Но вѣдь это еще болѣе странное новшество, чѣмъ чиновничья служба! И главное, болѣе опасное, потому что книгу могутъ прочесть многіе и заразиться тѣмъ же недугомъ уваженія къ умственному труду и писательскому таланту.

Въ результатѣ, эпоха протестующихъ надворныхъ судей увидѣла едва ли не самый жестокій и продолжительный расколъ

между исконной публикой, аристократическимъ обществомъ и литературой. Не только расколъ, а непримиримую, воинственную ненависть, не заглохшую въ теченіе десятилѣтій.

Раньше писатель жилъ въ самомъ глубокомъ и трогательномъ мирѣ съ высшимъ «свѣтомъ». Его здѣсь не особенно уважали, но именно поэтому онъ и велъ себя тише воды, ниже травы. Готовясь писать какое-нибудь новое твореніе, онъ всякій разъ или открыто, или безмолвно обращался къ своей публикѣ съ умильнымъ запросомъ: *чего изволите?..*

И немедленно появлялась или трагедія на тему «громъ побѣды раздавайся», или жанровая картинка съ мужичкомъ...

Вдругъ такой порядокъ радикально измѣнился. Прежде писательство доставляло одно наслажденіе, во всякомъ случаѣ, никто не думалъ тѣснить ни Карамзина, ни Жуковскаго только за то, что они занимаются литературой; напротивъ, даже поощряли и часто одобряли. Теперь ничего подобнаго.

Прочтите біографіи Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова—трехъ поэтовъ, создавшихъ новую литературу, вы будете поражены однимъ и тѣмъ же фактомъ. Всѣ они будто прирожденные враги окружающаго общества, для двухъ изъ нихъ война начинается въ нѣдрахъ семьи, для всѣхъ троихъ идетъ всю жизнь на свѣтскомъ поприщѣ и заканчивается трагической развязкой.

Грибоѣдову приходится совершить своего рода мытарство изъ за литературныхъ влеченій. Семья требуетъ карьеры, службы и даже прислуживанья, будущій авторъ *Горя отъ ума* весь поглощенъ мечтами о писательствѣ, т. е. о совершенно презрѣнномъ занятіи, въ глазахъ матери. Междоусобица достигаетъ такихъ предѣловъ, что поэтъ рѣшается завидовать пріятелю: у того нѣтъ матери, которой онъ долженъ казаться неосновательнымъ! Даже больше. Грибоѣдовъ приходитъ къ убѣжденію, что «истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный».

Ярче трудно выразить разладъ отцовъ и дѣтей на зарѣ нашей національной литературы.

Подобная исторія съ Пушкинымъ, пожалуй, даже еще болѣе оскорбительная. Ему приходится отвоевывать свое достоинство поэта, званіе литератора предъ начальствомъ, предъ товарищами по службѣ. О семьѣ нечего и говорить: здѣсь просто не признаютъ даже умственнаго развитія будущаго геніальнаго поэта и не интересуются ни нравственной, ни даже внѣшней его жизнью.

И послушайте, какъ осмѣливается говорить Пушкинъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ въ письмѣ къ начальнику. Мы рядомъ слышимъ отголоски стараго, но далеко не отжившаго общественнаго

взгляда на литературу, и возникновеніе новаго, въ полномъ смыслѣ революціоннаго.

«Ради Бога, не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риѳмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка. Оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость».

Тотъ, кому было адресовано письмо, сослуживцы поэта и его свѣтскіе пріятели ничего подобнаго не могли представить.

И не только они.

Пройдетъ вся славная дѣятельность поэта, онъ погибнетъ кровавой смертью, и все-таки о немъ нельзя будетъ говорить въ печати. Появится одно краткое извѣстіе, но и за него редакторъ получитъ жестокій выговоръ... Стоитъ ли говорить о человѣкѣ, не бывшемъ ни генераломъ, ни министромъ? «Писать стихи не значитъ еще проходить великое поприще»...

Это будетъ сказано по поводу литератора, покровительствуемаго верховной властью, поэта, съ громадной популярностью во всей странѣ, камеръ-юнкера и аристократа!

Чего же ждать другимъ, менѣе блестящимъ и сильнымъ!

Естественно, начало новой литературы своего рода драматическая хроника и не по обыкновенной вполнѣ понятной причинѣ, не по цензурнымъ строгостямъ, а по общественному варварству, стихійной враждѣ «свѣта» къ нравственно-отвѣтственному, идейно-осмысленному слову.

Цензура сравнительно капля горечи въ испытаніяхъ, претерпѣнныхъ нашими поэтами отъ окружавшаго ихъ общества. Но даже и эта капля въ сильнѣйшей степени общественнаго происхожденія. Яростнѣйшими врагами грибоѣдовской комедіи явились московскіе тузы и сплетницы, первыми гонителями Лермонтова за стихотвореніе на смерть Пушкина и первыми виновниками его изгнанія были именно «надменные потомки»; исторія знаетъ ихъ даже по именамъ. Наконецъ, не цензура приковала Грибоѣдова къ карьерѣ ненавистными цѣпями съ послѣднимъ звеномъ—насильственной смерти, не цензура отравила семейное счастье Пушкина, а у Лермонтова о цензурѣ рѣдко даже упоминается, но за то ни у одного поэта въ мірѣ нельзя найти столь обидныхъ и безпощадныхъ издѣвательствъ надъ «свѣтомъ»...

Да, величайшимъ врагомъ русской національной литературы оказалась публика, точнѣе, новой литературѣ пришлось создавать и новую публику. Подобно Чацкому, бѣгущему изъ фамусовскаго салона, писателямъ также необходимо было окончательно выйти

изъ старой теплицы и кликнуть кличъ къ другимъ читателямъ и зрителямъ, къ иному міру, гдѣ вѣковое сибаритство, жеманная игра въ бутафорскій героизмъ и дѣтскую маниловщину не опустошили еще душъ и сердецъ, гдѣ можно было говорить искреннимъ, роднымъ языкомъ о родныхъ людяхъ и дѣлахъ.

Этотъ міръ пока представлялся еще очень тѣснымъ, немноголюднымъ, но ему суждено расти и шириться со дня на день! Стоило только великимъ національнымъ талантамъ обратиться къ націи и среди нея неминуемо должны послышаться отвѣтные, сочувственные, вскорѣ восторженные отголоски.

И когда у русскаго писателя образовалась, наконецъ, публика, вопросъ объ его человѣческомъ достоинствѣ и независимости рѣшился окончательно. Изъ наемника и забавника *господъ*, онъ сталъ учителемъ и вождемъ *друзей*. Не всегда осуществлялась и даже могла осуществиться эта дружба, но по временамъ чувство нравственнаго единенія литературы и публики будетъ сказываться такъ ярко, такъ вдохновенно, что одинъ подобный моментъ, по культурному и общественному значенію, стóитъ всѣхъ почестей и поощреній меценатскаго царства.

Мы видимъ, сколько исключительно трудныхъ задачъ предстояло преобразователямъ литературы. Можно сказать, нигдѣ и никогда писатель не находился лицомъ къ лицу съ такой тучей темныхъ силъ. Нигдѣ ему одновременно не приходилось сѣять и обрабатывать почву для посѣва.

На Западѣ задолго до борьбы мѣщанскихъ драматурговъ съ классицизмомъ существовала вполнѣ готовая публика, съ нетерпѣніемъ ждавшая увидѣть себя на сценѣ и въ романѣ. Писатели только рѣшились промѣнять однихъ поклонниковъ на другихъ.

То же самое и съ романтизмомъ.

Гюго изъ монархиста и бонапартиста превратился въ либерала подъ самымъ повелительнымъ давленіемъ современныхъ политическихъ событій, и принялся сочинять законы литературнаго либерализма, настоятельно поощряемый многочисленными сочувственниками.

Ничего подобнаго у насъ въ первой четверти вѣка.

Писатель обращался будто въ пространство съ новыми идеями и новымъ творчествомъ. Въ личную жизнь, со всѣхъ сторонъ неслись къ нему почти исключительно неодобренія и насмѣшки. Сочувствующая публика, если она и существовала, не принадлежала къ средѣ поэта и только въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, на первомъ представленіи грибоѣдовской комедіи, можно было различить новаго читателя. Впослѣдствіи его Гоголь изобразилъ въ лицѣ «очень скромно одѣтаго человѣка»...

И этотъ читатель отличался скромностью не только по платью, но и по способу и возможности высказывать свои мнѣнія. Господа comme il faut, чиновники разныхъ лѣтъ и ранговъ, даже «неизвѣстно какіе люди» могли кричать несравненно громче и внушительнѣе, потому что за нихъ стояла привычка, патентованная критика въ лицѣ ученыхъ эстетиковъ и бойкихъ журналистовъ. Писателю самому предстояло и творить, и оправдывать свои творенія.

Задача въ высшей степени рискованная. Всѣ авторитеты на сторонѣ школъ, піитикъ и вообще *теорій*. За отважнаго нововводителя только здравый смыслъ и художественная талантливость. Противъ него буквально вѣками выработанныя правила вкуса, точныя формулы, оправданныя общепризнанными образцовыми произведеніями непогрѣшимой французской словесности. За него—свобода и простота творчества, національность его содержанія.

Но вѣдь давно извѣстно, простота дается людямъ несравненно труднѣе, чѣмъ самая хитрая искусственность, вездѣ и въ жизни, и въ искусствѣ. А національность,—это совершенно новый міръ, нѣчто дикое для патріотовъ съ «народной гордостью» въ карамзинскомъ стилѣ и для младенчествующихъ мечтателей «святого» романтизма. Національность,—*подлинная* русская дѣйствительность, освѣщенная русскимъ народнымъ юморомъ и разумомъ... Развѣ все это снилось даже въ самыхъ романтическихъ видѣніяхъ пѣвцамъ подмосковныхъ Клариссъ?

Борьба являлась неизбѣжной, и счастье русскаго искусства, что во главѣ нападающихъ стали сильнѣйшіе таланты не только нашей, а вообще всей новой европейской литературы.

XVI.

Поэты родятся—это старая истина, ее слѣдуетъ дополнить: родятся и критики, потому что создавать художественныя произведенія и цѣнить ихъ—таланты родственные, одинаково не внушаемые учебниками и диссертаціями.

Это правило, хотя и не во всей полнотѣ, понималъ еще Жуковскій. Въ статьѣ *О критикѣ* онъ очень краснорѣчиво изображалъ и оправдывалъ критиковъ, какъ художниковъ-психологовъ, какъ людей чуткихъ и къ «дѣйствіямъ страстей и тайнамъ характеровъ», и къ красотамъ природы.

Нашъ романтикъ только не закончилъ своего изображенія, не дерзнулъ окончательно установить права чуткости, личной художественной свободы поэта и критика. Онъ все еще толкуетъ о «правилахъ образованнаго вкуса», восхищается лагарповской тео-

ріей драматическаго искусства, хотя и обмолвливается очень знаменательной мыслью.

«Онъ, т. е. истинный критикъ, знаетъ всѣ правила искусства, знакомъ съ превосходнѣйшими образцами изящнаго, но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ; въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства»...

Распространите это замѣчаніе на всю литературу, все равно, классическую и посредственную, предоставьте художественно одаренной натурѣ выбирать *свои* пути и стремиться къ *своему* совершенству, вы немедленно поставите искусство въ исключительную зависимость отъ творческаго таланта, жизненности и значительности его созданій. Вы покончите съ правилами и теоріями, и поставите судьями правду и свободу.

Не Жуковскому, лишенному оригинальнаго поэтическаго генія, было вступить на эту дорогу, хотя его статья возникла очень рано, въ 1809 году, среди полнаго торжества чувствительности и наканунѣ романтизма. Этотъ фактъ въ высшей степени любопытенъ. Онъ показываетъ, какъ непрочно было у насъ господство европейскихъ школъ. Въ статьѣ Жуковскаго будто борется заря новаго дня съ тѣнями ночи, правила искусства съ личнымъ художественнымъ инстинктомъ... Представьте, этотъ инстинктъ воплотится въ сильной, цѣльной поэтической личности, сильной настолько, чтобы увлечь за собой публику, и по своей цѣльности неспособной на сдѣлки:—правиламъ конецъ!

Такъ и произошло сначала благодаря одной комедіи Грибоѣдова.

Прежде всего замѣчательны юношескія наклонности будущаго грознаго врага классицизма. Какъ истый сынъ своего поколѣнія, Грибоѣдовъ еще школьникомъ обнаруживаетъ любопытнѣйшія *національныя* влеченія. Онъ составляетъ программу научныхъ занятій, и на первомъ планѣ этихъ *Desiderata* стоитъ изученіе русской исторіи по источникамъ, по лѣтописямъ, запискамъ Герберштейна. Дальше слѣдуетъ даже филологія, грамматическія занятія русскимъ языкомъ. Первые литературные опыты—сатиры и эпиграммы...

Это опять достойно вниманія. Всѣ три основателя русской національной литературы начнутъ и должны будутъ начать крайне запальчивыми насмѣшками надъ окружающей средой. Эпиграммы, а не лирическіе гимны, столь обычные у юныхъ поэтовъ, отмѣтятъ первое пробужденіе творчества у Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова. Они, конечно, не единственные напѣвы юношеской музы, но уже самое появленіе ихъ внушительно. Они вызывались

не столько прирожденными сатирическими вкусами поэтовъ, сколько обиліемъ лжи, всевозможныхъ уродствъ на каждомъ шагу въ современномъ свѣтскомъ обществѣ.

Фактъ, отлично понятый Гоголемъ. Геніальный поэтъ говоритъ рядомъ о комедіяхъ Фонвизина и Грибоѣдова и имѣетъ въ виду только ихъ *возникновеніе*, не касается ни авторскихъ настроеній, ни практическаго значенія сатиры того и другого автора. Мы знаемъ, какая громадная разница между смѣхомъ Фонвизина и Грибоѣдова и изъ какихъ совершенно несходныхъ общихъ идеаловъ исходило негодованіе у екатерининскаго комика и у человѣка первой четверти XIX-го вѣка.

Но основа, создавшая обѣ комедіи, дѣйствительно одинакова. «Наши комики,—говоритъ Гоголь, — двинулись общественною причиною, а не собственною, возстали не противъ одного лица, но противъ цѣлаго множества злоупотребленій, противъ уклоненія всего общества отъ прямой дороги. Общество сдѣлали они какъ бы собственнымъ своимъ тѣломъ; огнемъ негодованія лирическаго зажглась безпощадная сила ихъ насмѣшки. Это—продолженіе той же брани свѣта со тьмою, внесенной въ Россію Петромъ, которая всякаго благороднаго русскаго дѣлаетъ уже невольно ратникомъ свѣта. Обѣ комедіи ничуть не созданія художественныя и не принадлежатъ фантазіи сочинителя. Нужно было много накопиться сору и дрязгъ внутри земли нашей, чтобы явились онѣ почти сами собою, въ видѣ какого-то грознаго очищенія».

Столь же непосредственное, стихійно-необходимое очищеніе произошло и въ самомъ искусствѣ, въ силу не надуманной тенденціи, а личнаго невольнаго отвращенія къ фальши и рабству литературы. Все равно, какъ дѣйствительность вызвала сатиру только въ силу *благородства* новыхъ наблюдателей жизни, такъ старое искусство подверглось нападенію въ силу *поэтической природы* молодыхъ писателей.

И Грибоѣдовъ одновременно съ эпиграммами общественнаго содержанія предпринимаетъ пародію *Дмитрій Дрянской* на классическую трагедію Озерова. Это первая стычка нарождающейся національной критики съ европейскими школами. Генеральное сраженіе—*Горе отъ ума*.

Трудно сказать, въ какомъ отношеніи грибоѣдовская комедія вызвала больше протестовъ—или какъ сатира на общество, или какъ оскорбленіе *правилъ*.

Противъ сатиры возмущались ея жертвы Фамусовы, Хлестовы: того и слѣдовало ожидать и поэтъ не имѣлъ права ни изумляться, ни особенно огорчаться. Онъ вполнѣ откровенно списывалъ своихъ

героевъ съ реальныхъ лицъ. Но врядъ ли онъ могъ отнестись съ такимъ же настроеніемъ къ литературной критикѣ, притомъ исходившей отъ его ближайшихъ друзей.

Одинъ изъ нихъ, Катенинъ, усердный почитатель французскаго классицизма, затянулъ обычную пѣсню на счетъ правилъ и авторитетовъ, укорялъ автора за то, что въ его пьесѣ «дарованія больше, нежели искусства». Въ болѣе точномъ переводѣ это означало: болѣе жизни, чѣмъ теоріи, правды, чѣмъ искусственности.

Отвѣтъ Грибоѣдова по истинѣ заслуживаетъ безсмертія. Съ него слѣдуетъ считать начало русской національной критики. *Поэтъ* явился предшественникомъ всѣхъ позднѣйшихъ литературныхъ идей, не исключая Бѣлинскаго и публицистовъ шестидесятыхъ годовъ.

«Дарованія болѣе, нежели искусства»—самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, — отвѣчалъ Грибоѣдовъ классику,—«не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе; въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученьемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ скорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *Nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно».

Это заявленіе, до конца осуществленное на практикѣ, должно быть поставлено во главѣ нашей литературы... И оцѣните всю разницу подобнаго авторскаго рѣшенія съ поведеніемъ французскихъ самыхъ отважныхъ поэтовъ!

Тамъ непремѣнно поднималась рѣчь о новыхъ *правилахъ* въ замѣну старыхъ. Писатель, одновременно съ своимъ оригинальнымъ творчествомъ, стремился образовать *школу* и написать для нея *законы*. Если онъ и говорилъ о *свободѣ*, разумѣлъ не личную творческую свободу художника, а свободу *отъ чужого подданничества* и подчиненность новому главѣ школы, chef de l'école, и новому регламенту искусства.

Совершенно обратное у насъ.

Первый, дѣйствительно, сильный и оригинальный поэтъ своей силой пользуется для провозглашенія принципа *свободы*, безъ всякихъ оговорокъ; напротивъ, онъ желалъ бы безусловно устранить

хитрости и *глупости*, именно все то, безъ чего, по воззрѣніямъ школьнаго искусства, немыслимо настоящее искусство.

Это рѣшительный разрывъ съ иноземными литературными вліяніями и онъ съ каждымъ годомъ будетъ становиться ярче и безповоротнѣе. Преемники Грибоѣдова по освобожденію русской литературы отъ европейскаго школьнаго ига быстро дойдутъ до глубочайшей основы національнаго творчества, откроютъ поэзію въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ.

Откуда придетъ это вдохновеніе?

Вопросъ—исключительный по своему интересу во всей литературной европейской исторіи.

Пушкинъ съ дѣтства поглощаетъ французскія книги, окруженъ французскими учителями, обиходный языкъ—французскій и будущій поэтъ старается даже сочинять по французски... Но здѣсь же рядомъ приснопамятная няня Родіоновна. Ей поэтъ писалъ такія, напримѣръ, обращенія:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!..

За что?.. Не за одно любящее сердце, а за *науку* также, самую неожиданную въ старомъ барскомъ домѣ, за народныя сказки и были, за истинно художественное наслажденіе, подчинявшее себѣ умъ и душу будущаго великаго поэта.

Дальше, его достойный наслѣдникъ, юноша страстной, неукротимой натуры, повидимому, самой природой созданный для эффекта, ослѣпительнаго трагизма, оглушительнаго краснорѣчія иноземнаго, особенно французскаго романтизма. И онъ дѣйствительно увлечется поэтомъ бурныхъ желаній и воинственнаго гнѣва.

Но опять, будто нѣкіимъ внушеніемъ, пѣвецъ Демона поднимается на защиту русскихъ сказокъ, даже не зная ихъ съ такой основательностью, какъ Пушкинъ.

Съ тринадцати лѣтъ онъ принимается переписывать произведенія русскихъ поэтовъ, два года спустя онъ жалѣетъ, что не слыхалъ въ дѣтствѣ русскихъ народныхъ сказокъ: «въ нихъ,—думаетъ Лермонтовъ,—вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности».

А вотъ письмо, написанное Лермонтовымъ изъ Москвы по поводу шекспировскаго *Гамлета*. Автору въ это время пестнадцать лѣтъ и онъ защищаетъ и автора, и пьесу противъ любительницы французскаго театра.

«Начну съ того, что имѣете переводы не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять вы-

сокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ родъ трагедіи и вышустилъ множество характеристическихъ сценъ: эти переводы, къ сожалѣнію, играются у насъ на театрѣ».

Мы оцѣнимъ впослѣдствіи весь практическій смыслъ впечатлѣній Пушкина и Лермонтова, когда познакомимся съ отчаянными усиліями университетскихъ профессоровъ литературы во что бы то ни стало поддержать въ сердцахъ своихъ слушателей пламя классицизма и культа французскаго художественнаго генія.

Но трудно было даже съ самымъ блестящимъ учительскимъ краснорѣчіемъ бороться противъ непреодолимой власти генія, питаемаго могучими соками національности.

Грибоѣдовская комедія совершила безпримѣрное завоеваніе публики: задолго до представленія на сценѣ и до появленія въ печати, по Россіи, говорятъ, разошлось до сорока тысячъ списковъ пьесы и на первомъ представленіи, по словамъ очевидца, не было зрителя, не знавшаго комедіи наизусть...

Что могла сдѣлать какая угодно *школа* противъ подобныхъ фактовъ? А между тѣмъ, на помощь Грибоѣдову возставала новая, еще болѣе грозная творческая сила. Ей предстояло нанести послѣдній ударъ россійско-европейскимъ направленіямъ и обезпечить будущее русскому искусству.

XVII.

Можетъ быть, ни на одномъ русскомъ писателѣ не отразилось до такой степени хаотическое состояніе исторіи нашей литературы, какъ на Пушкинѣ. Поэту давно воздвигнутъ всероссійскій памятникъ, а между тѣмъ образъ его до сихъ поръ является соотечественникамъ въ какомъ-то смутномъ, едва проницаемомъ туманѣ.

До послѣднихъ дней еще возможенъ судъ надъ авторомъ *Евгенія Онѣгина*, какъ надъ чистымъ художникомъ въ новѣйшемъ смыслѣ, какъ надъ брезгливымъ аристократически-гордымъ жрецомъ «святого искусства», и до сего дня извѣстная отповѣдь толпѣ, вырвавшаяся у поэта въ одну изъ столь многочисленныхъ минутъ его праведнаго негодованія, ставится во главу его изображенія, какъ писателя и какъ человѣка своего времени.

Даже образованность и широкое умственное развитіе поэта до послѣдняго времени оставались сомнительными вопросами въ біографіи Пушкина. А между тѣмъ, даже если и усомниться въ точности и правдивости сообщеній современниковъ, напримѣръ, записокъ Смирновой, восторженныхъ воспоминаній Гоголя, достаточно совершенно подлинныхъ произведеній самого поэта, для вполнѣ

опредѣлённой оцѣнки его—не поэтическаго генія: онъ внѣ сомнѣній, а критическаго ума и изумительной культурности всей его природы.

Было бы въ высшей степени любопытной психологической задачей написать подробную исторію литературнаго развитія Пушкина. Врядъ ли можно назвать еще другого поэта въ какой бы то ни было литературѣ, прошедшаго такой быстрый и въ то же время содержательный путь критической мысли. Ея постепенный ростъ у Пушкина, пожалуй, даже поразительнѣе его творческихъ успѣховъ.

Сначала это не болѣе, какъ очень талантливый школьникъ, виртуозъ риѳмъ, повидимому, безнадежно легкомысленный, «французъ», по прозвищу товарищей. Онъ не внушаетъ довѣрія даже ближайшимъ и благосклоннѣйшимъ своимъ знакомымъ. По крайней мѣрѣ, члены современныхъ тайныхъ обществъ не посвящаютъ его въ свои собранія: онъ не надеженъ, недостаточно серьезенъ для такого дѣла!

Поэта постигаетъ изгнаніе за вольные стихи, но и оно не создаетъ ему особенно почетной репутаціи. Тѣмъ болѣе, что и жизнь, и поэзія Пушкина на югѣ не давали никакого основанія уважать въ немъ дѣйствительно-страдающаго писателя и гражданина. Блестящія произведенія слѣдуютъ одно за другимъ, кружатъ головы читателямъ и читательницамъ, но никому и на умъ не приходитъ, какой душевный процессъ совершается съ авторомъ *Руслана*, *Плѣнника*, Алеко и другихъ эффектнѣйшихъ романтическихъ созданій.

А между тѣмъ, въ самый разгаръ славы, поэтъ рѣшается на истинно-героическій, самоотверженный шагъ: онъ идетъ прямымъ путемъ къ разрыву съ публикой, упоенной его поэмами. Онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ перерастаетъ просвѣщеннѣйшихъ читателей, своихъ личныхъ друзей и еще вчерашнихъ учителей, у него слагается своя критика и теорія словесности, совершенно не допустимая на взглядъ современныхъ любителей и знатоковъ литературы.

Революція начинается съ Байрона.

Пушкинъ такъ много обязанъ англійскому поэту! Вѣдь всѣ его герои демонической складки и ихъ героини—прямые потомки байроновской музы. А *Кавказскій плѣнникъ*, напримѣръ, можетъ считаться даже весьма точнымъ подражаніемъ *Корсару*. Самъ авторъ это признаетъ: вѣдь онъ «съ ума сходитъ» отъ Байрона!..

Года два спустя по выходѣ въ свѣтъ этого самаго *Плѣнника*, Пушкину приходится высказать свое общее мнѣніе о Байронѣ по

поводу его смерти. Онъ не согласенъ съ чувствами кн. Вяземскаго, оплакивающаго безвременную, по его мнѣнію, кончину «властителя думъ» русской молодежи.

«Тебѣ грустно по Байронѣ,—пишетъ Пушкинъ,—а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи... Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью... Постепенности въ немъ не было. Онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ, пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились».

Эта идея *своевременной* смерти Байрона была высказана и Гёте, четырьмя годами позже, въ бесѣдахъ съ Эккерманомъ. Ни о какомъ заимствованіи русскаго поэта не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Любопытны и дальнѣйшія совпаденія литературныхъ сужденій молодого Пушкина съ нѣкоторыми идеями старца Гёте. Геніальное художественное чувство, очевидно, не знаетъ возрастовъ.

Одновременно съ байронизмомъ, Пушкина очень занимаетъ вопросъ вообще о романтической школѣ. Поэтъ усиливается объяснить себѣ сущность русскаго романтизма, безпрестанно касается этой темы въ письмахъ къ друзьямъ, даже въ романѣ *Евгеній Онѣгинъ* и, повидимому, никакъ не можетъ придти къ удовлетворительному отвѣту.

Но теоретическій отвѣтъ и невозможенъ былъ. Жуковскій считался представителемъ романтической школы, но Пушкинъ отлично понималъ, что отъ «святости» и «чертовщины» пѣвца Свѣтланы одинаково далеко до подлиннаго романтизма. О поэзіи Ленскаго дается, между прочимъ, такой отзывъ:

Такъ онъ писалъ темно и вяло,—
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я;—да что намъ въ томъ)?

О стихахъ Жуковскаго нельзя сказать *вяло*, но темнота и особенно сентиментальность претили Пушкину не менѣе вялости. Въ отзывѣ о Жуковскомъ онъ настаиваетъ преимущественно на его «образцовомъ переводномъ слогѣ». Буквально то же самое повторитъ впослѣдствіи и Гоголь.

Очевидно, Пушкинъ не способенъ помириться съ «святымъ» романтизмомъ русской литературы. Но онъ вскорѣ покончиваетъ и съ демоническимъ направленіемъ. Уже въ 1825 году его собственныя поэмы ему «надоѣли». «*Русланъ*—молокососъ, *Плѣнникъ*—зеленъ». Онъ будто инстинктивно нападаетъ на настоящую романтическую струю.

Развѣнчивая поэмы, онъ прибавляетъ: «я написалъ трагедію

и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма».

Рѣчь шла о *Борисѣ Годуновѣ* и означала прежде всего совершенное уничтоженіе французской классической теоріи. Это само собой разумѣлось, хотя Пушкинъ не преминулъ набросать не мало замѣтокъ нарочито противъ старой школы. Гораздо важнѣе дальнѣйшіе выводы.

Авторъ сосредоточилъ все свое вниманіе на *историческомъ* духѣ эпохи и *національныхъ* чертахъ героевъ и событій. Онъ изучаетъ лѣтописи, сочиненіе Карамзина, добивается житія какого-нибудь юродиваго, вообще работаетъ скорѣе какъ изслѣдователь, чѣмъ вдохновенный поэтъ.

И это называется романтизмомъ! Наименованіе слишкомъ лестное и не всегда заслуженное даже для европейской школы.

Пушкинъ всѣми силами избѣгалъ эффектовъ, приподнятаго драматизма, искусственно-подчеркнутыхъ характеровъ... Развѣ все это входило въ обычную практику даже талантливѣйшихъ романтиковъ? Кто изъ нихъ рѣшался исторической правдѣ и будничной простотѣ принести въ жертву сценичность и показную яркость трагедіи? Кто съ талантомъ автора *Цыганъ* и *Бахчисарайскаго фонтана* рѣшился бы подчинить полетъ своего воображенія первобытному повѣствованію темнаго лѣтописца?

Очевидно, если это и былъ романтизмъ, то весьма своеобразный, не похожій ни на романтизмъ Шиллера, ни на «либеральную» школу Гюго, ни на байронизмъ Ламартина, и менѣе всего на поэзію самого Байрона. Ближе всего русскій поэтъ сталъ къ Шекспиру.

Трагедіи Байрона рѣзко осуждены за монотонность, лаконическую аффектацію, вообще за *неестественность*. Пушкинъ смѣется надъ романтическими злодѣями, даже фразу «дайте мнѣ пить» произносящими по злодѣйски, ставитъ въ примѣръ Шекспира: онъ предоставляетъ герою говорить какъ ему угодно, сообразно съ его драматическимъ характеромъ.

Но Пушкинъ видѣлъ въ Шекспирѣ только *принципіальнаго* учителя, а не руководителя во всѣхъ частностяхъ творчества. Шекспиръ вѣренъ природѣ и исторіи: это общее правило, и Шекспиру будетъ вѣренъ не тотъ, кто подражаетъ его отдѣльнымъ произведеніямъ, а кто вообще стремится воспроизводить правду и исторію.

Въ Англіи прошлое—*свое* англійское, ничѣмъ не похожее на русское, и русскій послѣдователь Шекспира долженъ возсоздавать въ искусствѣ *русскую* дѣйствительность. А эта дѣйствительность

сама по себѣ лишена всякаго романтизма, въ ней нельзя найти ни лицъ, ни событій, переполняющихъ драматизмомъ и сильными эффектами шекспировскую сцену. Въ русской исторіи нѣтъ ни Ричардовъ, ни Норфольковъ, ни Маргаритъ. Здѣсь все неизмѣримо скромнѣе, заурядиѣе, проще. Слѣдовательно, и русская *романтическая* трагедія выйдетъ по существу вовсе не романтической даже въ шекспировскомъ смыслѣ. Это будетъ скорѣе *реальная* историческая хроника въ прямой зависимости *отъ предмета*, избраннаго поэтомъ. И такимъ путемъ романтизмъ *логически* исчезаетъ съ русской сцены, разъ признаны основы національности и жизненности.

Пушкинъ, слѣдовательно, толкуя о романтизмѣ, увлекаясь Шекспиромъ, стоялъ на пути къ самому настоящему реализму, къ той самой литературѣ, какую онъ первый привѣтствовалъ въ произведеніяхъ Гоголя.

XVIII.

Пушкинъ слишкомъ хорошо зналъ современныхъ цѣнителей искусства, чтобы не предвидѣть участи своихъ критическихъ выводовъ. Онъ «размышлялъ о трагедіи», создавая Годунова, но не написалъ къ ней предисловія: «Я бы произвелъ скандалъ»—je ferais du scandal,—писалъ Пушкинъ своему другу Раевскому.

И поэтъ объяснялъ почему. «Это жанръ, можетъ быть, менѣе всего признанный». И дальше онъ пускался въ ядовитѣйшія насмѣшки надъ классицизмомъ, писалъ, въ сущности, *предисловіе* къ своей трагедіи.

И Пушкинъ долженъ былъ написать его въ какой бы то ни было формѣ.

Ему предстояло безпрестанно защищать свою трагедію и свой романъ отъ друзей; о критикахъ нечего и говорить.

Стоило Пушкину отбросить романтическіе уборы, и со всѣхъ сторонъ послышались сожалѣнія о паденіи таланта. «Свѣтильникъ души поэта угасъ», говорили самые благосклонные читатели. Гоголь много лѣтъ спустя писалъ по поводу *Мертвыхъ душъ*: «Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ, но пошлости не простили мнѣ»... Въ сильнѣйшей степени эту участь испытывалъ Пушкинъ, быстро переходя къ реальному національному искусству.

Евгеній Онѣгинъ повторилъ исторію *Горе отъ ума* съ единственной разницей: тамъ смущались классики, здѣсь романтики.

Раевскій, одинъ изъ первыхъ посвятившій Пушкина въ чары демонизма, не узнавалъ блестящаго пѣвца кавказской природы въ

скромномъ бытописателѣ. Ему хотѣлось *романтизма* въ общепринятомъ смыслѣ, и не входила въ душу простая русская жизнь и совершенно не героическій отечественный герой: такъ же смотрѣлъ на романъ и другой, не менѣе просвѣщенный пріятель автора, Бестужевъ.

Онъ предъявлялъ самыя выспреннія требованія къ поэзіи, Пушкинъ доказывалъ ея права и на «легкое и веселое»; «картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи».

Все это трудно понять самимъ свѣтскимъ людямъ; еще труднѣе оказалось для профессоровъ и журналистовъ.

Мы впослѣдствіи ближе познакомимся съ критическими взглядами двухъ даровитѣйшихъ представителей науки и публицистики въ эпоху появленія новой пушкинской поэзіи—Надеждина и Полевого. Исходные принципы критиковъ различны, но они сошлись въ своихъ приговорахъ надъ романомъ Пушкина. Для того и для другого *Евгеній Онѣгинъ* оказывался пустяковиннымъ бумагомараніемъ, *capriccio*, нигилизмомъ, «поэтической бездѣлкой», самое большое—«блестящей игрушкой»! А профессоръ даже все творчество Пушкина называлъ только «пародіей».

А между тѣмъ, Надеждинъ отнюдь не былъ педантомъ, а Полевой—случайнымъ ремесленникомъ: оба стояли въ первомъ ряду современныхъ эстетиковъ и вообще писателей. Легко представить, сколько поэту пришлось испортить крови ради рецензентовъ и критиковъ! Вся его надежда могла основываться исключительно на публикѣ въ возможно широкомъ смыслѣ, на торжествѣ правды и таланта въ общественномъ мнѣніи.

И вотъ къ этой-то публикѣ поэтъ обратился съ *своей* теоріей словесности, сообразно съ цѣлями изложилъ ее стихами и вставилъ въ самый романъ.

Прежде всего еще въ третьей главѣ остроумно изображены сентиментализмъ и романтизмъ, часто сливавшіеся въ одну смѣхотворную пародію на дѣйствительность.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало пламенный творецъ
Являлъ вамъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,—
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части

Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

Вы видите, эти стихи—прямые предшественники знаменитой гоголевской насмѣшки надъ пристрастіемъ писателей къ «добродѣтельному человѣку». Такъ писалъ Пушкинъ, приблизительно, въ 1824 году, т. е. въ періодъ своего охлажденія къ байронизму.

Но вѣдь Гоголь—признанный живописатель пошлости, самыхъ мелкихъ и непоэтическихъ явленій. Всѣмъ извѣстно его сопоставленіе *двухъ* поэтовъ—лирика и сатирика, писателя, минующаго скучные характеры и печальную дѣйствительность, ни разу не измѣнявшаго возвышеннаго строя своей лиры, вообще витающаго вдали отъ бреннаго земного праха, и писателя, выставляющаго тину житейскихъ мелочей и повседневные характеры.

Давно принято въ этомъ сопоставленіи видѣть Пушкина и самого Гоголя. Это заблужденіе, и прежде всего несправедливость со стороны Гоголя.

Стоило ему прочесть пятую главу Онѣгина и *Родословную моего героя*, чтобы отказаться видѣть пропасть между своимъ учителемъ и самимъ собой, именно какъ изобразителемъ «пошлости».

Вотъ любопытнѣйшее послѣдовательное развитіе реальной теоріи искусства въ пушкинскихъ стихахъ.

Сначала идетъ вопросъ только о національности и будничности мотивовъ и героевъ:

Быть можетъ, волею небесъ
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы.
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу.
Но просто всѣмъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

Поэту самому будто странны такіе вкусы у него, байрониста и романтика—и онъ юмористически сравниваетъ себя!—прежде и теперь.

Порой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая!
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!

Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я изображалъ...

Теперь далеко до Заремы, до Гиреевъ и прочихъ сновъ юности. На смѣну имъ явятся не только не романтическія фигуры, а даже не допустимыя въ простомъ свѣтскомъ обществѣ. Мы видѣли, поэтъ защищалъ свѣтскую жизнь, какъ предметъ поэзіи, теперь онъ устремляется гораздо глубже въ «фламандскій соръ» требуетъ мѣста среди литературныхъ героевъ «коллежскому регистратору», «станціонному смотрителю» и даже пьяному мужику.

О коллежскомъ регистраторѣ рѣчь ведется совершенно въ гоголевскомъ духѣ: «малый онъ обыкновенный», не Донжуанъ, не Демонъ, даже не цыганъ,

А просто гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
Отъ нашей братьи не отличный...

И, наконецъ, полнѣйшее заушеніе всякимъ чинамъ въ искусствѣ и всевозможному шуму и блеску всякихъ эстетическихъ *измовъ*.

Иныя нужны мнѣ картины;
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ...
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь хозяйка,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

Теорія шла къ быстрому осуществленію на практикѣ. Всѣ прозаическіе романы Пушкина—искусство фламандской школы, и со временемъ изъ подъ пера геніальнаго лирика, можетъ быть, явились бы первые образцы народнической литературы. Пушкинъ, весь одушевленный національными инстинктами и горячимъ стремленіемъ къ жизни и простотѣ, сошелъ съ поприща русской литературы истиннымъ творцомъ ея національнаго великаго будущаго.

И помните, творцомъ-художникомъ вопреки современной наукѣ и критикѣ. Одинъ только всевластный талантъ былъ одновременно учителемъ и соратникомъ поэта. Это—въ полномъ смыслѣ вдохновеніе геніальной натуры, органическое влеченіе къ творческой свободѣ и къ вѣчнымъ идеаламъ искусства.

Пушкинъ высказывалъ въ высшей степени серьезную мысль, будто иронически оправдывая себя за выборъ «ничтожнаго» героя.

«Вы правы,—говорилъ онъ рыцарямъ школъ, — но и я совсѣмъ не виноватъ», и, предоставляя читателямъ воскликнуть или «экой вздоръ» или «браво», онъ, поэтъ, своего пути не измѣнитъ: онъ убѣжденъ въ своемъ *правѣ*.

И мы увидимъ, на какой высотѣ должно было стоять это убѣжденіе, чтобы и себя оборонять отъ оглушительныхъ воплей «экой вздоръ», и ободрять другихъ, столь же одинокихъ на своей писательской дорогѣ. Мы впослѣдствіи оцѣнимъ всю важность пушкинскаго вліянія на Гоголя, разберемъ, что́ означало привѣтствіе геніальнаго прославленнаго поэта для начинающаго невѣдомаго литератора. Мы поймемъ также, почему Тургеневъ и Писемскій, столь, повидимому, несходные люди талантами и личностями, одинаково признавали Пушкина своимъ учителемъ и открытіе ему памятника—своимъ торжествомъ...

А теперь намъ остается сдѣлать общіе выводы изъ нашего обзора историческихъ судебъ русской литературы до вступленія ея на путь прогрессивнаго національнаго движенія.

Эти выводы, при всей своей значительности, подсказываются простой логикой фактовъ, въ сущности даже самими чистыми фактами.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КАРТИНКИ ВОЛЫНИ.

I.

Лѣсистая Волынь вся спряталась отъ глазъ въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ. Гдѣ-то тамъ ютятся бѣлые домики, сверкнетъ рѣчка и опять лѣса и лѣса. Но не дикіе лѣса Сибири, тайга, непроходимый складъ стоячаго и лежачаго гнилья. Это и не лѣса Уфимской губерніи,—запущенные, испорченные, проросшіе всякой дрянью,—урманъ, какъ называетъ такой лѣсъ башкиринъ, истребитель его. Это, наконецъ, и не южные лѣса Кавказа, переплетенные всякими вьющимися растеніями, дѣлающими ихъ совершенно непроницаемыми. Лѣса Подоліи—это, въ большинствѣ случаевъ, расчищенные парки, и владѣльцы ихъ щеголяютъ другъ передъ другомъ своимъ порядкомъ въ лѣсахъ и уходомъ за ними. Длинныя, прямыя просѣки идутъ черезъ каждую версту и тонутъ на горизонтѣ въ просвѣтѣ куска голубого неба. Иногда въ нихъ мелькнетъ стройная фигура огненно-желтаго дикаго козла или задумчиво, съ понуренной головой, пробредетъ тоже дикій кабанъ. Лаконическая вывѣска извѣщаетъ о запрещеніи постороннимъ охотиться. Здѣсь еще царство охоты. Красивая форма охотниковъ: куртки, перо за шляпой, видны ихъ домики съ дороги. Звѣрей кормятъ и ведутъ имъ счетъ. Но не всякаго звѣря холятъ,—волка, напримѣръ, истребителя козъ, совсѣмъ нѣтъ: случайно забѣжавшаго ждетъ быстрая и вѣрная смерть.

Я ѣду. Дорога лѣсомъ. Шляхтичъ Владекъ на козлахъ, пара голыхъ лошадокъ въ дышло съ нитянными шлейками на шеѣ, шарабанъ, на немъ сидѣнье. Дождикъ, грязно. На встрѣчу карета, четверка въ рядъ, на выносъ еще двѣ, шлеи, бичъ, головки лошадокъ, украшенныя перьями: такъ и вспоминаются картинки изъ былыхъ временъ польскихъ дворовъ. Въ окнѣ кареты дама съ слѣдами поблекшей красоты умнаго

польскаго лица, сѣдой, съ усами, гордый господинъ и все вмѣстѣ—впечатлѣніе остатка какой-то изъ цѣннаго фарфора игрушки. Это первое впечатлѣніе. Затѣмъ является сознаніе, что здѣсь это еще дѣйствительность. Невольный интересъ заглянуть въ эту жизнь. И вотъ я въ охотничьемъ домикѣ здѣшняго магната. Въ глухой части лѣса простой одноэтажный деревянный домикъ. Владѣлецъ гдѣ-то въ Индіи, въ погонѣ за тиграми. Здѣсь же вдоль оконъ и на стѣнахъ металлическія пластинки съ выбитой исторіей каждаго убитаго тетерева. Гдѣ, когда, на какомъ деревѣ, въ которомъ году и кто герой. Счетъ ведется съ конца шестидесятыхъ годовъ. Такія же таблицы на деревьяхъ. Одинъ изъ героевъ, убившій семнадцать глухарей, уже переселился въ лучшій міръ. Семнадцать глухарей! Всякому времени свои трофеи.

И мнѣ невольно рисуется картина далекаго прошлаго: пышные похороны польскаго короля—его трофеи. И эти похороны его потомка—такіе же пышные, съ той же сохранившейся формой, и трофеи жизни—семнадцать жетоновъ убитыхъ тетеревей.

А вотъ и памятникъ изъ гранита на томъ мѣстѣ, гдѣ дикій кабанъ поранилъ двухъ солдатъ, которые въ числѣ другихъ, поощряемые княжеской наградой, бросились на кабана въ надеждѣ захватить его живьемъ. Стоишь надъ этимъ красивымъ памятникомъ, хочешь его осмыслить, поймать здѣсь какой-нибудь порывъ, штрихъ, духъ, все то, что создало этотъ памятникъ; но съ какимъ-то туманомъ въ головѣ, съ пустымъ сердцемъ уходишь прочь отъ этого, имѣющаго, очевидно, прочностью своею цѣль пережить много, много поколѣній, памятника.

— Расползаются паны, якъ тараканы передъ пожаромъ.

— Куда?

— Господь ихъ знаетъ,—въ Польщу чи що подаются. А кто на службѣ, а то и такъ изведется.

Продажа земель идетъ энергично—отъ семидесяти до ста рублей за десятину.

— Хоть и дорого, а мусимо браты, бо дороже буде.

Это говоритъ стройный красивый шатэнъ, въ бѣлой рубахѣ, бѣлыхъ штанахъ, подкатанныхъ до колѣнъ, босой. На рукѣ у него виситъ топоръ, онъ небрежно и граціозно покачивается и идетъ рядомъ со мной.

— Мы отъ роду крѣпостными не были... мы изъ дворянъ,— говоритъ онъ.

Признаюсь откровенно, этотъ дворянинъ пришелся по душѣ мнѣ. Вотъ истинный Лафонтеновскій типъ голоднаго, но свободнаго дворянина. Чувствуется увѣренность и удовлетворенность. Дворянинъ, который самъ себя кормитъ; дворянинъ, который самъ пашетъ свою землю; дворянинъ, которому не дано образованіе, но достались въ наслѣдство независимость и гордость, которыя побуждаютъ его свалиться съ шеи себѣ подобныхъ и встать, какъ умѣетъ онъ, на свои собственныя ноги. Такого дворянина можно отъ всего сердца привѣтствовать и кричать съ нимъ:

— Да здраствуетъ независимость!

II.

Своимъ послѣднимъ днемъ май хочетъ наверстать всѣ дожди и оставить впечатлѣніе, какое подобаетъ ему. Чудный день съ утра. Вѣтерокъ ласкаетъ, и ароматъ сирени, ландыша, и милліоновъ неизвѣстныхъ цвѣтовъ нѣжно щекочетъ ноздри. Обезпеченное прекраснымъ днемъ все кругомъ такъ празднично и нарядно, какъ только можетъ быть природа. Кукушка гдѣ-то кому-то отсчитываетъ остающіеся ему годы жизни, удодъ подаетъ вѣсточку изъ лѣсу, множество птицъ оглашаютъ воздухъ своимъ щебетаньемъ, чириканьемъ, вскрикиваньями. Самые задумчивые философы изъ нихъ, не любящіе подавать голоса, и тѣ отзываются какимъ-то непривычнымъ басомъ. Трава сверкаетъ вся въ разноцвѣтныхъ огняхъ росы и легкій утренній вѣтерокъ манитъ на просторъ туда, гдѣ въ нѣжной дали спятъ въ ясномъ утрѣ лѣса, деревни, мельницы съ своими неподвижными крыльями, пруды зеркальные. Все замерло, отогрѣваясь въ веселыхъ лучахъ майскаго солнца. Ароматъ воздуха—нѣтъ возможности передать, млѣющій, онъ бросаетъ въ лицо то нѣжный запахъ фіалокъ, то травы, то потянетъ сосной, ландышемъ, заберется далеко внутрь, въ самую глубину сердца, вольетъ въ него радость сознанія чуднаго дня, освѣжитъ, разгладитъ складки души и заставитъ и внутри въ себѣ прибраться въ тонъ этой майской природѣ.

Ровная, какъ ладонь, мѣстность. Рядъ деревень, рѣчка между ними; на горизонтѣ лѣса. Хохлуши и хохлы, запахъ дегтя,—здѣсь Волынь во всей своей красѣ, въ вѣнкѣ изъ

майскихъ цвѣтовъ,—красные, желтые, лиловые, бѣлые, разноцвѣтный коверъ, а тамъ дальше сѣдая рожь въ сажень, яровыя выбиваются буйно и обѣщаютъ небывалый урожай. Солнце, счастливое радостью земли, льетъ съ неба свой свѣтъ и ласку на землю, а земля изнываетъ въ блаженствѣ и замерла въ чудной прелести своего наряда. Это какой-то чудный храмъ природы, и идетъ здѣсь торжественная служба и самъ замеръ въ восторгѣ сознанія своего бытія. Въ этой безднѣ зелени, воздуха и неба послѣдними штрихами манятъ къ себѣ высокіе, стройные, одинокіе тополи, то здѣсь, то тамъ разбросанные по деревнямъ. Непередаваема прелесть этихъ тонкихъ зеленыхъ пирамидъ и рядомъ съ ними бѣлыхъ чистенькихъ хатокъ, съ аккуратнымя оконцами, съ высокими, соломой подъ лопату крытыми крышами, съ гнѣздами аистовъ на нихъ, съ садочкомъ и огородомъ, въ которомъ и макъ, и конопля, и капуста, и дыни, и арбузы, и чего-чего нѣтъ.

Хлопочетъ тамъ стройная хохлуша, въ своей красивой повязкѣ на головѣ, спускающейся на плечи, вышитой рубахѣ и червонной сподницѣ, а лѣнивый хохолъ, въ бѣлыхъ штанахъ и бѣлой рубахѣ, босой стоитъ, куритъ люльку и смотритъ на свѣтъ Божій такъ, какъ будто хочетъ сказать:

— Та не морочьте вы моей головы.

Ужасно дорожитъ своей головой хохолъ и пока жинка або „жидъ“ не встряхнутъ его, какъ мѣшокъ, до тѣхъ поръ не высыпется изъ хохла ничего.

Еще ныряетъ парная повозка съ голыми лошадками въ волнахъ хлѣба, травы, ныряютъ лѣса и вся даль, но вотъ и деревня, сырая корчма временъ Дмитрія Самозванца съ низкой, большой комнатой, съ темными длинными столами, большимъ шкафомъ, потайной дверью куда-то. Старый котъ сидитъ и таинственно мурлычитъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ здѣсь на своемъ вѣку.

Вынесли мнѣ столъ подъ навѣсъ,—прохлада; прозрачное озеро, поросшее рѣдкимъ камышемъ, передъ глазами, дальше даль со всей своей прелестью.

Оригинальная корчма безъ водки и всякихъ крѣпкихъ напитковъ. Хозяинъ „жидъ“, конечно, и имѣетъ свою „жидовку“. Знакомство наше завязалось еще при въѣздѣ въ село, когда мы напрасно искали себѣ пріюта. Передъ каждымъ встрѣчнымъ хохломъ мы останавливались, говорили, объясняли,—онъ смотрѣлъ „слухавъ“, потомъ, когда убѣждался, что мы отъ него не отстанемъ, звалъ жинку. И послѣ ко-

роткаго совѣта и мужъ, и жена выпроваживали насъ мягкимъ, но упорнымъ отказомъ.

— Вотъ идетъ еврей, надо его спросить, а то съ этими каши не сваришь,—говоритъ мой возница Владекъ.

Оказавшійся хозяиномъ корчмы, еврей шелъ въ своемъ длинномъ кафтанѣ, съ той легкой походкой и быстрымъ взглядомъ, которые такъ мало вяжутся и съ основательными движеніями хохла, и съ его глубокомысленнымъ, но безрезультатнымъ для видимаго общенія взглядомъ.

— Скажите, гдѣ здѣсь остановиться?

Молодое лицо еврея уставилось въ насъ, большіе выразительные глаза на мгновеніе заглянули въ глубь и онъ проговорилъ съ соболѣзнованіемъ, пожимая плечами и вытягивая свои длинныя руки:

— Гдѣ же для васъ тутъ будетъ помѣщеніе, кромѣ какъ у пана-помѣщика?

— Нѣтъ, мы къ помѣщику не поѣдемъ.

— Отчего?—быстро спросилъ еврей,—помѣщикъ нашъ будетъ за честь для себя считать принимать такихъ „пожондныхъ“ (порядочныхъ) гостей.

— Нѣтъ, нѣтъ—мы къ помѣщику не заѣдемъ: денегъ онъ не возьметъ...

— Де-е-негъ? Что вы? Какъ можно? Онъ просто такъ, онъ такъ радъ будетъ...

— Ну, а безъ денегъ къ незнакомому человѣку мы не поѣдемъ.

— Тутъ развѣ долго познакомиться...

— Нѣтъ, не поѣдемъ. Такъ гдѣ-нибудь...

Мечтательные глаза еврея раздумчиво уставились въ пространство, онъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Я ужъ и не знаю.

— Отчего насъ крестьяне не пускаютъ?

Онъ энергично вздрогнулъ:

— Охъ! Ну, и что вы хотите? Мужикъ сейчасъ себѣ въ думку возьметъ и то, и се и самъ себя такъ раздумаетъ, что ничего ужъ не сдѣлаешь съ нимъ... Я не знаю, что и дѣлать вамъ... Я бы свою корчму вамъ съ удовольствіемъ далъ, только не годится она для васъ.

— Отчего не годится?

— Извѣстно, грязь... Бѣдно живемъ... комната одна.

Но такъ какъ выбора не было, то мы и остановились въ корчмѣ.

У еврея жена молодая еще женщина, начинающая полнѣть, съ черными и мягкими и строгими глазами, красавица типичная, сочная и свѣжая, какъ поспѣвшая слива. Маленькій грудной ребенокъ — мальчикъ веселый, черноглазый въ мать, откинется отъ груди, смѣется веселый, счастливый... что-то ждетъ его въ жизни.

Лицо хозяина уже помято этой жизнью, исторія его простая, обыкновенная и изъ очень невеселыхъ. Былъ солдатомъ въ Самаркандѣ. Изучилъ тамъ ремесло—выдѣлку ватныхъ полотнищъ изъ хлопка. Пока служилъ, имѣлъ право жить, кончилъ—предложили въ двадцать четыре часа оставить и возвращаться на старое пепелище. Пріѣхалъ съ женой и никого уже не засталъ здѣсь. Отецъ и мать умерли, братья и сестры разбрелись кто-куда, въ погоню за кускомъ хлѣба. Теперь онъ сидитъ здѣсь караульщикомъ могилъ близкихъ.

— Отчего же вы водкой не торгуете?

— Не позволено... Огорода нельзя развести... Да и водкой торговать разсчетовъ нѣтъ: если разбавлять, мы не желаемъ.

— Что же, ваше ремесло кормитъ васъ?

— Плохо... Новое здѣсь дѣло это совсѣмъ.

Красивые глаза еврейки смотрятъ мимо и при моемъ вопросѣ съ выраженіемъ, далеко не лестнымъ для ихъ спеціальности.

— Плохо живется?—спрашиваю я.

— Плохо... жидъ... извѣстно.

— Отчего же вы не уйдете куда-нибудь?

— Куда жъ? Вездѣ много... привычка... тутъ и отецъ жилъ и я... съ дѣтства... какъ пришелъ съ солдатчины сѣлъ вотъ тутъ,—корчма запертая, никого нѣтъ, такъ и заплакалъ... извѣстно... родныя мѣста...

Разсказъ еврея и вся его обстановка до глубины души захватили меня. Въ самомъ дѣлѣ, ремесленникъ, онъ предпочитаетъ жить своимъ ремесломъ, чѣмъ эксплуатировать людей. Очевидно, онъ даже и не умѣетъ эксплуатировать, потому что находитъ невыгоднымъ то, изъ чего другіе наживаютъ громадныя состоянія. Ни злобы, ни раздраженія онъ не имѣетъ права имѣть,—ихъ и нѣтъ. Онъ любитъ. Что любитъ? Чужой видъ, чужую корчму, общее презрѣніе... Онъ сидитъ и плачетъ отъ счастья, что опять видитъ родныя мѣста, отъ счастья, на которое не помѣняется съ нимъ любая собака деревни.

Въ корчму то и дѣло заглядываютъ крестьяне и крестьянки.

Я спросилъ еврея, зачѣмъ они приходятъ?

— Вѣрно, слухъ прошелъ, — говоритъ еврей, — что вы землю имъ пріѣхали намежевать... Теперь на деревнѣ у нихъ такой разговоръ пойдетъ: отбирать отъ пановъ землю пріѣхалъ.

Та же исторія вездѣ значитъ: довольно показать носъ въ деревню русскую, татарскую, польскую, малороссійскую, въ Поволжьѣ, въ центрѣ, въ Крыму, на Волынь, и волненіямъ, ожиданіямъ нѣтъ конца.

Здѣсь, если что интересно, такъ то, что флегматичный хохолъ, не выпуская, впрочемъ, люльку изъ зубовъ, далъ себѣ трудъ придти и лично убѣдиться, въ чемъ дѣло.

— Ну идыть, вже идыть, — слышу голосъ хозяйки, выслушавшей и давшей имъ какія-то разъясненія.

— Слухай, що я тоби скажу...

Я вижу, какъ старый хохолъ отводитъ ее въ сторону, она внимательно слушаетъ, затѣмъ машетъ рукой и энергично что-то объясняетъ. Хохолъ небрежно слушаетъ, сплевываетъ молча, а въ это время остальная группа крестьянъ опять залучаетъ хозяйку и начинаетъ что-то объяснять ей. Опять выслушиваетъ и на этотъ разъ идетъ ко мнѣ.

— Хохлы, хохлы, а якъ що до чего, та видкеля и умъ берется.

— Въ чемъ дѣло?

— Просятъ, чтобъ станцію не дѣлать на ихнемъ выгонѣ, бо мало земли у нихъ, скотину стѣснитъ.

Я иду къ крестьянамъ и успокаиваю ихъ. Благодарятъ, отходятъ и опять о чемъ-то совѣтуются. Опять подзываютъ хозяйку.

Хозяйка нерѣшительно идетъ ко мнѣ.

— Кажутъ, якъ постановите станцію на панской землѣ, то они васъ чѣмъ благодарить станутъ.

Проще—предлагаютъ взятку.

Когда я объясняю имъ, чтобъ и безъ взятки были спокойны, хозяйка говоритъ:

— Вотъ вы хохлы, такъ хохлами и помрете... Вамъ что инженеръ, что приставъ, а бо кто тамъ, то все едно... Ну идыть, идыть...

Хохлы чешутся, поглядываютъ другъ на друга,—они не недовольны; отошли и угрюмо смотрятъ въ мою сторону. Нѣсколько бабъ насторожились, стоятъ бокомъ, слушаютъ съ поджатыми губами и съ руками, спрятанными подъ передники.

— А тотъ другой зачѣмъ приходилъ?—спрашиваю я.

— Э!—хозяйка пренебрежительно машетъ рукой,—вонъ проситъ написать ему прошеніе, бо якъ винъ шешевикъ, то опоздавъ и съ другими не поспѣвъ.

— Это все равно,—говорю я,—выйдетъ тѣмъ рѣшеніе и съ нимъ будетъ такъ же поступлено.

Одна изъ бабъ подобралась и слушаетъ.

— А яке рѣшеніе буде, ваше благородіе, чи кто вы?

— Не знаю. Можетъ быть, предложатъ переселиться въ Сибирь.

— А за якую провинность?—спрашиваетъ баба раздраженно,—не убыли никого, шкоды ни якой не зробили, да за що жъ въ Сибирь?

Я объясняю.

— Кто виноватъ, тотъ пусть и иде,—упрямо отвѣчаетъ мнѣ на мои объясненія баба,—кому надо може... отакички...

Баба презрительно машетъ рукой и уходитъ отъ меня, какъ отъ человѣка, съ которымъ о серьезныхъ вещахъ и говорить-то неприлично.

Я смущенъ, а хохлы довольны и, вѣроятно, острятъ, какъ баба отбрила меня. Киваютъ головами одобрительно, сплевываютъ и наконецъ расходятся.

Я остаюсь одинъ и сажусь за обѣдъ. Подъ навѣсъ входитъ старуха съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати—тринадцати. Она садится и въ упоръ смотритъ на меня.

— Съ города?—подсаживается къ ней хозяйка.

— Та, съ города.

Баба усиленно вздыхаетъ. Вздохъ посылается, очевидно, мнѣ; но я ѣмъ и дѣлаю физіономію человѣка, который занятъ однимъ своимъ дѣломъ. Хозяйка уходитъ, входитъ хозяинъ.

— Отказалы...—односложно объявляетъ и ему старуха.

Еврей качаетъ головой.

— Отъ она и правда,—продолжаетъ старуха,—а волость и судъ... а тый проклятый писарь все дiло обернувъ, якъ тилько ему надо було... Нема правды!

— Это ужъ пропащее дѣло, если въ волости правды не будетъ,—говоритъ уклончиво еврей.

— Та нема же.

Еврей качаетъ головой и скрывается, старуха внимательно въ упоръ продолжаетъ смотрѣть на меня. Внимательно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ и вообще изучаетъ. Затѣмъ

встаетъ и скрывается въ корчмѣ. Я слышу энергичный протестъ хозяйки и изъ нѣсколькихъ долетѣвшихъ словъ соображаю, что старуха рѣшила искать во мнѣ защиты.

Еврейка доказываетъ, что я не причастенъ всей этой исторіи и всякая просьба съ ея стороны безполезна. Старуха разбито возвращается назадъ и устало, уже настоящей старухой, опускается на свое мѣсто. Она продолжаетъ все такъ же внимательно слѣдить за мной, за каждымъ моимъ кускомъ, но уже унылымъ безнадежнымъ взглядомъ. Я встрѣчаюсь съ ней глазами и мнѣ дѣлается жаль старуху.

— Устала, бабушка?

— Ваше высокоблагородіе!—быстро, стремительно вскочила старуха и въ одно мгновеніе очутилась подлѣ меня. Она ловила мою руку, чтобы приложиться къ ней, и говорила, охваченная надеждой:

— Смилуйтесь, ваше высокоблагородіе, а може якъ выше еще... Не дайте въ обиду бідной сироты!

Она указала на внучка. Дорвалась несчастная до человѣка, который выслушаетъ ее. Какая-то безъ конца путанная исторія. Она Дороха Мельнечукъ, это внукъ ея—Остапъ Мельнечукъ. Ея мужа „якись то вороги убыли", сынъ сосланъ въ Сибирь, остался внукъ. Отъ дѣда и отца ему досталась десятина и домъ. Кто-то вступился теперь въ наслѣдство и отбираетъ и домъ, и землю. Появилась какая-то расписка въ продажѣ. Опекуны Артемія Яцигъ и Іосифъ Щемчуга стары, „да и бай дуже имъ, бо писарь и ихъ повернулъ на свій бикъ". Она подала прошеніе и ей отказали, что ей теперь дѣлать?

— За что сына сослали?

— По злости пана... Нема уже его и въ живыхъ того пана, а шкоду зробилъ...—Опять путанный разсказъ о какой-то будто бы украденной сыномъ ея у пана свиньѣ.

— А то що панъ его батогами... штаны сдягнулъ, одинъ на нози, другой на голову, а третій бье—то ничего, да еще въ арестантскія роты на годъ... Я тутъ осталась, кажутъ мнѣ люди: „Домоха, свинья сыскалась въ Крутомъ Яру, до блудлива була, скаженная"... Тутъ, около хаты, де жилъ, може знаете, пономарь Галишевичъ? Чи знали?

— Слышалъ.

— Теперь, царство ему небесное, а разумный былъ человікъ. Бувало каже мнѣ, шуткуе: ой бабо, бабо, волосъ долгій, а вумъ короткій: съ богатымъ не судысь. И вправду

казавъ, даромъ, что померъ нехорошей смертью... А усе-таки поховалы по порядку, бо богатый бувъ человікъ.

— За что же сына въ Сибирь сослали?

— Та хибажь я знаю? Панъ да писарь укрутили діло якъ зналы, такъ и пропавъ человікъ—громадой постановили.— Мой взглядъ случайно упалъ на мальчика: охъ, не добромъ горѣли его глаза. Онъ смотрѣлъ на меня съ ненавистью. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ кончитъ хуже дѣда и отца.

— Писалъ изъ Сибири?

— Нѣтъ, такъ и не писавъ... жинка померла... И остался сирота на моихъ рукахъ... двухъ внучекъ выдала замужъ, а вотъ этого хотятъ вовсе обидить люди. Господинъ мой милостивый, что мнѣ теперь дѣлать?

Господинъ милостивый могъ только выслушать, вздохнуть и развести руками.

Кончился обѣдъ и мы укладываемся, навсегда оставляя нищую корчму. Пришла старуха, которая варила обѣдъ намъ, и привела маленькую внучку. Дѣвочка засмотрѣлась на сына хозяйки, тотъ весело протянулъ ей ученку, и дѣвочка, схвативъ ее, трясла, а мальчикъ заливался отъ восторга.

Я думалъ: въ жизни они не будутъ такъ жать другъ другу руки. Этотъ жизнерадостный мальчикъ, протягивающій всѣмъ свои ученки, счастливый и веселый выростетъ и по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ рости, будетъ рости и пропасть между нимъ и обществомъ. Преждевременный старикъ, сгорбленный, съ глазами въ землю, онъ явится на арену жизни уже приговореннымъ преступникомъ и такимъ пройдетъ весь свой жизненный путь.

— Прощайте, хозяйка! Дай Богъ, чтобъ вашъ сынъ дожилъ до лучшихъ временъ!—все, что я могъ пожелать...

— Все отъ Бога, — отвѣтила она съ глубокой вѣрой, чувствомъ и достоинствомъ, которому позавидовали бы многіе.

Я повернулся на мосту. Хозяинъ и хозяйка продолжали стоять подъ своимъ навѣсомъ. Я еще разъ отъ души кивнулъ имъ и, вмѣсто радушнаго привѣта, на лицѣ хозяйки прочелъ спокойную холодную горечь. Она качала головой, какъ бы говоря: „Ты метеоромъ пролетѣлъ, бросилъ туманную искру возможности иной жизни и лучше бы совсѣмъ не являлся, мгновенная спичка въ сыромъ подвалѣ жизни“.

III.

Пересѣченіе рѣки Случъ сложное и я пропутался, выбирая удобное мѣсто для линьи, весь день и ничего не вышло. Хватило бы работы еще дня на два, если бы не выручилъ въ этой новой деревнѣ хохолъ. Утромъ, еврей, у котораго въ корчмѣ остановились мы, говоритъ, что хохолъ хвалится, что проведетъ насъ по такому мѣсту, гдѣ ни одной горки не встрѣтится. Зову хохла. Старый хохолъ съ рѣдкой бородкой, голубыми, безпокойными слегка глазами. На мой вопросъ отвѣчаетъ равнодушно:

— Та вже жъ могу.

Глупость это, невѣжество или инстинктъ генія? Откуда взялся, сообразилъ то, чего никогда не видѣлъ, и берется выручить.

— Та, дурный, куда полізъ?—дергаетъ его сзади баба.

Хохолъ только безпомощно оглядывается, какъ большая добродушная собака, когда ее вдругъ атакуетъ маленькій песикъ. Окружающіе смѣются. Веселѣе всѣхъ смѣется жена молодого корчмаря, которой, впрочемъ, никакого дѣла нѣтъ ни до хохла, ни до моей работы. За то ее интересуетъ мой маленькій чемоданъ съ мыломъ, о-де-колономъ, разныя принадлежности туалета. Она вся живая, впечатлительная, уже обрызгала себя о-де-колономъ, смѣется и смотритъ на насъ. Ея глаза, глаза какой-то птицы, красивые, свѣжіе, каріе. Тоненькая, стройная, она постоянно смѣется, и смѣхъ ея и она вся тоже напоминаютъ птицу. Разсмѣется и смотритъ, точно спрашиваетъ. Вся огонь, непосредственность. Маленькій мальчикъ двухъ мѣсяцевъ: не насмотрится и на него—тормошитъ и требуетъ, чтобъ и окружающіе радовались ея молодой радости. Я знаю, чѣмъ пріобрѣлъ ея симпатію. Вчера, вечеромъ, когда я пріѣхалъ, она сперва даже и не взглянула на меня, занятая своимъ сыномъ. Когда поднялся вопросъ о томъ, гдѣ меня устроить на ночь, мой возница, выбравъ ихъ спальню, уже сталъ было распоряжаться и приказалъ, чтобъ она съ сыномъ убиралась. Сара—ея имя—недружелюбно, испуганно озиралась и, покорная, уже стала было забирать нужныя ей вещи, но я на-отрѣзъ отказался, узнавъ въ чемъ дѣло. Молодой, робкій мужъ ея (повидимому, онъ тайно торгуетъ водкой), въ длинномъ своемъ сюртукѣ, блондинъ съ вьющимися волосами и бородкой, прижавъ руки къ груди, сказалъ, поддакивая моему возницѣ:

— Ну, что жъ, уйдемъ—это ничего.

Сара, стоя спиной, внимательно слушала и, когда я окончательно уперся, она сразу повеселѣла, подарила меня сверкнувшимъ взглядомъ и мы стали друзьями. Она разспрашивала меня о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, какіе города есть, какіе театры, и глаза ея горѣли, какъ брилліанты, она весело смѣялась своимъ гортаннымъ „кар“ и смотрѣла мнѣ въ глаза...

Я рѣшаюсь потерять день и поѣхать съ хохломъ. Лошади поданы. Равнодушная толпа смотритъ на насъ съ хохломъ выжидательно, съ одинаковымъ недовѣріемъ и ко мнѣ, и къ хохлу.

— Наложитъ тобі въ шею панъ, щобъ не морочивъ, старый дурню!—вдогонку посылаетъ намъ его супруга.

Но старый дурень уже сидитъ рядомъ со мной на хохлацкомъ возу, запряженномъ парой маленькихъ коней, такъ какъ сегодня экипажъ Владека въ починкѣ. Старый дурень чувствуетъ себя удобно и въ безопасности отъ свой половины и съ затаеннымъ удовольствіемъ щурится на синѣющій лѣсъ. Его половина отлично понимаетъ его состояніе и сердится еще больше. Но ужъ мы не слышимъ, что она намъ кричитъ. Не слышу я и Сары, ея „кар“, но ея взглядъ еще въ моей душѣ, зажигающій и веселый.

Цѣлый рядъ нѣмецкихъ поселеній. Я выматываю изъ своего хохла всякія свѣдѣнія. Старый панъ этого имѣнія, мимо усадьбы котораго съ старымъ садомъ мы ѣдемъ, живетъ въ своемъ домѣ и никакимъ хозяйствомъ не занимается. Только и заботы у него, что садъ. Землю отдаетъ чиншевикамъ за третій снопъ. Есть какой у него навозъ—бери, остальной доставай, гдѣ хочешь. Лѣсъ частью расчищаютъ нѣмцы, остальной въ порядкѣ, и доступу въ него ни конному, ни пѣшему нѣтъ.

— Богатый?

— Какъ же не богатый! Столько земли на одну душу. Одинъ онъ, какъ перстъ, старый, лѣтъ шестьдесятъ ужъ.

— Хозяйства не ведетъ?

— Цѣлесенькій годъ таскаютъ деньги, сколько нѣмцевъ, сколько насъ, жидовъ сколько, ось и поляки тутъ... все ему, ему...

О нѣмцахъ заговорили:

— Весь грунтъ (землю) скупаютъ нѣмцы... Умный народъ, богатый народъ, пріятный народъ.., даже „свычливый“.

Здѣсь на моей памяти еще болота были, да лѣсъ, а они какое поле устроили, хлѣбъ какой! Въ десять разъ умнѣе мужика и слова худого отъ нихъ никому нѣтъ. Со всякимъ разговариваютъ, совѣтъ дадутъ, а бѣдному и помогаютъ. Нѣмецъ одно слово: маты съ батькой не надо. Съ нѣмцами хоть до смерти и то жить можно... „обычливый“ народъ, разумный народъ, онъ тебѣ своего не дастъ, а и твоего ему не нужно, а въ каждомъ дѣлѣ совѣтъ, да помощь.

— А поляки?

— Та що жъ поляки? Хорошій человѣкъ вездѣ хорошій, а якъ дурный, то никому его не треба... Хорошій народъ... Гордый народъ, пышный народъ... тильки віру полякъ матъ таку, що вона его кортыть донимать человіка...

Хохолъ подумалъ.

— Одно слово великолѣпный народъ...

— Это поляки?

— Да кто жъ, якъ не воны...

Молчимъ и оба смотримъ на прекрасныя поля.

— Ото все съ третьей части, все пану.

— Добрый панъ?

— Когда добрый, а когда и не добрый. Поважаешь ему, то добрый, а тронешь чуть что въ лѣсѣ или, оборони Богъ, въ саду, то лучше и не родиться. Мы вчера все глядѣли, да думали, что его садомъ выйдетъ линія... вотъ-то штука бъ була. Смѣялись, что онъ разорвется отъ злости. Злой, якъ въ сердце войде, а якъ въ добромъ „гомору“, то привѣтливый и слово каже... Що къ осени наволокутъ ему... то нѣмцы, тутъ опять мы, тутъ жиды, тутъ поляки потянутся... А единъ, якъ перстъ Божій.

Мнѣ рисуется красивая, спрятанная въ зелени усадьба стараго пана, большое окно, которое одно выглядываетъ изъ-за деревьевъ; рисуется корчма и робко выглядывающій изъ ея дверей ея долгополый владѣлецъ. Одинъ властной рукой беретъ свою львиную долю, другой робко протягиваетъ руку къ крохамъ; одинъ спитъ на деньгахъ и въ деньгахъ, другой—счастливъ, если къ шабашу заработалъ фаршированную щуку; одному почетъ, уваженіе, подобострастный поклонъ, другому—презрѣніе и ненависть...

Переходъ рѣки Случъ по указаніямъ стараго хохла оказался идеально-хорошимъ и я далъ ему три рубля награды.

Тутъ же у пересѣченія Случа корчма на большой дорогѣ; я заѣхалъ туда поѣсть. Корчму держитъ полякъ. Поляки имѣютъ право торговать водкой и постепенно замѣняютъ здѣсь евреевъ. Короткая вывѣска „колбасы". Полдень, прохладно, потому что вчера былъ градъ, большія круглыя облака съежились въ небѣ и холодно, безучастно смотрятъ на землю. Въ кабакѣ два забулдыги и оба подъ хмелькомъ. Босой солдатъ временъ Николая I, маленькій, старенькій съ закисшими глазами, съ сѣдой щетиной на лицѣ, въ бѣлой рубахѣ и штанахъ; другой, какой-то косноязычный увалень съ круглыми глазами, ѣстъ хлѣбъ, держа его въ своей увѣчной рукѣ и изъ обросшей физіономіи только два большихъ глаза съ большими бѣлками сверкаютъ и неопредѣленно, беззаботно смотрятъ, пока хозяинъ ихъ слушаетъ болтовню солдата, да ѣстъ свой хлѣбъ. Солдатъ раздраженъ и при моемъ появленіи раздраженіе его усиливается. Его пріятель, съ громаднымъ кускомъ хлѣба во рту, смотритъ на него и толкаетъ подъ бокъ, кивая на меня.

— А мнѣ что? Я хиба-жъ що кажу?!—говоритъ солдатъ,—кажу що босый, бо це тильки и заслуживъ отъ Бога. Отесенько що е, то и е, а больше нема ничѳго... Ничѳго нема! Ну, извинить... Що заслуживъ, то все туточки...

Солдатъ стоялъ уже передо мной и билъ себя энергично въ грудь.

— Чего жъ я кажу! Ну панъ, та може и я панъ?! Що я босой? Та матерь всѣхъ насъ босыхъ на цій свѣтъ выпускае... Ну служилъ білому царю, служилъ, ну...

Хозяйка, полька какая-то, не то озабоченная, не то растерянная, толкаетъ старика и говоритъ:

— Ну, чего тамъ присталъ еще къ пану?

— Пани?!—кричитъ солдатъ и ежомъ становится передъ ней въ позицію.

Пани равнодушно, не обращая вниманія, автоматично проходитъ мимо. Мужъ ея, такой же растерянный, блондинъ, длинный, съ громадными кистями рукъ, тоже какъ-то мотался, ничего не соображая. Солдатъ опять подсѣлъ къ пріятелю, тотъ мычитъ, ѣстъ хлѣбъ и по временамъ самымъ плутоватымъ образомъ усмѣхается. Солдатъ энергично шепчетъ ему что-то, но онъ только скептически благодушно мотаетъ головой.

— А я тебѣ кажу.

— Ну?—таинственно въ блаженномъ восторгѣ сверкаетъ своими глазами увалень.

— Только бъ моя воля, — упрямо настойчиво шепчетъ солдатъ.

— О!

Лукавые, веселые, осмысленные глаза увальня, удовлетворенная физіономія. Что Діогенъ и Сократъ передъ этимъ косноязычнымъ и сухорукимъ философомъ-хохломъ? Узнавъ, что я инженеръ, солдатъ обратился ко мнѣ со слѣдующей просьбой:

— Отъ чего панъ: може ты и панъ, може и... ось чего: ужъ когда ты тутъ, то покажи мнѣ планъ... покажи мнѣ, куда дѣвалась моя десятина... Стой, въ плану все какъ есть прописано... прямо у стовба Андрей Остарчукъ... О! я планъ добре знаю... О! и давай его сюда... и ходыли до писаря, нехай сбирае, собачій сынъ, громаду?!

Объяснялъ я, объяснялъ, что у меня ничего подобнаго нѣтъ, слушалъ, слушалъ солдатъ и говоритъ:

— Слухай, панъ! Ты може думаешь, що я сутяга? Вотъ тебѣ крестъ, що только правды ищу...

Косноязычный не на шутку испугался за пріятеля. Ковыляя, онъ рѣшительно подошелъ къ нему, дернулъ его за рукавъ и, когда тотъ обернулся на него, энергично махнулъ рукой и сдѣлалъ соотвѣтственную рожу: дескать—„брось, дуракъ!“

— Ну, ось що,—быстро поворачивается ко мнѣ солдатъ,—только покажи, вотъ тебѣ святой крестъ, что и словомъ не обмолвлюсь.

— Да нѣтъ же у меня.

— Нѣтъ?—съ горечью переспросилъ онъ и опускаетъ голову. Черезъ мгновеніе онъ торжествующее поворачивается къ пріятелю:

— Бачишь?!

Тотъ только киваетъ головой.

— Бачишь?! Загнувъ ему сразу таку закорюку, що якъ ракъ на мелю выползъ.

Косноязычный только съ наслажденіемъ сверкаетъ своими бѣлками. Солдатъ садится рядомъ съ нимъ и по временамъ, точно просыпаясь, спрашиваетъ:

— Загнувъ?

Я далъ двадцать копѣекъ солдату, далъ косноязычному двадцать. Пріятели остались очень довольны и солдатъ убѣжденно проговорилъ:

— Ото панъ! Богъ ему дастъ панство надъ панами.

Но косноязычный, боясь за пріятеля, только махнулъ ему рукой. Презрѣнный металлъ внесъ дружбу въ наши отношенія, даже содержатели корчмы, мужъ и жена, оживились. Вынесли столъ мнѣ на улицу и тутъ подъ окномъ, на большой дорогѣ, въ тѣни я сижу, пью чай и наблюдаю.

Слышу голосъ солдата; онъ кричитъ своему пріятелю, что „тый панъ отъ самого Бога пришовъ". Философъ корчитъ ему, вѣроятно, при этомъ соотвѣтственную физіономію.

Подошло нѣсколько хохловъ, рабочихъ съ фабрики. Это уже не шикъ крестьянина-хохла. Завязался между ними разговоръ, зашла рѣчь о томъ, какъ нажился содержатель фабрики и сколько именно нажилъ, и хохлы не по обычаю горячатся и очень точно подсчитываютъ доходы арендатора. Зависть, неудовлетвореніе, огорченіе на всѣхъ лицахъ. Только изъ окна несутся счастливые возгласы пріятелей: солдата и косноязычнаго.

Выскочилъ какой-то хохолъ изъ заднихъ дверей корчмы, споткнулся и, упавъ, такъ и остался на улицѣ. Поднялъ было голову, затянулъ что-то жалобное, но потребность покоя взяла верхъ. Я слышу уже его храпъ. Идутъ прохожіе крестьяне, каждый посмотритъ и обязательно проговоритъ: „спитъ себѣ".

Подошла женщина съ ребенкомъ и заговорила на польскомъ языкѣ какую-то ерунду. Глаза черные, смотрятъ строго куда-то въ вѣчность, золотистые волосы и слѣды рѣдкой красоты. Это безумная, кто-то сдѣлалъ ее матерью и носитъ она своего несчастнаго ребенка.

— Изъ Польши привезъ ее сюда мужъ, самъ умеръ, а она ходитъ,—меланхолично объясняетъ мнѣ хозяйка.

Безумная что-то говорила, слышны слова: „али такъ можно", „каждый хлопецъ шкоду робитъ", „панъ Богъ видитъ".

Я далъ ей денегъ, она взяла, кивнула головой и грустно проговорила:

— Панъ добрый... мало добрыхъ... много шкоды... каждый шкоду робитъ... али такъ можно... панъ Богъ видитъ...

Прелестные выразительные глаза, убитая мысль въ нихъ, бездна мрака и тоски. Этотъ маленькій ребенокъ, прелестный и тихій, внимательно смотритъ и приникъ къ груди матери...

На противоположной сторонѣ отъ меня стоитъ какая-то старая баба: облокотилась и смотритъ на корчму, какъ голодная собака смотритъ—не бросятъ ли чего.

— Что она?—спрашиваю я.

— Мужа караулитъ — солдата того стараго: буйный во хмелю, вотъ она и стережетъ.

— А подойти не смѣетъ?

— Забьетъ, даромъ что полтора вершка весь.

Въ это время показался въ дверяхъ солдатъ.

— Вишь напился,—проговорилъ онъ, важно подходя къ спавшему на дорогѣ хохлу.—Э-ге-ге! Вотъ такъ назюзюкался!

Солдатъ, подойдя, стоялъ, покачиваясь, надъ спавшимъ и говорилъ:

— Ты какъ же, голубчикъ, напывся? Кто жъ теперь за тебя отвѣчать будетъ? А?! Исправникъ будетъ ѣхать, подумаетъ, что это за свинья лежитъ?! А?!

Солдатъ заговорилъ по-русски:

— Ахъ, ты мерзавецъ?! Какъ же ты смѣешь?! Палокъ!! Бей!! Разъ... разъ!—И солдатъ изо всей силы сталъ отсчитывать рукой удары по спинѣ пьяному. Эта цвѣль временъ вдохновилась и вошла такъ въ роль, что ему позавидовалъ бы любой отецъ-командиръ.

Старый пьяный хохолъ подумалъ, вѣроятно, что возвратилось доброе старое время. Съ хохлацкой покорностью,— возвратилось, такъ возвратилось, — онъ, вспомнивъ вдругъ нужное въ такихъ случаяхъ слово, завопилъ безпомощно:

— Помилосердствуйте!

Но солдатъ еще болѣе вошелъ въ роль и, учащая удары, гремѣлъ на всю дорогу:

— Вставать, мерррзавецъ!!

Кричалъ онъ и билъ до тѣхъ поръ, пока длинная фигура хохла не встала на свои пьяныя ноги, и я съ удивленіемъ узналъ въ ней своего проводника, уже успѣвшаго напиться.

Старый солдатъ услужливо помогалъ ему, удовлетворенно добродушно повторяя, пока тотъ вставалъ:

— Встаетъ, скотина.

Хохолъ, вставъ, качаясь, началъ было всматриваться въ того, кто ему приказывалъ. Но психологія отца-командира старому солдату была, очевидно, знакома до тонкости: жертвѣ не надо дать времени опомниться. И потому, принявъ опять рѣшительный видъ, солдатъ повелительно крикнулъ:

— Ну, маршъ, мерзавецъ, маршъ! Ну?! Палокъ!!

Хохолъ, только-что принявшійся было что-то соображать, только махнулъ рукой и, заплетаясь, пошелъ прочь.

А солдатъ кричалъ въ догонку:

— Маршъ, маршъ!!

И хохолъ, низко опустивъ свою голову, маршировалъ дальше.

Съ нимъ маршировала вся его глубокая философія о народахъ, весь его инженерный геній, а плѣсень временъ молодецки, когда хохолъ останавливался въ раздумьи, не довольно ли ему маршировать, встрепанно выкрикивалъ ему вдогонку:

— Пшолъ, пшолъ!!

И изрѣдка, какъ трескъ бича:

— Палокъ!!

Я возвращаюсь на ночлегъ.

Солнце сѣло и западъ весь залитъ прозрачнымъ краснымъ заревомъ. Рѣдкія сосны на далекомъ горизонтѣ замерли въ немъ очарованныя, неподвижныя, въ нѣжномъ узорѣ волшебной фантазіи. А тамъ вверху, въ зеленовато-золотистомъ небѣ повисъ тонкимъ слѣдомъ прозрачно-блѣднаго серебра молодой мѣсяцъ. Что за чудный видъ, и будитъ онъ что-то былое, и такъ отчетливо звенитъ въ ушахъ какой-то мотивъ,—звенитъ тамъ, въ потухающемъ небѣ, въ далекихъ соснахъ...

А вотъ и одинокая корчма, въ окнѣ мелькнула Сара, я слышу уже ея веселый голосъ, ея „кар“. Я смотрю въ послѣдній разъ на огни чуднаго заката, вспоминаю безумную съ ея ребенкомъ, солдата, стараго хохла...

IV.

Мой возница Владекъ — небольшой человѣчекъ, желтый блондинъ, съ тонкой бородой, которая перегнулась и видна его худая, высохшая, въ мелкихъ морщинкахъ, загорѣлая шея. Съ виду ему можно дать минутами тридцать, сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ. Въ дѣйствительности ему больше. Плоскіе глаза безъ формы, просто двѣ дырочки смотрятъ на васъ съ выраженіемъ умной дворовой собаки изъ тѣхъ, которыхъ крестьяне, замѣтивъ ихъ смышленость, пріучаютъ къ охотѣ. По національности онъ полякъ, по религіи католикъ, по положенію бѣдный шляхтичъ, который, послѣ разныхъ мытарствъ, сколотилъ себѣ пару лошадей, домъ съ комнатами для дачи, имѣетъ полтора морга земли и несомнѣнно далеко не всегда имѣетъ необходимое. Но шляхетскій „noblesse oblige“ вынуждаетъ, и онъ тянется,—тянется семья, хотя и ни къ чему-нибудь особенному, къ чему не имѣлъ бы права тянуться даже крестьянинъ,—чай, мясо, болѣе тонкая одежда, уста-

новленное этикетомъ обхожденіе: „всѣ такъ“, а это, какъ извѣстно, законъ, самый суровый изъ всѣхъ.

Требовательнѣе всѣхъ къ исполненію этого этикета крестьяне. Если панъ, такъ онъ и долженъ быть паномъ. Подпанъ (чиновникъ) опять имѣетъ свое положеніе. Шляхта — третье сословіе; нѣмцы-колонисты—четвертое; евреи—пятое.

Можетъ быть хорошій „жидъ“, хорошій нѣмецъ, хорошій шляхтичъ, хорошій панъ. Исключеніе составляетъ только „подпанъ“—онъ не можетъ быть хорошимъ, потому что собственно идеалъ „подпана“—неподкупность, но здѣсь въ нее не вѣрятъ.

Они и названы „подпанами“ вслѣдствіе того, что исполняютъ безпрекословно волю пановъ.

И вотъ мой шляхтичъ тоже всѣ силы употребляетъ, чтобы быть хорошимъ шляхтичемъ. А хорошій шляхтичъ долженъ быть добрымъ католикомъ, долженъ умѣть добыть копѣйку, умѣть сказать свое слово на разные современные вопросы.

Вопросъ добыванія копѣйки очень трудный для шляхтича, не опредѣленный, не обезпеченный и осложненный тѣмъ, что католикъ здѣсь, какъ извѣстно, лишенъ нѣкоторыхъ существенныхъ правъ. Такъ, между прочимъ, онъ не имѣетъ права служить въ правительственныхъ учрежденіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ. Уже этимъ однимъ онъ обрекается на жизнь не на готовомъ. Онъ, какъ и еврей, всегда долженъ ловить моментъ, всегда искусно, всегда во время, всегда съ новымъ, своеобразнымъ пріемомъ, обусловленнымъ конкурренціей. Но у евреевъ многовѣковой опытъ, а эти только начинаютъ свою работу.

Слышишь:

— Нѣтъ, жидъ это дѣйствительно зло, и мы, русскіе, погибли, если дадимъ ему волю.

Или:

— Нѣтъ, поляка надо прижать, иначе съѣдятъ они насъ.

Я не больше другихъ имѣю шансовъ пробить брешь въ стѣнѣ современныхъ понятій общества и интересуетъ меня здѣсь скорѣе чисто художественная сторона. Въ лицѣ моего шляхтича предо мной встаетъ прообразъ того еврея, котораго впервые коснулась рука исторической неумолимой судьбы. Это растерянность ребенка, потерявшаго своихъ родителей, это состояніе семьи, которую пришелъ описывать неумолимый кредиторъ. Надо приспособляться къ новой жизни.

Въ сущности, шляхтичъ мой никто иной, какъ факторъ, ставшій съ 63-го года въ положеніе еврея въ краѣ. Для

систематическаго труда, который удовлетворялъ бы потребностямъ, нѣтъ средствъ, нѣтъ кредита, нѣтъ правъ. Въ силу этого ни сельское хозяйство, ни служба не могутъ быть источникомъ жизни.

Источникъ жизни случайный: сегодня онъ извозчикъ; завтра выгодно купитъ, выгодно продастъ. И всегда онъ зорко слѣдитъ за случаемъ,—„счастьемъ", и въ погонѣ за этимъ „счастьемъ" некогда разбирать средства.

Здѣсь необходимы мирныя отношенія со всѣми властями: и съ паномъ, и съ „подпанкомъ"; нужна извѣстная суровость, чтобъ вырвать у другого кусокъ изо рта, сдѣлать это послѣднее усиліе, которое-де, все равно, кто-нибудь да сдѣлаетъ. И при всемъ этомъ потребность натуры—чувствовать около себя хоть иллюзію правды, добра. Если, наконецъ, къ этому прибавить крайнюю путаницу понятій о томъ, что такое правда, добро, то сумбуръ и проза такой жизни станутъ вполнѣ ясными.

Владекъ возитъ мирового посредника, станового, возитъ всякій народъ, такъ или иначе имѣющій соприкосновеніе съ мѣстной жизнью,—возитъ, разговариваетъ съ ними, самъ сообщаетъ и выслушиваетъ.

Выслушиваетъ и, зная вся и все, заботится съ возможно меньшими затратами получить тотъ кусокъ хлѣба, который нуженъ ему и его семьѣ.

Поворачиваясь съ козелъ, онъ продолжаетъ какой-то разсказъ:

— Ну, говоритъ становой, я буду бить мужика—не смотри.

Владекъ пожимаетъ съ еврейской манерой плечами.

— Что жъ, я ему помѣшать не могу? Хочетъ бить,—побьетъ, а заступлюсь, меня ужъ не возьметъ.

Владекъ начинаетъ новый разсказъ:

— Ну, Владекъ, хочешь меня въ сосѣди къ себѣ?—спрашиваетъ мировой посредникъ.

Владекъ всегда въ отлучкѣ, у него фруктовый садъ, сосѣдство посредника—гарантія для его сада, и Владекъ всѣ силы напрягаетъ помочь посреднику въ его стремленіи купить новый домъ сосѣда.

Посредникъ любитъ продавать дорого, но покупать дешево.

Всякій человѣкъ что-нибудь да любитъ, и угадать, что именно любитъ нужный человѣкъ, и, угадавъ, угодить—все для Владека.

Съ печальной добросовѣстностью выжидаетъ онъ плохого момента въ жизни своего сосѣда, и обоюдными усиліями его и мирового посредника дѣло сдѣлано.

Владекъ стегаетъ лошадь и, опять пожимая плечами, кончаетъ разсказъ неопредѣленно:

— Прислалъ мнѣ два фунта чаю.

Онъ дѣлаетъ гримасу и поднимаетъ плечо.

Мы ѣдемъ полями. Тучки набѣгаютъ. Точно шерсть какого-то сѣдого звѣря, волнуется,—куда глазъ только хватаетъ, вплоть до самаго лѣса,—высокая рожь и сердится, сверкая своей щетиной, на вѣтеръ, который гуляетъ по ней.

А тамъ далеко, далеко ужъ вытянулся цѣлый рядъ высокихъ тополей надъ селомъ: прижались къ нимъ бѣлыя хатки и точно и онѣ слушаютъ, что говоритъ мнѣ словоохотливый Владекъ:

— Я съ пятнадцати лѣтъ все вотъ такъ, вотъ какъ вѣтромъ меня колышетъ: такъ, такъ,—а все вотъ держусь какъ-нибудь... съ самого 63-го года... теперь вспомнишь, такъ страшно станетъ, а тогда, не приведи Господи: сегодня польское войско, а завтра опять русское. Помню вотъ какъ сегодня: только что мы выѣхали подъ жито парить въ два плуга: братъ, я, работникъ и еще мальчикъ,—мы-то съ мальчикомъ погоняльщики, а они—плугатари, какъ вдругъ изъ лѣсу поляки верхами. Непремѣнно, если увидятъ, вербовать станутъ. Работникъ говоритъ: „что жъ, я пойду“, а старшій братъ подъ плугъ залѣзъ и закидали мы его свитками.

— А работникъ хохолъ былъ?

— Полякъ.

— А хохлы были въ польскомъ войскѣ?

— Были... имъ, какъ война началась, объявили, что гдѣ отъ деревни хоть одинъ человѣкъ будетъ, той деревнѣ вся панская земля на вѣчно отойдетъ. Одинъ, два, а ужъ поэтому шли... Хоть тамъ, конечно, и не надѣялись, а все-таки вдругъ такое бы дѣло вышло, что, значитъ, польское войско взяло бы верхъ... ну и посылали.

— Что жъ, ловило ихъ русское войско?

— Гдѣ ловили? Поймаютъ,—скажетъ силой увели, а ужъ послѣ войны, такъ ужъ мужикамъ такая вѣра пошла: на кого укажетъ, тотъ и виноватъ, а на него укажи: наговоръ по злобѣ, значитъ. Мужикъ хитрый, якъ чортъ. Онъ самъ про себя присказку говоритъ, откуда онъ, значитъ, вышелъ. Слыхали, вѣрно?

Я слыхалъ, но сказалъ, что не слыхалъ: мнѣ интересенъ былъ разсказъ въ передачѣ Владека.

Владекъ усмѣхнулся!

— Это шла будто свинья... Ну и вырыла тамъ ямку. Летѣла ворона, увидала ямку и яйцо снесла. Шелъ чортъ, видитъ, что такое? Свинячья ямка и воронье яйцо: сѣлъ и высидѣлъ мужика. И вышелъ мужикъ глупый, какъ ворона, хитрый, какъ чортъ, и прямой, какъ свинья. Бо свинья какъ бѣжитъ, та и бѣжитъ: прямо, да прямо, а мужикъ себѣ знаетъ свою землю, онъ себѣ одну думку и держитъ.

— Ну, такъ что жъ, показались поляки изъ лѣса?

— Да... подъѣхали: „хлопцы, кто хочетъ за нами?“ Работникъ сейчасъ: „я“, говоритъ—„О-то молодецъ“. Дали ему сейчасъ саблю, лошадь. Сѣлъ и готовъ. „А гдѣ же у васъ еще работникъ?“ спрашиваютъ.—На деревню ушелъ.—„Ну, а ты что жъ не идешь?“ Это меня спрашиваютъ. Я говорю: „какой-же я вамъ воинъ, когда мнѣ всего пятнадцать лѣтъ!“ — „Ничего“. — „Нѣтъ, — говорю, — господа такъ нельзя,—это ужъ неволя выходитъ“. А у самаго такъ и похолонуло все. Имъ тоже, конечно, неволить не приходится, меня возьмутъ—слухъ пойдетъ,—отстали, съ тѣмъ и уѣхали. А на другой день какъ разъ русскіе! И меня взяли, и брата. Охотно шли всѣ—тутъ ужъ по крайней мѣрѣ, живой останешься и послѣ не повѣсятъ. Потомъ въ солдаты я попалъ на Кавказъ. Кончилъ службу, пріѣхалъ домой: никого нѣтъ,—родители померли безъ меня; братъ только двоюродный остался и тотъ калѣка. Колотится, сердечный, двое дѣтей, ни угла, ничего... Подумалъ я, подумалъ и отдалъ ему, значитъ, домъ отцовскій и землю—четыре морга, живи: ужъ хоть Богъ тебя обидилъ, чтобъ отъ брата не было обиды. Тутъ сперва у однихъ стариковъ поселился: дочка у нихъ молоденькая была,—увидѣли они, что по вкусу мнѣ пришлась, надѣялись, что женюсь, ну и сперва и такъ и сякъ и хорошій и все тамъ, а ужъ какъ увидѣли, что я на попятный, ну и прогнали.

— Отчего жъ на попятный?

— Да вотъ отчего. Дѣвушка дѣйствительно всѣмъ взяла и такъ просто по вкусу мнѣ пришлась, но одно... Такъ, я замѣтилъ, что не проживетъ она долго. И черезъ годъ всего послѣ этого, скоро тутъ вышла замужъ, и померла... И такъ мужъ ея разогорчился послѣ этого, такъ разогорчился... и тоже досталъ себѣ чахотку... и отъ нея же... и померъ!

— Ну, потомъ что?

— Потомъ женился я, дѣти пошли, вотъ и колочусь такъ:

когда хорошо, когда худо, а все Господь. Наше дѣло такое: сдѣлали тебѣ худо—не ругайся. Только и скажи: пускай тебя Богъ, какъ знаетъ, такъ и судитъ. И это вѣрно: чѣмъ больше вотъ живешь, то виднѣе оно. Разъ досталъ я себѣ такое дѣло: пріѣхалъ баринъ какой-то. Ничего не сказываетъ, тихій этакой; вышелъ съ вокзала, глянулъ на извозчиковъ и прямо ко мнѣ: „Ты—говоритъ—можешь меня отвезти до Корчика? сколько?“—„Три рубля“. Пошелъ назадъ, вынесъ чемоданчикъ, сѣлъ и поѣхали. Молчитъ тотъ, я молчу. „А дальше Корчика повезешь?“—„Куда?“—„Куда скажу, разсчетъ поверстно.“—„Извольте“, говорю. Поѣхали. Пять дней ѣздилъ съ нимъ. Въ планъ смотритъ, чего-то запишетъ тамъ въ книжку, дальше опять.

— Кто жъ онъ такой?

— Не знаю,—онъ не говоритъ, спросить тоже не приходится.

— Можетъ, шпіонъ?

— Дѣйствительно, что на лбу не написано: его грѣхъ... Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ, какъ въ воду канулъ. Привезъ я его назадъ на вокзалъ, далъ мнѣ пятнадцать рублей, кормилъ, поилъ меня, лошадей,—слава Богу, заработалъ.

V.

За Случомъ мѣстность сразу, какъ по волшебному мановенію жезла, измѣняется.

Это уже балотистая Волынь; еще сто верстъ, и начнутся топкія болота—лѣса.

Точно и небо ниже стало, и природа бѣднѣе. Но культурная рука уже работаетъ: много еще болотъ, подмокшій хлѣбъ, но много уже остатковъ только отъ бывшихъ лѣсовъ. Остатки, разбросанные по засѣяннымъ полямъ, а гдѣ еще торчитъ лѣсокъ, тамъ и эта трудолюбивая рука спѣшитъ, судорожно спѣшитъ покончить съ нимъ. Періодъ междупарья и вездѣ идетъ корчевка. И вездѣ нѣмцы, нѣмцы и нѣмцы. Земля перегорожена заборами, дренажными канавками. Аборигены страны — полѣщуки, нѣчто вродѣ зубровъ, — тоже единственные въ своемъ родѣ и производятъ сильное, оригинальное впечатлѣніе.

Вотъ ѣдутъ они въ телѣгѣ—и мужъ и жена, и вся ихъ семья. Сидитъ съ маленькимъ острымъ лицомъ человѣчекъ въ шапкѣ безъ козырька, изъ толстаго сукна, покроя—не

то какія носятъ ксендзы, не то наши арестанты. Въ такомъ же родѣ халатъ—длинный, неуклюжій, въ которомъ маленькая фигурка полѣщука выглядываетъ на свѣтъ Божій, какъ укутанная обезьянка. За то голова его бабы представляетъ изъ себя окружность, діаметръ которой—средней величины колесо. Это мѣстная прическа, мѣстные шиньоны. Дамы Полѣсья неприхотливы: матеріаломъ для шиньона служитъ... солома. Солому эту въ изобиліи набиваютъ онѣ себѣ подъ волосы, въ волосы, въ платокъ, а искусный, мѣстный куафёръ придаетъ всему этому пышный видъ колеса, обмотаннаго громаднымъ платкомъ. Прическа, вслѣдствіе своей сложности, дѣлается разъ на всю недѣлю: отъ бани до бани. Свѣжему человѣку страшно и подумать, что сдѣлалось бы съ его головой, если бы нацѣпить на нее такую тяжесть, заставивъ его при этомъ работать, и какъ работать—и въ дождь, и въ жару, когда и безъ того кровь молотомъ бьетъ въ голову, когда и безъ грязи въ головѣ эта голова чешется отъ выступающей испарины, а тутъ еще и почесать рукой нельзя, а тѣмъ болѣе нельзя достать того звѣря, которому такъ на руку нечистоплотная голова.

Ѣдутъ мимо, смотрятъ на насъ и смѣются.

— Чему они смѣются?

Владекъ смущенно машетъ рукой и говоритъ:

— А, дикій народъ, — палецъ ему покажи, смѣяться станетъ.

Однако, этотъ дикій народъ почти до послѣднихъ мгновеній сохранилъ въ цѣлости строй, который и до сихъ поръ еще для многихъ является идеаломъ народной жизни.

Да, полѣщукъ гордится, а съ нимъ гордятся и его друзья, что онъ, вѣка вываривaясь въ своемъ тѣсномъ общинномъ соку, сохранилъ всю свою старину, весь свой бытъ и до сихъ поръ, какъ и при святомъ Владимірѣ, ничего не продаетъ, ничего и не покупаетъ. И до сихъ поръ денежнаго рынка почти для него не существуетъ. Эта шапка, сапоги, одежда, пышный уборъ,—все, все свое.

Донималъ было безхитростнаго полѣщука полякъ, еврей, но болѣе сильная рука взяла его подъ опеку, и полякъ, и еврей сидятъ теперь на цѣпи и скалятъ голодные, но безвредные уже зубы на недосягаемаго полѣщука.

Если случайно попалъ бы, да еще съ женой такой полѣщукъ въ болѣе культурныя мѣста, тамъ будутъ хохотать, конечно, надъ этими выходцами изъ прошлой, вездѣ въ дру-

гихъ мѣстахъ уже отлетѣвшей жизни. Но вѣдь и полѣщукъ умѣетъ хорошо смѣяться надъ тѣмъ, кто и къ нимъ забредетъ.

Забрели нѣмцы: вѣжливые, тихіе, въ диковинныхъ платьяхъ. И много смѣялись тогда въ Полѣсьѣ... Но когда эти нѣмцы стали предлагать за болота, въ которыхъ только черти да лѣшіе водились, утаскивая въ эти болота пьяныхъ, добродушныхъ полѣщуковъ, и стали давать за десятину этихъ болотъ сто — двѣсти рублей, безумныя деньги, то отъ смѣха все Полѣсье задрожало. Продали нѣмцамъ и болота, и лѣса, и съ интересомъ дикарей ждали, что будутъ дѣлать нѣмцы дальше.

Это было давно и теперь дѣло рукъ нѣмцевъ на виду: болота высушены, лѣса выкорчеваны и желѣзнымъ кольцомъ охвачены разросшіеся въ своихъ деревняхъ полѣщуки.

Тѣсно полѣщуку, задыхается онъ въ своемъ нарядѣ, въ своемъ уборѣ, въ желѣзномъ кольцѣ сильнаго своей культурой народа.

Это уже не слабосильный полякъ и еврей.

Мы остановились въ селѣ, и я слушаю печальную раздраженную повѣсть о томъ, что было и что стало. И земли нѣтъ, и то, что есть, отъ рукъ отбилось.

Выбивается изъ силъ на своей нивѣ пахарь, выбивается изъ силъ его изнуренная кляча, безнадежно вытягиваясь за нѣмецкимъ плугомъ, шутя увлекаемымъ четверкой сытыхъ лошадей.

У полѣщука земля старая, истощенная, пашня мелкая, у нѣмца—земля новая, чищобная, да еще навозомъ сдобренная.

И бросаетъ полѣщукъ землю.

Но какъ же быть? Какъ возвратить полѣщуку его утерянный рай? Нѣтъ времени полѣщуку думать надъ этимъ: за лѣскомъ уже синѣетъ дымокъ — время обѣда кончилось, пора идти на заводъ, и онъ укладываетъ въ торбу свой недоѣденный кусокъ. Это дымъ изъ трубы желѣзнаго завода. Есть такія же трубы у стеклянныхъ, и бумажныхъ, и разныхъ другихъ фабрикъ. Есть сахарные заводы, рафинадные, и я, вашъ покорный слуга, уже дѣлаю изысканія для желѣзной дороги.

Проклятіе! Три проклятія! Что же дѣлать?! Отнять у нѣмцевъ землю, уничтожить фабрики, заводы, не строить желѣзной дороги?! Что дѣлать? Не признавать всей этой новой жизни или признавать, что жизнь идетъ не по тому или другому желанію, а по своимъ вѣчнымъ, неумолимымъ, какъ сама природа, законамъ?..

Что дѣлать? Упрямо вѣрить въ свою утопію и этимъ стать въ противорѣчіе со всей жизнью?..

Я размышляю, а въ это время мой возница Владекъ выясняетъ съ полѣщуками какой-то заинтересовавшій его вопросъ. Я прислушиваюсь. Дѣйствительно, интересно,— какъ-то такъ выходитъ, что даже эти готовые изъ своего матеріала костюмы стоютъ на рынкѣ дешевле, чѣмъ сырой матеріалъ, изъ котораго они дѣлаются. Вся тяжелая работа бабы такимъ образомъ не только ничего не стоитъ, но убавляетъ даже первоначальную стоимость товара.

— Мусите поэтому старую одежу бросаты, а вотъ такую уже заводить,—показываетъ на свою фабричную мой возница Владекъ.

Но некогда обѣдавшимъ съ нами полѣщукамъ отвѣчать. Бѣлый паръ опять и свистокъ, и пока въ своихъ еще костюмахъ—уродика-арестантика—полѣщуки спѣшатъ, точно погоняемые какой-то невѣдомой роковой силой, туда, гдѣ виднѣется изъ-за лѣса дымокъ...

Н Гаринъ.

ВЪ ИНСТИТУТЪ ДЛЯ ЗАИКАЮЩИХСЯ.

Что это за институтъ? спросятъ читатели.

Объ институтѣ рѣчь будетъ впереди, а пока займемся недугомъ, названіе которому «заиканіе».

Неврозъ, извѣстный подъ именемъ заиканія, принадлежитъ къ тѣмъ болѣзнямъ рѣчи, о которыхъ большинство имѣетъ самыя неясныя, смутныя и разнорѣчивыя представленія. Оно и понятно: о заиканіи пишутъ мало, въ особенности на русскомъ языкѣ, а если пишутъ, то больше спеціалисты, сочиненія которыхъ мало читаются обыкновенными смертными. Только меньшинство и, главнымъ образомъ, сами заики знаютъ, что это за болѣзнь, подрывающая все ихъ существо, отравляющая подчасъ ихъ жизнь, ежеминутно напоминающая имъ, что будь хотя семи пядей во лбу, ничего не добьешься. Прекрасныя и радужныя представленія о добрѣ, объ истинѣ, о высокихъ идеалахъ, о пользѣ ближнимъ, отечеству—все это сладкія pia desideria, которыя разлетаются вдребезги, дѣлаясь жертвой злого недуга.

Да, заики хорошо знаютъ свойства этой болѣзни; къ несчастью, для борьбы съ ней этого мало, мало даже знать тѣ средства, при помощи которыхъ можно избавиться отъ этой нервной язвы; необходимы усилія—и усилія не одного только больного, но и опытнаго, а главное, отзывчиваго и чуткаго врача.

Какъ многія нервныя болѣзни, заиканіе при своихъ проявленіяхъ ставитъ, подчасъ, втупикъ какъ одержимыхъ ею, такъ въ особенности непосвященныхъ въ ея свойства. Наблюдатель видитъ только, что больной съ усиліемъ произноситъ не только слова, но и слоги въ болѣе слабыхъ проявленіяхъ болѣзни, а въ тяжелыхъ иногда совершенно не въ силахъ одолѣть какой-нибудь слогъ или даже букву.

Но такое отличительное свойство болѣзни непостоянно, а напротивъ, вышеописанныя явленія повторяются урывками, спорадически, какъ вообще нервныя болѣзни; подчасъ буква, слогъ

или даже цѣлое слово, за минуту неодолимые, произносятся вдругъ совершенно легко, безъ сучка и задоринки. «Странно», думаетъ наблюдатель, «только что не могъ, а теперь говоритъ совершенно плавно». Только какая-то боязливость и конфузливость выдаютъ больного; постороннему кажется, что его собесѣдникъ чего-то боится, что-то старается скрыть, какъ бы оправдывая поговорку «на ворѣ и шапка горитъ». Но проходятъ еще мгновенія, и больной начинаетъ снова заикаться, съ трудомъ извлекаетъ звуки, иногда страшно краснѣетъ, а иногда топаетъ ногами и какъ бы фыркаетъ.

Еще болѣе странно наблюдать заику одного въ комнатѣ, когда онъ не знаетъ, что за нимъ наблюдаютъ; въ такія минуты большинство изъ нихъ читаетъ и говоритъ почти свободно, но стоитъ только больному почувствовать, что его слышатъ, онъ начинаетъ немедленно заикаться, конфузиться, краснѣетъ, дыханіе его прерывается и дѣлается неправильнымъ, какъ у человѣка, взбирающагося на крутую гору и собирающагося говорить.

Большинство заикъ запасается большимъ лексикономъ трудныхъ для произнесенія буквъ, слоговъ и цѣлыхъ словъ, между которыми стараются лавировать, уподобляясь мореплавателю, избѣгающему подводныхъ камней. Иногда имъ это и удается, но для посторонняго такая рѣчь кажется странной по своимъ выраженіямъ и конструкціи. Если же больной сильно взволнованъ, находится въ большомъ обществѣ, гдѣ ему приходится говорить оффиціально, или же представляется грозному начальству, то никакое лавированіе не помогаетъ, и рѣчь его, въ воображеніи плавная, мѣрная и краснорѣчивая, сразу же обрывается; больной еще болѣе конфузится, робѣетъ и замолкаетъ; только одно судорожное подергиванье губъ, челюстей и языка указываютъ еще на неудавшуюся попытку рѣчевого аппарата произнести звукъ.

Я сказалъ «запасаются»—и вполнѣ справедливо. Трудные и легкіе звуки существуютъ, главнымъ образомъ, въ воображеніи больного, изобрѣтающаго ихъ. Стоитъ только больному при какомъ-нибудь случаѣ, въ минуту жизни трудную, заикнуться даже сравнительно на легкомъ и удобопроизносимомъ для него прежде звукѣ, какъ настроенное воображеніе немедленно обогащаетъ лексиконъ трудностей новыми добавленіями и оговорками.

Если больному приходится исполнять какія-нибудь порученія, то онъ всячески старается «на всякій случай» найти себѣ защиту въ нѣкоторыхъ предусмотрительныхъ лазейкахъ: покупая что-нибудь въ лавкѣ, онъ запасается или подходящей для цѣли запиской, или образчикомъ того, что желаетъ купить; съ такимъ

арсеналомъ предосторожностей больной смѣло входитъ въ лавку и очень часто проводитъ свою миссію съ блестящимъ успѣхомъ.

Какъ всѣ нервные больные, заики очень впечатлительны и обладаютъ чрезмѣрной фантазіей, въ особенности, если дѣло касается ихъ недуга. Детально и рельефно представляютъ они себѣ тѣ сцены, гдѣ они особенно сильно заикались и гдѣ подвергались якобы униженію, при чемъ дѣйствующія лица являются предъ ихъ глазами, какъ живыя, а самъ больной представляется самому себѣ человѣкомъ жалкимъ и отверженнымъ, человѣкомъ никуда и ни на что негоднымъ и неспособнымъ. Вездѣ и всегда больного преслѣдуетъ мысль: «я заика!» «я не могу говорить!»

Эта мысль такъ внѣдряется въ плоть и кровь больного, что дѣлается его второю натурой, его idée fixe, постоянно преслѣдуетъ его и является его неизмѣнною спутницей.

Смотря по темпераменту, силамъ, образу жизни, положенію и другимъ условіямъ, болѣзнь то улучшается, то ухудшается.

У больного бываютъ минуты удачъ и тогда ему кажется, что недугъ его безвозвратно исчезъ, онъ торжествуетъ, онъ герой, онъ впадаетъ въ крайность, чтобы при первомъ же неудачномъ случаѣ снова «упасть низко-низко», по мнѣнію больного. При этомъ бываютъ странные, повидимому, случаи.

Мнѣ извѣстно нѣсколько примѣровъ, когда ученикъ, сильно заикавшійся при всѣхъ преподавателяхъ, говорилъ совершенно свободно только при одномъ.

Ларчикъ просто открывался.

Отвѣчая первый разъ новому преподавателю, онъ чувствовалъ себя хорошо, героемъ, онъ былъ совершенно здоровъ; первый блинъ не былъ комомъ, остальные пошли, какъ по маслу.

Сюда же относятся случаи, когда больному кажется, что въ извѣстное время дня или года онъ говоритъ лучше, чѣмъ обыкновенно. У больныхъ эти случаи не сходятся,—признакъ, по которому ихъ также слѣдуетъ отнести къ проявленіямъ idée fixe. Въ этихъ случаяхъ вѣрно только то, что въ хорошую погоду, когда на дворѣ свѣтло, тепло и сухо, а солнце такъ привѣтливо и многообѣщающе свѣтитъ, что всѣмъ живущимъ становится радостно и свѣтло на душѣ,—больной также подчиняется голосу природы и пріободряется; онъ чувствуетъ вмѣстѣ съ поэтомъ:

«И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога!»

Въ общемъ можно, пожалуй, согласиться, что къ вечеру больной чувствуетъ себя лучше, чѣмъ по утрамъ, когда только-что встанетъ съ постели; здѣсь повторяется обычная исторія: къ

вечеру человѣкъ, что называется, расходится и нервно экзальтируется, а потому чувствуетъ себя какъ бы легче и подвижнѣе.

Заиканіе начинается обыкновенно въ дѣтскомъ возрастѣ, въ юношескомъ увеличивается, а потомъ постепенно уменьшается; старики-заики, сравнительно, рѣдки. Обострению и возникновению болѣзни можетъ способствовать и школа; причинъ, повидимому, для этого не занимать стать: утомительное и однообразное сидѣніе въ классахъ, отношеніе товарищей къ заикамъ, наконецъ, неумѣлое отношеніе къ нимъ учителей: сплошь и рядомъ страдаетъ здѣсь самолюбіе больныхъ, а на этой воспріимчивой для всякихъ нервныхъ заболѣваній почвѣ въ особенности развивается заиканіе.

Да не подумаетъ читатель, что заиканіе — болѣзнь исключительно нашего нервнаго вѣка, отрицательный продуктъ нашихъ жизненныхъ условій, нашей пресловутой борьбы за существованіе, при которой истощаются физическія и духовныя силы. Конечно, нашъ вѣкъ со своими ненормальными условіями, со своимъ односторонним воспитаніемъ даетъ большій процентъ заболѣваній, чѣмъ прежніе вѣка. Но какъ бы то ни было, заиканіе такъ же старо и извѣстно, какъ міръ; уже сѣдая, глубокая старина знаетъ эту болѣзнь и всячески старается ее лѣчить. Намъ извѣстны историческія личности, какъ Моисей, Демосѳенъ, Боттъ—киренскій царь, Клавдій — римскій императоръ и другіе, бывшіе заиками. Уже въ то время врачами прилагались усилія къ раціональному лѣченію этой болѣзни, и не безъ успѣха: извѣстный ораторъ Демосѳенъ былъ заикой и, благодаря своему другу Неоптоломею и собственнымъ усиліямъ, прилежанію и настойчивой волѣ, исцѣлился отъ болѣзни.

Къ особенностямъ вышеописаннаго невроза относится то, что женщины заболѣваютъ имъ въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, да и излѣчиваются, повидимому, скорѣе. Вѣроятная причина этого та, что источникъ болѣзни у женщинъ менѣе воспріимчивъ къ заболѣванію, чѣмъ у мужчинъ.

Я не буду входить въ дальнѣйшія подробности изслѣдованія источника этой болѣзни—локализаціи заиканія; это область спеціалистовъ. Довольно будетъ сказать, что, по новѣйшимъ научнымъ даннымъ, исходныя точки судорогъ должны находиться въ центрѣ рѣчи, т. е. въ томъ мѣстѣ лѣваго полушарія мозга, откуда иннервируются преимущественно рѣчевыя движенія.

Не буду утомлять читателя описаніями своего путешествія, личныхъ наблюденій и впечатлѣній; это не предметъ настоящей

статьи. Не буду также называть прямымъ именемъ того заведенія, въ которомъ мнѣ пришлось сдѣлать наблюденія; по моему—это лишнее, такъ какъ почти всѣ германскіе институты для заикающихся по своимъ цѣлямъ, а отчасти и методамъ обученія и лѣченія, представляютъ много аналогичнаго.

Итакъ, мы въ институтѣ...

Еще задолго до поѣздки за-границу, мой мысленный взоръ видѣлъ этотъ институтъ, но то, что оказалось въ дѣйствительности, мало соотвѣтствовало игрѣ фантазіи.

Я представлялъ себѣ громадное зданіе, тонущее въ зелени, съ цѣлой анфиладой комнатъ, высокихъ и просторныхъ. Здѣсь же должны были находиться всѣ приспособленія для лѣченія больныхъ: ванны, отдѣльные кабинеты для занятій, наконецъ, квартиры учителей и доктора.

Ничуть не бывало!

Предо мной стоялъ средней величины двухъ-этажный домъ съ мезониномъ, въ стилѣ обыкновенныхъ загородныхъ заграничныхъ виллъ; впрочемъ, это и была вилла, какъ гласило и ея названіе. Изъ оконъ дома открывался чудесный видъ на протекавшую тутъ же Эльбу и на крутыя горы по другой сторонѣ рѣки, по которымъ въ причудливомъ безпорядкѣ лѣпились замки, окруженные виноградниками, дома простыхъ бюргеровъ и красивыя виллы...

Рѣка была чиста и глубока, безъ нашихъ обычныхъ мелей то и дѣло на ней показывались то пароходъ, то что-то въ родѣ нашей баржи, то просто передвигался паромъ...

Внутренность дома также не соотвѣтствовала моимъ представленіямъ; въ первомъ этажѣ находилась квартира владѣльца—учителя, во второмъ этажѣ помѣщались паціенты I-го класса (побогаче), а въ мезонинѣ—II-го класса (побѣднѣе). Здѣсь же велись занятія въ общей залѣ, со всѣми паціентами одновременно; обыкновенно до обѣда. Время послѣ обѣда распредѣлялось различнымъ образомъ: или устраивались совмѣстныя прогулки за городъ съ учителемъ, во время которыхъ паціенты должны были практически прилагать къ жизни совѣты учителя, или попросту паціенты предоставлялись каждый своимъ вкусамъ и наклонностямъ.

Никакихъ ваннъ, особыхъ приспособленій и отдѣльныхъ кабинетовъ, а также врача при институтѣ не имѣлось.

Но обратимся къ самимъ занятіямъ.

9 часовъ утра. Въ довольно просторной комнатѣ собралось душъ 12—15 паціентовъ, ожидавшихъ своего учителя. Среди больныхъ были и паціентки—двѣ скромненькія барышни, сидѣв-

шія нѣсколько поодаль и видимо не вошедшія еще во вкусъ и курсъ ученія. Остальная компанія видимо чувствовала себя уже какъ дома. Кто сидѣлъ за большимъ столомъ и читалъ, читалъ какъ-то особенно, съ большой утрировкой рѣчевого аппарата: открывалъ неистово ротъ, растягивалъ и выпячивалъ губы и трубилъ гласные звуки, какъ бы забывая о присутствіи согласныхъ; читалъ не заикаясь; кто ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, выводя какой-то «ein Mal eins» тоже съ особенной утрировкой губъ, челюстей и языка, кто подсаживался къ барышнямъ и, не роняя своего достоинства — свободно говорящаго человѣка, старался говорить съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой, иногда только прибѣгая къ утрировкѣ рѣчевого аппарата.

Общество было довольно разнообразное: здѣсь были и нѣмцы, и англичане.

Но, вотъ вдали послышались грузные, тяжелые шаги, и общество сразу встрепенулось; паціенты приняли соотвѣтствующій случаю видъ и приготовились встрѣчать своего учителя.

— Guten Morgen!—хоромъ привѣтствовало общество своего ментора; затѣмъ ученики поочередно подходили къ учителю, пожимали ему руку и произносили «Guten Morgen» опять-таки утрированно: гласные растягивались, а согласные произносились мягко и чуть слышно.

Учитель занялъ въ креслѣ свое мѣсто, и урокъ начался.

Своей плотной фигурой, осанкой, манерой говорить, всѣмъ своимъ спокойствіемъ и неторопливостью, учитель производилъ очевидно импонирующее вліяніе на паціентовъ.

Урокъ начался штудированіемъ хоромъ всей таблицы умноженія—ein Mal eins. Штудированіе шло не торопясь, подъ присмотромъ и съ соотвѣтствующими указаніями учителя: паціенты дѣлали глубокія вдыханія и произносили слова на-распѣвъ: гласные намѣренно растягивались, какъ бы пѣлись, а согласные игнорировались; сюда же входили нѣкоторые нюансы и оттѣнки въ произнесеніи словъ и буквъ, въ особенномъ сліяніи конца слова съ началомъ другого и другія дидактическія особенности, выразить которыя на бумагѣ невозможно, ихъ можно только показать практически, примѣняясь каждый разъ къ индивидуальнымъ симптомамъ болѣзни.

За умноженіемъ послѣдовало чтеніе; читали поочередно, съ соблюденіемъ указаній и совѣтовъ наставника. Въ общемъ чтеніе сводилось къ слѣдующему: паціентъ запасался большой порціей воздуха и съ этимъ оружіемъ прочитывалъ, приблизительно $^1/_3$—1

строку изъ книги обыкновеннаго формата, затѣмъ дѣлалось снова глубокое вдыханіе и чтеніе продолжалось...

Воздухъ обыкновенно набирался передъ знаками препинанія, въ тяжелыхъ случаяхъ болѣзни слова произносились съ знакомой уже намъ утрировкой и правилами «ein Mal eins», а въ болѣе легкихъ случаяхъ чтеніе приближалось къ нормальному—съ толкомъ, чувствомъ, разстановкой; чтеніе опять-таки сопровождалось указаніями и совѣтами учителя.

За чтеніемъ послѣдовалъ самый трудный отдѣлъ: пересказъ прочитаннаго и разговоръ, то въ отдѣльности съ каждымъ паціентомъ, то коллективно, со всѣмъ обществомъ; здѣсь также примѣнялись соотвѣтствующіе совѣты и указанія, индивидуальнаго свойства, смотря по роду болѣзни, ея основнымъ симптомамъ, а также характеру самого больного.

Обыкновенно заики—люди робкіе, застѣнчивые, стѣсняющіеся своего недуга, легко падающіе духомъ при всякой неудачѣ, всегда мнительно и зорко прислушивающіеся къ постороннимъ отзывамъ о своей личности, словомъ, люди больные, съ развинченными нервами, съ воображеніемъ, направленнымъ, главнымъ образомъ, на свое неизбѣжное Idée fixe—«я заикаюсь», и въ этомъ смыслѣ ненормальные.

Учителямъ прекрасно извѣстны всѣ эти особенности характера паціентовъ и по силѣ возможности они стараются искоренить эти недостатки; послѣднее удается больше всего тогда, когда учитель производитъ на ученика своимъ авторитетомъ глубокое нравственное вліяніе.

Эта часть лѣченія психическая, повидимому, самая важная и ее приходится проводить съ особеннымъ индивидуальнымъ изученіемъ характера и особенностей своего паціента. Тогда только такое лѣченіе можетъ дать блестящіе результаты. Паціента приходится, такъ сказать, перевоспитать, совершенно видоизмѣнить нѣкоторыя его представленія о людяхъ, о своемъ характерѣ, объ особенностяхъ своей болѣзни, или, по крайней мѣрѣ, внушить ему критическое отношеніе къ его прежнимъ представленіямъ. Изъ застѣнчиваго, робкаго, избѣгающаго общества и людей сдѣлать человѣка, противоположно настроеннаго, изгнать у него это несносное Idée fixe—«я заикаюсь»... вернуть ему вѣру въ собственныя силы и способности...

О, какъ это трудно!

Мыслимо ли проводить такую систему лѣченія учителю, у котораго, подчасъ, бываетъ 15—25 учениковъ одновременно? Очевидно, фактъ невозможный. Остается только одно, принять за

правило латинское: «feci quod potui, faciant meliora potentes» *)... и исполнять свое дѣло, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Такой системы они, повидимому, и придерживаются.

Однако, вернемся снова въ «классъ».

Разговоръ продолжается, развиваются различныя темы, которыя направляетъ и варіируетъ самъ учитель. Пацієнты вставляютъ свои замѣчанія, которыя или поддерживаются учителемъ, или опровергаются; подчасъ разговоръ становится общимъ и очень оживленнымъ, въ особенности, когда затрогиваются задушевныя темы самихъ пацієнтовъ; по пословицѣ: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», пацієнты сплошь и рядомъ направляютъ разговоръ на свое неизбѣжное idée fixe; въ такихъ случаяхъ учитель освѣщаетъ это «idée fixe» собственнымъ свѣтомъ, стараясь придать ему особенный колоритъ, совершенно противоположный представленіямъ пацієнтовъ. И пацієнты мало-по-малу пріободряются... «Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ», все чаще и чаще молніей проносится въ ихъ головахъ, а сердца ихъ напополняются упованіями и надеждой на лучшее будущее...

Такъ проходитъ время до обѣда.

Послѣ обѣда устраиваются довольно часто поѣздки и прогулки съ учителемъ съ практической цѣлью: ученики примѣняютъ къ жизни совѣты учителя; пацієнтамъ даются различныя порученія—поговорить по дорогѣ съ кѣмъ-нибудь изъ прохожихъ, зайти куда-нибудь въ магазинъ или какое-нибудь присутственное мѣсто, справиться о какомъ-нибудь дѣлѣ и т. д., и т. д.

Пацієнты безпрекословно исполняютъ порученія учителя; за порученія, исполненныя плавно и гладко, наградой служитъ подъемъ духа самого ученика, а за неудавшіяся назначаются денежныя взысканія въ извѣстномъ размѣрѣ.

Такъ, приблизительно, тянутся дни и недѣли въ институтѣ для заикающихся...

Оставляя институтъ, каждый пацієнтъ записываетъ свое мнѣніе въ особенную книгу; мнѣнія и представленія объ институтѣ обыкновенно радужнаго свойства. То и дѣло встрѣчается: «въ 4 недѣли совершенно избавился отъ своего жестокаго недуга», «вполнѣ исцѣлился отъ сильнаго заиканія въ 5 недѣль—благодаря замѣчательной методѣ» такого-то; все въ одномъ и томъ же духѣ. Вышеприведенными выраженіями наполняется обыкновенно вся книга. Непосвященному въ таинства записей остается только раз-

*) «Я сдѣлалъ, что могъ, пусть лучше сдѣлаютъ тѣ, кто въ силахъ это сдѣлать».

вести руками, умилиться духомъ да прославлять науку и ея жрецовъ за ихъ дѣйствія.

А между тѣмъ здѣсь не все обстоитъ благополучно.

4 — 6 недѣль слишкомъ небольшой срокъ для избавленія отъ болѣзни, пускающей глубокіе корни во всемъ организмѣ даже въ легкихъ случаяхъ болѣзни. Нужны усилія не только больного, но и учителя, и только тогда возможно ожидать благополучнаго исхода болѣзни. Эти усилія нельзя точно перевести на время— усилія усиліямъ рознь, да кромѣ того необходимо принимать во вниманіе другія условія, какъ возрастъ, полъ, здоровье, воспитаніе, образъ жизни, наконецъ, даже климатъ. Конечно, по различнымъ научнымъ даннымъ и достовѣрнымъ статистикамъ можно опредѣлить приблизительный срокъ излѣченія: 4—8 мѣсяцевъ, а въ тяжелыхъ случаяхъ и больше.

— Чѣмъ же объяснить записи паціентовъ въ институтскихъ книгахъ?—въ правѣ спросить читатель.

Конечно, не шантажемъ, это было бы слишкомъ, тѣмъ болѣе, что гонораръ учителю выдается только по окончаніи курса лѣченія. Паціенты записываютъ въ книги свои замѣчанія добровольно, причемъ учитель проситъ даже писать одну истину.

Никто не безъ грѣха, а завѣдывающіе институтами не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія.

Нѣкоторые изъ паціентовъ, оставляя институтъ съ значительной поправкой недуга, говорятъ въ присутствіи учителя почти свободно; этого достаточно, чтобы выразиться о заведеніи въ оптимистическомъ духѣ. Оно, пожалуй, понятно; такіе паціенты чувствуютъ себя въ минуту составленія записи или совсѣмъ свободными отъ недуга, или же уповаютъ на близкое и совершенное исцѣленіе дальнѣйшими домашними упражненіями и наблюденіями за недугомъ.

Но есть и такіе, которые, уѣзжая изъ заведенія, все-таки заикаются довольно сильно, а записываютъ, подчасъ, нѣчто совершенно обратное; эти тоже уповаютъ на лучшее будущее у себя дома. Какъ бы тамъ ни было, послѣдняго не слѣдовало бы допускать учителямъ; это значитъ играть на нервности и деликатности своихъ паціентовъ, которые сами въ одно и то же время и вѣрятъ, и не вѣрятъ своимъ записямъ. Всѣ эти записи бросаютъ тѣнь на заведеніе и дискредитируютъ его въ глазахъ публики.

Вотъ причина, почему такъ мало и неохотно вѣрятъ всякимъ институтамъ для заикающихся.

А между тѣмъ такой институтъ можно бы было поставить на раціональную и научную почву. Конечно, для этого пришлось бы

преслѣдовать только идеальныя цѣли, совершенно игнорируя и забывая меркантильные интересы и прибыль. Но возможно ли это? Всегда возможно. Почему бы не устроить кому-нибудь, а правительству въ особенности, такой институтъ для заикающихся, который, удовлетворяя всѣмъ научнымъ даннымъ, преслѣдовалъ бы не эгоистическія цѣли,—такой институтъ, который имѣлъ бы въ виду только благо и пользу своего ближняго?

Устраиваютъ же у насъ различныя больницы и лѣчебницы для разнообразныхъ больныхъ; заиканіе тоже болѣзнь, и очень упорная, которую приходится лѣчить и мытьемъ, и катаньемъ. А между тѣмъ, въ Россіи почти совсѣмъ не занимаются лѣченіемъ этой болѣзни, а о раціональныхъ институтахъ совсѣмъ что-то не слышно. Не знаю, какъ въ будущемъ, а пока это такъ.

В. Л—е.

ПАМЯТИ НАДСОНА.

(19 января 1887 г.).

Свершился жребій твой суровый!
Какъ рано смерть къ тебѣ пришла
И сорвала вѣнецъ лавровый
Съ спокойно-гордаго чела.

Замолкли скорбныхъ пѣсенъ звуки
Надъ стороной твоей родной,
Которой несъ ты сердца муки,
Какъ дань души твоей больной.

И помню я, былъ день ненастный,
Когда къ могилѣ дорогой
Послами родины несчастной
Сошлись мы съ горькою тоской.

Но, расходясь, мы обѣщали
Снести, какъ кладъ, въ своихъ сердцахъ
Все тѣ же пѣсни, что звучали
На смертью порванныхъ струнахъ.

В. Ладыженскій.

ПЕЙЗАЖИ.

I.

ОСЕНЬЮ.

Тьма на душѣ и тьма въ природѣ,
Просвѣта нѣтъ, одна лишь мгла кругомъ,
И мысль, лишенная и свѣта, и свободы,
Томится тяжкимъ полусномъ.
И вѣры въ счастье нѣтъ, и для борьбы нѣтъ силы,
Душа полна тупой покорностью судьбѣ—
И дни идутъ безплодны и унылы,
Какъ будто въ сѣверной тайгѣ.

II.

ЗИМОЙ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Морозъ опаловымъ туманомъ
Окуталъ даль, и горы, и поля,
Украсилъ лѣсъ серебрянымъ чеканомъ,
И солнце золотитъ лишь церкви купола.
И спитъ земля въ нѣмомъ оцѣпенѣньи
Подъ саваномъ блестящимъ снѣговымъ,
Нигдѣ ни отзвука—все замерло движенье
И все полно покоемъ гробовымъ.
Но не гнететъ души безмолвный сонъ природы,
Морознымъ воздухомъ свободно дышетъ грудь,
И молкнутъ на сердцѣ тяжелыя невзгоды.
Отъ шума города я радъ такъ отдохнуть.
И будто вѣрится, что съ яркою весною,
Съ проснувшейся зимой—надежды оживутъ,
И въ сердцѣ, скованномъ мертвящею тоскою,
Цвѣты любви привѣтно зацвѣтутъ.

Н. Селивановъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Полное собраніе сочиненій Н. И. Наумова. — Народники-бытописатели. — Послѣднія беллетристическія новинки.— Разсказы г. Ив. Бунина. — «Молохъ» г. Куприна.—Десятилѣтіе смерти Надсона.

Появленіе полныхъ собраній сочиненій старыхъ авторовъ заставляетъ насъ дѣлать экскурсіи въ область старой литературы, повидимому, уже отжившей и мало для кого привлекательной теперь. Но если такія экскурсіи и не совсѣмъ пріятны, онѣ несомнѣнно полезны, и мы охотно рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ. Онѣ насъ знакомятъ съ настроеніемъ прошлаго, хотя и недавняго, но уже кажущагося такимъ далекимъ и непонятнымъ, въ особенности для тѣхъ, кто мало знакомъ съ литературою того времени, разсѣянною въ журналахъ, отчасти не всегда доступныхъ. Поэтому, и полныя собранія сочиненія такихъ почти забытыхъ теперь писателей, какъ Н. И. Наумовъ, полезны и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Въ народнической литературѣ 70-хъ годовъ г. Наумовъ занимаетъ почетное мѣсто на ряду съ гг. Златовратскимъ, Засодимскимъ и другими, съ нѣкоторымъ особымъ оттѣнкомъ, если можно такъ выразиться, воинствующаго характера. Это создало ему репутацію полузапретнаго писателя, и нѣкоторые его разсказы, какъ «Паутина», напр., и сборникъ «Сила солому ломитъ», пользовались особымъ, почти благоговѣйнымъ вниманіемъ. Для современнаго читателя все это «старина и преданье», и намъ трудно, почти невозможно понять, что такъ привлекало въ этихъ сухихъ, чрезвычайно растянутыхъ, безжизненныхъ очеркахъ полуэтнографическаго характера. Народная жизнь и типы крестьянъ изображаются не такими, каковы они въ дѣйствительности, а по составленному заранѣе правилу, согласно взгляду автора на «міръ», «мужичка», «деревню». Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить г. Наумова съ Гл. Успенскимъ.

Въ послѣднемъ публицистъ и страстный народникъ постоянно борются съ великимъ, непосредственнымъ художникомъ, которому только недостатокъ цѣльнаго міросозерцанія мѣшаетъ быть геніальнымъ. Художникъ и публицистъ въ Гл. Успенскомъ идутъ разными дорогами, впадая часто въ противорѣчія, что и производитъ тотъ болѣзненный диссонансъ, который на каждомъ шагу поражаетъ въ его творчествѣ. Что-то надломленное чувствуется уже въ первыхъ его произведеніяхъ («Нравы Растеряевой улицы»), и эта болѣзненная струнка постепенно получаетъ преобладаніе въ душѣ художника, чувствительность котораго къ житейскимъ отголоскамъ становится чрезмѣрной, мѣшая ему уловить одинъ основной тонъ. Отсюда такой хаосъ въ его творчествѣ, отры-

вочность наблюденій, масса противорѣчій, чарующая художественная правда наряду съ самыми невѣроятными общими построеніями. Художникъ спасъ Гл. Успенскаго, какъ писателя, и его Иванъ Босыхъ будетъ жить въ русской литературѣ, пока будетъ существовать послѣдняя.

Совсѣмъ иное представляютъ народническіе писатели типа Н. И. Наумова. Какъ натуры, они вполнѣ здоровые, цѣльные типы, со всѣми лучшими сторонами своего времени, только они не художники, а публицисты опредѣленнаго направленія, вмѣстѣ съ которыми умерли и они. Ихъ нельзя теперь читать, какъ мы читаемъ Гл. Успенскаго, наслаждаясь и поучаясь, вынося изъ этого чтенія неизгладимое впечатлѣніе живыхъ образовъ. Ихъ приходится читать, какъ своеобразные историческіе документы, что, надо признаться, довольно-таки скучновато.

Прежде всего, г. Наумовъ до крайности одностороненъ, что отражается на его живописи однотонностью. Всѣ его очерки это «эскизы безъ тѣней», какъ онъ и самъ назвалъ нѣкоторые изъ нихъ. Персонажи его рѣзко дѣлятся на два разряда, кулакъ-«кровопивецъ» съ одной стороны, съ другой—«народъ-страдалецъ», то въ видѣ окончательно заморенаго, забитаго рабочаго, то рабочаго-протестанта. Но всѣ они, и кулакъ, и заморышъ, и протестантъ,—не живые люди, а манекены съ этикетками. Въ усердіи навести читателя на истинный путь, г. Наумовъ доходитъ до смѣшного, заставляя кулака атестовать себя, напр., слѣдующимъ образомъ: «Я теперича такое размышленіе имѣю о себѣ: я воръ, я грабитель,—одно мнѣ званіе,—ну, и пущай будетъ такъ, и не я одинъ теперича, а все наше отечество воры и грабители; такъ ужъ коли мы этакіе худые люди выродились, такъ пущай весь честной людъ и забудетъ насъ, презритъ насъ, забудетъ—въ какомъ мѣстѣ и дорогато къ намъ идетъ! Нѣ-ѣ-ѣтъ, отбою-то, вѣдь намъ отъ честныхъ людей нѣтъ, о-о-отбою нѣтъ!..» И это кулакъ говоритъ первому встрѣчному человѣку, раскрываетъ предъ нимъ свою душу, которую авторъ и заноситъ на страницы своей лѣтописи съ отмѣткой «кровопивецъ». Въ другомъ разсказѣ «Юровая» (ярмарка), описавъ злоключенія забитаго мужика и торжество кровопивца, г. Наумовъ, опасаясь, что недостаточно пронялъ читателя, заставляетъ жертву плакать, а самъ разражается надъ ея головой слѣдующей тирадой: «Грустно видѣть, когда плачетъ ребенокъ, не сознающій серьезныхъ невзгодъ жизни, горе котораго такъ же мимолетно, какъ тѣнь отъ облака, набѣжавшаго въ ясный солнечный день. Прошла минута, исчезла тѣнь и онъ еще съ невысохшими слезами на глазахъ улыбается и рѣзвится, забывъ о горѣ. Но скорбно видѣть, когда плачетъ взрослый человѣкъ тѣмъ тяжелымъ грудным плачемъ, который сильнѣе недуга подтачиваетъ силы и часто оставляетъ на всю жизнь неизгладимые слѣды въ чертахъ лица и въ характерѣ. Вотъ этимъ-то надрывнымъ плачемъ отъ шумной Волги до пустынныхъ Оби и Енисея нерѣдко оплакиваетъ русскій мужичекъ свою горькую долю, свою безысходную нужду!» (стр. 343, т. I).

Подобными лирическими отступленіями г. Наумовъ разнообразитъ длинные-предлинные разговоры своихъ героевъ, выражаясь его языкомъ «мужичковъ», въ которыхъ они состязаются въ остроуміи, а если выводится добродѣтельный мужичокъ, то въ проповѣдяхъ на тему о грѣхѣ стяжательства. Въ лучшемъ изъ своихъ разсказовъ «Паутина» онъ выводитъ остроумцевъ-рабочихъ, которые на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ (больше сотни) занимаютъ читателя доморощеными остротами, густо сдобренными «пер-

немъ» извѣстнаго свойства. Цѣль этого турнира остротъ—показать читателю, какимъ умнымъ и наблюдательнымъ можетъ быть при случаѣ нашъ «мужичокъ». Что же касается упражненія въ проповѣдяхъ, то оно должно раскрыть изумленному читателю всю глубину народной души, съ ея «подоплекой», смиренномудріемъ, простодушіемъ и прочими добрыми качествами «мужичка». Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, добрые, «радѣтельные» и «душевные» мужички страждутъ, злые же преуспѣваетъ. Получается заключеніе весьма нелестное для деревни и всего ея «уклада», какъ способствующаго лишь дурнымъ инстинктамъ и не оказывающаго никакой поддержки добродѣтели. Чтобы нѣсколько скрасить такое печальное мнѣніе о деревенскомъ «мірѣ», въ нѣкоторые рѣшительные моменты на сцену выступаетъ «засѣдатель», «чиновникъ», словомъ — «начальство», которое довершаетъ, такъ сказать, санкціонируетъ торжество зла надъ добродѣтелью. Въ разсказахъ г. Наумова, «Куда ни кинь, всюду клинъ», «Крестьянскіе выборы», засѣдатель фигурируетъ, какъ deus ex machina, и наивный бытописатель ни разу не задумывается надъ вопросомъ, откуда же берутся «кровопивцы», которые прибѣгаютъ къ засѣдателю уже тогда, когда и для него они «сила». Это для него вопросъ посторонній, и всѣ порядки «міра» представляются ему превосходными. Необходимо только согнать «засѣдателя», а на его мѣсто посадить г. Наумова съ братьей, и тогда «пойдетъ ужъ музыка не та». Всѣхъ «кровопивцевъ» народники уберутъ въ мѣста «столь и не столь отдаленныя», а на добродѣтельныхъ мужичковъ изліютъ фіалъ благоволенія. Каждый народникъ, какъ они вырисовываются въ своихъ произведеніяхъ, бюрократъ до мозга костей и свято вѣритъ въ силу предписаній. Теперь эти предписанія направлены въ пользу кулака, «чумазаго», но ничто не мѣшаетъ направить ихъ въ обратную сторону, которая и процвѣтетъ тогда «яко кринъ сельный». Такова наивная «политическая платформа» народничества, въ которой и заключается все различіе между народничествомъ и демократизмомъ. Демократъ вѣритъ въ народъ, но не преклоняется предъ нимъ и не боится его. Демократъ не признаетъ никакихъ «долговъ» предъ народомъ, но за то и не дерзаетъ никогда «опекать» его, смотрѣть на него какъ на слабаго ребенка.

Одностороннее, «безъ тѣней», изображеніе крестьянской жизни въ разсказахъ г. Наумова приводитъ еще къ нѣкоторымъ совсѣмъ нежелательнымъ для него выводамъ. Его добродѣтельные мужички изображены имъ въ видѣ желудковъ на ножкахъ, но безъ головы. Всѣ помышленія вертятся на хлѣбѣ насущномъ, который у нихъ перехватываетъ кровопивецъ, а бѣдные животы только глазами хлопаютъ, «слезами горючими обливаючись» («Куда ни кинь—все клинъ»). Кровопивецъ же, наоборотъ, «малый, право, хоть куда»: «не старый по лѣтамъ, смѣлый, предпріимчивый, не знавшій отдыха ни днемъ, ни ночью, бойкій на языкъ, Силуянъ Петровичъ скоро влюбилъ въ себя мѣстное населеніе, при помощи котораго только и могъ справляться съ подрядомъ». Его противники, благомыслящіе старцы, изображены вахлаками, которыхъ водитъ за носъ пьяница-письмоводитель, «облопошиваетъ» писарь, а они ходятъ, какъ сонные, и только плачутся. При видѣ такихъ несмысленышей, дѣйствительно, самъ собой возникаетъ вопросъ о необходимости для нихъ няньки, и самъ собой для этой роли напрашивается народникъ.

Насъ всегда интересовало, какимъ образомъ въ одно и то же время уживается въ душѣ народниковъ это неуваженіе къ народу, изображаемому въ видѣ недоросля, съ преклоненіемъ

предъ нимъ чуть не до полнаго самоуничиженія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только исторія возникновенія народничества, его разцвѣта и упадка. Къ сожалѣнію, такой исторіи еще не существуетъ въ строго систематическомъ изложеніи. Циклъ развитія этого направленія завершился, можно сказать, надняхъ, и вполнѣ безпристрастная исторія народничества едва ли возможна теперь. Кое-что выяснилось достаточно уже и теперь, и съ большой долей вѣроятности можно утверждать, что народничество соотвѣтствуетъ тому состоянію, которое такъ характерно для общества съ невыяснившимися еще противорѣчіями классовыхъ интересовъ, въ періодъ размежеванія. Наше народничество во многомъ напоминаетъ общественное настроеніе Германіи въ тридцатые и сороковые годы. Тотъ же сентиментализмъ по отношенію къ народу, тотъ же романтическій оттѣнокъ, истерическая влюбленность въ народъ, восторженная готовность къ самопожертвованію,—съ одной стороны, съ другой — крайне смутное пониманіе интересовъ этого таинственнаго народа. Бѣдный нѣмецкій «Михель» никогда не былъ предметомъ болѣе восторженнаго обожанія, какъ именно тогда, надъ чѣмъ Берне не щадилъ насмѣшекъ, своимъ острымъ и яснымъ умомъ понимая ничтожное значеніе подобнаго некритическаго отношенія къ народу и условіямъ его жизни *). Конечно, не слѣдуетъ проводить подобную аналогію слишкомъ далеко, такъ какъ условія времени и мѣста наложили свой, чисто русскій отпечатокъ на подобное настроеніе у насъ.

Въ разсказахъ г. Наумова нельзя прослѣдить всѣхъ характерныхъ чертъ народничества, благодаря ихъ этнографическому характеру. Большинство ихъ относятся къ Сибири, и мѣстный колоритъ окрашиваетъ ихъ настолько, что художественная сторона цѣликомъ отступаетъ на задній планъ. Какъ этнографическіе очерки, нѣкоторые изъ нихъ не потеряли интереса и теперь. Такова «Паутина», въ которой бытъ пріисковыхъ рабочихъ очерченъ очень живо. Несмотря на излишнее обиліе безконечныхъ діалоговъ, сильно портящихъ общее впечатлѣніе, этотъ очеркъ читается съ большимъ интересомъ. Въ немъ г. Наумовъ является достойнымъ предшественникомъ цѣлой плеяды художниковъ, описавшихъ сибирскую жизнь въ такихъ яркихъ разсказахъ, каковы лучшія вещи гг. Мамина (Сибиряка), Короленко, Сѣрошевскаго, Шиманскаго, Елпатьевскаго, Астырева, Діонео, Гедеонова, Мельшина и др.

При общей безцвѣтности, все же разсказы г. Наумова несравненно привлекательнѣе той массы беллетристическихъ сборниковъ, которые, по обыкновенію, появились въ декабрѣ на книжномъ рынкѣ. Есть тутъ и старые знакомцы, есть и кое-что новое. Говорить о сборникахъ гг. Коринфскаго—«Вольная птица», Васюкова—«Очерки и разсказы», Герасименко — «Миніатюры», Порошина—«Грезы о счастьѣ», и т. п.—мы рѣшительно затрудняемся. До того они всѣ на одно лицо, и если бы не различныя обложки и подписи авторовъ, нельзя было бы отличить г. Васюкова отъ г. Порошина, г. Коринфскаго отъ г. Герасименко. Всѣ они въ общемъ весьма благонравны, приличны и благонамѣренны. Г. Васюковъ даже не безъ гражданской жилки. «Вновь выпуская въ свѣтъ мои скромные разсказы и очерки, — говоритъ онъ въ предисловіи,—я буду искренно доволенъ и счастливъ, если при чтеніи моей книги благородное чувство любви къ природѣ, правдѣ и человѣку заставитъ сильнѣе забиться

*) См. наши замѣтки въ октябрьской кн. «Міра Божьяго» за 1896 г.

молодыя сердца, а старымъ и пожившимъ людямъ вспомнятся ихъ лучшіе годы, лучшія минуты». Такое желаніе дѣлаетъ несомнѣнную честь не только намѣреніямъ, но и скромности г. Васюкова. Этимъ, пожалуй, онъ и выдѣляется среди остальныхъ. Ибо г. Коринфскій, напр., совсѣмъ человѣкъ не скромный, какъ можно судить по его манерѣ каждый изъ изъ своихъ разсказовъ посвящать тому или иному именитому мужу и тщательно помѣчать, гдѣ и когда былъ рожденъ имъ «сей плодъ вдохновенія». А въ концѣ онъ помѣчаетъ для любознательнаго читателя: «большая часть этихъ разсказовъ, при первомъ появленіи своемъ въ печати — въ «Гусляр҃ѣ», «Россіи», «Всемірной Иллюстраціи» и другихъ журналахъ (1888—1894 гг.),—была подписана псевдонимомъ «*Борисъ* (Б. Ѳ.) *Колюпановъ*». Наши библіографы, съ г. Венгеровымъ во главѣ, должны искренно поблагодарить г. Коринфскаго за это примѣчаніе, избавляющее ихъ отъ лишнихъ тягостныхъ трудовъ и розысковъ, кто былъ «Борисъ (Б. Ѳ.) Колюпановъ», украшавшій своими твореніями страницы «Гусляра» и прочихъ почтенныхъ изданій.

Г. Герасименко оригинальнѣе другихъ. Не надѣясь взять содержаніемъ, онъ начинаетъ писать стихотворною прозой. «Сладко и звонко гудѣлъ мой рояль весеннія грезы свои подъ тактъ колокольному звону. Праздникъ веселый на улицѣ шелъ, беззаботно, наивно... Цѣловались, встрѣтившись, люди, какъ братья и сестры... Правда-ль была то—иль дѣтская яркая сказка?»—такъ кончается «Музыкальная сказка», вся написанная подобнымъ размѣромъ. Не довольствуясь этимъ, онъ вдругъ воспаряетъ духомъ и пишетъ стихотвореніе въ прозѣ, взявъ мотивъ у Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы», и посвящаетъ его «памяти Тургенева». Такой упрощенный пріемъ творчества намъ встрѣчается первый разъ, и нельзя сказать, чтобы онъ заслуживалъ подражанія. Пусть же онъ останется всецѣло достояніемъ г. Герасименко.

Къ прозаическимъ сборникамъ можно бы прибавить еще столько же стихотворныхъ, не менѣе снотворныхъ и прозаичныхъ. Объявился даже баснописецъ, нѣкто г. Желанскій, пишущій оригинальныя басни, въ каждой по сту и больше нелѣпо сложенныхъ стиховъ съ самыми курьезными риѳмами, въ родѣ: «садится—водицей», «настойка—стойкій», «вѣритъ—вередъ», «утоплюсь—брусъ», «почему-то—лютый», и т. п. Судя по содержанію, г. Желанскій несомнѣнно больной, хотя и неопасный. Его бредовыя идеи витаютъ больше около кухни, прислуги, докторовъ, словомъ, житейскаго свойства и ничего разрушительнаго въ себѣ не заключаютъ. Вышло также нѣсколько новыхъ декадентскихъ сборниковъ, но мы должны съ прискорбіемъ отмѣтить, что декаденты окончательно не оправдали надеждъ. Такъ, г. Брюсовъ заявляетъ, какъ свое profession de foi, обращаясь къ поэту: «ты долженъ любить себя какъ Бога». Это не оригинально и есть декадентскій плагіатъ. Годъ тому назадъ эту мысль высказала г-жа Гиппіусъ и гораздо смѣлѣе и опредѣленнѣе: «я люблю себя какъ Бога». Тотъ фактъ, что декаденты начинаютъ обкрадывать другъ друга, знаменуетъ вырожденіе этого такъ много нашумѣвшаго поэтическаго направленія. «Я разцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней», съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя русскій декадансъ. Единственнымъ слѣдомъ его въ русской литературѣ останутся пародіи гг. Влад. Соловьева и Буренина, гораздо глубже прирожденныхъ декадентовъ проникшихъ въ суть декадентской музы. Сходя въ безвременную могилу, наши декаденты едва ли въ комъ возбу-

дятъ особую скорбь. «Служеніе красотѣ не терпитъ суеты», а они проявили не одну суету, а и потѣшную суетность, каждое свое кривляніе принимая за вдохновеніе.

Среди всѣхъ этихъ послѣднихъ новинокъ беллетристики рѣзко выдѣляется изящная небольшая книжечка разсказовъ г. Ив. Бунина, «На край свѣта». Это имя должно быть знакомо читателямъ. Впервые г. Бунинъ выступилъ съ небольшими стихотвореніями, обнаружившими въ авторѣ несомнѣнную поэтическую жилку. Кромѣ оригинальныхъ, были и переводы изъ Томаса Гуда и Лонгфелло, большая поэма котораго, «Пѣснь о Гайаватѣ», печаталась въ фельетонахъ «Орловскаго Вѣстника». Затѣмъ начали появляться и разсказы г. Бунина. Лучшіе изъ нихъ печатались въ «Рус. Богатствѣ» и одинъ, «Свѣтлая ночь», вошедшій въ сборникъ подъ названіемъ «На чужбинѣ», въ нашемъ журналѣ (апрѣль 1895 г.). Въ разсказахъ съ еще большею силою проявилась поэтическая сторона таланта г. Бунина.

Сборникъ начинается картиной проводовъ переселенцевъ «На край свѣта». Не смотря на нѣкоторую приподнятость тона, въ которомъ написанъ весь разсказъ, въ немъ чувствуется сердечная, искренняя нотка участія къ великой печали разлуки. Избитость, банальность сюжета вредитъ впечатлѣнію, и только художественная чуткость автора удерживаетъ его отъ фальшивой сентиментальности, для которой тема представляетъ благодарную почву. Хотя этотъ разсказъ далеко не лучшій въ книгѣ, но и на немъ можно прослѣдить сдержанность автора, очень характерную для него. Какихъ вавилоновъ наплелъ бы на ту же тему иной заядлый народникъ, мнящій себя великимъ знатокомъ и цѣнителемъ народной «подоплеки», души и прочихъ аксессуаровъ народнаго быта во вкусѣ народнической литературы. Г. Бунинъ поступаетъ, какъ истинный художникъ, совершенно наоборотъ. Онъ не раскидывается и выбираетъ одинъ моментъ въ общей картинѣ, на которомъ и сосредоточиваетъ вниманіе читателя. Центромъ очерка является ночь послѣ ухода переселенцевъ и ихъ первая ночь въ пути, тотъ моментъ, когда «въ тишинѣ приближается та роковая въ каждомъ горѣ минута, когда послѣ слезъ, послѣ перваго потрясенія, затихаетъ на мгновеніе сердце и вдругъ съ новой, поразительной силой и ясностью сознаетъ свою потерю, свое утраченное счастье и безумно рвется къ нему, и страшно дѣлается человѣку за самого себя. И въ разлукѣ—что мучительнѣе и больнѣе той минуты, когда вдругъ ясно сознаешь, что разлука эта непоправима и что жизнь отдалъ бы за то только, чтобъ хоть еще разъ увидать, чудомъ увидать возлѣ себя близкаго человѣка»...

Гораздо полнѣе и ярче развертывается талантъ автора, когда онъ чувствуетъ себя свободнѣе, не стѣсняемый предѣлами темы. Таковъ лучшій въ сборникѣ разсказъ «Кастрюкъ», безподобно передающій тоскливое настроеніе старика крестьянина, вдругъ оказавшагося не у дѣлъ за старостью и слабосиліемъ. Неуловимый юморъ, съ которымъ описаны попытки старика найти себѣ дѣло, вмѣстѣ съ любовнымъ отношеніемъ къ нему создаютъ почти типъ крестьянина, отслужившаго свое. Разсказъ кончается описаніемъ «ночного», на которое старикъ еще годенъ къ его великому утѣшенію. Приводимъ конецъ цѣликомъ, для характеристики манеры г. Бунина.

«На закатѣ, послѣ ужина, онъ постлалъ на спину кобылы зипунъ и полушубокъ, взвалился на нее животомъ, сѣлъ и рысцой поѣхалъ за ребятами.

«— Эй, погоди старика,—кричалъ онъ имъ вдогонку.

«Ребята не слушали. Даже старостинъ сынишка обскакалъ его, растаращивъ босыя ножки на спинѣ кругленькаго и екающаго селезенкой мерина...

«Легкая пыль стлалась по дорогѣ. Топотъ небольшого табуна сливался съ веселыми криками и смѣхомъ ребятъ.

«— Дѣдъ,—кричали нѣкоторые тоненькими голосками,—давай на обгонки!

«Дѣдъ только улыбался, легонько подталкивая лаптями подъ брюхо кобылы.

«Въ лощинкѣ, за версту отъ деревни, онъ завернулъ на прудъ.

«Отставивъ увязшую въ тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей отъ тонко-поющихъ комаровъ, кобыла долго-долго, однообразно сосала воду, и видно было, какъ вода волнообразно шла по ея горлу. Передъ концомъ питья она оторвалась на время отъ воды, подняла голову и медленно и тупо оглядѣлась кругомъ. Дѣдъ ласково посвисталъ ей,.. Теплая вода тихо капала съ губъ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда. Залюбовался имъ и дѣдъ. Глубоко-глубоко отражались въ прудѣ и берегъ, и вечернее небо, и бѣлыя полоски облаковъ. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались въ одну отъ тихо раскатывающагося все шире и шире круга по водѣ...

«Потомъ кобыла сдѣлала еще нѣсколько глотковъ, глубоко вздохнула и, съ чмоканьемъ вытащивъ изъ тины одну ногу за другой, вскарабкалась на берегъ и словно проснулась и ожила.

«Позвякивая полуоторванной подковой, бодро пошла она по темнѣющей дорогѣ. Старикъ словно проснулся и оживился. Отъ дня у него осталось такое впечатлѣніе, словно онъ пролежалъ его въ болѣзни и теперь выздоровѣлъ. Онъ весело покрикивалъ на кобылу, подталкивая ее лаптемъ и, вдыхая полной грудью свѣжѣющій вечерній воздухъ, снова чувствовалъ себя опредѣленно, бодро и молодо...

«— Не забыть бы подкову-то оторвать!—думалъ онъ.

«Въ полѣ ребята долго курили донникъ и долго спорили, кому въ какой чередъ дежурить.

«— Будя ребята спорить-то,— сказалъ, наконецъ, дѣдъ.—Карауль пока ты, Васька,—вѣдь, правда, твой чередъ-то. А вы, ребята, ложитесь. Только смотри, не ложись головой на межу—домовой отдавитъ!..

«А пока лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратилась возня улегшихся рядышкомъ ребятъ, смѣхъ и остроты надъ коростелью, которая оттого такъ скрипитъ, что деретъ нога объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ помягче полушубокъ и зипунъ и съ чистымъ сердцемъ, съ искренней довѣрчивостью и благоговѣніемъ, сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь — святую дорогу ко граду Іерусалиму. И благодарно, и задушевно звучалъ его молитвенный шепотъ.

«Наконецъ, и онъ легъ.

«Темнота разлилась надъ безбрежной равниной. Въ свѣжести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночнымъ мракомъ, слабо, какъ одинокая мачта, на слабомъ фонѣ заката маячилъ силуэтъ далекой-далекой мельницы...»

Вдумчивость, какое-то любовное, задушевное отношеніе къ природѣ, къ деревнѣ—таковы положительныя достоинства г. Бунина, какъ художника, умѣющаго схватить болѣе характерныя черты, сжато набросать картину и внести въ нее настроеніе. Къ сожалѣнію, картины его крайне мелки, нѣтъ въ нихъ глубины, не чувствуется широкаго размаха сильнаго оригинальнаго таланта. Въ книгѣ есть

два разсказа—«На дачѣ» и «Тарантелла», въ которыхъ г. Бунинъ попытался расширить кругъ своихъ наблюденій, нарисовать болѣе широкую картину жизни, — и это самыя слабыя его вещи. Лица блѣдны, не характерны, много дѣланнаго, хотя рядомъ попадаются ярко и живо написанныя сценки.

Большіе (сравнительно) разсказы г. Бунина можно сравнить съ большимъ полотномъ, на которомъ намѣчены смутные контуры, но всецѣло отсутствуютъ краски. Тогда какъ его маленькія вещицы, это — изящныя миніатюры, тщательно отдѣланныя и вполнѣ законченныя. Они то и даютъ надежды, что талантъ автора не остановится на этомъ. Припомнимъ другого автора, тоже начавшаго съ мелочей, и когда печатались въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ «Пестрые разсказы» г. Чехова, едва ли кто предвидѣлъ въ немъ будущаго художника съ сильнымъ и яркимъ талантомъ, какимъ мы его знаемъ теперь.

Отчасти эту надежду подтверждаетъ отсутствіе банальности въ миніатюрахъ г. Бунина. Онъ умѣетъ открыть и дать намъ почувствовать новыя стороны въ старыхъ темахъ, внести въ нихъ дыханіе жизни. Чтобы подчеркнуть этотъ плюсъ въ талантѣ г. Бунина, укажемъ на другого молодого автора, г. Куприна, большой разсказъ котораго, «Молохъ», напечатанъ въ «Рус. Богатствѣ» (декабрь 1896 г.). Весь разсказъ вполнѣ литературное произведеніе, весьма выдержанное, кромѣ конца, нѣсколько скомканнаго и неяснаго. Но съ начала и до конца разсказъ написанъ по шаблону, и, прочитавъ нѣсколько первыхъ страницъ, можно сказать, что будетъ дальше. И герой его, мятущійся интеллигентъ, не удовлетворенный дѣломъ, которое ненавидитъ всѣми силами души, и героиня, коварная дѣвица, низменное созданіе, водящая героя за носъ, и скептикъ и насмѣшникъ докторъ, другъ и задушевный исповѣдникъ героя, и самъ Молохъ — все это добрые, старые знакомые, примелькавшіеся на протяженіи двадцати лѣтъ. Единственная оригинальность г. Куприна чисто внѣшняго свойства: своего «лишняго» интеллигента онъ дѣлаетъ морфинистомъ, тогда какъ авторы добраго стараго времени услали бы его въ деревню, въ качествѣ учителя, или заставили бы спиться съ круга, а то застрѣлиться, прочтя предварительно пылкій монологъ во вкусѣ Гаршина («Ночь»). ———

Онъ вышелъ въ сумерки. Прощальный
Лучъ солнца въ тучахъ догоралъ;
Казалось, факелъ погребальный
Ему дорогу освѣщалъ.
Въ темь надвигающейся ночи
Вперивъ задумчивыя очи,
Онъ видѣлъ—смерть идетъ...
Хотѣлъ
Тревоги сердца успокоить
И хоть не могъ еще настроить
Всѣхъ струнъ души своей,—запѣлъ.
И былъ тотъ голосъ съ нервной дрожью,
Какъ голосъ брата, въ часъ глухой,
Подслушанъ пылкой молодежью
И чуткой женскою душой...

Въ этихъ чудныхъ строфахъ г. Полонскаго, какъ бы вылившихся изъ переполненнаго сердца, лучше всякихъ широковѣщательныхъ статей очерченъ образъ Надсона и то значеніе, какое имѣла и имѣетъ до сихъ поръ его поэзія.

19-го января исполнилось десять лѣтъ со дня его безвременной кончины, но какъ и тогда, такъ и теперь Надсонъ остается любимымъ поэтомъ «пылкой» молодежи, и «чуткая женская душа» до сихъ поръ ищетъ въ его стихахъ отвѣтнаго настроенія въ минуты сомнѣнія и смутныхъ грёзъ о жизни, «полной труда и страданій»...

Разсматривать его только какъ выразителя своего времени, значитъ слишкомъ узко понимать его. Правда, настроеніе конца семидесятыхъ и, въ особенности, начала восьмидесятыхъ годовъ отразилось въ его стихотворе-

ніяхъ съ замѣчательной полнотой, но именно потому, что его время, больше чѣмъ какое-либо другое, было переходнымъ, какъ и мечтательное настроеніе молодой, только-что пробуждающейся души. Меланхолическій оттѣнокъ, лежащій на его стихахъ, придающій имъ минорный тонъ, дѣйствительно, продуктъ его времени, когда разочарованія смѣнили пылъ беззавѣтнаго увлеченія предшествующихъ годовъ. Но тотъ же оттѣнокъ пессимизма присущъ и настроенію юности, какъ результатъ избытка еще не сознающихъ себя силъ, не сложившихся надеждъ и упованій, безотчетныхъ стремленій, для которыхъ нѣтъ въ жизни соотвѣтственной формы. Предъ наступленіемъ зрѣлости душа томится въ оковахъ дѣйствительности, такъ мало отвѣчающей тому, чѣмъ переполнено сердце. Мечты о ранней смерти, даже о самоубійствѣ, смѣняются порывами жажды жизни, не встрѣчающими удовлетворенія, и въ результатѣ юная тоска, тягостная и плодотворная въ одно и то же время, какъ ее изображаетъ Надсонъ:

Испытывалъ ли ты, что значитъ задыхаться?
И видѣть надъ собой не глубину небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы, —и плакать, и метаться,
И рваться на просторъ, — въ поля, въ тѣнистый лѣсъ?..
Я это испыталъ, —но былъ моей тюрьмою
Весь міръ, огромный міръ, раскинутый кругомъ.
О, сколько разъ его горячею мечтою
Я облеталъ, томясь въ безмолвіи ночномъ!..
Куда меня влекли неясныя стремленья,
Въ какой безвѣстный міръ, — постигнуть я не могъ;
Но въ эти ночи думъ и страстнаго томленья,
Ничтожныхъ дѣлъ людскихъ душой я былъ далекъ:
Мой духъ негодовалъ на власть и цѣпи тѣла,
Онъ не хотѣлъ преградъ, онъ не хотѣлъ завѣсъ,—
И вѣчность цѣлая въ лицо мое глядѣла
Изъ звѣздной глубины сіяющихъ небесъ!

Подкупаетъ, затѣмъ, молодежь необычайная искренность Надсона и цѣломудренная чистота, вѣющая отъ его стиховъ и всей его личности. Онъ не играетъ эффектными фразами, а дѣйствительно страдаетъ тѣмъ молодымъ страданіемъ неразрѣшимой тоски, которое такъ понятно и хорошо знакомо каждому юношѣ съ неиспорченымъ сердцемъ и воображеніемъ. Трагическая сторона его личной жизни усиливаетъ впечатлѣніе его жалобы на неудовлетворенность жизни, на несоотвѣтствіе желаній и дѣйствительности. Въ родной литературѣ есть только одинъ примѣръ такой же гармоніи личной жизни и произведеній, такой же цѣльности настроенія, это—Добролюбовъ. Между обоими много общаго въ душевномъ складѣ. Только одинъ вступилъ въ жизнь вполнѣ готовымъ, сложившимся бойцомъ, другой не успѣлъ разцвѣсти, подсѣченный на порогѣ жизни смертельнымъ недугомъ...

Болѣзнь наложила отпечатокъ нѣкотораго однообразія на настроеніе Надсона, что отразилось монотонностью въ его стихотвореніяхъ. Трудно было вѣрить и призывать къ борьбѣ, когда смерть сторожила каждый шагъ поэта, въ корнѣ подрывая вѣру въ возможность осуществленія его стремленій.

Безъ вѣры въ плодъ своихъ стремленій,
Любя, страдая, чуть дыша,
Онъ жаждалъ свѣтлыхъ откровеній—
И темныхъ недоразумѣній
Была полна его душа.
И умъ его не зналъ досуга:
Поэта-ль, женщину иль друга
Встрѣчалъ онъ на пути своемъ,
Рой образовъ боролся въ немъ
Съ роями мыслей неотвязныхъ.

Разсудку не хватало словъ,
И сердце жаждало стиховъ
Унылыхъ и однообразныхъ,
Какъ у пустынныхъ береговъ
Немолчный шумъ морскихъ воловъ.
Томилъ недугъ и вдохновенье
Томило до изнеможенья...

Когда говорятъ о вліяніи Надсона, невольно возникаетъ вопросъ, какъ

долго можетъ оно еще продлиться, и скоро ли на смѣну явится другой поэтъ, который также полно выразилъ бы настроеніе нашихъ дней? Думается, что не скоро. Слишкомъ неопредѣленно это настроеніе, нѣтъ пока ничего, что могло бы служить центромъ, что давало бы основной тонъ. Если наше время можно назвать переходнымъ, то оно скорѣе подготовительное, когда чуть-чуть брежжется заря новаго дня, лишь слабо намѣчаются отдѣльныя струйки будущаго теченія жизни...

Мы не преувеличиваемъ значенія Надсона, полагая, что онъ надолго останется поэтомъ юности. Это мѣсто онъ занялъ прочно, какъ показываетъ рѣдкій успѣхъ изданій его стихотвореній. При его жизни ихъ вышло 5, по 2.000 экземпляровъ каждое, и затѣмъ литературнымъ фондомъ издано девять, по 6.000 каждое. Тринадцатое вышло два года тому назадъ, а теперь выходитъ четырнадцатое.

На Волковомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ Надсонъ рядомъ съ Добролюбовымъ и Бѣлинскимъ, поставленъ прекрасный памятникъ, съ превосходнымъ бюстомъ поэта. Но лучшій памятникъ—это десятки тысячъ его книгъ, къ которымъ вполнѣ примѣнимо то, что онъ говоритъ о Тургеневѣ:

И долго при лампѣ, вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ—
Знакомыя будутъ малькать намъ страницы.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губерніи. Неприглядность санитарной стороны нашихъ фабрикъ получаетъ все лучшее и лучшее освѣщеніе, благодаря изслѣдованіямъ, предпринимаемымъ какъ по порученію правительства, въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ, такъ и земствъ. Много любопытнаго въ этомъ отношеніи представляетъ «Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губерніи», составленное врачемъ Жбанковымъ, по порученію губернскаго земства. Г. Жбанковъ ничего не прикрашиваетъ, скорѣе смягчаетъ, и, тѣмъ не менѣе, картина получается не изъ пріятныхъ. Вотъ, напр., описаніе той фабрики, которая считается «единственною во всей губерніи» въ отношеніи санитарныхъ и другихъ желательныхъ для рабочихъ мѣропріятій: она обезпечена и техническимъ надзоромъ, и врачебною помощью; здѣсь имѣются водопроводъ по всему фабричному двору, больница съ постояннымъ врачемъ, школа, библіотека, ясли, чайная, баня. «Но, нужно сказать, что всѣ эти учрежденія являются какъ бы недодѣланными,—говоритъ г. Жбанковъ—не достигаютъ своей цѣли, и рабочіе пользуются ими мало: въ ясляхъ существуетъ плата и въ нихъ приносятъ только 16 дѣтей, а въ то же время 85 семей рабочихъ имѣютъ нянекъ; баня мала, и топится только 2 раза въ недѣлю (это на 3 слишкомъ тысячи рабочихъ!); въ школѣ усталыя дѣти-рабочія буквально засыпаютъ; читальня для рабочихъ недоступна, и для пользованія книгами изъ библіотеки требуются разрѣшительныя записки; одинъ врачъ не успѣваетъ справиться, и многихъ амбулаторныхъ больныхъ принимаютъ фельдшера» (стр. 399). Температура мастерскихъ на этой фабрикѣ доходитъ до 27° R., и рабочіе съ головы до ногъ покрыты густымъ слоемъ пыли; воздуху слишкомъ недостаточно, но, машины далеко не всѣ защищены, вслѣдствіе чего встрѣчаются нерѣдко случаи тѣлесныхъ поврежденій, дѣти на фабрикѣ и въ ученьи работаютъ непрерывно 12 часовъ, а потому въ школѣ засыпаютъ; въ мастерскихъ нигдѣ не устроено цѣлесообразныхъ закрытыхъ резервуаровъ для питьевой воды: она стоитъ въ полузакрытыхъ или совершенно открытыхъ ведрахъ на окнахъ мастерскихъ и сильно загрязняется хлопчатобумажной и другой пылью. Жилыя помѣщенія для рабочихъ заставляютъ желать очень и очень многаго; это бо́льшею частью казармы съ понадѣланными въ нихъ каморками, гдѣ въ каждой живетъ нѣсколько чужихъ семей, 5, 7, даже 11. Скученность во многихъ каморкахъ поразительная: узкій проходъ между койками и не-

большое пространство впереди передъ окномъ занято столомъ и табуретами, и все-таки коекъ не хватаетъ по числу жильцовъ; такъ, напримѣръ, въ общемъ помѣщеніи съ 8 семьями (14 мужчинъ, 10 женщинъ, одинъ подростокъ и 7 дѣтей) только 8 коекъ, слѣдовательно, на каждую приходится по 4 человѣка. Скученность и во всемъ остальномъ: въ одной каменной казармѣ общая кухонная печь съ 24 очагами на 113 каморокъ и 1.118 человѣкъ, слѣдовательно, на каждый очагъ приходится 5 каморокъ и 50 человѣкъ. Нѣкоторыя угловыя каморки въ каменныхъ казармахъ очень холодны и ужасно сыры: углы промерзаютъ и буквально льетъ со стѣнъ».

Если такъ обстоитъ санитарное дѣлѣ на лучшей сравнительно фабрикѣ, то легко представить положеніе остальныхъ фабрикъ и заводовъ. Оказывается прежде всего, что техническій надзоръ вездѣ крайне неудовлетворителенъ: все дѣло ведутъ или сами малограмотные хозяева, или ихъ приказчики; машинами управляютъ простые слесаря. Медицинская помощь существуетъ въ видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, между тѣмъ заболѣванія здѣсь часты и нерѣдко весьма серьезны: такъ, при бѣгломъ осмотрѣ Жбанковымъ оказалось 37% всѣхъ рабочихъ съ наружными заболѣваніями. Встрѣчается также много глухихъ (отъ сильнаго шума и стука машинъ), много страдающихъ глазами отъ чрезмѣрнаго скопленія пыли. На спичечныхъ заводахъ люди уже при жизни какъ бы начинаютъ разлагаться: фосфорные пары размягчаютъ кости, изо рта рабочихъ идетъ сильный запахъ фосфора и сѣры, десны имѣютъ сѣроватый цвѣтъ, разрыхлены; почти у всѣхъ рабочихъ челюсти опухшія и очень болѣзненны при давленіи и жеваніи. Неудивительно, если большинство рабочихъ выглядятъ худыми, анемичными, слабыми и утомленными. Особенно печальный видъ имѣютъ всѣ ночные рабочіе и дѣти; послѣднія похожи на движущихся манекеновъ.

Изъ изслѣдованія г. Жбанкова видно, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ объемъ воздуха мастерскихъ слишкомъ недостаточенъ, по сравненію съ количествомъ рабочихъ, причемъ воздухъ почти всегда бываетъ переполненъ или пылью, или удушливыми парами (смотря по характеру производства). Возьмемъ для примѣра первыя, попавшіяся на глаза описанія мастерскихъ. «Въ масляныхъ отдѣленіяхъ (говорится про маслобойные заводы) воздухъ удушливый, смрадный и вонючій. На маслобойкахъ, гдѣ поджариванье сѣмени происходитъ въ открытыхъ жаровняхъ, порча воздуха доходитъ до невозможности: облака видимаго дыма, гари и чаду наполняютъ все помѣщеніе. Даже у рабочихъ постоянно болятъ головы, а у непривычныхъ черезъ нѣсколько минутъ пребыванія въ такихъ помѣщеніяхъ дѣлается сильная головная боль, головокруженіе, тошнота и буквально «ѣстъ глаза». «При постоянномъ обращеніи съ мокрыми кожами,— читаемъ мы про кожевенниковъ,— одежда рабочихъ всегда пропитана зловонными жидкостями; тѣло также сыро и зловонно; на нѣкоторыхъ заводахъ земляные полы покрыты на 1—2 четверти жидкостью, и ноги рабочихъ всегда находятся въ холодной водѣ. Зимой, когда наружная дверь болѣе тщательно закрывается, въ зольныхъ и дубильныхъ помѣщеніяхъ скопляется такая масса водяныхъ и амміачныхъ паровъ, что тяжело дышать, глаза сильно «ѣстъ», во рту получается противный вкусъ, а у непривычныхъ развивается слезоточеніе, значительное отдѣленіе слюны, тошнота и даже рвота» (стр. 419). На табачныхъ фабрикахъ «мелкая табачная пыль носится такими густыми облаками, что въ нѣсколько минутъ покрываетъ одежду и лица рабочихъ, заставляя ихъ въ самые сильные мо-

розы держать все время открытыми наружныя двери и окна, иначе въ мастерской нельзя пробыть и получаса. На непривычныхъ, даже при непродолжительномъ пребываніи на фабрикѣ, эта пыль дѣйствуетъ весьма сильно, вызывая стѣсненіе дыханія, сердцебіеніе, кашель, чиханіе и слезоточеніе, а во рту получается такая противная, сильная горечь, что лишь черезъ нѣсколько часовъ по уходѣ съ фабрики она проходитъ послѣ усиленнаго полосканія рта. Привычные рабочіе жаловались на постоянный кашель, боль въ груди, головную боль, горловыя и носовыя кровотеченія. Въ набоечныхъ порча воздуха увеличивается коптящими керосиновыми ночниками, служащими для запечатыванія бумажныхъ картузовъ сургучемъ...» (стр. 427).

Температура на смоленскихъ фабрикахъ и заводахъ никогда не бываетъ нормальной.

Такъ, о рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ читаемъ: «Работа при стекловаренныхъ печахъ, недаромъ называемая фабричными «огнянной», является очень вредной и тяжелой вслѣдствіе сильнаго жара и лучистой теплоты около печи: на разстояніи 5 аршинъ отъ отверстій печи температура 50° R., а рабочіе постоянно подходятъ къ этимъ отверстіямъ на разстояніе 1—1 1/2 аршина. Къ тому же, они производятъ усиленную работу при выдуваніи стекла и при различныхъ довольно тяжелыхъ манипуляціяхъ съ выдѣлываніемъ вещей и стекла изъ массы, вѣсящей до 35 фунтовъ. Не мудрено, что они изнемогаютъ отъ жары и усталости, буквально обливаются потомъ, и лѣтомъ послѣ приготовленія каждыхъ 8 холивъ во всей одеждѣ обливаются холодной водой или бросаются въ близъ лежащіе пруды...» (стр. 404—405).

На спичечныхъ фабрикахъ въ сушникахъ температура доходитъ до 65° R. Но еще хуже достается рабочимъ на пивоваренныхъ заводахъ, гдѣ нѣкоторымъ изъ нихъ приходится переходить отъ 65-градусной температуры сушиленъ солода къ 2-градусной холодиленъ.

Вода, которою пользуются рабочіе, «всегда является загрязненною, такъ какъ она содержится въ открытыхъ сосудахъ; на многихъ кирпичныхъ заводахъ водоснабженіе поставлено и еще того хуже: здѣсь воду берутъ изъ такъ-называемыхъ зароевъ. «Зарои»—заброшенныя ямы, изъ которыхъ ранѣе бралась глина; осмотрѣнные два зароя, служащіе для водоснабженія, представляли очень небольшія и неглубокія ямы, всѣ заросшія травой; воды въ нихъ не болѣе 1/2 — 1 арш.; она совершенно стоячая, темнаго цвѣта, очень мутная; около этихъ зароевъ настланы доски и около одного валялись тряпки, надо думать, что въ нихъ, какъ и въ другихъ подобныхъ ямахъ, также производится мытье бѣлья рабочими или солдатами» (стр. 413).

Но все это зло было бы еще не такъ велико, если бы рабочіе послѣ работы могли разсчитывать на покой и сносный отдыхъ въ своихъ квартирахъ.

Къ сожалѣнію, «жилыя помѣщенія, повѣствуетъ изслѣдованіе г. Жбанкова, вездѣ неудовлетворительны: въ большинствѣ случаевъ кухни служатъ столовыми и спальнями, въ нихъ хранятся всѣ вещи рабочихъ, съѣстные продукты, помои и проч. Вездѣ преобладаютъ общія нары, причемъ на рабочаго приходится 3/4—1 арш. пространства; постилка—рогожи, шубы и рѣже грязные жидкіе сѣнники; воздуха на ночлежника 1/2—1 и рѣже 1 1/2 куб. саж.; имѣющіяся форточки вездѣ заперты; грязь, масса паразитовъ и сильный запахъ сѣрными и фосфорными парами отъ грязной одежды и рабочихъ. Расположеніе жилыхъ помѣщеній также заслуживаетъ вни-

манія: одна спальня въ фабричномъ зданіи—надъ паровой машиной, другая—въ грязной, сырой и холодной мочильнѣ, гдѣ ведется производство съ анилиновыми красками, третья—въ шведскомъ корпусѣ, отдѣленномъ отъ мастерскихъ досчатой дырявой дверью; въ одной столовой производится оклеиваніе коробокъ зажигательнымъ составомъ; наконецъ, въ одной спальнѣ для дѣвушекъ съ двумя общими нарами живутъ женатые рабочіе со своими семьями» (410 стр.). «Жилыя помѣщенія для рабочихъ (на пивоваренныхъ заводахъ) вообще неудовлетворительны: малый объемъ воздуха, спускающійся до 1/2 куб. саж., до-нельзя грязныя общія въ 2 яруса нары, съ подстилкой изъ невозможно грязныхъ сѣнниковъ или просто шубъ, совмѣщеніе спаленъ съ невозможно грязными кухнями, такая грязь и обиліе паразитовъ въ одной спальнѣ, что рабочіе даже въ началѣ апрѣля разбрелись для спанья въ холодныхъ пристройкахъ. Вѣрхомъ совершенства являются жилыя помѣщенія на двухъ самыхъ большихъ и богатыхъ заводахъ: на одномъ 7 солодовщиковъ живутъ въ третьемъ этажѣ завода въ круговомъ полутемномъ корридорѣ вокругъ сушильной печи при постоянной температурѣ болѣе 25°; высота корридора 2—2 1/2 арш., 1/2 куб. саж. воздуха на человѣка, входная дверь высотой 1 1/2 арш.! Въ случаѣ пожара этимъ рабочимъ не выбраться изъ своей квартиры! На другомъ сушильщики также ночуютъ въ заводскомъ зданіи около сушилки въ полутемной каморкѣ, менѣе одной кубич. саж.».

Такова въ общемъ однообразная санитарная картина смоленскихъ фабрикъ и заводовъ.

Прокаженные въ бурятскихъ улусахъ. Послѣ поѣздки г-жи Кэтъ Мерсденъ въ Якутскую область, существованіе прокаженныхъ въ этой мѣстности стало фактомъ общеизвѣстнымъ. Но прокаженные есть и въ другихъ областяхъ Сибири, какъ можно видѣть изъ приводимаго нами сообщенія П. Е. Кулакова *), работавшаго по изслѣдованію быта инородцевъ; онъ прислалъ намъ описаніе посѣщенія прокаженнаго въ бурятскомъ улусѣ.

«Зимой 1895 года я былъ на Ольхонѣ, пустынномъ и непривѣтливомъ островѣ на сѣверо-западномъ берегу Байкала.

Изучая несложную первобытную жизнь мѣстныхъ бурятъ и переѣзжая изъ улуса въ улусъ, я узналъ о томъ неизвѣстномъ въ литературѣ фактѣ, что ольхонское вѣдомство издавна принадлежитъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ распространена проказа, и что въ нѣкоторыхъ улусахъ его, въ одиночномъ заключеніи, въ крошечныхъ угрюмаго вида юртахъ, томится нѣсколько бурятъ, зараженныхъ этой ужасной болѣзнью.

Я былъ вблизи отъ одного изъ такихъ улусовъ и рѣшилъ посѣтить больного.

Отъ Семисосенскаго улуса, гдѣ мы ночевали, до Идибинскаго, гдѣ томился прокаженный, къ которому намъ надо было проѣхать, было всего верстъ семь. Мы уложили наши вещи, усѣлись въ телѣгу, ямщикъ вскочилъ на передокъ, два бурята, державшіе коней подъ уздцы, отскочили въ сторону и непривычныя къ такой упряжкѣ лошади понесли насъ по дорогѣ на гору.

Съ вершины горы я увидѣлъ въ глубокой долинѣ бурятскій улусъ.

— Что это за улусъ? — спросилъ я проводника.

— А это Идибинскій, куда мы путь держимъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Это и былъ тотъ самый улусъ,

---

*) См., между прочимъ, его статью въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1896 г., «Инородцы и инородческій вопросъ на Нижегородской Всероссійской выставкѣ».

около котораго четвертый годъ томился прокаженный.

Проводникъ мой, ясачный *) инородецъ, выросшій среди мѣстныхъ бурятъ и прекрасно знающій ихъ бытъ, торговый человѣкъ, отлично знающій и русскій, и бурятскій языкъ, сказалъ мнѣ:

— Знаете, коли ужъ его такъ посадили въ зимовье, ни за что онъ оттуда не выйдетъ!

— Почему?

— Боится.

— Чего же онъ боится?—спросилъ я проводника, хотя уже зналъ, о чемъ онъ поведетъ рѣчь.

— Да, вѣдь, знаете, слухомъ земля полнится, ну и они здѣсь, еще съ молоду, разсказы разные слышатъ.

— Какіе же разсказы?

— Какіе! Вамъ, поди, отецъ миссіонеръ разсказывалъ. Въ —омъ улусѣ богатый бурятъ жилъ, наймашинъ *). Захворалъ проказой: брови повыпадали, лицо чернѣть стало. Общество ему говоритъ: строй юрту за улусомъ, сиди тамъ, не показывайся, не то насъ всѣхъ заразишь. А наймашинъ и слушать не хочетъ, это, говоритъ, у меня «купороска». Они, вѣдь, тоже различаютъ: проказа это по ихнему—скверная, черная болѣзнь, а «купороской» они дурную болѣзнь прозываютъ, такъ какъ, говорятъ, что ее желѣзнымъ купоросомъ лѣчить надо. «Купороски» они не боятся, ну, а черной болѣзни очень боятся. Наймашина предостерегали, грозили ему, а онъ и слушать не хочетъ, живетъ съ женой, ѣздитъ, ходитъ вездѣ свободно, «купороска» у меня, говоритъ. Только общество промежъ себя побормотало-побормотало, пропалъ куда-то наймашинъ и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духу. Въ другомъ улусѣ прокаженный уже согласился отдѣльно жить и юрту ему построили. Но только замѣтили, что онъ изъ юрты гулять уходитъ, все больше по ночамъ. Что же вы думаете? Дали какъ-то буряту вдоволь тарасуна *), напоили пьянымъ, а ночью юрта сгорѣла: только трупъ обгорѣлый нашли...

А что, подумалъ я, если не всегда бываетъ вѣренъ бурятскій діагнозъ и если иногда по ошибкѣ буряты насильно подвергаютъ изоляціи незараженныхъ проказой больныхъ? А вѣдь, если кто-нибудь попадетъ въ такую отдѣленную юрту и будетъ принужденъ жить жизнью отверженнаго прокаженнаго, то, какъ бы онъ ни былъ здоровъ, все-таки онъ не долго выдержитъ свое ужасное положеніе. Онъ или озлобится и пойдетъ противъ всѣхъ приказаній общества, или смирится и будетъ влачить ужасные дни до смерти, которую приблизятъ зловоніе, грязь, отсутствіе здороваго воздуха и пищи и подавленное нравственное состояніе.

— Знаете,—прервалъ мои мысли проводникъ,—вотъ вамъ буряты теперь больного покажутъ, скрыть уже нельзя, а то они отъ чужихъ скрываютъ больныхъ. Нашъ миссіонеръ, о. Владиміръ, разсказывалъ, что въ Шибетовскомъ улусѣ, два года тому назадъ, умеръ крещеный бурятъ, Василій Платоновъ. Во время пріѣздовъ батюшки въ улусъ, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Василій не являлся къ исповѣди и на вопросъ о причинахъ этого, отецъ его говорилъ, что сына нѣтъ

*) Ясачные или карымы—поколѣнія отъ смѣшанныхъ браковъ. Буряты брали въ жены русскихъ женщинъ, принимали православіе и образовывали среди инородцевъ особые поселки, такъ-называемыя карымскія деревни. Многихъ ясачныхъ въ настоящее время уже нельзя отличить отъ русскихъ крестьянъ, нѣкоторые же ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ бурятъ и совсѣмъ не умѣютъ говорить по-русски.

**) Мелкій торговецъ изъ бурятъ.

*) Спиртный напитокъ, перегоняемый изъ молока или хлѣба.

дома. Когда Василій умеръ, отецъ его по необходимости долженъ былъ позвать для отпѣванія православнаго священника. О. Владиміръ нашелъ совершенно разложившійся трупъ, весь черный, съ раздувшимся лицомъ, съ вылѣзшими волосами, со всѣми признаками проказы. Если бы Платоновъ былъ шаманистъ, а православныхъ на Ольхонѣ, вы знаете, очень мало, никто бы не узналъ, отъ какой болѣзни онъ умеръ.

Въ это время мы подъѣзжали къ уединенному жилищу прокаженнаго. Это была маленькая избушка въ $^1/_4$ саж. длины, въ $2^1/_2$ арш. вышиной. Избушка была бѣдная, наскоро сколоченная, безъ оконъ. Она была расположена посреди утуга *), за скотнымъ дворомъ, и отъ нея до перваго жилого строенія было около полуверсты.

Какъ только мы пріѣхали, изъ ближайшаго дома пришелъ братъ больного, испуганнаго вида, худощавый типичный монголъ, и съ нимъ еще нѣсколько бурятъ.

Прежде чѣмъ вызывать прокаженнаго, я сталъ устанавливать фотографическій аппаратъ, чтобы сдѣлать снимокъ съ больного и его жилища.

Въ это время братъ прокаженнаго, желая вызвать къ намъ больного, осторожно подошелъ къ его избушкѣ и, остановившись шагахъ въ десяти отъ нея, тихо, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ боязни въ голосѣ, проговорилъ:

— Тодой, *гир наи а* **).

Я съ волненіемъ глядѣлъ на низенькую дверь избушки. Нѣсколько мгновеній она оставалась безъ движенія. Тишина царила кругомъ.

Вдругъ что-то заскрипѣло, медленно распахнулась дверь, медленно не вышелъ, а сталъ вылѣзать человѣкъ Сначала черезъ порогъ переступила одна нога, затѣмъ показалась рука и ухватилась за косякъ двери, затѣмъ медленно переступила еще одна нога, и показался весь человѣкъ.

Но, Боже мой, что это за человѣкъ!

Обрюзгшее, опухшее темно-синяго цвѣта лицо, черныя руки; на бровяхъ, губахъ и подбородкѣ—ни одного волоса; въ мутныхъ, узкихъ глазахъ выраженіе испуга и страданія. Весь въ черномъ отъ грязи и дырявомъ платьѣ.

Несчастный больной не понималъ, что дѣлается вокругъ него и, видимо, волновался.

Вдругъ раздался еле слышный хриплый голосъ и прокаженный заговорилъ по-бурятски:

— Я никому не дѣлаю зла; я никуда не выхожу отсюда, какъ мнѣ приказано. Мой братъ платитъ за меня подати, ходитъ на дорогу *).. Что хотятъ со мной сдѣлать эти русскіе?

— Эти русскіе добрые, Тодой,— отвѣтилъ ему братъ.—Мы ихъ видѣли нѣсколько дней: они никому не сдѣлали зла. Они хотятъ посмотрѣть твою болѣзнь.

— Но что это у нихъ страшное, прикрытое чернымъ стоитъ на трехъ ногахъ и глядитъ на мое зимовье? Я боюсь, Елбанай,—сказалъ прокаженный брату.

Мнѣ стало невыносимо тяжело. По всей вѣроятности, что-нибудь можно еще сдѣ. ть для другихъ прокаженныхъ, но для этого уже все было кончено.

Я подошелъ къ больному. Изъ двери темнаго зимовья на меня пахнуло смраднымъ, удушливымъ воздухомъ. Я взглянулъ снова на прокаженнаго.

Распухшее лицо девятнадцатилѣтняго мужчины, не умываемое, быть

*) Удобряемые покосы вокругъ дворовъ бурятъ.

**) Тодой, выйди сюда.

*) Дорожная чистка, натуральная повинность.

можетъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ, опухшія, покрытыя струпьями черныя и грязныя руки, кровь на лицѣ и рукахъ, мутные глаза безъ волосъ на вѣкахъ и бровяхъ, испуганный и страдающій взглядъ,—все это произвело на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ говорить.

Не зная, что бы ему сдѣлать, я далъ кредитную бумажку.

Но больной, вѣроятно, понялъ и оцѣнилъ чувство, руководившее мной.

Взявъ своими неповоротливыми, толстыми пальцами кредитку, онъ прохрипѣлъ мнѣ въ благодарность:

— Бурханъ *) пусть поможетъ тоёну.

Затѣмъ онъ взглянулъ на меня такъ, будто хотѣлъ что-то еще сказать, но не могъ и заплакалъ.

Я отошелъ въ сторону, прокаженный поплелся въ свое зимовье.

Ко мнѣ подошли буряты, что-то говорили мнѣ, но я съ трудомъ понималъ ихъ. Буряты говорили мнѣ что-то о томъ, что я смѣлый человѣкъ, такъ какъ рѣшился близко подойти къ больному, а что они, буряты, подходятъ только на десять шаговъ къ избушкѣ и то только съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ. Потомъ они благодарили меня за что-то и стали разсказывать, какой былъ когда-то веселый и ловкій мальчикъ Тодой, какъ ловко и смѣло ѣздилъ онъ верхомъ и какъ испугались всѣ, когда замѣтили у него признаки страшной болѣзни, когда волосы на бровяхъ начали выпадать у него и лицо стало шелушиться. Они выбрались изъ юрты, въ которой жили, построили для всего семейства и для больного новыя избы, только мать осталась жить въ старой юртѣ. Сначала мать изрѣдка заходила къ больному и говорила съ нимъ, но вотъ уже два года, какъ и мать не говоритъ съ прокаженнымъ сыномъ: подойдетъ она только къ избушкѣ, поставитъ около нея пищу и, поспѣшно отойдя въ сторону, окрикнетъ Тодоя. Улуснымъ ребятишкамъ строго на строго заказано не подходить даже близко къ утугу, на которомъ построена избушка для прокаженнаго».

«Я видѣлъ,—заканчиваетъ г. Кулаковъ,—самоубійство, смерть, у меня на рукахъ умирали близкіе люди,—все это тяжело и страшно. Но живой мертвецъ, человѣкъ, лишенный ласки, привѣтливаго слова, часто даже пищи и тепла, и лишенный именно съ тѣхъ поръ, когда всѣ обрекли его на смерть и когда онъ наиболѣе нуждается въ человѣческомъ участіи,—это хуже и ужаснѣе всякой смерти и всякаго страданія».

*) Богъ.

Женщина—волостной писарь. Новая газета «Сибирь» разсказываетъ любопытную исторію исполненія обязанностей волостного писаря интеллигентной женщиной. Г-жа Проскурякова, окончившая омскую гимназію и высшіе женскіе курсы, была избрана волостнымъ писаремъ Сыропятской волости. Бывшій тобольскій губернаторъ Н. М. Богдановичъ утвердилъ ея избраніе, и г-жа Проскурякова въ теченіе года и 3-хъ мѣсяцевъ исполняла обязанности волостного писаря. По словамъ «Сибири», волостной сходъ не мало разсуждалъ на тему «какъ это писаремъ баба будетъ», но получивъ надлежащія разъясненія объ образованіи претендентки и о желаніи ея послужить ихъ волости, избралъ г-жу Проскурякову писаремъ. Черезъ 2—3 мѣсяца волостной сходъ, довольный заведенными порядками въ волостномъ правленіи, увеличилъ жалованье г-жѣ Проскуряковой, которую крестьяне хохлы стали называть «пісарыха», а прочіе «наша барышня».

Вообще, г-жа Проскурякова оказалась вполнѣ на высотѣ положенія и прекрасно справлялась со своими новыми обязанностями.

Такъ, по признанію ея непосредственнаго начальства, она, «поступивъ на службу почти одновременно съ образованіемъ въ волости 18 новыхъ переселенческихъ поселковъ, всегда съ готовностью и полнымъ знаніемъ дѣла давала новоселамъ нужныя имъ указанія. Рекрутскіе списки были ею всегда тщательно составляемы, причемъ всѣ свѣдѣнія о лицахъ, подлежащихъ воинской повинности, ею тщательно провѣрялись на сельскихъ сходахъ. Отчетность по волостнымъ суммамъ велась образцово; то же нужно сказать о судебныхъ дѣлахъ, веденіи книгъ о запасныхъ нижнихъ чинахъ, проживающихъ въ волости, почтовыхъ операціяхъ (въ районѣ Сибирской ж. д. существуютъ при каждомъ волостномъ правленіи почтовыя отдѣленія, которыми завѣдуютъ волостные писаря), и другихъ многочисленныхъ обязанностяхъ волостного писаря».

Теперь же эта добросовѣстная, энергичная женщина, такъ отзывчиво относившаяся къ нуждамъ крестьянской массы, и снискавшая себѣ общую любовь и уваженіе своихъ избирателей, по сообщенію «Сибири», принуждена оставить свою должность. Новая тобольская губернская администрація ссылается на то, что въ законѣ нѣтъ указаній на возможность назначенія женщинъ на постъ волостного писаря. «Сибирь» справедливо замѣчаетъ, что «въ законѣ, правда, нѣтъ указаній, что волостнымъ писаремъ можетъ быть избрана женщина, но въ томъ же законѣ нѣтъ и воспрещенія. Въ общемъ положеніи о крестьянскомъ управленіи нѣтъ также указаній, можетъ ли женщина-домохозяинъ имѣть право голоса на сходѣ, но, тѣмъ не менѣе, Прав. Сенатъ рѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно. Мы смѣемъ думать, что исполненіе писарьскихъ обязанностей по избранію схода и найму интеллигентною женщиною, не ограниченной въ правахъ, не можетъ идти въ разрѣзъ съ требованіями 113 и 115 ст. общ. полож. о крест. Во всякомъ случаѣ, если это и нарушеніе закона, то не такое, какъ допущеніе на должности писарей ссыльныхъ,—явленіе, не рѣдко наблюдаемое въ Сибири».

Дѣятельность Сарапульскаго Комитета Общества трезвости. Намъ доставленъ поучительный отчетъ Сарапульскаго Общества трезвости за 1895 г., изъ котораго заимствуемъ нѣкоторыя любопытныя данныя. Сарапульское Общество трезвости возникло по инициативѣ нѣсколькихъ сарапульскихъ ремесленниковъ, которые видѣли въ немъ средство для борьбы съ растлѣвающимъ вліяніемъ кабака. Въ члены-учредители Общества въ 1892 г. записалось 31 человѣкъ: изъ нихъ 26 чеботарей-ремесленниковъ и 5 чиновниковъ. Общество намѣтило себѣ слѣдующую программу:

Общество, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, поднятіе нравственности въ народѣ путемъ искорененія пьянства и безпутной жизни, избираетъ себѣ, какъ средство для борьбы съ этимъ зломъ, тотъ руководящій принципъ, что оно должно дать своимъ членамъ что-либо хорошее, разумное и полезное вмѣсто кабака, который въ настоящее время, какъ уже выше сказано было, составляетъ единственное мѣсто для свиданій и развлеченій рабочаго люда, а вмѣстѣ съ тѣмъ является и источникомъ многихъ его бѣдъ и страданій. Въ видахъ этого намѣчено было:

1) нанятую квартиру приспособить для цѣлей Общества, устроивъ при ней, по возможности скорѣе, чайную, гдѣ члены Общества могли бы собираться для общенія другъ съ другомъ, чтенія газетъ, которыми чайная должна быть снабжена.

2) Для доставленія духовной пищи членамъ Общества предполагалось организовать при Обществѣ изъ люби-

телей драматическаго искусства труппу для постановки въ помѣщеніи Общества отъ времени до времени спектаклей.

3) Для доставленія духовно-эстетическихъ наслажденій предположено было организовать изъ членовъ Общества хоръ.

4) Въ тѣхъ же цѣляхъ постановлено возбудить ходатайство предъ г. вятскимъ губернаторомъ о разрѣшеніи открыть при Обществѣ читальню.

5) Наконецъ, предположено было организовать при Обществѣ школу кройки и шитья для безплатнаго обученія членовъ—женщинъ, а также женъ и дочерей членовъ улучшеннымъ пріемамъ кройки и шитья, какъ дѣлу, нужному каждой женщинѣ.

Въ настоящее время Общество насчитываетъ уже 457 членовъ, изъ которыхъ 38% составляютъ мѣщане, и 6%—крестьяне. Тѣ и другіе сплошь сапожники. Нужно замѣтить, что Сарапуль—центръ производства обуви для всего Прикомья, играя ту же роль, что село Кимры для средней Россіи.

Чайная Общества была открыта въ февралѣ 1894 г., и въ первый же годъ дала Обществу 215 р. 88 к. чистаго доходу. За этотъ годъ было отпущено около 12.000 порцій чая и сахара, причемъ каждая порція стоила 3 коп.

Въ общемъ, чайная покрываетъ своими доходами почти половину расходовъ Общества.

Въ чайной Общества имѣются всегда слѣдующія газеты, присылаемыя безвозмездно членами Общества по прочтеніи ихъ: «Свѣтъ», «Волжскій Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Нива», и высылаемыя безплатно редакціями: «С.-Петербургскія Биржевыя Вѣдомости» съ приложеніями, «Вятская газета» и выписанный на средства Общества «Вѣстникъ трезвости» (въ двухъ экземплярахъ). Имѣются также въ чайной для членовъ шахматы и шашки, какъ излюбленная игра здѣшнихъ ремесленниковъ.

Читальня Общества имѣетъ 246 книгъ, общая стоимость которыхъ достигаетъ 380 р.

Читальня открыта ежедневно по вечерамъ, съ 7 до 11 часовъ, исключая пятницы, когда она бываетъ закрыта; по субботамъ она открывается съ 8 часовъ послѣ всенощной. По воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ читальня открывается еще и днемъ, съ 12 до 3-хъ.

Члены Общества охотно посѣщаютъ читальню: всѣхъ посѣщеній съ 18 сентября по 26 октября было 371, причемъ было выдано 133 книги, 174 газеты и 81 журналъ, всего 388 выдачъ.

Уроки пѣнія начались вслѣдъ за открытіемъ читальни, и въ настоящее время уже составленъ небольшой хоръ, который поетъ уже на вечерахъ, устраиваемыхъ Обществомъ. Была попытка устроить также оркестръ изъ членовъ Общества, и эта попытка удалась.

Очень большой успѣхъ имѣли спектакли и литературные вечера въ помѣщеніи Общества. Ставились преимущественно пьесы Островскаго, разыгранныя самими членами. Помѣщеніе Общества въ эти вечера всегда было переполнено публикой, преимущественно изъ мѣщанской и ремесленной среды.

Въ будущемъ Общество предполагаетъ еще расширить свою дѣятельность и намѣтило себѣ устройство слѣдующихъ учрежденій:

1) Бюро для содѣйствія въ пріисканіи работы и занятій членамъ Общества.

2) Постоянныя «Народныя чтенія» съ волшебнымъ фонаремъ.

3) Ссудо-сберегательная касса для членовъ его.

4) Безплатные юридическіе совѣты

*

для членовъ Общества, для чего на первое время достаточно было бы, если бы кто-либо изъ юристовъ, членовъ Общества, принялъ на себя дежурство въ помѣщеніи Общества, хотя одинъ вечеръ въ недѣлю.

5) Библіотека при читальнѣ Общества съ отпускомъ книгъ на домъ, для чего необходимо, чтобы число книгъ, имѣющихся въ настоящее время въ читальнѣ Общества, учетверилось, или, по крайней мѣрѣ, утроилось *).

Двадцатипятилѣтіе дѣятельности народнаго учителя. Въ этомъ году исполнилось 25 лѣтъ дѣятельности народнаго учителя В. Я. Аврамова, завѣдующаго земской школой въ деревнѣ Волково. В. Я. Аврамовъ одинъ изъ немногихъ учителей съ университетскимъ образованіемъ, избравшій себѣ скромную карьеру народнаго учителя изъ любви къ самому дѣлу и изъ стремленія «служить народу». Изданная ко дню его двадцатипятилѣтняго юбилея брошюра Ѳ. Матвѣева знакомитъ насъ съ его жизнью и дѣятельностью.

Родители В. Я. Аврамова хотѣли сдѣлать изъ него военнаго и отдали въ кадетскій корпусъ. Но молодого человѣка не влекло къ военной службѣ, онъ вскорѣ вышелъ изъ корпуса и поступилъ вольнослушателемъ въ московскій университетъ, гдѣ пробылъ 4 года, усердно занимаясь естественными науками и математикой. Выйдя изъ университета, онъ рѣшилъ посвятить себя дѣлу народнаго образованія, и хотѣлъ уѣхать куда-нибудь въ глушь, гдѣ чувствуется больше потребности въ культурныхъ людяхъ. На первое же время онъ взялъ представившееся ему мѣсто въ деревнѣ Волково, около Петербурга, разсчитывая, какъ только будетъ возможность, перебраться оттуда куда-нибудь подальше. Но занятія его въ школѣ пошли такъ хорошо и онъ такъ сжился со своими учениками, что съ года на годъ все откладывалъ свое рѣшеніе уѣхать, и въ концѣ концовъ пробылъ учителемъ въ Волковѣ цѣлыхъ 25 лѣтъ и блестяще поставилъ свою школу. За эти года черезъ руки Аврамова прошли многія поколѣнія дѣтей и свѣтлая личность образованнаго, гуманнаго учителя оказывала на нихъ свое вліяніе. Аврамовъ широко понималъ задачи школы и считалъ, что она никоимъ образомъ не должна ограничиваться однимъ механическимъ обученіемъ грамотѣ и счету. Онъ посвящалъ дѣтямъ большую часть своего свободнаго времени, читалъ и бесѣдовалъ съ ними, устроилъ при школѣ библіотеку, изъ которой дѣтямъ выдавались книжки. Вообще, школа Аврамова имѣла совершенно своеобразный характеръ и была далека отъ всякой рутины. Отношенія между учителемъ и учениками складывалисьсамыя дружескія.

По окончаніи всѣхъ занятій въ школѣ, дѣти собирались въ ней, гдѣ и проводили свое свободное время въ играхъ, исключительно регулируемыхъ взаимнымъ согласіемъ и ихъ собственнымъ желаніемъ. Пѣсни, танцы, игры въ прятки, камешки, бѣганіе кругомъ столовъ, упражненіе въ гимнастикѣ и т. п. были обычнымъ явленіемъ въ школѣ въ вечернее время. Въ этихъ играхъ дѣтей нерѣдко принималъ участіе, конечно, на равной ногѣ, по пріятельски, и самъ В. Я.

Квартира учителя при школѣ состояла изъ 2-хъ комнатъ и кухни, но въ нихъ, кромѣ учителя, помѣщались еще земскіе стипендіаты (изъ крестьянъ), окончившіе курсъ въ земскихъ школахъ и обучавшіеся въ гимназіяхъ.

Кромѣ занятій въ волковской школѣ, В. Я. Аврамовъ принималъ дѣятельное участіе въ воскресныхъ и вечер-

*) См. ниже «Общество трезвости въ Сарапулѣ».

нихъ классахъ для рабочихъ, которые были устроены по его же иниціативѣ. Занятый все утро въ своей школѣ, онъ затѣмъ ежедневно переправлялся по безчисленнымъ конкамъ на другой конецъ Петербурга, чтобы тамъ, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ вести занятія со взрослыми, и возвращался домой не раньше 12 ч. ночи. Такимъ образомъ, изо дня въ день шла жизнь этого неутомимаго труженика. Кромѣ того, В. Я. Аврамовъ находилъ еще время для участія въ разныхъ педагогическихъ обществахъ и комитетахъ грамотности.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. (Некрологъ). Въ январѣ настоящаго года скончался академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный профессоръ русской исторіи, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ и выдающійся дѣятель въ области просвѣщенія. Заимствуемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» біографическія данныя о немъ, сообщенныя въ его некрологѣ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ родился въ 1829 г. въ Нижегородской губерніи и получилъ образованіе въ нижегородскомъ пансіонѣ и въ нижегородской гимназіи. Онъ учился тамъ вмѣстѣ съ А. Н. Плещеевымъ и съ С. В. Ешевскимъ; съ послѣднимъ онъ особенно сблизился и потомъ жилъ съ нимъ во время студенчества; дружба эта закрѣпилась еще тѣмъ, что К. Н. женился въ 1855 г. на сестрѣ Ешевскаго. По окончаніи гимназіи Бестужевъ-Рюминъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, гдѣ слушалъ лекціи Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, Погодина, Кавелина, Рѣдкина, Морошкина, Буслаева. Въ университетѣ уже опредѣлились научныя склонности К. Н. Еще въ дѣтствѣ, въ родительскомъ домѣ онъ зачитывался произведеніями Карамзина и Милота, увлекался Плутархомъ; во время студенчества, съ одной стороны, близость съ Ешевскимъ, уже отдавшимся историческимъ изслѣдованіямъ, съ другой стороны высокій уровень историческаго преподаванія въ московскомъ университетѣ, окончательно направили Бестужева-Рюмина къ занятіямъ исторіей. Окончивъ на юридическомъ факультетѣ, К. Н. сначала былъ частнымъ преподавателемъ, потомъ былъ учителемъ въ кадетскихъ корпусахъ. Уже въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ онъ держалъ экзаменъ на кандидата историческихъ наукъ, однако эта попытка была неудачна. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, живя уже въ Петербургѣ и пользуясь значительною литературою извѣстностью, онъ получилъ разрѣшеніе держать экзаменъ прямо на магистра русской исторіи: въ то же время онъ былъ приглашенъ въ петербургскій университетъ исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ русской исторіи. Въ 1868 г. К. Н. представилъ магистерскую диссертацію «О составѣ русскихъ лѣтописей», по защитѣ которой получилъ отъ факультета степень доктора русской исторіи honoris causa. Послѣ этого покойный назначенъ экстраординарнымъ и затѣмъ ординарнымъ профессоромъ въ университетѣ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занималъ ту же каѳедру и въ новооткрывшемся историко филологическомъ институтѣ. Въ 1884 г. К. Н. по разстроенному здоровью оставилъ каѳедру. Въ 1890 г. онъ былъ избранъ академикомъ. Главная научная работа К. Н. Бестужева-Рюмина, кромѣ вышеназванной диссертаціи, это— «Русская исторія»: первый томъ былъ изданъ въ 1872 г., а первая половина второго тома вышла въ 1885 г. Затѣмъ изданіе это, къ сожалѣнію, остановилось. По своему научному направленію К. Н. примыкалъ довольно близко къ своимъ учителямъ С. М. Соловьеву и К. Д. Кавелину, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ отчасти подходилъ и къ исто-

рикамъ-славянофиламъ. Вообще, Бестужевъ-Рюминъ по своему характеру стремился къ спокойному изученію историческаго прошлаго, и научная объективность была его идеаломъ. Изъ отдѣльно вышедшихъ работъ К. Н. назовемъ еще—«Біографіи и характеристики», въ которыхъ авторъ далъ рядъ очерковъ, посвященныхъ главнымъ дѣятелямъ русской исторической науки. Университетскіе курсы Бестужева-Рюмина извѣстны только въ литографіяхъ. Упомянемъ здѣсь еще, что К. Н. много работалъ въ археографической коммиссіи и въ географическомъ обществѣ. Одно время онъ редактировалъ «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

Кромѣ чисто-научныхъ работъ, К. Н. принималъ участіе и въ журналистикѣ.

За свое пятидесятилѣтнее участіе въ литературѣ Бестужевъ-Рюминъ напечаталъ нѣсколько сотъ статей въ журналахъ и газетахъ. Онъ не пропускалъ за это время безъ критической оцѣнки главнѣйшихъ явленій русской исторической науки, и его статьи представляютъ цѣнный матеріалъ для нашей исторіографіи. Въ своихъ статьяхъ онъ касался, впрочемъ, не только вопросовъ и книгъ собственно историческихъ, но говорилъ также о новостяхъ по литературѣ, по этнографіи и пр.

Кромѣ того, въ шестидесятыхъ годахъ онъ составилъ и издалъ отдѣльные очерки по русской исторіи для народа, которые и до сихъ поръ принадлежатъ къ числу лучшихъ народныхъ книжекъ по исторіи.

Одной изъ крупныхъ заслугъ покойнаго академика передъ русскимъ обществомъ является то дѣятельное участіе, которое онъ принималъ въ устройствѣ первыхъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Россіи. Онъ стоялъ во главѣ этихъ курсовъ съ 1878 до 1882 г. и въ настоящее время, несмотря на то, что курсы имѣютъ уже другой характеръ, чѣмъ подъ его руководительствомъ, за ними все еще сохраняется неоффиціальное названіе «бестужевскихъ».

Какъ профессоръ и руководитель, К. Н. умѣлъ привлекать къ себѣ симпатіи слушателей своимъ искреннимъ желаніемъ принести пользу, содѣйствовать начинающимъ своими указаніями. Даже послѣ оставленія каѳедры, уже больной и слабый, К. Н. охотно, часто по собственной иниціативѣ, заводилъ сношенія со многими молодыми работниками науки и литературы, даже вовсе ему незнакомыми лично. Онъ до самаго конца съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за интересовавшими его разнообразными явленіями въ литературѣ, печатно и письменно дѣлая свои указанія и возбуждая вопросы.

Общество трезвости въ Сарапулѣ.

(Письмо въ редакцію).

I.

На одной изъ главныхъ улицъ Сарапуля стоитъ большой каменный двухъэтажный домъ въ 9 или 10 оконъ по фасаду и почти столько же по другой сторонѣ. На верхнемъ этажѣ красуется надпись: «С--ское Общество Трезвости», а на подъѣздѣ—вывѣска: «Чайная Общества Трезвости. Порція чаю 3 коп.».

Когда я утромъ подходилъ къ чайной, на крыльцѣ стояла небольшая кучка деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, не рѣшавшихся пройти дальше, а передъ ними—молоденькая дѣвушка,

по внѣшнему виду учительница. очевидно, натолкнувшаяся на нихъ при выходѣ изъ чайной. Она горячо убѣждала ихъ въ чемъ-то и до меня долетали слова: «Хорошо... чисто... 3 коп.»... Увидавъ незнакомое лицо, дѣвушка наскоро кивнула имъ нѣсколько разъ головой и быстро сбѣжала по ступенькамъ крыльца, оставивъ своихъ слушательницъ все еще въ нерѣшимости. Я поднялся наверхъ по довольно грязной лѣстницѣ, и сейчасъ-же поставилъ эту неаккуратность на счетъ Обществу трезвости. Но когда я вошелъ въ чайную, я понялъ, что большую чистоту нельзя было и соблюдать: чайная была переполнена «чернымъ» народомъ, который обходится, какъ извѣстно, безъ калошъ.

Большинство были деревенскіе мужики и бабы; два-три стола были заняты татарами; остальные посѣтители были, повидимому, городскіе жители, занятія которыхъ было довольно трудно опредѣлить по внѣшнему ихъ виду, — очевидно было только одно: это былъ разный рабочій людъ. Все это пило чай, прихлебывало съ блюдечекъ, пощелкивало сахаръ, постукивало крышками чайниковъ, требуя воды; къ буфету то и дѣло подходили покупать калачъ, лимонъ, расплачиваться за чай; въ комнатѣ стоялъ гулъ сдержаннаго говора; прислуга чайной безостановочно бѣгало, разнося кипятокъ; сама буфетчица, худенькая, крошечнаго роста женщина, не то съ болѣзненнымъ, не то съ утомленнымъ лицомъ, хлопотала не меньше...

Чайная была въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности.

Я остановился въ дверяхъ, не зная, куда пройти, но вскорѣ былъ замѣченъ буфетчицей, которая привѣтливо кивнула мнѣ головой и пригласила «пожаловать». Я спросилъ себѣ порцію чаю, надѣясь получить тогда и мѣсто.

Буфетчица радушно приглашала меня во 2-ую комнату, гдѣ никого не было; но, къ моему удовольствію, въ это время освободилось мѣсто у одного изъ столовъ, и я поспѣшилъ его занять.

Я осмотрѣлся кругомъ. Комната, въ которой я сидѣлъ, была высокая, свѣтлая и чистая, но не особенно большая. Комната эта предназначается какъ для членовъ Общества трезвости, такъ и для постороннихъ посѣтителей. Въ ней помѣщается буфетъ чайной и разставлены столики для желающихъ пить чай. На одномъ изъ столовъ лежатъ газеты и телеграммы Сѣвернаго агентства; на стѣнахъ висятъ «правила» чайной и такса буфета, а также краткія извлеченія о состояніи денежныхъ дѣлъ Общества, свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ послѣдняго спектакля, объявленія о предстоящемъ общемъ собраніи членовъ, приглашеніе на спѣвку участниковъ хора, увѣдомленіе о перенесеніи на другіе часы уроковъ кройки и шитья для женъ и дочерей членовъ Общества и пр., и пр.; тутъ же продаются уставы и отчеты Общества.

Вторая комната, противъ раскрытыхъ дверей которой я сидѣлъ, назначается собственно для членовъ, какъ гласитъ объ этомъ билетикъ на ея дверяхъ; но въ это же утро я убѣдился, что это соблюдается далеко не строго и что всякій, желающій осмотрѣть помѣщеніе или даже почайничать тамъ, легко пропускается туда. Эта комната представляетъ большой залъ, въ глубинѣ котораго устроена сцена. Залъ этотъ вмѣщаетъ, какъ мнѣ потомъ сказали, до 300 зрителей.

Третья комната, которая была мнѣ видна, была читальня. По уставу пользоваться читальней могутъ исключительно только члены Общества трезвости. Читальня была закрыта; она открывается только съ 7-ми часовъ вечера.

Народу, между тѣмъ, все прибывало и прибывало. Молодыя бабы и

дѣвки, которыхъ я видѣлъ на крыльцѣ, чайничали тутъ же, но уже въ другой комнатѣ, въ большомъ залѣ. Буфетчица сразу замѣтила ихъ приходъ: онѣ всей гурьбой остановились посреди дороги, въ дверяхъ и мѣшали всѣмъ; не говоря ни слова, онѣ только подталкивали другъ друга локтями. Буфетчица ласково провела ихъ въ залъ, въ первой комнатѣ мѣста уже не было, и усадила за столъ. Теперь онѣ уже нѣсколько освоились и держали себя довольно развязно. Онѣ съ любопытствомъ разсматривали картины, висѣвшія передъ ними на стѣнахъ, щупали доброту скатерти, которую постлали на ихъ столъ, трогали стулья, а наиболѣе смѣлыя вставали съ мѣста и съ улыбкой заглядывали въ чайную. Буфетчица разсмѣялась, встрѣтившись глазами съ одной изъ нихъ.

— Въ первый разъ, вѣрно?—спросила она.

— Въ первый.

— Ну, кушайте, кушайте чай-то: остынетъ. Калача не надо ли?

— У насъ свой.

— Ну, какъ хотите: свой, такъ свой, а то вѣдь и у насъ по базарной же цѣнѣ продается.

Было уже около 12 часовъ. Посѣтители стали убывать. Буфетчица, кажется, еще въ первый разъ присѣла на свою табуретку за прилавкомъ и вздохнула отъ усталости.

Я воспользовался свободной минутой и подошелъ къ ней.

— Каждый день бываетъ у васъ столько народу?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—сегодня базарный день; въ другіе дни гораздо меньше ходятъ. Теперь, впрочемъ, каждый день будетъ столько народу, а по базарнымъ днямъ и больше: весной и въ началѣ лѣта человѣкъ по 200 въ день у насъ перебываетъ. Чайная открывается съ 7 часовъ, но они еще раньше начинаютъ стучаться въ двери, чуть не въ 5. Вотъ тогда тяжело намъ, служащимъ, приходится! Иногда и пообѣдать не удастся утромъ съ крестьянами, а вечеромъ члены Общества трезвости приходятъ: то репетиція, то спѣвка, то музыкальный вечеръ или комитетское засѣданіе, просто совсѣмъ съ ногъ собьешься!

II.

Меня очень интересовала личность основателя Общества сапожника Бѣлова, и вотъ что я узналъ о возникновеніи С—скаго Общ. трезвости.

Бѣловъ — еще молодой человѣкъ, лѣтъ подъ 30-ть, по ремеслу—сапожникъ. Года три тому назадъ онъ получилъ повышеніе по служаѣ у своего хозяина, сапожнаго торговца, имѣющаго свои мастерскія: ему было поручено завѣдываніе одной изъ нихъ, въ силу чего приходилось проводить тамъ цѣлые дни. Надо замѣтить, что въ С—ѣ сапожное ремесло—кустарный промыселъ и обыкновенно с—скіе сапожники работаютъ у себя на дому, сдавая свою работу хозяевамъ (торговцамъ обувью) разъ въ недѣлю и тогда же получая отъ нихъ матеріалъ для работы на всю слѣдующую недѣлю; но желающіе могутъ работать и въ хозяйскихъ мастерскихъ; однако, обстановка тамъ такъ незавидна, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ тамъ работаютъ только тѣ рабочіе, которымъ хозяева не довѣряютъ, т. е. не рискуютъ выдать матеріалъ, боясь, что тѣ его пропьютъ. Бѣловъ уже много лѣтъ не бывалъ въ мастерскихъ, работая постоянно дома, и отвыкъ отъ нихъ. Пьянство, грязь, нищета, умственное и нравственное убожество товарищей, съ которыми теперь ему приходилось проводить цѣлые дни,—все это болѣзненно подѣйствовало на его впечатлительную натуру. Сначала онъ ходилъ совершенно угнетенный; потомъ онъ сталъ говорить, убѣждать... Въ первый разъ въ этихъ мрачныхъ и грязныхъ стѣнахъ по-

слышалось слово участія. Къ пропоицѣ обратились, какъ къ *человѣку*, съ нимъ говорили такъ, какъ будто бы онъ онъ былъ способенъ понимать что-нибудь, кромѣ полуштофа водки, взывали къ его совѣсти, настаивали, чтобы онъ опомнился, подумалъ о томъ, что дѣлаетъ, какъ онъ живетъ. И говорившій былъ свой братъ. Его нервное лицо, дрожащія губы, искренность и горячность его словъ показывали, что онъ не шутитъ, что онъ не отстанетъ, пока человѣкъ не «очувствуется». И добрый порывъ не пропалъ даромъ: мастеровые дѣйствительно задумывались надъ своей жизнью и одинъ за другимъ бросали пить или меньше пили. Чтобы поддержать въ товарищахъ явившуюся рѣшимость не пить, Бѣловъ старался развлечь ихъ, направить ихъ мысли въ сторону, противуположную отъ водки: онъ носилъ «интересныя книжечки» и читалъ вслухъ, а потомъ между ними завязывался разговоръ по поводу прочитаннаго. Вообще, онъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы помочь имъ въ борьбѣ съ несчастною страстью.

Въ одинъ прекрасный день Бѣловъ явился къ своему учителю по воскресной школѣ сіяющій и счастливый.

— Мы хотимъ открывать Общество трезвости,—заявилъ онъ.

Въ газетахъ они прочитали о Казанскомъ Общ. трезвости и, по примѣру казанцевъ, захотѣли учредить нѣчто подобное у себя.

— Есть уже человѣкъ тридцать, которые готовы сейчасъ же вступить въ члены Общества трезвости, да только мы не знаемъ, какъ хлопотать объ этомъ,—прибавилъ онъ, показывая списокъ фамилій этихъ желающихъ, при чемъ они сами раздѣлили себя на три категоріи: «совсѣмъ не пьющихъ», «пьющихъ» и «сильно пьющихъ».

Бѣлова и двухъ его товарищей направили къ одному изъ лицъ «съ положеніемъ», чтобы просить его принять участіе въ этомъ дѣдѣ и выхлопотать у губернатора разрѣшеніе на открытіе Общества. Сапожники выразили при этомъ непремѣнное желаніе устроить *чайную* при Общ. трезвости, гдѣ бы они могли собираться иногда попить чайку, почитать газеты, находя, что безъ подобной чайной ихъ Общество не будетъ имѣть никакого значенія. Лицо, къ которому они обратились съ своей просьбой, принялось за дѣло съ большой энергіей: оно выхлопотало утвержденіе устава и собрало пожертвованій деньгами и вещами на сумму около 400 руб. Вначалѣ предполагалось, что это будетъ Обществомъ, по преимуществу, ремесленниковъ, и прошеніе губернатору было подписано, кромѣ вышеупомянутаго лица, тридцатью сапожниками; но, по слухамъ, губернаторъ выразилъ желаніе, чтобы въ въ учрежденіи Общества трезвости приняли участіе не одни только сапожники, а и интеллигентныя лица, почему въ учредители записались нѣсколько чиновниковъ; въ настоящее же время въ Обществѣ очень много членовъ не ремесленниковъ.

Пока прошеніе ходило къ губернатору и было получено утвержденіе устава, пока шли хлопоты по пріисканію и устройству квартиры, прошло больше года, и много грубыхъ насмѣшекъ и даже издѣвательствъ пришлось вынести за это время Бѣлову, не только отъ сапожниковъ, которые не вѣрили въ это дѣло, но даже отъ ихъ хозяевъ, торговцевъ. Зато онъ вполнѣ торжествовалъ, когда открылась, наконецъ, чайная Общества трезвости. Самъ архіерей служилъ молебенъ; нѣсколько почетныхъ лицъ присутствовало на открытіи; было много «чистой» публики и за ней стояла масса простого люда, котораго все поражало и которому все нравилось въ этомъ обширномъ, свѣт-

ломъ помѣщеніи, устроенномъ спеціально для него!

До 11-ти часовъ вечера двери чайной были гостепріимно открыты для всѣхъ желающихъ; въ этотъ день всѣ были гостями, которыхъ безплатно угощали чаемъ. Много народу перебывало тамъ, и вѣсть о новооткрытомъ Обществѣ быстро разнеслась по городу. Въ ближайшее же воскресенье вечеромъ было такъ много посѣтителей, что почти негдѣ было повернуться. Всѣ спѣшили записаться въ члены Общества трезвости (въ первые же два мѣсяца число членовъ дошло до 300), и тѣ же самыя лица, которыя раньше насмѣхались надъ Бѣловымъ, просили теперь его рекомендаціи, какъ члена комитета; въ числѣ ихъ были, кажется, сами хозяева Бѣлова. Бѣловъ ходилъ какъ въ чаду, счастливый, что сбылась, наконецъ, его мечта, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ это ему и во снѣ не снилось!

Жизнь ключемъ закипѣла въ Обществѣ трезвости. Устраивались любительскіе спектакли, участниками которыхъ были сами же ремесленники; былъ образованъ небольшой оркестръ; разъ или два въ недѣлю давались уроки желающимъ обучаться хоровому пѣнію, а жены и дочери членовъ Общества могли учиться кройкѣ и шитью. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была открыта и *читальня* съ довольно хорошимъ подборомъ книгъ. Въ прошлую зиму были устроены *народныя чтенія* съ волшебнымъ фонаремъ; были и литературныя чтенія безъ фонаря. Въ настоящее время комитетъ хлопочетъ передъ губернаторомъ о преобразованіи читальни въ *библіотеку*-читальню.

Дѣлами Общества трезвости завѣдуетъ комитетъ, состоящій изъ 6-ти членовъ и 4-хъ кандидатовъ. Выборы производятся, какъ и вездѣ, общимъ собраніемъ. До сихъ поръ въ члены комитета постоянно выбирались 2 или 3 сапожника, и они—далеко не безполезны: они служатъ связующимъ звеномъ между интеллигентными лицами, стоящими во главѣ дѣла, и ремесленниками. Благодаря имъ, ремесленники всегда имѣютъ возможности знать о дѣлахъ Общества трезвости все, что имъ интересно, во всѣхъ подробностяхъ, и потому отно[illegible]ъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ комитета съ полнымъ довѣріемъ, а главное считаютъ это Общество *своимъ*,—особенность, не встрѣчающаяся въ другихъ Обществахъ трезвости, и любятъ его. Съ другой стороны, и комитетъ узнаетъ черезъ нихъ о желаніи тѣхъ членовъ, для которыхъ Общество, главнымъ образомъ, и существуетъ.

III.

На другой день я пошелъ въ чайную вечеромъ. На этотъ разъ она представляла совсѣмъ иной видъ: публика была «чистая», не было ни толкотни, ни суеты, столики стояли чинно по стѣнамъ и лампы привѣтливо освѣщали чисто прибранныя комнаты, казавшіяся теперь больше. Посѣтителей было человѣкъ 25—30. Въ этотъ вечеръ была назначена репетиція любительскаго спектакля. Ставилась пьеса Островскаго: играли сапожники, а режиссеромъ былъ одинъ молодой человѣкъ, служащій въ земствѣ, большой любитель драматическаго искусства.

— Вы не будете, конечно, предъявлять къ нашему спектаклю обычныхъ требованій, — замѣтилъ мнѣ одинъ изъ членовъ.—Вѣдь это не обыкновенный любительскій спектакль: имѣйте въ виду, что участвующіе—полуграмотные люди, сапожники. Нѣкоторые изъ нихъ съ трудомъ даже разбираютъ по писанному; конечно, вы не увидите въ ихъ игрѣ правильнаго изображенія типовъ Островскаго.

— Но почему же, въ такомъ случаѣ, нужно, чтобы они играли?—спросилъ я.

— Потому, что эти спектакли — лучшее развивающее и облагораживающее душу средство. Комитетъ ставитъ пьесы съ разборомъ, онъ обдумываетъ это вмѣстѣ съ режиссеромъ. До сихъ поръ у насъ ставился почти исключительно Островскій: выведенные тамъ типы понятны нашимъ членамъ и пьеса всегда будитъ мысль и чувство. То обстоятельство, что играющіе — «свои», свой Петровъ, свой Ѳедоровъ, которыхъ они отлично знаютъ, заставляетъ зрителей-ремесленниковъ интересоваться этими спектаклями вдесятеро больше, чѣмъ тогда, если бы исполнителями были хотя бы и несравненно болѣе искусные, но чужіе имъ люди. При такой постановкѣ дѣла пьеса проникаетъ въ среду ремесленниковъ двумя путями: во-первыхъ, они видятъ ее на сценѣ въ день представленія, а во-вторыхъ, вотъ еще какимъ образомъ: въ спектаклѣ участвуютъ обыкновенно 5—6 сапожниковъ; у каждаго изъ нихъ есть семья: отецъ, мать, жена, сестра, братъ; у каждаго играющаго въ среднемъ есть человѣка 3—4 близкихъ родныхъ. Всѣ они увлекаются пьесой и его участіемъ въ ней не меньше его самого. Онъ учитъ роль дома, а жена или братъ разспрашиваютъ его о содержаніи пьесы, выслушиваютъ его роль, даютъ ему совѣты, нерѣдко идутъ съ нимъ на репетицію и слышатъ тамъ объясненія режиссера. Вы не можете себѣ представить, какое оживленіе вноситъ съ собой въ семью эта роль! Она даетъ неистощимый матеріалъ для разговоровъ и съ ея появленіемъ они совершенно мѣняютъ свой характеръ. Конечно, нечего говорить о томъ, что для самихъ играющихъ эти спектакли имѣютъ еще большее развивающее значеніе. Вѣдь для того, чтобы изобразить хотя приблизительно то или другое дѣйствующее лицо, надо *понять* его, понять его отношеніе къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ, т. е. понять мысль пьесы, — и вы увидите, что наши сапожники понимаютъ это, а вмѣстѣ съ ними и ихъ близкіе. И вотъ, когда ставится, наконецъ, пьеса, то около 25 ти человѣкъ ремесленниковъ, находящихся въ этой залѣ, уже прекрасно понимаютъ ее, такъ, какъ не могли бы понять, если бы, при ихъ развитіи, посмотрѣли ее только разъ. Мало-помалу изъ нихъ вырабатываются зрители, сознательно относящіеся къ тому, что они видятъ на сценѣ, а не та публика, которая въ самые трогательные моменты обыкновенно хохочетъ. Этотъ кружокъ лицъ своими разговорами о пьесѣ, объ исполнителяхъ неизбѣжно вліяетъ на своихъ родныхъ и знакомыхъ и проводитъ въ ихъ среду тѣ мысли, которыя авторъ вложилъ въ пьесу.

Кружокъ этихъ лицъ понемножку растетъ; такъ, наприм., раньше всѣ женскія роли исполнялись тоже сапожниками, такъ какъ не находилось исполнительницъ, и это, конечно, не могло быть хорошо; теперь же есть уже три ремесленницы-любительницы, жены нашихъ сапожниковъ, изъ которыхъ двѣ играютъ очень недурно. Только одну сваху не рѣшаются еще замѣнить, потому что ее ужъ очень любитъ публика; но самъ «артистъ» начинаетъ тяготиться женскими ролями и хочетъ перемѣнить свое амплуа. Конечно, режиссеру много работы съ ними; но посмотрите, какъ онъ увлеченъ своимъ дѣломъ, какъ радуютъ его успѣхи нашихъ артистовъ! А успѣхи, дѣйствительно, замѣтны. Раньше даже сваха, наприм., часто пріостанавливалась среди фразы, если забывала ее, и дѣлала удареніе совсѣмъ не на томъ словѣ, гдѣ было нужно,— ну, а теперь вы ужъ ничего подобнаго не замѣтите. Съ ними нерѣдко играютъ другіе любители и любительницы, у которыхъ они могутъ кое-чему поучиться, а иногда спектакли устраиваются совсѣмъ безъ ихъ участія,

такъ что они видятъ лучшую, сравнительно съ ними, игру.

Въ залѣ въ это время за многими столиками пили чай и вполголоса разговаривали; тѣ же, кто хотѣли слушать репетицію, ставили себѣ стулья и садились поближе къ сценѣ, изображая «публику». Въ этой публикѣ было много ремесленниковъ и ремесленницъ, вѣроятно, родныхъ и знакомыхъ участвующихъ въ спектаклѣ.

Я сталъ прислушиваться къ тому, что говорилось на сценѣ, и былъ положительно удивленъ, какъ осмысленно и естественно играли нѣкоторые изъ этихъ ремесленниковъ-любителей.

— Кто это? — спросилъ я объ одномъ молодомъ человѣкѣ, подкупившемъ задушевностью и искренностью своей игры.

— О комъ бы вы меня ни спросили,—сказалъ мой собесѣдникъ,—я всегда отвѣчу вамъ одно и то же: сапожникъ, и въ большинствѣ случаевъ прибавлю: ученикъ воскресной школы.

IV.

Въ воскресенье я пошелъ въ спектакль.

Помѣщеніе Общества трезвости было буквально биткомъ набито народомъ; было больше 300 человѣкъ. Давка была такая, что я съ трудомъ могъ пробраться къ своему мѣсту. Усѣвшись, я сталъ разглядывать публику. Передъ моими глазами мелькали красныя отъ жары лица, голубыя, розовыя и всякихъ другихъ цвѣтовъ дамскіе рукава и кофточки, темныя мужскія одѣянія.

Мой пріятель сидѣлъ рядомъ со мной, обливаясь потомъ.

— Богъ знаетъ, откуда только это набирается столько народу!—сказалъ онъ.—Представь себѣ, что почти всегда бываетъ такъ много. Между тѣмъ, сегодня же назначенъ спектакль въ клубѣ, и тамъ тоже почти всѣ мѣста заняты. Очевидно, къ намъ идетъ такая публика, которая обыкновенно сидитъ по домамъ и не ходитъ на наши «благородные» любительскіе спектакли, потому что иначе вѣдь это отозвалось бы уменьшеніемъ ея тамъ. Мнѣ пришлось слышать на-дняхъ упрекъ Комитету, что будто бы онъ обращаетъ Общество трезвости въ какой-то клубъ для *«полуинтеллигенціи»*, вмѣсто того, чтобы заботиться объ удовлетвореніи запросовъ *ремесленниковъ*, для которыхъ Общество и основано. Обвиненіе это лишено всякаго основанія, потому что мы никогда не упускаемъ изъ виду этихъ ремесленниковъ и дѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ и что мы, по мѣрѣ разумѣнія нашего, считаемъ для нихъ полезнымъ. Ты знаешь, что у насъ есть читальня, которую мы теперь хотимъ преобразовать въ библіотеку-читальню, мы устраиваемъ народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, духовныя и свѣтскія; наши литературные вечера, спектакли — все это приноровлено какъ разъ именно для этой среды; но вѣдь не гнать же намъ всѣхъ другихъ, кто идетъ къ намъ, только потому, что это—не ремесленники! Наплывъ этихъ лицъ показываетъ только, насколько учрежденіе подобнаго Общества нужно и для другихъ классовъ. Посмотри: вотъ сидитъ писецъ, вотъ—мелкій приказчикъ, вотъ — лавочникъ; неужели всѣмъ этимъ людямъ не нужно, также какъ и ремесленнику, разумное развлеченіе, доступное ихъ карману?

Чѣмъ разнообразнѣе будетъ составъ членовъ нашего Общества, тѣмъ полезнѣе это будетъ. Губернаторъ спасъ насъ отъ громадной ошибки: говорятъ, что когда онъ прочиталъ ходатайство нашихъ сапожниковъ объ открытіи здѣсь Общества трезвости, онъ написалъ на поляхъ карандашемъ: «а гдѣ же интеллигенція?» и съ тѣхъ поръ стали записываться чиновники, а за ними и другіе. Если бы это Общество осталось, согласно первоначальному проекту, только Обществомъ ремеслен-

никовъ, оно никогда не могло бы развиться такъ, какъ теперь, и это было бы для всѣхъ: и для ремесленниковъ, и для «интеллигенціи» одинаково жаль.

Въ это время заиграла музыка и онъ весь встрепенулся:

— Вѣдь, это чуть-чуть не нашъ собственный оркестръ играетъ: тутъ есть нѣсколько членовъ Общества трезвости и нѣсколько постороннихъ лицъ, приглашенныхъ за плату, а дирижируетъ одинъ изъ нашихъ членовъ, прекрасный скрипачъ и страстный любитель музыки. Мы думаемъ устроить какъ-нибудь музыкальный вечеръ и я даже ужъ готовимся къ нему.

Я прослушалъ пьесу съ удовольствіемъ; можетъ быть, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ я и не остался бы доволенъ такой музыкой, но здѣсь, я, вѣроятно, заразился увлеченіемъ моего друга.

Что касается спектакля, то, принимая во вниманіе составъ участвующихъ, онъ сошелъ положительно удачно, и дѣлалъ честь режиссеру, потрудившемуся надъ нимъ, вѣроятно, не мало. Публика была въ высшей степени довольна и много апплодировала. Появленіе свахи сопровождалось каждый разъ смѣхомъ въ публикѣ; признаюсь, что такой оригинальной свахи я никогда не видалъ, но она была дѣйствительно комична; артистъ былъ въ ударѣ и игралъ живо, умно и естественно, нисколько не пересаливая.

Двѣ женскихъ роли были такъ удачно и безъискусственно съиграны, что годились бы для любого любительскаго спектакля. То же слѣдуетъ сказать и о роли купеческаго сынка; у молодого человѣка, игравшаго ее, несомнѣнно большія способности. Самодуръ-купецъ былъ тоже хорошъ. Трудно было повѣрить, что его игралъ простой, бѣдный сапожникъ, не имѣвшій никакого прикосновенія къ капиталу и созданной имъ средѣ, дающей намъ эти типы. Этотъ сапожникъ, впрочемъ, жилъ раньше въ Казани и ходилъ въ театръ; онъ хоть видѣлъ, какъ играютъ на сценѣ, а вѣдь всѣ остальные участвовавшіе или ни разу въ жизни не были въ театрѣ, или были какихъ-нибудь одинъ или два раза въ мѣстныхъ любительскихъ спектакляхъ, да и то уже давно.

По уходѣ публики всѣмъ участвовавшимъ въ спектаклѣ былъ предложенъ чай съ закуской, какая продавалась въ буфетѣ.

Артисты торопились и чайничали недолго: завтра рабочій день и надо вставать рано. Всѣ они были довольны удавшимся спектаклемъ и уходили веселые, оживленные.

— Какъ великъ сегодняшній сборъ? полюбопытствовалъ я.

— Около 80 рублей. Вѣдь у насъ цѣны мѣстамъ недорогія: отъ 15 до 80 коп. (два первыхъ ряда), а стоять 10 коп.

Спектакли эти являются видной статьей прихода: главными источниками доходовъ Общества трезвости служатъ членскіе взносы (1 рубль въ годъ), торговля чайной и спектакли. Бываютъ также и пожертвованія отъ членовъ Общества на разныя нужды, какъ, напримѣръ, на читальню, на волшебный фонарь и пр. Охотно также содѣйствуютъ члены Общества украшенію его помѣщенія, благодаря чему оно принимаетъ все болѣе и болѣе привѣтливый видъ.

V.

Въ слѣдующее воскресенье въ Обществѣ трезвости было назначено чтеніе духовнаго содержанія; читалъ священникъ.

Народу было довольно много. На этотъ разъ я замѣтилъ здѣсь дѣтей или, вѣрнѣе, мальчиковъ-подростковъ, лѣтъ съ 12—13. Нѣсколько изъ нихъ сидѣли за большимъ круглымъ столомъ, на которомъ были разложены иллюстрированные журналы и, болтая другъ съ другомъ, смотрѣли картин-

ки; двое играли въ шашки; двое—пили чай. Послѣдніе мнѣ очень понравились: видно было, что эта процедура доставляла имъ какое-то особенное наслажденіе.

Мальчики подходили иногда къ буфету и покупали себѣ на 2 коп. яблоко или конфетку.

— Это тоже члены вашего Общества?—спросилъ я дежурнаго члена комитета.

— Да, только *будущіе*,—отвѣчалъ онъ. — Эта мелюзга начинаетъ появляться у насъ не какъ члены, конечно, а какъ посѣтители чайной, и, по моему мнѣнію, намъ нельзя игнорировать ихъ. Я думаю,—продолжалъ онъ,—что если они съ этихъ лѣтъ привыкнутъ къ нашему Обществу, то современемъ изъ нихъ выработаются надежные члены Общества трезвости. Да и вообще намъ приходится подумывать о дѣтяхъ, такъ какъ большинство нашихъ членовъ имѣетъ ихъ. На Рождествѣ мы устраиваемъ для нихъ елку, а въ эту зиму пришлось сдѣлать ихъ даже двѣ, такъ какъ нашъ залъ не могъ вмѣстить сразу всѣхъ желающихъ. Каждая елка была разсчитана на 150 дѣтей. Билетъ для ребенка стоитъ 20 или 25 коп.; но дѣти получали больше, чѣмъ на эту сумму, такъ какъ многіе достаточные члены подписывали больше. Къ сожалѣнію только, наше помѣщеніе слишкомъ тѣсно и потому дѣти не могутъ такъ поиграть, побѣгать, какъ хотѣлось бы это устроить.

Я разспросилъ о елкѣ подробнѣе, и вотъ что я узналъ.

Еще наканунѣ того дня, когда назначена елка, въ чайную привозятся елочныя украшенія и сладости; кромѣ того, различныя дешевенькія игрушки, въ среднемъ стоимость игрушки обходится около 6 коп., и книжки изд. «Посредника» и др., отъ $1^1/_2$ до 5 коп. книжка.

На другой день, съ 9 час. утра, въ помѣщеніи Общества идетъ дѣятельная работа: дамы и простыя ремесленицы, господа и сапожники,—члены Общества, принимаютъ живое участіе въ украшеніи елки; но преимущественно, впрочемъ, господствуютъ женщины.

Пріятно смотрѣть на это смѣшанное общество, занятое веселой работой и одушевленное однимъ общимъ желаніемъ сдѣлать елку какъ можно красивѣе. Особенно увлекаются елкой сапожницы: онѣ съ удовольствіемъ разсматриваютъ всѣ эти красивенькія звѣздочки и бонбоньерки и стараются повѣсить ихъ какъ можно лучше. Елка—большая, украшать ее довольно долго, а между тѣмъ, надо, чтобы она была готова къ 5—6 часамъ, и вотъ идетъ веселая и торопливая суета.

И подъ эту дружную работу, представляющую, въ сущности, одну лишь забаву, происходитъ незамѣтно ни для кого, а главное, совершенно естественно, очень важное дѣло: объединеніе членовъ Общества.

Но вотъ уже шестой часъ. Елка готова, и пора, потому что чайная мало-по-малу вся наполнилась дѣтьми и ихъ родителями, а посѣтители все еще прибываютъ и прибываютъ.

Наконецъ, ёлка зажжена, двери зала отворены, и подъ звуки музыки комната наполняется дѣтьми всевозможныхъ возрастовъ. Всѣ волнуются; каждому хочется посмотрѣть на ёлку поближе, но, къ сожалѣнію, залъ оказывается слишкомъ тѣсенъ. Толкотня, шумъ... Распорядители въ отчаяніи, что нѣтъ того стройнаго порядка, о которомъ они мечтали. Но что за бѣда! дѣти довольны, а съ ними и ихъ родители. Каждый ребенокъ получаетъ по яблоку и нѣсколько штучекъ маленькихъ конфетокъ и сразу приходитъ въ хорошее расположеніе. Устраиваются игры: въ кошку и мышку, въ жгутъ и пр.; дѣти бѣгаютъ и хохочутъ, нѣкоторыя хотятъ потанцовать, ихъ желаніе удовлетворяется, и большая часть изъ нихъ

вертится безъ толку подъ музыку; на двухъ столахъ играютъ въ лото-загадки, чаще всѣхъ отгадываютъ ученики одной школы, учитель которой находится тутъ же; онъ очень доволенъ сообразительностью своихъ ребятишекъ.

Въ это время ёлка обирается и нагружаются пакеты всѣмъ висящимъ на ней. Въ каждый пакетъ кладется яблоко, пастила, конфекты, какое-нибудь хорошенькое украшеніе съ ёлки и пр. Каждому ребенку вручается такой пакетъ, и съ нимъ онъ проходитъ дальше къ столу, на которомъ разставлены игрушки. Ему предлагаютъ взять билетикъ, и соотвѣтственно выдернутому нумеру, онъ получаетъ жестяную дудочку, или деревянную лошадку, или гипсовый утюгъ, «совсѣмъ какъ настоящій», или—о верхъ счастія!—часы съ цѣпочкой... Послѣ этого онъ получаетъ еще книжку, но какую—это рѣшаетъ уже не жребій, а одинъ изъ членовъ комитета, раздающій книжки сообразно съ возрастомъ дѣтей.

Затѣмъ, когда подарки розданы, чтобы усадить дѣтей спокойно и дать имъ возможность остыть и отдохнуть передъ выходомъ на холодный воздуюъ, имъ показываютъ картины съ волшебнюмъ фонаремъ.

Звонокъ возвѣщаетъ, что вечеръ оконченъ. Залъ снова освѣщается; дѣти собираются и уходятъ домой веселыя, счастливыя. .

Въ послѣднее время въ Обществѣ трезвости пробуютъ устраивать иногда по праздникамъ дѣтскія утра: дѣти бѣгаютъ, играютъ, говорятъ басни и стихотворенія.

Мы вошли въ читальню. Это была большая комната въ три окна. Книжный шкафъ стоялъ вдоль одной стѣны; на другой висѣли двѣ большихъ географическихъ карты; у оконъ стояли деревянныя скамейки, а посрединѣ комнаты — большой столъ съ разложенными на немъ газетами, журналами и иллюстрированными изданіями, въ серединѣ возвышался небольшой глобусъ; съ потолка спускались двѣ лампы, хорошо освѣщавшихъ комнату.

Около стола почти не было свободныхъ стульевъ, тамъ сидѣло человѣкъ двадцать; все это былъ рабочій людъ. Въ комнатѣ царила полнѣйшая тишина.

Мнѣ удалось заглянуть мимоходомъ въ нѣкоторыя книги, развернутыя передъ читателями: одинъ сапожникъ читалъ «Жизнь европейскихъ народовъ» Водовозовой, другой—Л. Толстого, третій—Островскаго.

Въ первое время въ читальнѣ было почти всегда столько посѣтителей, какъ сегодня, но потомъ число ихъ уменьшилось. Но иначе быть не можетъ. Всѣ эти люди работаютъ цѣлый день, до 8-ми часовъ вечера и позже, а въ концѣ недѣли, въ особенности съ пятницы на субботу, многія сидятъ всю ночь напролетъ (здѣсь сдаютъ работу обыкновенно по субботамъ), такъ что читальня съ самаго ея основанія никогда и не открывалась по пятницамъ; это было постановлено вслѣдствіе за явленія самихъ нашихъ членовъ-ремесленниковъ, которые предсказывали, что въ этотъ день она будетъ пустовать. Къ тому же, многіе живутъ далеко отъ чайной и часто имъ не хочется идти такую даль, чтобы почитать какіе-нибудь два часа, которые остаются до закрытія читальни. Въ первое время открытія читальни интересъ новизны заставлялъ ихъ забывать усталость, и они ходили туда часто; но потомъ, когда Общество трезвости и читальня сдѣлались явленіемъ уже привычнымъ, понятно, что всѣ условія, мѣшающія ремесленнику пользоваться ею, пріобрѣли понемногу свою силу. Теперь комитетъ хлопочетъ о преобразованіи читальни въ *библіотеку*-читальню, чтобъ дать возможность членамъ читать книги у

себя на дому. Это будетъ гораздо удобнѣе: дома они могутъ воспользоваться каждымъ свободнымъ своимъ получасомъ. Многіе читаютъ за чаемъ и во время короткаго отдыха, который они даютъ себѣ послѣ обѣда, да вообще, когда книга подъ руками, то какъ бы человѣкъ ни былъ занятъ, онъ всегда найдетъ возможность заглянуть въ нее хоть ненадолго, если она его интересуетъ; но совсѣмъ другое дѣло—идти читать ее на другой конецъ города да притомъ еще въ опредѣленные часы.

Я поинтересовался узнать, какъ же артисты находятъ время учить роли, если всѣ они такъ заняты?

Оказывается, что они учатъ роли во время работы. Они привѣшиваютъ роль на стѣнку передъ собой: взглянетъ сапожникъ на листочекъ, прочтетъ фразу, да и учитъ ее вслухъ, а самъ въ это время стучитъ своимъ молоткомъ или ковыряетъ шиломъ. Такъ же ученики воскресной школы учатъ обыкновенно табличку умноженія.

Въ это время кто то проигралъ на рояли ритурнель кадрили и въ залѣ усилилось движеніе.

— Развѣ у васъ и танцуютъ?— спросилъ я.

— Да, — пояснили мнѣ. — Чѣмъ залучить къ намъ 17-ти — 20-тилѣтняго юношу? Молодежь эта въ большинствѣ случаевъ очень неразвита; безъ этихъ вечеровъ ее, пожалуй, и не потянетъ сюда. Придетъ онъ разъ, другой, третій: сначала его займетъ самое помѣщеніе, обстановка, «хорошіе люди» (какъ они говорятъ о тѣхъ, кто занимаетъ высшее сравнительно съ ними общественное положеніе), съ которыми онъ тутъ встрѣчается; но когда онъ привыкнетъ къ этому, это можетъ надоѣсть ему, а между тѣмъ, въ этомъ возрастѣ уже начинаются постоянныя хожденія по кабакамъ и разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Удержать человѣка отъ увлеченія всей этой грязью *въ этотъ моментъ*— очень важно и если на ряду со всѣмъ прочимъ, что мы предлагаемъ нашимъ членамъ, этому можетъ помочь танцовальный вечеръ, то я готовъ обѣими руками подписать объявленіе о назначеніи его.

Въ день моего посѣщенія былъ послѣдній вечеръ до осени. Общество перебиралось въ лѣтнее помѣщеніе.

VI.

Два послѣднихъ раза я былъ въ Обществѣ трезвости въ его лѣтнемъ помѣщеніи: одинъ разъ утромъ, другой—вечеромъ.

Уже второй годъ, какъ на лѣто чайная открываетъ свое отдѣленіе въ крошечномъ (къ сожалѣнію), но довольно уютномъ садикѣ, находящемся недалеко отъ лѣса, — въ той части города, гдѣ помѣщаются дачи.

Зимнее помѣщеніе лѣтомъ не посѣщается его членами; но за то тамъ бываетъ очень много крестьянъ,— какъ мнѣ разсказывала объ этомъ буфетчица во время перваго моего посѣщенія чайной,—въ особенности по базарнымъ днямъ и вообще тогда, когда въ городѣ бываетъ приливъ крестьянскаго населенія изъ сосѣднихъ деревень, какъ, напр., во время ярмарки или въ одинъ изъ мѣстныхъ церковныхъ праздниковъ.

Въ садикъ же направляется преимущественно городская публика, члены и не члены Общества трезвости.

Тамъ выстроены два небольшихъ флигеля: въ одномъ помѣщается буфетъ, а въ другомъ—читальная комната, но только съ однѣми газетами и иллюстрированными изданіями. Посѣтители пьютъ чай на свѣжемъ воздухѣ, на столикахъ въ саду, подъ тѣнью деревьевъ. Есть въ садикѣ и такъ-называемая «дѣтская площадка», гдѣ на очень маленькомъ пространствѣ устроены и качели, и деревянная горка для бѣганья, и шестъ для лазанья, и гигантскіе шаги, и

даже каруселя. Иногда площадка бываетъ сплошь покрыта дѣтьми и кишитъ, какъ муравейникъ; тогда между ними появляется одинъ изъ дежурныхъ членовъ комитета или вообще кто-либо изъ взрослыхъ и наблюдаетъ за ними. Когда я вошелъ въ садикъ, на площадкѣ стоялъ веселый шумъ и звонкій смѣхъ доносился оттуда. То веселились дѣти с—скихъ сапожниковъ, не имѣвшія ничего подобнаго до открытія Общества трезвости. Я подошелъ къ нимъ ближе и долго простоялъ тамъ, съ удовольствіемъ смотря на нихъ.

Но не одни сапожники ходятъ въ садикъ. Въ хорошую погоду тамъ съ утра бываетъ разный народъ. То идетъ какая-то небогатая семья съ матерью или старшей сестрой во главѣ и нѣсколькими ребятишками разныхъ возрастовъ. Не смотря на дешевизну чайной, они все-таки несутъ съ собой чай и сахаръ, а калачъ и колбасу покупаютъ въ буфетѣ, потому что это продается тамъ по базарной цѣнѣ. Они проводятъ въ садикѣ цѣлое утро; старшіе изъ нихъ вяжутъ или вышиваютъ, младшіе—играютъ на площадкѣ.

Какъ всѣ они, вѣроятно, рады, что могутъ уйти сюда изъ своей тѣсной и душной квартиры!..

То идутъ сюда дѣти изъ пріюта, у которыхъ нѣтъ своего сада, а вотъ и двѣ молоденькихъ учительницы сидятъ у одного изъ столиковъ и читаютъ вслухъ какую-то книгу: въ комнатахъ—жарко, въ лѣсъ идти—далеко, они и пришли въ садикъ...

И дѣти моего пріятеля и его знакомыхъ идутъ сюда съ удовольствіемъ, бѣгаютъ и играютъ тутъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми.

Каждое утро кто-нибудь да есть въ садикѣ, а по вечерамъ, особенно въ праздникъ, онъ бываетъ иногда переполненъ народомъ. Жаль только, что тамъ нѣтъ никакой музыки,—на это не хватаетъ средствъ. Если бы она была, то число посѣтителей еще увеличилось бы. **В. Л.**

За границей.

Европейскій гордіевъ узелъ. Врядъ ли когда-либо европейскія государства, или, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя носятъ названіе «великихъ державъ» и держатъ въ своихъ рукахъ нити европейской политики, находились въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ въ данную минуту. Надо разрѣшить во что бы то ни стало турецко-армянскій вопросъ, а между тѣмъ турецко-армянскія дѣла представляютъ своего рода гордіевъ узелъ, развязать который повидимому, нѣтъ никакой возможности и, пожалуй, остается только одно — разрубить его. Но въ этотъ узелъ впутаны безчисленныя нити интересовъ различныхъ соперничествующихъ державъ. Естественно, ни одна изъ нихъ не рискуетъ на свой страхъ брать на себя роль Александра Македонскаго въ данномъ случаѣ, опасаясь вызвать нежелательныя международныя осложненія.

Мы присутствуемъ въ настоящую минуту при очень странномъ зрѣлищѣ: въ Константинополѣ происходятъ ежедневно совѣщанія иностранныхъ пословъ, вырабатываются проекты за проектами, вся европейская печать громко вопіетъ о злоупотребленіяхъ турецкой администраціи, о полной несостоятельности турецкаго режима, насиліяхъ и убійствахъ, полномъ разореніи государства, о необходимости реорганизаціи управленія, финансовыхъ и иныхъ реформъ, въ Россіи и вездѣ въ Европѣ открыты сборы пожертвованій въ пользу армянъ, и т. д... и все остается по прежнему.

Сассунскія убійства, о которыхъ мы уже не разъ сообщали читателямъ (см. «М. Б» «Крит. зам.» январь 1896 г., февраль: «За границей», «Зейтунскіе армяне»), вызвали назначеніе европейской международной слѣдственной коммиссіи, которая и была послана на мѣсто событій. Эта коммиссія, составленная изъ турецкихъ чиновниковъ и делегатовъ Франціи, Англіи и Россіи, въ теченіе полугода пробыла въ Мушѣ, собиралась 107 разъ на засѣданія и выслушала 190 свидѣтелей. Въ результатѣ: два тома «Синей Книги», опубликованные англійскимъ правительствомъ и заключающіе въ себѣ всѣ документы слѣдствія, составленные на французскомъ языкѣ, и докладъ, подписанный тремя делегатами и также написанный по французски.

Сассуномъ называется горный округъ, лежащій къ западу отъ озера Ванъ, между долинами Муша и Діарбекира. Онъ весь перерѣзанъ высокими горами, верхушки которыхъ въ теченіе полугода покрыты снѣгомъ и только лѣтомъ могутъ служить пастбищами для скота. Глубокія долины, образуемыя горами, покрытыя прекрасными каштановыми рощами и орошаемыя горными потоками, имѣютъ плодородную почву, но очень узки и поэтому земли, годной для культуры, слишкомъ мало для населенія, тѣмъ болѣе, что вся мѣстность заселена довольно густо.

Населеніе, преимущественно занимавшееся скотоводствомъ и группирующееся въ деревняхъ, состояло почти въ равной пропорціи изъ курдовъ и армянъ: 15.000 курдовъ и 12.000 армянъ. Однако, оно не смѣшивалось и занимало отдѣльные округи, границею которыхъ служила возвышенность Совасоръ-Дагъ. Курды пріютились въ восточной части, армяне—въ западной. Прежде даже Порта признавала между ними лишь одно различіе: религію. И тѣ, и другіе вели одинаковый образъ жизни, лѣтомъ—въ горахъ, со стадами, зимою—въ деревняхъ. И тѣ, и другіе были настоящими горными жителями, проникнутыми духомъ независимости и сознаніемъ неприступности своей страны. Незамѣтно было и слѣда религіознаго фанатизма, хотя одни были мусульмане, другіе—христіане, но если даже между ними и бывали столкновенія, обмѣнъ оскорбленій и выстрѣловъ изъ за кокого-нибудь пастбища или горнаго источника, то дѣло никогда все-таки не заходило далеко, не было никакой, ни религіозной, ни иной вражды, и сами армяне заявляютъ, что до 1890 года они не имѣли повода жаловаться на курдовъ.

Надо прибавить, что какъ курды, такъ и армяне сохранили прежній полупатріархальный бытъ и составляли отдѣльныя общины или «кланы», управляемые старѣйшимъ въ семьѣ. Но курды, въ качествѣ мусульманъ, считали себя прирожденными владѣльцами земли, и армяне не оспаривали ихъ правъ и безпрекословно уплачивали имъ дань за право пользованія этою землею. Тутъ существовали точно такія же отношенія, какія до сихъ поръ сохранились въ европейской Турціи, въ долинѣ Коссово, между мусульманами албанцами и христіанами славянами. Каждый курдскій «ага», также какъ и каждый албанскій «бей», получалъ дань съ извѣстнаго числа христіанскихъ семействъ и за это обязывался ограждать эти семьи отъ нападеній и, такъ сказать, являлся ихъ защитникомъ. Но курды даже были менѣе взыскательны, чѣмъ албанскіе беи, такъ что, пожалуй, судьба армянъ въ этомъ отношеніи была даже завиднѣе судьбы славянъ долины Коссово.

Такъ жили армяне и курды. Курдъ говорилъ: «мои армяне»; армяне называли его: «нашъ ага». Каждый армянскій домъ и каждая армянская деревня находилась такимъ образомъ

въ зависимости отъ нѣсколькихъ курдскихъ «ага», которые и могли располагать этою деревнею и домомъ, какъ и всякою другою собственностью, т. е. продать ее, отдать въ наемъ или завѣщать. Что касается турецкой власти, представителями которой являлись три губернатора: въ Мушѣ, Сассунѣ и Кульнѣ, то въ теоріи ее признавали и курды, и армяне, но на практикѣ—никто. Большинство этихъ деревень не платило никакихъ налоговъ государству въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ, и ни одинъ изъ губернаторовъ не пробовалъ требовать этой уплаты, пока не наступили другія времена.

Налоги въ Турціи идутъ только на поддержаніе центральной власти. Всѣ формы администраціи, гражданская, судебная, военная и т. д., не играли никогда никакой иной роли и не служили ни для чего иного, какъ для вытягиванія денегъ изъ народа и доставленія ихъ въ Константинополь. Если назначается какое-нибудь слѣдствіе, то оно имѣетъ только одну цѣль: вытянуть какъ можно больше денегъ со всѣхъ лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему. Часть вытянутыхъ денегъ, весьма небольшая, впрочемъ, расходуется на мѣстныя нужды, остальное отправляется въ столицу или, вѣрнѣе, во дворецъ; при этомъ значительная часть суммъ прилипаетъ къ рукамъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ и остается въ министерствахъ. То, что достигаетъ, наконецъ, столицы, всегда оказывается недостаточнымъ. Надо содержать на эти средства цѣлую армію придворныхъ, солдатъ, шпіоновъ, евнуховъ, секретарей и т. п. Всѣ эти люди необходимы для охраненія драгоцѣнной личности султана, живущаго въ постоянномъ болѣзненномъ страхѣ за свою безопасность. Изъ этого страха извлекаютъ свои личныя выгоды сотни тысячъ людей. Судите сами: всѣ не довѣряютъ другъ другу; надо имѣть сирійскую стражу, чтобы она могла въ случаѣ надобности защитить отъ албанской стражи, надо цѣлый отрядъ христіанскихъ шпіоновъ, чтобы они слѣдили за мусульманскими шпіонами. На все это нужны деньги и деньги! Деньги на жалованье, награды, повышенія и т. д. Надо же поощрять всѣхъ этихъ людей, вызывать ихъ рвеніе, и губернаторы провинцій все чаще и чаще получаютъ требованія высылки денегъ въ столицу. Прежде, когда не былъ еще проложенъ телеграфъ, нельзя было такъ часто тревожить губернаторовъ подобными требованіями, иногда курьеру нуженъ былъ мѣсяцъ, чтобы доѣхать до какого-нибудь города въ глуби Малой Азіи, да мѣсяцъ на обратное путешествіе. Губернаторъ отвѣчалъ письменно, извиняясь, что не можетъ прислать денегъ, ибо не откуда ихъ взять. Теперь не то. Польза, которую извлекла турецкая центральная власть изъ проведенія телеграфовъ, заключалась именно въ томъ, что она стала допекать губернаторовъ требованіемъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ. Изъ дворца телеграфируютъ одному изъ губернаторовъ: «Вышлите немедленно 500 фунтовъ (12.000 фр.)».— Губернаторъ отвѣчаетъ: «Налоги всѣ уже внесены, взять неоткуда». Новая телеграмма: «Пришлите сто фунтовъ». — Отвѣтъ: «Касса пуста». — Опять телеграмма изъ дворца: «Необходимо во что бы то ни стало 50 фунтовъ».

Губернаторъ знаетъ, что отказъ съ его стороны повлечетъ немедленную отставку или что-нибудь еще хуже. Онъ обѣщаетъ выслать двадцать фунтовъ и его оставляютъ въ покоѣ.

Но гдѣ взять эти двадцать фунтовъ? Губернаторъ знаетъ, что этимъ дѣло не ограничится, и отъ него снова потребуютъ денегъ, между тѣмъ онъ извлекъ все, что можно, изъ населенія и прямыми, и косвенными путями.

*

Надо, значитъ, изобрѣсти какіе-нибудь новые способы добыванія денегъ.

Когда, въ 1892 году, губернаторъ Муша былъ поставленъ въ трудное положеніе постоянными требованіями денегъ, ему пришло на мысль, что онъ можетъ воспользоваться Сассуномъ, какъ новымъ источникомъ доходовъ, и потребовать отъ армянъ уплаты всѣхъ причитающихся съ нихъ налоговъ. Армяне отвѣчали, что они не могутъ служить двумъ господамъ сразу и что они уже платятъ налоги курдамъ. Если правительство хочетъ получать съ нихъ эти налоги, то пусть обезпечитъ ихъ отъ мстительности курдовъ и избавитъ отъ дани, которую имъ приходится выплачивать.

Губернаторъ Муша очень разсердился на такой отвѣтъ, но у него не было средствъ вынудить армянъ къ повиновенію и онъ рѣшился натравить на нихъ курдовъ. Тогда началась религіозная пропаганда, возбужденіе религіознаго фанатизма.

Это дало поводъ сначала къ незначительнымъ стычкамъ между армянами и курдами, но скоро разгорѣлась настоящая вражда, такъ какъ и среди армянъ появился какой-то таинственный агитаторъ, возбуждавшій ихъ противъ курдовъ. Этотъ агитаторъ потомъ скрылся, и есть основаніе думать, что это былъ турецкій «agent provocateur».

Когда почва была достаточно подготовлена, губернаторъ Муша объявилъ армянъ бунтовщиками и уже окончательно направилъ противъ нихъ курдовъ. Армяне не хотѣли сдаться и курды должны были отступить послѣ кровопролитной схватки. Въ слѣдующемъ году нашествіе повторилось, но тогда къ курдамъ присоединились и регулярныя войска, посланныя «для усмиренія армянъ». Нашимъ читателямъ извѣстно уже изъ предшествующихъ нашихъ статей, что совершилось тогда въ Сассунѣ. Во всякомъ случаѣ, роль курдовъ тутъ была совершенно второстепенная; они являлись лишь пособниками или сотрудниками турецкихъ властей и притомъ весьма не важными. Въ сущности, курды выполняли только приказаніе турецкихъ войскъ, которыя побуждали ихъ нападать на армянъ, и выполняли они это какъ бы противъ воли, убѣгая при первой возможности и предоставляя регулярнымъ войскамъ раздѣлываться за нихъ.

Сассунскія убійства послужили какъ бы толчкомъ и вызвали цѣлый рядъ подобныхъ же кровопролитій въ разныхъ мѣстахъ. Ужасныя вещи совершились въ Діарбекирѣ, гдѣ до послѣднихъ лѣтъ христіане и мусульмане жили въ добромъ согласіи. Но мало-по-малу мусульманскій фанатизмъ проснулся подъ вліяніемъ искусной пропаганды разныхъ шейковъ и хаджи. Въ Діарбекирѣ главною виновницей кровопролитій явилась, какъ и вездѣ, турецкая власть, въ лицѣ губернатора Аница-паши. Этотъ паша, родомъ изъ Македоніи, съ жаромъ истиннаго ренегата началъ преслѣдовать христіанъ; къ послѣднимъ онъ питалъ, кромѣ того, личную ненависть, такъ какъ европейскіе консулы нѣсколько разъ выводили на свѣжую воду его злоупотребленія и вымогательства и требовали его удаленія. Но наперекоръ требованіямъ посольствъ, султанъ утвердилъ Аница-пашу на его посту, который онъ занималъ сначала только временно.

Изъ собранныхъ слѣдственной коммиссіей данныхъ видно, что христіанъ, всевозможныхъ исповѣданій, погибло въ Діарбекирѣ 1.191; безъ вѣсти пропало—1.000; ранено—286; домовъ разграблено—1.701; лавокъ сожжено—2.448. Въ деревняхъ пропало безъ вѣсти и убито—1.000, и всѣхъ деревень, разграбленныхъ и сожженныхъ—119.

Въ Эрзерумѣ, въ Хартумѣ, въ Алеппо, въ Мерсинѣ, въ Цезареѣ и т. д., вездѣ происходило то же самое. Фран-

цузскій полковникъ Віаларъ, сопровождавшій турецкую коммиссію въ Малую Азію, имѣлъ возможность на мѣстѣ произвести личное разслѣдованіе всѣхъ этихъ фактовъ. Онъ пришелъ въ такое негодованіе, что когда, по его возвращеніи, турецкій военный министръ встрѣтилъ его и протянулъ ему руку, полковникъ, не подавъ своей, отвѣчалъ: «когда какое-нибудь войско ведетъ себя такъ, какъ вело себя ваше войско въ Малой Азіи, его офицерамъ не подаютъ руки!»

Какія послѣдствія имѣло все это для Турціи? Что касается реорганизаціи управленія, то до сихъ поръ въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано; всюду царствуетъ прежній произволъ.

Но число недовольныхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ и къ особѣ султана относятся далеко уже не съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ относились прежде. Его считаютъ не только виновникомъ всѣхъ прискорбныхъ событій послѣдняго времени, но и настоящимъ подстрекателемъ къ убійствамъ, такъ что слова Гладстона «о великомъ убійцѣ» встрѣчаютъ эхо въ Турціи. Во всякомъ случаѣ, вѣдь, около 300.000 человѣкъ погибло въ Турціи въ какіе-нибудь два года, и притомъ въ мирное время.

Чтобы лучше выяснить себѣ положеніе дѣлъ въ Турціи въ данную минуту, необходимо познакомиться нѣсколько ближе съ личностью самого султана Абдулъ-Гамида II, которымъ только и держится весь существующій порядокъ вещей въ Турціи *).

По свидѣтельству всѣхъ, кому только приходилось вступать въ личныя сношенія съ султаномъ, это человѣкъ въ высшей степени пріятный въ обращеніи, нѣсколько сдержанный, но привѣтливый, вѣжливый всегда. Онъ производитъ впечатлѣніе умнаго отъ природы человѣка, но совершенно неразвитаго. Очень застѣнчивый и робкій, онъ, въ то же время, отличается безграничнымъ упрямствомъ, очень набоженъ и суевѣренъ и отличается строгостью своей жизни и добродѣтелью. Даже «младо-турки» (прогрессивная турецкая партія) признаютъ, что «никогда еще на оттоманскомъ тронѣ не было государя, столь безукоризненнаго въ нравственномъ отношеніи, какъ Абдулъ-Гамидъ».

Иностранные дипломаты, которымъ приходилось бесѣдовать съ султаномъ, въ началѣ были въ восхищеніи отъ него, отъ его обращенія и мѣткихъ замѣчаній. Когда Абдулъ-Гамидъ вступилъ на престолъ, многіе въ Турціи надѣялись, что настанутъ лучшія времена. Казалось, такой добрый, нравственный и умный человѣкъ непремѣнно долженъ составить счастье государства, преобразовать гнилую администрацію, съ корнемъ вырвать злоупотребленія и насадить справедливость тамъ, гдѣ царствовали прежде произволъ, притѣсненія и вымогательства. Дѣйствительно, въ началѣ султанъ какъ бы поощрялъ всѣ эти надежды, и одинъ изъ предводителей младо-турокъ, Мурадъ-бей, послѣ разговора съ султаномъ, вынесъ самое свѣтлое впечатлѣніе и увѣренность, что скоро настанетъ новая эра для Турціи.

Но иллюзіи эти продолжались недолго. Скоро всѣмъ пришлось убѣдиться, что ждать перемѣнъ нечего, такъ какъ всѣми помыслами и всѣми дѣйствіями султана руководитъ только одно чувство, окончательно поработившее его волю и подчинившее себѣ всѣ его стремленія; это чувство—страхъ, болѣзненный и непреодолимый. Этимъ страхомъ объясняется все поведеніе султана. Этотъ страхъ сдѣлалъ его очень осторожнымъ, хитрымъ и проницательнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что султанъ—добрый человѣкъ; до послѣднихъ лѣтъ онъ избѣгалъ подписывать

*) Нѣкоторыя подробности о султанѣ см. «М. Бож.» янв. 1896 г., отд. «За границей», «Турція и султанъ».

смертные приговоры, но какъ только у него возникли подозрѣнія, онъ, не стѣсняясь, приговаривалъ сотни людей къ изгнанію или мучительной смерти. Въ 1892 году малѣйшихъ признаковъ волненія среди богословскихъ студентовъ — софтъ было достаточно, чтобы двѣ тысячи человѣкъ были немедленно отправлены въ изгнаніе и сотни ихъ умерщвлены и потоплены въ Босфорѣ.

Жизнь султана мало-по-малу превратилась въ настоящій кошмаръ; ему всюду чудились заговоры и убійцы. Этотъ кошмаръ настолько овладѣлъ имъ, что даже взялъ верхъ надъ его отцовскими чувствами, и султанъ, вынужденный выѣхать изъ дворца въ Стамбулъ, посадилъ своего сына передъ собою, чтобы оградить себя отъ пуль убійцъ. А между тѣмъ онъ чрезвычайно нѣжный и заботливый отецъ, но страхъ рѣшительно заставляетъ его терять голову.

Такое настроеніе главы государства представляетъ очень удобную почву для всякаго рода интригъ и темныхъ дѣяній администраціи, которая извлекаетъ изъ этого свои выгоды. Прежде всего является необходимость содержать цѣлую армію шпіоновъ, доносчиковъ, полицейскихъ и огромную стражу. Всѣ эти люди—настоящіе паразиты государства, не приносящіе ему ровно никакой пользы, но за то требующіе огромной траты денегъ на свое содержаніе. Добрая половина арміи употребляется только на то, чтобы охранять дворецъ султана, и когда онъ совершаетъ свои обязательные выѣзды по пятницамъ въ мечеть, его окружаетъ цѣлое войско; тутъ и кавалерія, и пѣхота, и морскіе отряды, цѣлый сонмъ евнуховъ и т. д. По блѣдности лица султана и его растерянным взорамъ можно подмѣтить, однако, не смотря на всю его сдержанность и умѣнье владѣть собой, что страхъ не покидаетъ его.

Приближенные султана и всѣ люди, которымъ выгоденъ существующій режимъ, всячески стараются поддерживать такое настроеніе своего властелина и еще больше запугиваютъ его разными призраками. Ему говорятъ, что если онъ допуститъ какія-либо послабленія абсолютной власти и рѣшится раздѣлить ее съ кѣмъ-нибудь, то основы государства будутъ потрясены и произойдутъ великія бѣдствія. Его убѣждаютъ, что всякія реформы должны ослабить его власть, вызвать опасное броженіе умовъ, что онъ долженъ желѣзной рукой сдерживать всякіе неспокойные элементы. Поэтому-то султанъ такъ и боится даже намека на какое-либо измѣненіе режима, такъ опасается расширить полномочія Порты и лишаетъ своихъ министровъ всякой самостоятельности. Онъ требуетъ, чтобъ всѣ дѣла препровождались къ нему и дѣйствительно проводитъ дни и ночи за разборомъ всякихъ донесеній, докладовъ и т. п. бумагъ. Но, желая сосредоточить все въ своихъ рукахъ, онъ, въ сущности, знаетъ только то, что желаютъ довести до его свѣдѣнія, и рѣшаетъ дѣла такъ, какъ желаетъ его придворный штатъ. Этотъ штатъ составляетъ въ настоящее время главную силу въ Турціи. Онъ контролируетъ все, слѣдитъ за всѣмъ, доводитъ до свѣдѣнія султана то, что считаетъ нужнымъ, представляя все въ извѣстномъ свѣтѣ, и сносится съ административною властью непосредственно, помимо Порты, которая находится подъ гнетомъ всемогущей придворной клики.

Волненія и безпорядки въ Константинополѣ, прокламаціи младо-турецкой партіи, статьи иностранной печати,—все это еще болѣе усилило страхъ султана и вызвало увеличеніе репрессалій. Приближенные султана, пользуясь этимъ, стараются снискать расположеніе своего повелителя и доказать ему свою преданность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добиться новыхъ субсидій, открывая несуществующіе за-

говоры и всюду отыскивая крамольниковъ. Самыхъ незначительныхъ словъ теперь достаточно, чтобы навлечь подозрѣнія и вызвать обыскъ и арестъ. Печать подверглась самой строгой цензурѣ. Ни въ школахъ, ни въ печати нельзя высказывать теперь мнѣній, имѣющихъ сколько-нибудь либеральный оттѣнокъ. Въ одной газетѣ были, между прочимъ, зачеркнуты цензурой слѣдующія слова: «патріотическія усилія», «жертва», «свобода», «бѣдствіе», «возмущеніе», «справедливость», «нація», «безуміе» и др.

Послѣ сассунскихъ избіеній султанъ, побуждаемый иностранными послами, обѣщалъ реформы. Онъ увѣрялъ, что реформы уже готовы и что не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ онѣ будутъ опубликованы. Но проходили мѣсяцы за мѣсяцами и введеніе реформъ все откладывалось. Когда сассунская международная слѣдственная коммиссія обнародовала свой докладъ, султанъ снова повторилъ свои обѣщанія. Еще только мѣсяцъ и Турція будетъ реорганизована. Но миновало много мѣсяцевъ и никакой перемѣны не было и слѣда. Новые безпорядки, рѣзня въ Стамбулѣ въ сентябрѣ прошлаго года и вслѣдъ затѣмъ цѣлый рядъ систематическихъ кровопролитій въ Малой Азіи,—вотъ чѣмъ ознаменовались обѣщанія султана! И Европа продолжаетъ ждать, а послы ея совѣщаться. Что будетъ изъ этихъ совѣщаній—неизвѣстно.

Голодъ и чума въ Индіи. Рѣдко на долю другой страны выпадаетъ одновременно столько тяжелыхъ испытаній, сколько выпало ихъ на долю Индіи въ настоящее время. Англоиндійскому правительству приходится вести борьбу въ данную минуту съ двумя самыми ужасными бѣдствіями: голодомъ и страшною эпидеміей, смертность отъ которой принимаетъ по истинѣ фантастическіе размѣры.

Голодъ представляетъ явленіе довольно частое въ Индіи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе преимущественно занимается разведеніемъ риса, почти каждыя 10—12 лѣтъ бываетъ неурожай вслѣдствіе засухи. Иногда засуха бываетъ настолько продолжительна и занимаетъ настолько большое пространство, что наступаетъ настоящее голодное бѣдствіе, какое наблюдается и въ нынѣшнемъ году. Самый страшный голодъ былъ въ Индіи въ 1866 году, когда погибло около семи съ половиною милліоновъ человѣкъ. Въ 1874 году повторилось то же самое. Вся Бенгалія со своимъ 15-ти-милліоннымъ населеніемъ страдала отъ голода, но быстрыя мѣропріятія британскаго правительства не допустили бѣдствіе принять слишкомъ большіе размѣры. Тогда правительство организовало доставку хлѣба, казенную и частную, и голодъ былъ скоро парализованъ. Но затѣмъ голодъ снова разразился надъ южными провинціями Индіи, гдѣ населеніе достигаетъ 23-хъ милліоновъ. Это было въ 1877 году послѣ необычайно пышнаго празднованія въ Дели провозглашенія королевы Викторіи императрицею Индіи. Не смотря на подвозъ хлѣба сухимъ и морскимъ путемъ и энергичныя мѣропріятія правительства, бѣдствіе приняло небывалые размѣры, и отъ голода и послѣдовавшихъ затѣмъ повальныхъ болѣзней погибло также около пяти милліоновъ человѣкъ. Съ той поры уже въ бюджетъ Индіи была занесена статья, учреждающая ежегодный взносъ въ полтора милліона фунтовъ стерлинговъ, образующихъ такъ называемый фондъ на случай голода. Если въ данномъ году урожай хлѣба вполнѣ удовлетворительный и потребности въ расходованіе этого фонда не существуетъ, то онъ употребляется на мѣры предупрежденія этого бѣдствія въ будущемъ, улучшеніе путей сообщенія, искусственное орошеніе и т. д.

Однако, бываютъ такіе несчастные годы, какъ нынѣшній, когда бѣдствіе

принимаетъ столь широкіе размѣры, что обыкновенныхъ средствъ для борьбы съ нимъ оказывается недостаточно. Въ началѣ индійское правительство думало справиться съ нимъ собственными средствами и даже отказалось отъ предлагаемой помощи не только иностранныхъ государствъ, но даже Англіи. Въ настоящее время оно уже убѣдилось, что бѣдствіе далеко превышаетъ всѣ его предвидѣнія и что надо позаботиться не только о настоящемъ, но и о будущемъ, въ виду того, что къ веснѣ тысячи индусовъ останутся безъ хлѣба, запасы котораго совершенно должны изсякнуть. Вслѣдствіе этого теперь организована національная подписка, которая уже дала нѣсколько милліоновъ. Всѣ европейскія націи также пришли на помощь Индіи, организовавъ у себя подписку въ пользу голодающихъ индусовъ.

Но одновременно съ голодомъ разразилось надъ Индіей другое страшное бѣдствіе—чума.

Въ 1894 году чума, занесенная изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Китая (плоскогорье Юннанъ), гдѣ она свирѣпствуетъ эпидемически, появилась внезапно въ Кантонѣ и въ нѣсколько недѣль унесла до 60.000 жертвъ. Оттуда эпидемія распространилась въ Гонконгъ, затѣмъ перешла въ Макао, Хайнанъ и на островъ Формозу. Въ концѣ прошлаго года она появилась въ Бомбеѣ.

Первые случаи чумы были констатированы врачами въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но ради предосторожности, чтобы не вызывать паники среди населенія, муниципальный совѣтъ рѣшилъ не объявлять объ этомъ. И болѣзнь была названа «бубонною лихорадкой» (bubonic feves). Сначала она не имѣла дѣйствительно такого злокачественнаго характера и почти исключительно сосредоточивалась въ туземныхъ кварталахъ. Среди европейцевъ заболѣваній не было вовсе. Однако, начиная съ октября, болѣзнь появилась и въ другихъ кварталахъ города, и чѣмъ дальше, тѣмъ она захватывала большій районъ. Вмѣстѣ съ этимъ возрастала и смертность, достигшая теперь по истинѣ ужасающихъ размѣровъ.

Бомбей пустѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Прежде, чѣмъ были приняты соотвѣтствующія мѣры, часть населенія уже разбѣжалась, объятая паникой. Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія одинъ изъ путешественниковъ, князь Божидаръ Карагеоргіевичъ, посѣтившій Бомбей въ декабрѣ прошлаго года: «Въ индусской части города, на базарѣ, среди торговыхъ улицъ, почти безлюдныхъ, если принять во вниманіе необычайную густоту населенія въ Бомбеѣ, все покрываетъ рѣзкій запахъ карболовой кислоты. Биржа закрыта, большинство фабрикъ прекратили работы и число лицъ, покинувшихъ городъ за послѣднія недѣли, вычисляется въ 250.000. По вечерамъ масса народа, не успѣвшаго попасть ни на одинъ изъ отходящихъ поѣздовъ, толпится у желѣзнодорожнаго вокзала. Цѣлыя толпы кули у рѣшетки кассы, съ деньгами въ рукахъ, тщетно молятъ, чтобы имъ выдали билеты. Послѣ ухода послѣдняго поѣзда масса оставшихся людей располагается лагеремъ ночевать на мѣстѣ въ ожиданіи утренняго поѣзда».

Распространенію эпидеміи много способствуютъ религіозные предразсудки. Индусы тщательно избѣгаютъ больницъ, отчасти вслѣдствіе существующаго въ нихъ смѣшенія кастъ. Парсы, составляющіе большую часть бомбейскаго населенія, также не идутъ въ больницы вслѣдствіе религіозныхъ причинъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ туземцы, по возможности, скрываютъ своихъ больныхъ, такъ что трудно установить вполнѣ точную статистику заболѣваній и смертности. Зараза до до сихъ поръ щадитъ европейцевъ и среди нихъ очень мало жертвъ.

Заболѣваютъ преимущественно низшіе классы населенія, зажиточные же и образованные туземцы гораздо рѣже подвергаются заболѣваніямъ. Это прямо указываетъ, какое огромное вліяніе имѣетъ образъ жизни и санитарныя условія, такъ какъ при соблюденіи чистоты и гигіеническихъ правилъ, люди, ежедневно соприкасающіеся съ больными, какъ, напримѣръ, врачи, сидѣлки, санитарные надзиратели и проч. европейцы совершенно не подвергаются заразѣ.

Частыя сношенія съ Индіей, конечно, заставили Европу обратить особенное вниманіе на чумную эпидемію, появившуюся въ этой странѣ. Опасность занесенія чумы признается всѣми и всѣ заговорили о необходимости предохранительныхъ мѣръ. Всѣ европейскія государства, имѣющія непосредственныя сношенія съ Индіей, приняли уже мѣры предосторожности и, кромѣ того, рѣшено организовать международную санитарную конференцію, которая соберется въ Венеціи и займется обсужденіемъ вопроса о международныхъ мѣропріятіяхъ противъ этой ужасной эпидеміи.

Первая эпидемія чумы въ Европѣ, о которой до насъ дошли болѣе или менѣе точныя историческія свѣдѣнія, свирѣпствовала во времена императора Юстиніана, въ VI столѣтіи. Она пришла, повидимому, изъ Египта и распространилась на всю, извѣстную въ то время часть свѣта. Опустошенія, произведенныя ею, были ужасны. Но самая страшная эпидемія свирѣпствовала въ Византіи (въ Константинополѣ) въ 542 году. По сказаніямъ тогдашнихъ историковъ, ежедневно погибало около 5.000. Не хватало мѣста для погребенія умершихъ и, чтобы избавиться отъ труповъ, ими наполняли внутренность укрѣпленій въ Галатѣ и затѣмъ снова замуровывали. Но такъ какъ и это оказывалось недостаточно, то нагружали суда тѣлами умершихъ и отводили ихъ въ открытое море, предоставивъ на волю вѣтра и волнъ.

Много разъ появлялась чума въ Европѣ, большею частью сопровождаясь и голоднымъ бѣдствіемъ. Но до XIV столѣтія, когда эпидемія постепенно охватила всю Европу и подъ названіемъ «черной смерти» унесла сотни тысячъ жертвъ (по Дешамбру: 25 милліоновъ), не существовало точнаго медицинскаго описанія этой болѣзни и, повидимому, съ чумою смѣшивали массу разныхъ другихъ инфекціонныхъ заболѣваній.

Родиною чумы тогда считался Китай — долина Гангеса, Аравія, Египетъ и вся Европа сдѣлались жертвою эпидеміи, которая какимъ-то необъяснимымъ образомъ появилась даже въ Гренландіи. Ни одна страна не избѣгла печальной участи и число жертвъ было очень велико. Укажемъ на нѣкоторыя цифры: въ Неаполѣ, напримѣръ, погибло 60.000, во Флоренціи—96.000, въ Лондонѣ —около 100.000 и т. д. Люди чувствовали себя безсильными противъ этого бѣдствія и прибѣгали къ различнымъ заклинаніямъ, къ мѣрамъ религіознаго характера, церковнымъ процессіямъ и др., а также къ массовому избіенію невѣрныхъ, чтобы умилостивить разгнѣванныя небесныя силы. Мало-по-малу, однако, эпидемія стала ослабѣвать и послѣ того появлялась въ Европѣ лишь въ очень неправильные промежутки времени. Впрочемъ, въ Лондонѣ чума свирѣпствовала довольно-таки сильно въ 1668 г., а въ 1720 г. она появилась въ Марсели. Послѣ того она преимущественно локализировалась въ Египтѣ и отъ нея-то больше всего пострадалъ экспедиціонный корпусъ Наполеона. Тогда именно хирургъ Деженеттъ совершилъ самоотверженный поступокъ, прививъ себѣ гной чумнаго больного, съ цѣлью поднять мужество арміи, доказавъ, что болѣзнь эта не такъ уже безусловно заразительна.

Съ той поры чума уже не появлялась въ Европѣ, кромѣ единственнаго раза, когда она появилась въ Ветлянкѣ въ 1879 г., но оттуда не распространилась никуда.

Въ настоящее время можно считать установленнымъ фактъ, что чума также вызывается присутствіемъ особаго микроба, какъ и огромное большинство другихъ заразныхъ болѣзней. Микробъ этотъ былъ открытъ докторомъ Іерсиномъ, въ 1894 году, во время эпидеміи въ Гонконгѣ. Іерсину удалось выдѣлить и культивировать этого микроба, который въ огромномъ количествѣ находится въ гноѣ чумовыхъ бубоновъ.

Заразительность болѣзни также не подлежитъ сомнѣнію, хотя еще не вполнѣ выяснено, какимъ путемъ передается зараза. Однако, несомнѣнно, что однимъ изъ способовъ передачи ея является непосредственное соприкосновеніе. Страннымъ образомъ зараза дѣйствуетъ и на нѣкоторыхъ животныхъ. Въ Индостанѣ существуетъ народная примѣта, что передъ появленіемъ болѣзни въ какомъ-нибудь домѣ, въ немъ находятъ массы труповъ крысъ. То же самое замѣчается и относительно змѣй; онѣ погибаютъ во множествѣ вблизи деревень, передъ появленіемъ эпидеміи, и шакалы, поѣдавшіе этихъ змѣй, также погибаютъ. Туземцы всегда вѣрно предсказываютъ появленіе эпидеміи по этимъ признакамъ.

Терапія чумы совершенно неизвѣстна, но въ послѣднее время опыты лѣченія больныхъ прививкою ослабленнаго чумнаго яда (противочумной сыворотки) дали настолько благопріятные результаты, что теперь уже всѣ государства серьезно озабочены своевременнымъ заготовленіемъ этой сыворотки. Докторъ Іерсинъ примѣнялъ этотъ способъ въ Гонконгѣ во время чумы также съ большимъ успѣхомъ

Во всякомъ случаѣ, появленіе чумы въ Индіи заставило Европу не на шутку встрепенуться и, быть можетъ, послѣдствіемъ этого будутъ не одни только международныя санитарныя мѣропріятія, но и окончательное выясненіе таинственной болѣзни, отъ которой такъ много разъ страдала Европа, и окончательное истребленіе ея въ тѣхъ очагахъ, въ тропическихъ странахъ, откуда она постоянно грозитъ совершить нашествіе на весь остальной міръ.

Американская университетская жизнь. Хотя американскіе университеты и происходятъ отъ англійскихъ*), но жизнь первыхъ существенно отличается отъ англійской. Въ британскихъ высшихъ школахъ вездѣ существуетъ интернатъ, въ американскихъ студенты пользуются полною свободою въ выборѣ жилища. Однако, американскіе студенты все-таки предпочитаютъ помѣщеніе въ «Dormiteries» -- прилегающихъ къ университету зданіяхъ—частнымъ квартирамъ и отдаютъ преимущество старинным зданіямъ, съ которыми связаны извѣстныя традиціи.

Помѣщеніе американскаго студента состоитъ обыкновенно изъ двухъ небольшихъ комнатъ, спальни и кабинета, большею частью довольно уютно обставленныхъ, и тутъ студентъ пользуется полною свободой; ему только ставится въ обязательство не играть на музыкальныхъ инструментахъ и не производить слишкомъ большого шума послѣ десяти часовъ вечера. Обѣдать онъ можетъ гдѣ угодно, но большинство предпочитаетъ общественную столовую. Изъ 4.500 студентовъ гарвардскаго университета, по крайней мѣрѣ, четвертая часть собирается ежедневно вмѣстѣ для обѣда, завтрака или ужина въ громадной «Memorial

*) Самый старинный американскій университетъ основанъ былъ въ 1636 г. Джономъ Гарвардомъ и названъ имъ въ честь англійской alma mater «Кембриджемъ».

Hall» университета. Эта великолѣпная залабыла построена въ честь гарвардскихъ студентовъ, погибшихъ въ войнѣ за освобо́жденіе, и разукрашена картинами, бюстами, различными скульптурными произведеніями. Каждый студентъ имѣетъ свое мѣсто за столомъ, что и даетъ ему возможность собирать возлѣ себя тѣсный кружокъ друзей среди толпы, наполняющей залу. Прислугу составляютъ негры, около ста человѣкъ.

Кромѣ этой университетской столовой, студенческое общество, состоящее изъ 400 членовъ, устроило свою отдѣльную столовую и буфетъ, гдѣ можно получать обѣды à la carte, чего нельзя имѣть въ «Memorial Hall». Въ общемъ американскіе студенты проживаютъ много. Въ Гарвардѣ и другихъ большихъ университетахъ восточныхъ штатовъ болѣе или менѣе состоятельные студенты проживаютъ въ среднемъ около 500 долларовъ въ годъ (около 1.000 руб.); въ небольшихъ университетскихъ городахъ жизнь обходится много дешевле. Для неимущихъ студентовъ имѣются повсюду общежитія и дешевый столъ, и различныя студенческія ассоціаціи и общества заботятся облегчить имъ пребываніе въ университетѣ.

Большинство университетовъ восточныхъ штатовъ основано было пуританами и до сихъ поръ еще проникнуто пуританскимъ духомъ, поэтому, напримѣръ, потребленіе спиртныхъ напитковъ строго осуждается. Въ одномъ изъ такихъ университетовъ студентамъ разрѣшается покупать «brandy» лишь какъ лѣкарство. Если вы посѣтите гарвардскаго студента въ его кельѣ, онъ, быть можетъ, и угоститъ васъ пуншемъ, но въ собраніяхъ ничего подобнаго не допускается; шоколадъ, кофе, ледяная вода — вотъ единственные напитки, дозволяемые на студенческихъ сборищахъ. Впрочемъ, сборища эти ничего общаго не имѣютъ съ комершами, устраиваемыми германскими студентами. Такія сборища называются «receptions» и на нихъ присутствуютъ обыкновенно приглашенныя дамы и другія посторонніе гости.

Одну изъ выдающихся чертъ американской университетской жизни составляютъ многочисленные студенческіе союзы самаго разнообразнаго характера. Есть союзы, спеціально образованные для практики иностранныхъ языковъ, для ботаническихъ, энтомологическихъ и др. экскурсій съ научными цѣлями. Большинство союзовъ главною своею цѣлью ставитъ организацію преній по разнымъ предметамъ. Такіе союзы прекрасно подготовляютъ студентовъ къ публичнымъ дебатамъ и научаютъ ихъ говорить въ публикѣ. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ студенческихъ ассоціацій, существуетъ еще не мало разныхъ сообществъ, распространенныхъ во всѣхъ университетахъ и обыкновенно обозначаемыхъ какою-нибудь греческою буквой. Всѣ эти сообщества имѣютъ исключительно общественный характеръ и одни изъ нихъ ставятъ условіемъ для принятія въ число своихъ членовъ извѣстное общественное положеніе, другія — какіе-нибудь выдающіеся таланты, научные или литературные, третьи же только требуютъ, чтобы кандидатъ для поступленія въ союзъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы называться вполнѣ приличнымъ и порядочнымъ господиномъ — «a perfect gentleman».

На физическія упражненія и развитіе физической силы въ американскихъ университетахъ обращается вниманія не меньше, чѣмъ въ англійскихъ. Съ 1860 года при каждомъ университетѣ существуетъ прекрасно устроенное гимнастическое заведеніе и всѣ приспособленія для игръ, требующихъ силы и ловкости. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ, напримѣръ, въ Амгеранѣ, занятіе гимна-

стикой, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю считается обязательнымъ для каждаго студента. Но даже и безъ такого обязательства огромное большинство студентовъ весьма охотно занимается гимнастикой. Занятія спортомъ столь же распространены между американскими, какъ и между англійскими студентами. Между іолскимъ и гарвардскимъ университетами устраивается ежегодно такое же знаменитое состязаніе, какое бываетъ между Оксфордомъ и Кэмбриджемъ, только вмѣсто гребной гонки, американскіе студенты состязаются въ игрѣ въ мячъ (фут-боллъ). Іолскій и гарвардскій университеты—старѣйшіе въ Америкѣ. Состязаніе происходитъ въ Спрингфильдѣ, находящемся на полпути разстоянія между обоими университетскими городами, Бостономъ и Нью-Гавеномъ. Въ день состязанія безчисленные экстренные поѣзда бываютъ переполнены. Десятки тысячъ людей устремляются въ Спрингфильдъ и заполняютъ трибуны, нарочно устроенные для этой цѣли. На одной сторонѣ помѣщаются сторонники одного, на другой—другого университета и также какъ и въ Англіи, дамы одѣваются въ платья цвѣта университета; сторонницы Гарварда надѣваютъ красный цвѣтъ, а сторонницы Іола—свѣтло-голубой, мужчины же прикалываютъ соотвѣтствующія кокарды.

Надо побывать на этомъ праздникѣ, имѣющемъ чисто національный характеръ, чтобы составить себѣ понятіе, какъ возрастаетъ энтузіазмъ толпы. Игроковъ, одѣтыхъ въ цвѣта университета, привѣтствуютъ восторженными криками. Пѣніе университетскихъ гимновъ подхватывается тысячами голосовъ и далеко разносится въ воздухѣ. Черезъ каждыя пять минутъ разсылаются телеграммы во всѣ университетскіе города о положеніи игры и результаты немедленно сообщаются толпѣ, буквально осаждающей всѣ редакціи и съ такимъ же напряженіемъ ожидающей извѣстій, какъ о результатахъ какого-нибудь сраженія, рѣшающаго судьбу цѣлой націи.

Американскіе студенты вообще чрезвычайно привязаны къ своей alta mater и очень гордятся ею. Связь съ университетомъ никогда не порывается, что особенно бываетъ замѣтно въ день такъ-называемаго «общаго собранія», которое бываетъ весной. Въ этотъ день въ Гарвардѣ или Іолѣ собираются цѣлыя поколѣнія бывшихъ студентовъ и вспоминаютъ свое прошлое. Тутъ можно видѣть людей тридцать и болѣе лѣтъ какъ уже кончившихъ университетское обученіе. Иногда одновременно подъ кровлею университета собираются не только отцы и дѣти, но даже дѣды, и старички съ умиленіемъ смотрятъ на молодежь, вспоминая доброе старое время.

Пропаганда мира въ Европѣ. Истекшій годъ ознаменовался выдающимся фактомъ, который долженъ заставить возликовать друзей мира. Между Англіей и Соединенными Штатами выработано соглашеніе о третейскомъ судѣ, трактатъ котораго уже подписанъ. На основаніи его всѣ разногласія и недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть между Великобританіей и Соединенными Штатами, будутъ подлежать рѣшенію третейскаго суда. Постоянный третейскій судъ будетъ состоять изъ трехъ лицъ для каждой державы. Если эти шесть судей не придутъ къ соглашенію относительно какого-нибудь спорнаго вопроса, будетъ выбранъ седьмой судья. Въ случаѣ, если которая-нибудь изъ державъ заявитъ протестъ противъ рѣшенія этого суда, приговоръ будетъ подвергнутъ разсмотрѣнію новаго трибунала, состоящаго изъ трехъ англійскихъ и трехъ американскихъ судей. Рѣшеніе большинства въ данномъ случаѣ уже будетъ считаться окончательнымъ и безапелляціоннымъ.

Не въ первый разъ двѣ націи заключаютъ подобный договоръ. Статья о третейскомъ судѣ включается теперь обыкновенно во многіе коммерческіе трактаты. Независимое государство Конго и французская республика заключили подобное же условіе подвергать рѣшенію третейскаго суда всѣ споры, которые могутъ возникнуть по поводу африканскихъ владѣній. Но въ первый еще разъ подобный договоръ заключаютъ двѣ великія державы, располагающія значительными и хорошо организованными военными и морскими силами, рѣшивъ никогда не прибѣгать въ своихъ сношеніяхъ къ грубой силѣ. Фактъ этотъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что обѣ націи, пожелавшія осуществить на практикѣ идеи, проповѣдуемыя всеобщею лигой мира, долгое время были раздѣлены чувствомъ исконной вражды и вѣкового соперничества, не смотря на общность расы и языка. Конвенція, состоявшаяся между ними, положитъ конецъ антагонизму, возникшему съ тѣхъ поръ, какъ американскій союзъ насильственно порвалъ свою связь съ Великобританіей.

Съ другой стороны англо-американскій договоръ возбудилъ подозрительность и нѣкоторыя опасенія въ Европѣ. Уже теперь это замѣтно по отзывамъ европейской печати объ этомъ фактѣ, который считается равносильнымъ заявленію солидарности двухъ великихъ англо-саксонскихъ націй и какъ бы отвѣтомъ на группировку европейскихъ державъ и на постоянные разговоры объ изолированномъ положеніи Великобританіи. Вооруженная Европа даже въ этомъ актѣ мира желаетъ видѣть лишь одну только ловкую дипломатическую и политическую комбинацію и уже теперь помышляетъ о томъ, какъ бы не допустить ея осуществленіе.

Любопытное и характерное явленіе представляетъ также завѣщаніе недавно умершаго богача Альфреда Нобеля, оставившаго все свое громадное состояніе стокгольмскому университету, съ тѣмъ, чтобъ онъ выдавалъ преміи за величайшія открытія въ области химіи, физики и медицины, за лучшія литературныя произведенія идеалистическаго направленія и за труды по дѣлу о сближеніи народовъ и осуществленіи идеи мира. Страннымъ образомъ, именно тотъ самый человѣкъ, изобрѣтатель динамита, который своимъ изобрѣтеніемъ, касающимся техники войны, оказалъ такія огромныя услуги современному военному искусству, пожелалъ употребить часть своего огромнаго состоянія на поощреніе пропаганды мира. По словамъ знающихъ его, Нобель былъ всегда сторонникомъ мира и врагомъ милитаризма, но доказывалъ, что одною проповѣдью трудно бороться. Онъ полагалъ, что только союзъ государствъ, направленный противъ того, кто осмѣлился бы нарушить миръ, въ состояніи обезпечить этотъ миръ Европѣ. Нѣкоторые даже склонны видѣть въ изобрѣтеніяхъ Нобеля результатъ обдуманной борьбы съ милитаризмомъ. Эту мысль высказываетъ, между прочимъ, и баронесса Зуттнеръ, извѣстная дѣятельница лиги мира, съ которою Нобель былъ знакомъ и состоялъ въ перепискѣ. По мнѣнію баронессы Зуттнеръ, чѣмъ совершеннѣе и разрушительнѣе будутъ орудія войны, тѣмъ съ большею тщательностью государства будутъ избѣгать легкомысленныхъ выходовъ въ политикѣ, могущихъ вызвать войну. Нобель же находилъ, что прогрессъ науки, въ чемъ бы онъ ни выражался, всегда служитъ дѣлу мира. Всякое новое открытіе, говорилъ онъ, оставляетъ въ мозгу человѣчества такіе слѣды, благодаря которымъ становится возможнымъ появленіе въ слѣдующемъ поколѣніи еще болѣе сильныхъ мозговъ, способныхъ воспринять «великія культурныя идеи».

Еще одна любопытная черта: выполненіе послѣдняго пункта своего завѣщанія, гдѣ говорится о поощреніи дѣятельности, направленной къ осуществленію идеи мира, Нобель возложилъ на норвежскій парламентъ— хотя самъ онъ шведъ и при томъ именно теперь, когда отношенія между обоими скандинавскими государствами особенно обострились. Этимъ Нобель какъ бы призналъ заслуги норвежскаго парламента, который первый отнесся къ межпарламентской конференціи мира, какъ къ оффиціальному учрежденію, и командировалъ депутатовъ на эту конференцію.

Швабская деревня въ Кордильерахъ. Одинъ изъ современныхъ молодыхъ германскихъ поэтовъ, Пауль Ремеръ, въ поискахъ за новыми впечатлѣніями и ощущеніями, вздумалъ лѣтомъ совершить путешествіе въ Венецуэллу. Тропическая природа вдохновила его и въ результатѣ явилась недурная маленькая книжка, изобилующая поэтическими описаніями природы, характера и нравовъ южно-американскаго населенія, говорящихъ въ пользу наблюдательности автора и его поэтическаго чутья. Мы не будемъ останавливаться на описаніяхъ венецуэллской природы, но въ книгѣ есть глава, представляющая интересъ совсѣмъ иного рода. Въ ней авторъ разсказываетъ, какъ онъ случайно наткнулся на нѣмецкую деревню, затерянную въ чащѣ дѣвственнаго лѣса, въ Кордильерахъ.

«Въ гаціендѣ, въ которой я прожилъ нѣсколько времени въ окрестностяхъ Валенсіи, — разсказываетъ авторъ,—я встрѣтился съ однимъ нѣмцемъ плантаторомъ, который и сообщилъ мнѣ, что въ горахъ, на высотѣ 2.000 метровъ, среди дѣвственнаго лѣса, находится колонія швабскихъ крестьянъ, называемая «колоніей Товаръ». Онъ прибавилъ, что на хорошемъ конѣ я могу добраться туда въ шесть или семь часовъ и что я нисколько не пожалѣю о затраченномъ времени. Колонія была основана въ 1843 году тремя стами переселенцами, большинство которыхъ были швабы изъ Бризгау. Колонисты питали большія надежды, но эти надежды не оправдались; повидимому, почва была неудобна для культуры и притомъ колонія находилась въ очень уединенномъ мѣстѣ, такъ что всѣ эти неблагопріятныя условія мѣшали ей процвѣтать, и существованіе бѣдныхъ колонистовъ съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе и труднѣе. Но швабы народъ упрямый и, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, они все-таки рѣшили не покидать выбраннаго мѣста. Часть, впрочемъ, все-таки ушла изъ колоніи, но тѣ, которые остались, устроились тамъ въ лѣсу, какъ могли, и продолжали жить одиноко, замкнутые въ своемъ тѣсномъ кругу и не смѣшиваясь съ другими расами. Они были такъ изолированы отъ всего остального міра, что міръ о нихъ позабылъ, и колонія въ дѣвственномъ лѣсу перешла въ область легендъ. Не такъ давно одинъ изъ путешественниковъ случайно наткнулся на эту колонію, представляющую настоящій остатокъ старинной Германіи до 1848 года, сохранившійся въ полной неприкосновенности среди ничѣмъ ненарушаемаго уединенія дѣвственнаго лѣса, высокихъ горъ и ущельевъ».

Разумѣется, такой разсказъ долженъ былъ подѣйствовать на воображеніе поэта, и Ремеръ тотчасъ же пустился въ путь въ сопровожденіи туземнаго проводника. Подъ проливнымъ дождемъ онъ взобрался на гору и очутился въ дѣвственномъ лѣсу, пораженный красотою и великолѣпіемъ окружающей его природы.

«Каково было мое удивленіе, судите сами, — разсказываетъ дальше поэтъ, — когда послѣ семичасового странствованія по дѣвственному лѣсу,

я вдругъ увидалъ передъ собой, въ лѣсной прогалинѣ, низенькіе домики швабской деревни! Дѣло было подъ вечеръ. Дымъ выходилъ изъ всѣхъ трубъ, разсѣеваясь въ сѣроватомъ сумракѣ. Дождь продолжалъ идти. Весь этотъ сумрачный колоритъ, лежавшій надъ пейзажемъ и свинцовыя тучи, нависшія надъ головой, лишали южную природу ея характерныхъ особенностей, и мнѣ невольно казалось, что я какимъ-то волшебствомъ очутился на своей родинѣ. И дѣйствительно, передо мною былъ клочокъ моей родины, затерявшейся на чужбинѣ. Мнѣ даже казалось, что меня ждутъ, и я пустилъ лошадь рысью, приближаясь къ деревнѣ, точно сынъ, спѣшившій на свиданіе со своею матерью.

— Какая ужасная погода сегодня!— Такими словами привѣтствовали меня на самомъ чистомъ швабскомъ діалектѣ, когда я сошелъ съ лошади у перваго домика въ деревнѣ, но вслѣдъ затѣмъ я услышалъ и другія слова, выражающія радушное привѣтствіе. Хозяинъ дома, у котораго я остановился, Вильгельмъ Ру, молодой человѣкъ, вмѣстѣ со своею женой и дѣтьми и со всѣми родственниками и соплеменниками, привѣтствовалъ меня, какъ соотечественника и друга. Бабушка моего хозяина, здоровая и крѣпкая женщина, несмотря на свои годы, какъ-то особенно обрадовалась моему прибытію. Она была очень разговорчива и тотчасъ же стала передавать мнѣ свои воспоминанія. Она разсказала мнѣ о своей деревнѣ въ Швабіи, откуда она уѣхала давно, очень давно, когда была еще совсѣмъ молоденькая, вмѣстѣ со своимъ мужемъ, и «съ той поры мы болѣе ничего не знаемъ о своей родинѣ». Затѣмъ, она подробно разсказывала о своемъ отъѣздѣ изъ Гавра, о путешествіи по дѣвственному лѣсу, объ устройствѣ колоніи. Я узналъ отъ нея все, что касалось ея семьи, сколько у нея было дѣтей, внуковъ, кто и какъ живетъ и т. д. Передо мною раскрывалась картина цѣлой долгой трудовой человѣческой жизни, которая протекла вдали отъ всякихъ мірскихъ треволненій, не ознаменовалась никакими крупными событіями и, тѣмъ не менѣе, поражала богатствомъ своего внутренняго содержанія. Старикъ Ру, ея мужъ сидѣлъ тутъ же: онъ не прерывалъ ея разсказа и только изрѣдка, въ знакъ одобренія, кивалъ головой, не вынимая трубки изо рта. Я скоро познакомился со всѣми стариками деревни, которые принимали участіе въ основаніи колоніи. Одинъ изъ нихъ, Симонъ Мюссль, особенно много разсказалъ мнѣ о первоначальныхъ временахъ колоніи. Его жилище носило отпечатокъ самой первобытной простоты и суровости. Большой деревянный столъ, большая скамья у стѣны— вотъ и вся меблировка его комнаты, единственную роскошь убранства которой составляло большое кресло съ высокою спинкой, въ которомъ сидѣлъ почтенный старецъ. Онъ мнѣ повѣдалъ, какія надежды питали онъ и его спутники, когда основали свою колонію среди дѣвственнаго лѣса. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться; жизнь становилась все труднѣе и труднѣе и многіе не выдержали суровой борьбы. Но тѣ, которые остались, не захотѣли бросать колоніи и устроились понемногу. Съ нѣкотораго времени впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ молодые занялись разведеніемъ кофейныхъ плантацій, дѣла колоніи пошли лучше. «О молодые!— прибавилъ старикъ. — Они живутъ совсѣмъ не такъ какъ мы. Они— точно принцы!» И онъ указалъ мнѣ при этомъ на своего сына, высокаго, здороваго молодого человѣка, хозяина фермы, одѣтаго въ грубое домодѣльное сукно. Я посмотрѣлъ на него и подумалъ, что надо имѣть совсѣмъ особенное представленіе о «принцахъ», чтобы видѣть въ наружности

молодого шваба нѣчто, напоминающее принца. Единственное различіе между нимъ и отцомъ заключалось лишь въ томъ, что онъ курилъ сигару, тогда какъ отецъ его оставался вѣренъ своей національной трубкѣ.

Вечеромъ, такъ какъ было воскресенье, то, несмотря на продолжающійся дождь, въ домѣ Ру, представлявшемъ нѣчто вродѣ постоялаго двора, собралась вся деревня. Таковъ былъ обычай: проводить воскресные дни всѣмъ вмѣстѣ. Молодежь занялась игрою въ кегли, а старички и пожилые люди разсѣлись вокругъ столиковъ и за кружкою вина вели бесѣду о погодѣ, о жатвѣ, о разводкахъ кофе и т. д. Когда стало совсѣмъ темно, послышались звуки гармоніума и молодые голоса затянули пѣсни. Это были старинныя пѣсни, пѣсни нашихъ праотцевъ, давно уже всѣми забытыя въ Германіи.

Я сидѣлъ у стола, окруженный крестьянами, и разсказывалъ имъ, что теперь дѣлается на ихъ далекой родинѣ. Они слушали меня со вниманіемъ и съ удивленіемъ, такъ какъ въ ихъ воспоминаніи сохранилась въ полной неприкосновенности прежняя Германія, Германія до 1848 года. Они ничего не знали о современныхъ событіяхъ, о современной Германіи. И то поколѣніе, которое родилось и выросло въ дѣвственномъ лѣсу, знало о своемъ отечествѣ только то, что сообщили ему старики.

Я долженъ былъ подробно разсказывать о великой войнѣ и ея послѣдствіяхъ, о новомъ Берлинѣ и рейхстагѣ, о всѣхъ новыхъ порядкахъ нашей страны, и они слушали меня, притаивъ дыханіе, а между тѣмъ ночь спускалась все больше и больше и скоро глубокая тьма окутала всѣ предметы и скрыла отъ глазъ этотъ остатокъ старинной германской жизни и нравовъ, пріютившійся въ уголку дѣвственнаго лѣса, среди Кордильеровъ, точно «сторожащихъ его неприкосновенность...»

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Humanitarian».—«Popular Science Monthly»

Англійскій критикъ Шерардъ описываетъ въ журналѣ «Humanitarian» свое посѣщеніе Ибсена и вынесенныя имъ впечатлѣнія.

Въ своихъ бесѣдахъ съ Шерардомъ Ибсенъ нѣсколько разъ высказывалъ слѣдующую мысль: «Я только художникъ, а не профессоръ», и когда заговорили объ его доктринѣ, онъ настоящимъ образомъ вспылилъ и сказалъ: «Я не высказываюсь ни въ пользу чего. Я не предлагаю никакихъ лѣкарствъ и вовсе не думаю доказывать что-нибудь въ своихъ драмахъ. Я просто стараюсь описывать жизнь такъ, какъ ее вижу вокругъ себя. Я—норвежскій драматургъ, поэтому и описываю такую жизнь, какую вижу въ Норвегіи. Постоянно толкуютъ о моей доктринѣ. Да у меня нѣтъ никакой доктрины, сколько же разъ я долженъ повторять это?..»

Шерардъ называетъ Ибсена пессимистомъ въ теоріи и мизантропомъ на практикѣ. Ибсенъ постоянно ищетъ одиночества и питаетъ отвращеніе къ семейной жизни. Онъ никогда не навѣщаетъ своего сына, Сигурда Ибсена, также большого мизантропа. Когда Сигурдъ Ибсенъ женился на дочери Бьернстерне Бьорнсона, Ибсенъ даже не пошелъ на свадьбу. Такое отсутствіе общественности представляетъ, по словамъ Шерарда, черту, довольно рѣдкую въ норвежцѣ. Когда онъ сказалъ это Бьорнсону, послѣдній вос-

кликнулъ: «Какой же Ибсенъ норвежецъ? Онъ шотландецъ по происхожденію. Его кальвинистскія убѣжденія въ достаточной мѣрѣ объясняютъ его мрачные взгляды на жизнь и человѣчество».

Единственное развлеченіе Ибсена—это прогулка два раза въ день. Обыкновенно онъ отправляется въ кафе и требуетъ газеты. Ему подаютъ затѣмъ стаканчикъ водки и кружку пива. Онъ ставитъ стаканчикъ съ правой, а кружку съ лѣвой стороны и по очереди прополаскиваетъ ими зубы.

Ибсенъ живетъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ никогда не посѣщаетъ ни общества, ни театровъ и никакихъ увеселительныхъ мѣстъ. Христіанію онъ считаетъ самымъ безнравственнымъ городомъ въ Европѣ и сказалъ Шерарду, что художникъ, берущій свои сюжеты изъ соціальной жизни, нигдѣ не найдетъ такъ много богатаго матеріала, какъ въ этомъ городѣ. Слово «безнравственный» слѣдуетъ понимать въ устахъ Ибсена не въ обычномъ смыслѣ. Въ своихъ драмахъ, какъ онъ говоритъ, онъ рисуетъ «безнравственность» норвежцевъ, но въ нихъ нѣтъ ни одной «безнравственной» сцены въ томъ смыслѣ, какъ сплошь и рядомъ мы видимъ у французскихъ драматурговъ. Ибсенъ ставитъ жизни, а въ томъ числѣ и жизни въ Христіаніи, такія идеальныя требованія, что удовлетворить имъ современная жизнь не въ состояніи. Отсюда его ворчливое отношеніе къ норвежцамъ, которые на всѣхъ иностранцевъ производятъ огромное впечатлѣніе необычайной въ наше время чистотой нравовъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, особенно въ послѣднихъ, гдѣ сохранилась по истинѣ патріархальная чистота и простота, поражающія иностранцевъ. Ибсенъ вообще большой ворчунъ, а его кальвинизмъ придаетъ еще большую остроту этому недостатку характера.

Ученые и врачи не разъ указывали на любопытное явленіе, что такъ называемые идіоты и слабоумные субъекты порою выказываютъ удивительное развитіе какихъ-нибудь спеціальныхъ умственныхъ способностей, совершенно несоотвѣтствующее ихъ общему интеллектуальному уровню. Докторъ Петерсенъ, останавливаясь на этомъ крайне интересномъ явленіи, которое ему приходилось наблюдать самому, разсматриваетъ его въ своей статьѣ, напечатанной въ научно-популярномъ американскомъ журналѣ «Popular Science Monthly» съ научной точки зрѣнія, какъ умственную аномалію.

Всего чаще у индивидовъ, представляющихъ вообще крайне слабое развитіе ума, наблюдается аномальное развитіе слѣдующихъ способностей: математическихъ, музыкальныхъ, спеціальной памяти, способности къ подражанію, къ рисованію, ваянію и къ шахматной игрѣ, а также склонность къ шутовству. Классификацію этихъ способностей очень трудно сдѣлать, такъ какъ онѣ весьма часто комбинируются между собой или же представляютъ различныя уклоненія.

Очень часто у идіотовъ замѣчается поразительная способность къ умственному счисленію. Такъ, докторъ Гове разсказываетъ, что онъ зналъ идіота, едва умѣвшаго говорить, но который считалъ въ умѣ съ поразительною быстротой. Стоило ему сказать возрастъ какого-нибудь человѣка, чтобы онъ немедленно же высчиталъ сколько минутъ этотъ человѣкъ прожилъ на свѣтѣ. Въ Зальцбургѣ жилъ также идіотъ, который рѣшалъ съ такою поразительною быстротой самыя трудныя задачи, что даже возникла идея обучить его математикѣ и сдѣлать изъ него профессора. Но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ онъ не понималъ ничего, даже собственныхъ вычисленій, которыя совершалъ какъ-то автоматически.

Въ штатѣ Виргинія находился негръ изъ Африки, Томъ Фуллеръ, не умѣвшій ни читать, ни писать, но обладавшій поразительными способностями къ счисленію. Когда его однажды спросили: сколько секундъ въ году? —онъ черезъ двѣ минуты отвѣчалъ: 47.304.000. Затѣмъ ему задали другой вопросъ: сколько секундъ прожилъ человѣкъ, которому въ настоящее время 70 лѣтъ, 17 дней и 12 часовъ? Томъ Фуллеръ отвѣтилъ черезъ полторы минуты: 2.210.500.800!

Подобныхъ фактовъ можно найти въ литературѣ не мало, но всѣ они, указывая на поразительное развитіе умственныхъ способностей, въ то же время подтверждаютъ, что у идіотовъ эти способности никогда не бываютъ возвышеннаго характера и выражаются лишь необычайнымъ развитіемъ способности къ умственному счисленію. Затѣмъ, эта способность всегда бываетъ у идіотовъ и дегенератовъ врожденной и инстинктивной. Третью особенность, обусловливающую эту способность, слѣдуетъ искать въ необычайномъ увеличеніи силы зрѣнія, въ чрезмѣрномъ развитіи центровъ зрѣнія. Почти всѣ люди при умственномъ счисленіи прибѣгаютъ къ зрительнымъ образамъ и видятъ передъ собою цифры, производя свои вычисленія. Серефоръ, въ своемъ изслѣдованіи ариѳметическихъ талантовъ, приходитъ къ заключенію, что математическія способности зависятъ: 1) отъ памяти, способной дѣйствовать въ одномъ направленіи нѣкоторое время; 2) отъ быстроты этой памяти; 3) отъ сцѣпленія цѣлой длинной серіи ариѳметическихъ ассоціацій; 4) отъ наклонности къ математикѣ; 5) отъ силы зрѣнія и способности къ зрительнымъ образамъ.

Но объясненія Серефора далеко недостаточны и во всякомъ случаѣ не вполнѣ уясняютъ это явленіе. Нѣкоторые авторы указываютъ также, что у идіотовъ обнаруживается иногда удивительная чувствительность къ звукамъ. Такъ какъ музыка представляетъ самое чувственное изъ всѣхъ искусствъ и наименѣе интеллектуальное, то, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, что музыкальныя способности такъ часто достигаютъ очень высокаго развитія у идіотовъ и дегенератовъ.

Самый любопытный примѣръ этого рода идіотовъ представляетъ негръ Томъ Блиндъ, слѣпой отъ рожденія и различающій только звуки. Онъ могъ повторять слова, но только какъ звуки; самыя же слова не имѣли для него ровно никакого смысла. Онъ иногда повторялъ цѣлые разговоры, ровно ничего не понимая. Его собственная рѣчь была совершенно нечленораздѣльна, но онъ могъ воспроизводить рѣшительно всѣ звуки, которые слышалъ. Онъ повторялъ латинскіе, греческіе и др. тексты и могъ сыграть на фортепіано какую угодно мелодію, только разъ услышавъ ее. Такой же случай передаетъ и Сегенъ въ своемъ сочиненіи объ идіотизмѣ. Онъ разсказываетъ объ идіоткѣ, которая своею способностью запоминать всѣ музыкальныя пьесы и аріи и пѣть ихъ, заинтересовала Листа и Мейербера, посѣтившихъ ее.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ классѣ «ученыхъ идіотовъ» наблюдается большею частью наслѣдственная передача математическихъ и иныхъ способностей и врожденный идіотизмъ. Также какъ и математическія способности, музыкальный талантъ идіотовъ не бываетъ высокаго качества. Онъ ограничивается лишь замѣчательною слуховою памятью и способностью воспроизведенія, но о самопроизвольномъ выраженіи музыкальнаго дарованія и композиторствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Что касается спеціальной памяти, то она весьма часто наблюдается у идіотовъ. Такъ, одни изъ нихъ обладаютъ удивительною способностью за-

моминать имена и фамиліи; другіе помнятъ день рожденія и смерти всѣхъ знаменитыхъ людей, о которыхъ говорили въ ихъ присутствіи. Морель разсказываетъ объ идіотѣ, который могъ сосчитать только до двадцати и между тѣмъ помнилъ всѣ числа въ календарѣ и имена святыхъ на каждый день.

Можно привести цѣлый рядъ случаевъ, указывающихъ на развитіе какой-нибудь спеціальной умственной способности, въ случаѣ атрофіи всѣхъ остальныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ умственною дегенераціей.

Способность подражанія также принадлежитъ къ числу такихъ способностей, одностороннее развитіе которыхъ наблюдается у идіотовъ. Особенно часто наблюдается у нихъ способность подражать крику животныхъ. Одинъ идіотъ, обладавшій такою способностью, былъ даже приглашаемъ участвовать въ увеселеніяхъ.

Иногда эта способность выражается въ другой формѣ. Одинъ идіотъ, напримѣръ, могъ удивительно вѣрно срисовать каждый рисунокъ, смастерить модель корабля и т. д. Такъ, художникъ, Готфридъ Мондъ, снискавшій себѣ извѣстность своими картинами, изображавшими кошекъ, принадлежалъ именно къ числу подобныхъ идіотовъ.

Въ общемъ, однако, какъ мы уже сказали, всѣ эти необыкновенныя способности, обнаруживающіяся у идіотовъ, относятся къ низшему порядку и встрѣчаются только у субъектовъ, представляющихъ всѣ признаки врожденной дегенераціи. Ученыя идіоты не болѣе какъ подражатели во всѣхъ искусствахъ и не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда творческой фантазіи. Причина такого односторонняго развитія, вѣроятно, лежитъ въ чрезмѣрномъ развитіи нѣкоторыхъ участковъ мозга, сопряженныхъ съ атрофіей всѣхъ другихъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Прив.-доц. с.-пет. унив. **М. Ю. Гольдштейна.**

Эмиль Дюбуа-Реймонъ.—Автоматическіе двигатели и ихъ научно-философское и практическое значеніе.—Новыя перспективы въ физіологіи нервной системы и въ физіологической психологіи.—Чествованіе Герберта Спенсера.—25-лѣтіе проф. Ненцкаго.—**Научныя новости и мелочи.**

Недавно скончался одинъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ физіологовъ Эмиль Дюбуа-Реймонъ. Ученый этотъ игралъ первостепенную роль не только въ области нервной физіологіи, но и въ философіи естествознанія вообще, и хотя въ послѣднее время, благодаря своему преклонному возрасту, не работалъ, однако оказанное имъ вліяніе было такъ велико, что и въ настоящее время нельзя было не считаться съ тѣми принципами, которые онъ въ свое время высказывалъ, касаясь вопросовъ философіи естествознанія.

Эмиль Дюбуа-Реймонъ (Du-Boys-Reymond) родился 7-го ноября 1818 г. въ Берлинѣ. Его отецъ, уроженецъ Нейшателя, съ 1804 года окончательно поселился въ Берлинѣ и здѣсь занималъ вплоть до 1843 г. постъ королевскаго совѣтника. Мать его также была француженкою по происхожденію. Такимъ образомъ Дюбуа-Реймонъ, какъ, впрочемъ, и показываетъ его фамилія, былъ по происхожденію французомъ, а нѣмцемъ только по воспитанію; это обстоятельство заставляло его не разъ высказывать въ печати свои сожалѣнія. Во время французско-прусской войны, Дюбуа-Реймонъ напечаталъ статью подъ названіемъ «Vaterland und Friede» (отечество и миръ), въ которой искренно горевалъ о томъ, что носитъ французскую фамилію. Этого, впрочемъ, нельзя ставить ему въ укоръ; кто слѣдилъ за тѣмъ ненормальнымъ озлобленіемъ, какое охватило французовъ и нѣмцевъ во время войны 1870 г. кто читалъ, напримѣръ, замѣчательную статью лейпцигскаго профессора химіи Германна Кольба, въ которой этотъ ученый старался доказать, что Лавуазье почти ничего новаго для химіи не сдѣлалъ, кто, слѣдилъ за тѣмъ, какъ чуть ли не всѣ выдающіеся германскіе и французскіе ученые готовы были унижать другъ друга, того не удивитъ, что это общее теченіе охватило и Дюбуа-Реймона.

Обучаясь въ берлинскомъ и боннскомъ университетахъ, Дюбуа-Реймонъ сначала увлекся философіей и богословіемъ; затѣмъ, онъ сталъ изучать математику, физику и химію и въ 1843 г. получилъ степень доктора медицины. Посѣщая лекціи знаменитаго въ то время физіолога Іогана Мюллера (Iohannes Müller), Дюбуа-Реймонъ увлекся физіологіей и, по указанію своего профессора, обратился къ изученію животнаго электричества, о которомъ въ тѣ времена почти ничего не было извѣстно. Въ 1843 г. молодой ученый опубликовалъ въ «Анналахъ» Поггендорфа свое первое изслѣдованіе по этому предмету; затѣмъ, въ 1848, 1849 и 1860 годахъ вышли три боль-

шихъ тома его знаменитыхъ «Изслѣдованій о животномъ электричествѣ», которыя въ самомъ скоромъ времени стали извѣстны всему міру. Когда, въ 1849 г., Александръ фонъ-Гумбольдтъ сдѣлалъ въ засѣданіи парижской академіи наукъ сообщеніе о нѣкоторыхъ фактахъ, открытыхъ Дюбуа Реймономъ, то эти факты были встрѣчены съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Была назначена спеціальная коммиссія, въ которую вошли Беккерель и Депрэ, и которая должна была провѣрить факты, сообщенные Гумбольдтомъ отъ имени Дюбуа-Реймона. Провѣрка не подтвердила того, что сообщалъ Гумбольдтъ. Черезъ годъ Дюбуа явился въ Парижъ лично, привезъ съ собою всѣ свои приборы, и образованная снова изъ французскихъ ученыхъ—Мажанди, Райера, Беккереля и докладчика Пулье—коммиссія подтвердила полную точность всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ Дюбуа-Реймономъ. Въ 1851 году, молодой, но уже знаменитый, ученый былъ избранъ членомъ берлинской академіи наукъ и читалъ лекціи сначала на медицин-

Эмиль Дюбуа-Реймонъ.
(† 13 дек. 1896 г.).

ескомъ факультетѣ въ Берлинѣ, а затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ Royal Institution въ Лондонѣ. Со смертью Іоганнеса Мюллера Дюбуа-Реймонъ занялъ его каѳедру въ Берлинѣ и не покидалъ ея до самой смерти; онъ основалъ лабораторію экспериментальной физіологіи, изъ которой вышла цѣлая школа молодыхъ физіологовъ, игравшихъ впослѣдствіи крупную роль въ наукѣ. Имена Гайденгайна, Пфлюгера, Мунка, Кюне, Германна, Розенталя, Бернштейна и нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, какъ Сѣченовъ и др.—тѣсно связаны съ лабораторіей Дюбуа-Реймона. Главная философская сторона физіологическихъ работъ знаменитаго ученаго заключалась въ стремленіи изучать такъ-называемыя «жизненныя» явленія помощью всѣхъ тѣхъ пріемовъ, которыми можетъ располагать физика, и притомъ изучать ихъ такъ, какъ изучаются явленія чисто физическія и химическія большой сложности; Дюбуа-Реймонъ былъ глубоко убѣжденъ, что такъ-называемая «жизненная сила» принадлежитъ къ числу тѣхъ метафизическихъ выдумокъ, которыя только мѣшаютъ правильному росту науки. И свои основныя воззрѣнія онъ примѣнялъ и проводилъ какъ въ опытахъ и въ своей теоріи нервныхъ токовъ, такъ и при изученіи нервовъ и мышцъ вообще; и здѣсь, вмѣсто всякихъ жизненныхъ силъ, онъ сталъ примѣнять математическіе, механическіе и физическіе методы изслѣдованія. Вотъ почему Дюбуа-Реймона вмѣстѣ съ Гельмгольтцемъ, Людвигомъ и Брюкке считаютъ основателемъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупнымъ дѣятелемъ той новой школы физіологіи, истиннымъ творцомъ которой должно считать Іоганнеса Мюллера—школы позитивной экспериментальной физіологіи или, какъ ее называли противники—матеріалистической. Отказаться отъ метафизическихъ сущностей, какъ это сдѣлали названные ученые—не значило еще быть матеріалистами. Уже если эту школу требовалось поставить подъ какое-либо философское знамя, то она, вѣроятно, охотнѣе всего стала бы подъ знамя, воздвигнутое недавно скончавшимся, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстнымъ, германскимъ философомъ, Рихардомъ Авенаріусомъ, хотя, впрочемъ, въ отдѣльныхъ своихъ мнѣніяхъ, какъ Дюбуа Реймонъ, такъ и Гельмгольтцъ и другіе ученые этой блестящей плеяды во многомъ разошлись бы съ Авенаріусомъ. Теорія нервныхъ токовъ Дюбуа-Реймона, конечно, уже устарѣла и потеряла свое значеніе, но ея историческое значеніе громадно, не говоря уже о томъ, что, разрабатывая свою теорію, Дюбуа далъ цѣлый рядъ приборовъ (назовемъ хотя бы «санный аппаратъ»), которые и по сіе время имѣются въ каждой физіологической лабораторіи и сдѣлались, такъ сказать, такими же классическими, какими въ физическихъ кабинетахъ являются электрическая машина или воздушный насосъ.

Когда была изобрѣтена паровая машина и впервые употреблена въ дѣло для перемѣщенія судовъ, когда стали строиться первыя желѣзныя дороги и локомотивъ, дыша своей могучей грудью, началъ перевозить тысячи людей съ одного мѣста на другое съ неслыханною дотолѣ быстротою—изумленное человѣчество увѣровало въ всемогущество своего генія и готово было потерять всякія границы въ своей самоувѣренности.

Желѣзнодорожныя сѣти разрослись, какъ паутина передъ хорошимъ, солнечнымъ днемъ; сотни пароходовъ самодовольно крейсировали въ водахъ, не боясь никакихъ «мертвыхъ штилей», увѣренные, что они будутъ приведены туда, куда ихъ желаетъ привести всемогущій человѣкъ, овладѣвшій силою пара.

Но человѣчество привыкаетъ ко

всему, и теперь мы смотримъ равнодушнымъ взоромъ на невѣроятную силу паровыхъ машинъ, повторяя только: «300 лошадиныхъ силъ, 1.400 лошадиныхъ силъ» и не отдавая себѣ даже яснаго отчета въ томъ, что это за штука такая—1.400 лошадиныхъ силъ!

Въ этомъ самоуслажденіи собственными успѣхами мы были готовы воскликнуть «дальше идти нельзя!»

Однако, наука и техника не дремали и постоянно создавали и рѣшали новыя и новыя задачи.

И одною изъ величайшихъ задачъ, рѣшенныхъ именно въ концѣ нашего вѣка, является, по моему глубокому убѣжденію, то, что, можетъ быть, большинству моихъ читателей представляется игрушкою, нѣкоторымъ удобствомъ и больше ничѣмъ.

Эта рѣшенная, или почти рѣшенная, задача есть изобрѣтеніе такъ называемыхъ «аутомобилей», или маленькихъ, недорогихъ «самодвижущихся» экипажей. Быть можетъ, кому-либо покажется увлеченіемъ такой взглядъ на эти маленькія телѣжки и колясочки, уже теперь въ изобиліи движущіяся по улицамъ Лондона и Парижа, и появившіяся въ нѣсколькихъ экземплярахъ даже и у насъ въ Россіи, но я постараюсь въ настоящемъ очеркѣ показать, что мы еще далеко не предвидимъ всѣхъ послѣдствій, какія могутъ имѣть такъ называемые аутомобили въ вопросахъ человѣческой культуры вообще, а культуры Россіи—въ частности.

Но прежде всего, разберемъ вопросъ болѣе общій, такъ сказать, принципіальный, касающійся механическихъ двигателей.

Каждое передвиженіе наше есть извѣстнаго рода работа; для совершенія какой угодно работы, понимаемой въ механическомъ смыслѣ этого слова — ибо психическая работа въ настоящее время не подлежитъ еще никакимъ измѣреніямъ — необходима затрата энергіи, накопленной прямо или косвенно въ работающемъ механизмѣ. Источниками этой энергіи является, главнымъ образомъ, энергія, испускаемая на землю солнечными лучами. Энергія ихъ, путешествуя къ намъ на землю, претерпѣваетъ всевозможныя превращенія—она даетъ жизнь растеніямъ и животнымъ, создаетъ вѣтры и морскія теченія, вызываетъ магнитное состояніе земного шара и т. д. и т. д. Но остановившись на той маленькой станціи, которая называется землею, солнечная энергія скопляется въ различныхъ предметахъ этой земли и распредѣляется въ нихъ сначала, по крайней мѣрѣ, или чисто случайно, или по законамъ, для насъ мало извѣстнымъ. И вотъ, когда эта энергія уже, такъ сказать, осѣла, сконцентрировалась, тогда между предметами, населяющими землю—какъ живыми, такъ и мертвыми, начинается жестокая, часто смертельная, борьба за эту энергію. Животныя борются за эту энергію съ растеніями, борются между собою, борются съ минеральными веществами, борются со стихіями — бурей, вѣтрами, теченіемъ рѣкъ и водопадовъ; растенія борятся между собою, съ животными и съ минеральными веществами. Идетъ, какъ принято говорить, борьба за существованіе. Такъ выражаются біологи. Философъ-натуралистъ скажетъ, что идетъ борьба за ту энергію, которую захватилъ одинъ предметъ и которая нужна другому, но онъ не успѣлъ ее во время захватить или недостаточно приспособленъ для этой цѣли. Солнечную энергію захватила, напримѣръ, вода, обратилась въ паръ и унеслась въ высшіе слои атмосферы; затѣмъ этотъ паръ обратился въ воду и началъ падать внизъ, наполнять рѣки, поднимать ихъ уровень въ извѣстномъ мѣстѣ и ускорять ихъ теченіе. Вся эта вода готова уйти въ море и свою энергію отдать неизвѣстно куда. Но тутъ

является человѣкъ, ставитъ водяныя мельницы, строитъ плотины, устраиваетъ турбины—и все для того, чтобы отнять отъ воды ту солнечную энергію, которую она, вода, готова унести въ океанъ. Растенія—деревья, кусты, любая травка—все сражается за эту энергію. Дерево, гордо поднявшее свои вѣтви надъ другими деревьями, принимаетъ первые лучи солнца, первыя капли падающаго дождя и вмѣстѣ съ ними и ту энергію, которую они принесли; каждая травка тянетъ въ себя упавшую на землю воду и вмѣстѣ съ этой водою поглощаетъ часть принесенной водою энергіи. Воздухъ, отнявшій солнечную энергію и совершающій на ея счетъ свои передвиженія въ видѣ вѣтровъ, тоже не оставляется въ покоѣ—почуствовавъ, что вѣтеръ уноситъ съ собою часть солнечной энергіи и уноситъ ее неизвѣстно куда, человѣкъ вдругъ становится на пути этого вѣтра, устраиваетъ вѣтряныя мельницы, ставитъ паруса и какъ бы говоритъ: «отдай мнѣ часть той драгоцѣнности, которую ты, неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ, отъ меня уносишь!» И вѣтеръ отдаетъ эту энергію, приводитъ вѣтряныя мельницы въ движеніе, надуваетъ паруса и везетъ человѣка, избавивъ его отъ необходимости тратить на такое передвиженіе свои драгоцѣнныя силы.

Растительная пыль, встрѣтивши несущійся вѣтеръ, какъ бы кричитъ ему: «отдай мнѣ часть твоей энергіи, прихвати меня съ собою и разнеси туда, гдѣ во мнѣ нуждаются другія растенія для своего оплодотворенія».

Однимъ словомъ, эта борьба за солнечную энергію представляетъ собою самое общее явленіе жизни земли.

Только частнымъ случаемъ этой міровой борьбы за энергію является борьба за существованіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ ученіе Дарвина и его послѣдователей.

Самые способы борьбы за энергію весьма разнообразны и если они мало измѣняются въ той области, которая называется мертвымъ міромъ, то въ мірѣ живыхъ существъ эти способы подвергаются непрерывнымъ измѣненіямъ или усовершенствованіямъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Когда же борьба за энергію ведется между людьми, то уже являются различные коррективы въ формѣ извѣстныхъ началъ нравственности—личной и общественной.

Разумѣется, показать, какъ этика связана съ борьбой за энергію—дѣло слишкомъ сложное и не можетъ составить предмета настоящаго очерка; но мнѣ хотѣлось бы навести читателя на размышленія о томъ, что очень многія начала нравственности создались на почвѣ борьбы за энергію, создались вполнѣ безсознательно для человѣка, часто имѣя въ своей почвѣ разумнѣйшую трату и разумнѣйшее пользованіе энергіей.

Для того, чтобы пояснить свою мысль о разумнѣйшемъ пользованіи энергіей, я приведу одинъ-два особенно рельефныхъ примѣра.

Представьте себѣ, что въ нѣкоторую завоеванную страну входитъ войско. Стоитъ жестокій холодъ; людямъ необходимо обогрѣться. Передъ ними чудесная роща, передъ ними другая высохшая роща, передъ ними обтесанныя великолѣпныя бревна и, наконецъ, деревянные отличные дома. Войско бросается къ домамъ и, съ цѣлью обогрѣться, зажигаетъ ихъ.

Мы всѣ въ одинъ голосъ скажемъ, что эти люди озвѣрѣли, ибо зачѣмъ же имъ было зажигать дома, когда у нихъ было достаточно лѣсу, чтобы зажечь костры и обогрѣться?! Наше нравственное чувство будетъ возмущено. И мы всѣ согласимся, что нравственнѣе всего поступили бы эти люди, если бы не трогали домовъ, если бы не жгли великолѣпную рощу, если бы не жгли бревенъ, приготовленныхъ для построекъ, а воспользовались дере-

вомъ высохшей рощи. Мотивируя наше возмущеніе, мы сказали бы, конечно: «Помилуйте, развѣ это не звѣрство? Сжечь дома, на постройку которыхъ пошло столько труда, сжечь прекрасную рощу, на поддержаніе которой истрачено столько силъ, сжечь бревна, которыя были обрѣзаны, обтесаны, перенесены на извѣстное мѣсто — и для чего? Для того, чтобы согрѣться, т. е. достигнуть тѣхъ же результатовъ, которые могли быть достигнуты сожженіемъ высохшей рощи?»

Если мы станемъ искать философскаго смысла этого нашего негодованія, то мы его найдемъ въ одномъ только положеніи: количество тепла, развившееся отъ сожигаемыхъ предметовъ, зависитъ только отъ количества сожженнаго дерева. Слѣдовательно, сожжемъ ли мы пудъ хворосту, пудъ деревьевъ, пудъ тѣхъ бревенъ, изъ которыхъ выстроенъ домъ, пудъ того дерева, изъ котораго, напримѣръ, сдѣланъ художественный шкапъ античной работы — тепла получится одинаково (если, конечно, сожигаемый матеріалъ одинаковъ). А между тѣмъ, кто же можетъ сомнѣваться, что на пудъ дерева вырѣзаннаго, обтесаннаго и принявшаго форму дома или античнаго шкапа затрачено гораздо больше энергіи, нежели на пудъ хвороста. То и другое дерево дадутъ тепла одинаковое количество. А куда же дѣнется вся та энергія, которую истратили плотники и строители, созидая изъ этого дерева домъ? Она въ смыслѣ данной цѣли пропадетъ, она не прибавитъ ни на волосъ тепла.

И наше нравственное чувство возмущается такой безумною затратой человѣческой энергіи, вложенной въ постройку дома и не возвращенной, т. е. не принесшей никакой пользы тѣмъ, кто сжегъ этотъ домъ.

Или другой примѣръ: вы закуриваете папиросу посредствомъ зажженной сторублевой бумажки. Всякаго разумнаго человѣка такое дѣйствіе приведетъ въ негодованіе. Почему? Да потому, что сторублевая бумажка (оставляя въ сторонѣ тонкія экономическія и финансовыя соображенія) есть символъ извѣстной энергіи. На нее вы можете купить извѣстное количество, скажемъ, пищевыхъ веществъ, отдать эти вещества людямъ и люди произведутъ извѣстное количество работы; на нее вы можете купить 25 саженъ дровъ, нѣсколько тысячъ коробокъ спичекъ и т. д. А тепла-то она дала вамъ не больше, чѣмъ такихъ же размѣровъ и такого же вѣса обыкновенная бумага. Значитъ вы безсмысленно затратили энергію, не получивъ пропорціональнаго количества теплоты. Но если въ этомъ примѣрѣ еще можно сказать, что то, что потеряно вами или извѣстнымъ небольшимъ кругомъ людей, выигрывается всѣми людьми, какъ этому учитъ насъ теорія денежныхъ знаковъ, то нельзя будетъ того же самаго сказать въ томъ случаѣ, если вы закурите папиросу или зажжете каминъ рукописью какого-либо великаго мыслителя, ибо мысли, содержащіяся въ этой рукописи, не будутъ ни въ какой формѣ возвращены.

На основаніи подобныхъ же соображеній, когда-нибудь человѣкъ перестанетъ убивать животныхъ и съѣдать ихъ мясо, понявъ, что количество энергіи, которое онъ поглощаетъ, съѣвши кусокъ мяса, далеко не равно тому количеству энергіи, которое онъ пустилъ, такъ сказать, на вѣтеръ, убивъ животное. И быть можетъ, то чувство отвращенія, которое мы испытываемъ теперь при видѣ убиваемаго животнаго, получитъ свое объясненіе не только съ точки зрѣнія неопредѣленнаго ощущенія, но и съ точки зрѣнія строго-научнаго принципа о наиразумнѣйшей утилизаціи энергіи.

Это нѣсколько длинное введеніе я предпослалъ только для того, чтобы

поставить читателя на ту почву, на которой, по моему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ стоять при обсужденіи вопроса обо всякихъ «автоматическихъ» двигателяхъ, включая сюда, разумѣется, и вѣтренные, и водяные, и паровые, и газовые, и электрическіе.

Обсудимъ всѣ эти двигатели съ точки зрѣнія наиболѣе разумнаго пользованія солнечной энергіей.

Вамъ нужно перевезти извѣстный грузъ. Это можно сдѣлать различнымъ образомъ: либо человѣкъ впряжется въ телѣгу, на которую грузъ положенъ, либо онъ впряжетъ въ нее то или другое животное, либо, наконецъ, онъ приведетъ ее въ движеніе при помощи пара, электричества, взрывающаго газа, сгущеннаго воздуха и т. д.

Когда самъ человѣкъ перевозитъ грузъ,—работа, совершаемая имъ, человѣкомъ требуетъ затраты составныхъ частей организма; человѣкъ является до нѣкоторой степени паровою машиной, но отапливаемой чрезвычайно дорогимъ топливомъ — *своимъ собственнымъ, накопленнымъ въ организмѣ, жиромъ*. Если же этого жира не хватитъ, то будутъ сгорать мускулы и вообще ткани.

Представьте же себѣ человѣка, который сталъ бы топить какую-либо двигательную машину своимъ жиромъ!

Вѣдь мы бы его назвали сумасшедшимъ. Мы бы всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: «Какъ?! топить машину столь драгоцѣннымъ веществомъ, какъ человѣческій жиръ, когда ее можно топить углемъ или деревомъ!..»

И однако вся та масса рабочаго люда, которая еще такъ недавно замѣняла всевозможныя машины—вѣдь она представляла машины, отопляемыя человѣческимъ жиромъ и человѣческимъ мясомъ.

Это—безумная и ничѣмъ не оправдываемая трата энергіи; ибо, какъ сейчасъ будетъ видно, человѣческій жиръ образуется или изъ животныхъ и растительныхъ жировъ, или изъ крахмалистыхъ веществъ. Если онъ образуется изъ животнаго жира, то, значитъ, мы должны убить животное и воспользоваться тѣмъ жиромъ, который животнымъ накопленъ. Но, вѣдь, не весь животный жиръ обращается въ человѣческій, часть этого жира извергается нами изъ организма прочь и идетъ, такъ сказать, на потребленіе низшаго порядка. И такъ, мы уничтожили извѣстное количество животнаго жира, а усвоили себѣ лишь часть этого жира и, затративши его на ту же самую работу, совершили безполезную растрату, такъ какъ другая часть, извергнутая нами изъ организма, пошла уже не на работу. Но вѣдь въ животномъ была не только та энергія, которою мы воспользовались, убивъ это животное и съѣвъ его—въ немъ было еще много и другой энергіи. Развѣ, спрашивается, убивши животное, мы этой энергіей воспользовались? Нисколько! Она пропала для насъ безполезно. Она, конечно, въ общемъ круговоротѣ энергіи міра не пропала, но истрачена все-таки не цѣлесообразно. Хлѣбъ, которымъ мы питаемся, добывается также уничтоженіемъ, т. е. сожиганіемъ животнаго жира; но такъ какъ работающее животное, истрачивая свой жиръ, истрачиваетъ его лишь частью на работу, а другая часть сжигается на усиленное разогрѣваніе работающаго животнаго, то на хлѣбъ, превращающійся въ нашемъ организмѣ въ жиръ, затрачено жира гораздо больше животнаго, чѣмъ сколько образовалось изъ этого хлѣба нашего жира. Очевидно, слѣдовательно, что нашъ жиръ дороже животнаго жира.

Отсюда вытекаетъ, что для разнаго рода механическихъ работъ цѣлесообразнѣе, съ точки зрѣнія экономіи энергіи, пользоваться животными, ибо они при работѣ сжигаютъ свой жиръ менѣе дорогой, нежели жиръ человѣка.

Вотъ почему человѣчество уже на самыхъ раннихъ ступеняхъ своей культуры нашло выгоднымъ пользоваться услугами животныхъ для различнаго рода работъ, оставивъ для себя лишь тѣ работы которыя, не требуя большой напряженности, требуютъ разнообразія ея.

Развивая соображенія, подобныя только что приведеннымъ, не трудно понять, что и употребленіе животныхъ для производства работъ не представляетъ раціональнаго способа расходованія энергіи, ибо животный жиръ, сжигаемый на производство работы, все-таки слишкомъ дорогое топливо, такъ какъ пудъ животнаго жира стоитъ по крайней мѣрѣ въ сорокъ разъ дороже пуда угля, а работа, совершаемая животнымъ, истратившимъ пудъ своего жира, будетъ далеко не въ 40 разъ больше той, въ которую превратится теплота отъ пуда сожженнаго угля.

Другая невыгодная сторона работающихъ животныхъ организмовъ заключается въ томъ, что совершаемая ими въ теченіе часа работа, вообще говоря, очень невелика, точно такъ же, какъ не велика и напряженность этой работы.

Стало быть, если человѣчество замѣняетъ энергію, скопленную въ живомъ организмѣ, энергію очень дорогую, другою, скопленною, напримѣръ въ каменномъ углѣ, въ деревѣ, нефти, движущейся водѣ, вѣтрѣ и т. д., то оно дѣлаетъ громадный шагъ впередъ съ точки зрѣнія болѣе разумной эксплоатаціи солнечной энергіи.

Вотъ почему изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, работающихъ насчетъ энергіи каменнаго угля, есть величайшій шагъ впередъ, тѣмъ болѣе, что уголь есть та энергія, которая скопилась на землѣ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, и которую мы теперь эксплуатируемъ, какъ наслѣдство, оставленное намъ солнцемъ, ничего не затрачивая отъ нынѣшней, достигающей до насъ солнечной энергіи.

Въ настоящее время, разумѣется, смѣшно говорить о значеніи желѣзныхъ дорогъ, но такъ какъ мнѣ кажется, что это значеніе до сихъ поръ еще не формулировано въ самой общей формѣ, то я рѣшаюсь указать на такую формулировку, потому что она послужитъ для уясненія значенія автоматическихъ двигателей вообще, а, стало быть, и тѣхъ, которые я назвалъ автомобилями.

Я попрошу читателя дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ подразумѣваетъ, когда говоритъ, что такой-то городъ далекъ отъ насъ, а такой-то близокъ. Полагаю, что огромное большинство опредѣляетъ это понятіе далекости и близости вовсе не числомъ верстъ, а тѣмъ временемъ, которое нужно употребить для того, чтобы добраться до даннаго города. Такъ, напримѣръ, если бы мы имѣли такія машины, при помощи которыхъ можно было бы проѣхать изъ Петербурга въ Москву въ 5 минутъ, то, не смотря на 600 верстъ, отдѣляющихъ насъ отъ Москвы, мы считали бы это разстояніе близкимъ; наоборотъ, если бы добраться въ Москву мы могли бы только пѣшкомъ, то это разстояніе намъ казалось бы чрезвычайно далекимъ. Въ виду того, что желѣзная дорога доставляетъ насъ въ данное мѣсто, приблизительно, въ 5 разъ скорѣе, чѣмъ лошади, мы должны считать, что проведеніе желѣзнодорожныхъ линій какъ бы въ пять разъ укорачиваетъ разстоянія однѣхъ мѣстностей сравнительно съ другими, въ которыхъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ. Теперь представьте себѣ карту Россіи и начертите ее такъ, чтобы всѣ тѣ мѣста, по которымъ проходятъ желѣзнодорожныя линіи, были вычерчены въ уменьшенномъ въ 5 разъ, масштабѣ, а тѣ мѣста, гдѣ этихъ линій нѣтъ, сохранили бы прежній масштабъ; тогда окажется, что какія-нибудь Великія Луки Псков-

ской губерніи будутъ отъ Петербурга дальше нежели Харьковъ, не смотря на то, что по числу верстъ Харьковъ гораздо дальше Великихъ Лукъ. Стало быть, желѣзная дорога какъ бы уменьшаетъ виличину территоріи, не измѣняя въ дѣйствительности ея площади, какъ бы сгущаетъ населеніе, нисколько не уменьшая количества земли, которымъ оно можетъ пользоваться, значитъ создаетъ всѣ преимущества маленькой территоріи, не создавая связанныхъ съ чрезмѣрной густотой населенія недостатковъ.

Говорить же о томъ, какія преимущества для жизни народа представляетъ небольшая территорія, въ особенности, если недостатки, происходящіе отъ малой ея величины, устранены, полагаю, не нужно; это всѣмъ извѣстно.

Но наше отечество не можетъ похвалиться изобиліемъ желѣзныхъ дорогъ; огромная масса работы по перевозкѣ грузовъ и людей совершается насчетъ энергіи, накопленной животными, т. е. лошадьми, и, стало быть, на перевозку истрачивается въ качествѣ топлива дорогой животный жиръ.

Перевозка людей и грузовъ по улицамъ всѣхъ городовъ, деревень, селъ, масса всевозможныхъ работъ,—все это совершается опять же какъ бы при отопленіи животнымъ жиромъ.

Развѣ это не въ высшей степени несовершенная и, главное, безразсудная трата энергіи? Вотъ почему и приходится считать аутомобили громаднѣйшимъ шагомъ въ человѣческомъ прогрессѣ. Желѣзныя дороги годятся для перевозки огромныхъ грузовъ; для перевозки же одного, двухъ человѣкъ онѣ оказываются убыточными, и государство, въ особенности такое, какъ Россія, разумѣется, никогда не будетъ въ состояніи провести желѣзнодорожныя линіи въ каждое село и каждую деревню.

И если бы маленькіе «аутомобили» не были изобрѣтены, Богъ вѣсть, сколько времени человѣчество расходовало бы драгоцѣнный животный жиръ въ качествѣ топлива на всевозможныя работы.

Подумаемъ только, что въ одномъ Петербургѣ имѣется 14.000 легковыхъ извозчиковъ. Сколько жиру сжигаютъ ихъ лошади, бѣгающія съ утра до вечера; если даже жиру истрачивается по $^1/_2$ фунта на лошадь, то одна перевозка публики въ одномъ городѣ требуетъ сожиганія 7.000 фунтовъ животнаго жиру. Возьмите же теперь все количество лошадей и воловъ, идущихъ на работу, и вы получите невѣроятныя массы затрачиваемой необыкновенно дорогой энергіи, затрачиваемой не экономно.

Только въ этомъ и можно усмотрѣть истинный смыслъ того, что во Франціи и Англіи вопросъ объ аутомобиляхъ явился вопросомъ первостепенной, можно сказать, государственной важности. Чуть ли не ежемѣсячно устраиваются конкурсы, и масса изобрѣтателей-техниковъ занята тѣмъ, чтобы создать типы автоматическихъ двигателей для перевозки небольшихъ грузовъ и притомъ не по рельсовому, а по обыкновенному пути.

Всѣ, получившіе въ настоящее время наибольшее распространеніе, двигатели существуютъ въ трехъ типахъ: аутомобили электрическіе, аутомобили дѣйствующіе паромъ, и, наконецъ, аутомобили, дѣйствующіе посредствомъ взрыва паровъ нефти, керосина или бензина. Электрическіе двигатели представляютъ телѣжку, въ которую вставлены электрическіе аккумуляторы; паровые двигатели представляютъ нѣчто подобное локомотивамъ, только въ малыхъ размѣрахъ. Нефтяные, керосиновые или бензиновые двигатели основаны на томъ, что пары нефти, керосина или бензина перемѣшиваются сами собою (въ извѣстномъ резервуарѣ двигателя) съ воздухомъ и образуютъ взрывчатую смѣсь; эта смѣсь

тѣмъ или инымъ способомъ зажигается, даетъ взрывъ, и толчокъ, полученный отъ взрыва, передается поршню, соединенному съ колесами двигателя; поршень приходитъ подъ вліяніемъ взрывовъ въ движеніе и приводитъ такимъ образомъ въ движеніе соединенныя съ нимъ колеса.

Если мы вспомнимъ, что въ Англіи, во Франціи и въ Америкѣ, гдѣ въ послѣднее время дано уже много прекрасныхъ по конструкціи двигателей, испытанныхъ на разстояніяхъ въ 1.300 верстъ, продолжается горячая разработка и усовершенствованіе этой конструкціи, то можно надѣяться, что въ самомъ скоромъ времени появятся двигатели весьма недорогіе, прочные и затрачивающіе мало горючаго матеріала.

Что же человѣчество выиграетъ?

Во-первыхъ, оно перестанетъ затрачивать дорогую работу животныхъ и замѣнитъ ее болѣе дешевой работой нефти и угля. Это составитъ экономію, которую можно выразить милліардами рублей. Вспомнимъ только, сколько земли отводится подъ сѣнокосы и овесъ, предназначаемый для прокормленія рабочихъ лошадей; вспомнимъ, что лошадь, какъ живое существо, требуетъ особаго помѣщенія, требуетъ ухода, подвержено всевозможнымъ болѣзнямъ и т. д.

Во-вторыхъ, передвиженія сдѣлаются болѣе скорыми, т. е., какъ выше указано уже, будетъ какъ бы сокращена территорія государства, безъ неудобствъ, связанныхъ съ этимъ сокращеніемъ, а стало быть, человѣчество въ общемъ выиграетъ массу времени и сможетъ затрачивать свою энергію на тѣ работы, которыя не могутъ быть произведены аутомобилями и т. д.

Я не стану перечислять всѣхъ этихъ выгодъ, ибо полагаю, что самъ читатель, подумавши на эту тему, найдетъ ихъ еще не одинъ десятокъ.

Моя задача состояла въ томъ, чтобы показать, что то вниманіе, которымъ пользуется въ Западной Европѣ вопросъ объ аутомобиляхъ, не есть результатъ моды или увлеченія, но что здѣсь мы становимся лицомъ къ лицу передъ болѣе широкою задачей: *истрачивать на работы только тотъ тіпітит солнечной энергіи, который для этихъ работъ необходимъ* и изъ каждаго резервуара этой энергіи извлекать по возможности всю ее, соотвѣтственно нашей цѣли. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса представитъ въ исторіи человѣческой культуры шагъ первостепеннаго значенія.

Что такое наша психическая дѣятельность? Вотъ вопросъ, надъ которымъ ломаетъ себѣ голову человѣчество чуть ли ни съ того времени, какъ оно начало эту дѣятельность проявлять.

И всѣ попытки къ разрѣшенію этой загадки не привели ни къ чему, и если разрѣшено предсказывать, то, пожалуй, ни къ чему и не приведутъ. Философы смѣнялись, смѣнялись цѣлыя школы, каждая школа пробовала свои силы на этомъ оселкѣ человѣческаго могущества и отступала, оставивъ на мѣстѣ только бо̀льшее или меньшее количество туманныхъ догадокъ.

Быть можетъ, слишкомъ рискованно утверждать, что вопросъ о сущности нашей психической дѣятельности принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ вопросовъ; но мнѣ думается, что съ какой бы стороны ни подойти къ разрѣшенію этой загадки, мы всегда неизмѣнно наталкиваемся на одно препятствіе: для того, чтобы наблюдать что-либо и судить о чемъ-либо, необходимо, чтобы наблюдающее находилось въ сторонѣ отъ наблюдаемаго, т. е., чтобы наблюдающая точка или рядъ точекъ не совпадали съ наблюдаемыми. Если принять, что наши мыслительные процессы происходятъ въ извѣстныхъ точкахъ нашего орга-

низма, то и сужденіе о нихъ должно находиться въ этихъ же точкахъ, ибо сужденіе о нихъ есть тоже мыслительный процессъ; а если это такъ, если обсуждаемое и обсуждающее находятся въ однѣхъ и тѣхъ же точкахъ, то рѣшеніе задачи никогда не можетъ быть достигнуто. Я могу обсуждать свои дѣйствія, могу обсуждать тѣ или другія изъ испытанныхъ мною ощущеній, но обсуждать самое же обсужденіе—это то же, что рѣзать ножомъ самый же ножъ.

Стремленіе постигнуть, однако, сущность того, что мы называемъ мыслительнымъ процессомъ не мало содѣйствовало успѣхамъ весьма важной отрасли естествознанія, а именно успѣхамъ анатоміи и физіологіи мозга и нервной системы.

Уже давно людямъ казалось, что различныя внѣшнія черты человѣческаго тѣла служатъ указателями различныхъ духовныхъ качествъ. Весьма возможно, что связь между нѣкоторыми внѣшними признаками и душевными качествами имѣетъ и свои разумныя основанія. Уже одно то, что, напримѣръ, маленькіе, быстро перебѣгающіе съ предмета на предметъ глаза, заставляютъ насъ предполагать въ обладателѣ ихъ извѣстную хитрость, коварство и пр., съ другой стороны, большіе сѣрые или голубые глаза наводятъ насъ на мысль о мечтательности ихъ обладателя,—уже, говорю, такіе факты заставляютъ думать, что человѣчество не только искало, но и находило нѣкоторую связь между внѣшними чертами человѣка и его духовными качествами.

Но человѣчество шло дальше: являлись охотники опредѣлять характеръ человѣка и предсказывать его будущность по линіямъ, имѣющимся на кожѣ ладони (хиромантія), и такой великій умъ, какъ Аристотель, могъ даже серьезно говорить о томъ, что извѣстное направленіе этихъ линій свидѣтельствуетъ о долговѣчности, въ то время, какъ другое направленіе ихъ предсказываетъ скорую смерть,

Нѣкоторый прогрессъ въ этомъ стремленіи связать чисто психическую дѣятельность съ внѣшней формою сказывается въ попыткѣ Галля основать френологію. Зная, что органомъ психической дѣятельности является головной мозгъ, Галль пробуетъ по формѣ черепа, по различнымъ выпуклостямъ и вогнутостямъ, наблюдаемымъ на человѣческихъ черепахъ, опредѣлять различныя особенности душевныхъ качествъ. Развитіе той или другой части черепа служитъ для френолога указаніемъ на развитіе той или другой области психической дѣятельности. Ошибка френологіи, конечно, заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что френологъ считалъ большее или меньшее развитіе костей и выпуклостей черепа свидѣтельствующимъ о соотвѣтственномъ развитіи мозга, а во-вторыхъ, въ томъ, что, не зная, какая часть мозга является вмѣстилищемъ извѣстнаго рода психической дѣятельности, онъ дѣлалъ неправильныя заключенія, сопоставляя между собою такого рода факты, на сопоставленіе которыхъ онъ не имѣлъ права. Замѣтивъ, напримѣръ, что такой-то человѣкъ очень вспыльчивъ, и найдя у него въ извѣстномъ мѣстѣ черепа выпуклость, френологи часто ставили во взаимную связь эти два явленія и наблюденную выпуклость называли шишкою вспыльчивости и т. д.

Но какъ ни ошибочны были ученія френологовъ, они все же не пропали для науки безполезно—они являются предвѣстниками такъ-называемаго ученія *о локализаціи мозговыхъ процессовъ*, т. е. ученія о томъ, что мозговые процессы извѣстнаго рода совершаются въ извѣстныхъ районахъ головного мозга. Для того, чтобы такое ученіе могло развиться, требовалась упорная работа анатомовъ, физіологовъ и врачей. Анатомы должны были изучить до тонкости строеніе

мозга—не только то, которое можетъ быть изучено невооруженнымъ глазомъ, но и то, которое открывается намъ при помощи микроскопа. Физіологи изучали вопросы локализаціи надъ животными, удаляя или разрушая извѣстныя части мозга или, наконецъ, просто раздражая эти части; врачи, наблюдая у постели больного тѣ или другія мозговыя болѣзни, замѣчая, какія при этомъ происходятъ нарушенія психическихъ функцій, затѣмъ, послѣ смерти больныхъ имѣли возможность при вскрытіи черепа видѣть, какія части мозга были повреждены и отсюда уже заключать о связи между ними и извѣстными функціями. Такимъ образомъ, понемногу создавалось ученіе о локализаціи, и хотя въ настоящее время это ученіе еще очень далеко не только отъ цѣли, но даже отъ первыхъ шаговъ, ведущихъ къ ней, однако, оно дало не мало очень полезныхъ указаній, дающихъ возможность съ увѣренностью утверждать, что чѣмъ организмъ сложнѣе, чѣмъ больше въ немъ развито раздѣленіе труда или, какъ выражаются, чѣмъ больше диффиренцированы его части вообще, тѣмъ болѣе диффиренцирована и его психическая дѣятельность, отдѣльныя проявленія которой связаны съ болѣе или менѣе опредѣленными участками мозга. Такъ было доказано, что клѣтки корковаго вещества мозга, заложенныя въ центральныхъ извилинахъ, явно связаны съ двигательными нервными клѣтками сѣраго вещества переднихъ столбовъ спинного мозга и что стоитъ поранить у человѣка эту область корковаго мозгового вещества, какъ сейчасъ же обнаружится цѣлый рядъ разстройствъ въ двигательной сферѣ, и потому эту область мозга называютъ даже «двигательной областью». Подобнымъ же образомъ открыта въ мозгу и «зрительная сфера», и «слуховая», и «обонятельная» и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось еще точнѣе опредѣлить «мѣста» мозга, гдѣ заложены извѣстныя функціи; такъ, въ настоящее время мы знаемъ, что лѣвая третья лобная извилина играетъ въ нашей рѣчи такую роль, что стоитъ поранить эту извилину—и человѣкъ лишается способности говорить.

Не смотря, однако, на всѣ эти успѣхи, наука оставалась въ теченіе очень долгаго времени въ полномъ невѣдѣніи относительно тѣхъ путей, которые ведутъ къ этимъ отдѣльнымъ областямъ мозга. Много лѣтъ господствовало въ анатоміи мозга положеніе, будто центральная нервная система, т. е. головной и спинной мозгъ представляютъ массу клѣтокъ, которыя на подобіе сѣтки между собою *соединены*; къ этимъ клѣткамъ приносятся извнѣ (отъ кожи или органовъ чувствъ) раздраженія, и они, эти раздраженія, достигнувъ по нервнымъ волокнамъ до клѣтокъ, переносятся затѣмъ отъ клѣтокъ по двигательнымъ нервамъ, достигая мускулатуры и вызывая въ ней сокращенія.

Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ это воззрѣніе на строеніе нервной системы потерпѣло весьма крупныя измѣненія, благодаря цѣлому ряду въ высшей степени обстоятельныхъ изслѣдованій, въ которыхъ приняли участіе ученые всѣхъ европейскихъ государствъ. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ, намъ приходится теперь совсѣмъ иначе смотрѣть на устройство нервной системы (центральной), нежели мы смотрѣли еще немного лѣтъ тому назадъ. Для того, чтобы читатель могъ ясно усмотрѣть это различіе между прежними и новѣйшими данными, я въ нѣсколькихъ словахъ укажу на прежнія воззрѣнія, господствовавшія въ наукѣ относительно устройства центральной нервной системы.

Фундаментомъ нервной ткани центральной нервной системы считаются такъ называемыя гангліозныя клѣтки (нервные узлы). Они открыты впервые

нѣмецкимъ натуралистомъ Эренбертомъ (Ehrenberg) въ спинномъ мозгу; черезъ нѣкоторое время эти клѣтки были найдены и въ головномъ мозгу бреславльскимъ анатомомъ Пуркинье (Purkinje). Эти огромныя клѣтки, самыя крупныя изъ всѣхъ клѣтокъ, встрѣчаемыхъ въ животномъ организмѣ, обратили на себя, между прочимъ, всеобщее вниманіе тѣмъ, что въ нихъ были замѣчены отростки въ видѣ нитей; значеніе и роль этихъ отростковъ оставалась непонятною. Ремакъ (Remak) замѣтилъ, что эти отростки у позвоночныхъ животныхъ представляютъ частью нервныя волокна. То же самое нашелъ Гельмгольтцъ относительно безпозвоночныхъ. Когда эти клѣтки подверглись болѣе тщательному изученію, то ихъ стали подраздѣлять на однополярныя, двухъполярныя и многополярныя, смотря по количеству наблюдаемыхъ отростковъ.

Что касается до связи, существующей между самыми гангліозными клѣтками, то эта связь была уяснена боннскимъ профессоромъ Дейтерсомъ (Deiters). Онъ показалъ, что въ каждой гангліозной клѣткѣ центральной нервной системы можно замѣтить двоякаго рода отростки: 1) такъ называемые отростки осевыхъ цилиндровъ, обращающихся дальше въ обыкновенныя нервныя волокна, и 2) цѣлый рядъ разнообразно развѣтвляющихся протоплазматическихъ отростковъ, которые не соединяются съ предыдущими отростками, т. е. съ нервными волокнами. Что съ ними дѣлается дальше—Дейтерсъ не рѣшилъ. И только позже Герлахъ (J. v. Gerlach) далъ болѣе подробную картину устройства центральной нервной системы. По его ученію, изъ отростковъ осевыхъ цилиндровъ образуются двигательныя нервныя волокна, выходящія изъ спинного мозга въ видѣ такъ называемыхъ переднихъ корешковъ. Что же касается протоплазматическихъ отростковъ, то они между собою переплетаются, образуютъ нѣчто вродѣ сѣтки, изъ которой выходятъ чувствительные нервы, вступающіе въ спинной мозгъ подъ названіемъ заднихъ (чувствительныхъ) корешковъ. Всѣ эти подробности микроскопическаго строенія удалось еще лучше обнаружить послѣ того, какъ проф. Вейгертъ (Weigert) далъ новый способъ для окрашиванія микроскопическихъ препаратовъ нервной ткани. Новый методъ окрашиванія, а равно и усовершенствованія въ другихъ пріемахъ микроскопической техники привели изслѣдователей къ неожиданнымъ результатамъ: въ разныхъ странахъ появились новыя работы по вопросу о микроскопическомъ строеніи центральной нервной системы (Camilla Golgi—въ Павіи, Ramon y Cajal—въ Барселонѣ, Wilhelm His — въ Лейпцигѣ, Albert v. Kölliker — въ Вюрцбургѣ, Gustav Retzius—въ Стокгольмѣ, Joseph v. Lenhossek—въ Буда-Пештѣ и Waldeyer—въ Берлинѣ); Гольги въ началѣ 80-хъ годовъ замѣтилъ на своихъ микроскопическихъ препаратахъ, что протоплазматическіе отростки гангліозныхъ клѣтокъ совсѣмъ не образуютъ сѣтки, какъ то считали раньше, но свободно оканчиваются въ такъ называемой *гліозной* ткани, представляющей основу нервной ткани. Подобное же наблюденіе сдѣлалъ въ 1889 г. Рамонъ-и-Кайаль по отношенію къ тѣмъ отросткамъ гангліозныхъ клѣтокъ, которые были выше названы отростками осевыхъ цилиндровъ.

Отсюда получилось въ высшей степени важное заключеніе: разъ въ дѣйствительности гангліозная клѣтка вмѣстѣ со своими отростками не *срастается* съ другими подобными клѣтками, а представляется отдѣленною, то на нее приходится смотрѣть, какъ на изолированный организмъ, представляющій собою, такъ сказать, *нервную единицу*; эта нервная единица и представляетъ основу нервной жизни. Вальдейеръ предложилъ называть ее *невроном*ъ.

Когда всѣ дальнѣйшія изслѣдованія показали, что въ дѣйствительности невроны между собою не срастаются своими отростками, а что эти отростки только переплетаются между собою такъ, что каждый изъ нихъ можетъ быть удаленъ отъ другого безъ всякаго насилія, то естественно явилась мысль о томъ, какой смыслъ имѣетъ такая обособленность и самостоятельность каждой гангліозной клѣтки. И вотъ дальнѣйшими наблюденіями было установлено, что смыслъ въ этомъ—громадный: оказалось, что при нѣкоторыхъ условіяхъ эти отростки укорачиваются сами собою, а при нѣкоторыхъ удлиняются. Такимъ образомъ, можетъ вдругъ произойти то, что одна изъ клѣтокъ (гангліозныхъ) втянетъ въ себя свои отростки или, лучше сказать, укоротитъ ихъ; они перестанутъ прикасаться къ отросткамъ другой подобной же клѣтки, и между клѣтками, бывшими въ сообщеніи, наступитъ полное разъединеніе. При такомъ строеніи приходится считать, что нервное раздраженіе *перескакиваетъ*, на подобіе элекрической искры, съ отростка одной гангліозной клѣтки на отростокъ другой. Такимъ образомъ, мы должны себѣ такъ представить происхожденіе мускульнаго сокращенія: одинъ изъ невроновъ получаетъ раздраженіе; это раздраженіе переносится черезъ одинъ изъ отростковъ осевыхъ цилиндровъ къ протоплазматическому отростку слѣдующаго неврона, изъ него переходитъ на осевой отростокъ же, идущій къ мускулу, въ которомъ и вызывается сокращеніе. Для возбужденія движеній, какъ и для возбужденія ощущеній, необходимы поэтому двѣ области невроновъ: одна является начальнымъ полюсомъ, другая конечнымъ полюсомъ той цѣпи или того тока, которымъ распространяется нервное раздраженіе; одинъ изъ этихъ полюсовъ лежитъ въ периферіи организма, т. е. въ мѣстахъ, имѣющихъ непосредственное соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ, другой—въ центральномъ органѣ. По всей вѣроятности, и тѣ чисто психическіе процессы, которые происходятъ въ мозгу, происходятъ именно по такому же типу, т. е. клѣтка одной области мозговой коры посылаетъ свои нервные отростки къ другой клѣткѣ, и онѣ обвиваютъ соотвѣтственные отростки этой второй клѣтки и т. д. Почти также оба полушарія мозга, вѣроятно, связаны между собою, т. е. не срастающимися, а просто соприкасающимися нервными отростками, отходящими отъ отдѣльныхъ невроновъ.

Въ результатѣ—на неврон смотрятъ теперь не только какъ на анатомическую единицу, но и какъ на физіологическую.

Боясь утомить читателя дальнѣйшимъ изложеніемъ новыхъ анатомическихъ и микроскопическихъ изысканій надъ устройствомъ нервной системы,—изложеніемъ, нѣкоторая скучность котораго можетъ быть окупилась бы съ избыткомъ тѣми удивительными слѣдствіями, какія вытекаютъ изъ всего этого новаго ученія,—я теперь попытаюсь представить, какая картина рисуется намъ на этой новооткрытой научной почвѣ.

Каждый невронъ представляетъ собою какъ бы организмъ, способный воспринимать внѣшнее раздраженіе; этотъ организмъ снабженъ отростками, которые всего удобнѣе представить себѣ въ видѣ щупальцевъ или придатковъ, напоминающихъ собою такъ-называемыя псевдоподіи, т. е. ложныя ножки у амебъ; щупальцы эти обладаютъ способностью вытягиваться, удлиняться и укорачиваться; при своемъ удлиненіи они соприкасаются и перепутываются съ подобными же щупальцами другого неврона; если одинъ невронъ получитъ какое-либо раздраженіе, то онъ либо можетъ передать его другимъ невронамъ, либо же этого раздраженія не передаетъ; если его щупальцы

прикасаются къ щупальцамъ другого неврона, то полученное имъ раздраженіе онъ передаетъ другому; въ случаѣ же отсутствія этого соприкосновенія, другой невронъ не получитъ раздраженія, полученнаго первымъ. При прежнемъ взглядѣ на строеніе центральной нервной системы, когда мы предполагали, что всѣ гангліозныя клѣтки срастаются съ другими при посредствѣ отростковъ, было необходимо думать, что раздраженіе, получаемое одною гангліозною клѣткою должно непремѣнно передаваться всѣмъ клѣткамъ; такимъ образомъ, каждое раздраженіе должно необходимо отражаться на всей нервной системѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, извѣстно, что раздраженія очень рѣдко охватываютъ всю нервную систему и чаще всего ограничиваются тѣмъ или другимъ райономъ. Теперь это становится понятнымъ: пока отростки отдѣльныхъ невроновъ соприкасаются, раздраженія могутъ передаваться отъ одного неврона къ другому, но какъ только одинъ изъ невроновъ втянулъ свои отростки, и его соприкосновеніе съ сосѣднимъ неврономъ нарушилось, такъ и раздраженіе можетъ пройти лишь другими путями, такъ сказать, окольными, пока оно доберется до того же мѣста, до котораго раньше оно шло болѣе короткимъ путемъ.

Всѣмъ извѣстно, какую огромную роль во многихъ психическихъ актахъ играетъ упражненіе. Возьмемъ примѣръ. Человѣкъ, отправляющійся въ первый разъ на охоту, чувствуетъ себя, въ большинствѣ случаевъ, въ печальномъ положеніи: изъ подъ собаки срывается птица, но прежде, нежели новичекъ успѣетъ вскинуть ружье и прицѣлиться, птица уже находится внѣ опасности. Мы имѣемъ здѣсь довольно сложный актъ: взлетѣвшая птица вызываетъ извѣстное раздраженіе; это раздраженіе передается по нервнымъ путямъ, добирается до тѣхъ клѣтокъ, гдѣ оно вырабатывается въ извѣстное сознаніе; отсюда уже направляются раздраженія къ извѣстнымъ мускуламъ, которыя должны совершить цѣлый рядъ сложныхъ сокращеній.

Но когда раздраженіе, произведенное взлетѣвшей птицей, передается по нервнымъ путямъ, то оно можетъ произойти разными дорогами и идетъ, разумѣется, ближайшею изъ *существующихъ* у даннаго человѣка дорогъ. Но у даннаго же человѣка могла бы быть еще болѣе близкая дорога, если бы, скажемъ, вотъ такой-то невронъ протянулъ немножко свои отростки и соприкоснулся съ такимъ-то. Когда мы упражняемся въ извѣстнаго рода психическихъ актахъ, то, согласно излагаемымъ новымъ воззрѣніямъ, это упражненіе можетъ приводить къ удлиненію отростковъ невроновъ. Благодаря такому удлиненію, тѣ изъ невроновъ, которые раньше не соприкасались своими отростками, теперь начнутъ соприкасаться, и въ результатѣ создастся кратчайшій путь къ перенесенію раздраженія съ одного мѣста на другое.

Прежде говорили, что подъ вліяніемъ упражненія *проводимость* извѣстныхъ путей увеличивается, т. е. предполагали, что извѣстный путь, трудно пропускавшій раздраженіе, начинаетъ по мѣрѣ того, какъ это раздраженіе часто по немъ идетъ, проводить его легче; и это улучшеніе проводимости даже пытались объяснять тѣмъ, что нервныя молекулы принимаютъ иныя положенія, размѣщаются иначе, болѣе выгодно для проведенія даннаго раздраженія. Теперь это объясняютъ созданіемъ новыхъ путей, болѣе короткихъ. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, что случается съ государствомъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ: вамъ изъ одного города нужно попасть въ другой, не соединенный съ первымъ желѣзнодорожною вѣтвью, и вы ѣдете

окольными путями; но когда число пассажировъ, которымъ приходится переѣзжать между этими двумя городами растетъ, когда каждый часъ появляются новые пассажиры, имѣющіе все одну и ту же цѣль, то, наконецъ, понемногу выстраивается и новая линія, непосредственно соединяющая два эти города. Путь становится короче и пассажиры въ болѣе короткое время могутъ перемѣщаться между этими двумя городами. Постройка такъ-называемыхъ соединительныхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей и есть нѣчто аналогичное тому, что происходитъ въ нервной системѣ, когда ей приходится часто переносить изъ одного мѣста въ другое одно и тоже раздраженіе: постепенно создается кратчайшій путь.

Весьма интересно объясненіе того, что мы называемъ ассоціаціей представленій или ассоціаціей ощущеній. Представьте себѣ, что вы много разъ получали одновременное впечатлѣніе отъ извѣстнаго звука, напримѣръ, трубы и отъ ея цвѣта и блеска; значитъ, эти различнаго характера раздраженія всегда возникали совмѣстно и приносились къ извѣстному неврону въ одно и то же время; тогда можно допустить, что между тѣми невронами, одинъ изъ которыхъ получалъ раздраженіе отъ звука, а другой отъ цвѣта и блеска, установилась при посредствѣ отростковъ связь, т. е. отростки вытянулись до соприкосновенія между собою. Теперь понятно будетъ, что если до васъ донесется трубный звукъ, то раздраженіе отъ него передается по одному неврону, а такъ какъ онъ связанъ съ невро номъ, доносившимъ до васъ и цвѣтъ трубы, то раздражится и этотъ послѣдній невронъ, и вы получите впечатлѣніе не только отъ звука, но и отъ цвѣта. Конечно, въ этомъ случаѣ возможно и другое толкованіе; быть можетъ, дошедшее до послѣдняго невро на звуковое раздраженіе, возвращаясь *обратно*, приведетъ въ раздраженіе тотъ невронъ, который приносилъ всегда раздраженіе, отъ цвѣта и блеска трубы, но такъ ли, иначе ли, сущность объясненія не измѣняется; все же дѣло объясняется возникновеніемъ новой связи между тѣми невронами, которые раньше могли быть не связаны между собою.

Извѣстно, что нѣкоторыя ассоціаціи представленій исчезаютъ по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени. Такое явленіе можетъ быть объяснено по новой теоріи тѣмъ, что прежде сцѣпившіеся своими отростками невроны, снова разъединяются: не утилизируемая соединительная вѣтвь постепенно, такъ сказать, разрушается...

Подъ вліяніемъ сильныхъ раздраженій невроны, подобно амебамъ, втягиваютъ совсѣмъ, или частью, свои отростки.

Вотъ это наблюденіе является наблюденіемъ громадной важности для уясненія цѣлой массы психическихъ явленій. Мы знаемъ тотъ физіологическій фактъ, что послѣ продолжительнаго раздраженія всегда наступаетъ притупленіе. Какъ же это явленіе объясняется новой теоріей? А очень просто. Какъ только раздраженіе длилось слишкомъ долго, такъ невроны, въ разныхъ мѣстахъ, начинаютъ втягивать свои щупальцы — связь между ними прекращается и раздраженія перестаютъ доноситься до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они способны были вызвать ощущенія.

Если въ большей части невроновъ произошло разъединеніе, т. е. втянулись отростки и прикосновеніе между ними исчезло, то можетъ наступить сонъ, обморокъ и проч. Слѣдовательно, надо полагать, что когда невроны подъ вліяніемъ усталости втянутъ свои отростки и сообщеніе между ними прекратится, то, само собою, раздраженія не будутъ передаваться, не будутъ доходить до сознанія, и наступитъ то состояніе, которое мы называемъ

*

сномъ. И всѣмъ извѣстно, что чѣмъсонъ «крѣпче», тѣмъ сновидѣній бываетъ меньше. Какимъ же образомъ сновидѣнія вообще существуютъ и почему часто имѣютъ такой безпорядочный, лишенный всякой связи характеръ?

Съ точки зрѣнія новой теоріи, объясняется это тѣмъ, что во время сна не всѣ невроны прекращаютъ между собою связь; она прекращается только у тѣхъ, которые всего больше устали. Если спящій человѣкъ получаетъ какія либо раздраженія (внутреннія или внѣшнія), то эти раздраженія идутъ не кратчайшими путями, ибо эти пути разобщены, а другими, длиннѣйшими. Раздраженіе, идя по совершенно новымъ, часто случайнымъ путямъ, затрагиваетъ такіе невроны, которые во обще приходятъ въ дѣйствіе при совершенно другихъ условіяхъ, и потому эти невроны приносятъ въ сознаніе плоды своего раздраженія, а эти плоды часто не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которые донеслись бы до сознанія при бодрствованіи.

Позволю себѣ, для наглядности привести слѣдующій примѣръ: вы привыкли ѣздить ежегодно изъ Парижа въ Петербургъ по такой дорогѣ: Парижъ, Кельнъ, Берлинъ, Петербургъ. Естественно, что когда вы пріѣдете въ Петербургъ и кто-либо станетъ осматривать вашъ кошелекъ, то онъ въ немъ найдетъ французскія, бельгійскія, нѣмецкія и русскія монеты. Но вообразите себѣ, что, когда, выѣхавъ изъ Парижа, вы доѣхали до границы Франціи, вамъ вдругъ сообщаютъ, что линія прервана и вамъ надо ѣхать на Швейцарію; вы ѣдете, съ намѣреніемъ изъ Швейцаріи направиться въ Австрію и далѣе въ Россію; но и тутъ вамъ говорятъ, что путь закрытъ, и что вы можете проѣхать только черезъ Италію въ Турцію, а оттуда уже только въ Россію. Наконецъ, вы все это продѣлали—и вотъ вы въ Петербургѣ. Кто-либо осматриваетъ вашъ кошелекъ и не зная пути, по которому вы ѣхали, полагаетъ, что у васъ могутъ быть лишь французскія, бельгійскія и нѣмецкія монеты; и вдругъ находитъ въ вашемъ кошелькѣ турецкіе піастры, итальянскія чентезимы и т. д. Конечно, это для него покажется совершенно непонятнымъ. Но стоитъ только сказать, что всѣ пути были прерваны и что вамъ пришлось уѣхать иными путями—и все непонятное сразу выяснится.

Тѣ вздорныя прибавки, которыми часто сопровождаются наши сны,—и представляютъ собою эти турецкіе піастры, попавшіе въ вашъ кошелекъ по пути изъ Парижа въ Петербургъ. Вы должны были проѣхать черезъ три неврона Парижъ, Кельнъ и Берлинъ, соединенныхъ между собою; каждый изъ этихъ невроновъ долженъ былъ оставить въ вашемъ кошелкѣ извѣстныя монеты; но невроны эти оказались разобщенными и вы поѣхали черезъ невроны Женеву, Миланъ, Константинополь—въ вашемъ кошелькѣ получились піастры, чентезимы и пр.

Если во всемъ мною изложенномъ имѣется не мало гипотетизма, то, во всякомъ случаѣ, всѣ эти гипотезы, построенныя на новыхъ данныхъ анатомическаго и микроскопическаго строенія центральной нервной системы, представляютъ такъ много привлекательнаго, обѣщаютъ такъ много въ будущемъ, что съ ними, я полагаю, не безъинтересно познакомиться.

Знаменитый англійскій ученый и философъ, Гербертъ Спенсеръ, закончилъ циклъ своихъ трудовъ выпускомъ 3-го тома «Соціологіи». Этотъ томъ представляетъ заключительную главу «Синтетической философіи» Спенсера. Кто изъ читателей знакомъ съ необыкновеннымъ разнообразіемъ вопросовъ, въ области которыхъ Спенсеръ являлся, можно сказать, спеціалистомъ, кто слѣдилъ за тѣмъ необычайнымъ трудолюбіемъ, съ которымъ

Спенсеръ всю свою жизнь посвящалъ человѣчеству, кто зналъ, какъ строга и независима была мысль этого знаменитаго ученаго, какъ, не увлекаясь никакими временными теченіями, онъ шелъ, спокойною рукою прочищая себѣ путь къ тому, что ему казалось научною и нравственною правдою, тотъ поймете тѣ чувства, которыми охвачены многіе изъ знаменитѣйшихъ европскихъ ученыхъ и философовъ, собирающихся поднести поздравленіе великому англійскому труженику, достигшему цѣли своихъ долгихъ трудовъ.

Спенсеръ сдѣлалъ много для всего человѣчества, онъ не принадлежитъ ни Англіи, ни Франціи, ни Россіи— онъ принадлежитъ всѣмъ. Весь образованный міръ встрѣчалъ каждый его трудъ съ величайшимъ интересомъ, и Россія не отставала отъ другихъ странъ. Лучшее доказательство этому въ томъ, что всѣ прежде изданныя сочиненія Спенсера («Опыты», «Изученіе соціологіи», «Основанія соціологіи, «Основанія біологіи», «Психологія») сдѣлались въ настоящее время библіографической рѣдкостью. Насъ, русскихъ, Спенсеръ обучалъ въ то именно время, когда мы всего болѣе нуждались въ обученіи, т. е. въ 60-хъ годахъ. Могучая критика Спенсера спасла многихъ отъ склонности къ метафизикѣ и удивительные этюды Спенсера о времени и о пространствѣ отбили у многихъ всякую охоту возиться съ обсужденіемъ вопросовъ о реальномъ существованіи времени и пространства; Дарвинъ, Бокль, Милль, Спенсеръ— вотъ тѣ учителя, которымъ человѣчество должно быть вѣчно благодарно.

Я увѣренъ, что вся русская интеллигенція съ радостью присоединится къ тѣмъ поздравленіямъ и пожеланіямъ, которыя посыплются со всѣхъ концовъ міра къ ногамъ великаго англійскаго мыслителя и труженика. Пусть со славою отдыхаетъ онъ отъ своихъ трудовъ и пусть этотъ заслуженный отдыхъ не омрачится никакою тучкою скорби или болѣзни!

---

26 января исполнилось 25-ти-лѣтіе научной дѣятельности завѣдующаго физіолого-химическимъ отдѣленіемъ института экспериментальной медицины, профессора Маркела Вильгельмовича Ненцкаго.

Ученый, имя котораго пользуется извѣстностью не только въ Европѣ, но и за Атлантическимъ океаномъ, проф. Ненцкій родился 2-го января 1847 года, въ своемъ родовомъ имѣніи въ Калишской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ петроковской классической гимназіи, которую окончилъ въ 1863 г.; сначала М. В. Ненцкій посвятилъ себя филологическимъ наукамъ, занимаясь ими въ краковскомъ, іенскомъ и берлинскомъ университетахъ. Въ 1867 г. онъ поступилъ на медицинскій факультетъ въ Берлинѣ и окончилъ его въ 1870 г. Съ этого времени и до настоящей минуты научная дѣятельность проф. Ненцкаго не прерывалась и вся была посвящена вопросамъ біологіи, связаннымъ съ химіей. Въ 1877 году онъ былъ назначенъ профессоромъ физіологической химіи въ бернскомъ университетѣ, гдѣ и оставался до 1891 года, когда былъ приглашенъ въ Петербургъ на мѣсто завѣдующаго физіолого-химическимъ отдѣленіемъ института экспериментальной медицины.

Рѣдкій по своей скромности и по преданности наукѣ человѣкъ, проф. Ненцкій отклонялъ отъ себя всѣ предложенія, какъ бы заманчивы они ни были, разъ усматривалъ въ нихъ помѣху своимъ научнымъ занятіямъ. Такъ, когда совѣтъ бернскаго университета предложилъ ему почетное мѣсто ректора этого университета, проф. Ненцкій безъ всякого колебанія отстранилъ отъ себя предложеніе, находя, что обязанности, связанныя съ ректорствомъ, помѣшаютъ ему въ его

научной и педагогической дѣятельности.

За 25 лѣтъ своей научной карьеры почтенный ученый напечаталъ болѣе 200 спеціальныхъ изслѣдованій. Къ числу наиболѣя извѣстныхъ изъ нихъ относятся работы объ искусственномъ полученіи индиго, открытіе группы такъ-называемаго «салола» — вещества, получившаго весьма важное примѣненіе въ медицинѣ. Въ лабораторіи Ненцкаго было впервые доказано, что бактеріи сибирской язвы размножаются также дѣленіемъ, былъ опредѣленъ химическій составъ этихъ бактерій, а также туберкулезныхъ и др., произведены изслѣдованія рыбьяго яда и чумы рогатаго скота. Важнѣйшею работою Ненцкаго въ области бактеріологіи должно считаться изученіе такъ-назыв. «симбіоза» бактерій, т. е. условій совмѣстной жизни нѣсколькихъ разновидностей бактерій, благодаря чему явилась возможность объяснить многія явленія инфекціонныхъ болѣзней, считавшіяся прежде загадочными.

Не ограничиваясь чисто фактическими изслѣдованіями, проф. Ненцкій затрогивалъ въ теченіе своей 25-тилѣтней научной дѣятельности вопросы высокаго теоретическаго значенія. Такъ, въ то время, какъ Пастеръ и его послѣдователи считали, что бактеріи въ организмѣ составляютъ необходимое условіе для жизни организма, Ненцкій рѣшительно высказывался противъ этого, и только послѣ смерти Пастера нѣмецкіе изслѣдователи Нуттель и Тирфельденъ доказали помощью опытовъ, что Ненцкій былъ правъ и что жизнь организма возможна при полномъ отсутствіи въ немъ какихъ бы то ни было бактерій.

Послѣдній трудъ проф. Ненцкаго «О взаимномъ соотношеніи между растительными и животными царствами» представляетъ также высокій теоретическій интересъ.

Профессору Ненцкому еще только 50 лѣтъ. За 25 лѣтъ своей научной дѣятельности онъ напечаталъ болѣе 200 изслѣдованій. По этому уже можно видѣть, какимъ удивительнымъ трудолюбіемъ и настойчивостью обладаетъ почтенный ученый. И все это не помѣшало ему быть учителемъ, къ которому ученики, разсыпанные и по русскимъ, и по европейскимъ университетамъ, сохраняли и сохраняютъ самыя теплыя чувства.

Горячо любя науку, проф. Ненцкій является врагомъ всякихъ экзаменовъ и другихъ формальностей, имѣющихъ цѣлью «заставить» быть ученымъ, и лучшею характеристикою его взгляда на эти формальности служитъ часто произносимая имъ фраза:

«Чѣмъ больше экзаменовъ, тѣмъ меньше науки!»

Пожелаемъ и мы почтенному ученому силъ и здоровья для его дальнѣйшихъ трудовъ на пользу человѣчества.

Научныя новости и мелочи.

Обсерваторія Lowell'я. Огромный объективъ въ 60 сентиметровъ отверстія, устроенный Кларкомъ, въ настоящее время уже установленъ въ телескопѣ Flagstaff'ской обсерваторіи въ Арицанѣ. Астрономъ Дрію (Drew) наблюдаетъ при его помощи Марсъ. Астрономъ Си (See), работающій уже нѣсколько лѣтъ надъ изученіемъ звѣздъ, предполагаетъ, при помощи новаго телескопа заняться наблюденіемъ туманностей и двойныхъ звѣздъ южнаго полушарія между параллелями 30° и 60°. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, астрономъ извѣстной обсерваторіи Lick'а обратилъ вниманіе на то, что вообще южное небесное полушаріе, очень богатое

туманностями и двойными звѣздами, какъ-то мало привлекаетъ вниманіе астрономовъ и со времени Джона Гершеля, т. е. почти уже сто лѣтъ, не подвергалось тщательному наблюденію. Вотъ это обстоятельство и побуждаетъ Си приступить къ подробному изученію южнаго полушарія.

Мѣры для охраненія животныхъ въ Африкѣ. Еще года два тому назадъ, нѣкоторые изъ натуралистовъ, главнымъ образомъ, германскихъ, подняли вопросъ о необходимости ввести какія либо мѣры для охраненія животныхъ, населяющихъ Африку, отъ полнаго уничтоженія. Изъ за одной торговли слоновой костью, представляющей, въ сущности, предметъ совершенно излишней роскоши, такое крупное и могущее быть весьма полезнымъ для всевозможныхъ цѣлей животное, какъ слонъ, немилосердно убивается. Количество убиваемыхъ ежегодно слоновъ значительно превышаетъ количество рождающихся, и если система уничтоженія этихъ полезныхъ животныхъ не будетъ въ корнѣ измѣнена, то въ непродолжительномъ времени слонъ совершенно исчезнетъ съ лица земли. Германское правительство вняло разумному воззванію натуралистовъ и въ настоящее время изданъ законъ, касающійся германскихъ владѣній въ Африкѣ, по которому каждый охотникъ ограничивается въ своихъ правахъ убивать какъ слоновъ, такъ и другихъ животныхъ—антилопъ, жирафъ и пр., внося за право охоты довольно крупный налогъ. Вообще же ни при какихъ условіяхъ не разрѣшается убиваніе молодыхъ животныхъ и самокъ, если только онѣ могутъ быть узнаны. Особенно строгія правила установлены по отношенію къ охотникамъ не туземнаго происхожденія: за каждаго убитаго слона они должны уплачивать правительству довольно крупную сумму денегъ.

Новая комета. Астрономы Рамбо и Ф. Си (Rambaud et F. Sy) доложили въ засѣданіе парижской академіи наукъ о своихъ наблюденіяхъ надъ новою кометою (comète Perrine), открытою 8-го декабря 1896 г. Наблюденія названной кометы производились при помощи экваторіала съ объективами въ 318 миллиметровъ въ теченіе 10-го и 11-го истекшаго декабря. 10-го декабря комета представлялась круглою съ явственнымъ ядромъ. Діаметръ свѣтящей поверхности равнялся, приблизительно, 2-мъ минутамъ. На другой день небо было нѣсколько облачно и потому наблюденія были затруднены; но, судя по тому, что можно было видѣть въ иные моменты, когда между облаками образовывались просвѣты, есть основаніе утверждать, что 11-го декабря комета была ярче, нежели 10-го.

Новая зоологическая станція. Катанскій университетъ получилъ недавно отъ г. Гравина, итальянскаго сенатора, цѣнный подарокъ—небольшой островъ. Это одинъ изъ островковъ циклопской группы, помѣщающійся около Сициліи, по близости отъ Ачикастелло. Въ окружности островъ достигаетъ 1 километра; центральная часть островка поднимается на 100 метровъ надъ уровнемъ моря. Основаніе острова—базальтовая скала, на которую налегаетъ слой известняковъ, богатый ископаемыми остатками. Катанскій университетъ предполагаетъ выстроить здѣсь зоологическую лабораторію и станцію, а также лабораторію рыбоводства. Условія, представляемыя островомъ для той и другой цѣли, въ высшей степени благопріятны.

Рѣдкое завѣщаніе. Многія газеты и журналы сообщаютъ, что изобрѣтатель динамита, А. Нобель, завѣщалъ все свое состояніе (около 50 милліоновъ франковъ) на преміи, предна-

значаемыя къ выдачѣ тѣмъ лицамъ, которыя въ теченіе предшествовавшаго года окажутъ человѣчеству наибольшія услуги.

Доходъ съ этого капитала, приблизительно, около $1^1/_2$ милліона франковъ, будетъ раздѣленъ на 5 частей, которыя будутъ выдаваться слѣдующимъ образомъ:

1-я премія: лицу, сдѣлавшему наиболѣе важное открытіе въ области физики.

2-я премія: ученому, который сдѣлаетъ наиболѣе крупное химическое открытіе или усовершенствованіе.

3-я премія: ученому, сдѣлавшему наиболѣе важное открытіе въ области физіологіи или медицины.

4-я премія: тому, кто въ сферѣ литературы создастъ трудъ, наиболѣе выдающійся въ идеальномъ смыслѣ.

5-я премія: лицу, которое всего болѣе и всего полезнѣе потрудится для братства народовъ, для уничтоженія или уменьшенія численности постоянныхъ армій и для пропаганды союзовъ мира.

Первыя двѣ преміи (физики и химіи) будутъ назначаться и выдаваться шведской академіей наукъ; физіологическая и медицинская премія будутъ выдаваться стокгольмскимъ каролинскимъ институтомъ; литературную премію назначаетъ шведская академія, а премію за пропаганду мира—коммиссія изъ 5-ти членовъ избранныхъ норвежскимъ стортингомъ.

«Я выражаю рѣшительное желаніе,—такими словами заканчивается завѣщаніе покойнаго,—чтобы при раздачѣ этихъ премій національные вопросы не играли никакой роли и чтобы премію получалъ достойнѣйшій, совершенно независимо отъ того, скандинавскаго онъ происхожденія или нѣтъ».

Брюссельская международная выставка въ 1897 г. На устраиваемой въ Брюсселѣ въ текущемъ году выставкѣ научный отдѣлъ будетъ играть довольно видную роль, чѣмъ, какъ извѣстно, другія выставки не могли особенно похвалиться. Отдѣлъ науки будетъ подраздѣленъ на 7 классовъ: 1) математика съ астрономіей; 2) физика; 3) химія; 4) геологія и географія; 5) біологія; 6) антропологія и 7) библіографія. Участникамъ этихъ отдѣловъ даются особыя льготы: за помѣщенія для своихъ экспонатовъ экспоненты не будутъ ничего платить и, кромѣ того, будутъ пользоваться значительно удешевленнымъ тарифомъ на проѣздъ какъ на выставку, такъ и обратно. Бельгійское правительство, для возможно лучшей организаціи выставки, поставило цѣлый рядъ вопросовъ, за лучшее разрѣшеніе которыхъ назначается денежная премія. Всѣ подробности высылаются немедленно, стоитъ лишь написать заявленіе по слѣдующему адресу: Бельгія—Брюссель Au Commissariat général du Gouvernement 17 Rue de la Presse. Bruxelles.

ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ЭМИЛЯ ДЮ-БУА-РЕЙМОНА.

Прив.-доц. **Г. Челпанова.**

Недавно умершій нѣмецкій физіологъ, Эмиль Дю-Буа-Реймонъ, будучи ученикомъ знаменитаго Іоганна Мюллера, усвоилъ себѣ отъ своего великаго учителя любовь и уваженіе къ философской мысли. І. Мюллеръ, находившійся подъ вліяніемъ Канта и Фихте, много пользовался въ своихъ научныхъ построеніяхъ философскими теоріями (главнымъ образомъ, теоріями Канта) и эту любовь онъ внушилъ и своимъ ученикамъ, Гельмгольцу и Дю-Буа-Реймону.

Вотъ почему въ то время, какъ весь ученый міръ съ благодарностью вспоминаетъ о заслугахъ Дю-Буа-Реймона, какъ натуралиста, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ и философія должна быть ему признательна, если не за его новыя открытія, то за то, что своимъ авторитетнымъ словомъ онъ содѣйствовалъ удачному исходу борьбы съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ предразсудковъ нашего времени въ области философіи *).

Мы не предполагаемъ излагать его воззрѣній въ цѣломъ, въ системѣ, да это едва ли оказалось бы возможнымъ по отношенію къ натуралисту, для котораго философія была дѣломъ побочнымъ; мы не будемъ излагать его общаго міровоззрѣнія, его политическихъ взглядовъ; это дѣло его біографа, дѣло историка нѣмецкой культуры конца XIX вѣка. Мы предполагаемъ познакомить нашихъ

*) Его рѣчи, представляющія философскій интересъ, помѣщались первоначально въ «Monatsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften», затѣмъ выходили отдѣльными изданіями и, наконецъ, были собраны въ его «Reden», 2 тома, Berlin, 1886—1887. Главнѣйшія изъ этихъ рѣчей слѣдующія: «Мысли Лейбница въ современномъ естествознаніи», «Ламеттри», «О границахъ естествознанія», «Исторія культуры и естествознаніе», «Семь міровыхъ загадокъ», «О жизненной силѣ» и, наконецъ, одна изъ его послѣднихъ рѣчей «О нео-витализмѣ», помѣщенная въ «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften». 1894 (іюнь).

читателей только съ тѣми его воззрѣніями, которыми онъ, такъ сказать, произвелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи интеллигентныхъ круговъ всего образованнаго міра. Это именно его взгляды на предѣлы естествознанія, а также взгляды, направленные противъ вульгарнаго матеріализма. Въ этомъ смыслѣ наибольшій интересъ представляетъ его рѣчь «О предѣлахъ естествознанія», произнесенная имъ на собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ въ 1872 году. Содержаніе этой рѣчи *) вкратцѣ сводится къ слѣдующему.

Естествознаніе нашего времени послѣ тѣхъ огромныхъ завоеваній, которыя оно сдѣлало, должно было бы дать отчетъ объ истинныхъ предѣлахъ своего владычества. Естествознаніе, или познаніе тѣлеснаго міра, есть сведеніе измѣненій въ тѣлесномъ мірѣ на движеніе атомовъ или разложеніе естественныхъ процессовъ на *механику атомовъ*. Кантъ говорилъ, что «во всякой естественной наукѣ лишь столько истинной научности, на сколько въ нее входитъ математики». Эту мысль, по мнѣнію Дю-Буа-Реймона, можно было бы сдѣлать болѣе точной, если бы вмѣсто математики поставить механики атомовъ, т. е. всякая наука о природѣ настолько есть наука, насколько можно ее представить, какъ механику атомовъ. Въ этомъ состоитъ цѣль и идеалъ совершеннаго научнаго познанія природы. Если мы себѣ представимъ, что всѣ измѣненія въ тѣлесномъ мірѣ разложены на движенія атомовъ, то міръ, какъ цѣлое, былъ бы познанъ съ естествовѣдной точки зрѣнія. «Можно себѣ представить,—говоритъ Дю-Буа-Реймонъ,—такую ступень познанія природы, на которой весь міровой процессъ былъ бы выраженъ при помощи одной математической формулы», и въ поясненіе этой мысли онъ приводитъ слѣдующее разсужденіе Лапласа:

«Если бы существовалъ умъ, который въ данное мгновеніе зналъ бы всѣ силы, дающія жизнь природѣ и взаимныя положенія существъ, изъ которыхъ она состоитъ, если бы, далѣе, онъ былъ настолько всеобъемлющимъ, чтобы эти данныя подвергнуть анализу, то онъ въ одной и той же формулѣ выразилъ бы движенія какъ величайшихъ міровыхъ тѣлъ, такъ и мельчайшихъ атомовъ; ничего для него не было бы неизвѣстнаго. Будущее, какъ прошедшее, въ одно мгновеніе были бы открыты его сознанію». Человѣческій разсудокъ можетъ имѣть нѣкоторое представленіе о такомъ умѣ, если обратитъ вниманіе на то совершенное

*) «Ueber die Grenzen des Naturerkennens», 7-е изд. Lpz. 1891. Имѣется русскій переводъ «О предѣлахъ естествознанія».

астрономическое познаніе, которымъ онъ обладаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ астрономъ долженъ придать только извѣстное отрицательное значеніе времени въ уравненіяхъ луны для того, чтобы опредѣлить, было ли солнце затемнено въ Пирећ въ то время, когда Периклъ плылъ въ Эпидавръ, точно также умъ, воображаемый Лапласомъ, разсмотрѣвъ свою міровую формулу, могъ бы намъ сказать, кто былъ «Желѣзная маска» или какимъ образомъ корабль «Президентъ» пошелъ ко дну. Подобно тому, какъ астрономъ предсказываетъ день, въ который комета изъ глубины мірового пространства черезъ длинный рядъ годовъ вновь появляется на небѣ, такъ и умъ, воображаемый Лапласомъ, могъ бы прочитать въ своихъ уравненіяхъ, когда вновь засіяетъ греческій крестъ на Софійской мечети или когда Англія сожжетъ послѣдній кусокъ угля. Придавши въ міровой формулѣ алгебраическому знаку времени значеніе отрицательное, этотъ умъ раскрылъ бы загадочное состояніе первобытной міровой матеріи.

Нѣчего говорить, конечно, что человѣческій умъ всегда будетъ очень далекъ отъ этого совершеннаго познанія природы. Но все-таки можно сказать, что умъ человѣка отличается отъ Лапласовскаго ума только лишь по степени, а не по существу. Трудно рѣшить вопросъ, больше ли отличается умъ Ньютона отъ ума, воображаемаго Лапласомъ, чѣмъ умъ австралійскаго негра отъ ума Ньютона?

Не взирая, однако, на такое мыслимое совершенство человѣческаго познанія, существуютъ двѣ задачи, предъ разрѣшеніемъ которыхъ и Лапласовскій умъ напрасно сталъ бы трудиться. Эти двѣ неразрѣшимыя задачи суть: во-1-хъ, что такое атомы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и, во-2-хъ, какимъ образомъ движеніе атомовъ могло бы произвести сознаніе.

Хотя мы въ естествознаніи все стремимся свести къ механикѣ атомовъ, но что такое атомъ самъ по себѣ—мы этого сказать не можемъ. Физическій атомъ, т. е. масса, которая, хотя мыслится чрезвычайно малой, но, тѣмъ не менѣе, по идеѣ можетъ быть безконечно дѣлима и которой приписываются свойства или состоянія движенія, изъ которыхъ объясняются свойства тѣла, состоящаго изъ безчисленнаго множества такихъ атомовъ, есть вполнѣ послѣдовательная и при извѣстныхъ условіяхъ, напр., въ химіи, очень полезная *фикція*. «Философскій же атомъ, т. е. мнимая недѣлимая далѣе масса инертнаго субстрата, отъ котораго исходятъ силы, дѣйствующія вдаль черезъ пустое пространство, при ближайшемъ разсмотрѣніи есть нелѣпость (Unding)». По мнѣнію Дю-Буа-Реймона, мы не можемъ разрѣшить вопроса, что такое матерія, и въ томъ случаѣ, если вмѣсто атомистической теоріи, по которой тѣла

составляются изъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ атомовъ, примемъ динамическую теорію, по которой тѣла состоятъ изъ непротяженныхъ геометрическихъ точекъ приложенія центральныхъ силъ.

«Никто, кто размышлялъ болѣе или менѣе глубоко,—говоритъ Дю-Буа-Реймонъ,—не станетъ отвергать трансцендентной*) природы тѣхъ препятствій, которыя въ этомъ случаѣ являются. Какъ бы мы ихъ ни старались обойти, но въ той или другой формѣ мы наталкиваемся на нихъ. Древніе іоническіе философы стояли передъ ними не болѣе безпомощными, нежели мы.

«Всѣ успѣхи естествознанія не оказали намъ въ этомъ никакой помощи. И всѣ дальнѣйшіе успѣхи его не окажутся въ этомъ направленіи плодотворными» **).

Вторая непостижимая загадка есть *сознаніе*. «Я покажу, надѣюсь, съ достаточной ясностью,—говоритъ Дю-Буа-Реймонъ,—что *сознаніе* не только при теперешнемъ состояніи нашего познанія *не можетъ быть объяснено изъ его матеріальныхъ условій* (съ чѣмъ, конечно, всякій согласится), но что оно *по самой природѣ вещей изъ этихъ условій никогда не будетъ объяснено*. Противоположное мнѣніе, что не слѣдуетъ терять надежды на то, что сознаніе можетъ быть объяснено изъ его матеріальныхъ условій, что оно будетъ доступно для человѣческаго ума спустя столѣтія или тысячелѣтія, есть мнѣніе ложное». Духовные процессы даже при астрономическомъ познаніи органа души, т. е. высшемъ, какое мы о немъ можемъ имѣть, были бы такъ же непонятны, какъ и теперь. Астрономическое познаніе мозга не открываетъ намъ въ немъ ничего больше, какъ только *движущуюся матерію*. Никакимъ мыслимымъ расположеніемъ или движеніемъ матеріальныхъ частичекъ мы не можемъ перебросить мостъ въ область сознанія. *Движеніе* можетъ производить только движеніе или можетъ превратиться въ потенціальную энергію. Потенціальная энергія можетъ произвести только движеніе. Механическая причина переходитъ въ механическое дѣйствіе. Психическіе процессы, совершающіеся въ мозгу, на ряду съ матеріальными, не имѣютъ поэтому для нашего разсудка достаточнаго основанія. Они стоятъ внѣ закона (физической) причинности.

При поверхностномъ разсмотрѣніи кажется, что мы могли бы посредствомъ познанія матеріальныхъ процессовъ въ мозгу сдѣлать понятнымъ извѣстные духовные процессы и способности, напр., память, теченіе и ассоціацію представленій, специфическіе

*) Т. е. недоступной познанію.

**) Ук. соч., стр. 15—28.

таланты и тому подобное. Но самое незначительное размышленіе легко можетъ показать, что это есть заблужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, «какая существуетъ мыслимая связь между опредѣленными движеніями опредѣленныхъ атомовъ въ моемъ мозгу и съ фактами для меня первоначальными, какъ-то: «я чувствую боль, удовольствіе, теплоту, холодъ. Я получаю ощущеніе сладкаго, я обоняю запахъ розы, я слышу звукъ органа, я вижу красный цвѣтъ». Никоимъ образомъ нельзя понять, какъ изъ движеній извѣстнаго числа атомовъ углерода, водорода, азота и кислорода могло бы возникнуть сознаніе. «По отношенію къ загадкамъ тѣлеснаго міра натуралистъ уже давно привыкъ съ мужественнымъ отреченіемъ выражать свое *ignoramus* *). Принявъ во вниманіе побѣдоносно пройденный путь, онъ утѣшаетъ себя сознаніемъ, что тамъ, гдѣ онъ теперь ничего не знаетъ, онъ могъ бы при извѣстныхъ условіяхъ знать и, можетъ быть, когда-нибудь будетъ знать. По отношенію же къ загадкѣ, что такое матерія и что такое сила и какъ они могутъ мыслить, онъ долженъ разъ навсегда рѣшиться на приговоръ ignorabimus» **).

Тѣ же мысли онъ излагалъ въ другой рѣчи подъ заглавіемъ: «Семь міровыхъ загадокъ», произнесенной въ Берлинѣ въ юбилейный день Лейбница (18 іюня 1880 года). Вмѣсто двухъ міровыхъ загадокъ, Дю-Буа-Реймонъ приводитъ слѣдующія семь:

1) Сущность матеріи и силы.

2) Возникновеніе движенія въ мірѣ.

3) Первое возникновеніе жизни на землѣ.

4) Кажущееся цѣлесообразное устройство природы.

5) Возникновеніе простѣйшаго ощущенія.

6) Возникновеніе разумности въ человѣкѣ и тѣсно связанной съ нею рѣчи.

7) Свобода человѣческой воли.

Первую и пятую проблемы онъ считаетъ абсолютной границей естествознанія, остальныя же проблемы онъ не считалъ абсолютно неразрѣшимыми, а только лишь представляющими большія трудности, которыя, можетъ быть, впослѣдствіи будутъ устранены.

Легко видѣть, что философскія воззрѣнія Дю-Буа-Реймона суть воззрѣнія крайняго позитивизма, стремящагося положить извѣстный предѣлъ научному познанію, а также предостеречь отъ возможныхъ метафизическихъ увлеченій. Но, какъ кажется, наиболѣе сильное впечатлѣніе на образованный міръ произвели тѣ части

---

*) Слово лат., значитъ «не знаемъ».

**) Значитъ «не будемъ знать».

его рѣчей, въ которыхъ онъ отвергалъ ходячій матеріализмъ, и какъ это весьма часто бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо теоретическія воззрѣнія слишкомъ сильно затрогиваютъ чьи-либо нравственно-философскія убѣжденія, его заподозрили въ цѣляхъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ; и въ этомъ смыслѣ реакція публики на взгляды, высказанные Дю-Буа-Реймономъ, является весьма интересной и поучительной иллюстраціей къ психологіи такъ называемой «интеллигентной массы».

О впечатлѣніи, произведенномъ на публику его первой рѣчью, самъ Дю-Буа-Реймонъ говоритъ: «Въ то время, какъ съ одной стороны, моя заслуга была слишкомъ преувеличена *), съ другой стороны, по моему адресу посыпались проклятія за то, что я провелъ для человѣческаго познанія непроходимыя границы». «Вообще, не могли допустить, почему сознаніе не можетъ быть понятно въ томъ же смыслѣ, какъ развитіе теплоты при химическомъ соединеніи или электрическомъ возбужденіи въ гальванической цѣпи».

Его упрекали за признаніе ignorabimus, «отдающаго, какъ выразился Эрнстъ Геккель, смиреніемъ совѣтника консисторіи и дѣлающаго наше научное невѣдѣніе перманентнымъ» **). «Фанатики этого направленія,—говоритъ Дю-Буа-Раймонъ,—объявили меня принадлежащимъ къ черной бандѣ ***) и вновь показали, какъ легко уживаются другъ съ другомъ деспотизмъ и крайній радикализмъ». Его противники не были въ состояніи понять разницы между утвержденіемъ, которое онъ опровергалъ, что *сознаніе не можетъ быть объяснено механически*, и утвержденіемъ, въ которомъ онъ не только не сомнѣвался, но которое онъ подтвердилъ многими фактами, именно, что сознаніе связано съ матеріальными условіями.

Сторонники матеріализма были особенно недовольны его рѣчью. Дюрингъ *) заподозрилъ Дю-Буа-Реймона въ спиритуализмѣ и мистицизмѣ, къ которому Дю-Буа-Реймонъ пришелъ съ самоуниженіемъ, неприличнымъ для натуралиста. Бюхнеръ **) тоже говорилъ съ неудовольствіемъ о томъ, что рѣчь Дю-Буа-Реймона вызвала одобреніе «болтуновъ-спиритуалистовъ».

Мы не считаемъ цѣлесообразнымъ поднимать вопросъ о томъ, можно ли во всемъ согласиться съ воззрѣніями Дю-Буа-Реймона, мы даже скажемъ больше: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчи его проглядываетъ дилеттантизмъ. Мы не хотимъ сказать, что Дю-

*) Его сравнивали съ Кантомъ. (См. ук. кн. стр. 70).

**) Т. е. вѣчнымъ.

***) Т. е. къ клерикаламъ.

*) «Kritische Gesch. d. Philosophie». Lpz. 1894, стр. 531.

**) «Kraft u. Stoff» 17-е изд.

Буа-Реймонъ такъ же великъ въ философіи, какъ и въ естествознаніи, мы хотѣли указать только на то, что Дю-Буа-Реймонъ, поднявши свой авторитетный голосъ противъ вульгарнаго матеріализма, оказалъ тѣмъ громадную услугу популяризаціи здравой философіи. Какъ натуралистъ, отрѣшившійся отъ предразсудковъ, въ которые многіе натуралисты считаютъ нужнымъ погрязать по принципу, онъ представляетъ собою очень рѣдкое явленіе. Точно такое же рѣдкое явленіе онъ представляетъ какъ натуралистъ, прошедшій извѣстную философскую школу *).

Но отчего же, если воззрѣнія Дю-Буа-Реймона не содержали въ себѣ ничего новаго, если они, какъ онъ самъ говоритъ **), были повтореніемъ только тѣхъ воззрѣній, которыя раньше высказывались философами, находятъ нужнымъ ссылаться на его авторитетъ? Развѣ авторитетъ имѣетъ какое-нибудь значеніе въ наукѣ? Вообще, разумѣется, нѣтъ. Но онъ имѣетъ значеніе для тѣхъ, кто уже находится подъ гнетомъ какого-либо авторитета, подъ вліяніемъ какого-либо предразсудка. Особенное довѣріе къ естественно-научному методу изслѣдованія, вызванное его успѣхами за послѣднее время, среди большинства публики вызываетъ взглядъ, что всѣ основные вопросы какъ въ наукѣ, такъ и въ философіи могутъ быть рѣшаемы только натуралистами по профессіи, что философское рѣшеніе вопросовъ со стороны философовъ, часто представителей гуманитарныхъ наукъ, рѣшительно никакой цѣны имѣть не можетъ. По мнѣнію большинства, если бы философы были посвящены въ тайны естествовѣдѣнія въ той мѣрѣ, въ какой могутъ быть въ нихъ посвящены натуралисты, то они разсуждали бы совсѣмъ иначе.

Вотъ почему философы въ послѣднее время весьма часто для доказательства воззрѣній, которыя давнымъ-давно въ философіи всѣми признаны, прибѣгаютъ къ цитированію взглядовъ выдающихся натуралистовъ. Вслѣдствіе этого они пріобрѣтаютъ гораздо большую авторитетность въ глазахъ публики и имѣютъ гораздо больше шансовъ на распространеніе. При такихъ условіяхъ смѣло высказать взгляды, которые не могли понравиться современникамъ, и своимъ авторитетомъ способствовать ихъ распространенію— это, по нашему мнѣнію, огромная заслуга Дю-Буа-Реймона передъ наукой и человѣчествомъ!

---

*) Его сочиненія обнаруживаютъ основательное знакомство съ Декартомъ, Лейбницемъ и др.

**) Ук. кн., стр. 70.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Февраль 1897 г.

Содержаніе. Исторія всеобщая.—Юридическія науки.—Философія и психологія.—Антропологія.—Естествознаніе.—Изъ иностранной литературы.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

«Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ».—*Лависсъ и Рамбо.* «Всеобщая исторія».—*А. Мензисъ.* «Исторія религіи».

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. Удостоена большой преміи имени императора Петра Великаго. Выпускъ первый. М. 1896. in 8-vo. Стр. VIII + 448. Ц. 1 руб. 50 коп. «Книга для чтенія» г. Виноградова восполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей учебной и общеобразовательной литературѣ, являясь, съ одной стороны, внѣклассным чтеніемъ для учащихся и источникомъ классныхъ разсказовъ для преподавателей, съ другой—пособіемъ для домашняго чтенія по всеобщей исторіи лицамъ, не получившимъ систематическаго школьнаго образованія. Ради этой послѣдней цѣли названная «книга для чтенія» на ряду съ учебникомъ всеобщей исторіи (часть 2-ая) того же г. Виноградова рекомендована *Программами домашняго чтенія на второй годъ систематическаго курса,* изд. московской «Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія», какъ *необходимое* пособіе (стр. 147).

Хрестоматія г. Виноградова стоитъ, несомнѣнно, въ очень тѣсной связи съ его учебникомъ всеобщей исторіи; читатели скоро убѣдятся въ этомъ, если дадутъ себѣ трудъ пересмотрѣть предисловія къ 1-ой части учебника и 1-му выпуску «книги для чтенія». Оба предпріятія имѣютъ въ виду реформу преподаванія исторіи въ нашей средней школѣ и, если далеки отъ радикальной ломки этого преподаванія и сопровождающихъ его устарѣлыхъ и ненаучныхъ программъ, то, во всякомъ случаѣ, стремятся свести къ нулю коренной недостатокъ этого преподаванія—безсвязность и отрывочность.

Хрестоматія г. Виноградова—трудъ коллективный; всѣ статьи ея спеціально для нея написаны, такъ какъ редакція была противъ наполненія ея вырѣзками изъ памятниковъ и историческихъ сочиненій, и въ этомъ отношеніи она представляетъ противоположность хрестоматіи по древней русской исторіи, издаваемой подъ редакціей В. Н. Сторожева въ *Библіотекѣ для самообразованія* и преслѣдующей исключительно интересы самообразованія (составлена спеціально для читателей по «Программамъ» *Коммиссіи* а слѣдовательно, можетъ удовлетворять и потребностямъ нашей'

высшей школы). Однако, спеціальное составленіе статей для хрестоматіи г. Виноградова при большомъ количествѣ сотрудниковъ имѣетъ и свои очень существенныя неудобства; мы разумѣемъ значительную разнохарактерность и не одинаковую научную высоту отдѣльныхъ статей по однороднымъ вопросамъ. Такъ какъ вышелъ пока лишь одинъ выпускъ хрестоматіи г. Виноградова, а ихъ должно быть четыре, то на этотъ разъ придется воздержаться отъ общей ея оцѣнки и ограничиться замѣчаніемъ, что она будетъ стоить слишкомъ дорого, да пожеланіями, чтобы между выходами въ свѣтъ отдѣльныхъ выпусковъ не было слишкомъ большихъ промежутковъ. Во всякомъ случаѣ, хрестоматія г. Виноградова пока не имѣетъ себѣ равной въ нашей скудной научно-педагогической литературѣ (хрестоматія проф. Сталюсевича разсчитана на совсѣмъ иной масштабъ и въ счетъ не идетъ).

Обращаемся къ содержанію перваго выпуска, въ которомъ помѣщено 18 статей, посвященныхъ исторіи возникновенія трехъ великихъ культурныхъ міровъ средневѣковья: западно-европейскаго, византійскаго и мухаммеданскаго Послѣдній представленъ тремя пересказами (№№ 13—15) по Müller'y и Kremer'y: *Магометъ и начало ислама* (стр. 324—350), *Исламъ* (стр. 351—363) и *Абассиды* (стр. 364—383). Второй—двумя самостоятельными статьями: проф. П. Г. Виноградова *Имперія VI вѣка и Юстиніанъ* (№ 9, стр. 212—246) и Ѳ. А. Смирнова *Левъ III Исавръ и начало иконоборства* (№ 12, стр. 302—323). Если г. Виноградовъ въ своей превосходной статьѣ стоитъ въ значительной степени на почвѣ традиціоннаго у насъ отношенія къ эпохѣ Юстиніана, то тѣмъ рельефнѣе оттѣняется попытка г. Смирнова изложить вопросъ объ иконоборствѣ гораздо болѣе научно, чѣмъ это допускалось у насъ въ школьныхъ пособіяхъ до сихъ поръ. Г. Смирнову, думается намъ, слѣдовало бы пойти нѣсколько дальше и рѣшительнѣе на этотъ счетъ: пора же, наконецъ, многіе историческіе вопросы излагать въ учебникахъ правдиво и научно и отложить въ сторону фальшивые покровы невѣжественныхъ взглядовъ. Остальныя 13 статей «книги для чтенія» посвящены возникновенію западно-европейскаго міра. Среди нихъ высокими научными и педагогическими достоинствами отличаются три статьи (№№ 3—5) профессора П. Н. Милюкова: *Разселеніе славянъ* (стр. 67—82), *Древнѣйшій бытъ славянъ* (стр. 83—101) и *Религія славянъ* (стр. 102—117). Кто знаетъ, какъ у насъ невозможно излагается вопросъ о славянствѣ въ школьныхъ пособіяхъ, какое искреннее и глубокое отвращеніе къ славянству выносятъ наши учащіеся изъ средней школы, тотъ отлично пойметъ заслугу г. Милюкова. Его статьи—цѣнный вкладъ въ нашу научно-популярную литературу о славянахъ. Мы обращаемъ, въ виду особенныхъ свойствъ нашей школьной практики, преимущественное вниманіе на статью о религіи славянъ, какъ на образчикъ строгаго научно-философскаго и въ то же время чрезвычайно яркаго и доступнаго изложенія. Живо, ясно и доступно написана статья С. П. Моравскаго *Германцы до великаго переселенія народовъ* (№ 1, стр. 1—36). Нѣкоторыя повторенія, неосторожное нѣсколько употребленіе термина

«государство» и отсутствіе перечня германскихъ племенъ легко могли бы быть исправлены при новомъ изданіи хрестоматіи. Очень картинно написана статья г. Гревса (№ 6, стр. 118—168) *Аларихъ и вестготы*, читается легко, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы при ея сравнительно большомъ объемѣ (это—самая длинная статья въ первомъ выпускѣ) она отличалась особенной содержательностью.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ статьяхъ хрестоматіи, рецензія превратилась бы тогда въ подробный разборъ, который сейчасъ и невозможенъ, такъ какъ предъ нами лежитъ едва четвертая часть книги. Въ общемъ приходится замѣтить, что хрестоматія г. Виноградова—крупная заслуга предъ нашей средней школой, и если она недостаточно рѣшительно вступаетъ на новый путь, то на это были, конечно, свои соображенія чисто практическаго свойства, и съ ними приходилось считаться. Что касается ея значенія, какъ пособія для *самообразовательнаго чтенія*, то мы рѣшаемся сказать, что въ этомъ отношеніи она далеко неудовлетворительна, и ее приходится рекомендовать лишь за неимѣніемъ болѣе подходящей книги. Неполнота матеріала, невыдержанность научнаго направленія и замѣтная разница въ научной высотѣ отдѣльныхъ статей, присутствіе статей, пригодныхъ лишь для учащихся въ средней школѣ, и т. д. фигурируютъ въ числѣ мотивовъ для высказаннаго заключенія. И сама «Коммиссія по организаціи домашняго чтенія», которая приноровила къ хрестоматіи г. Виноградова извѣстную часть своей программы по всеобщей исторіи, должна была приняться за составленіе особаго сборника статей по средневѣковой исторіи Англіи, Франціи и Германіи (*Программы*, стр. 147), который, къ крайнему сожалѣнію, до сихъ поръ еще не выпущенъ въ свѣтъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что большую услугу нашей средней школѣ оказали бы многіе преподаватели, еслибъ подѣлились съ читающей публикой вынесенными ими изъ школьной практики впечатлѣніями послѣ примѣненія хрестоматіи г. Виноградова, высказали бы свои замѣчанія о возможности и желательности тѣхъ или другихъ измѣненій, дополненій, передѣлокъ, а можетъ быть, и перетасовокъ въ самомъ подборѣ матеріала. Въ такой критикѣ всѣ наши учебныя изданія нуждаются болѣе всего, ея-то именно мало приходится встрѣчать, и едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ учебной литературѣ независимый голосъ *практической* критики подавленъ оффиціальными, чисто канцелярскими отзывами и наши педагоги отказываются «смѣть, свое сужденіе имѣть», предпочитая видѣть въ учащейся молодежи тяжелый грузъ, который надо доставлять къ выпускному экзамену, совершенно цѣлымъ и нетронутымъ, но съ большимъ запасомъ зазубреннаго вздора.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. I. Переводъ Невѣдомскаго. Изданіе Солдатенкова. М., 1897. XXIV+820 стр. Ц. 3 р. Почтенная фирма К. Т. Солдатенкова приступила къ изданію новаго капитальнаго труда. Французская «Всеобщая исторія» (еще не конченная въ подлинникѣ) обѣщаетъ чуть ли не превзойти размѣрами нѣмецкую, Вебера,

переведенную у насъ (въ 16 томахъ), также благодаря г. Солдатенкову. Трудъ Лависса и Рамбо выгодно отличается отъ веберовскаго. Это—сводъ трудовъ лучшихъ спеціалистовъ Франціи, руководимыхъ такими извѣстными и даровитыми историками, какъ профессора парижскаго университета, Лависсъ и Рамбо. Нѣмецкая же «Всеобщая исторія» написана однимъ лицомъ, покойнымъ Веберомъ. Правда, дѣло не въ этомъ: и въ томъ, и въ другомъ способѣ обработки исторіи есть свои выгоды и невыгоды. Бѣда въ томъ, что Веберъ не отличался талантливостью, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше проявлялъ небрежности, поспѣшности. Между тѣмъ, какъ томы Вебера представляютъ компиляцію, и по старому шаблону, съ явнымъ пристрастіемъ къ «политикѣ», французское изданіе отличается тщательною обработкой богатаго матеріала, отчетливо расположеннаго по §§, каждый съ своимъ названіемъ: не только отдѣлы, но каждая глава составлена особымъ спеціалистомъ. А главное—редакторы стоятъ на современной, болѣе глубокой точкѣ зрѣнія на свой предметъ. Они говорятъ въ предисловіи: «Мы не будемъ вставлять въ сцену дѣйствія единственно то, что нашъ почтенный наставникъ Дюрюи называлъ *histoire-bataille*, т. е. мелкія подробности о монархахъ и описанія длиннаго ряда сраженій или мирныхъ договоровъ. У насъ будутъ стоять на первомъ планѣ тѣ факты, которые, по выраженію Вольтера, касаются нравовъ и духа націй». Этотъ взглядъ виденъ во всемъ. Авторы слѣдятъ всюду за культурой и особенно за ея идейной стороной: отсюда ихъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что даже «хаосъ» начала средневѣковья былъ именно періодомъ, въ которомъ «особенно ясно замѣтно вліяніе идей на грубую матерію». Французскіе историки, сверхъ того посвящаютъ особые отдѣлы или §§ болѣе обстоятельному обзору различныхъ сторонъ культуры. Это покуда—планъ, вполнѣ современный и наиболѣе плодотворный, который замѣчается и въ нашихъ историческихъ трудахъ подобнаго рода. Конечно, онъ, въ то же время, и крайне трудный: тутъ требуется, помимо глубокой учености, большая вдумчивость и сила обобщенія,—словомъ, недюжинный талантъ. И въ разсматриваемомъ изданіи не, вездѣ одинаково выдержанъ планъ и основная точка зрѣнія. Въ дальнѣйшихъ томахъ (особенно въ исторіи крестовыхъ походовъ) менѣе даровитые авторы сбиваются иногда на старый путь. Но первый томъ наиболѣе свободенъ отъ этихъ недостатковъ.

Важнѣе всего то, что «Всеобщая исторія» французовъ—трудъ добросовѣстный: онъ стоитъ на высотѣ современной науки. Это ясно уже изъ богатой литературы предмета, сопровождающей каждую главу. А для знающихъ это очевидно изъ самыхъ вопросовъ и изъ способа ихъ постановки: таковы описанія общественнаго строя римской имперіи, бенефиціальной и вассальной системы, папства и т. п. Разсматриваемый трудъ выгодно отличается отъ подобныхъ нѣмецкихъ изданій и сравнительнымъ безпристрастіемъ: здѣсь Франція занимаетъ подобающее ей мѣсто, но не подавляетъ все остальное. Авторы дѣйствительно стараются дать «исторію *всѣхъ* народовъ, которые играли какую-нибудь роль

*

въ великихъ переворотахъ, пережитыхъ человѣчествомъ». Наконецъ, замѣчательны простота изложенія, дѣльность безъ всякихъ претензій ни на философствованіе, ни на краснобайство. Все сказанное заставляетъ радоваться появленію на русскомъ языкѣ такого крупнаго и полезнаго труда, который поможетъ развитію у насъ здраваго взгляда на жизнь и уваженіе къ наукѣ. А издателю должно быть признательнымъ за дешевизну книги (3 р. за 51 листъ большого формата, и хорошаго изданія). Переводчикъ давно доказалъ свою опытность и умѣнье справляться съ своей скромной, но почтенной задачей.

Мензисъ, А. Исторія религіи. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Цѣна 1 руб. Съ тѣхъ поръ, какъ цивилизованному міру стали извѣстны epochemachende (по выраженію нѣмцевъ) произведенія Дарвина: «Происхожденіе видовъ» (1859), «Происхожденіе человѣка» и др., во всѣхъ наукахъ совершился цѣлый переворотъ: въ настоящее время не осталось почти ни одной отрасли знанія, которая не испытывала бы на себѣ вліянія знаменитой теоріи Дарвина, такъ что эволюціонизмъ теперь сталъ главной отличительной чертой всѣхъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, эволюціонная теорія далеко не ограничивается тѣмъ, что она даетъ *механическое объясненіе органической природы*, — нѣтъ, теперь даже школьникамъ извѣстна истина, что и исторія человѣка со всѣми ея развѣтвленіями есть не болѣе, какъ звено общей исторіи мірозданія: всюду господствуютъ однѣ и тѣ же силы, одни и тѣ же регулирующіе законы,— законы постепеннаго развитія. И прежде всего, антропологія и соціологія всецѣло основаны на теоріи эволюціи (Ляйель, Леббокъ, Тайлоръ, Спенсеръ, Дрейфусъ, Греефъ, Липпертъ и др.); въ томъ же духѣ нынѣ разрабатываются науки экономическія (Марксъ, Энгельсъ, Каутскій, Ингрэмъ, Летурно), юридическія (Іерингъ, М. Ковалевскій, Мэнъ, Постъ), этическія (Спенсеръ, Летурно, Гюйо, Фуллье), политическія (Спенсеръ, Летурно, Жанэ) и проч., и проч. И область религіозныхъ знаній не могла избѣжать общаго удѣла наукъ второй половины XIX вѣка; только-что переведенный на русскій языкъ трудъ шотландскаго профессора Мензиса: «Исторія религіи» служитъ неопровержимымъ доказательствомъ высказанной нами мысли.

Еще въ очень недавнее время религіозными вопросами занимались почти исключительно лица духовнаго званія или богословы, причемъ религія трактовалась не иначе, какъ съ цѣлями апологетическими: богословы доказывали или пытались доказать, будто всѣ религіи, за исключеніемъ іудейства и христіанства, были сплошнымъ заблужденіемъ, одной ложью, поклоненіемъ демонамъ. И только когда въ Западной Европѣ, вмѣстѣ съ другими свободами, была завоевана свобода научнаго изслѣдованія, когда религіозными вопросами стали интересоваться люди свѣтскіе, обладавшіе громадною эрудиціею, когда, наконецъ, ближе ознакомились съ религіями не-христіанскими,—увидѣли, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; достаточно здѣсь припомнить капитальнѣйшіе труды такихъ уче-

ныхъ, какъ Максъ Мюллеръ, Бюрнуфъ, Ревилль, Пфлейдереръ, Вайцъ, Тилль, Раухенгофъ, Хрисанѳъ и др., чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Однако, всѣ эти замѣчательныя ученыя произведенія имѣютъ ту особенность, что разсматриваютъ ту или иную религію въ отдѣльности, не сообразуясь съ тѣмъ, въ какой связи она стоитъ съ другими религіями, предшествовавшими ей и послѣдующими. Отсюда для насъ станетъ понятна вся важность и значеніе труда профессора Мензиса: «Исторія религіи», гдѣ проводится мысль, что всѣ религіи міра, при всей своей хаотичности, при всемъ разнообразіи и видимомъ несходствѣ, находятся въ тѣсной органической связи, какъ части одного цѣлаго. Почтенный ученый утверждаетъ, что религія, какъ и другія стороны человѣческой жизни, развивалась съ самаго начала и развивается до сихъ поръ, и что развитіе религіи совершалось по обычнымъ законамъ человѣческаго прогресса. «Развѣ мы не можемъ утверждать,—говоритъ Мензисъ,—пока не будетъ доказано противное, что въ развитіи религіозныхъ идей и обрядовъ съ самыхъ раннихъ временъ до нашихъ дней не было перерыва, и что высшая религія настоящаго времени составляетъ часть первобытной религіи людей? Эта часть, правда, во многихъ отношеніяхъ ушла далеко отъ древнѣйшей религіи, но въ ней продолжаетъ жить то, что было наиболѣе существеннаго въ первобытныхъ вѣрованіяхъ, и то, что было наиболѣе жизненнаго въ древнѣйшихъ религіозныхъ основахъ, до сихъ поръ возбуждаетъ поклоненіе... Если на учрежденія и вѣрованія не смотрѣть, какъ на нѣчто незыблемое, а какъ на нѣчто развившееся изъ того, что было раньше, и развивающееся въ то, что будетъ впослѣдствіи, то учрежденія и вѣрованія эти перестанутъ вызывать презрѣніе, зависть или ненависть. Глядя на всѣ религіи, какъ на стадіи развитія религіи вообще, мы не будемъ имѣть причины унижать или незаслуженно превозносить ни одну изъ нихъ. Мы не станемъ дѣлить религіи на одну истинную, христіанство, и на ложныя, подъ которыми будемъ разумѣть всѣ прочія... Но, чувствуя, что мы не въ силахъ правильно понять нашу собственную религію, не сравнивая ее съ другими, мы будемъ оцѣнивать эти послѣднія религіи по той роли, какую онѣ играли въ великомъ движеніи, и съ этой уже точки зрѣнія будемъ смотрѣть и на нашу собственную религію, ибо, не имѣя исторіи, религіи не могли бы совершенствоваться. Имѣя въ виду этотъ принципъ развитія, мы найдемъ хорошее въ самомъ грубомъ и увидимъ, что скорѣе доброе и истинное, чѣмъ злое и ложное, составляютъ конечный смыслъ даже самыхъ примитивныхъ религіозныхъ системъ» (стр. 4—5).

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Менгеръ. «Соціальныя задачи юриспруденціи».—*Г. Ф. Шершеневичъ.* «Опредѣленіе понятія о правѣ».

Антонъ Менгеръ. Соціальныя задачи юриспруденціи. Переводъ съ нѣмецкаго приватъ-доцента харьковскаго университета Н. А. Гредескула. 1896. in 8-vo. Стр. 20. — А. Менгеръ. Общественныя задачи правовѣдѣнія. Рѣчь, читанная при вступленіи въ должность ректора вѣнскаго университета 24-го октября 1895 года. Международная библіотека. № 43. Изданіе І. Юровскаго. Спб. 1896. in-16. Стр. 28. Ц. 15 коп. Блестящая рѣчь Менгера сразу вышла у насъ въ двухъ изданіяхъ и, кромѣ того, рекомендована какъ *необходимое* пособіе «*Программами домашняго чтенія на второй годъ систематическаго курса*», изд. московской «Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія» (М. 1896 г., стр. 125); появились публикаціи и о третьемъ переводѣ той же рѣчи, который долженъ выйти въ свѣтъ въ серіи «Вопросовъ науки, литературы, искусства и жизни», изд. московскаго книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель. Такое вниманіе къ рѣчи А. Менгера оправдывается вполнѣ интересомъ ея содержанія и воспитательнымъ значеніемъ для русской читающей публики. Небольшая по объему, недорогая по цѣнѣ, она должна найти у насъ широкое распространеніе и способствовать воспринятію здравыхъ научныхъ истинъ, направленныхъ къ пониманію основныхъ интересовъ и задачъ трудящихся массъ. Рѣчь Менгера—превосходный отголосокъ того переворота въ юриспруденціи, который съ особенной силой проявился послѣ колоссальнаго краха юристовъ, воспитавшихся на традиціяхъ римскаго права и работавшихъ надъ созданіемъ германскаго гражданскаго уложенія. Оно заслужило массу справедливыхъ упрековъ въ *не*-соціальности и является результатомъ удивительнаго застоя въ области юридическихъ наукъ, вызваннаго особенностями исторической школы юристовъ и слѣпой вѣрой въ незыблемость основъ римскаго гражданскаго права. На развалинахъ исторической школы, среди мертвыхъ и наивныхъ, съ современной точки зрѣнія, пересказовъ твореній римскихъ юристовъ воздвигается новое зданіе соціальнаго правовѣдѣнія, съ которымъ и знакомитъ брошюра Менгера въ очень живомъ, выпукломъ и всѣмъ доступномъ изложеніи. Авторъ поднимаетъ въ немъ такіе капитальные жизненные вопросы, что его ученая рѣчь невольно превращается въ летучую брошюру, равно для всѣхъ интересную. Являясь одной изъ крупнѣйшихъ рубрикъ современной соціальной науки, соціальная юриспруденція ставитъ своей задачей тщательное наблюденіе за приливами и отливами общественныхъ силъ, развивающихся внутри каждаго народа, и заключеніе отсюда о правовомъ строѣ будущаго. Главная трудность, которую приходится одолѣвать представителю соціальной юриспруденціи, состоитъ въ томъ, чтобы точно установить происшедшія измѣненія въ соотношеніи силъ между различными общественными классами. Для соціальной юриспруденціи является главною задачей познать, въ чемъ заключается противорѣчіе между исторически сложившимся правовымъ строемъ и но-

вымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, и подготовить вытекающія отсюда измѣненія въ правовомъ строѣ. «Съ особеннымъ вниманіемъ,—говоритъ Менгеръ (стр. 12),—соціальная юриспруденція должна слѣдить за тѣмъ, чтобы сохранялось въ общественномъ организмѣ совпаденіе между силой и правомъ, дабы возможно было своевременно предотвращать соціальныя катастрофы, которыя такъ часто наступаютъ, когда это совпаденіе нарушается, замѣняясь конфликтомъ между народившейся силой и состарѣвшимся правомъ. Только путемъ такой дѣятельности юриспруденція, почти фатально прикрѣпленная къ буквѣ и авторитету въ своей догматической и исторической части, можетъ возвыситься до состоянія свободно созидающей науки, имѣющей дѣло съ высшими задачами человѣчества». Менгеръ съ такой обдуманностью и вмѣстѣ неподражаемой искренностью излагаетъ избранную имъ тему, смотритъ на нее съ такихъ широкихъ и разносторонникъ точекъ зрѣнія, что способенъ увлечь даже очень равнодушнаго къ соціальнымъ вопросамъ читателя. Возставая противъ узкой спеціализаціи въ наукѣ, констатируя мастерски отступленіе фолософіи, какъ объединяющей связи, на второй планъ, Менгеръ ставитъ соціальный вопросъ на высоту объединяющаго всѣхъ начала. Съ этимъ взглядомъ едва ли можетъ кто не согласиться, и быть можетъ насъ не упрекнутъ за смѣлость привести на этотъ счетъ одну цитату изъ брошюры Менгера, обращающую на себя вниманіе читателя благородствомъ изложенія и глубиною мысли. «Существуетъ теперь предметъ,—читаемъ въ русскомъ переводѣ г. Гредескула (стр. 15; по изд. Юровскаго, стр. 22),—къ которому всѣ *культурные* народы относятся съ такимъ глубокимъ, даже болѣзненнымъ интересомъ, что это заставляетъ вспомнить то великое нравственное движеніе, изъ котораго, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, выросло христіанство: этотъ предметъ есть соціальный вопросъ. Въ немъ дана основа для круга мыслей, способнаго объединить всѣ умы, а напряженность интереса къ нему вознаградитъ за то, что соціальная наука, средоточіемъ которой является соціальная юриспруденція, не охватываетъ, какъ прежде философія, всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, но изслѣдуетъ только важнѣйшія практическія задачи человѣческаго существованія». Эта выдержка характеризуетъ не только взглядъ Менгера на соціальную проблему современнаго культурнаго государства, но и его отношеніе къ послѣдней: въ ней слышится голосъ убѣжденнаго новатора, человѣка, глубоко постигшаго основу современныхъ интересовъ и жизненное значеніе науки. Современный новаторъ идетъ впередъ не въ надеждѣ на успѣхъ при помощи грубой силы, а во всеоружіи научнаго знанія, въ твердой увѣренности, что роль науки въ жизни становится во главу угла и непреодолима для прозвола, насилія и зазорнаго гнета анти-соціальныхъ, quasi-религіозныхъ и другихъ предразсудковъ. Горячо рекомендуя читающей публикѣ брошюру Менгера, мы пожелали бы большей осмотрительности со стороны переводчиковъ въ выборѣ выраженій и большей популярности изложенія: переводъ рѣчи Менгера нуженъ читающей публикѣ, а не присяжнымъ ученымъ, которые знакомы

съ ней по подлиннику. Судя по предисловію къ переводу, г. Гредескулъ предпринялъ его исключительно ради своего сочувствія къ новому и плодотворному направленію въ юриспруденціи. Нельзя не пожелать, чтобы это сочувствіе привело нашего переводчика къ дальнѣйшимъ работамъ для популяризаціи этого направленія среди русской публики.

Опредѣленіе понятія о правѣ. Профессора казанскаго университета Г. Ф. Шершеневича. Казань. 1896 г. Г. Шершеневичъ написалъ весьма интересную, не только для юристовъ, но и для каждаго образованнаго человѣка, брошюру, трактующую объ одномъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ философіи права, породившемъ на Западѣ громадную литературу. Для насъ, русскихъ, новая книжка проф. Г. Ф. Шершеневича имѣетъ особенное значеніе потому, что на русскомъ языкѣ, кромѣ извѣстнаго сочиненія С. А. Муромцева «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» и «Лекцій по общей теоріи права» проф. Н. М. Коркунова, нѣтъ ни одного сочиненія, знакомящаго читателя съ современными научными выводами по этому предмету. Мы передадимъ, поэтому, вкратцѣ содержаніе интересной работы проф. Шершеневича и выводы, къ которымъ онъ пришелъ.

Одна изъ главныхъ задачъ, лежащихъ на юристѣ, состоитъ въ обособленіи юридическихъ отношеній отъ прочихъ общественныхъ и въ выдѣленіи юридической стороны вопроса изъ его бытовой обстановки. Если юристъ, смѣшавъ право и мораль, будетъ произвольно признавать юридическую защиту за отношеніями нравственными, онъ можетъ нанести существенный вредъ обществу. Только уясненіе понятія о сущности права способно создать твердую почву подъ его ногами и предотвратить возможность прискорбныхъ ошибокъ.

Первое немаловажное затрудненіе на пути къ опредѣленію права ставитъ языкъ. Правовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ готовыми уже понятіями и выраженіями, установившимися въ жизни помимо науки. Обычное словоупотребленіе создало слѣдующія, сплошь и рядомъ встрѣчающіяся выраженія: «право на визитъ», «право на уваженіе», «право на благодарность», «дѣти не имѣютъ права садиться въ присутствіи старшихъ», «мужъ не имѣетъ права дѣлать женѣ несносною жизнь съ цѣлью добиться развода» и т. п. Такое несоотвѣтствіе между научнымъ понятіемъ о правѣ и общепринятымъ словоупотребленіемъ легко объясняется дифференціаціей понятій, наблюдаемой въ эволюціи не только правовыхъ терминовъ, но и въ понятіяхъ другихъ наукъ: родовое понятіе о правѣ, какъ правилахъ общежитія, расчленилось на видовыя понятія о правѣ, нравственности, приличіи. Но наука не можетъ примириться съ указаннымъ несоотвѣтствіемъ понятій и должна изъ всѣхъ случаевъ, въ которыхъ примѣняется слово «право», выдѣлить только часть ихъ, связанныхъ присущимъ всѣмъ и существенно важнымъ признакомъ, закрѣпить названіе «право» только за этою группою, остальную же часть оставить безъ вниманія, исключивъ изъ научнаго понятія о правѣ. Главная задача юриста, такимъ образомъ, заключается въ томъ, чтобы найти

тотъ существенный признакъ, который всегда и необходимо присущъ праву. Невозможность найти отличительный признакъ права въ его содержаніи, обусловливаемая тѣмъ, что историческія и этнографическія данныя рисуютъ намъ такіе разнообразные правовые порядки, которые не поддаются вовсе обобщенію или допускаютъ его только въ незначительномъ объемѣ, заставляетъ юриста обратиться отъ содержанія къ формальной сторонѣ права, такъ какъ сущность того, что называется «правомъ», очевидно, заключается не въ томъ, что̀ предписывается тѣмъ или инымъ законодательствомъ, а въ томъ, какимъ образомъ устанавливаются и поддерживаются нѣкоторыя правила общежитія.

Право является всегда въ видѣ нормы. Подъ именемъ нормы или правила мы понимаемъ указаніе, какъ должно поступать, чтобы достигнуть той или иной цѣли; норма представляетъ собою сообразованіе дѣятельности съ намѣченною цѣлью. Нормы могутъ имѣть своимъ предметомъ опредѣленіе: отношеній человѣка къ Богу, отношеній человѣка къ самому себѣ, отношеній человѣка къ внѣшнему міру и отношеній человѣка къ человѣку. Право, или юридическія нормы, не имѣетъ и по природѣ не можетъ имѣть своимъ предметомъ опредѣленіе отношеній человѣка къ Богу, къ самому себѣ и къ внѣшнему міру. Доказательству этого положенія авторъ посвящаетъ весь § 3 своей книги. Юридическія нормы могутъ имѣть своимъ предметомъ только опредѣленіе отношеній человѣка къ человѣку. Но эта задача выполняется не однѣми юридическими, но и иными нормами, ближе всего нормами нравственности. Однородныя по цѣли, а нерѣдко и по содержанію, нормы нравственности и нормы права могутъ быть различены только по сопровождающей ихъ санкціи. Санкціей этическихъ нормъ является оцѣнка поведенія со стороны общественнаго мнѣнія. Санкціей юридическихъ нормъ служитъ принужденіе со стороны государственной власти. Самое принужденіе, сопровождающее юридическую норму, имѣетъ психическій характеръ и заключается въ возбужденіи мотива, который долженъ склонить къ поведенію, согласному съ нормами, и преодолѣть мотивы, отклоняющіе отъ нормальнаго поведенія. Силою, воздѣйствующею въ этомъ направленіи на волю, является угроза со стороны государственной власти невыгодными послѣдствіями въ случаѣ уклоненія отъ нормы. Для приведенія этой угрозы въ исполненіе государственный бытъ создаетъ особые органы. На основаніи всей предшествовавшей аргументаціи, авторъ приходитъ къ такому опредѣленію понятія о правѣ: *право есть норма, опредѣляющая отношеніе человѣка къ человѣку, угрозою на случай нарушенія извѣстнымъ страданіемъ, которое будетъ причинено установленными для этой цѣли органами государственной власти.*

Таково содержаніе новаго труда проф. Шершеневича. Желающимъ ближе ознакомиться съ этой интересной монографіей мы совѣтуемъ обратиться къ прочтенію самой книжки. Работа проф. Шершеневича богата указаніями на литературу вопроса.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Я. Колубовскій. «Философскій Ежегодникъ». — *А. Фулье.* «Темпераментъ и характеръ». — *В. Вундтъ.* «Опытъ психологіи». — *Эльзенгансъ.* «Элементарное описаніе душевныхъ явленій. — *Полянъ.* «Физіологія ума». — *Г. Челпановъ.* «Указатель литературы по вопросу о матеріализмѣ».

Я. Колубовскій. Философскій Ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй (1894). Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. М. 1896. 314 стр. Цѣна не обозначена. Уже по поводу перваго выпуска «Философскаго Ежегодника» одинъ изъ рецензентовъ выразилъ составителю его рѣдкое, необычайное порицаніе... за излишнюю тщательность, педантическую полноту и точность работы. Подумайте только... у насъ, въ Россіи, за одинъ годъ набралось «имѣющаго отношеніе къ философскимъ знаніямъ» на 314 страницъ толковаго каталога большого формата и очень мелкой печати. Нѣтъ ничего страннаго, если во Франціи выходитъ ежегодно цѣлымъ томомъ «Année philosophique» или даже болѣе спеціальный «Année psychologique,»—тамъ есть цѣлый рядъ самостоятельныхъ статей и изслѣдованій, тамъ коротко резюмируются почти всѣ литературы міра. Но неужели у насъ по философскимъ наукамъ пишутъ такъ много?—будетъ недоумѣвать читатель... Гдѣ она, эта литература? Отчего о ней такъ мало слышно? — Успокойтесь, читатель, этой литературы вы потому и не знаете, что ея у насъ нѣтъ. И «Ежегодникъ» посвященъ, главнымъ образомъ, не этой, теоретической литературѣ на философскія темы, а чему-то другому. Большинство тѣхъ 1.136 номеровъ, которые вошли въ этотъ выпускъ «Ежегодника», посвящены частью той текущей, мелкой литературѣ, которая, преимущественно въ повременныхъ изданіяхъ, худо ли, хорошо ли отражаетъ движенія современной научной и философской мысли, частью той полемикѣ о насущныхъ, животрепещущихъ общественныхъ вопросахъ, которые имѣютъ большую или меньшую связь съ общими идейными теченіями эпохи. Такъ, и въ настоящемъ выпускѣ читатель найдетъ подробный перечень, отчасти и изложеніе съ указаніемъ времени, мѣста, повода появленія, множества книгъ, статей, замѣтокъ и проч., группирующихся около нѣсколькихъ вопросовъ, оживленно дебатировавшихся въ печати въ теченіе 1894 года. Въ числѣ этихъ вопросовъ мы находимъ вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ (книга П. Струве «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» и полемика по поводу ея, статьи по тому же вопросу проф. Карѣева, Н. К. Михайловскаго и др.), споры о славянофильствѣ, объ его исторіи и современномъ значеніи (статьи Вл. С. Соловьева, Н. Н. Страхова, кн. С. Н. Трубецкого, Л. Тихомирова, В. Розанова, Ю. Николаева и др.), споры Вл. С. Соловьева съ В. Розановымъ и Л. Тихомировымъ о свободѣ и вѣротерпимости, борьбу за и противъ мнѣній и ученій гр. Л. Н. Толстого, столкновенія по поводу писаній г. Волынскаго, далѣе, напр., указанъ и изложенъ цѣлый рядъ статей объ украинскомъ философѣ Г. С. Ско-

вородѣ, появившихся по случаю столѣтія со дня его смерти, и т. д. Эти мѣста въ указателѣ одни изъ самыхъ интересныхъ. Какъ на нихъ, такъ и вообще на эту книгу потрачена страшная масса труда, и въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость г. Колубовскому: порядокъ и точность указаній идеальны, всѣ справки облегчены до послѣдней степени, корректура, страшно трудная въ такомъ пестрѣющемъ цифрами изданіи, продержана превосходно. Всѣ эти качества такъ рѣдки именно въ русскихъ изданіяхъ, что видѣть образцово изданную книгу прямо доставляетъ удовольствіе. Сколько-нибудь серьезная философская литература у насъ, конечно, очень мала, и г. Колубовскій совершенно справедливо говорилъ въ первомъ выпускѣ своего «Ежегодника», что «если бы «Ежегодникъ» останавливался лишь на статьяхъ, за которыми можно признать не одинъ только интересъ минуты, то ему пришлось бы выбросить за бортъ, по крайней мѣрѣ, три четверти своего содержанія». Не слишкомъ ли роскошествуетъ г. Колубовскій, расточая свой трудъ на извлеченіе мелкаго матеріала, напр., изъ многихъ газетъ, объ этомъ можно спорить; мы, во всякомъ случаѣ, понимаемъ его мотивы: вносить все, что имѣетъ *какое-либо* отношеніе къ философскимъ знаніямъ, гораздо легче, чѣмъ выбирать на основаніи того или другого опредѣленнаго критерія, отдѣляя достойное быть отмѣченнымъ отъ недостойнаго; можно прямо сказать, что послѣдняя задача совершенно не по силамъ одному лицу. Не лишено справедливости и замѣчанія г. Колубовскаго, что даже и «замѣтки разнаго характера подчасъ являются знаменіемъ времени и послужатъ для будущаго историка русской мысли благодарнымъ матеріаломъ». Въ такой большой и притомъ единоличной работѣ найдутся, вѣроятно, при ближайшемъ разсмотрѣніи и пробѣлы: та или другая книга или статья можетъ быть не вполнѣ равномѣрно или точно изложена, оцѣнка, гдѣ она есть, можетъ быть не всегда вполнѣ справедлива и т. п.; но если и есть такіе недостатки, они не отнимаютъ у книги ея значенія. Особенно можетъ она пригодиться тому (обширному въ Россіи) классу читателей, который вынужденъ довольствоваться почти одной періодической литературой: они найдутъ здѣсь подробныя указанія почти на все существенное, появившееся въ этой области за 1894 годъ и имѣющее связь съ общими вопросами теоріи и практики.

Альфредъ Фулье. Темпераментъ и характеръ. М. 1896. Наука объ образованіи характера имѣетъ огромную практическую важность: если бы мы знали законы его измѣненій, то могли бы этимъ воспользоваться для цѣлей воспитанія и моральнаго развитія. Ученіе о темпераментахъ и характерахъ, какъ извѣстно, очень давняго происхожденія. Уже врачи и философы древности рѣшали вопросъ о темпераментахъ, приводя ихъ въ связь съ тѣми или другими соками организма (съ желчью, кровью и т. п.). Ихъ раздѣленія въ существенныхъ чертахъ были удержаны и въ новой психологіи; извѣстное раздѣленіе темпераментовъ на сангвинический, меланхолическій, холерическій и флегматическій, съ полнымъ описаніемъ ихъ свойствъ, принадлежитъ Канту.

Въ послѣднее время желаніе придать практическое значеніе психологическимъ наблюденіямъ произвело то, что многіе психологи, главнымъ образомъ, во Франціи (Бернаръ Перэ, Поланъ, Кейра, Сибо) предложили свои классификаціи характеровъ, которыя, нужно, впрочемъ, замѣтить, существеннымъ образомъ отличаются другъ отъ друга, что, конечно, указываетъ на то, что психологія въ этомъ пунктѣ стоитъ пока на очень шаткой почвѣ. Къ числу такихъ попытокъ нужно отнести попытку Фулье, которая отличается, между прочимъ, тѣмъ, что стремится привести въ связь психологическую классификацію характеровъ съ физіологическими процессами, совершающимися въ нашемъ организмѣ. Какъ извѣстно, въ нервной клѣткѣ происходятъ различные процессы, болѣе или менѣе доступные нашему изслѣдованію. Такъ, мы знаемъ, что вещество нервной клѣтки при извѣстныхъ условіяхъ распадается и подъ вліяніемъ питанія вновь возстановляется; въ немъ происходятъ, какъ говорятъ физіологи, процессы дезинтеграціи и реинтеграціи. Далѣе мы знаемъ, что возбудимость нервной клѣтки можетъ быть сильной или слабой, быстрой или медленной и что эта возбудимость находится въ зависимости отъ питанія клѣтки. Фулье полагаетъ, что физіологія уже достаточно подвинулась впередъ, такъ что мы въ состояніи привести въ связь свойства темперамента и характера съ возбудимостью нервной клѣтки, и попытку эту онъ проводитъ довольно полно. Но, по справедливому замѣчанію московскаго психіатра Токарскаго (О темпераментахъ, М. 1896), эту попытку нужно считать преждевременной. По его мнѣнію, вопросъ объ отношеніи дѣятельности клѣтокъ къ нѣкоторымъ свойствамъ ощущеній остается для насъ открытымъ.

Фулье отличаетъ темпераментъ отъ характера, приблизительно слѣдующимъ образомъ. Темпераментъ — это извѣстный запасъ склонностей, которымъ выражается общая, свойственная организму манера проявлять свою жизнь, своеобразность функцій, тонъ и направленіе жизненной энергіи. Темпераментъ представляетъ нѣчто врожденное, но онъ можетъ быть до извѣстной степени видоизмѣненъ подъ вліяніемъ природы или общества, а также воздѣйствіемъ ума и воли. Это Фулье называетъ характеромъ. Классификація темпераментовъ и характеровъ у Фулье сводится къ слѣдующему:

I. *Темпераментъ чувствительный*, который распадается на 1) чувствительный съ быстрой реакціей, у котораго всѣ органическія реакціи быстры и который почти соотвѣтствуетъ тому, что мы называемъ сангвиническимъ темпераментомъ; 2) чувствительный съ сильной реакціей, который реагируетъ съ большей продолжительностью и интенсивностью, чѣмъ сангвиническій, но истощается также быстро, такъ какъ у него расходъ энергіи быстрѣе, чѣмъ приходъ.

II. *Темпераментъ активный*, который распадается на 1) активный съ реакціей быстрой и интенсивной, у котораго функціи интеграціи и дезинтеграціи совершаются очень интенсивно. Этому соотвѣтствуетъ темпераментъ холерическій. 2) Дѣятельный съ реак-

ціей медленной и мало интенсивной: функціи органическія правильны, но организмъ лѣнивъ, потому что совершается малый обмѣнъ. Это именно то, что называютъ обыкновенно темпераментомъ лимфатическимъ.

Изъ взаимодѣйствія ума, чувствъ и воли получаются различные характеры, именно:

I. *Чувствительные*, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на: 1) чувствительные, имѣющіе мало ума и мало воли; 2) чувствительные, имѣющіе волевую энергію, но мало ума; 3) чувствительные, имѣющіе мало воли, но много ума.

II. *Интеллектуальные*: у нихъ развитіе ума идетъ обыкновенно рука объ руку съ развитіемъ воли и чувствительности.

III. *Волевые*, которые подраздѣляются на: 1) волевые, имѣющіе мало чувствительности и ума; 2) волевые, имѣющіе много чувствительности и мало ума; 3) волевые, имѣющіе много ума и мало чувствительности.

Въ книгѣ Фулье затрогивается очень интересный вопросъ о роли воспитанія въ измѣненіи характера. Въ прошломъ столѣтіи значеніе воспитанія, какъ извѣстно, было настолько преувеличено, что ставили вопросъ, не происходитъ ли все различіе между людьми единственно отъ разницы получаемаго ими воспитанія и окружающей ихъ среды. Въ наше время послѣ изслѣдованія о наслѣдственности бросились въ противоположную крайность. Многіе теперь убѣждены, что воспитаніе совершенно безсильно, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы произвести глубокія измѣненія въ характерѣ. Фулье рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что характеръ можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ ума и воспитанія. Онъ приводитъ многочисленные примѣры, доказывающіе это положеніе (Сократъ, Кантъ, Блаженный Августинъ). Въ этомъ смыслѣ идеи, по выраженію Фулье, дѣлаются силами.

Книга Фулье переведена вообще удовлетворительно, но нѣкоторыя погрѣшности мы считаемъ нужнымъ, однако, указать: на стр. 39 esprits—«умы», вмѣсто «души». Стр. 42—мысль Джемса передается невѣрно. О немъ говорится, что онъ «отрицаетъ всякую чувствительность въ реакціи висцеральныхъ органовъ», тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, Джемсъ сводитъ всю чувствительность къ реакціи внутреннихъ органовъ. Стр. 45—вмѣсто «большой симпатическій нервъ» сказано «великій симпатическій нервъ», то же на стр. 75. На стр. 53—«вдохновеніе есть не что иное, какъ эмоція въ пользу идеи» вмѣсто: «эмоція, подчиняющаяся идеѣ». Стр. 57—«spontané» переводится посредствомъ слова «произвольный», вмѣсто «самопроизвольный», что именно значитъ непроизвольный.

В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Паперна. Спб. 1897. Изд. Павленкова. Вундтъ занимаетъ въ настоящее время первенствующее положеніе среди западно-европейскихъ мыслителей. Первоначально онъ былъ профессоромъ физіологіи, затѣмъ, благодаря своимъ многочисленнымъ трудамъ по психологіи, онъ былъ приглашенъ на каѳедру философіи при лейпцигскомъ университетѣ. Благодаря тщательному знакомству съ экспериментальными методами въ области естествознанія, онъ

имѣлъ возможность и психологію поставить на строго экспериментальную почву. Онъ первый устроилъ при лейпцигскомъ университетѣ такъ называемую психологическую лабораторію для экспериментальныхъ психологическихъ изслѣдованій. По его примѣру, такія же лабораторіи были устроены при всѣхъ западно-европейскихъ университетахъ. Вундтъ первый полнѣе, чѣмъ кто-нибудь до него, разсмотрѣлъ явленія психологическія въ ихъ связи съ явленіями физіологическими. Ему принадлежитъ введеніе термина «Физіологическая психологія». Русской публикѣ онъ извѣстенъ своими сочиненіями: «Основанія физіологической психологіи», вышедшими въ 1880 году (въ настоящее время существуетъ уже 4-е нѣмецкое изданіе), и лекціями «О душѣ человѣка и животныхъ», вышедшими вторымъ изданіемъ въ 1894 году, а также «Этикой».

Взгляды Вундта на методы психологіи имѣютъ для насъ особенную авторитетность. «Экспериментальную психологію обыкновенно называютъ физіологической психологіей, и въ сочиненіяхъ, посвященныхъ послѣдней, обыкновенно излагаются также дополнительныя свѣдѣнія изъ физіологіи органовъ чувствъ и нервной системы. Данныя эти, на самомъ дѣлѣ, относятся исключительно къ области физіологіи и включеніе ихъ объясняется тѣмъ, что желательно имѣть такое изложеніе этихъ данныхъ, при которомъ принимается во вниманіе ихъ важность для психологическихъ цѣлей. Поэтому, физіологическая психологія носитъ характеръ промежуточной науки; но, какъ указываетъ уже ея наименованіе, это психологія и, притомъ, психологія экспериментальная. Если, поэтому, иногда различаютъ собственно психологію и физіологическую психологію, утверждая, что задача первой состоитъ въ психологическомъ истолкованіи внутренняго опыта, второй въ выводѣ его изъ физіологическихъ процессовъ, то подобное разграниченіе совершенно ошибочно. Существуетъ только одинъ способъ выясненія причинной связи психологическихъ явленій, и состоитъ онъ въ выводѣ болѣе сложныхъ психическихъ процессовъ изъ болѣе простыхъ, причемъ въ подобное истолкованіе могутъ входить, но только въ качествѣ вспомогательнаго средства, «физіологическія промежуточныя звенья».

Другими словами, по мнѣнію Вундта, основателя физіологической психологіи, *психологія вовсе не есть часть физіологіи*, какъ это многіе склонны думать у насъ, въ Россіи.

Существуютъ въ психологіи два направленія: такъ называемое *интеллектуалистическое* и *волюнтаристическое*. Первое пытается свести всѣ психическіе процессы, а, слѣдовательно, и субъективное чувствованіе, побужденіе, волевыя движенія на представленія, или интеллектуальные процессы; другое направленіе первенствующее значеніе придаетъ волевымъ актамъ. Вундтъ является представителемъ волюнтаристической психологіи. Его психологію называютъ также *апперцептивной* въ противоположность психологіи *ассоціативной*, въ виду того, что онъ не считаетъ возможнымъ объяснить всѣ явленія при помощи законовъ ассоціаціи, а считаетъ необходимымъ допустить особый процессъ, который онъ называетъ апперцепціей.

Разбираемое сочиненіе Вундтъ написалъ съ тою цѣлью, чтобы «дать своимъ слушателямъ краткое руководство въ дополненіе къ лекціямъ психологіи», и этимъ опредѣляется значеніе книги для русскаго читателя. Лица, знакомыя съ психологіей Вундта, въ данномъ сочиненіи могутъ найти для себя краткое изложеніе его воззрѣній; въ немъ психологическія теоріи его излагаются сжато, такъ какъ онѣ подробно развиваются на лекціяхъ. Поэтому, русскій читатель, начинающій только изучать психологію, будетъ сильно разочарованъ, если примется за изученіе этой книги; она написана не популярно и для цѣлей самообразованія совершенно непригодна. Для лицъ, интересующихся воззрѣніями Вундта и знакомыхъ съ элементарной физіологіей, мы рекомендуемъ его же сочиненіе «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ», 2-е изданіе, Спб., 1894. (Первое изданіе, существующее на русскомъ языкѣ, совершенно устарѣло).

Эльзенгансъ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. («Краткая психологія для самообразованія»). Харьковъ. 1896. Поланъ. Физіологія ума. М., 1896. Потребность русскаго читателя къ самообразованію книгоиздатели стараются удовлетворить выпускомъ иногда слишкомъ маленькихъ дешевыхъ книгъ. Книжка Эльзенганса представляетъ краткій конспектъ психологіи по Гефдингу, Вундту и Лотце, притомъ настолько краткій, что едва ли въ состояніи дать читателю представленіе о психологіи; сухое изложеніе также не можетъ заинтересовать читателя.

Нѣсколько больше книжка Полана (Paulhan), который почему-то названъ переводчикомъ Полланомъ. Поланъ—извѣстный французскій психологъ эмпирическаго направленія. Разбираемая книжка входитъ въ составъ такъ называемой «Bibliothèque utile». Она содержитъ довольно разнообразный матеріалъ. Здѣсь можно найти и физіологію нервной системы и органовъ чувствъ, и разборъ отношеній психологіи къ философіи или метафизикѣ, которую Поланъ, какъ позитивистъ, отрицаетъ. Довольно живо изложенъ и снабженъ красивыми примѣрами отдѣлъ о чувствахъ, о волѣ и познаніи. Читатель, начинающій изученіе психологіи, съ пользой для себя можетъ ознакомиться съ книгой Полана. Жаль только, что книга такъ мала и что переводчикъ допустилъ погрѣшности въ переводѣ, мѣшающія пониманію текста. Напр. заглавіе переведено невѣрно. «Physiologie de l'esprit» значитъ «физіологія *духа*», а не «физіологія ума», потому что книжка представляетъ собой психологію, т. е. описаніе душевныхъ явленій (познанія, чувства и воли), а вѣдь умъ содержитъ только явленія познанія. Та же самая ошибка повторяется на стр. 20, 34, 85, 105, словомъ, во всей книгѣ. На стр. 47 notion de l'espace, по обыкновенію всѣхъ неопытныхъ переводчиковъ, переводится посредствомъ «понятіе пространства» вмѣсто «представленіе пространства», а это двѣ вещи совершенно различныя.

Г. Челпановъ. Указатель литературы по вопросу о матеріализмѣ. Кіевъ. 1896. Въ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что въ русской интеллигенціи широкимъ распространеніемъ пользуется взглядъ, будто *матеріализмъ* есть то слово, которое выражаетъ собою

сущность современнаго научно-философскаго міропониманія. По мнѣнію автора, это происходитъ оттого, что философскія свѣдѣнія въ русской интеллигенціи очень незначительны. Цѣль указателя, составленнаго, главнымъ образомъ, для учащейся молодежи и для лицъ, стремящихся къ самообразованію, заключается въ томъ, чтобы убѣдить читателя, что современное научно-философское міровоззрѣніе отнюдь не можетъ выражаться словомъ «матеріализмъ». Онъ желаетъ подробнымъ указаніемъ литературы о матеріализмѣ дать возможность посредствомъ *самостоятельнаго* изученія философской литературы лично убѣдиться въ справедливости этого положенія. Авторъ надѣется, что самостоятельное изученіе вопроса по сочиненіямъ выдающихся писателей будетъ побужденіемъ для молодежи отказаться отъ ходячаго матеріализма и искать для себя міропониманія на другихъ путяхъ.

Въ указателѣ имѣются руководящія статьи по отдѣльнымъ вопросамъ о матеріализмѣ. Въ немъ содержатся, между прочимъ, слѣдующіе параграфы: «Опредѣленіе матеріализма», «Матеріализмъ есть метафизика», «Психическія явленія могутъ быть познаваемы только путемъ самонаблюденія», «Существуетъ коренное различіе между физическимъ и психическимъ», «Невыводимость сознанія изъ матеріи», «Матеріализмъ и психологія» и т. под.

АНТРОПОЛОГІЯ.

Л. Кржывицкій. «Антропологія».—*Е. Вестермаркъ.* «Исторія брака».

Антропологія Л. Кржывицкаго. Переводъ съ польскаго С. Д. Романовскаго-Ромзнько. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к. Имя автора этой книги хорошо извѣстно читателямъ «Міра Божьяго» по талантливымъ очеркамъ его «За Атлантическимъ Океаномъ», печатавшимся въ прошломъ году на страницахъ этого журнала. Г. Кржывицкій не только блестящій публицистъ и тонкій наблюдатель современной жизни: онъ и самостоятельный ученый, плодотворно работающій въ области антропологіи. При этомъ онъ выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ ученыхъ литераторовъ, какъ бы совмѣщающихъ въ себѣ два различныхъ лица: спеціалиста, съ одной стороны, съ другой—ученаго, чуждаго жизни; г. Кржывицкій остается живымъ и отзывчивымъ къ жизни и въ своемъ чисто научномъ произведеніи.

Книга г. Кржывицкаго—не учебникъ антропологіи. Въ ней нѣтъ ни историческихъ обзоровъ, рисующихъ смѣну воззрѣній на тотъ или другой вопросъ; въ ней не приводятся одни лишь неоспоримые выводы науки. Читателя, который потребуетъ отъ нея отвѣтовъ на запросы академическаго характера, указанія, какими путями шла наука и на чемъ она остановилась въ данную минуту, разсматриваемая книга можетъ и не удовлетворить. Съ такими запросами къ ней и не слѣдуетъ обращаться, потому что цѣли и значеніе ея лежатъ не въ академической, а въ чисто жизненной области, въ которой сама жизнь ставитъ вопросы и въ которую наука

приглашается въ качествѣ эксперта и цѣнится лишь въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ дать требуемыя разъясненія и отвѣты.

Въ изложеніи «Антропологіи» авторъ держится общепринятаго дѣленія на соматическую или анатомическую, этнологическую и соціологическую части, но рамки эти онъ заполняетъ по своему. Въ первой части, касающейся опредѣленія расовыхъ признаковъ, онъ не долго останавливается на анатомическихъ опредѣленіяхъ ихъ особенностей, отмѣчая, однако, значеніе краніометрическихъ и другихъ работъ, имѣющихъ цѣлью выясненіе расовыхъ типовъ въ настоящемъ и въ прошломъ, насколько послѣднее доступно нашему изученію. Цѣль этихъ работъ, пока все еще убѣгающая отъ изслѣдователя, состоитъ въ установленіи основныхъ типовъ, разнообразныя комбинаціи которыхъ встрѣчаются въ различныхъ группахъ нынѣшняго человѣчества. Происхожденіе и развитіе расовыхъ типовъ объясняется различно двумя господствующими школами антропологовъ, моногенистами и полигенистами; первые изъ нихъ выводятъ всѣ разновидности человѣка изъ одной первоначальной группы, представители которой, разсѣявшись по земному шару, подверглись разнообразнымъ превращеніямъ подъ вліяніемъ физико-географическихъ условій окружающей среды; когда установилась множественность типовъ, число ихъ еще болѣе возросло отъ скрещиванія или смѣшенія ихъ между собою, которое могло быть плодовито даже при крайнемъ несходствѣ родителей. Полигенисты полагаютъ, напротивъ, что человѣкъ появился самостоятельно въ нѣсколькихъ центрахъ, и эти отдѣльные типы обособились до степени вида и, смѣшиваясь между собою, вовсе не даютъ потомства, или даютъ потомство съ плодовитостью весьма ограниченной. Г. Крживицкій склоняется болѣе на сторону моногенизма, но не можетъ быть причисленъ къ ортодоксальнымъ моногенистамъ, такъ какъ лишь въ незначительной степени, лишь въ случаяхъ уединенныхъ группъ, признаетъ дѣйствіе климатическихъ условій на преобразованіе расъ. Главнымъ факторомъ этого послѣдняго, наиболѣе дѣйствительною причиною его онъ признаетъ скрещиваніе.

Авторъ выдвигаетъ всюду психологическую и соціологическую сторону своего предмета, при чемъ самый вопросъ происхожденія расовыхъ типовъ долженъ отступить на второй планъ. Перенося вопросъ о значеніи расъ во всемірной исторіи, т. е. въ исторіи всего человѣчества, на историко-культурную или «культурно-общественную почву», мы не столько будемъ видѣть ихъ различія, сколько ихъ сходственныя черты. Какъ замѣчаетъ авторъ, «будемъ ли мы имѣть въ виду опытъ стариковъ, поддерживаніе огня, возникновеніе земледѣлія, появленіе новыхъ средствъ борьбы или производства, мы всегда увидимъ, что все это становится исходной точкой соотвѣтственныхъ измѣненій въ общественныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, такъ какъ вышеупомянутыя явленія не имѣютъ ничего общаго съ расовыми свойствами, то они и выдвигаютъ на всемъ земномъ шарѣ одинаковыя послѣдствія: опытъ стариковъ вездѣ имѣетъ цѣну; вездѣ огонь вызываетъ прикрѣпленіе женщины къ домашнему очагу, раздѣленіе труда между по-

лами и господство женщины въ «домѣ», пока центръ экономической тяжести лежитъ въ домашнемъ хозяйствѣ; вездѣ пастушескій образъ жизни, будучи достояніемъ мужчины, вызываетъ его гегемонію... Слѣдовательно, однообразіе общественнаго прогресса находится въ связи съ однообразіемъ матеріально-технической эволюціи и матеріальныхъ условій общественнаго быта. Это положеніе объясняетъ, почему формы и сущность общественныхъ установленій, равно какъ и порядокъ смѣны однихъ установленій другими, вездѣ одинаковы и нисколько не находятся въ зависимости отъ расовыхъ особенностей» (35—36).

Тѣмъ не менѣе, развитіе отдѣльныхъ человѣческихъ группъ зависитъ не исключительно отъ окружающихъ условій, вынуждающихъ къ той или иной дѣятельности, а также и отъ фактовъ антропологическихъ, т. е. расовыхъ свойствъ. Какъ бы мы ни опредѣляли расу и какія бы причины, по нашему мнѣнію, ни содѣйствовали ея образованію, въ данный моментъ она представляетъ извѣстную сумму физическихъ и психическихъ свойствъ, обусловливающихъ ея энергію въ борьбѣ съ другими расами и культурный уровень, достигнутый ею. Съ такой точки зрѣнія, выясненіе антропологическихъ фактовъ въ исторіи цивилизаціи имѣетъ крайне важное значеніе, составляя, такъ сказать, субстратъ исторіи. Какъ замѣчаетъ г. Крживицкій, «антропологическія свойства, вліяя на быстроту общественной эволюціи, на большое богатство духовно-эстетическихъ проявленій и на разнообразіе судьбы исторической жизни, объясняютъ намъ, почему извѣстныя группы съиграли ту или иную историческую роль, и почему представители извѣстной расы исполняютъ тѣ или другія функціи въ данномъ обществѣ, но они нисколько еще не опредѣляютъ сущности и порядка смѣны общественныхъ установленій» (37—38). Эти выводы антропологіи должны лечь въ основу изслѣдованій историковъ и соціологовъ, доискивающихся причинъ историческихъ и общественныхъ явленій. И тѣ, и другіе ни на минуту не должны упускать изъ виду ни географической почвы, ни расовыхъ свойствъ объекта своихъ изслѣдованій; они такъ и дѣлаютъ, они разсматриваютъ судьбы народовъ въ связи съ мѣстомъ ихъ обитанія и безпрестанно говорятъ о «расовомъ» и о «народномъ духѣ». Но твердую почву заключенія ихъ пріобрѣтаютъ только въ антропологіи. Эта послѣдняя выясняетъ для нихъ, что, говоря о «духѣ расы», они пользуются выраженіемъ весьма неопредѣленнымъ и по своей природѣ, и по своей неразработанности. «Духовныя свойства или «духъ расы»,—говоритъ г. Крживицкій,—не составляютъ постоянной величины, но измѣняются, во-первыхъ, въ зависимости отъ климатическихъ условій, такъ что нѣкоторыя племена образуютъ вмѣстѣ съ окружающей ихъ средой какъ бы одинъ антропологически-географическій организмъ (полинезійцы, эскимосы и т. д.), во-вторыхъ, отъ общественныхъ условій, въ которыхъ данная группа живетъ... Духъ расы, будучи измѣнчивой величиной, тоже имѣетъ свойственную ему исторію развитія, которой наука, впрочемъ, мало занималась» (38—39).

Пока, какъ замѣчаетъ г. Крживицкій, «хотя теоретически

роль расы ясна и очевидна, но обозначить ее въ каждомъ историческомъ процессѣ—дѣло чрезвычайно трудное и почти невозможное. Такого анализа можно ожидать лишь въ будущемъ, когда въ обществѣ исчезнетъ классовый и экономическій антагонизмъ, и различныя расы будутъ поставлены въ одинаковыя общественныя условія. Тогда простая статистика человѣческихъ дѣйствій въ сопоставленіи съ характеристикой расоваго типа выяснить историческую роль расы, въ настоящее время столь неясную» (323). Замѣтимъ, что авторъ гораздо сдержаннѣе другихъ антропологовъ, какъ, напр., Тубино, Лапужа и друг., которые считаютъ возможнымъ истолковывать исторію страны на основаніи духовно-эмоціональныхъ особенностей различныхъ расовыхъ элементовъ ея. Эти антропологи, глядя на дѣло съ своей спеціальной точки зрѣнія, склонны преувеличивать значеніе расовыхъ свойствъ или антропологическихъ факторовъ, объясняя ими различія, замѣчаемыя между разноплеменными населеніями какой-либо страны, напр., между фламандцами и валлонами въ Бельгіи; нашъ авторъ, разсматривая предметъ болѣе широкимъ взглядомъ, видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что фламандцы занимаютъ земледѣльческіе, а валлоны промышленно-фабричные округа, проявленіе не расовыхъ качествъ, а причинъ культурно-экономическихъ. Эта широта взгляда, позволяющая замѣчать, на ряду съ антропологическими явленіями, и явленія культурныя, и экономическія, составляетъ отличіе г. Крживицкаго, придающее его сочиненію не спеціальный, а чисто жизненный характеръ.

Съ такой же точки зрѣнія имъ сдѣланы и характеристики отдѣльныхъ расъ, занимающія вторую часть его книги. Эти живыя и талантливыя характеристики не только интересны, но и чрезвычайно полезны для читателя. Недостаточныя этнографическія знанія составляютъ большой, если не наибольшій пробѣлъ въ нашей системѣ образованія, который на каждомъ шагу долженъ ощущаться всѣми, столь многочисленными въ настоящее время читателями сочиненій по соціологіи и исторіи культуры. Когда они ознакомятся съ характеристиками г. Крживицкаго, многое прояснится для нихъ, и негры, полинезійцы, семиты и т. п. термины, съ которыми онъ встрѣчается въ упомянутыхъ сочиненіяхъ, перестанутъ быть для нихъ мало опредѣленными понятіями. Тѣмъ лучше для читателей, если они не удовлетворятся краткимъ очеркомъ автора и пожелаютъ дополнить свои свѣдѣнія: тогда они обратятся къ спеціальнымъ сочиненіямъ по этнографіи и пріобрѣтутъ необходимый фундаментъ для изученія исторіи культуры и соціологіи.

Еще интереснѣе третья часть разбираемой нами книги, въ которой авторъ касается вопросовъ о современной культурѣ и вліяніи ея на физическое и умственнное развитіе человѣчества. Здѣсь читатель найдетъ научную основу или, по крайней мѣрѣ, научную точку отправленія для рѣшенія вопросовъ, съ которыми онъ сталкивается ежедневно, которые неотступно преслѣдуютъ его. Это—вопросы объ антагонизмѣ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, о борьбѣ женщинъ за свободу личности, о значеніи

индивидуальныхъ свойствъ подъ вліяніемъ городской, военной и вообще культурной жизни, о физическомъ и психическомъ извращеніи, вызываемомъ условіями этой послѣдней, о средствахъ устранить дальнѣйшія извращенія и, наконецъ, о будущности человѣчества.

Г. Вестермаркъ. Исторія брака. Пер. И. Семенова. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1896 г. Вестермаркъ въ своихъ воззрѣніяхъ на первичныя формы общежитія примыкаетъ къ зоологамъ. Опираясь на мнѣнія Дарвина и Уоллеса (снабдившаго даже его книгу предисловіемъ), онъ старается доказать, что первобытный человѣкъ жилъ изолированными парами, что бракъ, т. е. постоянный союзъ мужчины съ одной или нѣсколькими женщинами, или союзъ женщины съ однимъ или нѣсколькими мужчинами, былъ исконной формой общественности, и что семья, а не родъ или племя, была основной общественной единицей. Для доказательства этого положенія, авторъ приводитъ краткій очеркъ существованія брака, въ смыслѣ сожительства самца и самки и общей заботы ихъ о дѣтяхъ, у различныхъ животныхъ, въ особенности у птицъ и высшихъ обезьянъ, и затѣмъ отъ этихъ послѣднихъ находитъ возможнымъ прямо перейти къ человѣку нашего времени. «Если отъ высшихъ обезьянъ перейти къ дикимъ и варварскимъ племенамъ, мы встрѣтимъ то же самое явленіе», говоритъ онъ (30—31), повидимому, забывая высказанную имъ на стр. 12-й непреложную истину, что «всѣ дикія племена, существующія въ настоящее время, стоятъ гораздо выше примитивнаго человѣка». Приводимые имъ примѣры могутъ казаться убѣдительными только читателю, незнакомому съ этнографіей, такъ какъ всѣ они касаются и низшихъ, и высшихъ дикарей, и магометанъ, т. е. народовъ полуцивилизованныхъ, и даже римлянъ. Уже самый оборотъ рѣчи, постояно повторяющійся у автора—«мужчина такого-то племени долженъ поддерживать жену и дѣтей, мужчина обязанъ защищать свою семью» и т. п. — показываетъ, что мы во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣемъ дѣло не съ доброй волей этихъ мужчинъ, а съ общественной силой, которая понуждаетъ ихъ заботиться о семьѣ, чего не должно было бы быть, если бы семейный союзъ поддерживался у человѣка такъ же инстинктивно, какъ у животныхъ. Никто не обязываетъ его заботиться о собственномъ прокормленіи, такъ какъ онъ не упуститъ этой заботы, но отъ него настойчиво требуютъ, чтобы онъ не мѣнялъ часто своихъ привязанностей и не бросалъ на произволъ судьбы или на попеченіе другихъ женщину, отъ которой имѣетъ дѣтей. Какъ скоро мужчинѣ ставятъ такія требованія, отъ которыхъ онъ не можетъ уклониться, онъ естественно, съ своей стороны, долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы жена помогала и подчинялась ему и не позволяла себѣ никакихъ сношеній съ другими мужчинами, имѣющихъ видимость близости съ нимъ. Эти требованія, исходившія сперва отъ общества, а затѣмъ отъ государства и церкви, становились съ теченіемъ времени все строже и строже: въ дикомъ состояніи бракъ заключался и расторгался крайне легко, а съ повышеніемъ культурности онъ становился все болѣе

и болѣе крѣпкимъ и даже неразрывнымъ. Въ виду этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, нѣтъ надобности доказывать, что утвержденіе Вестермарка, будто «бракъ держится своими корнями въ семьѣ, а не семья въ бракѣ» является совершенно голословнымъ. Указаніе его, что у многихъ народовъ рожденіе ребенка обязываетъ ко вступленію въ бракъ и что, такимъ образомъ, семья какъ будто предшествуетъ браку, не можетъ считаться убѣдительнымъ, такъ какъ подобные обычаи подтверждаютъ только обязательность, а не добровольность заключенія браковъ въ указанныхъ случаяхъ. Если добровольность въ этихъ случаяхъ не можетъ быть доказана, то намъ кажутся безполезными и аргументы автора, что именно привязанность, а не простое физическое влеченіе соединяло первобытныя пары, аргументы, основанные на предположеніи, будто половой инстинктъ пробуждается съ особенной силой въ извѣстное время года не только у дикаго, но и у культурнаго человѣка. Приводимыя имъ статистическія данныя о преобладаніи количества рожденій въ извѣстные мѣсяцы не лишены интереса, но его положенія нисколько поддержать не могутъ, такъ какъ здѣсь расположены въ одной серіи и высшія обезьяны, и дикари, и люди высшей культуры. Нравственная связь, составляющая единственно прочный цементъ брачной жизни, является только при подвинувшейся культурѣ. Наблюдатели порядковъ дикаго состоянія почти единогласно говорятъ, что любовь въ нашемъ смыслѣ является у дикарей рѣдкимъ исключеніемъ, что бракъ для нихъ есть союзъ чисто физическій и экономическій. Эти указанія подтверждаются обычаями, въ силу которыхъ будущіе мужъ и жена при заключеніи брака иногда вовсе не знаютъ другъ друга, и въ большинствѣ случаевъ согласія невѣсты даже и не требуется. Вопросъ рѣшается родителями или даже начальниками племени; о добровольномъ взаимномъ соглашеніи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Слѣдовательно, и самое вступленіе въ бракъ у дикихъ и полудикихъ людей зависитъ не отъ самихъ брачущихся, а отъ общества. Едва ли нужно прибавлять, что многоженство, свойственное дикому и полудикому состоянію культуры, является только наглядным доказательствомъ, что привязанность мужа къ женѣ въ этомъ состояніи не можетъ быть названа ни сильной, ни продолжительной. Самое многоженство есть замѣна прежнихъ кратковременныхъ связей; мужчинѣ позволяется брать другую женщину, но на него налагается обязанность заботиться о первой женѣ и ея дѣтяхъ.

Если мы не можемъ признать убѣдительными доводы автора въ пользу существованія прочнаго брака во всѣхъ стадіяхъ человѣческой культуры, то и критика, какой онъ подвергаетъ гипотезу о комунальномъ бракѣ, не кажется намъ рѣшающей этотъ вопросъ. Критика названной гипотезы представляется сравнительно легкимъ научнымъ упражненіемъ, потому что предположеніе о нѣкогда существовавшемъ свободномъ смѣшеніи половъ признается далеко не всѣми соціологами, а тѣ изъ нихъ, кто его допускаетъ, понимаютъ его каждый по своему. Здѣсь мы находимся въ области, въ которой логическія соображенія преобладаютъ надъ фактиче-

скими данными, и потому каждое мнѣніе имѣетъ право быть выслушаннымъ. Эта часть книги Вестермарка можетъ заслужить одобреніе противниковъ теоріи комунальнаго брака, хотя они едва ли почерпнутъ изъ нея много новыхъ аргументовъ въ свою пользу.

Не соглашаясь ни съ исходной точкой, ни съ выводами автора, мы, тѣмъ не менѣе, должны назвать его книгу изслѣдованіемъ добросовѣстнымъ, предпринятымъ съ чисто научнымъ стремленіемъ раскрытія истины и рекомендуемъ ее всѣмъ, уже достаточно знакомымъ съ литературой вопроса о происхожденіи и развитіи брака. Книга Вестермарка удостоилась рекомендаціи Уоллеса, который, не будучи вполнѣ компетентнымъ судьей въ соціологическихъ вопросахъ, могъ «представить» «неизвѣстнаго автора» англійскимъ читателямъ только при полномъ убѣжденіи въ серьезности его научной работы.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Д. Кукъ. «Новая химія».—«Метеорологическій Вѣстникъ».

Джосія Кукъ. Новая химія. Перев. съ 10 англійскаго изданія А. В. Алехинъ, подъ редакціей проф. М. И. Коновалова. (Библіотека для самообразованія). Москва. 1897 г. Цѣна 1 р. 75 к. 20 лѣтъ тому назадъ эта книжка появилась въ переводѣ на русскій языкъ подъ редакціей проф. А. М. Бутлерова. Она быстро разошлась и сдѣлалась даже библіографической рѣдкостью. Въ то время она совершенно правильно носила названіе «Новой химіи»: всѣ химическіе вопросы обсуждались въ сочиненіи Кука съ современнѣйшей, такъ сказать, точки зрѣнія. Прекрасное изложеніе, обиліе яркихъ примѣровъ, великолѣпная обработка матеріала — вотъ были качества, обезпечившія книгѣ ея успѣхъ. Имя А. М. Бутлерова, стоявшее на заголовкѣ, ручалось за то, что сочиненіе дѣйствительно излагаетъ химію въ томъ видѣ, въ какомъ она тогда находилась.

Но съ того времени, какъ сказано, прошло 20 лѣтъ и химія сдѣлала огромные успѣхи. Джосія Кукъ, очевидно, за этими успѣхами слѣдилъ мало, что и отразилось на достоинствахъ его книги. Книга, бывшая 20 лѣтъ тому назадъ почти вполнѣ современною, теперь является весьма отставшею и очень неправильно называется «Новою химіей». Это долженъ былъ особенно чувствовать г. М. И. Коноваловъ, человѣкъ еще совсѣмъ молодой и лишь недавно начавшій свою научную дѣятельность. Можно было поэтому ожидать, что г. Коноваловъ сдѣлаетъ, съ своей стороны, все для того, чтобы названіе «Новая химія» оправдывалось съ содержаніемъ книги Кука. Къ сожалѣнію, почтенный редакторъ ровно ничего для этого не сдѣлалъ, въ чемъ онъ откровенно сознается, говоря въ предисловіи, что «нашелъ возможнымъ и нужнымъ внести въ трудъ Кука лишь очень немногія и незначительныя примѣчанія», не смотря на то, что зналъ, въ чемъ книга Кука отстала.

Благодаря этому, разматриваемая книга, какъ сочиненіе, пред-

назначаемое для самообразованія, должна быть признана неудовлетворительною.

Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время въ теоретическихъ воззрѣніяхъ науки произошли столь существенныя измѣненія, появилось столько новыхъ ученій, совершенно измѣнившихъ физіономію химіи, что всякое сочиненіе, а въ особенности носящее названіе «Новой химіи», должно отводить этимъ ученіямъ выдающееся мѣсто; все ученіе о растворахъ теперь не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, что бы 20 лѣтъ тому назадъ. Ученіе о химическомъ сродствѣ—самая важная часть химіи—перестроено въ самомъ своемъ основаніи; создалась химическая статика и динамика.

Обо всемъ этомъ нѣтъ въ книгѣ Кука ни одного слова. Кукъ остановился на химіи 1870 годовъ и весь свой талантъ затратилъ на изложеніе теоріи строенія (да и то даже не новой) и почти этимъ только и ограничился. На обязанности редактора лежало устраненіе этого огромнаго недостатка. Конечно, сдѣлать это было бы весьма не легко; но если редакторъ призналъ себя не въ силахъ выполнить такую задачу, то книгу совсѣмъ не стоило выпускать въ свѣтъ, ибо въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь появилась, можно признать полезнымъ въ ней лишь главы двѣ или три.

Но даже если допустить, что книга Кука полезна и въ своемъ настоящемъ видѣ и что редакторъ поступилъ правильно, не введя въ нее никакихъ дополненій, то, во всякомъ случаѣ, его нельзя оправдать въ томъ, что онъ не исправилъ нѣкоторыхъ крупныхъ теоретическихъ ошибокъ Кука. Укажемъ ихъ по порядку.

На стр. 113 сказано: «растворивши соль въ водѣ, вы только раздѣлите массу ея на молекулы». Здѣсь редакторъ долженъ былъ бы указать, по крайней мѣрѣ, что современная химія считаетъ такой взглядъ неправильнымъ, что какъ разъ соли при растореніи испытываютъ рѣзкія измѣненія. Вообще, въ этой главѣ авторъ обнаруживаетъ такую «устарѣлость», что не вѣрится даже, будто книга написана въ 1870 годахъ.

«Съ цѣлью показать вамъ разложеніе воды электрическимъ токомъ, я отбросилъ на экранъ увеличенное изображеніе стекляннаго сосуда, содержащаго небольшое количество воды, подкисленной, впрочемъ (сѣрной кислотою), чтобы сдѣлать ее проводникомъ электричества». Странно, что г. Коноваловъ не сдѣлалъ къ этому опыту примѣчанія. Извѣстно, что при данныхъ условіяхъ вода нисколько не разлагается, а «разлагается» сѣрная кислота.

На стр. 132 сказано: «Какъ я вамъ уже говорилъ, теплота есть только видъ энергіи, и, подобно другимъ проявленіямъ силы, можетъ быть измѣряема килограммометрами». Такого грубаго смѣшенія понятій и терминовъ редактору не слѣдовало пропустить молчаніемъ. Измѣрять теплоту килограммометрами нельзя, ибо килограммометрами измѣряется только работа и ими можетъ быть измѣряема лишь та теплота, которая перестала быть теплотою и обратилась въ работу.

И такого рода промахи обнаруживаются въ книгѣ Кука до-

вольно часто. Мы уже не говоримъ о томъ, что вообще книга Кука обнаруживаетъ въ авторѣ довольно смутныя представленія по механикѣ, но даже и въ области термохиміи Кукъ обнаруживаетъ весьма неправильное пониманіе тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ термохимическихъ изслѣдованій.

Такъ, не смотря на то, что такъ называемый «3-й законъ термохиміи», названный Бертело «Principe du travail maximum», опровергнутъ въ качествѣ общаго начала, онъ излагается у Кука, какъ нѣчто, не подлежащее никакимъ ограниченіямъ; точно такъ же, не смотря на строго установившееся въ наукѣ понятіе о диссоціаціи, Кукъ даетъ этому терминy совершенно ложное опредѣленіе, говоря: «раздѣленіе атомовъ дѣйствіемъ теплоты извѣстно въ химіи подъ техническимъ названіемъ *диссоціаціи* (стр. 455).

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе общаго характера. Куку дѣлали выговоръ за то, что онъ является рабомъ атомизма. Онъ, жалуясь на этотъ укоръ, отрицаетъ за собою такое качество. А между тѣмъ на каждомъ шагу даетъ явныя доказательства справедливости этого укора. Онъ совершенно забываетъ, что атомизмъ есть лишь методъ, и что говорить объ атомахъ, какъ о реальностяхъ, болѣе чѣмъ неосторожно.

«Метеорологическій Вѣстникъ». Въ небогатой русской литературѣ по метеорологіи отраднымъ явленіемъ надо признать «Метеорологическій Вѣстникъ»—научное періодическое изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, чуждое всякой спекуляціи. Этотъ единственный по своему содержанію въ Россіи ежемѣсячный журналъ, вступающій въ седьмой годъ существованія, всегда строго оправдывалъ свое названіе и принесъ много пользы русскимъ любителямъ (въ широкомъ смыслѣ слова) метеорологіи, связавъ ихъ между собою. Помимо сообщенія всѣхъ «послѣднихъ словъ» метеорологіи какъ въ Россіи, такъ и заграницей, связь эта особенно ярко выразилась въ многочисленныхъ отвѣтахъ на вопросы подписчиковъ научнаго свойства, въ возникновеніи сѣти корреспондентовъ, ежемѣсячно сообщающихъ редакціи свѣдѣнія о погодѣ. Шесть лѣтъ тому назадъ, до возникновенія «Метеорологическаго Вѣстника», съ успѣхами метеорологіи можно было знакомиться только черезъ посредство иностранныхъ спеціальныхъ изданій, изъ коихъ первое мѣсто занимаетъ «Meteorologische Zeitschrift». Между тѣмъ, съ учрежденіемъ при университетахъ каѳедръ по физической географіи (метеорологіи), съ устройствомъ метеорологическихъ сѣтей въ Россіи, эта наука привлекала постепенно все большее и большее вниманіе образованнаго общества, находя своихъ горячихъ поклонниковъ во всѣхъ классахъ народонаселенія. Интересъ къ метеорологіи возросъ въ послѣднее время въ значительной степени и продолжаетъ рости, особенно въ средѣ сельскихъ хозяевъ, дѣла которыхъ такъ много зависятъ отъ погоды. При такомъ положеніи, какъ нельзя болѣе кстати является изданіе серьезнаго популярно-научнаго журнала, посвященнаго этой юной отрасли физико-математическихъ наукъ. Мысль объ его изданіи возникла и осуществилась на VIII съѣздѣ естествоиспытателей въ 1890 году въ С.-Петербургѣ. Тутъ же были вне-

сены участниками съѣзда денежныя пожертвованія на веденіе дѣла, во главѣ котораго стали извѣстные представители русской метеорологіи, какъ-то: А. А. Тилло, проф. геологіи И. В. Мушкетовъ, П. И. Броуновъ, А. И. Воейковъ, Ф. Ф. Врангель, Н. А. Гезехусъ, К. Н. Жукъ и др.

Руководительство такой блестящей въ научномъ смыслѣ администраціи «Вѣстника» сказалось самымъ выгоднымъ образомъ на содержаніи этого изданія; цѣлый рядъ прекрасныхъ, серьезныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступныхъ статей по различнымъ вопросамъ метеорологіи, большею частью поясненныхъ чертежами, ежемѣсячные обстоятельные обзоры погоды въ Россіи съ картами, масса мелкихъ замѣтокъ, рецензій, рефератовъ и т. п. наполнили вышедшія до 1897 года книжки (72). Кромѣ того, всѣ новѣйшія изслѣдованія русскихъ ученыхъ нашли себѣ мѣсто, полностью или, большею частью, въ извлеченіяхъ, на страницахъ этого почтеннаго научнаго органа, поставившаго цѣлью ознакомленіе своихъ читателей съ успѣхами метеорологіи.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Gustave Lanson. De la litterature française. Paris. Librairie Hachette. 1896. «Исторія французской литературы» Лансона появляется четвертымъ изданіемъ и, несомнѣнно, успѣхъ сочиненія на этомъ не остановится. Книга — изумительный примѣръ, до какой степени западноевропейскій ученый можетъ совершенствоваться въ своей спеціальности, и по размѣрамъ эрудиціи, и по строгости и полнотѣ критической мысли. Въ настоящее время Лансонъ профессоръ литературы въ лицеѣ Louis-le Grand, имѣетъ докторскую степень; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ жилъ въ Россіи, успѣлъ познакомиться съ русскимъ языкомъ и новѣйшей русской литературой, вникъ даже отчасти въ нашу жизнь и исторію и вернулся во Францію съ большимъ запасомъ вполнѣ сознательнаго сочувствія къ нашему отечеству.

Очевидно, это французъ не совсѣмъ заурядный, и естественно судьба его ученыхъ трудовъ особенно любопытна. Для сравненія достаточно взять только что вышедшую *Исторію* и раннее произведеніе Лансона о въ высшей степени важномъ историко-литературномъ вопросѣ—о чувствительной комедіи *(Nivelle de la Chaussée et la comédie larmoyante)*. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ новѣйшаго сочиненія Лансонъ все еще рекомендуетъ читателю свою прежнюю работу, но читатель неминуемо будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе противорѣчіями, часто прямой непримиримостью взглядовъ въ той и другой книгѣ.

Лансонъ въ восьмидесятыхъ годахъ былъ чистымъ литераторомъ,—мы хотимъ сказать, не желалъ видѣть въ исторіи литературы ничего, кромѣ эстетическихъ вопросовъ, разныхъ литературныхъ жанровъ, біографіи и психологіи писателя. А между тѣмъ, ему пришлось писать объ эпохѣ преимущественно политической и о жанрѣ, еще у современниковъ получившемъ наименованіе *философскаго*, т. е. идейнаго общественно-просвѣтительнаго. Легко представить, сколько пробѣловъ и недоразумѣній допустилъ авторъ съ своей точки зрѣнія,—пробѣловъ, тѣмъ болѣе нежелательныхъ, что его книга до сихъ поръ остается единственнымъ спеціальнымъ сочиненіемъ о происхожденіи мѣщанской драмы во Франціи.

До какой степени Лансонъ усовершенствовался въ своихъ взглядахъ, показываетъ характеристика литературныхъ теорій Дидро, прежде и теперь. Разница такъ велика, что автору, рекомендуя свою прежнюю работу, слѣдовало бы оговориться на счетъ перемѣнъ въ своей критикѣ.

Раньше, говоря о связи драмы Лашоссе съ театромъ XIX вѣка, Лансонъ не считалъ нужнымъ опредѣлить мѣсто чувствительнаго драматурга въ философскомъ движеніи просвѣтительной эпохи, оцѣнить реформаторскій общественный смыслъ новаго мотива драмы—*чувства*—и привести въ связь морализирующее направленіе театра Детуша и Лашоссе съ проповѣдническими задачами энциклопедистовъ. Выходило, мѣщанская драма остается совершенно обособленнымъ явленіемъ философской эпохи. Чувствительные драматурги будто не играли никакой роли въ философской пропагандѣ, въ свою очередь философы ничего не сдѣлали для новой художественной литературы.

Въ результатѣ Лансонъ до крайней степени унижалъ Дидро какъ литературнаго критика, видѣлъ въ его эстетическихъ разсужденіяхъ одну реторику, по идеямъ будто бы предвосхищенную драматургами, не энциклопедистами.

Совершенно другія рѣчи читаемъ въ *Исторіи французской литературы*.

Здѣсь Лансонъ съ искренней почтительностью, какъ это и подобаетъ, излагаетъ извѣстныя предисловія и бесѣды Дидро о драматической поэзіи, находитъ его идеи «оригинальными и иногда замѣчательно справедливыми», и жалѣетъ, что съ такой блестящей *теоріей* Дидро не удалось самому написать выдающихся *поэтическихъ* пьесъ.

Лансонъ вполнѣ основательно видитъ въ лицѣ Дидро родоначальника современнаго реализма и даже отчасти натуральной школы, восхищается, именно за эти начатки, *Племянникомъ Рамо* и даетъ въ общемъ превосходную характеристику личности и таланта едва ли не симпатичнѣйшаго изъ всего созвѣздія энциклопедистовъ.

Уже это преобразованіе старыхъ взглядовъ автора свидѣтельствуетъ о его добросовѣстности и вдумчивости. И дѣйствительно, книга Лансона, *единственная* въ новѣйшей литературной исторіи Франціи, заслуживающая полнаго вниманія русскихъ читателей. По полнотѣ, основательности свѣдѣній, по обдуманности и безпристрастію сужденій, по строгости и сжатости формы съ нею нельзя и сравнивать реторическіе трактаты Брандеса, часто—по цѣлымъ страницамъ—переполненные школьными разсужденіями или безцѣльно многословнымъ изложеніемъ литературныхъ произведеній.

Брандесъ, при всей своей «либеральной» славѣ, никакъ не мо-

жетъ отрѣшиться отъ многочисленныхъ суевѣрій старыхъ французскихъ «профессоровъ реторики» (такая каѳедра, какъ извѣстно, существуетъ во французскихъ лицеяхъ) и безъ малѣйшаго смущенія повторяетъ пренаивные восторги ископаемыхъ литераторовъ предъ такими, напримѣръ, «геніальными поэтами», какъ Шатобріанъ, Беранже, Ламартинъ.

Къ сожалѣнію, эти восторги, въ сильнѣйшей степени благодаря книгамъ Брандеса, укрѣпились и въ нашей журнальной литературѣ: Беранже, напримѣръ, не особенно давно былъ увѣнчанъ вѣнкомъ гражданскаго мужества и самаго подлиннаго политическаго либерализма.

Лансонъ даетъ сильнѣйшія дозы противъ этого по истинѣ вредоноснаго культа. Характеристика Шатобріана прямо блестяща по остроумію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, психологической и исторической правдѣ. Нѣчто подобное мы знаемъ только въ прекрасныхъ *Критическихъ этюдахъ* Шерера и, можетъ быть, эти этюды въ извѣстной степени повліяли на Лансона.

Для русскихъ читателей особенно настоятельно точное представленіе о разныхъ герояхъ стараго эффектнаго демонизма и разочарованія. Давно пора разсчитаться съ этимъ, отнюдь не сплошь идеальнымъ явленіемъ, преимущественно въ нашей общественной жизни, отдѣлить правду отъ театральныхъ гримасъ, героевъ отъ досужихъ фигляровъ.

Однимъ изъ послѣднихъ и былъ французскій Ренэ. Любопытно было бы самому Брандесу, съ умилительнымъ простодушіемъ воспѣвающему доблести Шатобріана, ознакомиться съ нѣсколькими страницами французскаго историка. Особенно поучительна психологія «политическаго» таланта Ренэ, столь почтеннаго въ глазахъ датскаго критика.

Лансонъ не останавливается предъ самыми, повидимому, непріятными на французскій вкусъ, подробностями на счетъ «позы», эффектнаго «безкорыстія» и прекомичнѣйшей конкурренціи Шатобріана съ Наполеономъ. Очень тонко объяснена мечтательная mania grandiosa салоннаго демона и въ то же время удручающее безволіе и непониманіе всѣхъ смертныхъ, кромѣ собственнаго *я*. А исторію о томъ, какъ Шатобріанъ, за отсутствіемъ подлиннаго героизма въ своей личности и жизни, всѣми силами размалевывалъ совершенно пустяковинные эпизоды, въ интересахъ своей исключительности, и эта исторія—едва ли не правдивѣйшая глава въ біографіяхъ большинства разочарованныхъ горе-богатырей всѣхъ національностей.

Столь же безпощадна и правдива оцѣнка «идей» Шатобріана, вообще его умственныхъ способностей. Натура, жившая вообра-

женіемъ и эмоціями, не могла выработать особенно стройнаго, просто сколько-нибудь опредѣленнаго міросозерцанія. Всѣми этими отнюдь не идеальными качествами характера и таланта Шатобріана и объясняется его обширная популярность.

Это было, такъ сказать, *вульгаризованное* разочарованіе, доступное самымъ посредственнымъ мечтателямъ и фанфаронамъ. Именно нравственная безсодержательность и умственная банальность шатобріановскихъ произведеній сдѣлали его идоломъ свѣтскаго общества временъ реставраціи. Въ пессимизмѣ Ренэ было столь же мало дѣйствительной *философіи жизни*, сколько въ личной біографіи автора серьезной борьбы и нравственныхъ усилій. Повторялся фактъ, давно извѣстный въ исторіи французскаго общества.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ салонныя красавицы и болтуньи щебетали на философскія темы, нисколько не разсчитывая на фактическія послѣдствія своего словеснаго либерализма. Та же судьба постигла и разочарованіе въ началѣ слѣдующаго столѣтія въ той средѣ, гдѣ раньше не было искренней вѣры въ идею, а теперь ни малѣйшихъ основаній для отрицательнаго отношенія къ жизни, попрежнему праздной и вполнѣ комфортабельной.

Къ числу заслугъ Лансона слѣдуетъ отнести и вполнѣ трезвый взглядъ на дамское философствованіе въ эпоху энциклопедистовъ. Этотъ взглядъ, пожалуй, еще *оригинальнѣе* для современнаго французскаго ученаго и для многихъ русскихъ историковъ-компиляторовъ, прелаивнѣйшимъ образомъ повторяющихъ вздорную идею о необыкновенной важности салонной пропаганды просвѣщенія.

Характеристика Беранже у Лансона прямо образцова, и сущность ея примыкаетъ къ портрету Шатобріана.

Пресловутый chansonnier стяжалъ такую популярность среди низшихъ слоевъ французской націи, какой Ренэ наслаждался среди высшаго свѣта—и здѣсь дѣйствовали тѣ же средства: исключительная «посредственность» идей, способность какому угодно мотиву, начиная съ религіи и кончая политикой, дать «вульгарную» окраску. Лансонъ отдаетъ себѣ точный отчетъ въ такъ называемомъ «демократизмѣ» и, по мнѣнію нѣкоторыхъ простаковъ, даже «радикализмѣ» придворнаго пѣвца одного изъ типичнѣйшихъ Бонапартовъ—Луціана.

Извѣстно, какую смуту во французской политикѣ создалъ культъ Наполеона, направленный противъ реставраціи. А такъ какъ реставрація представляла реакціонное направленіе, то бонапартизмъ, въ силу чисто временнаго контраста и партійныхъ комбинацій, превратился въ либерализмъ. И Беранже пустилъ въ ходъ свою музу ради новаго идола, свидѣтельствовавшаго о жалкомъ уровнѣ политической мысли и безнадежномъ нравственномъ уровнѣ самыхъ запальчивыхъ «либеральныхъ» бойцовъ въ парламентѣ и печати.

Французскій историкъ безпощадно выставляетъ на видъ нехитрый бутафорскій арсеналъ, какимъ оперировалъ Беранже, всѣ эти специфическія реликвіи развѣнчаннаго цезаря: сѣрый сюртукъ, маленькая шляпа, «маленькій капралъ» и прочія «дѣтскія» игрушки. Лансонъ въ немногихъ словахъ даетъ уничтожающую характеристику всему міросозерцанію Беранже и—страшно сказать—прямо-таки вводитъ его въ сонмъ самыхъ заурядныхъ буржуа... Это положительный успѣхъ даже съ политической точки зрѣнія: бонапартисту, удостоившемуся почестей отъ правительства Наполеона III и въ сущности всю жизнь работавшему для возстановленія Бонапартовъ на тронѣ Франціи, слѣдуетъ, наконецъ, занять подобающее мѣсто.

Въ связи съ бонапартизмомъ дана правдивая характеристика и историческимъ трудамъ Тьера, одного изъ бардовъ Наполеона. Жаль только, что авторъ относительно самого героя держится нѣкоторыхъ иллюзій, и по очень странному поводу. Лансонъ говоритъ о Наполеонѣ, какъ ораторѣ, и находитъ возможнымъ серьезно относиться къ талантамъ императора въ этой области. Правда, онъ не скрываетъ плагіатовъ, банальностей, «клише», переполняющихъ знаменитые бюллетени Бонапарта. Но, во-первыхъ, вопросъ о плагіатѣ слѣдовало бы развить: Наполеонъ обкрадывалъ писателей не только для бюллетеней, но и для своихъ личныхъ писемъ, напримѣръ въ перепискѣ съ Жозефиной. А потомъ по части трескучей реторики и эффектныхъ шаблоновъ автору слѣдовало обратиться, помимо переписки, къ ораторскимъ упражненіямъ Наполеона, напримѣръ, въ государственномъ совѣтѣ. Въ этихъ рѣчахъ,—а именно онѣ только и могутъ быть причтены къ ораторству,—Лансонъ нашелъ бы не мало поучительныхъ образчиковъ. Достоинство ихъ во всѣхъ смыслахъ въ достаточной степени оцѣнено самимъ цезаремъ, по временамъ проявлявшимъ чисто казарменную откровенность и непосредственность корсиканскаго дикаря. «На моемъ мѣстѣ», обратился онъ разъ въ гнѣвѣ къ своимъ рабамъ, «я вижу, очень легко быть умнымъ»...

Но гораздо важнѣе другія недоразумѣнія, допущенныя авторомъ въ общемъ превосходной книги.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить главу о Монтескьё. Лансонъ, конечно, и здѣсь обнаружилъ обычную сдержанность и смѣлость критики. Ему ясны многіе недостатки знаменитаго *Духа законовъ*, до сихъ поръ фигурирующаго среди первоклассныхъ продуктовъ человѣческой мудрости. Даже Прудонъ, считающійся во французской политической литературѣ чуть ли не самымъ страшнымъ разрушителемъ, Монтескьё считаетъ великимъ умомъ. Лансонъ указываетъ нѣкоторыя спеціальныя средства, какими этотъ

великій умъ достигъ необычайной славы у своихъ современниковъ и даже современницъ. Авторъ отдаетъ должное пикантному элементу и образцовому, чисто салонному *esprit* французскаго Аристотеля. Лансону ясны и основные софизмы бывшаго адвоката, но совершенно неясенъ крупнѣйшій и по послѣдствіямъ пагубнѣйшій недостатокъ книги Монтескьё: извращеніе теоріи и практики англійской конституціи.

Ученіе о тройственномъ дѣленіи властей, легшее въ основу всѣхъ позднѣйшихъ французскихъ конституцій, основано у Монтескьё на чистѣйшемъ недоразумѣніи. Философъ просто не понялъ англійскаго политическаго механизма, увидѣлъ двѣ независимыхъ власти—исполнительную и законодательную тамъ, гдѣ существовала на самомъ дѣлѣ одна власть народнаго представительства, такъ или иначе располагавшаго судьбой «кабинета», т. е. правительства.

И недоразумѣніе Монтескьё вполнѣ понятно для тѣхъ, кто сколько-нибудь знакомъ просто съ его біографіей. Будущій авторъ знаменитой книги путешествовалъ въ молодости, жилъ, между прочимъ, и въ Лондонѣ, но повсюду изъ своего вояжа извлекалъ громадную дозу удовольствій и почти никакихъ поучительныхъ наблюденій. Лансонъ даже не упоминаетъ, напримѣръ, о *Notes sur l'Angleterre* Монтескьё. А между тѣмъ, знакомство съ ними необходимо для оцѣнки политическаго и философскаго генія Монтескьё вообще и *Духа законовъ* въ особенности.

Notes—сплошной пасквиль на англійскую націю, ея продажность, полнѣйшую безпринципность, безбожіе: у англичанъ всюду и всегда рѣшающая власть—деньги, о чести и добродѣтели они даже не имѣютъ представленія. Гражданская свобода Англіи—элементъ слабости, и Монтескьё предсказываетъ скорую, неминуемую гибель страны и народа...

Естественно,—послѣ такихъ результатовъ личнаго знакомства съ англійской жизнью, можно было впасть въ какія угодно недоразумѣнія и противорѣчія, и безсмертная одиннадцатая книга *Духа законовъ* не менѣе безсмертный образецъ слѣпоты и наивности. Пусть наши выраженія не кажутся чрезвычайно сильными. Не угодно ли оцѣнить слѣдующую тираду Монтескьё: «если бы исполнительная власть была ввѣрена извѣстному количеству лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго корпуса, свобода исчезла бы, потому что двѣ власти соединились бы въ одну».

А именно это и происходило и до сихъ поръ происходитъ въ Англіи: правительство—ничто иное, какъ парламентская коммиссія, существующая до тѣхъ поръ, пока это угодно нижней палатѣ, и свобода, повидимому, не исчезаетъ. Напротивъ.

Это только одно изъ многочисленныхъ bévues автора; ихъ не видитъ Лансонъ и, слѣдовательно, даетъ въ общемъ безусловно неудовлетворительную критику *Духа законовъ*.

Еще страннѣе, прямо невозможно для всякаго читавшаго книгу Монтескьё слѣдующее утвержденіе Лансона, будто философъ «съ глубокой искренностью высказывается противъ религіозныхъ преслѣдованій и становится адвокатомъ терпимости» (p. 714).

Это совершенная неправда.

Прочтите главу девятнадцатую книги тринадцатой. Здѣсь приводится нѣсколько фактовъ жестокости, вызванныхъ суевѣріемъ, и въ заключеніе говорится буквально слѣдующее:

«Je n'ai point dit ici qu'il ne fallait point punir l'hérésie; je dis qu'il faut être très circonspect à la punir», т. е.: «Я вовсе не говорю здѣсь, чтобы совсѣмъ не слѣдовало наказывать ересь, я говорю, что слѣдуетъ быть очень осмотрительнымъ въ наказаніяхъ».

Гдѣ же здѣсь искренняя защита терпимости?

Вообще разговоръ объ искренности Монтескьё совершенно праздный и неподходящій. Лансону стоило бы только внимательнѣе прочитать тѣ мѣста книги, гдѣ трактуются важнѣйшіе вопросы церковной и свѣтской политики, чтобы въ авторѣ *Духа законовъ* признать все, что угодно, только не искренне убѣжденнаго человѣка.

Достаточно сказать, что даже Екатерина принуждена была, компилируя свой «молитвенникъ», вносить поправки въ часто поразительное двоедушіе Монтескьё. Примѣровъ очень много. Возьмемъ два-три.

Какъ вы поймете, положимъ, разсужденіе о смертной казни—признаетъ ее авторъ или нѣтъ? Либеральныя соображенія онъ заканчиваетъ вдругъ упрекомъ по адресу нѣкоторыхъ греческихъ императоровъ, отказавшихся практиковать смертную казнь: «Они забыли, что не напрасно они носятъ мечъ» (livre VI, chap. XXI). Дальше, какъ поступить съ тѣлесными наказаніями? «Хорошій законодатель,—пишетъ Монтескьё,—выбираетъ средину, т. е. налагаетъ и денежныя, и тѣлесныя наказанія». То же самое стремленіе возможно удобнѣе усѣсться между двумя стульями и въ вопросѣ о безбрачіи католическаго духовенства.

Есть, кромѣ того, и прямыя отступленія отъ основныхъ идей общественной философіи XVIII-го вѣка, въ родѣ защиты продажи судебныхъ должностей, едва ли не тлетворнѣйшаго порока старой французской монархіи.

Вообще, слава Монтескьё должна быть подвергнута тщательному пересмотру, и Лансонъ обязанъ былъ внимательнѣе отнестись къ факту столь же быстраго исчезновенія популярности автора

Духа законовъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка, какъ и появленія ея. Въ связи съ этимъ Лансону настоятельно было оцѣнить позднѣйшее пробужденіе авторитета Монтескьё и вліяніе его на французскія хартіи.

Впрочемъ, послѣдній вопросъ не затронутъ, очевидно, вполнѣ сознательно. Лансонъ, начиная главу о «полемистахъ и ораторахъ», отказывается вдаваться въ исторію политическихъ и соціальныхъ явленій. Это большое неудобство именно для литературы XIX-го вѣка, и какъ разъ во Франціи. Лансонъ, конечно глубже и разностороннѣе, чѣмъ эстетическій Брандесъ, понимаетъ романтическую школу, но и у него недостаточно оцѣнены чисто политическія вліянія на теорію, практику и самое возникновеніе романтизма. Трудно удержаться отъ политики, когда чуть не каждый писатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ «дѣлаетъ политику» въ самомъ прямомъ смыслѣ, а Гюго даже пользуется политическими соображеніями и терминами современнаго парламентаризма въ своемъ литературномъ «манифестѣ» на зарѣ романтизма.

Съ большимъ интересомъ русскими читателями прочтутся краткія, но очень мѣткія характеристики современныхъ знаменитостей критики въ родѣ Леметра, Сарсэ, Брюнетьера. Оба первые оцѣнены въ общемъ справедливо, но послѣднему, на нашъ взглядъ, придано преувеличенное значеніе. Насколько можно судить по *книгамъ* Брюнетьера, это чрезвычайно основательный *знатокъ* литературы, но какъ цѣнитель ея, онъ не выше средняго уровня французскаго академика, искони весьма близкаго къ традиціонной фигурѣ педанта. Кромѣ того, у Брюнетьера нѣтъ почти критической индивидуальности: это типъ безукоризненно здравомыслящаго, умѣреннаго и въ сильнѣйшей степени банальнаго, хотя и очень образованнаго «классика» во французскомъ смыслѣ. Терминъ этотъ, какъ извѣстно, достаточно опредѣляетъ и общественный символъ французскаго литератора.

Не особенно также удачна у Лансона характеристика Тэна. И здѣсь можно привѣтствовать безпристрастное отношеніе автора къ одному изъ курьезнѣйшихъ явленій нашего конца вѣка, самой фальшивой славѣ, какую только видѣла многошумная французская словесность. Лансону ясна уродливость и безсмыслица тэновской критической «системы», но автору неизвѣстны философскія и литературныя хищенія, на которыхъ построена эта система. Онъ ни словомъ не упоминаетъ благодѣтелей крайне притязательнаго полиграфа, не имѣвшаго рѣшительно *своей* оригинальной идеи и только окрашивавшаго чужое достояніе въ кричащіе лубочные цвѣта фантастическихъ «формулъ» и «обобщеній».

Лансонъ, напримѣръ, очень почтительно отзывается объ Огюстѣ Контѣ,—почему же онъ не обратилъ вниманія, сколькими открытіями Тэнъ обязанъ этому философу и, между тѣмъ, не считаетъ нужнымъ даже и упоминать о немъ?

Но со стороны французскаго автора не малая заслуга въ простомъ осмысленномъ разборѣ тэновской работы. Можетъ быть,—его здравыя рѣчи произведутъ извѣстное впечатлѣніе на нашихъ компиляторовъ и воспроизводителей тэновскихъ фантасмагорій. Опять только слѣдуетъ замѣтить полное отсутствіе критики *историческихъ* трудовъ Тэна и оцѣнки его фигуры въ нравственно-общественномъ смыслѣ.

Въ заключеніе, укажемъ еще на одинъ пробѣлъ книги Лансона. Онъ по поводу всякаго писателя приводитъ библіографическія указанія: это очень цѣнно. Но, къ сожалѣнію, небрежность ли, или недостаточная начитанность автора допускаютъ его дѣлать многочисленные и часто непозволительные пропуски. Напримѣръ, о Деместрѣ указана довольно посредственная брошюра изъ извѣстной *Коллекціи великихъ французскихъ писателей* и не названа работа Paulham'a; о первостепенномъ историкѣ Огюстенѣ Тьерри не названо ни одной статьи.

Правда, ихъ очень мало, и до сихъ поръ едва ли не самой обширной остается на французскомъ языкѣ академическая рѣчь Guigniaut. О Минье также нѣтъ указаній, хотя существуетъ сочиненіе Эдуарда Пети, кромѣ статьи С. Симона. Особенно прискорбенъ пробѣлъ относительно почти забытаго, но когда-то въ высшей степени извѣстнаго журналиста Paul Louis Courier. А между тѣмъ, о немъ, помимо обширной статьи Арманъ Карреля, который—въ свое время журналистъ блестящій и вліятельный—совсѣмъ пропущенъ Лансономъ,—существуетъ статья Сентъ-Бёва (*Causeries des lundi*, tome VI), довольно подробная характеристика у Nettement'a въ *Histoire de la littérature française sous la Restauration*, tome I).

Эти указанія были бы именно тамъ необходимы, гдѣ рѣчь самого автора очень скупа и кратка. Какъ разъ это случаи съ историками и журналистами.

Несмотря на указанные недостатки, мы съ особенной готовностью рекомендуемъ сочиненія Лансона русской публикѣ. Слѣдуетъ также пожелать перевода ея и на русскій языкъ, при условіи, если будутъ сдѣланы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соотвѣтствующія примѣчанія и нѣкоторыя дополненія.

Ив. Ив.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The origin, Meaning and application of the Monroe Doctrine*» (*Henry Allemus*). *Philadelphia.* (*Происхожденіе, значеніе и примѣненіе доктрины Монрое*) *by J. B. Macmaster.* Знаменитая доктрина Монрое въ настоящее время снова выдвигается на первый планъ въ Америкѣ; поэтому маленькая книжка, въ которой излагается это ученіе, представляетъ несомнѣнно современный интересъ. (Bookseller).

«*Solidarité*» *par Léon Bourgeois* (*Armand Colin et C°*). (*Солидарность*). Названіе брошюры уже указываетъ читателю, что въ ней должна идти рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ индивидовъ и объ отношеніяхъ государства къ обществу. Авторъ говоритъ, что основательное изученіе условій, опредѣляющихъ эти отношенія и оказывающихъ на нихъ вліяніе, а также предѣловъ этихъ отношеній, безусловно необходимо для того, чтобы соціальная проблема была поставлена на прочныя основанія. По мнѣнію автора, всѣ соціальныя отношенія опредѣляются тѣмъ взаимнымъ договоромъ, который самою природою вещей устанавливается между индивидомъ и обществомъ. (Bookseller).

«*Curiosities of Law and Lawyers*» *by Croake James* (*Low Marston and C°*). (*Адвокатскіе курьезы*). Этотъ сборникъ, въ которомъ собраны всѣ курьезы, относящіеся къ области законовъ и адвокатской практики, выходитъ уже четвертымъ изданіемъ. Книгу можно прочесть съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ она даетъ понятіе о положеніи адвокатуры въ Англіи и объ англійскихъ законахъ. (Bookseller).

«*An Outline of Psychology*», *by Edward B. Titchener* (*Macmillian and C°*). (*Очерки психологіи*). Въ книгѣ собраны публичныя лекціи по психологіи, читанныя авторомъ въ «Cornell University» и могущія служить прекраснымъ руководствомъ для всѣхъ, приступающихъ къ изученію психологіи. (Bookseller).

«*Elements of General Philosophy*» *by George C. Robertson* (*John Murray*). (*Элементы общей философіи*). Одна изъ слушательницъ и послѣдовательницъ покойнаго профессора Робертсона собрала и издала его лекціи общей философіи. Эти лекціи очень интересны и даютъ полное понятіе объ исторіи развитія западной философіи, начиная отъ грековъ до нашего времени. (Bookseller).

The Law of civilization and Decay». *An Essay on History, by Brooks Adams. New edition, revised and enlarged. New-York* (*Macmillian and C°*). (*Законы цивилизаціи и упадка*). Въ высшей степени интересная и оригинальная книга. Авторъ отвергаетъ всѣ заключенія и общепризнанные выводы и необыкновенно увлекается парадоксами, и надо ему отдать справедливость,—онъ умѣетъ также увлечь и читателя. Мысли, высказываемыя авторомъ, очень оригинальны и слогъ блестящій, такъ что книгу его прочтетъ съ большимъ интересомъ даже тотъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ на историческій ходъ прогресса. Во всякомъ случаѣ, книга наводитъ на размышленія, хотя мы и не можемъ назвать ее ученымъ историческимъ трудомъ, и многое въ ней заслуживаетъ серьезныхъ возраженій. (Daily News).

«*Miss Cherry Blossom of Tokyo*» *by J. L. Long* (*John Macqueen*). (*Японская повѣсть*). Авторъ основательно знакомъ съ японскою жизнью и характеромъ японскаго народа. Повѣсть его представляетъ совершенную противоположность тѣмъ поверхностнымъ описаніямъ и очеркамъ японскихъ нравовъ, которыхъ появилось такое множество

*

на европейскомъ литературномъ рынкѣ въ послѣднее время. Героиня автора—современная японская женщина, воспитывавшаяся въ теченіе пяти лѣтъ въ Америкѣ, составляетъ полную противоположность извѣстной «Кризантемъ» Пьера Лоти. Въ этой героинѣ авторъ превосходно изобразилъ смѣсь привитыхъ современною цивилизаціей воззрѣній съ врожденными наклонностями и свойствами восточной женщины. (Literary World).

«*Fifty Years of Newspaper Work*» *by G. A. Cooper (Macmillan).* (*Пятьдесятъ лѣтъ газетной работы*). Авторъ, извѣстный англійскій журналистъ, издалъ свои воспоминанія, заключающія довольно богатый матеріалъ для исторіи періодической печати въ Англіи. (Daily News).

«*Governments and Partées in Continental Europe*» *by A. L. Lowell* (*Longman and C°*). (*Правительства и партіи въ Европѣ*). Очень добросовѣстное изслѣдованіе французской, итальянской, германской, австровенгерской и швейцарской конституціи. Если съ нѣкоторыми воззрѣніями автора на отношенія партій, особенно въ Австро-Венгріи, и нельзя согласиться, то, во всякомъ случаѣ, надоему отдать справедливость,—онъ тщательно старался выяснить ихъ и утвердить ихъ на историческихъ основахъ. (Literary World).

«*The Sultan and the Powers*» *by Canon Malcolm Mac Coll* (*Songman*). (*Султанъ и державы*). Авторъ—сторонникъ воззрѣній Гладстона и горячо возстаетъ противъ политики невмѣшательства въ турецкія дѣла. Онъ описываетъ современное положеніе Турціи крайне мрачными красками и указываетъ на него, какъ на пятно, лежащее на европейской цивилизаціи. (Daily News).

«*Histoire d'un Esprit*» *par E. Duclaux.* (*Исторія одного ума*). Авторъ поставилъ себѣ задачей выяснить какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ генезисъ научныхъ открытій Пастера. Онъ указываетъ, что научная жизнь Пастера представляла одно гармоническое цѣлое, являясь логическимъ развитіемъ единой идеи, изъ которой и вытекали всѣ остальныя. Дюкло старается прослѣдить постепенное развитіе этой мысли и отраженіе ея во всѣхъ открытіяхъ и трудахъ Пастера. (Revue de Paris).

«*Prehistorie Man and Beast*» *by Rev. H. N. Hutchinson, Author of «Extinct Monsters»* (*Smith, Elder and C°*). (*Доисторическій человѣкъ и животныя*). Авторъ «Вымершихъ чудовищъ» собралъ въ этой книгѣ результаты своихъ долгихъ изысканій и изслѣдованій въ области исторіи первобытнаго человѣчества. Не смотря на научный характеръ, книга написана интересно, простымъ языкомъ и можетъ разсчитывать на широкій кругъ читателей. (Daily News).

«*Woman undes Monasticism*», *Chapters on Saint Lore and convent Life betiveen A. D. 500 and A. D. 1500. By Lina Eckenstein. Cambridge. University Press.* (*Женщины въ монашествѣ*). Это сочиненіе представляетъ въ высшей степени добросовѣстный трудъ, явившійся результатомъ истинной любви къ наукѣ и очень серьезныхъ историческихъ изслѣдованій. Авторъ указываетъ, какимъ потребностямъ интеллектуальной, нравственной и эмоціональной жизни удовлетворяла монастырская жизнь въ средніе вѣка. Кромѣ того, въ теченіе многихъ вѣковъ монастырская жизнь была главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ экономическое положеніе женщины, такъ какъ давала ей возможность приложить къ дѣлу свои слабыя силы и выводила ее изъ положенія домашней невольницы или игрушки. Монастырскія женщины также рѣзко распадаются на двѣ категоріи, олицетворяющія типъ Марѳы и Маріи. Книга эта проливаетъ свѣтъ на многія стороны средневѣковой жизни и на отраженіе ея спеціально въ женскихъ монастыряхъ. (Daily News).

«*Race Traits and tendencies of the american Negro*» *by Frederick L. Hoffman* (*American Economie association*). (*Расовыя черты и наклонности американскихъ негровъ*). Авторъ посвящаетъ книгу величайшей проблемѣ американской жизни, негритянскому вопросу, къ которому примѣшивается столько расовыхъ предубѣжденій и предвзятыхъ мнѣній, что рѣшеніе его представляется въ высшей степени труднымъ. Авторъ изучаетъ негритянскій вопросъ съ точки зрѣнія антропологіи и статистики, стараясь выяснить, по возможности, настоящее и будущее негритянской расы. (The Citizen).

«*The Populist Movement*». *By F. L. M. C. Vey (American Economie association).* (*Популистское движеніе*). Небольшая книжка, въ которой излагается исторія и тенденціи народнаго движенія въ Америкѣ. Большинство европейскихъ читателей, по всей вѣроятности, мало знакомо съ этимъ движеніемъ, представляющимъ одно изъ выдающихся явленій современной американской жизни, поэтому такая книга непремѣнно

должна обратить на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто интересуется всѣми экономическими и соціальными явленіями.

(Daily News).

«*On the Face of the Waters*», *by Flora Annie Steel (William Heinemann).* (*Надъ водою*). Индійское возмущеніе представляетъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ современной исторіи, которые даютъ богатый матеріалъ художникамъ, беллетристамъ и историкамъ. Но въ большинствѣ случаевъ авторы, берущіе свои сюжеты изъ этой эпохи, разсматриваютъ ее съ очень односторонней и подчасъ предвзятой точки зрѣнія. Авторъ названной книги, въ которой описываются различные эпизоды индійскаго возстанія, старается по возможности отрѣшиться отъ предубѣжденій, свойственныхъ англійскимъ писателямъ, и изобразить событія, согласно исторической правдѣ. Авторъ доискивается причинъ, вызвавшихъ такое внезапное превращеніе простодушныхъ индусовъ и беззаботныхъ мусульманъ въ необыкновенно яростныхъ враговъ, заставившихъ англичанъ пережить трудныя минуты и подвергнувшихъ опасности даже самое существованіе британской имперіи. Разсказъ написанъ въ беллетристической формѣ и читается съ захватывающимъ интересомъ.

(Literary World).

«*Was war's und was wird werden?*» *von d-r M. Ehrmann. Wunderling Regensburg.* (*Что было и что будетъ*). Небольшая книжка, касающаяся важнѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ настоящаго времени, заключаетъ цѣлую философскую систему, оригинальность которой нельзя отрицать, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживается глубина мысли. Вообще, не смотря на небольшой объемъ книги, въ ней заключается не мало интересныхъ страницъ, наводящихъ на размышленія.

(Jonrnal des Débats).

«*Politique et Gouvernement*», *par Eugène Rérre.* (*May et Motterz*). (*Политика и правительство*). Авторъ изслѣдуетъ въ этой книгѣ великія проблемы современной общественной и политической жизни, стараясь при этомъ руководствоваться «идеею справедливости», которую онъ дѣлаетъ исходною точкою всѣхъ своихъ сужденій и выводовъ.

(Journal des Débats).

«*L'Irlande au dix neuvième Siècle: O'Connel, ses alliés et ses adversaires*», *par L. de la Faye* (*Blond et Barral*). (*Ирландія въ XIX вѣкѣ*). Книга написана съ цѣлью выяснить личность великаго ирландскаго патріота О'Коннеля, въ которомъ воплощается душа Ирландіи XIX вѣка. Страницы этой книги дѣйствительно могутъ дать читателю довольно полное представленіе о жизни и дѣятельности одного изъ благороднѣйшихъ героевъ исторіи, честнаго и неутомимаго борца за идею, посвятившаго всю свою жизнь и всѣ свои силы этой борьбѣ.

(Journal des Débats).

«*The civilisation of Ourday*», *Edited by James Samuelson.* (*Sampson Low and C°*) *1896.* (*Современная цивилизація*). Книга заслуживаетъ вниманія политиковъ и всѣхъ тѣхъ, кто интересуется прогрессомъ міра. Она заключаетъ рядъ статей, касающихся различныхъ и важнѣйшихъ фазъ современной цивилизаціи. Каждая статья написана авторомъ, пользующимся авторитетомъ въ данной области. Къ статьямъ приложены портреты выдающихся дѣятелей, способствующихъ движенію современнаго прогресса, рисунки и изображенія главныхъ изобрѣтеній и научныхъ открытій, карты желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ и т. д. Книга посвящена не одному только матеріальному прогрессу, а также интересуется и духовною стороной этого вопроса. Въ ней можно найти статьи, относящіяся къ вопросамъ воспитанія журналистики и трактующія о библіотекахъ и музеяхъ, цивилизующемъ вліяніи выставокъ, популяризаціи искусствъ и т. д. и, наконецъ, о нашемъ познаніи природы и роли разума въ религіи. Послѣдняя статья написана проф. Максъ Мюллеромъ, превосходный портретъ котораго помѣщенъ тутъ же. Проф. Максъ Мюллеръ считаетъ одною изъ самыхъ выдающихся чертъ нашей цивилизаціи тѣ перемѣны, которыя произошли въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и наклонностяхъ народовъ. Эти черты выразились какъ нельзя болѣе ясно на конгрессѣ религій въ Чикаго, гдѣ впервые было объявлено во всеуслышаніе, что «всѣ религіи—истинныя». Вообще, всѣ статьи, помѣщенныя въ этой книгѣ, не смотря на свой небольшой объемъ, заключаютъ много интереснаго матеріала и свѣдѣній.

(Daily News).

«*Through Jungle and Desert: Travels in Eastern Africa*», *by William Astos Chánler. With Illustrations and Photographs taken by the Authos and Maps.* (*Черезъ джунгли и пустыни; путешествіе по Восточной Африкѣ*). Это разсказъ о двухгодичномъ пребываніи въ области рѣки Таная и ея изслѣдованіяхъ. Авторъ разсказываетъ много интереснаго о странѣ и ея обитателяхъ и описываетъ свои приключенія и опасности,

которымъ онъ подвергался въ африканскихъ дебряхъ и пустыняхъ.
(Daily News).

«*Essays and Notices, Philosophical and Psychological*». *By Thomas Whittaker (Fisher Unwin). (Опыты и замѣтки, философскія и психологическія).* Современный культурный человѣкъ, желающій познакомиться съ новѣйшими теоріями по философіи исторіи, но не имѣющій ни времени, ни нужной подготовки для изученія Гегеля, Канта и др. найдетъ въ этой книгѣ прекрасное и вполнѣ ясное изложеніе философскихъ ученій и можетъ вполнѣ удовлетворить свою любознательность. Точно также тѣ, кто интересуется Джіордано Бруно и его философіей, могутъ составить себѣ какъ о личности философа, такъ и о его ученіи довольно ясное понятіе, на основаніи изложенія автора. Серьезнымъ недостаткомъ книги является отсутствіе указателя.
(Athaeneum).

«*Consider the Heavens*». *A popular introduction to Astronomy. By M-r Steadman Aldis (Religions Tract Society) (Смотри на небо; популярное введеніе въ астрономію).* Въ послѣднее время появилось чрезвычайно много популярныхъ сочиненій по астрономіи, указывающихъ, что публика очень интересуется этими вопросами. Названная книга принадлежитъ къ числу именно такихъ сочиненій и написана такъ хорошо и популярно, что вполнѣ заслуживаетъ распространенія. Вообще въ ней заключается много интересныхъ новыхъ фактовъ, касающихся науки о звѣздномъ мірѣ. Къ книгѣ приложены многочисленныя и очень хорошо исполненныя иллюстраціи. (Athaeneum).

«*The New History (Tarikh-I-Iadid) A Circumstantial Account of the Babi movement in Persia from its first beginnings till the death of the Founder*». *By Edward G. Browne. (Новая исторія; подробный разсказъ о возникновеніи въ Персіи движенія бабидовъ, отъ начала появленія этой секты до смерти ея основателя).* Исторія секты бабидовъ разсказана въ этой книгѣ съ большими подробностями и даетъ читателю очень полное понятіе о восточной жизни и характерахъ. (Athaeneum).

«*Analytic Psychology*», *by G. F. Stout. Library of philosophy (Iwan Sonnenscheïn and* C°). (*Аналитическая психологія*). Подъ этимъ общимъ названіемъ выходитъ рядъ отдѣльныхъ сочиненій въ двухъ и болѣе томахъ, написанныхъ различными авторами по разнымъ вопросамъ. Въ вышедшихъ уже книгахъ этой «философской библіотеки» помѣщены: Исторія философіи, исторія эстетики, развитіе теологіи со временъ Канта, философія и политическая экономія, кажущееся и реальное, естественныя права и логика. Авторы этихъ книжекъ принадлежатъ къ числу вполнѣ компетентныхъ лицъ въ области обсужденныхъ вопросовъ.
(Athaeneum).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го декабря 1896 г. по 15-е января 1897 года.

Грибовскій. Народъ и власть. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Изд. М. Н. Водовозовой. М-ва. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Изд. 2-ое. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Ив. Бунинъ. На край свѣта. Разсказы. Изд. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 р.

М. Бѣлоконскій. Народное начальное образованіе въ Курской губ. Курскъ. 1897. Съ діаграммами и картограм.

Проф. Колеръ. Право, какъ элементъ культуры. Изд. Гросмана и Кнебеля. Москва. 1896 г. Ц. 20 к.

Багешотъ. Научные законы развитія народовъ. Хар. 1896. Ц. 75.

Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе газеты. Изд. Юровскаго. «Междунар. библіот.» Спб. 1896. Ц. 15 к.

Лещинскій. Краткій конспектъ методики ариѳметики. Оредъ. 1896. Ц. 30 к.

Ратгаусъ. Пѣсни сердца. Стих. 1893—1897. М-ва. 1897. Ц. 1 р.

Менделевичъ. Святочныя поэмы. М-ва. 1897. Ц. 50 к.

Герасименко. Миньятюры. Наброски и разсказы. Хар. 1896. Ц. 1 р.

Кроль. Охотничье право у забайкальскихъ бурятъ. Ирк. 1895.

Его же. Новосенгелинскъ. Ирк. 1896.

Его же. Очеркъ экономическаго быта инородцевъ. Ирк. 1896.

Его же. О забайкальскихъ бурятахъ.

Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Спб. 1896. Ц. 3 р.

М. І. Загарадзе. Значеніе Грибоѣдова въ умств. разв русскаго общества. Вліяніе монгольс. ига 1895. 40 к.

Его же. Краткій очеркъ исторіи греческой философіи. Вып. І. Кутаисъ. 1896. Ц. 40 к.

Ч. Дарвинъ. Выраженіе душевныхъ волненій. Прилож. къ «Научному Обозр.». 1896.

С. Сергѣевъ. Вопросы русской промышленности. «Библіотека общ. знаній». Одесса. 1897. Ц. 40 к.

В. В. Бобынинъ. Изслѣдованія по исторіи математики. II и III. Изд. ред. журнала «Физ.-мат. науки». М-ва. 1896. Ц. 1 р. 50 к. за III и 50 за II.

В. Тенишевъ. Позоръ цивилизаціи; по поводу турецкихъ дѣлъ. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Е. В. Введенская. Ради дѣтей. Спб. 1897. Ц. 1 р.

П. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. Т. І. Вып. І.

Ф. М. Гольмсъ. Великіе люди и ихъ произведенія. Изд. Поповой. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Ч. Бэрдъ. Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ нов. мышленію и знанію. Изд. Поповой. 1897. Ц. 1 р. 25 к.,

Поволжье, Пріуралье и лечеб. степи. Изд. Сурина. Казань. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Изд. Сурина. 1896. Ц. 1 р.

Для путешествующихъ по Европейской Россіи и Азіи. Изд. Сурина. Каз. 1896. Ц. 75 к.

Путеводитель по Волгѣ, Камѣ и др. Изд. Сурина. Каз. Ц. 75 к.

Поѣздки къ бывшимъ Волжскимъ столицамъ. Изд. Сурина. Каз. 1896. Ц. 75 к.

Минье. Исторія франц. революціи. Перев. Арсеньева. Изд. Поповой. 1897. Ц. 1 р.

Бенжаменъ Кидд. Соціальная эволюція. Изд. Поповой. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳ. С. Матвѣевъ. Къ 25-лѣтію дѣятельности народнаго учителя В. Я. Абрамова. Спб. 1897.

Проф. Эм. Науманъ. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Вып. І, II и III.

Даніэль де Фо. Робинзонъ Крузо. Перев. съ англ. П. Канчаловскаго. М-ва. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

П. Злотчанскій. Погода и предсказанія ея. Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Журавская. 100 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Д. И. Тихомировъ. Записки о губерн.

краткосрочныхъ педач. курсахъ въ Твери. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе». М-ва. 1896. Ц. 1 р.

П. Федотьевъ. Добываніе поташа изъ золы. «Общедост. и дешев. библ. сельскохоз. техн.». Вып. II. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Маминъ-Сибирякъ. Исповѣдь. Спб. 1897.

Андрей Богдановъ. Побѣги. Стихот. 1891—1894. Пенза. 1896. Ц. 50 к.

Н. И. Наумовъ. Собраніе сочиненій. Т. I и II. Изд. Поповой. 1897. Ц. 3 р.

Сибирское переселеніе. Спб. 1896

Л. С. Закъ. Народныя переписи. Общедоступный очеркъ. «Библіот. общ. знаній». Одесса. 1897. Ц. 30 к.

В. В. Рахмановъ. Общедоступный лечебникъ. Изд. «Посредника». Ц. 60 к.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Вологдѣ съ 1895—1896 г.

Изъ дѣятельности москов. город. участк. попечительствъ о бѣдныхъ за 1-ый годъ ихъ существованія.

XXIV годовой отчетъ Петровскаго Общества вспомож. бѣднымъ.

Значеніе Н. И. Лобачевскаго для Имперъ Каз. универс. Рѣчь, произнесенная въ день открытія памятника проф. А. Васильевымъ.

Торжество открытія памятника Лобачевскому въ Казани. 1896.

О воздѣлываніи льна. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

Сортировка для отбора зеренъ въ крест. хозяйствѣ. Кормовыя средства для скота. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

Лукъ рѣпчатый и порей. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

Гордые люди. Повѣсть. Изд. «Посредника». Ц. 10 к.

Самойловичъ. Трубадуръ. Повѣсть. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

Вѣрное средство. Изд. «Посредника. Ц. 1½ к.

Новый способъ быстраго разведенія яблонь. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

Валерій Брюсовъ. Chefs d'oeuvres. 2-е изд. 1896.

Его же. Me eum esse. Новая книга стиховъ. М-ва. 1897.

Е. И. Борисовъ. Систематическій сводъ постановленій елизаветгр. уѣзд. земс. собраній за 1865—1895.

Марко Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I и II. Ц. 1 р. 50 к. и 1 р. за томъ.

Р. Киплингъ. Разсказы для дѣтей. Книжка вторая. Пер. Рождественской. Ц. 40 к.

Столѣтовъ. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Изд. жур. «Русская Мысль». 1897.

М. Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Ч. I. Пер. Джунковскаго. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Крейцерова соната исполнителя. Записки Трухачевскаго. 1897. Ц. 50 к.

М. Ильинскій. Народы земного шара и его раздѣленіе на племена съ обозначеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Изд. Риккера. 1897.

Вильгельмъ Вундтъ. Очеркъ психологіи. Пер. Д. В. Викторовъ подъ ред. проф. Н. Л. Грота. Изд. Москов. Психол. Об-ства. Ц. 1 р. 50 к.

К. Фламмаріонъ. Живописная астрономія. Пер. Предтеченскаго. Изд. Павленкова. Ц. 3 р.

Д. Блэкъ. Мозговая работа и переутомленіе. Съ англ. Изд. Павленкова. Ц. 30 к.

Орловъ. Платонъ. Жизнь замѣчат. людей. Изд. Павленкова. 1896. Ц. 25 к.

Фэдо. Научныя забавы. Пер. Предтеченскаго. Изд. Павленкова. Ц. 60 к.

Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848 — 1892. III изд. Ц. 2 р.

Р. Вормсъ. Общественный организмъ (Organisme et société). Пер. съ фр. подъ редакціей Трачевскаго. Изд. Павленкова. Ц. 75 к.

25-лѣтіе коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. Подъ ред. дирек. кол. Степовича.

Ч. Дарвинъ. Измѣненіе животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи. Прилож. къ жур. «Научное Обозр.».

Лѣченіе электрическимъ свѣтомъ.

Д. Леклеръ. Историческій очеркъ Нижег. испр. колоніи для малолѣт. Ц. 20 к.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

OCT 4 - 1966 3 3
RECEIVED
OCT 7 '66 -5 PM
LOAN DEPT.
MAR 12 1970 8 7
APR 3 1970

LD 21A-60m-7,'66
(G4427s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636631